

Рис. 6-1-12 57
Рисунки 16-37
1900

Н О В Ъ И
М И Р

Н О В Ъ И М И Р

1953

3

1953

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXIX

№ 3

Март, 1953 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. ГЕОРГИЕВСКАЯ — Отрочество, повесть	3
ПЕТРУСЬ БРОВКА — Осень, стихи. Перевод с белорусского Бориса Иренина	76
НИК. УШАКОВ — Счастье, стихи	77
Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ — Из записок агронома	78
Н. СТАРШИНОВ — Руки моей любимой, стихи	113
ЮРИЙ НАГИБИН — Зимний дуб, рассказ	114
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН — Месяц в пятом районе	121
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
Н. ФЕРЕ — Мой учитель	145
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
В. ПОЗНЕР — Кто убил Баррела? Окончание. Перевод с французского Л. Лунгиной и К. Наумова.	168
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. ЛЕОНТЬЕВ — Враги национальной свободы и независимости	198
М. ЮРЬЕВ — Восстание тайпинов	210
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ДМИТРИЙ НАГИШКИН — О сказке	218
Н. К. ГУДЗИЙ, В. А. ЖДАНОВ — Вопросы текстологии	232
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	243
П. Трофименко. Белорусские рассказы. — Е. Гальперина. Голоса индийского народа. — Н. Капиева. Сердечная книга. — М. Азадовский. Записки И. Д. Якушкина и комментарий к ним. — Л. Боровой. Начало положения. — Г. Маргвелашвили. Под влиянием теории «единого потока».	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	264
Б. Петров. За боевой экономический журнал.— Подполковник А. Боженко. Хроника героической борьбы.— М. Давыдов, М. Леснов. Небрежное отношение к большой теме.— Л. Степанов. Обличение южноафриканских расистов.— И. Забелин. По чужим странам.	
ПЕЧАТЬ СССР ЗА 35 ЛЕТ	278
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (январь—февраль 1953 года)	285

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

★

ОТРОЧЕСТВО

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Сегодня был день первого, так называемого «родительского» дежурства Галины Андреевны.

Раздевшись внизу, в школьной раздевалке, она наскоро пригладила волосы и поднялась наверх по широкой пологой лестнице.

Вокруг было совсем тихо — шёл урок.

Галина Андреевна слышала эхо своих шагов, казавшихся особенно громкими в хрупкой, готовой каждую минуту прорваться, словно насто-рожившейся тишине.

В коридоре было тепло. Под каждым подоконником чуть слышно тренькали трубы парового отопления. На одном из окон даже росли кактусы: с краю стоял большой — в большом горшке, а рядом целая шеренга средних и маленьких — круглые и продолговатые головки с усиками и бровками.

Галина Андреевна на ходу потрогала землю в горшках. Холодная струя воздуха коснулась её руки. От окошка дуло.

Она вынула записную книжку, поставила № 1, а рядом написала: «Дует от окна».

Стараясь не стучать каблуками, она прошла по навощённому паркету коридора и остановилась перед дверью с надписью: «Учительская».

Дверь была наполовину застеклена. Галина Андреевна уже хотела было её толкнуть, но остановилась, увидев сосредоточенное лицо учительницы, сидевшей за столом. Седая голова склонилась над книгой. На столе лежала цветная репродукция — Пушкин-лицеист читает стихи Державину. «Ах да, им на сегодня задана биография Пушкина», — вспомнила Галина Андреевна.

Не подозревая, что на него смотрят, шагал по комнате за спиной учительницы классный руководитель сына Галины Андреевны — Александр Львович Онучин. Он шагал задумчиво, улыбаясь чему-то, немного грузный, совершенно штатский, несмотря на свою военную гимнастёрку со следами недавно отпоротых погон.

Подсмотрев неволью его улыбку, Галина Андреевна быстро отошла от двери, чтобы не мешать людям, занятым своим делом и своими мыслями.

Так и не зайдя в учительскую, она прошла дальше.

С обеих сторон коридора поблёскивали свежим лаком коричневые, недавно окрашенные двери с надписями: «Физический кабинет», «Географический кабинет», «Мичуринский уголок»...

Она легонько толкнула крайнюю дверь и остановилась на пороге.

Мичуринский уголок жил тихой зелёной жизнью, поразившей Галину Андреевну. Свет, шедший через окошко, казался зелёным. На подоконни-

ках, на полках, на подставках стояли горшки и горшочки. Вдоль комнаты тянулись ящики с недавно высаженной пшеницей. Зелень была робкая, зимняя, чуть желтоватая. Галина Андреевна была тронута видом щепочек, подпиравших хрупкие стебли, и не столько щепочками, сколько мыслью о кропотливом, многодневном труде ребят, потраченном на то, чтобы вырастить каждый из этих зелёных стебельков.

Она бы, наверно, ещё постояла тут, на пороге этой комнаты, где на встречу ей рвался из распахнутых дверей свежий и острый запах растений, запах недавно политой земли, как вдруг ей послышались какие-то странные звуки, хлюпанье, вздохи, — нет, всхлипывание... Да, несомненно, — всхлипывание.

Где же это плачут? В «живом уголке», что ли? Галина Андреевна решительно шагнула к соседней двери, распахнула её и сейчас же увидела мальчика лет десяти. Он сидел на корточках перед клеткой с кроликом и, всхлиывая, кормил зверька морковкой. На рукаве у него была красная повязка.

— Что случилось? — спросила Галина Андреевна.

Он молчал.

— Ну, что?.. Двойку схватил?

Он всхлипнул.

— Подрался, да?

Не ответив, он повернул к ней лицо, залитое слезами, и с негодованием помотал головой.

Галина Андреевна вздохнула от жалости. Взяв мальчика за обе руки, она подтянула его кверху и поставила перед собой, придерживая за локти.

И тут рука её неожиданно нащупала у него на рукаве дыру — небольшую, в мизинец длиной, прорешку. Курточка была новая, вельветовая, с накладными карманчиками. Всё стало ясно.

— Где это тебя угораздило?

Он всхлипнул.

— Я, я... А тут гвоздь...

Как хорошо, что у неё в сумке всегда есть иголка!

— Снимай! — сказала Галина Андреевна.

Одну минуточку! А нитка? Где нитка?! Нитки нет. Но вот тут же она лежала, чёрненькая, навёрнутая на кусочек бумаги... Ага, вот. Свалилась на дно сумки. Хорошо. А где же очки? Очки она забыла.

— Вдень-ка! Умеешь?

Сопя и всхлиывая, он вдел нитку в иголку. Отставляя работу подалее от дальнзорких глаз, она быстро и ловко зашивала прореху. Ничего — вельвет: прочная основа и ворсистая правая сторона. Даже и заметно не будет.

Он смотрел на куртку поверх её рук. Оба молчали. Было слышно затихающее всхлипывание.

— Всё! — наконец сказала Галина Андреевна. — Надевай.

Он снова всхлипнул.

— Чего же ты плачешь? Не видно.

— Ви-дно!..

— Да говорят же тебе: совсем незаметно! Вот, право, какой! Дежуришь?

— Угу.

— Я тоже дежурю.

Наверху, где-то под самым потолком, послышалось царапанье. В проволочном глазке сетки показалась острая и подозрительная морда ежа. Влажный чёрный пятак его носа выражал злость и энергию. Зачиркал лапками и ушёл в глубь клетки, превращаясь на ходу в колючий шар.

— Тимофей, брось дурить. — тихо и сурово сказал мальчик.

Скрывая улыбку, она поглядела на него, коснулась ладонью стриженного, круглого затылка и вышла на лестницу.

Может быть, пройти в географический кабинет?

Но ей почему-то не захотелось идти дальше. Темнело. Из лестничного окна шёл тусклый свет улицы.

Растворяясь в глубине коридора, широкий бледный луч сливался с жёлтым светом уже горящих по концам коридора электрических ламп. Казались рябыми в полутьме промежутки между этажами, затянутые густой верёвочной сеткой, для того чтобы не могли упасть маленькие. Из канцелярии, примыкавшей к директорскому кабинету, раздался отчётливый, резкий голос медсестры, говорившей по телефону.

— Как, как? — кричала медсестра. — Третий «Б»?.. Краснуха? Виктор? Когда обнаружена?..

Её сухой и трезвый голос вырывался на лестницу, нарушая спокойное течение мыслей Галины Андреевны. Но вот и он замолк, и она стояла опять совсем одна в этом царстве ступенек и перил, затянутых сетками. И вдруг, прорезав тишину, пронзительно и торопливо зазвенел звонок. Сейчас же лестница и коридор переполнились странным шумом.

Это было похоже на гул моря, сорвавшего дамбу. В нарастающем грохоте нельзя было различить ни одного отдельного звука или голоса. Лестница звенела. Казалось, даже вздрагивала.

И вот один за другим на площадку начали выбегать мальчики.

Попадая в полумрак коридора из залитых светом классов, они, должно быть, не замечали Галину Андреевну, как будто она была в шапке-невидимке. Но сама она видела всех очень хорошо — больших и маленьких, вихрастых и стриженных, худеньких и коренастых.

И вдруг среди всех она увидела своего сына.

Вот он: его выпуклый, милый, такой знакомый лоб, волосы, зачёсанные на косой ряд.

Ей захотелось помахать ему рукой, окликнуть, позвать. Но, неизвестно почему, Галина Андреевна этого не сделала.

Он остановился у окна и начал медленно развёртывать завтрак.

Подошёл какой-то вихрастый незнакомый ей мальчик, положил на подоконник толстую книгу и сказал, с силой хлопнув по переплёту:

— Здрóрово, Сашка!

Её сын с удовлетворением кивнул головой.

— Я ж тебе говорил! А ты спорил: «Если в книге нет разговоров, значит, скука!» Вот тебе и скука!

Он разломил бутерброд пополам, протянул половину вихрастому, и они принялись с наслаждением жевать, задумчиво и мечтательно поглядывая куда-то в окно.

Всё это почему-то растрогало и рассмешило Галину Андреевну.

Склонив голову набок, она разглядывала незнакомого мальчика.

Это был среднего роста, очень смуглый паренёк лет тринадцати, с толстыми выпяченными губами. Пока он разговаривал, лицо его всё время менялось на глазах Галины Андреевны — то морщилось, когда он смеялся, то разглаживалось и сразу становилось серьёзным. Тогда на этом живом смуглом лице выступали два широко расставленных жгучих глаза. Они жили какой-то своей напряжённой жизнью, заставляя сразу забывать обо всём лице в целом, удивляя и притягивая.

Зазвенел звонок.

Мимо Галины Андреевны опять помчались ребята. Гул вокруг неё стал снова похож на шум прибоя, на раскаты то набегающей, то уходящей волны.

И вот наконец в коридоре опять стало тихо. Перемена окончилась, и Галина Андреевна торопливо пошла наверх, на урок.

Глава 2

Она застала преподавателя физкультуры, Евгения Афанасьевича, в крошечной, похожей на шкаф комнатке с двумя эспадронами в углу и парой боксёрских перчаток, висящих на крюке. Евгений Афанасьевич был известен всему Ленинграду как отличный, опытный тренер. Саша ей о нём рассказывал, но Галина Андреевна видела Евгения Афанасьевича в первый раз и удивилась кажущейся молодости заслуженного учителя.

Он был слегка плешив. Но на висках и на затылке вились лёгкие, как у ребёнка, волосы. Лицо было одновременно добродушно и рассеянно, ноги обуты в мягкие тапочки.

— Мне бы хотелось, — сказала, поздоровавшись с ним и робко улыбаясь, Галина Андреевна, — присутствовать на уроке. Если вы, разумеется, не будете возражать... И, знаете ли, как-нибудь так присутствовать, ну, не очень замеченной. Не хочется отвлекать мальчиков. Всё-таки посторонний человек...

— Да что вы, что вы! — ответил, поправляя на ноге тапочку, Евгений Афанасьевич. — Они у меня привыкли, знаете ли, к олимпиадам, к городским смотрам... Скоро выпущу на всеююзные. Попробуйте-ка чем-нибудь смутить этих головорезов.

Он сунул подмышку школьный журнал и шагнул через порог своей комнатки. За ним пошла и Галина Андреевна.

У стены зала стояли уже одетые в трусы и майки мальчики — весь шестой «Б». Многих из них она знала. Была даже знакома с их родителями, так как не пропускала ни одного родительского собрания.

Вот этот — крайний слева — рыжеватый, с острым, как у лисички, лицом, должно быть, Иванов, сын знаменитого ленинградского кровельщика. Мать Иванова, такая же рыжеватая, с такой же лёгкой россыпью мелких веснушек под глазами, была железнодорожницей. Галина Андреевна видела её всего два раза, но маленький Иванов часто проходил мимо их дома по улице Желябова. С серьёзным, озабоченным и даже немного сердитым выражением он вёл за руку девочку лет пяти, в красном капоре, то и дело сползавшем ей на затылок.

Дойдя до конца улицы, он останавливался и с тем же суровым и озабоченным видом покупал ей всё, что продавалось на угловых лотках: маковки, тянучки, прочерствшее на морозе печенье.

Когда мать Иванова бывала в отъезде, на родительские собрания приходил Иванов-отец, очень большой, костистый человек с гвардейскими усами.

У мальчика отцовские глаза — такие же пристальные, умные, с затаённой где-то в глубине насмешливостью, но ростом он не в отца: малыш, левофланговый.

На другом краю — справа — стоит Семенчук, самый высокий мальчик в классе. Шея у него широкая, плечи широкие, а голова опущена, словно он стесняется своих могучих рук и ног. Семенчук не похож на школьника, он похож на подростка-юнга.

А вот их отличник и поэт, сын школьной уборщицы Денисовой. Не проходило ни одного родительского собрания, чтобы учителя не говорили о Денисове и не хвалили его. Мать краснела, застенчиво вытирала платком губы.

Сёма Денисов, очевидно, почувствовал взгляд Галины Андреевны, взерошил стриженные ёжиком волосы, неловко поправил очки...

Рядом с Денисовым стоял её сын — Саша Петровский, звеньевой первого звена. Она чуть скользнула глазами по знакомому, милому хохолку, по смуглой щеке и как будто всё ещё загорелой шее. И ей опять захотелось кивнуть и улыбнуться ему. Но она знала, что подростки, особенно

мальчики, не охотники демонстрировать перед товарищами какие бы то ни было родственные чувства. И с таким выражением лица, как будто она его вовсе не узнаёт, Галина Андреевна отвела глаза в сторону и стала очень внимательно рассматривать зал.

А в зале в это время происходило вот что: четверо ребят устанавливали какое-то сооружение из брусков и рейки, похожее на ворота.

— По центру, правее! — командовал Евгений Афанасьевич.

Хорошо. Ну, а где же тот вихрастый паренёк, который не любит книжек «без разговоров»?

Ага, вот он. Третий справа от её Саши.

Мальчик оказался, как она разглядела это теперь, широкоплеч и приземист. Но он не производил впечатления сильного, напротив, был худ, и его руки как будто не успели ещё окрепнуть и развиться.

Здесь, при ярком дневном свете, её ещё больше поразила необыкновенная подвижность этого смуглого лица с выпяченными губами.

— Стройся! — грохнул наконец в тишину зала Евгений Афанасьевич. — Ра-вне-ние на-пра-аво! — Ра-ассчи-тайсь!

Отрывисто и дробно зачастили детские голоса.

— Первый... Второй... Третий... Четвёртый... — Их было двадцать девять в шестом классе «Б». Девять в звене её сына — она это знала.

— Кузнецов Валентин! — сказал Евгений Афанасьевич.

Вперёд сейчас же вышел какой-то стройный, самоуверенный мальчик, прошагал вдоль ряда, размахивая сильными, покрытыми тёмным пушком руками, и остановился у стены, чуть согнув спину и прижав к бокам локти.

— На-ча-ли! — сказал Евгений Афанасьевич. Кузнецов стремительно ринулся вперёд.

Он нёсся прямо к тому ненадёжному сооружению из брусков и рейки, которое только что установили посреди зала мальчики. Перед столбами стояла низкая длинная скамейка — нет, вернее — мостик. За столбами лежали в ряд тюфяки-маты, как говорят физкультурники. Галина Андреевна взглянула и ужаснулась. Ей показалось, что рейка между брусками воздвужена на недостижимой высоте и что перепрыгнуть через неё просто невозможно. Но Кузнецову это, очевидно, не казалось. Едва касаясь пола ногами в тапочках, он в одну секунду добежал до брусков, с ходу взбежал на мостик и, оторвавшись от него, перелетел через рейку, слегка согнув ноги и напружинив спину.

Перелетел и плавно опустился на мат, взметнув облачко пыли.

Из ряда послышались возгласы, шумок, кто-то вздохнул восхищённо: «Здорово!», — кажется, Семенчук.

— Хорошо! — сказал Евгений Афанасьевич. — Можно сказать — отлично.

Галина Андреевна перевела дух, вынула из сумки записную книжку, поставила № 2 и рядом мелкими буквами: «Тщательней выбивать пыль из тюфяков».

Между тем Евгений Афанасьевич, стоя рядом с нею, рисовал в журнале какие-то свои карандашные птички.

— Иванов! — сказал опять Евгений Афанасьевич.

Из ряда выступил Иванов.

— На-ча-ли!

Мальчик пустился бегом, крепко прижав к бокам локти.

Галина Андреевна глядела на него с тревогой: такой маленький! Ни за что не перепрыгнет!..

Но Иванов перелетел через перекладину неожиданно легко и с таким безразличным выражением, как будто это не стоило ему никакого усилия. Перепорхнул, как воробей.

— Хорошо! — сказал Евгений Афанасьевич. — Семенчук.

Из ряда, словно стыдясь своего каланчового роста, не зная, куда девать руки и ноги, тяжело выбежал Семенчук. Он взял высоту, но плохо поджал ноги, увлѣк вслед за собой в неумелом прыжке сорвавшуюся рейку и плюхнулся вместе с ней на тюфяк, грузный и неловкий.

— Посредственно, — сказал Евгений Афанасьевич.

Галине Андреевне становилось всё интереснее. Она забыла о своей записной книжке и напряжѣнно следила за тем, кто выходил из ряда, чувствуя облегчение и радость, когда прыжок удавался, и настоящую досаду, когда рейка, сорвавшись, летела вниз.

Один за другим проходили перед ней товарищи сына — лицо за лицом, характер за характером.

А мальчики в это время тоже рассматривали её. Всем было ясно, что это чья-то дежурная мама. Кто-то даже уже успел шепнуть, что это мама Саши Петровского, и они с любопытством поглядывали на неё в промежутках между прыжками.

Она чувствовала некоторую неловкость, ту связанность в движениях, которая поражает человека, когда его разглядывают в упор.

А между тем на неё смотрели с одобрением. Ещѣ бы! Ни разу не подошла к Сашке, ни разу не обернулась к нему, не окликнула, не назвала его по имени. В общем, притворяется, что никогда в глаза его не видала. Одним словом, ведѣт себя очень прилично.

А урок шѣл своим чередом, и ничего не замечавший Евгений Афанасьевич поставил карандашную птичку против фамилии Петровского.

Её сын отошѣл, как и другие мальчики, в дальний конец зала, готовясь к прыжку. Сперва он шагал со свойственной ему солидной неторопливостью. Но вот глаза его сузились, лицо сделалось напряжѣнным, шагги участились...

Теперь, когда он собирался прыгать на очень большую, по её понятиям, высоту, она постаралась изобразить на лице полное равнодушие, но ногти у неё сами собой впились в ладонь.

Саша бежал всё быстрее, сосредоточенно глядя вперед... Взбежал на мостик, поджал ноги и ловко, легко и просто одолѣл высоту.

— Очень хорошо! — сказал Евгений Афанасьевич.

Тогда, потеряв разом всю свою солидность, он, просияв, посмотрел ей прямо в глаза. Мать с облегчением вздохнула и первый раз ответила взглядом на его взгляд.

— Яковлев! — выкрикнул наконец Евгений Афанасьевич последнюю в списке фамилию.

Вышел на середину зала тот самый мальчик, которого с любопытством рассматривала сегодня исподтишка Галина Андреевна. Казалось, он едва дождался, чтобы его вызвали. Пока прыгали другие ребята, лицо его, руки, глаза выражали высшую степень нетерпения. Рот был полуоткрыт. Было видно, что ему трудно устоять на месте, что он так и бросился бы вперед по первому слову Евгения Афанасьевича.

И вот наконец Евгений Афанасьевич сказал: «Яковлев!».

Яковлев не побежал, а прямо-таки ринулся на его зов. Он торопливо понѣсся в конец зала, повернулся и, не дав себе времени отдышаться, полетел к брускам. Подбежал, посмотрел вверх и вдруг остановился.

— Обратнo, Яковлев, не торопитесь, — спокойно сказал Евгений Афанасьевич. — Не надо терять дыхания.

Яковлев возвратился обратнo, повернулся, разбежался опять... — и опять остановился перед рейкой.

— Ещѣ, — сказал неумолимый Евгений Афанасьевич.

Всѣ повторилось снова: стремительный бег и внезапная остановка.

В ряду молчали.

Опущенные руки Яковлева, его лицо, готовое одновременно на радость и отчаяние, напомнили почему-то Галине Андреевне собственное детство, ту силу надежды и горя, которую только в ту пору по всякому поводу может испытывать человек.

Она отвела от мальчика глаза, чтобы не усилить до крайней степени его смущение. Ясное дело, — когда такой конфуз случается при чужом человеке, это ещё стыднее и мучительнее.

Стараясь не глядеть на Яковлева, она нечаянно посмотрела на сына и заметила, что Саша с волнением следит за товарищем, кивает ему, с досадой машет рукой, сжатой в кулак.

— Ещё разок. Спокойно, спокойно, Яковлев, — повторил Евгений Афанасьевич. — Вот так. Молодец. Вперёд... Есть, взяли — прыгать!..

Яковлев взбежал на мостик и опять остановился.

В ряду послышался долго сдерживаемый смех.

Как ей хотелось вмешаться, объяснить, положить конец этой детской жестокости...

Вмешаться?.. Но как? Что она скажет? Ведь она всего только дежурная мамаша...

— На место, Яковлев... Ребята, — сказал Евгений Афанасьевич, — сколько раз надо напоминать, что вы на уроке? Это обычная тренировка. Смеяться решительно не над чем. Так вот — несколько слов о тренаже. — Чуть покачиваясь, он прошёл перед рядом мальчиков, мягко ступая физкультурными тапочками. — Как вы полагаете, от чего главным образом зависит удача прыжка?

Он помолчал, ожидая ответа.

— От роста? — сказал вопросительно чей-то тонкий голос.

Евгений Афанасьевич помотал головой.

— Совершенно не зависит. Вы это сами видели сегодня. Семенчук прыгает неважно, хотя он чуть ли не больше меня. А Иванов прыгает превосходно, хотя он по пояс Семенчуку.

В шеренге опять засмеялись. Но Евгений Афанасьевич нахмурил брови, и смех утих.

— Успех прыжка зависит, разумеется, от умения, от ловкости, но более всего — от смелости, — внушительно сказал он. — Недаром пловцов учат прыгать с вышки и нырять с открытыми глазами. Их учат, так сказать, не бояться. Значит, учась брать препятствие, вы тренируете тем самым волю. Стоит только оробеть, усомниться, заколебаться, и вы теряете уверенность в себе. Утрачиваете решимость. Ясно?

Мальчики слушали эту речь довольно рассеянно. Они устали. И только одно детское лицо опять поразило Галину Андреевну страстной напряжённостью своего выражения. Это было лицо Яковлева.

Раздался звонок. Мальчики, шумя, пошли в раздевалку.

Пошла к выходу и Галина Андреевна. Но перед тем, как выйти из зала, она обернулась. Яковлев, её Саша и очкастый поэт Денисов стояли под окном. Яковлев с опущенной головой. В руках он держал куртку. Саша что-то сердито ему доказывал, как видно, утешая.

Стенка против двери, где остановились мальчики, состояла из четырёх широких оконных рам. Физкультурный зал, казалось, повис над городом. Сверху, с высоты пятого этажа, были видны голубоватые искры трамвайных проводов и тяжёлые, могучие леса, обнимавшие соседнее, повреждённое войной здание. Людей на лесах не было видно, но часть охваченного лесами дома, обращённая к Невскому, уже была достроена, даже покрылась свежей штукатуркой. Край неба, видневшийся из окон, был розовый. Неожиданно свет раннего зимнего заката вошёл в физкультурный зал, лизнул пол, коснулся брусьев и рейки и уткнулся косым лучом в угол

зала. Он захватил ребят, стоящих у стены, зажёг пуговицы на куртке, которую всё ещё держал в руках Яковлев, пронизал очки на носу поэта Денисова и хохолок на макушке её сына.

Глава 3

Галина Андреевна спустилась в кабинет директора, проглядывая на ходу заметки в своей записной книжке.

Ей никогда ещё не приходилось беседовать с Иваном Ивановичем с глазу на глаз. Когда сына переводили в конце прошлого года в эту школу, с директором разговаривал её муж.

Пройдя через канцелярию, Галина Андреевна постучала в дверь директорского кабинета и услышала оттуда короткое: «Прошу».

Она вошла. Директор слегка привстал.

— Здравствуйте, — сказала Галина Андреевна.

— Здравствуйте, — ответил Иван Иванович.

По тому, как он взглянул на неё, она предположила, что он забыл, кто она такая. Естественно. В школе столько мальчиков, и у каждого есть кто-нибудь — мать, бабушка, тётка...

— Садитесь, простите, я сейчас, — сказал Иван Иванович.

Она прошла в глубину комнаты, села в кресло и приготовилась ждать.

У директорского стола стояли два старшеклассника. Одно из них она знала; это был Костя Джигучёв, вожатый шестого класса «Б» — того самого, где учился её сын. Она была довольна, что у них такой вожатый. В Косте было то счастливое соединение взрослости и детства, которое так пленяет в шестнадцати-семнадцатилетних юношах: «мужская» сдержанность манер, взрослая вежливость и при этом ломкий голос, свежий румянец никогда ещё не бритых щёк, глаза как будто насторожившиеся, всегда готовые чему-то удивиться и обрадоваться.

Второй мальчик показался ей совсем взрослым. «Может быть, даже десятиклассник», — с уважением подумала Галина Андреевна. Здесь, в школе, она невольно начинала смотреть на этих «почти студентов» такими же глазами, какими глядел на них её сын.

— Я давно хотел спросить у вас, Костя, — продолжал Иван Иванович прерванный её приходом разговор, — почему бы вам не выделить кого-нибудь из шестого «Б» для шефства над маленькими. Ну, кто там у вас умеет ладить с малышами?

— С малышами? — удивившись, переспросил Джигучёв. — Я, право, как-то не задумывался...

Директор укоризненно покачал головой.

— Хорош вожатый! Не знает своих пионеров!.. А вот, например, Иванов? Посоветуйтесь-ка с Зоей Николаевной, и мы этот разговор продолжим завтра.

Директор приподнялся и встал, опершись рукой о стол. На столе была зажжена лампа. И Галина Андреевна отчётливо увидела его усталое, бледное лицо, крупную руку, прямой угол плеча.

Ей и раньше нетрудно было угадать по его военной выправке, по чёткости движений, по напряжённой пристальности взгляда, по двум рядам ленточек, приколотых к тёмной, хотя уже и не военного образца гимнастёрке, и ещё по чему-то неуловимому, что это недавний офицер. Но теперь она уже не сомневалась в этом. Ей почему-то казалось, что он был начальником штаба. Вот он сидит за столом, наскоро сколоченным из досок. Его голова склонилась над картой. Она даже увидела воротник его растёгнутой шинели, седоватую щетину небритых щёк, ремни, пересекающие гимнастёрку.

А впрочем, и не только военным, — ей было легко представить его себе директором какого-нибудь большого завода, инженером, прорабом, начальником строительства... Но здесь, в школе, среди ребят? Нет... Суховат, суров...

— Прошу вас, — сказал директор, вежливо обернувшись к ней. Она привстала со своего места, пересела в кресло против него, быстро вынула из сумки записную книжку и, торопясь, стала высказывать свои пожелания.

Он слушал, опустив глаза. Его лицо было до того неподвижным, что ей тяжело было говорить. Галина Андреевна торопилась, путалась и даже пропускала многое, что раньше казалось ей важным.

Отрываясь от записной книжки, она видела высокие взлизы на его седеющей голове и гладко прижатые к темени серебристо-русые волосы.

— А в общем... в общем... в школе стало после ремонта очень хорошо, — торопливо закончила она. — Особенно в физкультурном зале.

Он поднял глаза.

— Да, кажется, получилось неплохо. Правда, зал нам удалось ввести в строй только к концу первой четверти. Не было стекольщиков, или, проще говоря, — средств... Сам, грешным делом, вставлял стёкла с девятиклассниками. Десятиклассников стараюсь не загружать. И, знаете, ребята оказались безрукие какие-то. Стеклá вставить не умеют. Не умеют растереть замазку — беда! Не научили их делать простого.

Он усмехнулся, и она ясно увидела, что в глазах Ивана Ивановича зажглось неожиданное оживление. Голос стал громче и как будто не такой размеренный. Было ясно — он рад, что она заметила отремонтированный зал.

— И... и ещё, — слегка ободрившись, продолжала Галина Андреевна, — во время урока я позволила себе немножко походить по коридорам, и вот, может быть, это пустяки, частность, но так радуется эта свежесть, чистота, уют, я даже затрудняюсь объяснить, от чего зависит это ощущение... Я бы сказала: в школе у вас появилась какая-то деловитая парадность. Мне кажется, ребятам будет просто жалко пачкать такие стены...

— Вы заметили? — сказал он, внезапно вставая. — Нам повезло. Такой, понимаете ли, мастер малярного дела попался — артист! Я наслаждение получил, когда он мне тут рассказывал, какой где колер нужно пустить. И вы правы. Красивое обязывает Метро московское как люди берегут! А почему? Красиво! Любят и гордятся. — Он прошёлся по комнате, поскрипывая сапогами. — Гордятся и любят!

И вдруг Иван Иванович остановился и круто повернулся к ней.

— А как ваш мальчик? Мы им довольны, надо сказать.

Стало быть, он знал, кто она такая, и помнил её мальчика.

Она немного растерялась от неожиданности, густо порозовела и положила обратно на стол записную книжку.

— Мой мальчик? Он... очень хорошо... Всё хорошо. Спасибо. Большое спасибо. Муж давно говорил, что его лучше перевести из прежней школы в другую. Там, видите ли, все очень уж хорошо знали его историю и относились к нему — ну, как бы это сказать? — слишком бережно, что ли... А нам с мужем казалось, что это не полезно для мальчика. Даже вредно... Никто этого, конечно, не хотел, но такая обстановка поневоле возвращала его к тяжёлым воспоминаниям, мешала душевно выздоравливать.

— Да, да, возможно, возможно... — ответил Иван Иванович. — Сколько мальчику было лет, когда вы разыскали его?

— Девять.

— А своих детей у вас нет?.. И не было?

— Нет.

— Так, так... А он у вас, значит, всего четыре года? Я думал — больше. Хорошо растите сына, Галина Андреевна.

Она удивилась. «Вот как, он даже помнит, как её зовут?!»

— Да, да... Мальчика вы растите хорошо, хотя задача вам досталась нелёгкая. Когда усыновляют ребёнка двух-трёх лет, — много проще. А этот период роста и родным матерям другой раз даётся трудновато.

— Нет. Мне не трудно. Я бы не сказала, что трудно...

Он посмотрел на неё с живым и непритворным любопытством.

— В самом деле? Но будьте готовы к тому, что каждый день может принести вам какую-нибудь неожиданность. Тогда от вас потребуются и терпение, и проницательность, и находчивость. Отрочество!.. Самое сложное время!.. В отрочестве просыпается первое критическое сознание человека. Это, так сказать, пора первых дерзаний, доходящих другой раз до крайности. Чудесная и трудная пора неистраченных сил, кипучих желаний, которые во что бы то ни стало стремятся быть осуществлёнными. Осторожная и твёрдая рука должна вести ребят в это время первых поисков. Рост — не лестница: ступенька, ещё ступенька, и благополучно добрался до верха. Нет. Другой раз срываются... И часто старший чувствует себя беспомощным. Не знает, как и приступить к подростку. Но вы растите сына хорошо. Человеку и вообще-то полагается разнообразное счастье, особенно человеку растущему. А ваш, мне кажется, получает большой, основательный паёк внимания, впечатлений, серьёзных и дружеских чувств.

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Вы у себя? Я позвоню потом.

— Простите, — сказала Галина Андреевна, поднимаясь. — Я отняла у вас пропасть времени.

Он энергично покачал головой.

— Нет, нет. Это важный разговор. Мальчик так же наш, как и ваш. А разумная, крепкая семья — для нас большая опора.

Не находя слов, Галина Андреевна поспешно укладывала в сумочку записную книжку и оправляла на шее шарф.

— А всё-таки, если будет трудно, приходите.

— Непременно, — ответила она, протягивая ему руку. — Непременно, — И, чтобы не сказать слишком много, поспешно пошла к двери.

А он, словно не желая заметить её волнение, провожая её, говорил уже о другом, успокоительно и шутливо:

— Застелем, застелем коридоры дорожками. Средств, знаете ли, пока маловато. Но всё со временем образуется. И тюфяки будем тщательнее выбивать, уж вы на этот счёт и не сомневайтесь. Будем, будем выбивать. Спасибо за справедливое замечание.

На слове «спасибо» он раскрыл дверь, и она переступила через порог. Он постоял, глядя, как она идёт через канцелярию. Потом вернулся к себе в кабинет и сел у стола, рассеянно вертя в руке карандаш. Прошла минута, другая...

— Иван Иванович, — позвали из канцелярии, — вас просят к телефону.

Он даже слегка вздрогнул, так трудно ему было оторваться от своих мыслей. Вздрогнул и пошёл, чуть-чуть сутулясь, всё ещё думая о чём-то своём, давно забытом... О чём?

О детстве... О собственной матери.

Глава 4

Урок физкультуры был в этот день последним. Даня Яковлев мог бы идти домой, но у Саши Петровского ещё было дело: Зоя Николаевна, старшая вожатая, велела всем председателям отрядов и звеньевым собраться сегодня в пионерской комнате.

— А что, если я пойду с тобой? — спросил Даня Яковлев.

— Ясно, идём, — ответил Саша, — ведь это же не надолго.

В пионерской комнате было шумно.

В углу толпились малыши и, громко о чём-то разговаривая, позвякивали время от времени бубнами самодеятельного оркестра, лежавшими на крышке рояля рядом с кастаньетами, барабаном и треугольниками. Кто-то щёлкнул ладонью по клавишам, и Зоя Николаевна сказала:

— Ребята, если вы пришли сюда шуметь, сейчас же попрошу освободить пионерскую комнату.

Между тем у стола вожатой постепенно собирались председатели отрядов и звеньевые четырёх классов обеих смен, начиная с четвёртого класса «А».

— Сядьте, ребята, — деловито, без улыбки, сказала Зоя Николаевна. Мальчики сели.

— Ребята, мы собрались сегодня, чтобы поговорить о сборе цветного лома. Ну, как у кого дела? Рассказывайте.

Молчание.

Она положила на стол руку и поглядела на мальчиков внимательно, чуть прищуренными глазами.

— Ну что же? Кто первый?..

Молчание.

Не теряя терпения (запас которого был у неё не особенно велик), Зоя Николаевна опять взглянула на мальчиков и продолжала бодрым голосом, как будто желая сообщить им что-то очень приятное и радостное:

— Через пять дней сдача первой партии.

По рядам пробежал лёгкий шумок. Но Зоя Николаевна этого как будто не заметила.

— Я договорилась обо всём, — продолжала она. — Была на Охте... Два раза. На базе говорят, что мы первые застрельщики и что, если произвести сбор цветного металла по всему городу, это может дать...

Шум сделался сильнее.

— Ребята, кто там шумит? Терёхин, можешь сейчас же выйти в коридор... Одним словом, после таких разговоров, товарищи, сдать какие-нибудь пятнадцать—двадцать килограммов просто неудобно. Ребята! — Она строго посмотрела в ту сторону, где были малыши. — Не трогайте треугольников. Вы слышите, что я сказала? Положите, пожалуйста, треугольники! Ну хорошо. А теперь расскажите, сколько кому удалось собрать.

Мальчики молчали.

Она, слегка удивившись и как будто к чему-то прислушиваясь, чуть наклонила вперёд голову. Зажёгся светлый чуб над её лбом, попав в полосу оконного света.

Открылась дверь. В пионерскую комнату, разыскивая кого-то, заглянул Александр Львович Онучин, руководитель шестого класса «Б».

Они молча с минутку смотрели друг на друга, и Зоя Николаевна сказала очень вежливо:

— Милости просим, Александр Львович, заходите, пожалуйста. У нас собрание. Не знаю только, будет ли вам интересно...

— Нет, нет, не хочу вам мешать, — ответил он ещё вежливее. — Прошу прощения.

Все ребята в школе знали, что Александр Львович и Зоя Николаевна недолюбливают друг друга. Поэтому во время этого любезного разговора они с нескрываемым интересом посматривали то на неё, то на него.

И вот дверь закрылась. Ребята лениво и нехотя повернулись к Зое. Кто-то покашлял. Кто-то уронил на пол портфель. Им было скучно, скучно! Она это понимала. И первый упрёк, ещё не успев задуматься, она привычно обратила к себе. Случилось то, чего она больше всего боялась, — они скучали...

— Ну, кто первый, ребята? — В голосе Зои Николаевны зазвучала неуверенность. — Кажется, Петровский хочет что-то сказать?..

— Зоя Николаевна, — ответил Саша. — Я после, пусть кто-нибудь другой.

— А у нас уже три примуса, — сказал мальчик из четвёртого класса «А». Сказал и мечтательно поглядел на подёрнутое лёгким туманом окошко. — Только ножки и горелки у них, кажется, не цветные, а чёрные. Так может быть, на всякий случай, отломить?

Кто-то засмеялся.

Зоя Николаевна сдвинула брови.

— Смеяться нечего, — резко сказала она, — очевидно, всё, что мы можем сдать на базу, это и есть три примуса, которые собрали самые маленькие.

— Я не самый маленький — Куропаткин из второго звена младше. И Петька Андросов тоже!..

— Что? — Она серьёзно посмотрела в сторону говорившего. — Андросов?.. Ах, да... Дело в том, — Зоя Николаевна с досадой хлопнула ладонью по столу, — дело в том, что младшие, очевидно, способны всё-таки держать слово. Собрали, что могли. А вот у старших, прямо сказать, нет чувства ответственности. Они берут на себя обязательства и не считают нужным выполнять их. Должно быть, думают, что слово пионера можно бросать на ветер.

По рядам прошло какое-то лёгкое движение. Ей, видно, всё-таки удалось задеть их за живое.

— Да вовсе мы так не думаем, — сказал в задних рядах чей-то обиженный и сердитый голос. — А просто никто ничего не даёт. Говорят: некогда собирать для вас всякий хлам. Будет время — сами сдадим в утиль, говорят.

— Ах, вот как! — Зоя Николаевна поднялась, глядя через стол на мальчиков прямым, требовательным взглядом. — Да вы понимаете, что речь идёт о добыче цветного металла? О добыче, ясно? Старое, можно сказать, промысловое слово: «до-бы-ча»!.. А вы поискали, пошарили, не сразу нашли и сразу сдались. И знаете, почему? — Прищутив глаза, она посмотрела на мальчиков. — Потому, что у вас нет воображения!

— Это у нас-то нет воображения? — сказал тонким голосом Яковлев.

— Да, да, именно у вас, — отрезала она. — Вы, небось, считаете, что вас, словно старьевщиков, послали собирать негодный хлам, а на самом деле вас, как геологов, отрядили на поиски цветного металла. Только и разница, что геологи ищут в земле руду, а вы — на земле лом. По сути — не всё ли равно? Тот же металл!.. Вы думаете, работа геолога — пустяки? Одно удовольствие? Ошибаетесь. Они иногда работают так тяжело, как вам и не снилось, — в горах, в пустынях, может быть, на самом краю нашей Родины... И не всегда удача. — Голос её прозвучал грустно. Она подумала о себе, об этом затеянном ею сборе. — Нет, не всегда удача. Конечно, если найдёшь руду, тогда всё хорошо. Оглянешься назад — как будто так и надо: и трудности и лишения, — всё кажется лёгким, счастливым. Ну, а если удача не сразу?.. Тогда что, по-вашему? Сдаться? Нет. Надо начать сначала. Опять сначала. И снова сначала.

Зоя Николаевна поглядела вокруг, и глаза её неожиданно встретились с глазами Яковлева.

С жадным любопытством смотрели навстречу ей эти чёрные, чуть косящие от напряжённого внимания глаза.

И она обрадовалась, как геолог, нашедший руду. Слушают! По-настоящему слушают!

— Вы думаете, — продолжала Зоя Николаевна уже гораздо твёрже и увереннее, — думаете, что если мы странствуем не по ущельям и горам, а по улицам и дворам, то мы не должны будем преодолевать трудности, не увидим нового? Когда люди ищут, они всегда что-нибудь да находят, всегда узнают и видят новое...

Глаза её опять встретились с глазами Яковлева. Успокоенная, она продолжала:

— Мы очень богаты, ребята. Наша страна единственная, где есть в земле и никель, и свинец, и вольфрам, и магний, и золото, и олово... Но вторичный металл дешевле. Его уже не нужно добывать, надо только найти. А что же, бросить так? Ведь это бесхозяйственность. Подумайте: невозможно собрать ни одного комбайна, трактора, самолёта, автобуса без цветного металла. И вот этот металл валяется на земле, у нас под ногами, а мы ленимся его поднять!..

Она глубоко вздохнула, зачем-то переложила с места на место блокнот и села за стол.

— Ну, с чего мы начнём, ребята? — спросила она. — Времени у нас остаётся немного. Выкладывайте. Я буду записывать.

И тут стало выясняться, что дела обстоят не так уж плохо: собрано было немного, но всё же кое-что. У шестого «А» оказалось в общей сложности килограммов двадцать. У второго и третьего звеньев шестого «Б» — килограммов тридцать...

— Ну, Петровский, а ты что молчишь? — И Зоя Николаевна с надеждой посмотрела на робко сидящего в сторонке Петровского.

— Я... я должен сознаться, Зоя Николаевна, что мы ещё не начали сбор. То есть не то чтоб не начали, конечно, у нас тоже есть кое-какие мелочи, но...

— Не ожидала! — сказала Зоя Николаевна. — От кого, от кого, а от тебя я этого не ожидала. И вообще, я должна сказать, Кардашёв: следует обратить особое внимание на это отстающее звено.

Кардашёв, председатель совета отряда шестого «Б», удивлённо посмотрел на Зою Николаевну: первое звено всегда считалось у них самым лучшим.

— Да, да, — ещё настойчивее продолжала она, — звено Петровского захвалили. Видите ли, они проявляют большую активность при хождении в кино, в музеи, в ботанический сад, в цирк... А дело делать им скучно.

Все немного опешили. Ещё на прошлом сборе сама же Зоя Николаевна всем ставила Петровского в пример за умелую организацию экскурсий.

— У вас нет чувства долга! — продолжала она. — И... и поэтому у вас нет металла. Стыдно! Вы бросаете тень на весь свой класс.

Саша стоял красный, опустив голову.

Вероятно, на этом и кончилось бы собрание, но тут неожиданно из-за спины Петровского выскочил Яковлев.

— Нет! — закричал он, прикладывая руку к левому карману курточки. — Нет, Зоя Николаевна, вы неправы! Мы, мы... то-есть вы, то есть Саша просто не понял друг дружку. Он не сумел вам объяснить... Никто не знает на самом деле, сколько нам удалось собрать. Но мы не хвастались, как некоторые... не говорили там о примусах, об уютгах... — Он сердито посмотрел сверху вниз на круглую макушку маленького звеньёвого из четвёртого «А». — И никто не знает на самом деле, сколько мы нако-

пили металла... Нельзя же так огульно обвинять! Это... это... Пустите, почему вы меня не пропускаете?..

Яковлев не был ни председателем совета отряда, ни звеньевым и затесался на это собрание только оттого, что не хотел расставаться с Сашей. Но вёл он себя, как человек, на которого всецело возложили ответственность за сорванный сбор металла. Яковлев энергично расталкивал ребят, размахивал руками. Подойдя к столу вожатой, он обвёл всех воинственным взглядом и, задышавшись, сказал:

— Если хотите знать, мы вообще уже накопили порядочно металла. Не специально для этого случая, а вообще. Мы любим копить... Мы не хотели говорить сразу, но вы нас заставили. Потому что... потому что наши ребята для Родины... и мы... и наше звено... и мы не боимся трудностей, мы можем преодолевать... В общем, у нас уже четверть тонны.

Вокруг зашумели.

— Чего ты врешь? — спросил, повернувшись к Дане, Кардашёв. — Мы бы знали! Чего ты врешь?

— Это я-то вру? — закричал Даня. — Зоя Николаевна, Зоя Николаевна...

— Тише, ребята. Петровский, объясни.

— Гм, — неопределённо сказал Петровский, делая Яковлеву какие-то таинственные знаки. — Мы не взвешивали... Четверть тонны — не четверть тонны, но... возможно, конечно... Да что об этом говорить!

Зоя Николаевна, чуть прищурясь, посмотрела на Петровского и Яковлева.

— Попрошу, ребята, — сказала она, — не накапливать сразу больше одной тонны, иначе трудно будет перевезти. Неизвестно ещё, достанем ли мы грузовик. Можно, разумеется, если у шестого «Б» так много собрано, провести сдачу по каждому отряду, по каждому звену... Можно будет даже устроить соревнование между отрядами и звеньями.

— Вызываю! — вдруг сказал маленький звеньевый из четвёртого класса «А». Сказал и задумчиво посмотрел в окошко на потемневший двор.

— Хорошо, — ответила Зоя Николаевна. — Четвёртый «А» вызывает на соцсоревнование шестой «Б» по сбору цветного металла. Согласны?

— Согласны, — сдержанно сказал Петровский и, стиснув зубы, посмотрел на Яковлева. Тот повторил, как эхо: «Согласны, согласны!».

Перед тем как уйти из пионерской комнаты, Даня и Саша долго стояли в углу, взволнованно и страстно шепчась о чём-то.

Зоя Николаевна лукаво поглядывала в их сторону.

Шёпот Яковлева прорывался сквозь звон бубнов и лёгкое звяканье треугольников. Было слышно: «...а если», «позор» и «у тебя абсолютно нет самолюбия».

Но вот и они ушли.

Разошлись председатели отрядов и звеньевые. Зоя Николаевна осталась в комнате одна. Тихонько скрипнула дверь, в щели показалась голова мальчика.

— Зойка, можно?

— Можно.

— Зоинька, — сказал мальчик баском. — Я домой, ты скоро?

— Скоро, — ответила Зоя Николаевна.

Ему было строго запрещено называть её «Зоей» при ребятах. Это подрывало бы её авторитет. Поэтому при мальчиках он вообще не разговаривал с ней. А когда всё-таки очень нужно было о чём-нибудь спросить, говорил неопределённо: «Так я пошёл» или «А где ключ?» — и не называл её ни по имени, ни по отчеству, стараясь почему-то не встречаться с ней глазами.

Сейчас они были в пионерской комнате одни.

Ей сильно хотелось протянуть руку, погладить его по круглой головёнке. Она знала, что коротко стриженные волосы сразу же распрямятся, как щётка, на которую надавили. И она уже протянула было руку, но он сказал: «Ладно, ладно» — всё тем же солидным баском и увильнул.

— Да стой ты на месте! — сказала она строго и, сделав вид, что только за тем и протянула руку, поправила на нём галстук.

— Иди домой, картошку согрей. Я скоро.

— Ладно.

И он пошёл к двери лениво и медленно, как ходят люди, когда им нечего делать и впереди у них много свободного времени.

Подошёл к стенду со стенгазетой, остановился, помахал портфелем и сладко вздохнул.

Он был одет неряшливо, и это, как всегда, огорчало её. Она старалась. Она сильно старалась. Она всегда напоминала ему, что надо чистить зубы и мыть уши. Но тратить энергию на то, чтобы внушить ему это, она была не в силах. Нехватало времени для множества дел поважнее.

Если бы растянуть сутки! Если бы растянуть ночь, чтобы можно было ~~всю~~ отоспаться...

Брат и сестра были сиротами, она сама вела хозяйство, стирала, штопала, латала, готовила.

Их отец погиб на Белорусском фронте, мать умерла во время блокады.

Когда — четыре года тому назад — Зоя окончила школу, директор предложил ей остаться старшей вожатой. Она подумала и согласилась. К тому времени зоиная школа стала мужской школой. Но Зою это не смутило. Она умела обращаться с мальчиками, — Андрюшка, в общем, слушался её. Нет, не то чтобы она умела как-то особенно хорошо обращаться с мальчиками, просто в ней самой было много мальчишеского.

Воспитанная меньше матерью и больше отцом, суровым человеком, уроженцем Пинеги, она не раз, в раннем детстве, ездила с ним на рыбалку. Подолгу сидели они в чуть-чуть покачивающейся лодке на середине реки, молчаливые, глядя на неподвижный поплавок. Дед Зои был помором, — она уродилась в свою северную родню: была высока, худая и очень белокура. Она была сурова и мечтательна.

За «несгибаемость», которую считал признаком недостаточной широты, Александр Львович часто трунил над Зоей.

Она с трудом его выносила, но считала ниже своего достоинства показывать ему это.

— Вы к ней несправедливы, — заступалась за вожатую Елизавета Николаевна, бывшая классная руководительница Зои, — вы несправедливы. и это даже не похоже на вас, Шура. Девушка хорошая. Серьёзная. И не всегда ей легко... Чистый, мужественный, прямой человек.

— Человек, возможно, но не педагог, — отвечал Александр Львович.

— Вы так думаете? — вскидывая на него старые, добрые глаза и чуть улыбаясь, спрашивала Елизавета Николаевна. — Нет. Просто бывают люди, которые долго остаются «отроками». Они растут медленно и поздно созревают. Зоя будет хорошим научным работником, исследователем, а со временем — и педагогом. Вот увидите. Но только попозже. Не сразу. И не для маленьких. Для старших. — (Зоя занималась заочно на географическом факультете Педагогического института).

— Не верю. Нет у неё настоящих качеств педагога, — отвечал Александр Львович. — Нетерпеливая. Никого, кроме себя, не видит... Ни тени любви к людям, а так — к человечеству. Никогда ни один ученик не захочет видеть в учителе своего постоянного судью.

— Полно, — отвечала, смеясь добрым, старческим смехом, Елизавета Николаевна. — Ребята любят и умеют ценить всё, что «всерьёз». А Зоя

живёт, думает и чувствует именно так — во всю силу ума и сердца. Всерьёз, одним словом.

— Стало быть, по-вашему, тот, кто умеет подмечать смешное, не может быть педагогом?

— Успокойтесь, Шура, вы педагог, вполне... Потому что, по существу, вы ведь человек совсем не иронический, а только застенчивый. Вот вы и прячете под усмешечкой свои чувства и привязанности. Но искренни вы совершенно, как и подобает учителю. Чего же вы хотите? Молодость. Я как раз об этом и говорю.

Он был смущён. Больше того — растерян. И тем не менее, увидев Зою в коридоре, встретившись с её прозрачным взглядом, как будто говорившим ему: «А я самая честная, я самая принципиальная», он не мог удержаться и пел, глядя поверх её головы, что-нибудь вроде: «Не гнутся высокие мачты...».

Зоя краснела от злости. Он был в восторге и, проходя мимо неё, мурлыкал:

И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят...

Александр Львович не знал и не мог знать (по молодости лет, как объяснила бы Елизавета Николаевна), какой бывает старшая вожатая наедине с самой собой, какое у неё тогда бывает робкое, неуверенное, скромное выражение лица.

...Дверь скрипнула и закрылась. Андрей ушёл. Зоя, опустив голову на руку, смотрела в окно.

Ей предстоял тяжёлый вечер — надо было стирать, готовить, прибирать комнату (утром она не успевала). Перед ней были долгие ночные часы за кухонным столом, с книгой в руках (Андрюшке мешал свет).

Наверно, поэтому она не слишком торопилась домой. Сидела у стола и, отдыхая в тишине, смотрела в окно. Уже начинало темнеть. Моросил дождик. И густая сеть мелких бисерных капель блестела на стекле.

Глава 5

Мальчики решили начать сбор лома сегодня же, не теряя ни одного дня.

— Ничего, что поздно, — сказал Петровский, — и неважно, сколько мы сейчас соберём. Надо начать. Мы должны тратить на это дело ежедневно хотя бы по часу.

Саша стоял на толстом сыром бревне, лежавшем в самом глухом углу двора. Вокруг Саши, хмурые и озабоченные, толпились ребята из его звена. Кое-кого из них он успел поймать в раздевалке и на улице возле школы, кое за кем сбегал Яковлев.

— Нас ведь никто не заставлял, — сердито говорил Саша, глядя в упор на товарищей. — Сами взялись за дело, и сами провалили. Зоя Николаевна так прямо и сказала: как в кино ходить, так они тут, а как дело делать, так их нет. И ведь это правда, ребята, многие из нас по пяти раз ходят на одну и ту же картину.

— А что тут, собственно, плохого? — поправляя очки, спросил Денисов. Он очень любил кино и если не ходил на каждую картину по пяти раз, так только потому, что у него не было денег.

— А то, что обыкновенно! — вынырнув из-за плеча Саши, закричал Даня. — Геологи, небось, не ходят на каждую картину, а может быть, им тоже охота...

Ребята раскрыли рты.

— Да, да, — распаяясь, продолжал Даня, с силой ударяя кулаком по воздуху. — Нам поручили до-бы-чу цветного металла, совершенно так

же, как геологам. И вот, представьте себе, как они там где-нибудь потом обливаются... Пески, жара, хамсин и всё такое...

— Ну, уж и хамсин! У нас не бывает хамсина. Это в аравийских пустынях.

— Всё равно, — сказал Саша. — У нас бывают чёрные бури... В общем, Яковлев прав.

— Ещё бы! — насмешливо сказал Кузнецов.

Все переглянулись. Дело было в том, что за последнее время Саша Петровский и Даня Яковлев подружились так, что весь класс стал с лёгкой руки Кузнецова называть их «попугаями-неразлучниками». Они сидели на одной парте, поджидали друг друга, чтобы вместе уйти домой после занятий, и постоянно вели между собой нескончаемый разговор нивесть о чём. Во время большой перемены они грызли одно яблоко и читали одну книгу, бранясь в тех случаях, когда кто-нибудь из них переворачивал страницу раньше времени.

Кузнецов терпеть не мог этих «телячьих нежностей» и пользовался каждым удобным случаем, чтобы поддеть обоих друзей. Даня выходил из себя и лез на него с кулаками, а Саша делал вид, что не обращает ни малейшего внимания на все эти кузнецовские штучки.

— Да, да! В общем, Яковлев прав, — повторил он, на всякий случай отводя от Кузнецова глаза: так было легче сохранять спокойствие. — Нам поручили важное дело, а мы не справились. И мало того, что не справились... — Он слез с бревна и с досадой постучал кулаком о ладонь... — Ужасно всё скверно вышло, ребята... В пятом — уже сорок килограммов. В нашем втором и третьем звене — тоже есть килограммов тридцать — двадцать. А у нас — ничего.

— Да, ничего себе «хамсин»! — сказал Кузнецов.

— В общем, — не без труда выговорил Саша, — в общем, Зоя Николаевна сказала, что наше звено отстающее и что мы бросаем тень на весь класс...

— Вот это да! — обиженно сказал Володька Иванов.

— Были первые, стали последние, — пробасил Семенчук.

Поднялся шум. Все мальчики заговорили разом.

Саша поднял руку.

— Так вот, ребята, мы должны тратить на это дело ежедневно хотя бы по часу, но не пропустить ни одного дня до самой сдачи. И сколько собрали — столько собрали, совесть у нас будет чиста...

Но тут в разговор опять вмешался Яковлев.

— Постой, постой! — закричал он, вскакивая на бревно. — То есть как это «сколько собрали — столько собрали»? Ведь все же думают, что у нас уже четверть тонны!.. Мы сами объявили!

— Положим, не я объявил, а ты.

— Четверть тонны! — охнул Семенчук.

— Н-да, ничего себе, — протянул Кузнецов.

— Вот трепло! — сердито крикнул Иванов. — Ну, сам объявил, сам теперь и собирай.

— Ребята, — сказал Петровский примирительно. — А чего вы, собственно, сердитесь на Яковлева? Ну, сказал... А что он такое сказал? Он заступился за звено. Но ведь мы соберём... Всё равно соберём.

— Да уж теперь придётся, — хмуро согласился Кузнецов. — Я, например, начну сегодня же. Пороюсь у нас в сарае.

У каждого из ребят уже родились кое-какие замыслы. Почти все хотели попробовать сначала посмотреть у себя в кладовке, в углу на кухне, на нижней площадке чёрной лестницы.

На том и порешили.

Во дворе стало пусто. Ребята разошлись.

— Постой!.. Ты, собственно, куда? — увидев, что Яковлев бодро шагает в противоположную от дома сторону, спросил Петровский.

— Как это куда? Ты же сам только что говорил, что начать надо сегодня!

Петровский опешил.

— Ну да, разумеется... Но я же не сказал, что сейчас.

— А потом будет поздно! — в азарте закричал Яковлев. — Если я пойду домой, то «она» меня уже больше не выпустит. «Она» ни за что меня не выпустит!

«Она» — это была мать Яковлева. Иначе он за глаза её не называл. Всем в классе было известно, что «она» никогда ничему не сочувствовала. «Она» пыталась помешать лыжной вылазке: «Простудишься, а потом кто будет за тобой ухаживать?». «Она» устраивала скандалы из-за того, что они опять идут в кино: «Лучше бы уроки повторял!». «Она» выбрасывала подобранные им гвозди и гайки и говорила: «Хватит с меня этого мусора!».

Саша привык с молчаливым уважением относиться к беде товарища. Ничего не поделаешь, раз уж «она» такая.

— Постой, Данька, — мягко и осторожно сказал он, — ну, допустим даже, что мама тебя сегодня не выпустит на улицу. Так что же? Не выпустит, и не надо... Поговоришь с нею, поговоришь с соседями. Я лично собираюсь сегодня так и сделать — спрошу дома, потом пройду по нашей лестнице...

— А я лично, — твёрдо сказал Яковлев, — с сегодняшнего же дня начинаю обход района. И твоя мама, может быть, отдаст тебе цветной металл, а моя не отдаст. Она ни за что не отдаст. Мало того — ещё пилить будет: скажет, что я ради своих затей родную мать готов сдать в утильсырьё и ещё что-нибудь в таком роде. И вообще, зачем ты вместишься?! Разве ты можешь это понять?.. Ты же не знаешь моей мамы!.. Одним словом, я иду сейчас. А если хочешь по правде, так то, что дома валяется, можно и в последнюю минуту захватить: никуда оно не денется. А начинать надо с трудного. Ты это сам тысячу раз говорил.

— Положим, верно, — задумчиво согласился Саша. — Но как хочешь, а хорошо бы всё-таки зайти поесть. Я голоден, как собака.

— А я, может быть, голоден, как две собаки! И ничего!.. Молчу...

— Но послушай, ведь у нас же нет с собой мешков! Надо всё-таки иметь при себе какую-нибудь тару.

— Мешки? — удивившись, ответил Даня, как будто речь шла о камешке, который валяется под ногами. — Сказал тоже!.. У каждого дворника сколько угодно мешков. У них всегда бывают мешки. Надо только попросить — и всё...

— Пожалуй, — подумав, ответил Саша. — Можно, во всяком случае, попытаться. Но ты знаком хоть с одним дворником?

— С одним? — удивился Даня. — Да меня здесь знает каждый встречный дворник.

— А где живут эти твои знакомые дворники? Надеюсь, не очень далеко? Может быть, всё-таки будет разумнее зайти за мешками домой?.. Ну ладно, ладно... Пусть не к тебе, ко мне...

— Как хочешь, — сухо сказал Даня. — А я зайду сейчас вот в этот двор и через пять минут вернусь с мешком. Если надо — с двумя...

Он свернул за угол и решительным шагом вошёл во двор чужого дома. За ним, слегка отставая, чуть-чуть колеблясь, пошёл и Саша.

Пересекши тёмный двор, Яковлев уверенно подошёл к какой-то двери. Но тут смелость неожиданно покинула его.

— Понимаешь, — сказал он задумчиво, — как будто это тот самый двор. А может, не тот?

— А я-то почём знаю? — сказал Саша хмуро. — Если не тот, так нечего и время зря терять. Идём ко мне.

— Нет, по-моему, всё-таки тот...

— Ну, так тогда иди и постарайся обернуться побыстрее, — сердито сказал Саша. — Не засиживайся, пожалуйста, у этого своего приятеля. Уже совсем стемнело...

— Не засиживаться? — удивлённо и простодушно переспросил Даня. — Да нет, я не засижусь, не беспокойся.

Сказав это, он поглядел зачем-то в освещённое окошко полуподвального помещения, где и в самом деле, судя по внешним признакам, жил местный дворник. Поглядел, вздохнул и, покусывая палец варежки, переспросил нерешительно:

— Так ты говоришь — не засиживаться?

Петровский молчал, но Яковлеву показалось, что в глазах товарища блеснул насмешливый огонёк.

Даня отвернулся и приник лбом к запотевшему окошку. При скудном свете маленькой лампочки, поблёскивавшей в дворничкой, он разглядел широкую спину человека, сидевшего за столом. В углу комнаты стояли лопаты, метёлка... Мешков не было видно.

— Ну что же? — спросил Петровский нетерпеливо. — Если ты не решаешься войти, скажи прямо! Тогда пойду я. Хотя лучше было бы взять мешки из дому.

— Не решаюсь? С чего ты взял? — И Даня на минуту сделался серьёзным. — Вот ещё — дворников бояться!..

Но тут дверь внизу отворилась. Из тёмной щели показалась обмотанная платком голова, и сердитый женский голос спросил:

— Чего надо? А? Безобразить на чужой двор пришли?

Даня быстро глянул на молчаливо стоявшую в полутьме двора прямую фигуру товарища и вдруг, решительно отстранив женщину в дверях, сказал:

— Разрешите, разрешите-ка на минутку пройти в помещение, гражданочка.

— Чего? — спросила, удивившись, дворничиха.

Он, не отвечая, юркнул в коридор.

Дверь захлопнулась.

Саша остался один во дворе и стал ждать.

С удивительной быстротой зажигалась цепь огней в окнах. Сперва появились в этой цепи лишь отдельные светящиеся звенья. Затем сплошные цепочки зажёгшихся огней протянулись по всему фасаду, и лишь изредка то тут, то там выпадало из яркой огневой ленты слепое тёмное звено. Но с каждой минутой тёмных точек становилось всё меньше и меньше. Окна, широкие и узкие, светились разноцветными огнями. Некоторые из них были затемнены шторами, другие — тюлевыми занавесками. Но многие стояли совсем открытые, ничем не завешенные, отвечая прямым взглядом на сашин взгляд.

И вот открылась наконец дверь дворничкой. В светлом прямоугольнике показалась голова Дани, его сдвинутая на самый затылок кепка.

— Сашка!

Голос у него был не то обрадованный, не то испуганный.

Саша, не колеблясь, двинулся к товарищу, готовый оказать любую поддержку и помощь...

— Портфель!.. — свистящим шёпотом сказал Даня.

— Портфель?.. Зачем? Какой? — удивился Саша.

— Живей! — ничего не объясняя, командовал Яковлев. — Твой

портфель с книгами... Он может раздумать. Он согласился взять в залог.

— Какой, однако, добрый дворник, — вздохнул Саша, но беспрекословно передал Дане свой новый портфель, недавно подаренный ему матерью за круглые пятёрки. В бледном оконном свете на зелёной коже портфеля сверкнули, быть может в последний раз, блестящие посеребрённые буквы «А. П.» — Александр Петровский.

Яковлев не дал товарищу времени пожалеть о портфеле. Он тотчас завладел им и скрылся за дверью. Но вскоре возвратился опять, таща с собой на этот раз два огромных, перекинутых через плечо мешка.

Когда мальчики вышли на улицу, они убедились в том, что добрый дворник всучил им мешки из-под угля. Левая щека и руки Дани уже успели покрыться лёгкой угольной пылью. Но это его нисколько не смутило.

— Замечательная штука! — говорил он возбуждённо и похлопывал себя по ноге свёрнутым в жгут мешком. — Целый паровоз войдёт, а?

— Возможно, — без особенного восторга ответил Саша. — Одного я только не пойму: как мы будем ходить по квартирам с этими замечательными мешками? Даже портфели — и то отобрали!.. Можно было бы хоть временно спрятать в портфель.

— Подумаешь! — бодро ответил Даня. — Никого из знакомых мы, конечно, не встретим, а чужих потом никогда не увидим. Они даже не будут знать, что ты — это ты, а я — это я.

— Ладно! Предположим, — вздохнув, согласился Саша. — Однако шестой час. Так мы, пожалуй, много не нарботаем. Начали.

— Хорошо, хорошо! — с готовностью согласился Даня. — Ты пойдёшь по той стороне улицы, а я — по этой. Мне на тот конец нельзя. В это время «она» ходит за свежими булками.

— Так что же? — удивился Саша.

— Спрашиваешь?! Начнутся разговоры, то, сё... Ты же её не знаешь. Знал бы — не говорил...

— Допустим, — деликатно заминая этот тяжёлый разговор, сказал Саша. — Значит, в девять ноль-ноль у дверей твоего знакомого дворника. Только убедительно попрошу не опаздывать.

— Ладно, в девять ноль-ноль, — как эхо, повторил Даня, поглядел на товарища, махнул ему рукой и перешёл на другую сторону улицы. Теперь надо было войти в первый попавшийся подъезд и позвонить в любую дверь. Но это почему-то было не так-то просто. Яковлев пошёл вдоль улицы, вглядываясь в фасады домов. С какого же начать? С этого или с этого?

Ежеминутно оборачиваясь, он видел сашину серую кепку, его согнутую в локте руку с небрежно перекинутым через неё угольным мешком. Саша тоже шагал вдоль ряда домов, заглядывая в проёмы ворот и входные двери. Дойдя до крайней подворотни, он обернулся и поглядел назад, на другую сторону улицы, разыскивая глазами Даню.

Этот взгляд немного успокоил Яковлева: должно быть, и Петровскому тоже было нелегко постучаться в чужую дверь.

Даня взмахнул угольным мешком и пошёл, почти побежал вперёд...

Добежав до первого подъезда, он вошёл и опять остановился, потеряв уверенность в себе.

Как его примут? Как встретят? Сумеет ли он горячо и толково объяснить людям, зачем пришёл?..

Эх, будь, что будет!

И он нажал звонок.

Глава 6

Кнопка звонка показалась ему холодной, как лёд. Только теперь он разглядел в полутьме лестницы, что на двери висит карточка, вернее сказать, картинка с двумя красиво нарисованными колоннами. Между колоннами было написано:

«Иван Васильевич Чаго (полковник)».

За дверью послышались энергичные шаги. Дверь открылась. Даня увидел на пороге человека в галифе, подтяжках и тёплой фуфайке.

Человек был тучен, высок и величествен, несмотря на свои подтяжки.

— Вы будете здешний квартуполномоченный? — спросил, совершенно оробев, Яковлев, заглядывая снизу в спокойное розовое лицо человека.

— Да, я квартуполномоченный. Чем прикажешь служить?

— Видите ли, — сказал Даня, слегка ободрившись под его внимательным взглядом. — Наша школа проводит сбор цветного металла. Только я вас очень попрошу ширско это пока не разглашать. Мы потом сами объявим через «Ленинские искры»... Мы... ну, в общем, наша школа... свой вклад... Пятилетка... — Он запутался. — Так, пожалуйста, я к вам, то есть, не я, а всё наше звено обращается к вам, поскольку вы квартуполномоченный. Может быть, у вас есть немножко цветного металла? Мы будем очень благодарны.

— Ага... — сказал задумчиво человек в подтяжках. — Цветного металла, говоришь?.. Вклад, говоришь?

— Цветного, — подтвердил Даня. — Вклад...

— Так, так, прелестно! Ну что ж, проходи в комнату, конспиратор, сейчас прощупаем, каковы твои перспективы. Да ты заходи, заходи, не робей. Вот сюда, в эту дверь.

Опустив голову, Даня вошёл в чужую комнату и остановился на пороге, ослеплённый светом большой стосвечёвой лампы под двумя гофрированными веерами из жёлтой бумаги.

За столом происходило чаепитие.

— Мамаша, угостите! — сказал человек в подтяжках. — Тут, понимае ли, такие обстоятельства... К нам обращается звено. Пройдём, Анюта, в коридор.

Анюта, которая была пожилой женщиной (разве чуть-чуть помоложе, чем мама Яковлева), поглядела на мальчика с мешком, потом недоумевающе взглянула на мужа, встала из-за чайного стола и, покачав головой, вышла из комнаты.

Даня молча стоял под взглядами людей, допивавших чай, не смея шелохнуться, не смея поднять глаза, не зная, куда девать руки... Стоял, вцепившись в свой угольный мешок, и старался не видеть тарелки с домашним печеньем и булками. Он был голоден теперь уже не как две, а как пятнадцать собак.

— Садитесь, пожалуйста, мальчик! — вдруг сказала девочка, сидевшая за чайным столом. — Ведь папа же сказал, чтобы вы сели.

— Спасибо, не хочу, — сорвавшимся басом ответил Даня. — Я не люблю сидеть.

— Нет, отчего же? Почему же не присесть? — рассудительно ответила сидевшая у чайника старушка, наверно здешняя бабушка. — Сними-ка пальто, да и садись. Что ж такого? Пришёл по делу, а дело, голубчик, в одну минуту не делается. Да ты не стесняйся. Отдышись и ни на кого не гляди, я тебе чайку налью, попей потихоньку горяченького.

Даня неизвестно по какой причине залился густой краской.

— Спасибо, нет!..

— Экой ты странный, право! Всё нет да нет... Заладил! — ответила бабушка.

Девочка тихонько засмеялась.

Даня покраснел ещё гуще.

Подняв ошеломлённый взгляд, он встретился с голубыми глазами девочки.

Вообще говоря, он не уважал девчонок. Ну их совсем! Но эта была особенная.

То ли косы длинней, чем у других, то ли ямочка на подбородке, как ни у кого?..

Он поскорее отвёл глаза и стал смотреть на свой мешок, она — на недопитый чай...

Между тем перед ним уже поставили дымящуюся чашку, пододвинули к нему печенье.

— Закусывай, мальчик, — сказала старушка.

— Спасибо, я не хочу, — через силу ответил Даня.

— Бабушка, а он вообще не любит есть, — тонким голосом сказала девочка.

Услышав это, краснощёкий толстяк (мальчик этак лет девяти), сидевший рядом с девочкой и старательно рисовавший розовым карандашом метро с колоннами (не иначе, как именно он сделал картинку для дверей и гофрированный абажур на лампу), опустил лицо на рисовальную тетрадь и громко фыркнул.

«Кажется, он у нас в школе учится, — подумал Даня. — Ладно, я ж ему покажу!..»

— Пей чай, — сказала старушка, — да расстегни пальто наконец. Здесь жарко, выйдешь на улицу — простынешь.

Даня беспомощно поглядел по сторонам и, покорно расстегнув пальто, с отчаянием схватился за чашку.

Он пил, посапывая, давясь, не смея поднять от чашки взгляд, забыв положить себе сахару.

Наконец чашка опустела. Он уже было собрался поставить её на стол, как вдруг заметил на белой фарфоровой ручке угольные следы... Стиснув в руке пустую чашку, он так и застыл, не зная, что же теперь делать. К счастью, как раз в эту минуту дверь из коридора распахнулась, и человек в подтяжках подмигнул ему с порога.

-- Эй, паренёк... Сюда! Можно сказать, выиграл сто тысяч по трамвайному билету. И всегда тебе так везёт, а?

Забыв сказать старушке спасибо, мальчик ринулся в коридор, волоча за собой мешок из-под угля и сея по дороге легчайшую угольную пыль.

— А ну, активист, подгребай, живо! — командовал человек в подтяжках, похлопывая Даню по плечу.

Жалобно скрипнув, открылась кухонная дверь. И неслыханное богатство предстало перед Даней. Посреди кухни возвышалась целая гора цветного металла. Под неярким светом висящей высоко под потолком лампочки поблёскивал таинственным медным блеском дырявый таз для варки варенья, струил белые, рябые лучи чайник, который был когда-то никелированным. Тут было подножие керосинки, четыре большие кастрюли, медный поднос, проволока от негодных электрических проводов, дверные ручки, печная дверка...

Засучив рукава, человек в подтяжках весело помогал растерявшемуся от радости Дане запихивать эти богатства в мешок из-под угля. Сидя на корточках, увлечённый, словно сам был сборщиком лома, он говорил:

— Видал?.. Нет, ты скажи... видал? Ну, что?.. Ну, как на твои глаза?.. Прелестная вещичка, никак не меньше четырёх килограммов чистого веса... А это? Да такой керосинки днём с огнём не найдёшь,

Мешок был полон. Человек в подтяжках легко взвалил его на плечи закачавшегося Яковлева и спросил:

— Ну как, дотянешь, паренёк? А?

— Дотяну! — чуть слышно ответил Даня и, грохоча своей медной кладью, сопровождаемый человеком в подтяжках и его пожилой Анютой, двинулся к парадной двери.

И вот он опять на лестнице. Всё осталось там — за этой тяжёлой, обитой клеёнкой дверью: комната с лампой под жёлтым гофрированным абажуром, отзывчивый полковник в подтяжках, приветливая бабушка, толстый мальчик, которого следовало бы вздуть...

И девочка, непохожая на всех остальных девчонок.

Сидит, небось, сейчас за столом и смеётся над Даней.

Глава 7

...А интересно знать, сколько примерно весу может быть в таком мешке?.. Пятнадцать, двадцать килограммов?

С каждым шагом тяжесть мешка всё увеличивалась. Красотища! Один заход — и сразу двадцать, нет, верных двадцать пять кило! Если помножить двадцать пять килограммов на ихнее звено, то есть на девять человек, а девять человек на пять или на десять дней.

Кто-то больно толкнул его в бок. Крупно шагая, Даню обогнал какой-то мальчик с мешком на плече.

Ай да ребята!.. Тоже бегают, не евши, по району и набивают ломом мешки.

— Эгей! — закричал Даня.

Мальчик даже не обернулся. Он дошёл до угла и остановился там на перекрёстке, под ярким светом фонаря. И тут стало видно, что мальчик вовсе не из их класса. Даже не из их школы...

Что бы это значило?

Прижавшись к стене и затаив дыхание, Даня стал наблюдать. Ждать пришлось недолго: из-за угла вышли ещё трое — все с мешками разной величины — и, не говоря друг другу ни слова, с видом заговорщиков, двинулись гуськом по улице...

Вон оно что! А Зоя-то, Зоя говорила: «застрельщиками». Вот те и застрельщики! Эти ребята, может быть, уже вторую неделю шныряют по всему городу и собирают лом.

От досады Яковлеву даже стало жарко. Нет! Он не даст соседней школе утереть им нос. Они ходят по всему городу, — прекрасно! И он пойдёт за ними. Куда они, туда и он.

Стиснув зубы и стараясь ступать как можно тише, Яковлев решительно зашагал в хвосте. Есть хотелось всё сильнее. Теперь, когда у него не было времени подсчитывать будущие успехи звена, в спину ему безжалостно вонзались то ручка от печной дверки, то острый угол подноса.

А ребята, как назло, шагали вперёд быстро, спокойно, уверенно.

Дошли до углового многоэтажного дома (дошёл и Яковлев), вошли в ворота (и он — в ворота). В углу двора стоял небольшой двухэтажный домик. Ребята круто свернули в ту сторону. Дом был огорожен низеньким палисадником. Внутри палисадника росли какие-то кусты и длинное тощее дерево. Проходя мимо него, Даня невольно закинул голову. Тёмное кружево веток отбрасывало на крышу дома лёгкие тени.

Между тем один из мальчиков уже подошёл к порогу дома и уверенно дёрнул звонок. В глубине квартиры раздалось многократное мелодическое треньканье, похожее на перезвон колокольчиков из школьного оркестра. Послышались шаги. Дверь распахнулась. На пороге стоял какой-то высокий мальчик, — должно быть, уже восьмиклассник.

— Дома? — спросил один из пришедших.

— Дома. В берлоге, — ответил высокий. — И где вы только копаетесь? Я уже давно здесь.

— А что, Борис Николаевич пришёл?

— То-то и есть, что пришёл. Ждёт.

Мальчики ничего не ответили и быстро зашагали вверх по невысокой жёлтой лесенке, какие редко бывают в городских домах, но зато очень часто где-нибудь за городом, на даче. Стараясь не задевать своим мешком жёлтые перила, позади всех шагал Даня.

...Комната, куда вошёл он вслед за остальными мальчиками, показалась ему удивительной: все стены в ней состояли из книжных шкафов. Книги подпирали друг друга плечами, словно солдаты, берущие штурмом стену крепости. Там, где между полками оставались пустые пространства, висело множество удивительных и чудесных предметов: кусок дерева, испещрённый рядами зарубок, раскрашенная, грубо слепленная маска, бубен, ожерелье из бус и перьев, целые ряды кремней, обточенных в виде лезвий, зубил, молотков, — должно быть, орудия доисторического человека.

Даня с трудом оторвал глаза от всех этих странных вещей и увидел, что посреди комнаты, под лампой, стоит обыкновенный обеденный стол с ещё неубранными глубокими тарелками. За столом, оживлённо разговаривая о чём-то, сидели трое людей. Один из них, повернувшийся в профиль к двери, был большой и широкий в плечах. Его крупный нос смахивал на клюв коршуна. Глаза у него были светлосерые, казавшиеся очень яркими на тёмном, навсегда загорелом лице. Они были даже не серые, а какие-то зеленоватые, пристальные, насмешливые и зоркие. Всё вместе — поворот головы, согнутая в локте рука, лежавшая на столе (тоже очень большая и смуглая), нос, похожий на клюв, — производило впечатление мужества, лихости, дерзости.

Второй, суховатый и черноволосый, по всей вероятности был китаец. Глаза у него были раскосые, скулы жёстко обтянуты матовой кожей.

Третий, возраст которого было никак невозможно определить, держал в кулаке и всё время поглаживал тоненькую, довольно длинную бороду, завивавшуюся на конце в виде вопросительного знака.

— Здравствуйте, — хором, но негромко сказали мальчики из соседней школы.

— Здорово, ребята, — ответил тот, у которого нос был похож на клюв коршуна.

— Ну, ну, показывайте, что принесли, — сказал человек, поглаживавший бороду, и сразу разжал пальцы, словно желая швырнуть конец бороды в лицо удивившегося Дани.

Встав с места, он присел на корточки перед мешками, и Даня, заглянув через его плечо, увидел, сильно удивившись, что в мешках, которые развязали ребята, лежат вовсе не кастрюли и примуса, а камни.

— Ну что ж... Очевидно, девонские отложения, — сказал мальчикам бородатый человек.

— Да, да, мы так и определили, Борис Николаевич, — почтительно ответил один из них.

«Так и определили!..». «Девонские отложения...». Ишь ты! — Яковлев крякнул.

А бородатый учёный всё ещё рылся в мешке с камнями.

— Пойдите-ка, пойдите, вот это находка! — вдруг сказал он и, выпрямившись, поднёс к свету какой-то камешек. Даня заметил на его тусклой поверхности чуть видный узорчатый отпечаток.

«Ах, чёрт! Вот они где — настоящие геологи, или как их там... копают, ищут, находят!..» Сбор лома, который только что казался Дане важ-

ней всего на свете, вдруг сделался какой-то мелочью, пустяком, — подумай, обломки примуса...

А ловкие руки учёного извлекали один за другим серые, красноватые и чёрные камни из принесённых мальчиками мешков. Мальчики говорили наперебой: «Спериферы», «Краниа», «Головоногий моллюск»...

— Молодцы! — одобрительно покачивал головой Борис Николаевич. — В общем, мне, видно, придётся помочь вам только в возрастной квалификации.

И тут вдруг произошло нечто непредвиденное.

Не поднимаясь с пола, Борис Николаевич круто повернулся, посмотрел на стоящего у него за спиной Яковлева и протянул руку к его мешку.

— А ты что же? Открывай, — сказал он и сам ловко и быстро развязал верёвочку, стягивавшую данин мешок. Развязал, запустил в мешок руку и вытащил оттуда печную дверку.

Стало тихо. Оседая, тоненько звякнул мешок.

— Ага, — сказал задумчиво Борис Николаевич.

Мальчики прыснули.

С такой глубокой серьёзностью, что ни один мускул не дрогнул у него на лице, Борис Николаевич подошёл к свету и стал внимательно оглядывать дверку.

Коршунообразный сразу подхватил эту игру. Ни о чём не расспрашивая, он взял дверку левой рукой из рук Бориса Николаевича и прищурился:

— Гм... Интересный экземпляр! Борис, а? Как по-твоему?

— Пожалуй, — пожимая плечами, задумчиво подтвердил Борис Николаевич. — Хотя, с другой стороны...

— С другой стороны... — и коршунообразный, взяв дверку, совершенно серьёзно перевернул её на другую сторону, — с другой стороны — следы долгого служения человечеству в виде сажки, копоты и прочего... Редчайшая находка... Немедленно передать в музей.

Борис Николаевич кивнул головой.

— Ты так думаешь, Озеровский? Гм... пожалуй!

Они переглядывались, поднимали брови, их лица выражали глубокую сосредоточенность.

Было видно, что им не впервые разыгрывать спектакли. Зрители были очень довольны. Мальчики то и дело фыркали, поглядывая друг на друга.

Не смеялся один только Яковлев. Он стоял, багрово-красный, опустив голову, выпятив губы.

И вдруг вне себя, со слезами в голосе, Даня сказал:

— Подумаешь! Закопались! Камни, камни!.. А наша школа для пятилетки! Мы, мы — лом... Цветной!

— Что ты сказал? Закопались?! — спросил один из мальчиков. — А ну, повтори!..

— И повторю, — сказал Даня.

— Ты говоришь: «камни»... Ребята, он говорит: «камни»... Довольно стыдно тебе! А ты знаешь, что такое пале-онтология?.. Ага, не знаешь, так молчи! Ты знаешь, что по головоногому моллюску определяют залежи нефти? А? В Баку. Губкин. Ага, не слыхал? За-ко-пались! Газеты, газеты надо читать. Не знаешь, так молчи...

Он надвигался на Даню, выставив вперёд голову.

— Я тебе дам задираться! — тонким голосом ответил Даня и, тоже выставив вперёд голову, пошёл на своего противника.

Увидев это, коршунообразный сейчас же встал со своего места.

Несмотря на ярость, Даня заметил, что один рукав его пиджака пуст: у него не было правой руки.

— Так, так, — садясь верхом на стул и размахивая левой рукой, как будто дирижируя ею, командовал коршунообразный. — Фролов, отойди, ты мешаешь! Уберите-ка стул у них с дороги!..

И вдруг дверь в соседнюю комнату распахнулась. Оттуда вышла и остановилась на пороге старая женщина. Её желтовато-седая голова повернулась в сторону Озеровского. Лоб был перехвачен чёрной бархатной ленточкой, седые кудри, аккуратно разделённые пробором, взметнулись по обеим сторонам ленточки, когда она повернула голову. От её лица, обрамлённого свежим и светлым воротничком мешковато сидящего тёмного платья, от её плотной и даже немного грузной фигуры веяло молодостью, опрятностью и какой-то скромной, спокойной деловитостью. Маленькая розовая рука опиралась на палку с резиновым наконечником.

— Что здесь, собственно, происходит? — с интересом спросила она и посмотрела вокруг своими ясными голубыми, поблёкшими от возраста глазами, вправленными, как солнце в лучи, в целую сеть тончайших морщинок.

Озеровский вскочил со стула. Почтительно стояли рядом китаец и Борис Николаевич. Притихли мальчики.

— Небольшой турнир, Елена Серафимовна, — ответил Озеровский, — турнир в защиту двух направлений: теоретического и практического... Борцы — товарищ Микеладзе и товарищ...

— Яковлев, — глядя исподлобья на Озеровского, сказал Яковлев.

— Но разве вы не знаете, Озеровский, что теория и практика совершенно неразделимы? — чуть улыбувшись, сказала женщина. — И, кроме того, нельзя ли немного потише. В этой квартире, дорогие гости, есть один человек, которому время от времени всё же нужно работать.

— Простите, Елена Серафимовна, — с отчаянием в голосе сказал Озеровский. — Это я больше всех виноват. Как всегда, я... Ну, хотите, отскайте меня за уши или выдерите за чуб.

— Некогда, голубчик, — сказала женщина, которую он называл Еленой Серафимовной, и, улыбаясь, погрозила ему пальцем. — Ужо на досуге, в Ноябрьские дни или Первого мая. А пока, чтоб искупить свою вину, затопите-ка печку. Что-то холодно стало.

— Сию минуту. Мигом! Микеладзе, Фролов — топор!

Мальчики, стоявшие в дверях, кинулись куда-то в глубь квартиры.

— Ну вот и прекрасно. Когда растопится, скажите мне, Озеровский. Приду греться.

Старая женщина шагнула к порогу своей комнаты и уже хотела было прикрыть за собой дверь, как вдруг, неожиданно для самого себя, её остановил Яковлев.

Она была здесь хозяйкой. Её уважали, быть может — боялись. Перед ней стоял навытяжку даже этот сильный, большой Озеровский...

С решимостью отчаяния Даня взглянул ей в глаза и сказал бес-связно:

— Пожалуйста, не можете ли вы нам дать для нашей школы много цветного металла. Нам очень нужно. Для пятилетки. Мы обходим район. И вот я попал... Нечаянно. А они: камни, камни!... А я пришёл за ломом... Если не затруднит, — пожалуйста!

Она смотрела на него, будто не слыша. Смотрела удивлённо и внимательно, словно забыв о том, что ему может быть неловко от её пристального взгляда. А ему и в самом деле стало неловко. Он уже хотел было повернуться и выйти в переднюю, как вдруг в глазах Елены Серафимовны задрожал какой-то свет, она слегка кивнула головой, улыбнулась.

— Заходите, дружок. Сюда, сюда — ко мне...

Он покорно пошёл за нею.

Так вот она — берлога!

В маленькой комнате на полу лежала огромная медвежья шкура, на стенах висели рога оленей и рисунки, изображавшие животных, — всё больше лосей, иногда — лошадей, но каких-то большеголовых, неуклюжих, не похожих на теперешних. У окна стоял письменный стол, на нём были разбросаны листки, исписанные мельчайшим, бисерным почерком. Весь подоконник занимал аквариум с опрокинутой над ним яркой, как маленькое солнце, электрической лампой. От аквариума ложился на стол зелёный, колеблющийся свет. Он освещал какие-то камни. Казалось, что камни лежат на берегу реки или моря, по ним проходили дрожащие, то золотые, то тёмные полосы, и от этого представлялось, что они как будто дышат или даже шевелятся... Эти продолговатые, грубо обточенные камни как будто намекали своими очертаниями на руку человека, когда-то сжимавшего их. Даня взял один из камней, повертел его и всей ладонью почувствовал, что камень и в самом деле обточен по руке.

— Кремнёвое оружие, — как будто вскользя сказала Елена Серафимовна. — Ему двести тысяч лет отроду.

Робко, не смея вздохнуть, Даня положил камень обратно на стол.

— Так. Чем могу быть полезной? — спросила она.

— Да вот, лом... Только я, наверно, не во-время пришёл. Вы заняты...

Он указал на раскиданные по столу листки.

Она кивнула головой.

— Занята немножко. Но это ничего. Дело важное.

Елена Серафимовна постучала в стену пальцем и негромко позвала: «Машенька!».

За стеной что-то зашуршало. Зашлёпали мягкие туфли, и ворчливый старушечий голос отозвался: «Иду!».

Но в дверях никто не показывался. Даня стоял у стола и смотрел на раскиданные по красному сукну листки.

— А это вы что делаете? — не выдержав, спросил он.

Она слегка улыбнулась.

— Да так, работу одну пишу.

— Сами пишете?

— Как сказать! — Она покачала головой. — Ученики помогают.

— Какие ученики? Вот те? — Он подбородком указал на дверь.

— Нет, — ответила она. — Среди моих сегодняшних гостей только один археолог.

— Кто?

— Ким. Кореец. Вы, наверно, заметили его? Но когда-то, когда им было лет по тринадцати-четырнадцати, — ну столько примерно, сколько вам сейчас, — двое других, Озеровский и Лаптев, тоже были моими учениками. Они начинали с археологии.

— А чем же кончили?

— Ну, они ещё далеко не кончили. Они молоды... Но каждый нашёл себе дело по душе. Озеровский — этнограф, индонезист, понимаете? Он изучает Индонезию. А Лаптев — палеонтолог.

Даня кивнул головой. Это противное слово навеки теперь врежется ему в память. (Надо будет всё-таки завтра спросить у Александра Львовича, что оно значит.)

— Если вам всё это интересно, приходите как-нибудь ко мне в музей антропологии и этнографии. Я вам обо всём расскажу...

— А можно? — тихо спросил он.

Она засмеялась.

— Конечно, можно. К нам приходит очень много ребят.

— Спасибо, — сказал он почти беззвучно и стал пятиться к двери.

— Постойте, но ведь вам же нужен был металл?

— Да уж ладно, всё равно!

— Нет, постойте! Машенька, Машенька! Да где вы там?

В дверях наконец показалась Машенька. Это была сердитая старушка в большом белом фартуке и валенках.

— А нет ли у нас цветного металла, Машенька? — робко спросила Елена Серафимовна.

— Чего? — Старушка в фартуке поджала губы и бросила быстрый взгляд на Даню. — Какого это — цветного?

— Ну, Машенька... Ну, какие-нибудь кастрюли медные, старый утюг электрический...

— Нету! — отрезала Машенька. — В блокаду отдали всё как есть. Вот разве скажете, новый утюг отдать?.. Что ж, отдам. Дело ваше.

Елена Серафимовна вздохнула и виновато посмотрела на Даню. И Дания поняли, что выпросить у Машеньки цветной металл не легче, чем у его мамы.

— Ладно уж! Не надо, — сказал он успокоительно и, неловко поклонившись, пошёл к двери.

Глава 8

Если Дания был недоволен собой, если что-нибудь у него не ладилось или огорчало его, он обычно горевал не слишком долго, а просто бросал то, что у него не выходило, и брался за другое.

Когда приходило это «другое» со своими новыми радостями и огорчениями, оно почти сразу вытесняло то, что тревожило прежде.

Но на этот раз было не так. Никакие события последних дней не могли почему-то вырвать из его сердца воспоминания о постыдной неудаче во время урока физкультуры.

Первый раз в жизни Дания встал перед трудной задачей: справиться, во что бы то ни стало справиться с самим собой.

Если удача прыжка зависит от решительности и смелости, — значит, он должен научиться прыгать не хуже Саши и Кузнецова. И Дания принялся прыгать при всех удобных и неудобных случаях.

Он прыгал, когда спускался с лестницы, прыгал через тумбочки в сквере Софьи Перовской, через лужи, через канавы — в длину и высоту. Но всё это было совсем не то, что прыгать в физкультурном зале через рейку.

И вот однажды, встав в шесть часов утра, он тихонько оделся и, стараясь не хлопнуть дверью, осторожно вышел из дома.

Вот она — школа. Вот её широкий порог. Вот, справа, колышки мичуринского участка... Он прошёлся два раза перед подъездом, поднялся по ступенькам и робко постучал в школьную дверь.

Стёкла двери казались чёрными в этот ранний час. Они отсвечивали темной длинных, неосвещённых коридоров.

За спиной Дания слышался ленивый звук грохочущего в предутренней тишине трамвая, трещали провода, шуршали подметавшие улицу метлы.

— Отворите! — заорал он, приложив губы к замочной скважине.

За стеклом зажглась лампочка.

— Да отворите же! Это я, я, Яковлев. Из шестого «Б»!

— Ошалел, — раздался за дверью голос сторожихи, тёти Груши, которую вот уже двадцать лет подряд все ребята называли тётёй Сливой. — Ошалел, — повторила она, — ночь на день переменял. Видишь — замкнуто. Так нет, сквозь стены норовят залететь. Того и гляди, все стёкла повыбивают. Иди, иди — рано!

— Тётя Слива! — сказал Яковлев, изо всех сил вцепившись в приоткрытую, но не поддававшуюся его напору дверь. — Пустите, я вас убедительно прошу. Ну, подождите, дайте сказать!.. Я вчера забыл в физкультурке варежки. Мама меня всю ночь за ними гнала... Я только не хотел вас беспокоить... Дайте, пожалуйста, на минутку пройти и взять варежки.

Они стояли в пролёте дверей, тесня друг друга: он толкал её в раздевалку, а она, отстраняя его локтями, пыталась загородить проход.

— Неугомонный! — вдруг сдаваясь, сказала она и опустила руки. — Матери всю ночь маются... Ключ! Ключ держи, ошалелый! Швейцаров нет за тобой по лестницам бегать.

Она подала ему маленький, чёрный ключик, отцепив его от большой связки ключей, державшихся на медном кольце. Отдала и, зевая, ушла куда-то в темноту, а он помчался наверх, зажав в кулаке с трудом добытый ключ, держась другой рукой за скользкие перила.

Третий этаж. Четвёртый, пятый.

Темнота.

Яковлев обшарил стены лестничной площадки. Вот дверь. Он ощупью нашёл замочную скважину и воткнул в неё ключ, согретый в его сжатом кулаке. Открывая дверь, он навалился на неё всей своей тяжестью. Но дверь и без того легко отворилась, и он с разгона едва не упал, перевалившись через порог.

Внизу, в глубине лестничного пролёта, было тихо. Оттуда не доносилось ни звука, ни шороха. Должно быть, тётя Слива опять прикорнула где-нибудь в полутьме раздевалки.

Постояв минуту в нерешительности, Даня собрался с духом, проволока по натёртому полу тяжёлые, соединённые между собой брусья, укрепил поперечную рейку, подложил тюфяк. После этого он разыскал в углу трамплин и поставил его в трёх шагах от барьера.

Свет за окнами теплился, чуть разгораясь тусклым накалом.

Даня, позёвывая, поглядел в окно на подёрнутые инеем крыши, потом снял ботинки, чтобы не стучать каблучками, медленно отошёл в дальний угол и остановился там, вобрав в себя дыхание.

— Раз, два, три! — сказал он себе негромко и, прижав к бокам локти, побежал через зал. Вот рейка уже перед ним. Он взбежал на мостик, но вместо того, чтобы оттолкнуться и прыгнуть, остановился, словно задумавшись.

— Значит, я всё-таки трус! — беспощадно сказал он себе и тяжело слез на пол.

«Трус? Нет! Не хочу!..»

Он измерил прищуренными глазами расстояние до трамплина, разбежался, почти закрыв глаза, и, оттолкнувшись, так и полетел... Полетел со сжимающимся сердцем, словно прыгнул сверху в глубокий колодец.

Сердце разрывалось, трепетало, билось, стучалось в уши. Оно билось частыми, ликующими ударами. Ударами освобождения, ударами преодолённого страха.

Правда, он не поджал под себя ноги во время полёта, как учил Евгений Афанасьевич, и увлёк за собой проложенную меж столбов перекладину, но он всё-таки прыгнул! И вот уже лежит по ту сторсну рейки, на полосатом тике мата.

Оттого что, прыгнув, он не присел по-кошачьи, на согнутых ногах, а встал всей своей тяжестью на вытянутые, словно деревянные ноги, во всём теле у него была неловкость, а в животе какая-то пустая, ноющая, тягучая боль.

Нет! Прыгать надо как следует — как Иванов, как Саша. Он поста-

вит себе условие, задумает такое, чтобы не прыгнуть было нельзя. И он сказал себе:

«Если я сейчас же не прыгну, поджав ноги в воздухе, а потом не опущу их сразу — легко, совсем легко, и не присяду, тоже совсем легко, как прыгающая кошка, — я сниму с себя галстук. Никому не скажу, но не позволю себе носить его!..»

Он отдышался, отошёл в дальний конец зала и остановился там, но не для того, чтобы отдалить прыжок, а для того, чтобы собрать все свои силы и дать успокоиться сердцу.

И вот он побежал, легко отбивая шаги, крепко прижав к себе локти, не отводя глаз от надвигающейся рейки.

Оттолкнулся и полетел, полетел, зажмурившись, поджав ноги, последним усилием преодолев непонятный ему самому, не душевный, а телесный страх.

Он пролетел далеко за рейку, не дав себе права опустить поджатые ноги. Так прыгает парашютист, глядя сверху на приближающуюся землю, но запретив себе раньше времени дёргать кольцо парашюта.

Он упал на мат с поджатыми ногами и тяжело ударился о жёсткий войлок. Ему показалось, что всё вокруг него дрогнуло, ёкнуло, отзываясь на его падение. Качнулась дверь, что-то звякнуло в окне и, словно мелкой дробью, рассыпалось по полу.

В голове гудело. Он открыл рот, глотая воздух, да так и застыл с широко раскрытым ртом. Из окошка вывалилось от сотрясения продолговатое стёклышко. Вывалилось и разлетелось на полу в хрустальную пыль. Морозный воздух, клубясь, рвался в пробину.

«Как же так? Ведь я до него и не дотронулся... Я даже не подходил к нему, — думал Даня. — Иван Иванович сам вставлял эти стёкла с ребятами и всякий раз, как входит сюда, непременно потрогает и проверит замазку. Вот уж нагорит! Вот нагорит! Что же теперь делать? Что я скажу?.. Ну, да ладно! Это потом... А теперь надо встать и начать сначала. Надо, чтобы во всём теле была лёгкость, чтобы ты весь был, как запущенная бумажная стрелка, — без мысли, без тяжести, без страха...»

Он попробовал тихонько запеть, притворившись, будто бы ничего не случилось. Но голос сейчас же оборвался, осекшись от учащённого дыхания.

Тогда он встал, отошёл в конец зала, не оглядываясь на выбитое окошко, и пошёл на брусок, в злобном азарте заставляя свои руки, ноги и всё тело почувствовать несвойственную им лёгкость.

Перемахнул через препятствие и упал ничком на мат. Потом поднялся и, не дав себе времени опомниться, ненавидя себя за неловкость и робость, отбежал снова, снова бросился вперёд и опять упал, тяжело ударившись оземь жёсткими, непослушными ногами.

«Нет, этого не будет! — говорил он себе. — Я не хочу, чтобы это было так».

Чтобы поскорее избавиться от ненависти к себе, он опять разбежался, совсем расслабив мускулы, до того усталый, что уже не в силах был думать ни о чём, кроме краткого отдыха на тюфяке после конца прыжка. Разбежался и полетел, не прижимая к себе рук, а зачем-то широко расставив их, распластав, точно крылья планёра.

И в первый раз он ощутил лёгкость полёта, короткую, жгучую, шемящую сердце радость.

Пролетел над рейкой и легко опустился на землю.

«Я не боялся!.. — говорил он себе, прижавшись щекою к тюфяку. — Мне совсем не было страшно. Я и раньше не боялся, я только не знал, не верил, что могу. Надо ещё раз попробовать так...»

Он взглянул снизу на планку, проложенную между брусками, на

разбитое стекло и сразу утратил веру в себя. Счастливый прыжок был просто случайной удачей. Он понял, что надо встать и всё начать сначала...

Между тем за окнами посветлело. Разгоралось утро. В голубоватом тумане лежали внизу дома, так мягко очерченные, такие лёгкие, что казалось — дунь, и они улетят.

«Как я устал! Как я сильно устал!..» — подумал Даня и, опершись обеими руками о жёсткий тюфяк, стал медленно подниматься.

И вдруг он услышал за спиной окрик, почти вопль:

— Гляди-ка, что вздумал! Видно, варежки ищет, разувшись. В шесть часов... все стёкла повыбивал... Варежки, говорит, обронил. Сама ключик ему подала. Вот он — эдак стоял, а я тут — и ключик ему подала. После слышу, будто бьётся что-то наверху. Думаю, лёд на крыше скоблят. А он — глянь! Нет, глянь!..

Они стояли в дверях: сторожиха и две уборщицы с мётлами. Даня отвернулся, чтобы спрятать от них своё потное, красное, измученное лицо.

— Сама ему ключик подала, — кричала старуха, тыча в его сторону связкой ключей. — На, мол, сынок! За варежками, говорит, пришёл...

— Да и не было у него никаких варежек! — сурово сказала уборщица Денисова. — Озорство одно!..

Дане вдруг стало обидно до слёз.

— Нет, были! Нет, были! — закричал он сдавленным голосом, — Только я их, наверно, в другом месте забыл. А вы не смеете... И не съел я вашу физкультурку... Не съел... И стёкол я не ломал!..

Голос у него оборвался.

Денисова вдруг посмотрела на него внимательным, насторожённым взглядом — у неё было пятеро ребят...

— Да полно ты! — сказала она потише. — Ишь, расхотелся! Ну, не выбивал, так и не выбивал. А только не само же оно разбилось?..

— Нет, само! — крикнул Даня, кое-как сунул ноги в башмаки и, не завязав шнурков, низко опустив голову, выбежал из физкультурного зала.

Глава 9

Раздался звонок. Захлопали парты.

В класс вошёл с журналом в руке классный руководитель и преподаватель английского языка Александр Львович Онучин.

Так как в этот день они уже виделись, он не сказал им: «Здравствуйте, мальчишки», а сказал как-то просто: «Садитесь, садитесь!» и буднично кивнул головой.

Положив журнал, он пошёл между партами, поглядывая на затянутое ослепительной изморозью окошко, на круглые и вытянутые макушки, позвышавшиеся над партами, на ещё не раскрытые и уже раскрытые и разложенные по партам тетради.

У него был танцующий шаг, а руки и щёки красны и губы легонько стянуты от мороза. От него отлично пахло морозцем. Наверно, только что вернулся с урока в соседней женской школе.

— Итак начнём, — сказал Александр Львович, — попрошу вас достать тетрадки. Сегодня будет контрольная. Переведём последний параграф. Все готовы? Отлично. Начали.

Петровский круго повернулся к Яковлеву и посмотрел на него испуганно и напряжённо... В глазах товарища он прочёл покорность судьбе и какое-то равнодушие: «пропадать — так пропадать!»

Дело было в том, что Даня не только не знал последнего параграфа, но у него даже не было сегодня с собою учебников. «Близкий друг», одолживший ему мешки, не пожелал возвратит портфель. Это случилось

потому, что мешок, в котором Яковлев дотащил щедрый дар полковника Чаго до дверей знакомого дворника, в двух местах порвался.

— Нет, эдак дело, ребята, не выйдет, — сказал, обнаружив дырки, знакомый дворник. — Как же эдак? Ведь уголь высыплется... Я сделал вам уважение, а вы — разрывать мешки... Мешковина была, посудите сами, довольно прочная. Хорошая мешковина. Зачем же озоровать? Я таскал — ничего не прорвалось. Вы таскали — у вас прорвалось. Как же так, без мешка? Без мешка я как без рук. Предоставьте новую мешковину, верну портфелики. Не нужно мне даром ваших портфеликов. Возвратите только целую мешковину.

И сколько ни клялся Даня, что доставит дворнику завтра же после школы новый мешок, — дворник и слышать ни о чем не хотел. Он только тряс головой и повторял: «Предоставьте новую мешковину, — слова не скажу, отдам!..»

Но тут в разговор вмешался Саша.

— Простите, — сказал он, присаживаясь на табуретку подле близкого друга Дани, — вы нам выдали два мешка. Мы внесли вам в залог два портфеля с книгами. Порвался один мешок. Стало быть, вы обязаны возвратить нам один портфель.

— Ну что ж! — согласился знакомый дворник, — задержим, значит, до завтра один портфель, сделаем уважение...

И он провёл рукой по коже портфеля Саши Петровского. На великолепном портфеле, который даже жалко было трепать каждый день, вспыхнули буквы «АП» (Александр Петровский). Никогда и ни у кого из мальчиков в школе, даже у старшеклассников, не было портфеля с такими красивыми, посеребрёнными буквами!..

И Даня не сумел снести укоризненного сияния этих букв.

— Это нечестно, нечестно! — закричал он, стуча кулаком по табуретке знакомого дворника. — Вы как хотите — это нечестно. Если бы мешки были новые, так тогда вы бы могли оставить в залог наш красивый, новый портфель... Но мешки были чёрные, из-под угля. Нет, вы, пожалуйста, не отворачивайтесь!.. Смотрите мне прямо в глаза, товарищ. Если хотите задерживать, так задержите за старый мешок наш старый, плохой портфель!

Дворник сдался. Петровский получил обратно портфель, а Яковлев, торжествуя победу, зашагал вслед за ним без книг и портфеля.

— Надо срочно достать мешок, — сказал Саша, как только за ними захлопнулись двери дворницкой.

— Пустое! — ответил Даня. — Я завтра скажу отцу, а он скажет ей.

— Смотри, Данька, — может быть, это как-то там сложно... Так я сейчас же сбегаю за мешком домой.

— Отстань! — и Яковлев заговорил о другом.

Петровский, которому мешки, циркули, деньги на кино и прочее давались легко, имел неосторожность поверить Яковлеву.

Только сегодня утром — и больше того, за десять минут до урока Александра Львовича — Петровский наконец узнал, что Яковлев не только не приготовил уроков, но что у него вообще не было никакой возможности их приготовить. Сегодня были английский и алгебра, как в тот памятный день. А как раз эти самые учебники и остались у дворника в стареньком, потрёпанном портфельчике Яковлева. Петровский пытался хоть как-нибудь натаскать товарища во время перемены. Но это оказалось не так-то просто. Даня ничего не слышал, не понимал и, очевидно, даже неспособен был понять.

Саша был против подкаски, но на этот раз он решил подсказывать, если Даню вызовут. Как-никак, человек пострадал не за себя. Он пострадал за общее дело...

Но контрольная!.. Контрольная была много хуже, чем если бы Яковлева вызвали к доске. Данька непременно засыплется, может быть, даже получит двойку в четверти. Допустить этого Петровский не мог.

— Ты будешь слушать? — спросил он, наклонившись к самому уху Яковлева.

— Могу! — с величайшей готовностью рявкнул Яковлев (и получил за это под партой пинок).

— Вот чистая тетрадка. Возьми и пиши!

— Что писать? — в отчаянии не то прошептал, не то выдохнул Яковлев.

— Что хочешь! — со злостью сказал Петровский. И, растянув сухие губы в улыбку, с опаской посмотрел на стоящего у окна учителя.

— Отложите разговоры до перемены, Петровский, если не возражаете, — сказал Александр Львович, продолжая с большим увлечением смотреть в окно.

Петровский покраснел и уткнулся в свою тетрадку. Учитель стоял, опершись локтем о подоконник, и сосредоточенно, внимательно, с живым любопытством смотрел во двор: во дворе шёл первый снежок.

Между тем Петровский неторопливо раскрыл учебник и положил его перед собой и Яковлевым. Он подпёр кулаком висок, обмакнул неторопливо перо. Пёрышко скрипнуло нежным звуком и продолжало тихонько и неторопливо скрипеть, пока Петровский не дописал страницу. Тогда он аккуратно вырвал её из тетради и подложил легчайшим движением под локоть Яковлева.

Яковлев принялся переписывать.

Отработавши барщину, Петровский получил возможность потрудиться и на себя.

В аккуратной тетради с надписью «Английский письменный, шестой «Б», Александр Петровский» — слова и буквы нанизывались, точно на нитку, складывались в строки и абзацы.

Перо скрипело. Времени оставалось в обрез.

Петровский был бледен. Он всегда бледнел, когда волновался и торопился.

Дописав страницу, он быстро проверил её и успел поставить недостающую запятую.

А Яковлев между тем всё ещё переписывал.

Петровский отнёс тетрадь на учительский стол, возвратился и сел на своё место, положив обе руки на парту.

Его пальцы слегка барабанили по самому краю парты одними подушечками, не производя при этом ни малейшего шума. Задумавшись, он смотрел на запорошённый снегом двор.

Александр Львович тоже смотрел во двор. Ходил, заложив за спину руки от окошка к двери, от двери к окошку и, дойдя до двери, поворачивался, чтобы ещё раз заглянуть в окно и ещё раз увидеть белый, покрывшийся снегом двор.

По лицу его было заметно, что он думает о чём-то своём. О чём? Наверно, о северных широтах, о которых однажды на сборе отряда рассказывал мальчикам.

...Фронт. Поздняя осень. Перевалив за сопки, части движутся по направлению к Петсамо. Длинное, долгое, нескончаемое шоссе, размеченное столбами с немецкими надписями.

Слева горная цепь, покрытая робкими, маленькими клочками снега. Светает.

В серой мгле огонь первого запылавшего костра похож издали на затеплившееся в дальнем доме окошко. Слышно звяканье ударяющихся

друг о друга котелков и щебет птиц — до того не привычный для уха солдата, пришедшего с той стороны хребта, где лежит пустая тундра, что от странного этого, милого звука перехватывает дыхание...

Он идёт по длинной дороге с большими столбами, с которых ещё не сняты немецкие надписи. Подняв лицо, он пытается различить в посветлевшем небе подвижные точки. Птицы. В самом деле — птицы! Их не видно, нет, — только воздух наполнен их жизнью, их щебетом, их птичьим дыханием. А между корнями деревьев мелькают клочкообразные, местами пронизанные жёлтыми травинками и готовые растаять с приближением весны снега.

Вот об этих-то давних поза-позапрошлогодных снегах вспоминал молодой учитель, внимательно глядя на школьный двор.

А Яковлев между тем тоже закончил переписывать. Задев на ходу крышку парты, он подошёл со своим листком к учителю, занятому воспоминаниями о щебете птиц.

Учитель вздрогнул, глянул рассеянно на переписанный Яковлевым листок, взял его в руки и вдруг сказал:

— Даже переписать вы не потрудились как следует, Яковлев. Вся страница в помарках. А зря. Петровский сегодня очень для вас старался. Вот видите, — торопился, сделал... гм... две... нет... три ошибки. Никогда не следует торопиться, Петровский. Да, так по существу, товарищи, я бы должен был поставить вам общий балл. Работа, гм... дружного коллектива... Но качество переписки отстало всё же от подлинника. Печально! Придётся вас в данном случае разделить. Яковлев — двойка, Петровский — тройка. — Он что-то отметил в школьном журнале. — Петровский, возьмите, пожалуйста, ваш первый, нет, вернее сказать — второй листок и запомните: никогда не следует повторяться.

В классе стало так тихо, что слышался шорох страниц.

Яковлев боком присел на парту. Он не смел поднять глаза на товарища. Он знал, что это первая тройка в жизни Петровского.

Когда молчаливый, хмурый Петровский и растерянный, виноватый Яковлев молча шагали по коридору к раздевалке, их остановил Александр Львович.

— Вот что, друзья, попрошу вас зайти в учительскую. Я задержу вас не надолго, минут на пятнадцать.

Яковлев и Петровский переглянулись, сделали крутой поворот и зашагали по коридору в обратную от раздевалки сторону — туда, где был жилой уголок, географкабинет и учительская.

— Заходите, ребята, — сказал, нагоня мальчиков, Александр Львович (сказал так приветливо, как будто бы приглашал их в гости).

Они вошли.

— Садитесь.

Сели.

Александр Львович прошёлся раза два по комнате, потом остановился против Яковлева и посмотрел на него внимательно и заинтересованно.

Яковлев засопел. «...Сейчас спросит, зачем я списывал, как будто бы сам не понимает».

Но Александр Львович спросил совсем о другом.

— Яковлев, — сказал он, опуская глаза (наверно, ему было стыдно за него. за Яковлева), — Яковлев, не будете ли вы любезны объяснить мне, что у вас сегодня, собственно, произошло в физкультурном зале? Зачем вам понадобилось выманить ключ у школьной сторожихи, проринуть тайком в физкультурный зал и выбить стекло?

— Но я же не выбивал!..

— Хорошо. Допустим. А отчего вы припли без книг, не потрудившись хоть сколько-нибудь ознакомиться с заданными уроками?

Яковлев молчал.

— Так, так... — сказал Александр Львович... — Ну, что ж... Передайте матери, что я жду её... Мы всё обсудим втроём и попытаемся вместе найти ответ. До завтра, Яковлев... А вы, Петровский, не уходите. Да и вы, Яковлев, подождите тоже ещё несколько минут. Я бы хотел, чтобы вы послушали наш разговор. Видите ли, Петровский, я высоко ценю настоящую дружбу. Её верность и самоотверженность... Однажды, кажется, в сорок третьем году, на фронте, мы с трудом добрались до чужой землянки и попытались там кое-как обогреться. Нас было трое: я, сержант и девушка-санструктор. В эгонь упала портянка этой девушки. Упала и, разумеется, сгорела наполовину. Пустяк, портянка! Но в тех местах, понимаете сами, не было А.Х.Ч. Вы знаете, что такое А.Х.Ч.? Административно-хозяйственная часть.

Мы собрались итти. Девушка стала робко натягивать мокрый сапог на босую ногу.

А на дворе было очень холодно. Тундра, понимаете. Ноябрь месяц. Хозяин землянки, подумав, снял сухие портянки со своих ног и отдал их девушке-санструктору. А там, как я уже говорил, не было А.Х.Ч...

Вы скажете: «Так ведь он оставался!» Да, на час-другой. Тот, кто живёт в землянке на переднем крае, не слишком много времени проводит в тепле.

Я много раз видел в бою, что такое дружба двоих людей, связанных единым делом, двоих... ну, в общем, двоих уважающих друг друга товарищей. Я видел, понимаете ли, видел, как, обливаясь кровью, один выносил из боя другого.

Из боя, — вы слышите, Петровский? Но ведь в данном случае боя не было. Яковлев даже не попытался его вести... Он заранее сдался и без всякой борьбы преспокойно улёгся на обе лопатки.

Вы волокли его за собой, а он при этом легонько сопротивлялся... Быть может, в вашем понимании этого слова, Петровский, это и есть товарищество? — Александр Львович внимательно посмотрел на Сашу.

Саша молчал.

— Ну, что ж... — и Александр Львович невесело усмехнулся. — Молчите? А я, признаться, надеялся, мальчики, что у нас получится разговор по душам... Вышел не разговор, а речь. Ничего не поделаешь. Оратор высказал свои мысли при молчаливом неодобрении аудитории. Ступайте. Больше нам говорить не о чем.

Петровский смущённо встал и поплёлся к выходу. Яковлев поднялся было и пошёл за ним, но, уже взявшись за ручку дверей, не выдержал и сказал, задохнувшись:

— Это не он... Это я... Всё я!.. Несправедливо, Александр Львович! Александр Львович, склонив голову набок, посмотрел на Яковлева.

— Что несправедливо? — спросил он.

— А то... Сами знаете! — тяжело дыша, ответил Яковлев. — У него не было никаких ошибок. Это я его подвёл. За что же тройка? Мне хоть единицу, хоть ноль... Но ведь это же, это...

— Молчи, Данька, — сердито сказал Саша и быстрым шагом зашагал по коридору.

Яковлев смотрел, моргая, на Александра Львовича.

Тот стоял посередине учительской, задумавшись, опершись рукой о стол. Лицо у него было грустное. (Неужели же иногда бывает плохо и учителям?..)

Вид этого лица, вдобавок ко всем сегодняшним злоключениям, просто доконал Яковлева. Губы у него задрожали.

Александр Львович заметил это.

— Даня, — сказал он, взяв Яковлева за плечи и тихонько притянув к себе. — Ну, что с тобой? Что случилось, скажи? Ты, кажется, просто нездоров?

И Яковлев узнал знакомый, привычный голос учителя — тот самый, которым он говорил, когда они оставались с глазу на глаз.

— Я... Я здоров! Я здоров исключительно! — гаркнул Даня, вырываясь из его рук, и выбежал в коридор.

Глава 10

«Её» не было дома, когда он пришёл. В этот час «она» уходила за свежими булками.

Он понял, что «её» нет, потому что ключ был вынут из замочной скважины.

На всякий случай он всё-таки крикнул в сторону кухни: «Мама!».

Никто не отозвался. Тогда он пошарил у порога и вытащил ключ из-под отстающего уголка линолеума.

Мамы дома не было, но всюду, в каждом углу, в каждой вещи, в каждой мелочи — в недоштопанном ею носке с воткнутой до середины иголкой, в расшитой салфеточке, лежащей посередине стола на тёмной скатерти, — была она. Вот на тарелке аккуратно нарезанный ею хлеб. Поверх хлеба записка:

«Если не будет терпения подождать, не хватай и не лезь в буфет. Подогрей себе супу. Кастрюлька на плитке».

Вот что её занимает больше всего: суп!

Вот чем забита её голова: супами!

Вся жизнь — в супах!

Однако не дальше, как позавчера, он, придя из школы, спокойно подогрел себе суп, а потом развернул учебники.

Вчера за обедом он читал Обручева, потому что и алгебра и английский гостили у дворника.

Те учебники, которые были ему нужны на завтрашний день, лежали перед его носом, на столе. Но после сегодняшних происшествий готовить уроки не было уже никакого смысла. В общем, начинать всю эту канитель с уроками стоило только тогда, когда все учебники будут опять на месте.

Да, но как их достать?

Добыть мешок!

Однако то, что ещё вчера было довольно просто, сегодня казалось невозможным.

«И ужаснее всего, что ей даже сказать нельзя, — думал Даня. — Как же я ей скажу про мешок, когда её вызывают в школу?.. Другое дело, если бы я ей принёс сегодня пятёрку по алгебре».

И вдруг ему стало казаться, что он катится с высоченной снежной горы, как булыжник, обрастающий всё больше и больше снегом.

Сегодня нельзя сказать.

И завтра нельзя.

Послезавтра — тоже нельзя. Мешка нет, и учебников пока что тоже...

Его вызывают. Он врёт и путает всё самым бестолковым образом. В воскресенье утром он, конечно, бежит на рынок и раздобывает мешок, приходит в дворничскую, но дворничиха говорит ему:

— Сколько же нам ждать вас? Очень просто. Продали ваши книжонки, да и купили мешок. Очень даже обыкновенно.

И он остаётся без учебников до конца года. Его учебные дела и так не блестящи, а без книг и совсем пиши пропало. Он бегаёт к товарищам,

занимает книжки на полчаса. Но много ли за полчаса сделаешь? Каждый раз, когда его вызывают, он засыпается. Мать наконец замечает, что с ним что-то опять случилось, и учиняет ему допрос. Но он ни в чём не признаётся...

Быстро катится по отлогой горе оторвавшийся снежный ком, пока не докатывается до её подножия.

Его исключают из пионеров за двойки и за враньё! При одной мысли об этом Даня зажмурился. Но тотчас же какой-то трезвый, ясный голос успокоительно прозвучал в его сознании:

«Глупости! За то, что человек потерял учебник, его никогда ниоткуда не исключают. Ну, неприятно, конечно, но как-нибудь да наладится...»

А что? Может, и в самом деле наладится?

Даня медленно прошёлся из угла в угол. Стенело. Всё, как всегда. Вот стол... Вот лампа... Как будто сегодня может быть всё, как всегда.

По ободку абажура прыгают хорошо знакомые, вырезанные когда-то из чёрной бумаги не то собаки, не то олени.

Вот буфет. На буфете большая ваза. Мама её называет фруктовой вазой, но фруктов в неё никогда не кладёт. Когда папа приносит с завода получку, она покупает то мандарины, то яблоки, но в вазу их не кладёт.

— Поел? — говорит она после обеда Дане, и на скатерти вдруг появляется яблоко.

— Хорошо, что припрятала... — говорит она. — Уничтожил бы до обеда.

Над фруктовой вазой висит на стене фотография мамы и папы до свадьбы.

Были такие красивые, а стали такие старые... Почему они оба такие старые?.. В самом деле, как будто не мама и папа, а бабушка и дедушка. Ах, если бы он родился у них пораньше, или они бы родились попозже, его мама, наверно, всё умела бы понимать, как мама Петровского.

А вот над кроватью мамы фотография старшего брата.

Даня неясно помнил брата. Когда началась война, ему было семь лет, а брату семнадцать. Брат кончил школу и пошёл на войну добровольцем. Этот день навсегда остался в памяти у Дани.

Мама, которая обычно и заснуть не могла, пока Аркаша не возвратится с катка, и всегда встречала его целым градом ласковых упрёков, в этот раз ничего не сказала ему. Но брат, прощаясь, всё время повторял: «Мамочка, только не сердись, пожалуйста! Только не сердись».

Нет. Она не сердилась. Она уложила братнины вещи в рюкзак: ложку, кружку, бельё и пошла его провожать.

С ней вместе пошёл и Даня. Мама молчала. Молчала всю дорогу и крепко держала брата под руку, а его, Даню, за руку. Молча стояла она на вокзале и смотрела, как солдаты, молодые и старые, устраиваются в теплушке. Она не спросила, какое у Аркаши место, не напомнила ему, чтобы он берёг свой вещевой мешок. Было жарко — август. На жёлтом, с тёмными потёками мазута, песке подъездных путей, на дощатой платформе суетились люди. У них было такое серьёзное и обыкновенное выражение лиц, как будто бы так и надо, как будто бы так и быть должно, как будто бы все уже давно, давно привыкли, что война. У тумбочки стояла с узелком в руках и горько, тихо плакала какая-то старушка. По её щекам катились мелкие слезинки. Спешили куда-то люди в военном. Женщина и девочка обнимали большого и толстого человека в форме и очках.

Суета, давка... И жарко было. Со всех сторон под вокзальную крышу ударяло солнце. Асфальт под ногами становился мягким.

Мама, не отрываясь, смотрела на Аркашу. Она не замечала, что жарко, не замечала, что её толкают.

Даня держался за мамину юбку. Ему было душно, ноги у него ныли оттого, что он очень долго стоял на одном месте.

Наконец он сказал: «Хочу сиропу».

Она не ответила.

Он затынул: «Пить хочу. Пи-ить!..».

Но она только смотрела на Аркашу, кивала и, улыбаясь, приговаривала: «Ну что ж... Ну что ж...».

И вот поезд тронулся. Бегущая толпа подхватила маму и Даню. Сперва поезд шёл медленно, и люди бежали медленно. Потом он пошёл всё быстрее, и люди побежали быстрее, быстрее... Мама тащила за руку Даню. Она всё время улыбалась и кивала, Даня едва поспевал за ней.

Сквозь открытые двери теплушки было видно растерянное лицо Аркаши. Глаза у него были отчаянные.

— Мамочка, осторожней! — крикнул Аркаша, когда они добежали до конца перрона.

Там, где был конец перрона, — открытое, не заслонённое крышей, стояло солнце. Блестели рельсы, и песок, раскалённый добела, казался похожим на снег. Поезд мелькнул впереди и скрылся.

Тогда мама крикнула громко и до того страшно, что Даня испугался и заплакал. Мама словно проснулась, вытерла ладонью его мокрое лицо, взяла его за руку и молча повела домой.

...У них дома никто — ни Даня, ни папа — не смел говорить при маме о брате.

Но вот на другой год после окончания войны, в День Победы, её пригласили в школу. Там было торжественное заседание.

После речи директора открыли белую мраморную доску, вделанную в стену актового зала. На ней было выгравировано золотыми буквами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Под сталинскими словами стоял длинный список имён. Среди них был Аркадий Яковлев — сержант танковых войск.

Вернувшись из школы, мать расплакалась, кажется, в первый раз.

Может быть, после этого ей сделалось легче. Она изредка стала упоминать имя старшего сына и повесила у себя над кроватью его фотографию.

Упершись в стену обеими ладонями, младший Яковлев внимательно рассматривал фотографию брата.

Прямо ему в глаза глядели серые, под широкими густыми бровями, внимательные и почему-то немного грустные глаза Аркаши.

Он был снят в своём парадном пиджаке, и галстук у него был завязан так аккуратно, как могла завязать его только мама, отправляя сына сниматься.

«Она любила Аркашу больше меня, — подумал Даня. — Да и понятно, он ведь был гораздо лучше меня, такой, как надо: учился здорово, на баяне играл, был храбрым, маме дрова колол... Эх, если бы он был жив, вот кто, наверно, выручил бы в тяжёлую минуту! Ему бы всё можно было рассказать — и про учебники и про мешок!..»

В передней что-то звучно щёлкнуло. Он вздрогнул и отошёл подальше от фотографии. Скрипнула дверь парадной: это мама вернулась домой... Снимает калоши, вешает пальто...

А может быть, не она, а соседка. Нет! Она...

Он узнаёт её шаги и тяжёлое, словно запертое в горле, дыхание. Наверно, с трудом поднималась по лестнице, таща набитую до краёв кошелёку.

Тихонько открылась дверь комнаты. Мать вошла, положила на столик, стоящий в углу, кошёлку с покупками и, вместо того чтобы сказать: «Пришёл?», или «Здравствуй», или «Ты разогрел себе супу?», спросила, всё ещё тяжело дыша:

— Что случилось? А?..

Он был сражён.

Можно было, конечно, привыкнуть к этому. Ему стоило возвратиться домой с какой-нибудь нехорошей новостью, как она тотчас же говорила, открыв парадную дверь и даже не взглянув ему в лицо:

— Что случилось, а?

Он не ответил.

Она, всё ещё задыхаясь, ушла на кухню и скоро вернулась с тарелкой горячего супу. Сказала:

— Садись... Или обедать ты уже тоже не хочешь? — И опять ушла, не дождавшись его ответа.

Он присел к столу и стал есть.

От горячего супа, от пережитого волнения, от того, что он нынче так рано встал, ему вдруг захотелось спать.

Дрёма тихонько прошла по ногам мурашками, загудела в ушах равномерным, мягким гулом. Он с трудом подносил совсем уже вялой от сна рукой горячую ложку ко рту, удивляясь тому, что всё ещё ест.

Она возвратилась из кухни и поставила перед ним тарелку с картошкой. Он съел картошку.

— Будешь кисель? — спросила она сурово. Он не ответил. Она поставила перед ним блюдо с киселём.

Когда он доел кисель, она спросила его:

— Ты сыт? — и достала из-под подушки странного вида открытку.

— На, получай! — сказала она. — Получай!.. Не знаю, как скрыть от отца!.. Он этого не перенесёт.

Обмирая, он взял открытку из рук дрожавшей от гнева и горя матери. Это было оповещение из районной библиотеки. Ему предлагалось немедленно возвратить библиотечные книги:

1) Ферсман. Занимательная минералогия.

2) Арсеньев. В делях Уссурийского края.

3) Жюль Верн. Пятнадцатилетний капитан.

Все три книги лежали в пропавшем портфеле.

«В случае вашей неявки дело будет передано прокурору», — гласила открытка.

— Дело будет передано прокурору, — ты понял? — зловеще спросила мать.

Она стояла вся бледная с открыткой в руках, ожидая его объяснений, чтобы расплакаться.

Он сказал небрежно:

— Мама, ты всегда устраиваешь трагедии. Это же обыкновенное напоминание. Так полагается. Многие читатели получают такие открытки. Завтра я обязательно возвращу им книги.

— Много людей получает такие открытки?.. — с удивлением спросила мать. — На этой лестнице живут ещё несколько мальчиков, но никто такой открытки не получал. Я специально спросила у почтальона.

— Ах, мама! — сказал он усталым голосом. — Ты всё про своё... Мама, тебя опять вызывают в школу.

— Что? — спросила она, опираясь рукой о стул. — В школу по поводу этой открытки?

— Да нет, — ответил он тем же усталым и тусклым голосом. — Не из-за открытки. Из-за стёкол... Только я стёкол не выбивал...

Она взглянула на сына остановившимися глазами, подошла к шкафу и на всякий случай положила открытку в сумочку.

Он прилёг на отцовскую оттоманку и крепко закрыл глаза.

В комнате нависло молчание, глухое и напряжённое.

Мать ходила по комнате, что-то переставляя и прибирая. Потом она начала мыть посуду. Он тихонько раскрыл глаза, посмотрел на её мелькающие над посудой руки, на укоризненное выражение лица и подумал с болью:

«Всегда такая!»

Какой она бывает всегда, он, пожалуй, не мог бы объяснить словами.

С тех пор, как он стал расти и мир из крошечного, ограниченного площадкой лестницы, садиком у ворот их дома, комнатой, мамой, стал вдруг для него превращаться в мир огромно большой, в мир с товарищами, библиотеками, футбольными матчами,— она не переставала следить за ним насторожённым взглядом.

Жадная душа его беспокойно металась, ища себе пищи и утоления. Он был постоянно занят делами, которым она не умела сочувствовать. Он был всегда чем-нибудь страстно увлечён. Она не понимала его страстей и привязанностей.

Были ночи, когда он ложился спать и долго ворочался в детской своей кровати, разрываемый мыслями, воспоминаниями, планами, и был почти не в силах дожидаться утра.

Были дни, когда он копил деньги, которые мать давала ему на завтрак, чтобы купить фотографический аппарат.

«Лейка, лейки, лейку!»... — говорил он по телефону товарищам.

Мать проходила мимо с кастрюлькой в руках, с кухонным полотенцем через плечо и на ходу обзывала «лейку» воронкой.

В одну из зим он увлёкся ботаникой, решил собирать зимой растения и начал с того, что сорвал головку с редкого кактуса, стоявшего на окне у соседки.

Мать бегала по всем цветочным магазинам, тщетно отыскивая кактус, и наконец умиротворила соседку, купив ей глицинию.

Он подружился со старшим садовником загородной оранжереи и просидел с ним однажды добрых двенадцать часов во время ночного дежурства.

Мать искала его во всех отделениях милиции и больницах города, а утром, открыв ему дверь, кинулась к нему и заплакала навзрыд, встретив его, как воскресшего.

Вскоре он перестал увлекаться ботаникой и увлёкся марками. Он выменивал марки на книги и пёрышки, на котят и консервные банки.

Он завёл альбом и перелистывал его дрожащими от алчности и любви руками.

Был тираж. Мать начала проверять облигации и обнаружила, что он обменял на марку самую крупную облигацию отца.

Разлюбив альбом, он подарил его тотчас младшему двусюродному братишке.

Душа металась, томилась, росла, не находя и постоянно ища какой-нибудь новой пищи.

Мать давно ни о чём не смела мечтать, кроме того, чтобы он был жив и хоть как-нибудь кончил школу.

— Оставь его, мать,— говорил отец.— Мальчик с головой... Может быть, из него ещё будет инженер, врач, агроном, учёный... Кто знает? Отец надеялся.

Один из старейших мастеров своего завода, лекальщик, то есть рабочий самой высокой квалификации, он считал свою жизнь не вполне удавшейся, потому что не стал широко образованным человеком.

Ещё мальчиком-подмастерьем он часами простаивал у окон гимназии, глядя на гимназистов и страстно завидуя им. Слово «студент» до сих пор ещё было окрашено для него могучим очарованием.

Любовь к науке с юношеских лет жила в сердце старшего Яковлева. И сидя с сыном за чайным столом, он любил рассуждать о предметах возвышенных и, говоря о луне, о звёздах и жизни, когда-то, быть может, существовавшей на этих планетах, называл тех звёздных жителей «существа», делая ударение на букве «у».

— Существа,— говорил отец, сложив мечтательно руки перед недопитой чашкой чаю, и его брови вздымались на лбу, разлетаясь в разные стороны с мечтательным, томным, только старшему Яковлеву свойственным выражением.

А мать осторожно перетирала чашки и блюдца, легонько позвякивая их ударяющимися друг о дружку боками.

«Ох, что скажет отец, когда узнает?!»

Книги! Книги, выданные по ходатайству Александра Львовича!

И Даня опять — в который раз! — с болью вспоминает свой школьный портфель, схоронённый где-то в тёмном углу дворничкой.

«Если бы можно было лежать вот так, ни о чём не думая,— говорит он себе,— просто так лежать и ни о чём не думать».

Он и лежал. Но перестать думать ему никак не удавалось.

А мать ходила по комнате молча и, как ему казалось, нарочно гремела посудой.

Вот она вздохнула. Выдернула из носка воткнутую в него иголку и села штопать, не зажигая света, под самым окошком, вздевши на нос сломанные, перевязанные ниточкой очки.

И вдруг прозвенел звонок.

Она пошла на звонок торопливым шагом.

Замок щёлкнул. В передней раздалися шаги. Знакомые шаги...

Да нет! Неужели?.. Даня приподнялся и сел на оттоманке.

Дверь распахнулась. На пороге рядом с мамой, прижавшей к груди деревянный гриб с натянутым на него носком, стоял улыбающийся, весь розовый от быстрой ходьбы Саша Петровский. В его руке был так хорошо знакомый, потрёпанный, много-много перевидавший на своём веку данин злосчастный портфель с книгами.

Глава II

Снег, снег... С тротуаров и мостовых его сгребли, но он ещё лежит на крышах и на деревьях — нежный, лёгкий, молодой. Он лежит на ветках, наполняя хрупкой белизной каждую развилину. То одна ветка дрогнет, то другая — может быть, от ветра, а может быть, оттого, что ей не под силу снести налёгшую на неё тяжесть. Дрогнет, качнётся — и на землю полетит, искрясь в воздухе, целая осыпь ярких иголочек и мохнатых пушинок... А стряхнувшая свой гнёт влажная ветка — тонкая и голая — ещё долго будет колебаться перед вашими глазами.

Когда в такое свежее зимнее утро человек выходит из дому, глаза его невольно щурятся от непривычно яркого света на дворе. Белизна словно обступает его со всех сторон. От дыхания идёт пар, кудреватый и белый. Колючками инея покрывается воротник.

Александр Львович Онучин рано утром вышел из дому.

Скрипнув, закрылась за ним дверь. Он постоял на пороге. Прищурившись, огляделся по сторонам, со вкусом вдыхая морозный воздух.

До начала занятий оставалось двадцать минут.

Он шагал по скверу Софьи Перовской, с удовольствием поглядывая по сторонам.

В саду было пусто, на скамейках лежал снег.

Солнце ещё не поднялось над крышами домов, но, уже предчувствуя солнце, не только снег, а даже воздух переливался каким-то розово-голубыми тенями.

Александр Львович прислушивался к скрипу своих шагов на дорожке. Он шёл быстро. Ему стало тепло, почти жарко. Пришлось даже растегнуть крючок воротника.

— Александр Львович! — вдруг закричал кто-то у него за спиной. Он остановился и обернулся.

Его нагонял Саша Петровский.

— Здравствуйте, Александр Львович! — издали крикнул Саша, махая на ходу варежкой и задыхаясь от бега.

— Здравствуйте, Петровский. Что скажете?

Но Саша стоял, смущённо опустив голову, тяжело дыша и переминаясь с ноги на ногу.

— Ну? — чуть усмехнувшись, спросил Александр Львович.

Выражение неловкости и тревоги в глазах Саши сменилось выражением твёрдой решимости.

— Александр Львович, — начал он, прямо и открыто глядя в глаза учителю, — я ещё вчера, нет, не вчера, а сегодня рано утром, — поправился он со своей обычной точностью, — решил вам кое-что сказать. Но я думал — на большой перемене, а вышло...

Александр Львович кивнул.

— Не смущайтесь, быть может, так даже и лучше, Петровский.

— Может быть, — согласился Саша... — Только я не знаю, с чего начать...

— Начните попросту, — посоветовал Александр Львович.

— Ладно. Я — попросту... В общем, всё было не так. То есть не всё... То есть то, что вы сказали о дружбе, правильно, но на этот раз у нас с Данькой было не так, иначе...

И он сбивчиво, путаясь и запинаясь, рассказал учителю историю с ломом, мешками, портфелями... Александр Львович его не перебивал.

— Так, так, понятно, — подбадривал он время от времени Сашу, особенно тогда, когда слова его становились совсем непонятными.

На пороге школы учитель и ученик остановились.

— Всё? — спросил Александр Львович, слегка улыбаясь.

— Всё, — ответил Саша.

И вдруг Александр Львович стал непривычно серьёзным.

— Вы сами не знаете, как помогли мне сегодня, Петровский, — сказал он и крепко, как взрослому, пожал сашину руку.

После урока географии, во время большой перемены, Александр Львович сказал:

— Что же вы, друзья мои, не убрали на место карты? Яковлев, снесите-ка их в географический кабинет. Впрочем, постойте, я вам помогу.

Саша Петровский, который не отходил в этот день от Дани и всё время с опаской поглядывал на Александра Львовича, предполагая, что у них с Данькой обязательно состоится сегодня какой-нибудь разговор, встревоженно посмотрел на учителя. Но Александр Львович не ответил на его вопросительный взгляд. Он сунул Дани в руки две свёрнутые трубочкой карты, сам взял глобус и преспокойно вышел из класса.

Яковлев, обернувшись, перепуганно посмотрел Саше в глаза.

У Петровского сжалось сердце. Неужели он по глупости предал Даньку? Может быть, ничего не надо было рассказывать? Что-то сейчас будет?

А между тем Александр Львович и Яковлев уже стояли на пороге географического кабинета.

Кабинет был пуст.

Александр Львович поставил глобус на стол и закурил. Даня, всё ещё стараясь не смотреть на учителя, быстро взобрался по ступенькам стремянки и положил карты на полку. Он хотел так же быстро спуститься вниз, но Александр Львович мечтательно облокотился на одну из ступенек лестницы, и Даня остался сидеть наверху, словно кот на заборе. Александр Львович как будто забыл о нём. Удобно опершись локтем на ступеньку, он смотрел в окно, видно сильно о чём-то задумавшись.

Чётко очерченные, то и дело мигающие и лопающиеся, поднимались одно за другим к потолку географического кабинета дымные кольца.

Это был таинственный уголок, дальний, тихий и тёмный.

На окнах стояли банки, в которых плавали желтобрюхие лягушки и сохранившие в спирту нежнозелёный цвет своих чешуек ящерицы. Со шкафов и полок глядели лысые головы глобусов разных размеров. По стенам под стёклами висящих в ряд коробок бабочки распростёрли свои потёртые бархатные крылышки. А из угла насмешливо улыбался надёжно скреплённый проволокой бледножёлтый скелет. Собственно говоря, он не имел отношения к географии, но стоял здесь спокон веку и как-то прижился к своему месту. Не зная, что делать и куда смотреть, Яковлев печально глядел сверху на голое темя скелета.

И вдруг Александр Львович слегка закашлялся, выпустил очередное колечко дыма и поднял голову. Глаза его встретились с глазами Яковлева.

— Ну, Даня? — и он засмеялся, глядя на Даню снизу вверх, — мне показалось, что ты мне что-то хочешь сказать.

— Я? — спросил опешивший Яковлев и посмотрел на Александра Львовича сверху вниз. — А чего же тут говорить? У меня вообще нет никаких способностей к языкам.

— Да неужто? — спросил Александр Львович. — А может, если бы ты не оставил портфеля у дворника, у тебя всё-таки хватило бы способностей выучить тридцать четвёртый параграф. Тем более, что он и не очень большой и не особенно трудный.

Яковлев чуть не свалился с лестницы.

«И откуда он знает?»

А между тем Александр Львович продолжал, как ни в чём не бывало:

— Ну, а уж если и случилась такая беда, то надо было проявить инициативу, сбежать к товарищу. Бывает... бывает... В начале года у нас часто недостаёт учебников, как-нибудь же выходим всё-таки из положения. Но об этом довольно. Что ясно, то ясно. А вот вопрос о стёклах до сих пор не вполне ясен для меня.

— Да, но я же их не разбивал. И потом, почему стёкла? Одно-единственное маленькое стёклышко...

— Хорошо. Неясен вопрос о стёклышке. Скажи-ка, Даня, ты любишь научно-фантастические, приключенческие книги? Говорят, три дня тому назад ты с увлечением читал Обручева. К сожалению, это было во время урока...

— Я? — удивился Даня. — Да нет, что вы! А на каком уроке?

Не ответив на данин вопрос, Александр Львович продолжал задумчиво:

— Должен признаться, я тоже люблю научную фантастику, романы с тайнами. Люблю книги, в которых нет начала и конца, и мне приходится догадываться...

— У Обручева есть конец, — растерянно сказал Даня.

— Это верно. А в истории со стёклами?

— Но я же...

— Разумеется. Я знаю... Ты стёкол не выбивал. Больше того, я совершенно уверен в том, что ты до них и не дотрагивался. Но тайна остаётся тайной. Итак, семь часов утра. В школе ты и школьная сторожиха. Она — на первом, ты — на пятом этаже. Стекло лопнуло само собой. Деревьев поблизости от физкультурного зала нет. Камня с улицы не добросить. Понимаешь сам — пятый этаж!..

— Но если прыгают или падают, — выдохнул Яковлев, — а стекло уже всё равно расшатано и едва держится, оно может выпасть и расколоться...

— Да, да, совершенно верно. Я этого не учёл. Ведь ты упражнялся, бегал. Стало быть, от сильного сотрясения могло вывалиться стекло. Итак, ты бегал по физкультурному залу...

— Не бегал, а прыгал!

— Да, да, совершенно верно: ты прыгал. Теперь в цепи недостаёт всего двух-трёх звеньев: почему в семь часов утра, до начала занятий, и почему без Петровского? Впрочем, и это пустое. Он ничего не знал. Он не должен был знать. Так как же, Яковлев? Ладно, не скажешь ты, — я скажу. Ты хотел взять первенство. Может быть, превзойти того же Петровского. Вот для чего тебе была нужна эта неурочная тренировка. Что ж, в этом нет ничего зазорного. Напрасно ты смущаешься.

— Нет, но зачем же тогда говорить неправду! — сказал дрогнувшим голосом Даня. — Я совсем не думал про то, кто первый. Просто Евгений Афанасьевич объяснил, что для того, чтобы хорошо прыгать, нужны левкость и, главное, смелость. А я... ну... в общем, я не умел. Так что ж? Бегать и кричать по всей школе, что я по утрам развиваю храбрость? Нет, пусть уж лучше считают, что я повыбивал все стёкла, пусть вызовут моего папу...

— Успокойся, Даня, — сказал Александр Львович и отошёл от стремянки.

Опустив лицо, не поднимая сердитых глаз, Даня всё ещё сидел на верхней ступеньке.

Александр Львович искоса посмотрел на него.

— Что это ты туда забрался? — вдруг удивился он.

Яковлев вместо ответа стал неуклюже спускаться вниз.

Прозвенел в коридоре спасительный, всегда раздающийся кстати звонок.

— Так я, пожалуй, пойду? — вопросительно сказал Даня, крепко откашливаясь и почему-то не решаясь посмотреть в глаза Александру Львовичу.

Александр Львович молчал. Он сосредоточенно выпускал дымовые колечки.

Тогда, обернувшись к учителю, Яковлев неожиданно заметил, что Александр Львович с внимательным и каким-то особенно серьёзным, даже ласковым выражением рассматривает его.

Как же так?.. Знает про портфель, про то, что читал во время урока, про то, что выманил у тёти Сливы ключ, — и не сердится... Отчего он не сердится?

Глава 12

Грузовик для отправки на базу цветного металла дал школе безвозмездно один из её шефов — завод точного машиностроения.

Главный инженер этого завода хорошо знал директора школы.

— Боевой товарищ! — говорил о нём директор и улыбался при этом задумчиво, ласково и немного грустно. — Под Орлом воевали.

У директора было много боевых друзей. С одним он подружился под Орлом, с другим — под Ельцом, с третьим — на Курской дуге, с четвёртым — под Киевом. Стоило директору заговорить о них, как глаза его под мятыми веками зажигались какой-то особенной теплотой. И мальчишки со страстным любопытством, с благоговейным уважением старались угадать, о чём он вспоминает.

Нити, соединявшие директора школы с его боевыми товарищами, были, видно, крепкие и прочные. Они не оборвались на одних воспоминаниях о войне.

Мало-помалу его боевые товарищи сделались друзьями всей школы, её официальными или неофициальными шефами.

— Ну, как там твои орлы? — спрашивали боевые товарищи, встречая Ивана Ивановича.

И один помогал ускорить в школе ремонт, другой снабжал приборами физический кабинет, третий сам приходил на сбор, чтобы рассказать ребятам о работе того научного института, в котором он трудился теперь, сняв военную форму. Ну, а четвёртый... четвёртый давал пионерам машину для отправки на базу цветного металла.

Директор с военной точностью договорился обо всём со своим орловским товарищем.

— Так ровно без четверти пять, майор, — сказал он главному инженеру, по старой памяти называя его майором. — Это для нас самое подходящее время. Есть?

— Есть, товарищ подполковник, — шутливо ответил инженер. — Ровно без четверти пять.

Но военная точность боевых товарищей была нарушена заведующим гаража. Отправляя шофёра в этот рейс, он сказал ему: «Справитесь там и можете быть свободны». А шофёру очень хотелось быть сегодня свободным пораньше. Была суббота.

— Зоя Николаевна, Зоя Николаевна! — закричал Яковлев, вбегая в пионерскую комнату, — Зоя Николаевна, машина пришла.

— Яковлев, — сдвинув брови, ответила Зоя Николаевна, — иди домой обедать и не устраивай паники.

Она не успела договорить. В комнату ворвался её брат, Андрюшка Феокистов. Он был в пальто и шапке. На полу оставались следы от его калош.

— Зойка, — машина!

— Сними шапку! И калоши! Немедленно.

Она пристально посмотрела ему в глаза. Он смутился и неохотно снял шапку.

— Стоит перед подъездом, — сказал он угрюмо.

Зоя Николаевна подошла к окну, и лицо её изменилось. Наскоро набросив на плечи пальтишко, она пошла широким шагом по коридору.

За ней затрусили Феокистов и Яковлев.

Остановившись на пороге школы, Зоя Николаевна сурово взглянула на стоящий перед ней грузовик. Она уже двинулась было по снежной дорожке к кабине шофёра, но в это время за её плечами с треском распахнулась дверь и, опережая её, выскочил во двор председатель совета дружины — школьник девятого класса, высокий мальчик, с чуть пробиравшимися усиками (которых он ещё не брил), широкоплечий, заботливо одетый, уже немножко похожий на студента-первокурсника.

Он подбежал к грузовику, поправил нервным движением очки, постучал в окошко кабины и сказал развязно:

— Привет, товарищ водитель. У вас, наверное, часы испортились, — и помахал шофёру рукой в варежке, аккуратно заштопанной мамой.

— Привет, — равнодушно сказал шофёр. — Работаю, знаете ли, не по арифмометру. Дело шофёрское.. Неудобно? Заеду как-нибудь в другой раз.

— Да вы что? — сказал председатель совета дружины. — Этак, знаете ли, нельзя.. гм... браток!.. Это в высшей степени несознательно. Вы сорвёте поставку.

— А какая такая ваша поставка? Погрузили в десять минут, и можно отчаливать.

— Нет, нет.. Это зря. Это вы совершенно зря, уважаемый, — забормотал председатель совета дружины. — Вторая смена ещё на уроках. Первая придёт через час... Мы отпустили ребят пообедать. А мешки с металлоломом, понимаете ли, не иголка. Пришлось размещать по возможности. Ведь это школа!.. Для хранения не предусмотрено кладовых.

Шофёр не ответил. Он, скучая, оглядывал двор. Подле его кабины медленно разрастался кружок младшеклассников. Они внимательно рассматривали откинувшегося на спинку сиденья шофёра, его профиль со сдвинутой на затылок кепкой и то, как он почёсывал переносицу.

Без шапки, в накинутом на плечи и не вдетом в рукава пальтишке, стояла на заснеженной ступеньке Зоя Николаевна. Светлые глаза её строго и неодобрительно глядели на шофёра. Шофёра это беспокоило. Он нет-нет, да тоже поглядит на вожатую, на её пальтишко, накинутое на плечи и застёгнутое под шеей на одну пуговицу.

— Да уходи ты, шальная девка! — наконец потеряв своё шофёрское хладнокровие, процедил он сквозь зубы. — Простынешь, — от тоже несообразная!..

Зоя Николаевна даже бровью не повела. Она продолжала стоять у подъезда, поёживаясь на зимнем ветру.

Лицо у неё было спокойное. Всеми силами она старалась, чтобы ребята не заметили её досады и огорчения.

Сдача была подготовлена как следует. Всё от начала до конца продумано до тонкостей, оговорено до мелочей. Погрузка должна была разворачиваться чётко и точно. Она сама проинструктировала вожатых, вожатые — председателей отрядов, председатели отрядов проинструктировали звеньевых.

В подвале на груде лома, собранного каждым отдельным звеном, были разложены картонки с надписями: «третий класс «А», звено № 1», «четвёртый класс «Б», звено второе» и так далее...

Вожатые Джигучёв и Степанов должны были стоять у входа в подвал, пропуская туда ребят только по звеньям, чтобы не было толчеи.

Одним словом, всё было продумано основательно, рассчитано по минутам. И всё сорвалось! Нет, этого нельзя допустить. Надо действовать.

— Феоктистов, Яковлев, — сказала Зоя Николаевна коротко и спокойно, — необходимо срочно вызвать вожатых. Феоктистов — к Степанову, Яковлев — к Джигучёву! Одна нога тут, другая — там. Ясно?

— Ясно! Ясно! — ответили разом Феоктистов и Яковлев и, посмотрев через плечо друг на друга, опрометью кинулись к воротам.

Набежала тучка. Крупные сухие снежинки заплясали в воздухе. Они падали на непокрытые зоиные волосы, на промасленную ватную крышку мотора.

— Ну что? — лениво спросил шофёр. — Так и будем стоять?.. Время, знаете ли, не у каждого слишком лишнее. Дело делать — так дело делать, а нет — так будем сворачиваться.

Услышав это деловое предложение, к пустому грузовику подскочил председатель совета дружины, развязно облокотился на окошко кабины и вытащил дрожащей рукой из кармана узенькую пачку папирос «Казбек».

— Курите? — спросил он.

— Отчего же? — отвечал шофёр. — На дорожку можно и закурить. Шофёр прикуривал. Председатель дружины подавал ему спичку и загораживал трясушейся от волнения рукой крошечный спичечный огонёк. Как раз в это время к школьному порогу не то чтобы подбежал, а подлетел Яковлев.

— Порядок! Идут! — крикнул он на ходу Зое Николаевне и, запыхавшись, красный, понёсся дальше — к слесарке.

Там, у дяди Кеши, местного водопроводчика, по совету Дани Яковлева, была припрятана большая часть находок — самых крупных. Конечно, всё это можно было сложить и в подвале, как сложили другие ребята. Но в звене у Саши Петровского было несколько таких трофеев, которые хоть кого могли поразить. И поэтому мальчики охотно согласились с Яковлевым, который уверял, что выгружать лом из слесарки будет гораздо удобнее, чем из подвала.

Дверь слесарной была заперта, и Яковлев, не сбавляя хода, побежал к пионерской комнате, где под роялем в большом прочном мешке звено Саши Петровского хранило другую часть своих находок, не столько ценных по качеству, сколько мелких по калибру.

В пионерской комнате шла спевка хорового кружка.

Веет ветер широкий
Над зелёной во-олной...

во всё горло распевал забывший обо всём на свете Семенчук. Яковлев цапнул ногтем дверь. Его никто не слышал. Он постучался.

— Что? — вздрогнув, сказал учитель пения Хрисанф Сергеевич. — Что случилось? Пожар?

— Погрузка! — задыхаясь, ответил из-за двери Яковлев.

— Можно открыть им двери? — робко справился Сёма Денисов.

Повернувшись в сторону Семенчука и словно не слыша, учитель взмахнул дирижёрской палочкой.

Акомпаниатор, мальчик из шестого «В» — ученик вечерней музыкальной школы, — изо всех сил ударил по клавишам.

Яковлев заколотил в дверь кулаком. Денисов высунул голову в коридор, в пионерскую комнату донёс сердитый шёпот перебранки.

— Мешок! — говорил приглушённый и хриплый голос Яковлева. — Я ж тебе говорю, — мешок!

Дверь раскрылась.

Бочком, кланяясь и что-то бормоча, Яковлев вошёл в комнату и без долгих разговоров залез под рояль. Что-то звякнуло, загрохотало, лягнуло. Сперва из-под рояля показались ноги Яковлева, потом его спина, плечи и, наконец, взлохмаченная голова. За ним, дребезжа, тащился по полу огромный мешок.

Хрисанф Сергеевич отхлебнул воды.

— Машина! Ясно? — сказал шёпотом, грозно глядя на ребят, Яковлев и, волоча за собой дребезжащий мешок, вышел в коридор.

И вот, клубясь и рассеиваясь, хлынула на улицу струйка пара. Яковлев, гремя своей кладью, выбежал рысью на школьный двор.

— Поднажми, — одобрительно и в то же время сурово сказал председатель дружины. — Сам видишь, машина в простое...

Не ответив, Даня бросился к грузовику. Он бежал, шатаясь от тяжести.

Без тревожных отплытий,
Без дорожных тревог

Не свершалось открытий,
Не открыто дорог...¹

неслось ему вдогонку из-за неплотно закрытых дверей.

С трудом приподняв мешок, Яковлев опрокинул его в кузов машины.
— Погрузились, значит? — насмешливо спросил шофёр. — Вот и ладно. Хорошенького понемножку. Слезай-ка, паренёк, а то сам на свалку попадёшь.

Но не успел ещё Яковлев соскочить с колеса на землю, как к подъезду школы спортивным, ровным бегом подбежал Джигучёв. За ним галопом, рысью и трусцой следовали вожатые остальных классов. Пионеры их отрядов вливались во двор с трёх сторон через ворота, выходившие на Невский, улицы Софьи Перовской и Желябова.

Прохожие останавливались и с удивлением смотрели на бегущих мальчиков в пионерских галстуках, выбивающихся из-под распахнутых пальто и курток.

Погрузка началась.

Из-за правого угла школьного здания, с той стороны, где был вход в подвал, маршевым шагом вышел звеньевой второго звена четвёртого класса «В» — Феоктистов. За ним дружным строем, храня торжественное выражение лиц, шагали девять ребят. В руках у них была огромная бельевая корзина. На дне её сияла лампа без электрической лампочки, похожая на сказочную лампу Аладина, позвякивал лист какого-то тонкого, шуршащего при каждом шаге металла, нивесть откуда добытого и светящегося кружками, аккуратно выбитыми штампом, лежал проломанный самовар...

Подойдя к Зое Николаевне, звеньевой Феоктистов сказал:

— Товарищ старшая вожатая, рапортует звеньевой Феоктистов. Звено второе четвёртого класса «В» в количестве десяти человек явилось полностью. Разрешите приступить.

Глаза Зои Николаевны встретились на мгновение с глазами брата. Он был красен как рак и с трудом переводил дыхание. Но шагал весело, и голос его звучал на морозе звонко и отчётливо.

«Молодец!» — с гордостью подумала она. И чтобы скрыть эту появившуюся у неё в глазах мысль, нахмурилась и сказала ледяным голосом:

— Приступайте!

Но Андрюшка был не из пугливых.

— Есть! — ответил он ещё суровее, и звено Феоктистова зашагало к грузовику.

По команде мальчики перевернули корзину вверх дном.

Сверкнула под солнцем лампа без лампочки и продавленный самовар. Звякнули, ударившись друг о дружку, медные дверные таблички.

— Ну-ну! И откуда только пообдирали! — с уважением сказал шофёр.

— А мы вовсе и не обдирали! — обиделся звеньевой. — Мы гуляли по Охте и напали на медную свалку...

— На кого, говоришь, напали?! — приоткрыв окошко и выпучив от удивления глаза, спросил шофёр. Ему не ответили, и он с тоской поглядел на кузов машины. А из подвала на поверхность земли подымались всё новые и новые мешки и корзины. Груда металлолома росла.

Откинув назад голову, будто плывя под звуки торжественного марша, двинулся по снежной дорожке во главе своей стройной колонны крошечный звеньевой из четвёртого класса «А», вступивший в соревнование с Сашей Петровским. Из-под барашкового воротника выбились концы красиво повязанного пионерского галстука. Было видно по браво

¹ Из песни Н. Соколова.

выправке, что мальчик не из последних учеников учителя физкультуры — Евгения Афанасьевича.

Раз, два — и колонна стала. Ребята приподняли мешок.

— А, может, довольно будет этого самого? — вдруг пророкотал за спиной у маленького звеньёвого шофёрский бас.

Мальчик вздрогнул и оглянулся.

Шофёр стоял рядом с ним, заложив руки в карманы ватника, и смотрел на него сердито.

— Хватит! — сказал шофёр властно и взялся за откидной борт кузова. — Давайте не будем перегружать.

— Что, что?..

— А то, что обыкновенно, — вразумительно ответил шофёр. — Надо было затребовать пятитонку, — не маленькие!.. Не ты ответственный за машину. Я ответственный за машину. Не будем, не будем перегружать!..

— Не горячитесь, товарищ водитель! — блеснув на солнце очками и улыбаясь дрожащей улыбкой, сказал председатель совета дружины.

— Зачем горячитесь? Мы спокойненько! — ответил шофёр и спокойненько стал поднимать борт машины.

Зоя Николаевна наконец не выдержала. Вся кипит от гнева, она шагнула к шофёру. Пальто, державшееся на одной пуговице, откинулось. Стриженные короткие волосы развевались по ветру.

— Да что же это, в конце-то концов! — захлёбываясь, кричала она. — Думаете, если в школу приехали, так можно куражиться?.. На заводе работаете? На войне, верно, были... Стыд какой!..

Шофёр на мгновение опешил и вдруг ударил себя по коленке и захохотал.

— От девка! — сказал он, с уважением и даже с восторгом поглядывая на неё. — Тебе бы на флот и командовать адмиралом.

Зоя Николаевна пожалала плечами и отошла.

— Эх, и откудова только понабирали, — почти уже сдаваясь и всё ещё искоса поглядывая на вожатую, тихо сказал шофёр.

— А потому, что сознательные!.. Не тебе чета, — раздался голос из толпы. — Люди дело делают, а ты им палки в колёса ставишь!..

— Ладно, тише там! Расходились... — ворчливо сказал шофёр. — Нашли лекторий, лекции читать.

— Я тебе такую лекцию пропишу, до конца жизни запомнишь, — грозно посулил из толпы чей-то голос.

Шофёр презрительно плюнул в снег, сдвинул на глаза кепку, но ничего не ответил.

Было видно, что в этой схватке победа не на его стороне.

А звено Саши Петровского, единственное, которое ещё не принимало участия в погрузке, всё, в полном составе толпилось в это время у двери слесарной мастерской. Ребята уже избегали весь двор, напрасно разыскивая дядю Кешу. Его нигде не было. Дверь была заперта на английский замок, и драгоценные трофеи лежали по ту сторону двери.

Кузнецов, успевший слетать домой и прихватить кое-какие слесарные инструменты, отвинтил уже от замка один шурупчик. Но если потратить на каждый шурупчик полчаса времени, то грузовик, вполне свободно, успеет доехать до базы.

— Верти!.. Ты плохо вертишь, — говорил Кузнецову Иванов.

— Он плохо вертит, ребята!.. — подхватывал Даня.

— Плохо верчу? — не то отвечал, не то спрашивал Кузнецов. — Так вертите сами, пожалуйста... И вообще молчал бы ты, Данька! Кто это всё затеял?.. Ты!

— А ведь верно! — разом заговорили ребята. — Кто придумал запереть лом в мастерской? Данька Яковлев.

И, как будто найдя исход раздражению, все набросились на Яковлева.

— Тебя слушать, так пропадёшь!

— Сам виноват, а ещё говорит!..

Яковлев молчал, опустив голову. Он не оправдывался.

— Тише, тише, ребята! — уговаривал Саша Петровский. — Я сейчас сбегая за Джигучёвым.

С той стороны двора долетали до мальчиков приглушённый гомон, выкрики, смех, ровный топот маршевого шага...

Только первое звено шестого класса «Б» билось у запертых дверей слесарной мастерской.

А ведь всё могло пройти так хорошо, так гладко, если бы лом хранился в подвале, как у других ребят... Всё могло бы быть так хорошо...

Слёзы стояли на глазах у Яковлева. Он готов был зареветь вслух.

— Ребята, ребята, давайте как-нибудь, ребята...

— Отойди, — говорили ему мальчики. — Не путайся...

— Мешаешь работать! — кричал на него Кузнецов.

И вдруг из-за угла к дверям мастерской частой, дробной рысью подбежал дядя Кеша. Он остановился, деловито вынул из кармана английский ключик и сунул его в скважину замка.

Если бы мальчики оказались на отколовшейся льдине посреди Северного моря и вдруг к этой льдине подошёл бы вплотную явившийся им на выручку ледокол, — они не могли бы обрадоваться сильнее, чем обрадовались сейчас.

— Ура! — закричали все разом.

Не в силах сказать ни слова, Даня всхлипнул и утёр нос рукавом.

— Спокойно! Есть — взяли! — скомандовал Петровский и первый взвалил на спину мешок с металлом.

— Давайте действуйте, ребята, — строго сказал дядя Кеша. — Там, понимаете, не водитель попался, а заноза. Уедет ещё, чего доброго, не дождавшись вас.

...Шествие открывал Саша Петровский. Замыкал шествие дядя Кеша. Ребята тащили на верёвках по земле что-то огромное, прикрытое сверху грязной рогожей.

Первое звено шестого класса «Б» попросило разрешения приступить к погрузке.

Зоя Николаевна посмотрела на взволнованные, потные лица мальчиков, но ничего не спросила. Она кивнула головой.

— Приступайте!

Петровский салютовал, и первое звено шестого класса «Б» двинулось маршевым шагом к грузовику.

Привстав на колёса машины, Семенчук и Кузнецов опустили в кузов бронзовую кровать. Кузов вздрогнул, металл зазвенел переливчатым звоном. Да, не каждое звено могло похвастаться такой находкой!

Волны металлолома уже едва-едва не перехлёстывали через край, а ребята ещё не сдёрнули рогожи с таинственного предмета, лежащего у их ног на земле.

Под рогожей был обломок крыла немецкого самолёта. На нём ещё виднелась полустёртая свастика.

Для того чтобы добыть этот трофей, мальчики дважды ездили за город на кладбище разбитых самолётов. В воскресенье ребята явились туда всем звеном, и Саша Петровский под салютом поклялся сторожу, что крыло ступит на базу металлолома. Впрягшись в салазки, они тащили обломок немецкого самолёта через весь город.

И вот теперь их лучший трофей, обёрнутый куском кумачовой ленты с надписью белым по красному: «Что служило войне — пусть послужит миру!», чуть покачивался в воздухе, подхваченный двумя десятками рук...

А шофёр, весь взъерошенный и злой, стоял между мальчиками и своей машиной и почти кричал, размахивая кулаками:

— Да что я, спятил, что ли, — самолёты возить! Да так, гляди, вы мне и танк подкинете, а то комбайнов парочку, другую!.. Нет! Хватит, нагрузились! Самолёт до другого раза оставим.

И он, внезапно замолчав, круто повернулся, решительно пошёл к мотору и стал его заводить.

— Сядете или как? — закричал он сквозь гул мотора нарочито равнодушным голосом. — Дадите, спрашиваю, сопровождающего?

— Зоя Николаевна, ребята!.. Ведь мы... мы под салютом клялись! — чуть слышно сказал Яковлев.

Но тут на слове «клялись» открылась школьная дверь. Из школы вышел директор.

— Что здесь, собственно, происходит? — спросил директор, которому, впрочем, всё уже было известно, и бегло взглянул на грузовик.

Наступила тяжёлая тишина, нарушаемая затихающим гулом мотора.

И вдруг дверь кабины раскрылась... Оттуда не то выпрыгнул, не то вывалился шофёр.

— Товарищ начальник! — вываливаясь из кабины, сказал он голосом таким же осевшим, каким только что говорил Яковлев. — Товарищ начальник! Товарищ подполковник!..

— Сердюк! — удивившись, ответил директор школы.

Сквозь гул затихающего мотора стало слышно хриплое и прерывистое дыхание двух стоящих друг против друга людей.

Ребята быстро взвалили на грузовик обломки крыла.

А шофёр и директор всё ещё стояли посреди двора и растерянно пожимали друг другу руки.

— Да что тут такое? — спросила шедшая по двору женщина. — Почему толпятся?

— А ничего такого, — задумчиво ответила ей другая, — стало быть, встретились двое после войны.

В это время мать Дани Яковлева, вызванная классным руководителем в школу по поводу поведения её сына, стоя у вешалки, надевала пальто, которое ей подавал спустившийся вместе с ней из учительской в раздевалку Александр Львович. Она была до того взволнована, что тщетно пыталась попасть в рукава.

Около часа тому назад она стояла в этой же самой раздевалке, опустив голову, спрятав в сумочку известие «от прокурора», готовая к любому сообщению.

Машинально взяв номерок, она поднялась по ступенькам школьной лестницы, уже заранее подготавливая слова утешения для возвратившегося с работы отца.

— Ты сыт? — тихо спросит она, поглядев на его встревоженное лицо сухими, усталыми глазами. Она посмотрит на его брови, поднятые с тревогой и ожиданием, пододвинет к нему стакан чаю и скажет, стараясь проглотить подступающий к горлу комок:

— Выбил стёкла. Передано прокурору.

Так она думала, когда поднималась по лестнице школы. И вот прошёл всего какой-нибудь час — и она уходит счастливая, радостно потрясённая, до того взволнованная, что никак не может вдеть руки в рукава пальто.

Было уже около пяти часов. Отец скоро вернётся. Она едва успеет прийти домой и накрыть на стол.

Он придёт. Она ничего не скажет. Она подаст обед и только после, уже убирая скатерть и поглядывая на него лукавым, сияющим взглядом (власть которого она пронесла через тридцатилетие их супружества), заметит будто бы невзначай:

— А выходит, ты прав, отец... — и, словно то, что она скажет сейчас, не имеет решительно никакого значения, стряхнёт со скатерти крошки.

— Что-нибудь случилось? — спросит он, подняв к ней цыганские, такие знакомые, почти совершенно сыновние глаза, только с чуть-чуть уже пожелтевшими от возраста и усталости белками. И эти глаза, привыкшие угадывать выражение каждого поворота её руки, засветятся насторожённым предчувствием радости.

— Нет, ничего такого, — вздыхая, ответит она. — Хочешь, может быть, чаю?.. Сегодня меня, понимаешь ли, вызвали в школу. Я скрыла, пустяк. Какие-то стёкла... Так вот учитель сказал, что он энергичный, способный... ну, в общем, что он у нас очень хороший мальчик.

Скатерть, уже аккуратно сложенная, развернётся.

Он подхватит своей суховатой рукой упавший на пол край и, повернув к ней сияющее лицо, спросит:

— Нет, что ты говоришь? И для этого вызывали?..

— Для этого! — скажет она.

И снова сложит развернувшуюся скатерть.

Так она скажет, и глаза их встретятся, полные общих надежд. И перед этим общим родительским взглядом пройдёт целая жизнь одного вихрастого школьника. Вот он студент, инженер, доктор, быть может, учитель, а может быть, — даже профессор. Его все знают, уважают, любят. Он счастливый отец, под старость — дедушка, окружённый внуками, увенчанный почтенными, но кудрявыми сединами... Их честь, их гордость, их бессмертие — меньшой брат Аркаши, их последний, поздний, единственный теперь сын...

А учитель всё ещё стоял подле Яковлевой.

Такой молодой, он сумел увидеть в её ребёнке то, чего не могли разглядеть её материнские глаза!

Она всё ещё мялась, пытаясь что-то сказать ему, боясь заплакать от подступившего к горлу радостного волнения.

Александр Львович вежливо опустил глаза, как будто бы ничего не видя. Но её волнение тронуло его.

Он повторил:

— Уверяю вас, товарищ Яковлева, у вас нет никаких оснований для беспокойства. Хороший, сердечный мальчик, отличный товарищ! Излишняя страстность, конечно, — но это не такая уж беда... Понимаете ли, природа такая.

— Понимаю. В отца! — тихо сказала мать.

Возможно, что она ещё долго бы простояла так, испытывая терпение учителя, если бы во дворе за её плечами не взвыла машина. Гудок гудел до того отчаянно, что в окошках дребезжали стёкла. Вздвигнув, Яковлева обернулась и поглядела на школьный двор.

В кузове осторожно движущегося по камням грузовика, переполняя его до краёв, содрогался металллом.

Её сын сидел на груди каких-то сверкающих обломков рядом с тем мальчиком, который недавно принёс ему портфель.

Весь двор летел за машиной. С весёлым криком неслись за ней ребята; бежала какая-то девушка в развевающемся пальтишке — должно быть, вожатая; широким шагом, слегка помахивая рукой, шагал директор.

Солнце ударило в переполненный кузов машины. Грохоча и сияя, она медленно объезжала двор.

Из пионерской комнаты раздалось дружное пение высоких голосов.

И уран и бериллий
Ждут хозяев своих.
Отыщи и бери их
Для заводов родных.

Без тревожных отплытий,
Без дорожных тревог
Не свершалось открытий,
Не открыто дорог!..

Её сын ехал по двору, окружённый сверканием меди и голубым огнём алюминия, сопровождаемый песней...

Для того чтобы въехать в узкие ворота, машина, разворачиваясь, на минуту почти коснулась крыльца. И в эту минуту Яковлева заметила, что в одной руке Даня бережно держит, прижимая к себе, хорошо начищенный медный примус.

Примус был ей знаком. Ей показалось даже издалека, что она различает обрывок красного лоскуточка, привязанный ею лично к ножке этого примуса.

В квартире вот уже два месяца как был газ. Примус хранился в кладовке — на всякий случай.

Прекрасный примус, начищенный, новый, с лоскутком, который она сама привязала к ножке, чтобы не спутать его с соседскими примусами.

Мать невольно шагнула вперёд и протянула руки...

Но машина уже выкатилась на улицу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13

Во второй четверти данины дела значительно ухудшились. Пятёрки (по истории, географии и литературе) как-то сами собой превратились в четвёрки. Четвёрка по естественному — в тройку. А там, где до сих пор стояли тройки, начали завиваться кверху хвостики двоек.

— Нет, так нельзя, — говорил себе Даня. — Надо подтянуться. Вот с завтрашнего дня засяду и рвану...

Но засесть и рвануть у него нехватало времени. То эта история с учебниками, застрявшими в дворницкой, то соседский велосипед, на котором ему позволяли кататься целую неделю, то ещё что-нибудь...

Когда кончился сбор лома, Даня совсем уж было взялся за учёбу, но тут, проходя мимо окна хозяйственного магазина, он, неизвестно почему, обратил внимание на лежащий в окне точильный камень. Вещь была хорошая, полезная... Стоила 10 рублей 76 копеек.

У него было 3 рубля 18 копеек. Недостающие деньги он занял: 5 рублей 58 копеек — у Саши, 2 рубля — у Семенчука.

Но камень сам по себе не представлял особенной ценности. Он был только частью великолепного целого — точильной машины. Знаток по части машин считался Кузнецов. Яковлев решил привлечь к делу Кузнецова.

Будущая машина потребовала приводных ремней. Кузнецов достал два старых ремня от отцовских брюк, а Яковлев пожертвовал свой кожаный, блестящий, новый пояс от выходной курточки.

Недалеко уже казалось то время, когда точильный камень станет

вращаться, приводимый в действие шуршащими ремнями; а он, Яковлев, с сосредоточенным, гордым и вместе безразличным выражением, стоя во время большой перемены во дворе и придавив к шершавой поверхности камня лезвие очередного перочинного ножа, будет точить, точить, точить.

От камня полетят во все стороны белые искры, яркие, как звёзды бенгальских огней. Ребята будут говорить: «Неужели сами?..».

«Спрашиваешь! Отойди подальше, не мешай».

Но, к сожалению, работа на всём ходу остановилась из-за полного отсутствия денежных накоплений: надо было купить три доски (24 рубля 39 копеек), а они с Кузнецовым и так уж кругом запутались в долгах. Кроме того, на улице стало сыро, холодно, а конструировать приходилось в дворовом закутке (даже многотерпеливая мать Кузнецова не позволила перенести работу в комнаты).

Сборку машины решили отложить до более тёплых дней. Авось к тому времени и деньжат удастся поднакопить.

Это было как раз кстати. Даня только что опять получил дзюйку по геометрии, и у них с Сашей произошёл по этому поводу крупный разговор.

Саша целый час объяснял ему, что если он действительно хочет со временем изобретать машины, то это невозможно без математики. Отсюда разговор перешёл к науке вообще, и тут Даня вспомнил маленький домик в углу двора, профессоршу и её негромкий, спокойный голос: «Приходите, дружок, я вам всё расскажу».

Они вошли в музей, впереди — Даня, сзади — Саша.

Вошли и остановились у порога, сейчас же сняв шапки (как требует Александр Львович).

Женщина, сидевшая у столика, ещё не старая, но спытная, уже не раз видела и таких посетителей. Она повернула к ним голову и спросила приветливо:

— Вам кого, ребята?

Этот простой вопрос поставил их в тупик. Мальчики молча переглянулись. Саша вообще не знал, к кому, собственно, они пришли, а Даня знал только, что разыскивает ту профессоршу, которая живёт недалеко от них.

Но как её вызвать? Как её фамилия? Правда, он помнил, что зовут её — Елена Серафимовна. Но можно ли назвать её так — попросту, по имени-отчеству, так же, как называют в школе учительницу?.. Даня первый раз в жизни собирался вступить в деловые отношения с учёным миром и ещё не знал, как полагается вести себя в таких случаях.

И вдруг неожиданно в его памяти всплыла фамилия: «Озеровский».

— Попросите, пожалуйста, товарища Озеровского! — сказал он просяв.

— Озеровского?.. Сейчас, — ответила женщина у столика и покорно пошла вызывать Озеровского.

Даня с торжеством поглядел на Сашу. Саша почтительно молчал.

Им не пришлось долго ждать. Озеровский скоро показался на третьем этаже белой лестницы, устланной красными дорожками.

На площадках, мимо которых он проходил, были широко распахнуты двери. За каждой дверью угадывалась ширь полупустых комнат, маячили застеклённые шкафы. В полукруглое окно второго этажа заглядывали Нева и кусок неба. Даль казалась огромной.

Озеровский переступил последнюю ступеньку удивительной лестницы, прошёл мимо двух чудовищ с львиными мордами и бивнями слонов, и вестибюль переполнился звуками его сочного, раскатистого голоса.

— Ага, кладоискатель!.. Какими судьбами?.. Что новенького? Опять

какая-нибудь находка? Вьюшки?.. Нет? Сегодня без всяких вьюшек? Ну что ж, заходи — гостем будешь.

«Узнал!»

— Товарищ Озеровский, — весело, свободно и счастливо сказал Дания, — я к вам привёл своего товарища, Сашу Петровского. Он уже много лет подряд интересуется наукой! Запишите его в какой-нибудь кружок.

Залы музея пахли особенно — старыми тканями, воском натёртых до блеска паркетов, лаком, спиртом, нафталином... Кругом было тихо. Звук шагов ударялся в стены, множился и угасал, пролетев через всю нескончаемую цепь комнат, соединённых распахнутыми дверьми.

Проходя мимо какого-то странного музыкального инструмента — под ним было написано: «Тамеланг. Индонезия», — Озеровский, шагавший впереди, нечаянно задел его плечом. Полые бамбуковые тросточки, свободно подвешенные к железной штанге, осторожно задвигались и, ударившись одна о другую, тихонько запели: «Трум-тарара».

Раскрыв рты, Дания и Саша переглянулись. Они уже были у дверей, а бамбук всё ещё продолжал петь.

Не дав мальчикам как следует оглядеться, Озеровский широким шагом прошёл зал Индии и Индонезии. Теперь он вёл их через залы второго этажа.

— Простите, пожалуйста, — вдруг сказал Саша. — Это... это, кажется, таблички с острова Пасхи, которые привёз Маклай? Таблички с неразгаданной клинописью?..

— Откуда ты знаешь?.. — быстро спросил Озеровский. И остановился.

— Я читал. В этнографическом вестнике.

— Ага... Занятно... Ты что ж, стало быть, читаешь специальные книги?

— Да, когда удаётся достать.

— А что ты ещё прочёл?

Саша густо порозовел, сказал: «Сейчас», вынул из бокового кармана курточки записную книжку и подал её Озеровскому.

«Литература, искусство, наука, техника» — стояло на первом листке книжки. Дальше на многих страницах шли длинные столбики названий. Против каждой прочитанной книги виднелся значок, сделанный цветным карандашом.

Озеровский с любопытством и даже некоторым удивлением перевёл глаза с книжки на розовое лицо Саши.

— Так, так...

Дания почёл это «так-так» за восхищение исключительной учёностью своего друга.

— Он, он... — сказал Дания, — он у нас читает больше всех ребят, вместе взятых. Он так работает над собой!.. Он даже записался в институтскую библиотеку. Честное слово!.. По благу. Тогда, во время сбора лома, — помните? — он познакомился со студентами. Они его записали в свою библиотеку.

— По благу?!

И Озеровский засмеялся так искренне, что Дания не выдержал. Оборвав свою речь, он тоже засмеялся весело и заливисто.

— Ну, что ж, — сказал Озеровский. — Очень хорошо. Так куда же теперь тебя записать по благу? Может быть, займёшься Индонезией?.. Интересуешься?

— Очень! — чуть слышно сказал Саша.

— Ладно. Приходи послезавтра. Запомнишь? Ровно в пять. Попрошу не опаздывать.

— Я не опоздаю, — серьёзно сказал Саша.

- Ну, а тебе куда бы хотелось, кладоискатель?
 — Мы вместе! — быстро сказал Даня.
 — Вместе, так вместе! Значит, в среду, в пять.
 — Угу! — ответил Даня и благодарно посмотрел на Озеровского.

Побывав раза три на занятиях в музее, Даня стал умолять Озеровского прийти к ним в школу на сбор отряда.

— Иван Витальевич, а Иван Витальевич, — говорил он, прижимая оба кулака к груди. — Ведь это же, честное слово, несправедливо! Ну почему мы с Сашкой всё знаем об Индонезии, а наши ребята — ничего? Приходите хоть на полчаса! Ну только покажитесь и сразу уходите! Придёте, а?

Озеровский был человек добрый. Он не выдержал даниного натиска, вздохнул и обещал прийти.

Был пятый час, когда, насвистывая и слегка покачиваясь, отчего за спиной у него так и подпрыгивал рюкзачок с диапозитивами, Озеровский вошёл на школьный двор.

Фонари ещё не горели, но было почти светло, так ярко сияли широкие, словно налитые светом глаза школьных окон.

В закуске двора съезжали с горы на салазках девочки из соседней женской школы. Двор был переполнен голосами. Сбоку, у горки, всеми забытый, топтался чей-то младший брат, лет этак шести.

— Виктор, вытри нос! — покрикивала на него сестра с вершины горы и, съехав, сама вытирала братнин нос клетчатым носовым платком.

— Эй, барышни, — сказал Озеровский, подойдя к девочкам. — Не вредно бы прокатить мальчика.

Воцарилось глубокое молчание.

— Освобождай салазки, живо! — скомандовал Озеровский. Салазки освободили.

— Садись! — сказал Озеровский мальчику. — Смекаешь?

Тот смекнул, сел на салазки и вихрем покатыл вниз с ледяной горы. Он не успел ещё долететь до ближайшего забора, а его неожиданный благодетель уже скрылся за дверью школы.

— Дяденька, дяденька, ещё раз, дяденька!

Но дяденька его не слышал.

Широким шагом прошёл Озеровский в раздевалку, ловко сбросил своей единственной рукой рюкзак, снял шапку и пальто.

И вдруг он услышал торопливые шаги. Они были лёгкие, но их звук подхватывало эхо, и шаги раздавались гулко и звонко, заполняя собой, казалось, всё пространство лестницы.

Он вскинул голову. С шестого или, кто его знает, может быть, с пятого этажа навстречу ему бежала девушка. Она летела, как бумажная птица, запущенная ловкой рукой.

Её худое, милое, как будто бы знакомое лицо оборачивалось на бегу в его сторону. Она выбежала из физкультурного зала и была одета в брюки и шерстяную майку.

Здрав голову, он, не отрываясь, глядел вверх.

И вдруг она остановилась и спросила, задерживая дыхание:

— Вы Озеровский?

— Так точно! — ответил он.

— Старшая пионервожатая Феоктистова, — и она энергически пожала Озеровскому руку.

— Простите, — говорила она, всё ещё задыхаясь. — Понимаете, всё вышло так нехорошо... Растяпы! Я послала Яковлева к трамвайной остановке, а Петровского, на всякий случай, к боковому выходу. Джигучев,

наш отрядный вожатый, вас тоже ждал во дворе. А вы, наверное, путались, искали?

— Нет, нет! — ответил Озеровский. — Я нисколько не путался.

— Ребята вас так ждут, — говорила она. — Понимаете, что это значит для них — доклад об Индонезии! Я как раз заканчивала урок (подтягиваю по физкультуре некоторых отстающих) и вдруг вижу в окошко, как будто вы...

Она говорила быстро-быстро и пыталась выхватить рюкзак, который он держал в левой руке.

«Вас ждут», — сказала она, а он стоял и продолжал глядеть на неё, словно не понимая, что она ему сказала.

Доклад прошёл блестяще.

Через два дня, придя в школу к Зое Николаевне, Озеровский предложил ей сделать доклад об Индонезии для седьмых и восьмых классов.

Доклад прошёл хорошо.

Через неделю, придя в школу к Зое Николаевне, Озеровский предложил ей сделать доклад для классов третьих и четвёртых.

Доклад прошёл неплохо. Малыши слушали внимательно. Саша Петровский с глубокой серьёзностью, полный сознания ответственности возложенного на него дела, иллюстрировал доклад диапозитивами.

Через несколько дней Озеровский предложил Зое Николаевне сделать доклад для педагогов.

Связь школы и науки росла.

Ребята выразили докладчику в стенгазете горячую благодарность. Озеровский был тронут. Он решил организовать школьную выставку.

Однажды, когда Зоя Николаевна и Озеровский подробно разрабатывали экспозицию этой выставки, в пионерскую комнату ворвался председатель совета дружины.

Увидев их сидящими за столом друг против друга и низко склонившимися над общей тетрадкой, в которой Зоя Николаевна делала какие-то записи, председатель совета дружины, неизвестно почему, покраснел, сказал: «Прошу извинения!» — и быстро захлопнул дверь.

Зоя Николаевна пришла в ярость. Связь школы с наукой была на волосок от гибели.

С этого дня старшая вожатая совершенно потеряла интерес к науке. Охладела она и к школьной выставке. Но Озеровский относился к выставке попрежнему с большим энтузиазмом. Он часто заходил в школу, забегал в пионерскую комнату и с чрезвычайно деловым и серьёзным лицом спрашивал: «Ну, как?..»

Иногда, сбросив пальто, он присаживался возле столика Зои Николаевны, чтобы проинструктировать кого-нибудь из отрядных вожатых.

В таких случаях Зоя Николаевна, вероятно чтобы не мешать ему, вставала и выходила из комнаты.

Если у Озеровского было мало времени, он не заходил в школу, а только заглядывал во двор, чтобы по пути дать ребятам тот или иной совет.

Ребята, выразившие в стенгазете благодарность докладчику, с удивлением наблюдали за тем, как молодой учёный время от времени бродит вокруг одинокого дерева во дворе, словно учёный кот на цепи вокруг волшебного дуба.

А между тем дружба мальчиков и Озеровского крепла. Но никто из них не привязался к нему так сильно и горячо, как Саша Петровский.

Саша, аккуратнейшим образом посещавший в музее кружок, поражал Озеровского своей исполнительностью и точностью.

«Чрезвычайно важно, Петровский, собирать иллюстрированный материал: мало-помалу ты начнёшь ясно представлять себе край, который отдалён от тебя тысячами километров».

И вот Саша, запершись в ванной комнате, без конца переснимал фотографии из журналов и газет.

По совету того же Озеровского он завёл себе толстую общую тетрадь, в которую заносил самые разнообразные выписки. Скоро тетрадей стало две. Потом их стало три. Потом — четыре.

Бывало, Саша простаивал часами в залах музея, терпеливо срисовывая этнографические экспонаты.

Вон там, у окна, на длинном столе, под стеклянной крышкой, лежали криссы — индонезийские ножи. Он разглядывал в лупу (как Озеровский) тончайшую резьбу клинков и рукояток. Криссы были самые разные — широкие и узкие, изогнутые и прямые.

«Вот этим, конечно, разрезали на родине плоды. Человек вынимал его из-за пояса, садился на траву, скрестив ноги, и широкое лезвие крисса вонзалось в нежную мякоть плода. А может быть, они срезали им и тонкий тростник для дудочек».

«А вот этот — узкий и острый — похож почему-то на седую бороду. Его кончик изогнулся стальным завитком. Может быть, это нож партизана?»

«Этим — тяжёлым и грубым — долбили дерево. Этим убивали когда-то на охоте зверей...»

— Куда ты пропал? — спрашивал Сашу Озеровский. — Смотрю: на столе журналы. Значит, Петровский тут. Не сдать — вроде бы на него не похоже.

И единственная рука учителя как бы невзначай ложилась на плечо ученика.

Не только Саша — все в музее, начиная от директора и кончая гардеробщицей, любили и уважали Озеровского. Его любили за постоянную весёлость, за широкую доброту. Уважали за простоту и лёгкость, почти беспечность, с которой он нёс тяжёлые последствия военного ранения. Он был спортсменом, незаменимым человеком на студенческих вечеринках (его до сих пор очень часто приглашали на студенческие вечеринки); он любил живопись, музыку, пел, замечательно умел свистеть жаворонком и соловьём. Он знал толк в книгах и отлично переплетал их своей единственной рукой.

Весёлое оживление никогда не покидало его, даже когда он работал или сосредоточенно читал книгу. Казалось, вот-вот он оторвётся от неё и заговорит первый с тем, кто войдёт в комнату. Озеровский бросал всякое дело легко и так же быстро снова на нём сосредоточивался, острил в самые неподходящие для этого минуты и был человеком неутомимо бодро и лёгкого нрава.

И при этом он был учёным. Настоящим учёным.

Саша был почти влюблён в Озеровского и сильно хотел быть похожим на него.

...А Даня? Что делал Даня с тех пор, как привёл в музей Сашу и потребовал, чтобы им вызвали товарища Озеровского?

Записавшись в кружок по изучению Индонезии, он четыре раза точно и аккуратно приходил на занятия этого кружка и даже успел прочесть несколько книг. Но на пятый раз как-то само собой получилось, что, пока ребята поджидали задержавшегося где-то Озеровского, Даня тихонько выскользнул из комнаты и робко пошёл бродить по залам музея. Сперва он часто оглядывался. Но, должно быть, ребята не заметили, что

он ушёл. Никто не разыскивал его. Никто не окликал. Он глубоко вздохнул и зашагал быстрее.

Вот отдел русской Америки. Перед Даней эскимосы, одетые в меховую одежду; две пироги из моржовой кожи, множество костяных наконечников для стрел.

Дробно и звонко отдавался звук его шагов в просторе полупустых залов. При тусклом, жёлтом свете дежурных электрических ламп ему стало казаться, что манекены чуть заметно шевелятся, дышат, искоса глядят ему вслед.

Вон оттуда, из угла, смотрят на него два глаза: человек одет в широкий плащ из перьев, по его плечам рассыпаются прямые, чёрные, длинные, как у женщины, волосы.

Из другого конца комнаты навстречу Дане, приседая в какой-то страшной пляске, мчится воин из племени сенека.

Посреди зала в длинной пироге сидит голый человек. Две косы спускаются ему на спину, и, закинув кверху голову, он беззвучно трубит в рог.

Пирога стояла прямо на полу, вокруг не было защитного стекла. Можно было тихонько подойти и, оглянувшись, нет ли поблизости сторожихи, потрогать пальцем смуглые плечи, вылепленные из папье-маше и покрытые лаковой краской.

Даню почему-то и обрадовала и испугала мысль, что между ним и человеком нет стекла. А что если он дотронется до индейца пальцем и тот обернётся? Что если вдруг, едва заметно, сверкнут белки на тёмном лице, приоткроются зубы? Что если на одну, хоть самую короткую, долю секунды в самом деле раздастся звук рога?

Но, к счастью, рядом с ним раздался не звук рога, а резкий голос экскурсовода:

— Сюда, сюда, товарищи. Вот так. Прошу расположиться полукругом.

Даня увязался вслед за экскурсией, но так как это была экскурсия краснофлотская, он уже почти ничего не слышал и разглядывал не столько музейные экспонаты, сколько широкие синие воротники матросов, уголки их тельняшек и отлично наутюженные краснофлотские брюки.

Матросы миновали коллекции Маклая и бодрым шагом пошли вниз, в раздевалку. А Даня зашагал вверх.

Вот и третий этаж. Отдел археологии и антропологии. Дверь закрыта. Он осторожно толкнул её. Зал пуст. В зале тихо. Сквозь высокие, закруглённые сверху окна виднеются Нева и улица.

Прямо против Дани — статуя мальчика-неандертальца. Стоя на пьедестале, выставив вперёд короткую шею, данин дальний-дальний предок сжимает в широченном кулаке ручное рубило.

Даня не так давно читал книжку про доисторического мальчика — про мальчика, которому поручили беречь неугасимый огонь в пещере и который его не уберёт. Огонь умер, а мальчик отправился на поиски нового живого огня. Там было ещё много разных приключений, и все очень интересные. В общем, книга стоящая. Только не может быть, чтобы тот мальчик был похож на этого неандертальца...

Даня присаживается на бархатную скамейку и начинает пристально рассматривать согнутые в коленях короткие ноги, длинные, как у обезьяны, руки, низкий, убегающий назад лоб и могучие челюсти.

— Нет, не может быть, тот был не такой... — бормочет он.

— Почему вы так думаете? — вдруг спрашивает кто-то за его спиной.

Даня вздрагивает и оборачивается... Перед ним стоит она — профессорша. Елена Серафимовна. Стоит и, улыбаясь, смотрит на него, как будто они расстались только вчера.

Глава 14

Елена Серафимовна давно заметила, что Даня Яковлев начал бывать в музее. Однажды она разговаривала с кем-то на площадке лестницы, и вдруг внимание её привлекла группа мальчиков, толпившихся внизу, около двери реставрационной мастерской.

— Осторожно! — кричал баском лохматый, чернявый мальчик и обращившись в сторону школьниц, собравшихся в вестибюле.

— Не надо! Я сам! — кричал он. — Саша,пусти!

Елена Серафимовна перегнулась через перила и посмотрела вниз.

Двое ребят старательно помогали Ване Озеровскому вытаскивать из реставрационной мастерской манекены.

Что-то знакомое было в лице мальчика. Ах да, тот самый мальчик... история с металлоломом.

Ещё с того первого раза ей запомнились его толстые губы, смуглый цвет кожи и жадно-любопытное выражение детского растерянного лица. А теперь, когда она смотрела с площадки лестницы, даже рваный локоть его курточки почему-то умилил Елену Серафимовну.

Он не узнал её, занятый манекеном и стоящими рядом девочками.

Ничего. Узнает. Уж раз он пришёл сюда, в музей, так не минует отдела археологии.

Она ждала и дождалась.

Он был рядом. Сидел в пустом зале на скамейке против герасимовского неандертальца и бормотал:

— Нет, не может этого быть.

— Почему вы так думаете? — спросила она и, повернув выключатель, зажгла в зале свет.

Несколько лампочек в люстре вспыхнуло, осветив зал жёлтым, холодноватым светом. Тьма за окном сразу сгустилась, поглотив всё — улицу, Неву, последние проблески дня.

Он робко встал со скамейки.

— Здравствуйте, Елена Серафимовна!

— Что вы тут делали один в темноте? — сказала она. — Пойдёмте-ка лучше к нам.

И, не то опираясь на плечо Дани, не то приручая его мягким прикосновением руки, уверенно повела через зал. Осторожно и даже как бы вежливо она толкнула какую-то дверь, завешенную тяжёлой портьерой. Дверь распахнулась, стало видно, что комната, куда они пришли, освещена деловым светом настольной лампы под зелёным абажуром (точно таким же, как дома у Елены Серафимовны). За столом работали две девочки и мальчик постарше Яковлева — так, примерно возраста Кости Джигучёва. Они собирали по частям и склеивали какой-то старый, негодный, совершенно развалившийся глиняный горшок.

«Надо мной смеялись, а сами, небось, возьтятся чёрт знает с каким старьём», — злорадно подумал Даня.

Горшок, вернее, глиняные черепки бывшего горшка лежали на листе чертёжной «синьки». Работа девочек и мальчика была похожа на игру в «керамику», которую Даня помнил со времени пребывания в детском саду: надо было тщательно подбирать цветные квадратики, треугольники и кружки, чтобы получился узор. Убей его, он бы теперь таким делом не занимался, это как дважды два — четыре.

Елена Серафимовна сразу заметила, куда он смогрит, и сказала, как бы невзначай:

— Их собственная находка... Нынче летом, дружок, эти товарищи принимали участие в археологической экспедиции. В качестве вспомогатель-

ного состава, конечно. Около деревни «Чёрная» была обнаружена стоянка доисторического человека...

— Доисторического человека?! — В глазах у Дани мелькнула искорка, вспыхнувшая, словно от удара огнива о кремь.

Ребята трудились молча. Они не смотрели в сторону Елены Серафимовны, как будто их не касалось то, о чём она говорила с Даней.

Не удержавшись, Даня протянул вперёд руку и робко дотронулся пальцами до осколка глиняного горшка.

Ребята не сказали ни слова, даже не подняли глаз от работы. Ещё бы! Стоит ли обращать внимание на какого-то мальчишку, которому всего лет тринадцать, когда перед вами горшок, которому добрых пять тысяч лет.

Даня смотрел на черепки горшка, как зачарованный. Они были рыжеватые, гладкие, на них виднелся рисунок, будто от вдавленной плетёной верёвочки. Странное дело, никогда бы он не подумал, что так интересно разглядывать осколки какого-то кухонного горшка.

Он повернулся к профессорше.

— А что я хотел у вас спросить...

Она кивнула головой.

— Спрашивайте. Только не будем лучше им мешать. Вернёмся в зал.

И вот они опять идут по сверкающему узорчатому паркету. Одной рукой она опирается на свою неизменную палочку с резиновым наконечником, другой — на его плечо. Он осторожно идёт рядом, стараясь умерить разгон своего шага, смущённый тем, что ему приходится подлаживаться под темп её мелких, неровных шагов, чуть обеспокоенный тем, что она сейчас заметит это.

Дойдя до крайней скамейки, она остановилась и села, с видимым наслаждением протянув вперёд отёчные ноги, обутые в плоские маленькие туфли. Он сел подле. Помолчали. Потом, набравшись духу, Даня спросил, глядя от застенчивости куда-то в угол:

— А что, много у вас выкапывают этого самого... ну, разных там горшков?

Она улыбнулась.

— Порядочно. Особенно за последние годы.

— Расскажите! — попросил он несмело.

Она не ответила. Лицо у неё было задумчивое, голова слегка наклонилась набок.

— Может, вам некогда? — ещё тише сказал Даня. — Может, мне лучше уйти?..

Она мягко удержала его за руку.

— Нет, нет... Зачем же?..

С чего начать?.. О чём расскажешь такому вот мальчику, чтобы сразу задеть его воображение, чтобы даже в том случае, если он никогда и не захочет прочесть ни единой книги о науке, которая стала её жизнью, он понял бы всё же, что такое труд археолога?

Как сделать так, чтобы он ушёл от неё не с пустыми руками?

Объяснить, какую задачу решает археология? Как археологу приходится быть подчас этнографом, ботаником, геологом, палеонтологом, чтобы прочесть по едва уловимым признакам в книге времени историю той давно забытой жизни, которую так неохотно отдаёт назад земля? Можно было бы рассказать ему, сколько экспедиций работает каждый год в самых отдалённых уголках нашей Родины... Но нет, это всё общее. Это потом...

И Елена Серафимовна начала почти так, как рассказывают сказку:

«...В пустыне, среди холмов зыбучего песка, похожих на огромные волны, пробирается верблюд. Он осторожно ступает по гребням барха-

нов, стараясь не сорваться в глубокие котловины. Эти котловины выдул в песке степной горячий ветер.

Безлюдно, тихо, глухо кругом. Здесь ничто не растёт, только изредка на глинистых затвердениях — такырах — стелются жёсткие, колючие травы.

А там, впереди, в этой мёртвой стране, занесённой песками, виднеются бесчисленные развалины замков, крепостей, целых больших городов. Когда путник поднимается на высокий холм, ему начинает казаться, что города и замки совсем, совсем близко. Но они далеко. Долго и трудно до них добираться по зыбучим пескам, под палящим солнцем.

Если вы думаете, дружок, что я рассказываю вам сказку из «Тысячи и одной ночи», вы ошибаетесь. Человек, одиноко странствующий на верблюде в пустыне, — вовсе не купец, который отстал от каравана, не юноша, убежавший от разбойников.

Это советский археолог. Он пришёл сюда за прошлым. Пришёл прочитать глиняную летопись древнего Хорезма.

Елена Серафимовна рассказывает, а Даня слушает, и ему кажется, что он в кино. Вот она, пустыня, древний, засыпанный зыбучими песками город. А вот маленький караван. Но почему-то на верблюде сидит не какой-то неизвестный ему археолог, а он сам, Даня...

После долгого перехода караван наконец размещается на ночлег. Они разбили палатки под стенами полуразрушенной крепости. В тишине слышно только дыхание спящих людей и ещё... Ну, что бы ещё? Ладно, пусть, например, лай степной лисицы.

Мёртвый город похож на заколдованный корабль.

Ночь. Он, Даня, встаёт, оглядывается и тихим шагом идёт туда, где виднеются развалины старого замка.

Итти очень трудно. Ноги вязнут в песке. Уже давно не видно палаток, но зато перед ним какая-то разрушенная стена, сложенная из больших кирпичей. Стена древней башни.

Держась за перила — или нет, ведь там, наверное, нет никаких перил, — держась за стены, он осторожно спускается в подвал.

Тихо и долго шуршит оторвавшийся под напором его ноги маленький камешек, падая в бездну. Встаёт луна и освещает глиняную лестницу.

Дверь подвала распахнута. В лунном свете на земле что-то мерцает, переливаясь, как вода в глубоком колодце. Он входит в подвал. Сквозь пролом в стене глядит луна. Нога наступает на что-то звонкое... Монеты! В свете луны поблёскивают кубки, фигурки животных и людей с отбитыми головами.

Сколько столетий не дотрагивалась до всего этого богатства рука человека?

Даня наклоняется и поднимает заржавленный древний щит. Батюшки, до чего же он тяжёлый! Ну и сильные у них, должно быть, были воины! А вот неподалёку меч. Кованая рукоятка позеленела от времени, тускло поблёскивают в ней какие-то самоцветные камни. Она как раз по руке Дане. С мечом и щитом он осторожно пробирается вдоль стен заброшенной сокровищницы. Под ногами у него валяются старые запястья, подвески, бусы и всё такое. Не выпуская из рук щита и меча, он подгребаёт ногой особенно ценные находки: всё это пригодится для науки — и этот погнутый бронзовый сосуд и вон та деревянная бирка. На всякий случай он суёт в карман несколько монет с изображением какого-то бородатого человека. На обороте монет странные надписи, несуществующие больше слова и буквы мёртвого, забытого языка.

Отметив у себя в планшетке при свете ручного фонарика местонахождение сокровищницы, Даня поднимается наверх, в зал. Из угла на него

глядит огромная раскрашенная гипсовая статуя сидящего на гипсовой табуретке (а может быть, и на троне?) человека.

Кто здесь жил? Цари какие-нибудь? В доме у рабочего человека, небось, не стояли бы статуи. Да и стены не были бы расписаны.

...Хорошо, а где ж они жили, эти рабочие люди? Вон там, наверно, в крыльях башни, где нет ни росписи, ни статуй. Они пряли, ковали оружие, мяли кожи, объезжали коней. Они были разные — молодые и старые. У них были дети — девочки и мальчики, такие же, как он, Даня.

Девочки и мальчики писали на глиняных табличках какими-то острыми палочками или чем-то там ещё, и, может, их бранили, когда они делали ошибки. Они дрались, играли в разные игры, называли друг друга по именам.

А теперь между кубком и копьём, лежащим на полу у даниных ног, тянется длинная, длинная паутина. Башня покинута, но в ней есть свой жилец — паук, который ничего не хочет знать о науке и древности...

Даня сидит рядом с Еленой Серафимовной, уронив на колени оба локтя, подперев кулаком щеку, задумчивый и толстогубый, как маленький Пушкин. Он слушает и мечтает под звуки мягкого, мерно рассказывающего голоса. В зале тихо-тихо. По ногам пробегает тепло. Это дышат проведённые где-то под полом трубы парового отопления. Чуть покачиваются портьеры на окнах. И, неизвестно почему, Дане очень-очень хорошо. Он искоса поглядывает на Елену Серафимовну, и она ловит его взгляд и отвечает ему едва заметной улыбкой.

Ей, видно, тоже хорошо.

За дверью тоненько и звонко бьют часы. Это старинные часы, которые отбивают даже четверти.

— Восьмой час, — говорит Елена Серафимовна, — вам пора, дружок. Дома, наверно, волнуются.

Она поднимается. Он подаёт ей палку.

— Вы... вы меня запишете в археологический кружок?

— А вы разве интересуетесь археологией?

— Да. Интересуюсь. Я непременно буду археологом. Я твёрдо решил.

Она смеётся.

— Интересно, дружок, сколько раз вы ещё будете так же твёрдо выбирать свою будущую профессию. Вы хотели бы стать учёным? Отлично. Но позвольте вам сначала разъяснить, что такое учёный. Видите ли, основные черты учёного — это пылливость, конечно, но и трудолюбие. Непреклонная, терпеливая воля. Учёный не имеет права уставать. Через скуку, через бесцёгное количество неудач порой приходится продирааться, чтобы добыть ничтожную подробность, подтверждающую его мысль, а иной раз и опровергающую её...

— Я продерусь... Под салютом могу поклясться! — серьёзно, почти угрюмо перебивает Даня и, неловко поклонившись, спускается по лестнице. А она стоит на площадке и смотрит ему вслед, усталая, но вся какая-то умиротворённая, согретая дыханием этой молодости, этой кипучей жизни, прекрасной близостью полурёбенка, полуподростка, которой всегда так сильно недостаёт бездетному и старому человеку.

Глава 15

Он был в кружке самым младшим. Остальные больше знали по истории и прочли гораздо больше книг.

Но это, конечно, ничего. Надо было только догнать.

Кружок вёл Ким (тот самый кореец, которого он когда-то видел у неё дома), а не сама Елена Серафимовна, но и это тоже было ничего.

Она часто заходила в комнату, здоровалась с ребятами (с ним, с Даней, она тоже, конечно, здоровалась) и всегда расспрашивала Кима, как идут дела.

Случалось, что она даже подсаживалась со своей книжкой к столу, за которым ребята срисовывали камни; тогда он всё время чувствовал её молчаливое присутствие.

Только один раз, когда ребята заговорили об экспедиции будущего лета и он сказал: «Она меня ни за что не пустит!», Елена Серафимовна оторвалась от книжки и спросила, улыбаясь:

— А кто это, собственно, — «она»?

— Моя мама, — угрюмо ответил Даня.

— Ах, мама! Ну, с этим затруднением, вероятно, можно справиться. Может быть, нам удастся её убедить, уговорить. Главное — хорошо заниматься, дружок, чтобы иметь основание участвовать в экспедиции.

Так она сказала, и этого было достаточно. Теперь он занимался бы по ночам, если бы мать не вырывала у него из рук книжку и не гасила свет.

Никогда ещё ни одно увлечение Дани не было таким сильным, как увлечение археологией. Оно было до того сильное, что, против обыкновения, он не решался открыть его кому-нибудь, даже Саше.

Но Саша слишком хорошо знал своего товарища. Он видел, что того опять захватила какая-то новая страсть. Это было прямо-таки написано на данином лице. Во время урока он часто задумывался, сосредоточенно грыз ноготь на большом пальце, писал на промокашке какие-то непонятные слова, вроде: «отщепы», «нуклеусы», «мустьерское скребло». Всё это почему-то сильно огорчало и даже сердило Сашу.

В сущности, трудно было объяснить, на что он сердится. Но ведь если подумать как следует, так они же вместе пришли в музей, вместе стали готовиться к занятиям.

И вдруг Даня сбежал. Он сбежал неожиданно, не сказав Саше ни слова. И мало того, сейчас же, чуть ли не в тот же день, записался в кружок археологии.

В другое время Саша, пожалуй, и сам был бы не прочь тоже заняться археологией. Но Индонезия и Озеровский интересовали его с каждым днём всё больше и больше, а на два кружка у него не хватало времени.

Между тем без товарища радость была для Саши не в радость.

Он принял данино бегство, как скрытую измену.

А Даня ничего не замечал. Занятый собою и археологией, он даже не догадывался, что Саша чем-то обижен и огорчён.

Простодушно уверенный, что всякое его дело должно интересовать и радовать Петровского, он в один прекрасный день крепко ударил Сашу по спине и сказал весело и лукаво:

— Саша, а ты бы не мог доставать для меня кое-какие книжонки в студенческой библиотеке?

Саша высоко поднял брови, разыгрывая крайнюю степень удивления.

— А к чему тебе, собственно, моя студенческая библиотека? Ты же сам, по-моему, записан в трёх... нет, в четырёх библиотеках?!

— Ну и что с того? — перебил Даня.

— А вот то! Ты даже иногда получаешь от них повестки с напоминаниями, что надо когда-нибудь возвратить книги.

Даня смутился.

— А ты откуда знаешь? Тебе, наверное, моя мама наябедничала?

— Да не видел я с тех пор твоей мамы. А просто, когда ты мне одолжил «Пятнадцатилетнего капитана», оттуда вывалилась открытка. На ней было написано: «Вторично».

Глаза у Дани сейчас же сделались такие растерянные, испуганные и огорчённые, что Саше стало его жалко.

Даня был Даней. С этим уж ничего не поделаешь.

— Знаешь что, — сдаваясь, сказал Саша, — ты можешь, пожалуй, записаться в библиотеку Дворца пионеров. Библиотека там замечательная.

У входа в этот Дворец стынет, подёрнутая по краям ледком, Фонтанка. Над ней, повернувшись боком к Невскому, стоят голые бронзовые люди, сдерживающие коней. Раскалённые летом, блестящие от дождя, а зимой — припорошённые снегом, они привычны для ленинградца, как мутновато-свинцовая вода, бегущая под мостом.

Поднявшись на третий этаж и подойдя к библиотеке, мальчики прочли на двери табличку:

«Обеденный перерыв».

Они потолкались у закрытой двери и от нечего делать зашагали вдоль длинного коридора, мимо высоких белых с золотом дверей, за которыми шла какая-то своя, особая, деловая и серьёзная жизнь.

Справа, в конце коридора, дверь была слегка приоткрыта. Оттуда слышалась музыка. Кто-то звонко хлопнул в ладоши. Музыка, сбормавшись, недоуменно повисла в воздухе.

— Да это же бал, в конце концов! — сказали за дверью. — Когда ты берёшь эту ленту, забудь, хоть на минуточку, о своих ногах. Смотри на ленту. Вот так. На ленту, на ленту... Всё время на ленту. Кружись и радуйся, радуйся, радуйся! Смотри наверх, а не на пол. Будь такая, как будто сегодня твой лучший день, твой праздник. Будь счастлива! Радуйся, радуйся, радуйся!.. Начали!

Подойдя к двери, мальчики со всякими предосторожностями заглянули в щёлку. Им очень хотелось узнать, кому это предлагают радоваться, глядя на ленту.

Раздался вальс. В косой щели показалась девочка. В руках у неё болталась бумажная лента.

— Раз и два! — сказал повелительный голос, перебивая музыку.

Девочка вскинула руки. Лента взвилась.

Прижавшись к стене, Саша и Даня смотрели в дверную щёлку. Они боялись пошевелиться, боялись вздохнуть и только время от времени толкали друг друга локтями. Музыка, голубая бумажная лента и эта девочка, не сводящая с неё глаз и словно летящая над паркетом, — всё вместе было такое красивое!.. Эх, если бы оно подольше не кончалось! Если бы можно было стоять вот так, вечно так, — скрючившись, не отводя глаз от светлой полоски в двери.

Опрокинутое, позёрнутое к потолку лицо мчащейся по кругу девочки казалось Дане странно знакомым и милым. Сдвинув брови, он заглядывал в приоткрывшуюся дверь, мучительно стараясь припомнить, где он видел это лицо. Чтобы лучше видеть, он даже присел на корточки. С этой позиции комната открылась ему целиком. Там, в глубине, были маленькие подмостки. У подмостков сидели три девочки и два мальчика. У рояля стояла учительница, повернувшаяся спиной к двери.

Руки учительницы взлетали из белой пены кружевных манжет. Она нагибалась к пляшущей девочке, притопывала высокими каблуками и хлопала в ладоши. Должно быть, ей казалось, что чем сильнее она будет топтать и хлопать, тем больше будет радоваться девочка, глядя на ленту.

Очевидно, это и в самом деле помогало.

Девочка смотрела на ленту всё восторженнее, и лента всё выше взвивалась над головой, над плечами, над худенькими руками. И вдруг коса у девочки расплелась, и по одну сторону головы взметнулись распушен-

ные волнистые волосы. К сожалению, по другую сторону торчала всё та же, туго заплетённая, обыкновенная косица.

Но вот Саша, видно, устал. Он выпрямил затёкшую спину, снял руку с данинога плеча, и Даня, потеряв равновесие, вкатился кубарем в зал.

Первое, что увидел Даня, была пианистка, забывшая от неожиданности опустить на клавиши руки.

— Извините, — сказал он растерянно и стал отряхивать пыль с колен.

— В чём дело? — удивлённо и сердито спросила учительница танцев.

— Это нечаянно. Не нарочно, — бормотал Даня.

Но тут дверь раскрылась, и в зал, всё время кланяясь, вступил Саша. Он пришёл выручать товарища.

— Простите, — сказал он вежливо. — Мы... мы не хотели мешать... Но мы стояли у двери, и нам до того понравилось!..

Учительница смягчилась, глядя на серьёзное, розовое от волнения лицо незнакомого мальчика. Она удовлетворённо кивнула головой.

— Ты, повидимому, имеешь в виду финал — то место, где девочка кружится с лентой? — сказала она и, с трудом сдерживая улыбку, стала разглядывать этих неожиданно ввалившихся в комнату ценителей балетного искусства.

— Да, да, конечно, — быстро сказал Саша, — это самое, гм... финал. Тем временем Даня понемногу пришёл в себя.

— Финал! — повторил он хриловатым баском.

И вдруг к ним подошла девочка.

Она уже заплела косу, но бумажная лента всё ещё была у неё в руках.

Сам этого не ожидая, Даня спрятался почему-то за плечо Саши.

— Мальчик! — сказала девочка, приподнимаясь на цыпочки и заглядывая через сашино плечо. — Мальчик, почему же вы не приходите? Папа, честное пионерское, достал для вас ещё две сковородки и ступку с пестиком. Сковородки старые, а ступка и пестик ещё совсем хорошие. Папа взял их у своего товарища, тот даже сначала не хотел отдавать.

Яковлев вспомнил. Шёки его залились багровым румянцем.

— Ладно, как-нибудь заверну, — переводя дыхание, ответил он.

— Заверните, — сказала девочка.

Учительница хлопнула в ладоши:

— Начали!

Дане и Саше пришлось уйти. Они шли, а за их плечами опять раздавалась музыка. Или, может быть, это был только след музыки, оставшийся в воздухе? Ведь остаётся же след от дыма погашенной папиросы.

С любопытством и удивлением разглядывал Саша притихшего Даню. Тот шёл, опустив голову. Но губы у него слегка шевелились. Должно быть, он мысленно разговаривал с кем-то.

Они поднялись по лестнице, свернули вправо и достигли конечной цели своего путешествия, то есть раскрытой двери библиотеки.

Старушка-библиотекарша в пенсне и мужской рубашке с галстуком серьёзно и доброжелательно выслушала Даню.

— Заполните требование, товарищ, — сказала она, поправляя пенсне. — Мы постараемся достать нужные вам книги по межбиблиотечному абонементу. Через три дня прошу вас заглянуть.

— Спасибо, через три дня, как из пушки! — дрогнувшим голосом сказал Даня.

Да, да... Он, конечно, заглянет сюда. Мало того: он соберётся с духом и как-нибудь, невзначай, завернёт и туда — за сковородками и ступкой.

Конечно, сбор уже кончился. Но ведь стране всегда пригодится металл. Металл — это дело хорошее. Очень даже хорошее. Он в индивидуальном порядке сбегает на Охту — на базу — и сдаст дополнительно.

А может, и она пойдёт?..

Всё может быть.

Если счастье захочет, оно возьмёт и, никого не спросив, свалится прямо на голову человеку.

Глава 16

Легко сказать: «Я как-нибудь заверну». Но попробуйте-ка, заверните! Не так-то, оказывается, легко «заворачивать»!

Раз десять Даня уже подходил к знакомой парадной, вздыхая, перечитывал надпись на картонке, раскрашенной цветными карандашами, и поднимал руку к звонку.

Но тут решимость оставляла его. Он выбежал обратно на улицу, чтобы без оглядки зашагать домой.

Хорошо ещё, что дел у него было множество и он не мог долго думать обо всех этих сковородках, ступках, пестиках, которые так и лежали понапрасну в кладовке у полковника Чаго...

Как выяснилось недавно, для того чтобы стать исследователем, надо было уметь спускаться по отвесным горным склонам на канатах.

Подвесив верёвку к потолку ванной комнаты (к тому самому месту, где торчал ржавый крюк от бывшей лампы), Даня начал ежедневно упражняться в лазании. Мать, обнаружив верёвку, срезала её и спрятала в самый дальний ящик шкафа.

Ему бы так и не удалось закалить себя для участия в будущих экспедициях, но после истории с прыжками Александр Львович поговорил с Зоей Николаевной, и она включила Даню в группу желающих дополнительно заниматься по физкультуре.

Надо отдать ей справедливость, требовать с человека она умела!

Теперь, встав утром, он первым делом вытаскивал из-под шкафа гантели и гири. Мать с ужасом наблюдала, как её сын с отчаянным выражением лица приседает и тут же смаху высоко подпрыгивает перед открытой форточкой.

— Он что-то затеял! — тревожно говорила она отцу.

— Ничего, мать! Это полезно, — успокаивал её отец.

Что касается подготовки к научной работе, то тут дела шли если и не блестяще, то, во всяком случае, хорошо.

Даню даже не охладило то, что археология оказалась, по первоначальному, наукой «каменной». Его не охладило, что именно с камней, а не с продолжения увлекательного рассказа о раскопках начались для него занятия кружка.

В Киме не было ни весёлой дерзости Озеровского, ни спокойной, умной доброты и огромного опыта Елены Серафимовны. Ким был сдержан и сух. Но его любовь к своему делу была любовью подлинной, и этого не могли не чувствовать ребята. Серьёзность и скрытый жар, с какими относился молодой археолог к своим обязанностям учителя, подкупали слушателей кружка.

Даня стал частенько забегать в музей не только в часы занятий. Он помогал Киму сортировать камни, привезённые из последних экспедиций, и регистрировать их, помогал отбирать экспонаты для выставок и для работы школьных кружков.

Кладовая отдела археологии была похожа на заднюю комнату библиотеки — не слишком большая и вся уставленная подымавшимися до самого потолка стеллажами. Только вместо книг на полках стояли и лежали какие-то ящики с камнями, занумерованные, как библиотечные книги.

Приподнявшись на цыпочки, тяжело дыша, забыв обо всём на свете, Даня заглядывал через плечо археолога в раскрытые шкафы и невольно тянулся к камням, чтобы потрогать их, подержать, взвесить на ладони.

Ким вынимал камни из их укромных гнёздышек и бережно перекладывал в фанерные ящики на подстилку из ваты и стружек.

Тут были ручные рубила разной величины, были отщепы, скрёбла, остроконечники. В камнях скрывалась история древнего человека, история его развития, его труда.

Даня постепенно узнавал азбуку этой каменной летописи. Теперь он мог безошибочно (даже ночью!) отличить камень, обточенный временем и водой, от камня, обработанного человеческими руками.

Однe ему только было обидно: случалось, что в музей, в отдел археологии, забегали личности, лет этак десяти, одиннадцати. При раскопках газовой канавы. они, видите ли, обнаружили ручное рубило (на поверку, конечно, оказывалось, что это самый обыкновенный камешек).

Раза два приезжали в музей какие-то девчонки из Сестрорецка. На песчаной дюне, в Разливе, они нашли настоящий (доисторический) глиняный черепок.

А один раз прибыла целая делегация ребят из Парголово, принявших лошадиный зуб за клык какого-то доисторического животного.

Противно, что люди суют нос не в свои дела!

Но что бы и когда бы ни принесли в музей ребята, к ним неизменно выходила заведующая отделом археологии, Елена Серафимовна Подвысоцкая, и говорила вежливо:

— Благодарю вас за участие и помощь, товарищи.

А у Дани до сих пор не было ни одной находки!..

Даня прочёл множество специальных книг. Он завёл себе, как Саша, несколько общих тетрадей и делал в них заметки и выписки. Мать, не зная, чем именно он занят, но видя, что мальчик наконец взялся за ум и что даже ночью приходится теперь вырывать у него из рук тетради и учебники, несколько успокоилась. Прав был их молодой учитель: из сына со временем выйдет толк.

Она не догадывалась, что Даня сидит над книгами, не подымая головы, вовсе не потому, что занят выполнением школьных заданий.

Нет. Надо сознаться, — чем-чем, а школьными заданиями в последнее время он себя вовсе не утруждал.

Беда была в том, что он не умел и не мог совмещать два интереса, два рода обязанностей. Школа отошла на второй план. Все его мысли были заняты теперь только археологическим кружком.

Первым заметил неблагополучие в даниных делах Саша, сидевший с ним на одной парте. Он попробовал поговорить с Даней, но из разговора не вышло никакого толку. «Ты бы этого не говорил, если бы я занимался твоей дорогой Индонезией!» — ответил Даня, и Саша обиженно замолчал.

Вторым заметил, что с Яковлевым творится что-то неладное, Александр Львович.

Но Даня покуда что держался на среднем уровне успеваемости. благодаря находчивости и памяти. И Александр Львович решил подождать.

Однако, чем заметнее были данины успехи в кружке, чем чаще хвалил его Ким и чем больше узнавал он о неандертальцах и карманьонцах, тем сильнее он отставал по арифметике, английскому и другим предметам.

Это грозило кончиться катастрофой. Долго ждать себя она не заставила. Она разразилась. Даня в один день умудрился получить две двойки: по английскому языку — уже третью в этой четверти — и по русскому языку — первую в жизни!

— Яковлев! — сказал Александр Львович, улучив минуту, когда они остались в классе одни. — Мне кажется, что вы давно уже собираетесь мне что-то сказать.

Так он всегда начинал, когда хотел, чтобы кто-нибудь из ребят признал свою вину. Даня, заморгав глазами, виновато посмотрел на классного руководителя. Тот небрежно держал журнал, лицо у него было такое, как будто он видит Даню насквозь.

— Александр Львович, — сказал Даня дрогнувшим голосом. — Ну что я вам должен сказать? Ведь вы же и так всё знаете.

— Ага, — философски ответил учитель. — Хорошо. В таком случае давайте не будем возвращаться к прошлому. Поговорим о будущем... Идёт?

— Идёт, — с облегчением сказал Даня.

Александр Львович сейчас же положил свободную от журнала руку на данино плечо.

Они стояли так близко один от другого, что данин лоб почти касался подбородка учителя. Стояли близко и были похожи на двух приятелей неодинакового возраста. Мальчик даже подумал о том, что не будь Александр Львович его классным руководителем, а познакомься они, ну, скажем, на даче, то, наверное, сильно и совсем иначе бы подружились. Может быть, даже стали бы кататься по переменке на чьём-нибудь велосипеде или на мотоцикле, если бы у Александра Львовича был мотоцикл.

— Что? — спросил с насмешливой нежностью Александр Львович. — Опять задумались?

«Не особенно сердится!» — решил Даня, быстро возвращаясь с дачи обратно в класс.

— Я думал про мотоцикл, Александр Львович. Про то, что вы, наверное, любите кататься на мотоцикле.

Александр Львович засмеялся.

— Не скрою, Даня, два раза в жизни я действительно катался на мотоцикле. Это было в Германии. Мы проехали на мотоцикле от Берлина до Лейпцига, а потом от Лейпцига до Берлина.

Разговор был на полном ходу. Александр Львович готовился рассказать о поездке на мотоцикле из Берлина до Лейпцига и обратно, а Даня послушать, как вдруг открылась дверь класса и в щели показалась сашина голова.

— Ты что?! Ты сегодня вообще не пойдёшь домой? — сказал он с разбега. И вдруг понял, что рядом с Даней стоит учитель.

— Несколько позже, Петровский, — ответил вместо Дани Александр Львович. — Не ждите. Встретитесь вечером.

«Прорабатывает». — в смятении подумал Саша и не ушёл, а присел на скамейку около раздевалки и приготовился ждать товарища хоть до завтрашнего утра.

А разговор о поездке на мотоцикле, прерванный вторжением Саши, так и не состоялся. Александр Львович и Даня молча поглядывали друг на друга: один держал портфель, которым водил в задумчивости по крышке парты, другой — журнал.

— Видишь ли, — сказал наконец Александр Львович, останавливая данину руку и положив на парту классный журнал. — я давно уже собираюсь кое о чём тебя спросить... Скажи, пожалуйста, почему ты дружишь только с Сашей Петровским? Можно подумать, что, кроме него, и людей нет...

Даня совершенно опешил. Чего-чего, а разговора о дружбе он не ожидал. Он приготовился к нагоню за двойки.

— Не спорю, твой выбор хорош, — продолжал задумчиво Александр Львович, словно не замечая удивления Дани. — Саша — сердечный, искрен-

ний человек. Хороший товарищ. Меня лично глубоко трогает твоя дружба с Петровским. В ней, в её горячности, в её, ну, скажем прямо, какой-то взаимной самоотверженности я вижу залог больших и искренних чувств. Слышал ты когда-нибудь о дружбе Герцена и Огарёва, зародившейся в ранней юности? Ах, даже читал первые главы «Былого и дум»? — Александр Львович прошёлся по классу. — Ну, что ж... Правда, великолепно? И всё-таки я хочу сказать, что тогда были другие обстоятельства, другие времена. Былое, как-никак... Короче: я хотел ещё разок с тобой поговорить именно о дружбе. Да, о дружбе и о товариществе. Не удивляйся! Я верю, что это чувство в тебе очень сильно развито, иначе не стал бы и начинать разговор.

Александр Львович вдруг остановился у парты и сурово, даже как бы сердито взглянул на Даню.

— Нехорошо, Яковлев! — («Сейчас заговорит о двойке!»). — Нехорошо!.. У тебя большие способности к языкам. В частности, ну, скажем, к английскому языку, а вот, например, у Кузнецова этих способностей нет. Английский ему даётся с трудом. И что же?.. Ты не подумал помочь товарищу!

— Но ведь у меня же у самого по английскому двойка! — вне себя сказал Даня.

«Нет, лучше бы он ругал меня, чем устраивать эту кукольную комедию!»

Но Александр Львович был вполне серьёзен.

— Твоя двойка — случайность, — сказал он. — Сегодня у тебя двойка, завтра будет пятёрка. Одним словом, я поручаю тебе Кузнецова, подтяника его по английскому языку.

— Чего?..

— Ведь у тебя же развито чувство товарищества? Так? Я наблюдал это много раз. Ты умеешь, если захочешь, ого, ещё как умеешь быть настоящим товарищем. Давай-ка, вот как мы с тобой условимся: ты приступаешь к занятиям с Кузнецовым с сегодняшнего же дня, ну, ладно, — с завтрашнего. Но учти, до сих пор он любил только математику и технику. Тут у него и трудолюбие, и честолюбие, и любопытство. А к языкам, истории, географии он относится по-ребячески, не изучает, а учит: отсюда — досюда. Ты должен как-то открыть для него эту дверь. Как? Да надо ли тебе советовать? Ты человек изобретательный. Но предупреждаю об одном: действуя формально, тут ничего не возьмёшь. Надо это сделать, как своё дело. Для себя, а не для него. Понятно?

— Понятно! — ответил польщённый Даня.

— Ладно. Иди.

Просто чудо! О двойке Александр Львович так и не сказал ни слова.

Глава 17

— Ну что? Да говори же! — шёпотом сказал Саша. — Ну? Кого? Отца или мать?..

Даня растерянно помотал головой.

— Да нет, ни того, ни другого... Понимаешь, он просил меня подтянуть по английскому Кузнецова...

— Что ты мелешь? Тебя? После сегодняшней двойки?

— Он гэворит: у тебя двойка случайная. А Кузнецов не изучает, а учит... «отсюда — досюда». Открой ему, говорит, эту дверь...

— Какую дверь? Ты рехнулся...

— Ну, я сперва, конечно, тоже не совсем понял... А потом говорю: можете на нас положиться.

— То есть на кого же это — на нас?

— Здравствуйте! Чего тут не понимать?! На тебя и на меня — ясное дело. В общем, давай-ка сбегает сейчас к Кузнецову.

— Давай! — растерянно ответил Саша.

Они застали Кузнецова на голубятне.

Чердачная дверь была приоткрыта. В амбразуре круглого чердачного оконца мальчишки сейчас же разглядели смутные очертания знакомого лица. Оно, казалось, было нарисовано лёгким пунктиром: Кузнецов был отделён от Саши и Дани прозрачной сеткой, спускавшейся с потолка и доходившей до самого пола.

Кузнецов был на чердаке не один. Прислонившись к кривой чердачной балке, тут же стоял человек солидного роста. На голове у него была почему-то старая летняя соломенная шляпа.

Сталкиваясь друг с дружкой плечами, Саша и Даня осторожно ступили на чердак. Хозяева чердака обернулись на скрип дощатого пола.

— Кто там? — спросил Кузнецов-младший, не узнав товарищей в сгущающихся сумерках чердака.

— Это мы! — солидным баском ответил Даня. (Как-никак, а ведь он пришёл сюда подтягивать Кузнецова по английскому.)

— Чего ж, заходите, — сказал растерянно и застенчиво Кузнецов-младший.

И мальчишки вошли.

В ту же секунду весь чердак огласился воркованьем, и с пола, будто взметённый позёмкой, взлетел пух. Над головой у Саши и Дани затрепыхали крылья. Всё перед ними и вокруг них трепетало, летало, кружилось и вспархивало. Всё билось и ударялось мягкими крыльями о чердачные балки.

Они стояли, как путники в лесу, неожиданно застигнутые вихрем, мельтешением снежного урагана.

— Папа, это ребята из нашего класса, — сказал Кузнецов.

— Что ж, пускай поглядят, — сказал Кузнецов-старший и осторожно кивнул мальчишкам соломенной шляпой, на которой, как на дамском головном уборе, красовалась птица. — Не меняем, а также не продаём, — на всякий случай прибавил он.

— Нет, мы так... по другому делу, — глядя в глаза Кузнецову-младшему, значительно сказал Даня. — Выйдем-ка отсюда на минутку.

Мальчишки вышли на лестницу.

— Вот в чём штука, — шёпотом начал Даня. — Александр Львович велел нам подтянуть тебя по английскому.

— Чего? — спросил Кузнецов: — Кому это — нам? Тебе, что ли? — И он захохотал.

Очевидно, Кузнецов не считал данину двойку случайностью. Даня смутился.

— Да нет, видишь ли... — неопределённо сказал Саша. — Даньке, понятно, тоже надо заниматься. Вот Александр Львович и сказал...

— Ага, — кивнул головой Кузнецов, — так бы сразу и объяснили. Значит, ты, что ли, нас будешь подтягивать? Ладно. Идёт. А пока вали обратно на чердак. Сейчас голубей выпускать будем.

Они вернулись как раз в ту минуту, когда Кузнецов-старший распахнул чердачное оконце.

— Эх, чёрт тебя задери! — говорил он, размахивая рогатиной, и птицы, как будто их в самом деле задрали черти, растопырив крылья, слетали с насестов. Первый голубь выпорхнул в раскрывшееся оконце. И вот уже весь чердак переполнился мельканьем распахнутых крыл.

— Смотри, смотри! — восторженно закричал Кузнецов-младший. — Эх, как пошёл! — и, схватив Даню за руку, подтащил его к чердачному окошку.

Ровная цепочка голубей разместилась на ребре крыши, возле трубы. Голуби сидели, вскинув головки, мечтательно отведя их к плечам, могут, покатым и пухлым по сравнению с беспомощно-тонкой хвостовой половиной туловища. Вытянув шею, мальчики глядели, не мигая, в окошко чердака.

Даня вздыхал. Он не мог оторвать глаз от этой бело-сизой, розовато-голубой, чуть приметно движущейся полоски. Птицы сидели вдоль крыши и словно дремали, примостившись рядом с кирпичной, скучной трубой.

— Улю-лю! — вдруг сказал Кузнецов-отец с придыханием. — Улю-лю! — повторил он погромче и просунул в оконце шест с намотанным на конце старым вафельным полотенцем. — Улю-лю, улю-лю, улю-лю!

Птицы стали взлетать. Так робко, так медленно, словно бы навек расставаясь с ленью и уютной дрёмой чердака. И вот — поднялись!

— Гляди, двуххвостый! — кричал Кузнецов Саше. И Саша молча кивал головой.

— Эй, эй, перохвостый! — кричал Кузнецов изо всех сил, подталкивая в бок Даню.

— Ага!..

— Стою! Шпансырь! Палевый монах! Варшавский!

Мальчики только поводили глазами.

Слившись в правильнейший треугольник, птицы взвились над кирпичной трубой, над железными крышами, над гремящей города, над звенящими мостовыми, над залитыми асфальтом дворами.

От дальности расстояния они казались похожими на комариный рой. Чёрными точками они реяли в вышине, почти недоступной глазу.

Гускнеющая голубизна, чуть окрашенная розоватым отблеском городского заката, казалось, всосала в себя птиц.

— Эх, и злые! Эх, хороши! — говорил Кузнецов-отец, и, казалось, что голова, увенчанная соломенной шляпой, готова взлететь вслед за птицами.

— Хорошо стоят, ничего стоят... Кучно летают! — подхватывал Кузнецов-сын.

Сашу с обеих сторон энергично подталкивали локтями: с одной стороны Даня, а с другой — Кузнецов-младший.

К гостям, казалось, сразу привыкли на чердаке. Их уже перестали считать случайными посетителями.

Они были счастливы. Они высовывались из окошечка так далеко, как только могли. Ветер, свежий и острый, рвался им в лёгкие. — влажный ветер, прилетевший откуда-то с Балтики и пахнувший морем.

— Выпускайте, папа! — сказал наконец, подталкивая отца, Кузнецов. — Темнеет.

— Да уж, видно, придётся, — ответил отец и, нехотя пошарив у себя за пазухой, выбросил в ветер одинокого толстого голубя... Понукаемый вафельным полотенцем, голубь медленно взвился над крышей и сел на трубу.

Ему неизвестно были высотные полёты над городом. Он взвизгивал над трубой и сейчас же падал, напоминая товарищам о доме и тишине, о тепле чердака и питательности конопляного семени.

— Тряский, — сказал Кузнецов, толкнув локтем Сашу. — Надорванный, понял?

Но Саша не видел тряского голубя, он смотрел на спускавшийся треугольник птиц.

Всё ниже парили птицы, плавно кружась над крышей дома.

Они, которые так лениво и неохотно покинули дом, не могли, не хотели теперь расстаться с вдохновением полёта.

Тогда Кузнецов-отец постучал о звенящую крышу костяшками пальцев, и первый голубь сел на ребро крыши у трубы. За ним другой, третий,

целая цепочка голубей. Их шейки вытянулись навстречу закату. Время от времени они приподнимали крылья, словно и сидя продолжали лететь. Кузнецов-отец протянул вперёд руку. На ладони сухо шуршало конопляное семя. И вот, перебирая мохнатыми лапками и выпячивая грудь, сизяк степенно подошёл к круглому оконцу. Один за другим возвращались голуби на чердак. В темноте шуршали их тяжкие крылья, ещё хранящие воспоминание о полёте.

— Что ж, пошли, — не без грусти сказал Кузнецов-младший. — Пап, ты сам закроешь голубятню?

— Да уж ладно, ладно, иди, — ответил отец, и мальчики гуськом спустились по шаткой лесенке.

— Значит, сегодня и начнём? — спросил Кузнецов, когда они очутились во дворе.

— А чего ж откладывать? Сегодня — так сегодня, — ответил Петровский.

— Ребята, — просительно сказал Даня. — Так вы, пожалуй, сейчас и начинайте. А я потом прямкну. Мне нынчэ некогда.

(Окончание следует)

ПЕТРУСЬ БРОВКА

★

ОСЕНЬ

С белорусского

Сплошь стога — куда ни погляди ты...
С нив убрали золотое жито,
А берёзы в рощице да клёны
Наряжаются в убор червонный.
Будто, впрямь, стыдливая девчина,
Вспыхнула, как полымя, рябина.
Ветер бродит, вдоль дорог гуляет,
Походя червонцы рассыпает,
Пауки по ельнику, меж сосен
Пряжу поразвесили для кросен.
Осень... Осень...

Возле молотилок шумно, шумно...
День и ночь гудят амбары, гумна.
Катятся машины большаками
С белыми, толстенными мешками.
Их встречать идут из каждой хаты:
— Ну, и осень, до чего щедра ты!
Будет и еда, и всё на свете,
Будет в хате чем и гостя встретить!
Каждого приветят — в дом, мол, просим, —
Жить не зря привольно довелось им.
Осень... Осень...

По утрам ватагою весёлой
Тут и там бегут ребята в школу,
Голубей под тучи запускают,
А отцы их к небу поднимают
Новостроек каменные стены,
И встаёт за домом дом отменный.
А на пашне зёрна прорастают
И, как гвозди, землю пробивают.
А весной на всходы лягут росы,
Чтобы к жатве налились колосья...
Осень... Осень...

Перевод Бориса Ирнина.

Ник. УШАКОВ

★

СЧАСТЬЕ

Счастье — равнина вот эта:
стройка при полной луне,
листья лимонного цвета
в море степном на волне.

Счастье — всё то,
что отлично
знаешь и что преззошёл.
Счастье — станок твой фабричный,
счастье — твой письменный стол.

Счастье — сквозь горы дорога,
каждый пути поворот.
Счастья на свете так много —
столько же,
сколько забот.

Счастье — день встречи с красивой,
милой девчонкой живой,
ставшей твоей терпеливой,
верной твоею женой.

Пусть же упрёк обоюдный
в вашу не вторгнется речь.

Счастье найти нетрудно, —
трудно
его сберечь.

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

★

ИЗ ЗАПИСОК АГРОНОМА

1. Никишка Болтушок

Мне много приходится разъезжать по колхозам. Прежде, до того, как подружился мы с Евсеичем, я ездил один. Теперь Евсеич нередко сопровождает меня.

А старик он такой: работает ночным сторожем, но успевает и выспаться и сбежать на охоту или на рыбалку. Иной раз он скажет:

— Давай с тобой, Владимир Акимыч, поеду. Посмотрю, что у людей добрых делается.

И тогда едем вдвоём, разговариваем в пути по душам...

Вот и сейчас мы возвращаемся к нему домой — в колхоз «Новая жизнь». Линейка поскрипывает рессорами, рыжий меринок Ерш бежит рысцой, а Евсеич перекинул ноги на мою сторону, видимо намереваясь вступить в длительный разговор.

Евсеич всегда весел, а рассказчик такой, что поискать. Лет ему за шестьдесят, но здоровью можно позавидовать. Бородка у него седая, остренькая — клинышком, лицо подвижное: то оно шутливо-ехидное, то вдруг серьёзное, и тогда голубые глаза — внимательные и умные — смотрят на собеседника открыто и прямо; брови, будто не желая мешать глазам, выросли маленькими, но чёткими, резко очерченными. На голове у Евсеича кепочка из клинышков, с пуговкой наверху.

Он любит рассказывать сказки, сочиняет шутливые небылицы, не прочь поглумиться над лодырем, а уж если про охоту начнёт, то с таким упоением плетёт свою складную, забавную небыльщину, что без смеха слушать невозможно. Он, впрочем, и сам на это рассчитывает. Кепку на один глаз сдвинет и почешет пальцем у виска — вот, дескать, дела-то какие смехотворные!

— Многие думают, — говорю я Евсеичу, — что быть агрономом — простое дело... Ходи себе по полю, загорай, дыши свежим воздухом да смотри на волны пшеничного моря. Слов нет, — и загорает и на волны смотрим. Хорошо, конечно. Но мало кто знает, сколько сводок, сведений, планов, отчётов, ответов на запросы и просто ненужных бумажек приходится писать агроному. Иную неделю света белого не взвидишь, а не то чтобы — поле. Сводки, сводки, сводки!..

— Бумаги-то, небось, сколько, батюшки мои! — восклицает Евсеич.

— Иная сводка — в двести вопросов, на двенадцати листах.

— Одни вопросы читать — два самовара выпить можно.

— Раз такую сводку сложили в длину — лист за листом, — три метра с чем-то вышло!

— Три метра! — качает головой Евсеич. — Ай-яй-яй! Холсты, прямо холсты!

— А сочинители этих холстов, — продолжаю я свои жалобы, — ссылаются то на запросы Министерства сельского хозяйства, то института, то от себя ещё добавляют. Иначе откуда бы взятыя такому вопросу: «Среднее число блох на десяти смежных растениях капусты, взятых подряд и без выбора»? Хорошо хоть, что в примечании говорится: «В целях упрощения на каждом отдельном растении блох считать не следует». Хоть за это спасибо!.. Только блохи-то — они прыгают: сосчитай-ка! Так графа и остаётся незаполненной.

— Ясно дело, блоха того не понимает. Прыг — и нет её! Известно — тварь.

— Что тут поделаты! Иной раз так в ответе и напишешь: «Прыгают интенсивно. Подсчёт не проводился ввиду активности вредителя».

— Во! Так их! «Активность вредителя» — это правильно! — Помолчав, Евсеич сочувственно спрашивает: — А вам какую-нибудь добавку платят за эти вот самые... холсты бумажные? Или — за так?

Мой ответ, что это входит в обязанности агронома, его не удовлетворил.

— Шутильником бы их! (Шутильником он называет свой кнут.)

— Кого?

— Да этих... как их! Бюрократов... Ведь есть ещё кое-где, а? Как ты думаешь?

— Наверно, есть, — подтверждаю я. — Но повывёртывают...

— Ясно дело, повывёртывают!

Ерш набирает рысь, помахивая головой и озираясь на «шутильник». Полевая сумка у меня на коленях — пухлая, толстая, как размокшая буханка, — полна сводок и сведений. Едем мы за последними данными: число скирд сена, данные обмера каждой скирды, качество сена в каждой скирде, процент осоки, дикорастущих-естественных, сеяных однолетних, то же — многолетних, из них люцерны, эспарцета, травосмесей, из них — с площадей, убранных на семена, а из них — с площадей, повреждённых фитонимомом, то же — с неповреждённых и процент засорения их и... В общем, последний вопрос: сколько сена?

Но кто же даст в колхозе «Новая жизнь» такие сведения? О счетоводе нечего и думать, он просто скажет: «Кормов столько-то, сена столько-то, яровой соломы столько-то».

— Евсеич! Кто обмерял стога сена в «Новой жизни»? — спрашиваю я.

— А что?

— Сводка.

— А! Сводка!.. Сколько вопросов?

— Восемнадцать.

— Никишка Болтушок обмерял. К нему надо... Он хоть на тыщу вопросов даст ответ.

— А как его фамилия?

— Кого?

— Да Болтушка, который обмерял сено?

— По книгам — Пяткин, а по-уличному — Болтушок... Яйцо такое бывает бесполезное — болтушок. Только по книгам он в правлении пишется, а зовётся — Болтушок. Все так зовут. И ребята его — болтушковые, а жена — Болтушиха.

— За что же ему такое нехорошее прозвище прилепили?

— Вона! За что. Кому следует — сразу прилепят. Всё, как надо быть... Лучше не придумай, хоть век думай! Народ как дал прозвище, так и умри — не скинешь. Это ему ещё с начала колхоза дали: речи сильно любят и непонятные слова.

— Ну, а как он: мужик с головой?

— Дым густой, а борщ пустой.

После этих слов он задумался и замолчал.

...Подъехали к правлению. Там, кроме сторожа, никого не оказалось — все были в поле, — и мы направились к Пяткину. Он сидел на завалинке, закинув ногу на ногу, и сосредоточенно курил. Евсеич перегнулся через линейку и прошипел мне на ухо по-гусиному:

— Все в поле, людей нехватает, а он сидит, как лыщарь. И так всегда... Шутильником бы вдоль хребтины!

Болтушок, не вставая, подал мне руку и произнёс:

— Агрономическому персоналу, борцам за семь-восемь миллиардов, пламенный привет!

Без обиняков я изложил суть дела, по которому он мне потребовался, и объяснил, что не все материалы можно получить у счетовода. Пяткин слушал, многозначительно хмыкая и чмокая цыгаркой. Лицо его очень похоже на перепелиное яичко: маленькое, конопатое. На лбу — несколько подвижных морщинок; удивляется — морщинки вверх, напустит на себя важность — морщинки вниз, засмеётся — морщинки дрожат гармошкой. Глаза — малюсенькие, слегка прищуренные, с белыми ресницами; брови бесцветные: их незаметно на лице. На вид ему больше сорока лет, этак — сорок два, сорок три.

— Значит, дебатировать будем вопрос насчёт сена. Та-ак! — Болтушок вздохнул, взялся двумя пальцами за подбородок, потупил взгляд в землю и продолжал: — Та-ак. Все эти вопросы мы с вами обследовать имеем полный цикл возможности, тем более, я как член комиссии имел присутствие при обмере и освещение вопроса могу произвести.

При этом он с достоинством поднял вверх перепелиное яичко.

— Нам не дебатировать надо, — сказал я, — а просто выяснить кое-что. Есть ли у вас записи обмера, и можете ли вы сказать о качестве сена в той или иной скирде?

— Как?

Я повторил.

— Та-ак... Обмеры сдали в правление, а вопросительно качества — знаю, уточнить надо и согласовать надо... Вечером заседание правления — обсудить в корне... О животноводстве будем дебатировать, так и о сене присовокупим по надобности, поскольку есть ваше требование как специалиста сельского хозяйства, к которым мы должны прислушиваться и полностью присоединяться. Что такое животноводство, если...

Я перебил его:

— Мне надо в поле, а тут данные для сводки негде взять.

Болтушок, кажется, обиделся. Его морщинки прыгнули вниз.

— Так, так... — произнёс он. — Как я имею понятие, вы предъявляете требование с намерением заполнить сводку на завалинке.

— Никакого такого намерения нет. Но я должен побеседовать с членами комиссии по учёту кормов.

Он, будто не слыша, продолжал:

— Пойдёмте в правление, сядем честь по чести и продебатыруем согласно формы.

Я решил «не дебатировать» и, попрощавшись, поехал в поле.

Вечером, до начала заседания правления, мы со счетоводом ответили с горем пополам на некоторые из многочисленных вопросов о сене.

— Сколько зрящих вопросов в этой сводке! — не выдержал наконец счетовод. — Да и формы такой статистическое управление не утверждает — выдумка бюрократов.

— Да уж, — махнул я рукой, — хватает! И зрящих и бессмысленных...

Кто-то тихонько засмеялся скрипучим голоском, и из угла послышалось:

— Нездоровые в политической плоскости разговоры.

Это был Болтушок. Мы и не заметили, когда он вошёл.

— При чём тут «нездоровые», — возразил счетовод, — когда вместо этой чепухи можно просто написать: «Столько-то сена».

Болтушок подошёл к нам, ехидно улыбаясь, и, навалившись животом на стол, заговорил:

— Какая же это будет сводка?.. «Столько-то сена»... Это уже не сводка по форме, это так, чёрт знает что, а не сводка. Сено! Велико слово — сено! Надо понимать корень. Я был ведь председателем колхоза два месяца и по животноводству был: соображение имеем в натуральности. Слово «сено», как я понимаю, должно войти гвоздём, — он надавил пальцем на стол, — и в сводке той углубиться и расширяться. Тогда только высшему руководящему составу можно понять корень вопроса. Кузьма Стрючков сказал: «Смотри в корень!».

— Не Стрючков, а Прутков, — поправил я.

— Прутков? — спросил он, выпрямляясь и будто вспоминая, но ничуть не смутившись. — Что-то помнится вроде Стрючков... Говорит: «Смотри в корень!». И правильно говорит. Поли-итика! — Он потянул пальцем над головой. — Не нами придумано, не нам и отдумывать назад. Сводка есть сводка, и форма есть форма. Никто не позволит, чтобы над установкой высших организаций...

— Ну, пошёл, пошё-ёл! — проговорил кто-то в сенях из темноты. — Теперь удержу не будет: вожжа под хвост попала — телега пропала!

Болтушок покосился в сторону сеней и покачал головой.

— Темнота и есть темнота! Слышь, что Федора Карповна сказала? Одно слово — темнота! — Он махнул рукой, поправил картуз и снова уселся в угол.

Заседание правления собиралось не быстро. Те, что пришли раньше, занимали себя по-разному. Счетовод развернул газету и углубился в чтение; три молодых парня склонились над шахматной доской, решая задачу. Один из них, подпоясанный ремнём поверх телогрейки и с кнутом в руках, Петя-ездовой, настойчиво и спокойно советовал:

— Слоном надо! Только слоном.

— Куда? — спрашивал второй.

— На дэ-семь.

— Точно... А теперь... теперь...

— Ферзём: а-четыре, — говорил всё тот же Петя.

— Ничего не получается! — воскликнул третий: — Чёрные — на эф-шесть, шах королю, и по-ошла волынка!

И снова все троём продолжали искать решение задачи. Не утерпел и я, подсел и включился четвёртым. Вдруг за спиной раздался тот же трескучий голос Болтушка:

— Человек с натуральным образованием, а такими пустяками занимается.

— Люблю, — ответил я, оборачиваясь.

Болтушок, ухмыляясь, сдвинул картуз на висок. Реденькие белёсые волосы торчали пучком сбоку головы.

— Для этой игры ум требуется, — отозвался счетовод, не отрываясь от газеты.

— Это у Петьки-то ум! — вдруг воскликнул Болтушок, тыча пальцем в спину парня.

А тот, не отрывая глаз от шахматной доски, будто невзначай, тихо проговорил: «Погоди вот — на этом заседании тебе пропишут ум!» — и в задумчивой нерешительности держался за головку ферзя. Болтушок для него в этот миг уже перестал существовать. У Пети — завитки чёрных волос из-под кепки, широкие чёрные брови, загорелое румяное лицо с чуть-чуть выдающимися скулами, тихая уверенность во взгляде и недю-

жинная силёнка. Он окончил семилетку и учится заочн в сельскохозяйственной школе. Через три года будет специалистом. И что ему сейчас Болтушок, когда «белые начинают и выигрывают»!

Из сеней вошли сразу несколько человек и среди них Евсеич. Все были возбуждены и улыбались, а конюх Данила Васильевич Головкин — широкий, грузный, с украинскими усами и густыми бровями, нависшими над глазами, в жилетке нараспашку и с уздой в руках — басил:

— Ну и Евсеич! Уморил, ей-богу, уморил!

Вошедшие шумно расселись: кто на лавках, а кто просто на корточках, прислонясь к стене спиной.

Евсеичу пришлось вскоре уйти на свой пост: и хочется побыть на заседании, но и на охрану пора.

Данила Васильевич осмотрелся кругом и сказал:

— Кажись, все налицо. Можно за Кузьмичом посылать. Коля! — обратился он к мальчику, стоявшему у стены. — Иди, кличь Петра Кузьмича.

Вскоре вошёл председатель колхоза Пётр Кузьмич Шуров, на ходу поздоровался со всеми сразу и, не останавливаясь, прошёл за стол, накрытый красной материей. Счетовод немедленно присел сбоку стола с листом бумаги в руках. Болтушок уселся на переднюю скамейку.

Заседание началось. Председатель, вполголоса посоветовавшись со счетоводом, встал и объявил:

— На повестке дня — два вопроса: первый — о животноводстве и второй — о колхозниках, не выработавших минимум трудодней.

По первому вопросу говорил сам Пётр Кузьмич. Председателем он работает в «Новой жизни» всего лишь месяцев шесть; краткость его речей, чёткость указаний, настойчивость, непримиримость к лодырям и любовь к своему делу выгодно отличают его от многочисленных предшественников. Колхозники его уважают, но бездельникам житья не стало, он безжалостно вытаскивает их напоказ всему колхозу. А посмотреть, человек с виду — так себе. Росту невысокого, худощав, пиджачок немудрящий, галстучек... Особого виду нет. Правда, лоб у него высокий, русые волосы выются, но по комплекции не вышел. И ни тебе брюшка, ни синих галифе, в которые иной председатель при желании поместил бы ползакрома пшеницы, — ничего такого нету, обыкновенный человек! Глаза у него карие, открытые и добрые... А уж если сердится, не разберёшь: то ли карие, то ли ещё какие, прищурит их и одними зрачками протреливает насквозь, как бы говоря взглядом: «Врёшь, прёщупаю!». Большие неладья пошли у него с рвачами и лодырями, нет им разворота никакого. Сколько жалоб посыпалось на него в район, в область и даже в Москву! Но об этом после: мы ещё не раз встретимся с Петром Кузьмичом и познакомимся с ним поближе.

В своём выступлении председатель сказал так:

— Чтобы выполнить план развития животноводства, нам надо контрактовать у колхозников двадцать голов телят. И тогда вопрос животноводства будет разрешён. Кормов у нас достаточно. Сейчас необходимо установить цену, по которой будем контрактовать... У кого какие имеются предложения?

И всё. Вопрос казался простым и ясным.

Данила Васильевич подал голос:

— Давайте платить, как и в прошлом году: центнер хлеба и сто рублей за телёнка.

По всему было видно, что это предложение не встречает возражений. Но не тут-то было!

— Ещё какие предложения есть? Кто желает? — спросил председатель.

Немедленно поднялся Болтушок.

— Давайте скажу я.

— Ну, поехал теперь! — сказал кто-то из заднего ряда.

Болтушок уничтожил взглядом подавшего реплику, укоризненно обернулся к председателю, будто говоря: «Дисциплина, мол, падает. Распустил». Затем провёл ладонью ото лба к затылку, отчего образовался хохолок реденьких волос, сдвинул морщины вниз, подбросил подбородок вверх и сразу стал похож на полинялого задиристого петушка с расклёванным гребешком.

— Так, товарищи! Мы сегодня собрались... — Он вздохнул, сделал паузу. — На заседание правления... Да. Собрались подвести итоги животноводства прошедшего прошлогодного года, товарищи, и наметить их на будущий год... и вступить в них с новой силой, как и полагается, и так и дале. А что мы видим, дорогие товарищи? Ни-чего не видим. Мы даже не обсуждаем. Да.

— Короче! — отрезал председатель.

Болтушок обернулся к нему, улыбнулся снисходительно и продолжал:

— Я скажу. Большой скот есть? Есть, товарищи! Где наши витинары? За что мы им деньги платим? Где они, эти спецы, товарищи! Куда смотрит правление: корова сдохла! А? А вы молчите!.. — Его голос забирал всё выше и выше. — От кого начинает вонять, товарищи? Ясно: от головы. Нету дистиплины ни у спецов, ни у колхозников. Куда мы идём, товарищи: корова сдохла!

— Да хватит тебе! — не вытерпел председатель. — Есть же акт ветеринарного врача. Давай о деле!

— А-а! А это — не дело? Критику и самокритику глушишь! А я без критики и самокритики жить не могу как политически развитой актив населённого пункта... — Он снова сделал паузу. — Что есть больной скот? С больным скотом мы должны бороться, чтобы его не было. Это надо понимать и присокупить к повседневным дням работы.

Данила Васильевич наклонился к Коле и вполголоса, но так, что всем было слышно, сказал:

— Иди к Игнатъичу в шорную и скажи: «Мол, довязывай хомут! Болтушок говорит». А как кончит — скажем, тогда придёт. Успеет хомут доделать.

Болтушок, уже войдя в свою роль обличителя, выкрикивал:

— Это — одно! Одно, товарищи! — И тыкал пальцем вверх. — А другое — куриный вопрос. — И палец тыкался вниз.

Председатель уныло махнул рукою. Счетовод положил карандаш и взялся за газету. Данила Васильевич вынул шило и приступил к починке узды, зажав ремень между коленями.

— А другое — куриный вопрос! — кричал Болтушок. — Очень жгучий куриный вопрос, курица — она тоже животная, и её надо кормить. Кормить, товарищи! Пришёл я на курятник, а она — курица старая — сидит в окошечке и на меня страшным голосом: ко-о-о! Ясно, есть хочет! А почему есть хочет? Не кормю-ют! Не кормют, товарищи! Всё равно животная: что курица, что корова.

— Не всё равно! — громко сказал Петя-ездовой. — Это два разных класса: класс птиц и класс млекопитающих.

— Сам ты млекопитающий! — вспылил Болтушок. — Ещё молоко на губах не обсохло, а в разговор лезешь. Товарищ председатель! Веди заседание по форме! Что же это у нас получается? Ишь ты! Классы придумал!.. Итак, товарищи! Возьмём свиней.

Все дружно и безнадежно вздохнули.

— Возьмём свиней, товарищи! Можем ли мы так хозяйевать? Нет, дорогие товарищи, не можем. Спим, товарищи! Разбудировать нас надо.

Надо перестроить корень. Свинья, она животная... — Он покосился на Петю и продолжал: — ...она животная приятная. Свинья должна быть правильной свиной, а не тенью антихриста. Это во-первых. А Пегашка хворала две недели, насилу вылечили: худая — вот и тень антихриста.

Все знали, что Пегашка хворала, что от неё не отходили дежурные круглосуточно, но Болтушок всё азартнее напирал на «свиной вопрос», «будировал», «дебатировал», «перестраивал корень». Его слова уже не доходили до сознания слушателей: в ушах отдавались лишь какие-то глухие, неясные звуки.

— Следующий вопрос: о колхозниках, не выработавших минимума трудодней, — громко объявил председатель.

Это было так неожиданно, что все встрепенулись. Новый и чёткий голос сразу дошёл до сознания. Пока Болтушок недоумевал, разводя руками, председатель завершил:

— Проголосуем по первому вопросу: кто за предложение Головкова Данилы Васильевича, прошу поднять руки!.. Единогласно. Запишем: сто килограмм зерна и сто рублей денег за телёнка.

— Ка-ак?! — взвизгнул Болтушок. — Зажим критики! Кто позволит? Писать в райком буду! Завтра буду писать... В область напишу! Мы ещё посмотрим. Я дойду. И спецов дойду и тебя дойду! Глушить актив! Кто позволит?!

— Следующий вопрос — о минимуме, — не обращая внимания председатель. — Три человека не выработали минимума без уважительных причин; первый из них — Пяткин Никифор, который имеет только шестьдесят трудодней. У нас в колхозе дети имеют по сотне трудодней, ученики школы. А Пяткин... Да что там говорить! Вот он — смотрите и решайте!

Что сделалось с Болтушкой! Он то смотрел на председателя, то сбегиваясь к сидящим, морщины на лбу играли и замирали и наконец поднялись вверх в полном удивлении, да так и остались; он провёл рукой по голове от затылка ко лбу, отчего хохолок исчез, а петушиного вида — как не было.

— Житья от него не стало! — заговорила Федора Карповна. В накинутой на плечи клетчатой шали, высокая, крепкая, загорелая, она подошла к столу и продолжала: — Я как член правления заявляю: житья не стало! Самый разгар полки был, а он придёт и два часа речь держит. А после него у Аринки голова белит: как он приходит, она аж дрожит, бедняга. Другому человеку — наплевать. Брешет и брешет! А другому — невтерпёж слушать. Факт, нормы не выработываем, как он «агитировать» приходит. Ну пускай, ладно, пускай бы уж говорил, а ведь и работать надо... Шесть-десять трудодней! Срам-то какой! Аль закону на него нету!.. Я кончила.

— Закон есть, — заговорил Петя. — Чего держать его в колхозе?

Лицо Болтушка вдруг резко изменилось: он шмыгнув острым носиком, глазки забегали и заблестели; озлобленный, как хорёк, он выкрикнул, подняв высоко руку:

— Я в активе хожу, а вы меня компитировать! Не-ет! Не позволю! Я по займу два года работал, а...

— Вот тебе и «а»! — вдруг рыкнул басом Данила Васильевич. — По за-айму! А сам не уплатил за заём и в этом году. Бессовестные глаза, мне семьдесят лет, а у меня четыреста трудодней, а тебе сорок, небось, нету. Помело чёртов! Тыфу! — Данила Васильевич потрясал уздой, гремя удилами, и его бас рокотал в комнате, как в большой бочке. Он плюнул и сел. — Я своё сказал... Колька! Иди к Игнатьичу, скажи, мол, Болтушок высказался. Пушай хомут бросает, если не кончил: в «разных»

о сбруе поговорим... Ишь ты, актив! — рявкнул он напоследок и стукнул удилами о пол.

— Ну что ж, будем голосовать? — спросил у всех сразу председатель. — Возражений нет. Кто за то, чтобы предупредить Пяткина в последний раз?.. Единогласно!

Данила Васильевич, держа широкую ладонь над головой, успокоительно произнёс:

→ Болячка. Прижигать надо.

Болтушок сидел неподвижно, опустив голову и свесив ладони меж коленей. Лица его не было видно. Понял ли он, что произошло, и спрятал лицо от колхозников или обдумывал новую жалобу в область — кто его знает! Но было в нём что-то жалкое.

...С собрания я шёл медленно. Ночь была тёплая и тихая. Большая, глазастая луна обливала серебром деревья и траву. Невдалеке заиграла гармошка и сразу замолкла. Несколько раз подряд кувыкнул сыч и затих. Вот вспыхнул огонёк у Данилы Васильевича — пришёл домой. Вот ещё свет в открытом окне, а оттуда женский голос:

— Что с тобой, Никифор? Аль пьян?

«Да ведь это ж хата Болтушка!» — подумал я и невольно остановился в двух-трёх метрах от окна. Болтушок сидел у стола, ничего не отвечая жене.

Против колхозного амбара окликнул меня Евсеич:

— Акимыч?

— Я.

— По походке узнал... — Он подошёл, перекинул через плечо ружьё, набил трубку и спросил: — Ну, как там с Болтушком решили?

— Предупредили, что исключат из колхоза, если ещё что...

— Ну, а он как?

— Сидит вон дома за столом сам не свой.

— Пробрало, значит. Может, дошло... Хоть бы дошло! — Он вздохнул, потянул трубку и добавил: — Ясно дело... А Пётр Кузьмич опять один сидит в правлении. Вишь, огонёк! Пишет...

Тишина.

За селом, по обе стороны, урчали два трактора. Они не нарушали привычной тишины ночи, они всегда урчат, и звук мотора никто не замечает, но если заглохнет — все услышат. Так стенные часы, остановившись, напоминают о себе... Вот она какая тишина в деревне.

— До свидания, Евсеич!

2. Гришка Хват

Вспашка зяби закончена.

Кому как, а мне эти три слова нравятся до невозможности. Значит, сделано всё: убрано, обмолочено, сложена солома, всё взлущено и вспахано — всё, всё! И совсем не хуже стало от этого в поле, оно не потеряло своей красоты, но оделось в новый наряд.

В самом деле, как хорошо в поле в ясный и тихий осенний денёк! Ласковая яркозелёная озимь; чёрная, как вороново крыло, зябь; золото лесных полос, а надо всем — просторная, бесконечная голубизна неба. И немного как будто бы красок, но какие они сильные, чистые, свежие! А дорога, накатанная до блеска, чистая, без пыли, уже не скрыта от взора густыми колоссями и видна далеко-далеко вперёд...

Выйдешь в воскресенье таким осенним днём, посмотришь вокруг, вдохнёшь всей грудью воздух, — и пошёл на весь день! А если за плечами

ружьё да рядом собачка, тогда — будь уверен! — домой вернёшься только к вечеру.

В субботу к концу дня мне уже не сиделось. «Пойду-ка, — думаю, — к Евсеичу. Да ахнем завтра на охоту по зайцам!»

Во дворе меня встретила гончая собака Найда, села передо мной и подала по старому знакомству лапу. Ещё из сеней услышал я залиvistый смех хозяина и заразительный хохот Пети, того самого Пети-ездового, что учится на агронома: он Евсеичу внуком доводится.

— Что у вас тут творится? — осведомился я.

Хозяин занят набивкой охотничьих патронов. Очки у него — на кончике носа, в глазах — смех.

— Патроны заряжаем.

— А что ж тут смешного?

— Да вот вспомнили, как... порты соскочили, — смеясь, сообщил Евсеич, а Петя снова громко расхохотался, утирая рукавом рубахи слёзы.

— У кого соскочили?

— У Гришки Хвата. Садись, Акимыч, расскажу!

Евсеич подождал, пока Петя успокоится, и, отложив в сторону патроны, набил трубку. Я присел на диванчик, маленький и удобный. Напротив меня, над столом, у которого сидят дед и внук, — портрет Сталина, а по обе стороны его — фотографии двух сыновей Евсеича, погибших в Отечественную войну; одна из них — отца Пети. Над этажерочкой с аккуратно поставленными книгами — портрет Гоголя, в углу — снопок ветвистой пшеницы, а на полочке, рядом со снопиком, — огромная картофелина с человеческую голову. Всё это уже давно мне знакомо, но уютная простота убранства комнаты всегда располагает в этой хате к душевному спокойствию.

— А мы, — сообщает Евсеич, — и бабу и мамку проводили в город на базар на колхозной машине, а сами, значит, с Петрухой дым коромыслом разводим... Так во-от! — Он снял очки, погладил горстью острую бородку и, ухмыляясь, начал: — Весной дело было. Он ведь, Гришка-то, работает в колхозе только весной, когда сеют, да осенью, когда хлеб на токах. Ясно дело, живёт так, — Евсеич сделал выразительный жест — сгрёб ладонью воздух, сжал кулак и сунул в карман. — Вот как он живёт, этот Гришка Хват: урвать себе, а там хоть трин-трава.

— Ну, а при чём здесь порты?

— Вот и стряслось с ним. Назначили его, значит, на тракторную сеялку вторым севаком — семена засыпать, диски чистить, маркер поднимать. Никогда Гришка не упустил, чтобы не хапнуть, и тут, ясно дело, не утерпел — насыпал пшеницы в кулёк, килограмма полтора, и привязал пояском под ватные порты, сбоку. Да... Дело к вечеру было, последний ход ехали. Подъехали к табору, а Гришка-то — прыг с сеялки! Пуговка — лоп! — и оторвись. Да случись тут кусок пласта торчком под ногами, он и споткнулся. Брык! — голым задом к табору. А кулёк сбоку мотается! Мамушки мои, срамота-то какая! Бабы накинулись гуртом: «Снимай порты! Что у тебя там привязано?». А он задрал нос, одной рукой штаны держит, а другой — кулаком трясёт: «Я вам покажу, как над большим человеком насмеяться! Грызь, — говорит, — у меня табаком обвязана». А и никакой грызи у него сроду и не было... Вот и смеются меж собой теперь колхозники: «А грызь-то у Гришки пшенишная!». Вот мы с Петей и вспомнили. Дела, право слово! — Евсеич помолчал немного и продолжал уже серьёзно: — А попробуй, скажи в глаза ему об этом. Куда там! За грудки, и с кулаками лезет. Да ещё и подхалимом обзовёт. Невозможный человек! — заключил он.

— Значит, ворует?

Евсейч помолчал, подумал. Петя уложил патроны в патронташ и посмотрел сначала на меня, а потом на дедушку и сказал:

— Ворует.

— А уловить невозможно, — добавил Евсейч.

— Зачем и ловить? Выгнать из колхоза — и всё!

— Выгнать-то выгнать, да толку что? — возразил Пете старик. — Ты скажи ему, Гришке-то: «Укради мешок!». Не станет. А бутылкой перетаскает больше. Он в законах и лавирует.

— Как это бутылкой? — спросил я.

— А так. Идёт на сев — литровую бутылку молока берёт. Выпил молоко, пшеницы насыпал. Баба принесла завтракать, пустую бутылку даёт ему, а с пшеницей возьмёт. В обед — то же. Вечером — то же. Четыре-пять литров зерна за день — пустяк уташить, а в них, почитай, четыре килограмма пшеницы. Поймай! Брали её один раз, но и милицию она провела; дескать, россыпь подобрала, говорит.

Петя добавил:

— А в уборку валенками ворует. Едет в поле в валенках, а домой идёт — валенки подмышкой и засунуты друг в дружку. Мы, комсомольцы, раз изловить его хотели. Переняли и говорим: «Разними валенки». А он кулак к носу тычет: «А этого не видал? Вором считаете, сопляки? Завтра, — говорит, — напишу за оскорбление личности в суд, статья такая имеется», — и пошёл дальше. Потом нырнул в лесополосу, а метров через тридцать вынырнул и остановился. Мы опять к нему: «До дому пойдём с тобой, а не отступим». «Пошли, — говорит, — к правлению!» Приходим: председателя нет, один счетовод сидит. «Мы, — говорим, — видели, как он из зерновоза пшеницу насыпал в валенки». Тут он разминает валенки и показывает их. Пустые! «Я, — говорит, — найду на вас управу! Я, — говорит, — по сто шестьдесят первой статье за клевету подам». И вышел. А мы сами ж, своими глазами видели!

— Во! Статьи он все знает, которые ему надобны, — поддержал Евсейч. — А пшеницу вытряхнул в лесополосе, факт. Вот и улови! Рвёт, подлец, с колхоза кусочками. Убытки тут не ахти какие, а народу обидно. Другой колхозник трудится, потому живёт хорошо, а этот не трудится, а живёт тоже хорошо. В том и вред от него, что рвёт-то он ото всех. Да горлом берёт, ясно дело.

— Надо, — посоветовал я, — с председателем насчёт него потолковать.

— Да про него сейчас в каждой хате будут толковать, а весна придёт — забудут. Не до него в трудах-то.

Поговорили мы так, потом я проверил заочную контрольную работу Пети, а на прощание Евсейч сказал:

— Завтра, значит, берём подряд на очистку поля от зайцев.

В воскресенье утром, с ружьями за плечами, мы втроём шагали от села вдоль лесной полосы. Ночью был лёгкий морозец, — иней на озими таял и серебрился от восходящего солнца. Листья жёлтым ковром устлали землю меж деревьев. Оттого, что ветви были почти совсем обнажены, лесная полоса казалась реже, чем летом, а стволы — выше. Уже семнадцать лет этой полосе! Много можно вспомнить из того, что прошло за эти годы, о многих погибших товарищах пожалеть, многому порадоваться, но эти деревья, которые памятны мне с перволеток, я просто люблю. Люблю за ласковый шум во время лёгкого ветерка; за силу, с которой они, содрогаясь, отражают налёты страшного когда-то юго-восточного суховея; за то, что они приютили новых лесных птиц; за прохладу в июльский зной; люблю и за то, что в них — большой кусок

и моей жизни, и жизни Евсеича, и вся целиком жизнь Пети, который шагает вразвалку рядом со мною.

— Хорошо! — улыбаясь, сказал Евсеич. Он сдвинул кепку с пуговкой на самый затылок и поднял взгляд к вершинам деревьев. — А ведь какие маленькие были, ну, прямо, проволочки!

— А я не помню, как их и сажали, — сказал Петя.

Евсеич ласково положил ему руку на плечо.

— Тебе и было всего не то год, не то два... Папашка твой сажал, лесоводом был в колхозе. Понял?

— Знаю, — ответил Петя.

— И ты сажай, Петруша! Сажай больше! Долго люди помнят тех, кто сажает деревья. Кто не любит дерева, тот не любит и человека. Ясно дело.

— А комсомольскую полосу дубков мы-то и посадили.

— Ещё больше сажай!

Мы пошли дальше. Петя вдруг остановился.

— Дедушка, смотри — сук надломлен! Зимой снегом отломит.

— А ты приметь дерево, да потом и привяжи сучок к стволу. Он весной и срастётся... Буря была недавно, вот и отломился...

— Обязательно привяжу, — сказал Петя.

И я знаю: он хозяин, обязательно привяжет.

Немного прошли молча, а у первой просеки остановились.

— Начнём, — весело сказал Евсеич и стал снимать ружьё с плеча.

Найда до сих пор спокойно плелась на шворке за хозяином, а тут начала визжать, рваться, вставала передними лапами на грудь Пети, лезла к лицу, стараясь лизнуть.

— Ну, ну! Целоваться полезла! — шутил Евсеич. Он снял ошейник, ласково похлопал её по боку. — Не подкачай, Найда!

Чёрно-красным пятном Найда заюлила по зяби, ныряла в лесополосу, снова показывалась на чистом поле и, наконец, скрылась в соседней полосе. Евсеич распределил места:

— Ты, Акимыч, оставайся тут! Ты, Петя, давай к дубовой-гнездовой! А я — к яру, в привражную. Тут, брат ты мой, заяц обязательно этим кругом ходит. Сперва вдоль полосы, потом — в просеку, потом — к дубкам, а вдоль них — к яру. Это у них дорога такая. Ясно дело, заяц тоже к лесным полосам приспособился. Теперь и охота в поле иная — и лесная и полевая. Сноровка другая должна быть... А ты, Петя, главное дело, не шевелись, когда он пойдёт на тебя. замри! Дубки — по пояс, а если мёртво будешь стоять, то он выше дубка не увидит, у него глаз глухой...

Петя трусцой, вприпрыжку, побежал к дубкам. Евсеич спокойно, не спеша, направился к яру, а я, осмотревшись, выбрал местечко и стал за куст так, чтобы можно было стрелять и вдоль полосы и по просеке. Мешала ветка впереди меня. В большом лесу я её обязательно срезал бы, а здесь нельзя, пусть растёт. Справа от меня, за пригорком, видны верхушки лесополосы, посаженной в год начала Великой Отечественной войны; слева, метрах в трёхстах, — «Комсомольская», этой всего только семь лет; а дальше по полю видны квадраты лесных полос; они, как дети в многодетной семье, растут лесенкой: каждый год прибавлялось по одной полосе, а набралось уже до сотни гектаров.

От яркого солнца и густой зелени озимых рябило в глазах. Застрекотала сорока, увидев меня; пробежали через просеку хохлатые подорожнички; деловито простучал невдалеке дятел; тихонько захохотала синица, выпрыгнула из чащи, прилепилась к ветке в трёх метрах от меня и уставилась чёрными бусинками в глаза. «И что это делает здесь неподвижный человек?» — казалось, спрашивала она, потом вспорхнула и,

будто прощаясь, прошебетала: «Чиви! Чиви!». Очень похоже: «Живи! Живи!». «Ну и ты живи!» — подумал я.

Вдруг: «Гав!...». Немного погода ещё: «Гав-гав!». И потом ритмично, размеренно: «Гав-ав-ав!». То Найда подняла русака. Только охотник поймёт, какая дрожь пробегает по телу при первом лае гончей! Мир сужается до предела: охотник, ружьё и, ещё невидимые, собака и заяц или лисица. А лай всё ближе, всё ближе, и дрожь ушла уже внутрь, но руки спокойны и уверенны... И вдруг, как из-под земли, вываливается сам «косой». Он идёт прямо на меня «ниткой», смешно закидывая задние ноги вперёд, будто на костылях. Выстрел! Заяц перевернулся через голову, высоко подбросив вверх задние лапы... Подвалила Найда, хвостом приветствуя удачный выстрел, лезла целоваться, а через некоторое время снова заюлила, повизгивая, закружилась, засопела и потянула дальше. Вскоре она скрылась из виду и снова погнала голосом, спокойно, ровно, не спеша. В лесных полосах быстроногая собака не годится: из-под неё заяц летит пулей, сбивает с круга и несётся, как сумасшедший, куда глаза глядят. Но Найду Евсеич приучил так, что она и «взрывают» гонит тихо: «сноровка другая».

Петя выстрелил дулетом. Собака замолкла, значит — попал. Потом, как из пушки, ахнул Евсеич. По одному зайцу я «расписался» впустую; он проскочил к Пете, тот тоже промахнулся, и только около Евсеича Найда замолчала.

К середине дня все вместе мы убили пятерых зайцев. Несколько раз перебегали с места на место, перехватывая «круг» сообразно направлению лая Найды, и наконец, порядком умаявшись, стали собираться закусить.

Евсеич прищурил глаза, почесал висок, сдвинул набок кепку и чуть-чуть шмыгнул носом. Я-то уж знаю, что всё это предшествует весёлому сочинению.

— Садись, Акимыч, отдыхай! Петька, вон он маячит. Подождём его, а я тебе расскажу заячью историю.

Петя, действительно, маячил в километре от нас, уже на той стороне яра. Мы уселись на засохший бурьян, Евсеич закурил трубку и начал:

— Заяцев бы-ыло: миллион с тыщами! А один был смелый-пресмелый зайчишка. Так. Хоть и знают косые, что в магазине Союза охотников не бывает к сезону ни пороху, ни дробы, а посылают этого зайчишку в город: всё-таки проверь, дескать! Поковылял, значит. Ясно дело, зайцу по городу трудно пройти. Ну, задворками, бульварами пробрался к магазину. Стучит легонько лапкой в окно, машет продавцу: выйди, дескать, на минутку! Выходит: «Что вам, гражданин зайчик?». А тот спрашивает тихонько так: «Порох есть?». «Нет», — отвечает. «А дробь есть?». «Нет». «Тогда передайте, — говорит, — товарищу Медведкину (председателю Союза охотников), что мы, зайцы, плевать на него хотели». «Как так — плевать?». «А так: орешками, орешками!». Подпрыгнул зайчишка, оставил пару орешков, да и был таков... Вот они, дела-то какие случаются смехотворные!

Евсеич рассказывает без смеха, но глаза его смеются, так и сыплют искорками, так и сыплют! Счастлив человек, у которого к старости сохранятся такие глаза!

Вдали показался Петя. Он вразвалку идёт к нам вдоль лесополосы, изредка останавливаясь и поглядывая хозяйским глазом на деревья.

Вдруг лицо Евсеича сразу сделалось серьёзным, он даже привстал.

— Гляди, Акимыч! Петька бегом к нам побежал... Что за оказия?

Действительно. Петя торопливо бежит, придерживая одной рукой зайца. Вот он уже близок и на бегу кричит:

— Дедушка! Владимир Акимович! Там... Там два дерева... срублены... большие!

Мы заспешили за Петей.

— Тут недалеко... И ветки очищены на месте... Большие.— тяжело дыша и чуть не плача, говорил Петя. Картуз сбился у него козырьком на ухо. Прядь волос упала на угол лба.

Два пенька рядом сиротливо белели в середине полосы. Потянул лёгкий ветерок, слегка зашуршали ветви, будто жалуясь... Мы понуро стояли над пнями. Евсеич то мял кепку в руках, то набрасывал её на голову, то снова снимал и теребил за пуговку; в волнении руки не давали покоя и клинышку бородки; он пробовал зажечь спичкой трубку, забыв набить табаком, и снова совал её в карман.

Потом сжал кулак и с озлоблением потряс им в воздухе:

— Сук-кин сын! Подлец! Гришка Хват, больше никому!

— Он,— мрачно подтвердил Петя.

Охотиться уже не хотелось. Найда поплелась за Евсеичем. Я смотрел ему в спину, и мне казалось, что он сторбился и постарел... Мы шли молча. Некоторое время спустя Евсеич сказал, ни к кому не обращаясь:

— Дня три-четыре, как срублены, — зарубы обветрило: теперь уж не найдёшь... Каналья!

Утром следующего дня Евсеич зашёл за мной, и мы направились к председателю колхоза Петру Кузьмичу Шурову. Он сидел в своём кабинете, рассматривая какую-то бумагу, делал пометки то красным, то чёрным карандашом.

Мы поздоровались.

— Знаю, с чем пришли,— заговорил Шуров.— Петя успел сообщить, уже и заметку в стенгазету потащил. Садитесь, подумаем вместе! — Он положил перед нами ведомость трудодней.— Поинтересуйтесь, а потом о деревьях поговорим!

Против фамилий колхозников — цифры трудодней. Пятьсот и выше — в красном кружочке, это, понятно, передовики. Шестьдесят — в чёрном колечке, тоже понятно — болтуны и лодыри, но таких только три. Но вот пятьдесят два — в красном, а сто пятьдесят — в чёрном; это не сразу поймёшь, и я вопросительно поднял глаза на Петра Кузьмича, указывая на эти цифры.

— То-то вот и оно, что не сразу понять. А разберись — дело простое. Пятьдесят два — это лучшая колхозница, но она больна, надо помочь ей и направить в санаторий. А сто пятьдесят...

Но я уже вслух прочитал:

— Хватов Григорий Егорович — сто пятьдесят.

— Во! Гришка Хват,— подтвердил Евсеич, подняв палец вверх.

— Минимум выработал: всё в порядке, всё законно,— продолжал Пётр Кузьмич, — работает — шатай-валяй, а живёт — сыр в масле. Всё понятно, но... с какой стороны его взять? Вот вопрос.

Он задумался. Взгляд его направлен на чернильницу, но казалось, он видит перед собой Хватова и мысленно всматривается в него, прощупывает.

Евсеич покачал головой.

— Во всяком чинё — по сукину сынё. Ясно дело.

Пётр Кузьмич оживился, пристукнул ладонью о край стола и решительно встал. Видно было, что его осенила новая мысль, и он её высказал:

— Брать его надо всего целиком... Выдернуть его и показать всем, а сначала сам пусть на себя посмотрит. И домой к нему надо сходить, посмотреть, раскусить хорошенько. Говорят, мой предшественник —

бывший председатель колхоза Прохор Палыч Самоваров — только у Хватова и угощал начальников разных и сам там угощался.

— Там, там, Кузьмич, только там,— подтвердил Евсеич,— туда и баранинку, туда и яички, всё туда, а самогонку-то Гришка и сам мастер гнать.

— Сходим, Владимир Акимыч? — обратился ко мне Пётр Кузьмич.

— Пошли хоть сейчас!

— Вы там в сарай загляните, в сарай! — напутствовал нас Евсеич.— Да кусок хлеба возьмите! Кобель у него, как тигра.

Крайшку хлеба председатель и в самом деле сунул в карман, зайдя в кладовую.

Вскоре мы подходили к усадьбе Хватова. Аккуратная, чисто выбеленная, с новыми наличниками на окнах, по-хозяйски крытая камышом «под гребёнку», хата стояла на отшибе, небольшой ярлык отделял её от улицы, будто она откололась от села. Двор огорожен высоким, почти новым плетнём, на котором сверху, в одну нитку, протянута колючая проволока. Ворота забраны тонкими досками с клеймами железной дороги: видно, какие-то ящики употреблены на это дело. И ни одного дерева, ни одного цветка, не говоря уж о клумбе.

Калитка оказалась запертой изнутри, и мы постучали щеколдой. Залаяла собака, захлёбываясь и надрываясь, кто-то цыкнул на неё во дворе, потом загремел засов, и калитка открылась. Перед нами стоял Хватов — «Гришка Хват». Он, казалось, был в некотором недоумении и молчал, переводя взгляд с одного из нас на другого.

Небольшого роста, широкоплечий, кряжистый, с крепко расставленными короткими ногами, в клетчатой ковбойке, из-под которой торчала нижняя рубашка; краснорожий, рыжие волосы коротко острижены «под бокс» — по-модному; глаза большие, равнодушные: жирные губы выгнулись полумесяцем; кончик большого и мясистого носа приподнят кверху задиристо и вызывающе. Ему не более сорока лет.

— Милости просим! — наконец проговорил он, пропуская нас вперёд.

От калитки к крыльцу, выходящему во двор, пройти можно, но в середине двора — нельзя: огромный пёс, такой же рыжий, как и сам хозяин, оскалив пасть, бегал вдоль протянутой поперёк двора проволоки, на которой каталось взад-вперёд рыскало цепи.

— Уйми ты его, Хватов! — попросил Пётр Кузьмич.

— Заходите в хату! — сказал хозяин так же равнодушно.

— В хату потом,— возразил Пётр Кузьмич.— Зашли посмотреть, как живёт богатый колхозник, а у тебя... «тигра». Плохо гостей принимаешь.

Гришка понял это по-своему.

— Литровочка есть, и закус найдём.

— Это тоже потом.— С этими словами Пётр Кузьмич решительно подошёл к собаке совсем близко, но так, что она не могла его достать с цепи, остановился и молча посмотрел на неё в упор, засунув руки в карманы пиджака. И удивительное дело — пёс уже не рвался с цепи, не надрывался, он лаял как бы по обязанности. Когда же Пётр Кузьмич бросил крайшку хлеба, он мирно поплёлся в конуру, недоверчиво оглядываясь на хозяина и погромыхая колючкой рыскала.

Во дворе стало тихо. Хватов, заложив руки за спину, смотрел на председателя без какого-либо выражения гостеприимства и проговорил с ноткой недовольства:

— В укрощатели годитесь, товарищ председатель.

— Ну, как живёшь, Хватов? — спросил Пётр Кузьмич, будто не обратив внимания на его слова, и уселся на грядушки ручной тележки.

— Да как... Ничего живём, налог уплатил, с займом рассчитался, минимум выработал. Закон есть закон. Всё по уставу.

— Всё правильно,— подтвердил Пётр Кузьмич не без иронии.

Хватов стоял сбоку, опершись ногой о тележку, грядушки которой были новыми и совсем ещё сырыми, а колёса — с конных плугов.

— Новые,— заметил я,— наделки.

Хозяин будто не слышал моих слов, а Пётр Кузьмич прищурился и в упор спросил, постукивая пальцем о тележку:

— Яшеньки-то в лесной полосе срубил? Смотри — свежий ясенёк, как с корня.

У Хватова не было заметно ни тени страха, ни тени волнения. Он почему-то обратился ко мне:

— А вы видали, как я рубил? Купил на базаре.

— А колёса — с плужков? — спросил Пётр Кузьмич.

— Видать, с плужков,— ответил Хватов с притворным вздохом.

— Когда снял?

— Купил за двадцать восемь рублей и пятьдесят копеек.

— Где?

— На базаре.

— У кого?

— У чужого дядьки,— мирно ответил Хватов и вдруг перешёл в наступление: — Евсеича слушаете! Клеветой руководить не годится, не по-советски! Сто шестьдесят первая статья на это имеется, можем написать — люди грамотные и ходы знаем, куда подать и к кому обратиться.

Пётр Кузьмич пристально смотрел на него, не отрываясь, сжав зубы. Краска бросилась ему в лицо, но он тряхнул головой, сдерживая себя, закурил папиросу и уже спокойно сказал совершенно неожиданно и, казалось, не к месту:

— Во время войны где был?

— Служил.

— Где?

— А что? — не изменяя позы и наглого выражения лица, спросил Гришка Хват.— Следствие, что ли, хотите наводить?

— Ну вот ты уж и обиделся! — возразил Пётр Кузьмич.— С тобой по-хорошему, а ты...

— Что — я?

— Значит, не был на фронте? Ну тогда — где работал в тылу? Тыл — это тоже очень важно... И в тылу много героев. Что делал?

— Служил.

— Где?

Гришка не выдержал словесной перестрелки и сдался:

— В милиции...

— Кем?

— Конюхом.

— Ну так бы и говорил! Хорошая должность — конюх, и у нас в колхозе почётная. Вот теперь и понятно.

— Что понятно?

Пётр Кузьмич не ответил на его вопрос, а спросил сам:

— А знаешь, что у Евсеича два сына погибли на фронте?

Гришка молчал. Пётр Кузьмич барабанил по грядушке пальцем и потихоньку насвистывал, выжидая. Будто ненароком, я прошёлся по двору взад-вперёд. Квохтали куры, в хлеву похрюкивали свиньи; в углу, между сараем и плетнём, — штабель толстых дубовых дров, хватит года на два; старые колёса от тарантаса, рама от старой конной сеялки, две доски с брички и деревянная ось свалены за сараем в кучу. Запасливый хозяин тащил всё, что плохо лежит и за что никто не может привлечь к ответственности. На стене сарая висел большой моток толстой проволоки, две старые покрывки от автомашины и пополам перерезанный

гуж от хомута; штабель кизяков — такой огромный, что на две хаты хватит тонить полную зиму.

— А навоз для кизяков тоже купил на базаре? — спросил я.

Гришка не удостоил меня ответом, а Пётр Кузьмич ответил за него:

— Зимой на поле вывозил: воз — на поле, а воз — домой. Рассказывают, так было. Этак гектарчика два удобрений и хапанул. Правда, Хватов?

Но тот не ответил.

— Вы по какому делу пришли?

— Да вот ходим с агрономом, знакомимся, как наши колхозники живут, — невозмутимо сказал председатель.

— С обыском, что ли?

— Ой, какой ты, Хватов, законник!

— Законы знаем.

И вдруг неожиданный вопрос Петра Кузьмича:

— Корма корове хватит?

— Занимать не будем.

— А продавать будем?

— Там видно будет.

— Ты же на сенокосе не был, процентов не заработал, как же это получается?

— Покупается, — тоном превосходства ответил Хватов.

Пётр Кузьмич решительно встал и открыл дверь сарая. Гришка не выдержал и заскочил вперёд. Лицо его стало озлобленным, но говорил он спокойно.

— Отойди, товарищ председатель! Добром говорю! За самовольный обыск тоже статья имеется...

— Да ты никак испугался, Григорий Егорович! — засмеялся Пётр Кузьмич. — А мы в сарай и не пойдём. Разве можно не по закону? Посмотрю, хватит ли корма. Должны же мы заботиться и о скоте колхозников? Ясно?

— Может, и ясно, — приостановился Гришка, поняв, что не выдержал своей линии.

— А ты не бойся! — продолжал Пётр Кузьмич. — Если купил, то всё законно и никакой статьи не потребуется. Купил, говоришь?

— Купил.

— Почём же люцерновое сено?

— Двести рублей воз, — не моргнув глазом, ответил хозяин.

— Прошлогоднее?

— Должно быть.

— У кого?

— У чужого мужика. Базар велик.

Я вспомнил, что прошлым летом на семенниках люцерны во время цветения появлялись в середине массива выкошенные пятна, и подумал: «Вон они и пятна».

На крыльцо вышла жена хозяина и поздоровалась так, что слово «здравствуйте» прозвучало, как «уходите». Одета она «ню-городскому». Ни широкой, просторной, с каймой, юбки, ни яркой кофточки с пухленькими и такими симпатичными «фонариками» на рукавах, ни плотно уложенных на макушке волос, — ничего этого не было. Короткая, до колен, юбка обтягивала зад, как огромный футбольный мяч; толстые, как гигантские кегли, икры — в тонких чулках; тесная кофточка, в которой с трудом умещалась грудь; громадная брошь в виде плюшки с начинкой по середине: вот какая, дескать, культурная! А лицо! Какое лицо! Жирный подбородок, пухлые щёки с двумя круглыми пятнами румян, маленький нос с полуоткрытыми ноздрями приподнят кверху, белобрысая, а брови

намалёваны чёрные, как осенняя ночь. И рыжий «бокс» на голове мужа и его клетчатая ковбойка с торчащей из-под неё грязной нижней рубашкой — всё это как нельзя более подходило к облику его супруги.

— Чего ж в хату не зовёшь начальников?

Оттого ли, что она заметила мой пристальный взгляд, оттого ли, что Пётр Кузьмич на её «здравствуйте-уходите» ответил вежливым приветствием, или, подслушав наш разговор, она поняла, что обострять дело не следует и надо нас отвлечь от люцерны,— не знаю почему, но голос её стал немного приветливее.

— Чего ж не зовёшь? — повторила она.— Небось, в хате и поговорить лучше. Заходите!

Мы обменялись с Петром Кузьмичом взглядами и взшли на крыльцо. Я совсем не ожидал, что жена Хватова будет знакомиться с нами, так сказать, официально, но она подала прямо вытянутую ладонь, как толстую длинную вчерашнюю оладью, и произнесла мужским тенором:

— Матильда Сидоровна.

Настоящее её человеческое имя — Матрёна, но сказано ясно — «Матильда!». Пётр Кузьмич сначала не удержался от улыбки, а потом всё-таки прыснул и зажал рот платком, как бы утирая губы. «Ошибочный жест, Кузьмич! Ой, ошибочный!» — подумал я. И правильно подумал: Матильда поняла так, что, утирая губы, председатель просит выпить. Молча, одними взглядами, которые, впрочем, не так уж трудно заметить со стороны, они с мужем согласовали этот вопрос, и Хватов распорядился:

— Собери закусить!

Матильда вышла в сени, а муж «на минутку» выскочил за ней.

— Ну? — спросил я тихонько, когда мы остались вдвоём.

— Подождём, что дальше будет.— шепнул председатель.— Не бойся! По стопам Прохора Палыча в бутылку не загляну. У меня — план.

Возвратился Гришка совсем другой, щёки его вздулись двумя прошивками: он улыбался. Но глаза так и остались мутными и равнодушными, глаза не улыбались. Матильда внесла колечко колбасы и тарелку огурцов и... тоже улыбалась. Ах, как она улыбалась! Накрашенные половинки губ узкими полосами окаймляли рот, а ненакрашенные вылупились из середины. Тяжело ступая и сотрясая телеса, она засуетилась:

— Заведи пока патефон, Григорий Егорович! Выбери какую покультурней!

Хозяин завозился с патефоном, меняя иголку, а мы осмотрели комнату. Тут и громадный плакат-реклама с гигантским куском мыла ТЭЖЭ и с надписью: «Это мыло высоко ценится, это мыло прекрасно пенится»; и ещё противопожарный плакат «Не позволяйте детям играть с огнём»; большие портреты обоих супругов, увеличенные с пятиминутки и разретушированные проходящим фотографом до полной неузнаваемости; ленты из цветной бумаги на стенах, на окнах — и широкие и узкие, — ленты, ленты, ленты, как на карусели.

Захрипел патефон, будто на плите убежало молоко. а затем мы услышали пластинку двадцатилетней давности — романс в исполнении Леонида Утёсова:

Лу-уч луны-ы упал на ваш портре-е-ет,
Ми-илый дру-уг давно забытых ле-е-ет,
И во-о мгле... гле, гле, гле, гле, гле, гле...

Игла запала в одной строке пластинки, и патефон хрипел: гле, гле, гле, гле, гле... Это была самая высокая нота в романсе; казалось, что исполнителю очень трудно повторять её.

Матильда стукнула по мембране деревянной ложкой, и игла проскозила дальше. Оттого что пластинка была очень старой, голос Утёсова стал совсем хриплым, натужным, как при ангине. Гришка Хват упёр руку в бок, закинул стоя ногу за ногу и серьёзно, как в церкви, смотрел в потолок, как бы вслушиваясь в звуки патефона

Патефон отхрипел. На столе — колбаса, огурцы и крупные ломти пшеничного хлеба, такие крупные, что надо открыть рот во всю ширину, чтобы ухитриться откусить. Хозяин нагнулся, достал из-под кровати литровую посудину, заткнутую кукурузным початком, поставил на стол и сел сам с нами, пододвинув к себе стакан. По всем неписанным правилам таких хватов процедура выпивки с начальством совершается медленно, не спеша.

Пётр Кузьмич взял бутылку и, понюхав горлышко, сказал:

— Самогон. Купил?

— Ну, да эти дела, как бы сказать, не покупаются, — ответил хозяин почти радушно.

— Своего, значит, изделия?

Гришка кивнул головой в знак согласия.

— Крепкий? — спросил председатель.

— Хорош! — улыбнулся деревянной улыбкой Хватов.

— С выпивкой — потом. Сейчас давай, Григорий Егорович, договорим о деле и... поставим точку. — Пётр Кузьмич поставил точку ручкой вилки на столе.

— Да как же ещё ни о каком деле не говорили, — возразил хозяин.

— И стоит вам о пустяках разговаривать! — вмешалась Матильда. — Мы вечные труженики, а на него всякую мараль наводят. Пустяк какой-нибудь — бутылку рассыпанной пшеницы подберёшь на дороге, а шуму — на весь район. Да что это такое за мараль на нас такая! И всем колхозом, всем колхозом донимают! При старом председателе, при Прохор Палыче, ещё туда-сюда, а вас обвели всякие подхалимы, наклеветали на нас, и получается один гольный прынцып друг на дружку. — Она входила в азарт и зачастила совсем без передыху: — Мы только одни тут и культурные, а то все — темнота. Машка, кладовщица, со старым председателем путалась, Федорка за второго мужа вышла, Аниська сама сумасшедшая, и дочь сумасшедшая, Акулька Культыпкина молоко с фермы таскает, а на нас — мараль да прынцып, мараль да прынцып.

И пошла и пошла!

— Я ему сколько раз говорила, — указала она на мужа, — сколько раз говорила: законы знаешь? Чего ты пугаешь статьями зря, без толку? Напиши в суд! В милиции у тебя знакомые есть: чего терпишь? Чего ты терпишь?

Наконец Пётр Кузьмич не выдержал и перебил её:

— Послушайте, хозяйка! Дайте нам о деле поговорить!

Она в недоумении посмотрела на него и обидчиво продолжала, поправив плюшку-брошь и не сбавляя прыти:

— Вот вы все такие, все так: «Женщине — свободу, женщине — свободу», а как женщина в дело, так вы слова не даёте сказать. Извиняюсь! Женщина может сказать, что захочет и где захочет. Что? Только одной Федорке и говорить везде можно? Скажи, пожалуйста! — развела она руками. — Член правления, актив!

— Ну нельзя же только одной вам и говорить, — не стерпел я. — Вот вы высказались, а теперь наша очередь: так и будем по порядку — по культурному.

Последнее слово, кажется, её убедило. Скрестив руки, она прислонилась к припечку и замолчала.

— Итак, о деле, Григорий Егорович, — заторопился Пётр Кузьмич, — о деле...

— О каком таком деле? — недоверчиво спросил Гришка.

И тут председатель его словно из ушата холодной водой окатил.

— Вот о каком: первое — люцерну привези в колхозный двор!

Гришка встал.

— Ай! — взвизгнула Матильда.

— Цыц! — обернулся к ней муж и задал вопрос Петру Кузьмичу: — Ещё что?

— Колёса с плужков и градушки с тележки принеси в мастерскую, — спокойно продолжал тот.

— Ещё что? — с озлоблением прохрипел Хватов.

Пётр Кузьмич взял обеими руками литровку.

— А вот это возьмём с собой. Придётся ответить!

Прошло несколько минут в молчании. Гришка вышел из-за стола, давая понять, что выпивки не будет. Лицо его приняло прежнее, внешне спокойное, выражение — он удивительно умел влезать в личину, как улитка, — и только чуть-чуть вздрагивала бровь.

— Ну так как же? — спросил с усмешкой Пётр Кузьмич.

— Ничего такого не будет: не повезу. А бутылку возьмёте — грабёж... Вас угощают, а вы... Эх, вы! — он махнул рукой и прислонился спиной к рекламе ТЭЖЭ. — Люцерну — не докажете, тележку — не докажете, не пойманный — не вор. Купил — и всё! Докажете!

— Хорошо, — вмешался я. — Люцерну докажем очень просто. Только в одном нашем колхозе — жёлтая люцерна «Степная», а в районах вокруг нас нет ни одного гектара этого нового сорта. Как агроном могу составить акт.

Гришка вздрогнул. Да, вздрогнул, я не ошибся! Будто невидимой стрелой пронзило его лицо, оно передёрнулось, и тень страха пробежала во взгляде.

— Понятно? — спросил Пётр Кузьмич и, не дожидаясь ответа, добавил: — А колёсико с плуга, одно колёсико, номерок имеет, а номерок тот сходится с корпусом. Видишь, оно какое дело, Григорий Егорович!

Я понимал, что никаких номерков на колёсах плуга нет, а Пётр Кузьмич знал, что такой же сорт люцерны есть и в райсемхозе, и в совхозе, и в ряде других колхозов, но, разгадав план председателя, я помогал ему — он прошупывал Гришку, исследовал по косточкам, изучал. Тот стоял у стены, опустив голову, не пытаясь возражать, и смотрел на носки своих сапог, будто они очень и очень для него интересны. Матильда в удивлении и испуге прислонилась задом к рогачам.

А Пётр Кузьмич уже добивал:

— Да ты пойми. Хватов! За самогонку — не меньше года, хоть и без цели сбыта, за люцерну — тоже... А? Жалко мне тебя, Григорий Егорович! Ей-право, жалко, а то не пришёл бы.

В последних словах я уловил нотки искренности и теплоты и никак не мог поверить, что слова эти обращены к Хватову — к «Гришке Хвату». До сих пор Пётр Кузьмич изучал, какое действие оказывает прямого руководителя, знание законов, каков Хватов в страхе и как докопаться до страха, а последними словами он докапывался уже до самого человека — до Григория Егоровича Хватова. А тот поднял глаза на председателя — уголок губ дёргался, глаза часто моргали, брови поднялись, чувство растерянности овладело им, и он уже не мог этого скрыть, он стоял перед нами уже без скорлупы, с голой, обнажённой душой.

Пётр Кузьмич методично оттирал все остатки его личины.

— Привык ты, Григорий Егорович, не тем заниматься, чем следует, а

остановить было некому... Оторвался от народа, ушёл в сторону и стал одиноличником внутри колхоза... Может быть, хочешь остаться одиноличником по-настоящему? Так мы можем это сделать, и есть к тому все основания. Как, а?

И Хватов хрипло проговорил, уже беспомощно и жалобно:

— Исключить, значит... Ну... убивайте! — и, неуверенно сделав несколько шагов, сел на лавку. Это оказалось самым страшным для него словом, и он его сам произнёс, рубанул самого себя наотмашь, обмяк, согнулся и уже больше ни разу не взглянул на нас прямо. Ни разу!

— Позора боишься? — спросил Пётр Кузьмич. — Не надо до этого допускать.

— Вы... меня теперь всё равно... — Хват не договорил и махнул безнадежно рукой.

Пётр Кузьмич подошёл к нему, сел рядом, закурил и, пуская дымок вверх, примирительно сказал:

— Ну, хватит нам ругаться... Пиши заявление!

— Куда? — спросил Хватов не глядя.

— В правление, куда же больше.

— Тюрьму, что ли, себе написать? — угрюмо бросил Хватов, не оставляя своего метода — отбиваться вопросами.

— Зачем — в тюрьму? Колхозную честь соблюсти. Напиши, что просишь принять излишки сена... Ну и... — Председатель немного подумал. — Ну и напиши, что хочешь в кузницу молотобойцем. По ремонту инвентаря будешь работать: руки у тебя золотые, силёнка есть... А плужки пусть на твоей совести останутся.

— Через всё село везти сено! У всех на глазах! — неожиданно закричал Хватов. — Не повезу!

— Тогда... обижайся сам на себя. Я сказал всё. — И Пётр Кузьмич встал, будто собираясь уходить. — Значит, не напишешь? — Он заткнул литровку тем же кукурузным початком, поставил её на окно и встал.

В хате наступила тишина. Лениво жужжала на стекле запоздавшая осенняя муха. Тикали ходики. Шумно вздохнула Матильда и приложила к глазам фартук. Кукарекнул во дворе петух... Колбаса, огурцы и хлеб лежали нетронутыми.

Хватов произнёс неуверенно:

— Подумаю.

— Ну подумай! Хорошенько подумай, Григорий Егорович! Мы к тебе с добром приходили... Хорошенько подумай! — повторил Пётр Кузьмич и обратился к хозяйке с нарочито подчеркнутой вежливостью: — До свидания, Матильда Сидоровна!

Попрощался и я. Мы вышли. Рыжий пёс попробовал залаять, но сразу раздумал, вильнул хвостом в сторону, опустил его снова и поплёлся в конуру.

Через несколько дней председатель зачитал на заседании правления, в «разных», заявление:

«Председателю колхоза тов. Шурову П. К.

от рядового колхозника Хватова Г. Е.

Заявление

Как я имею излишний корм и как в колхозе от засухи кормов внятят имеется, то прошу принять с одной стороны от меня лишок сена. Точка, желаю жить вообще и целом а так же прошу назначить меня молотобойцем в кузницу как я имею понятие по ремонту и тому подобно.

Прошу тов. председатель попросить правление в просьбе моей не отказать а работать буду по всей форме и так и далее.

К сему роспись поставил: Хватов».

Все присутствующие знали, что это за сено и как оно попало в колхоз, и все глядели на Хватова с презрением, смешанным с сожалением. Он же что-то рассматривал то на потолке, то на кончике сапога и избегал смотреть прямо на сидящих.

Никаких возражений заявление не встретило: Пётр Кузьмич заранее договорился с членами правления, Никишки Болтушка здесь не было, и просьбу «удовлетворили» без прений. Только Евсеич напоследок сказал:

— Ясно дело, Гришка! Должен понять, ультиматум тебе поставили. Хватов ничего не ответил и не возразил. Он переминался с ноги на ногу и мял в руках фуражку.

...Как-то там теперь Матильда Сидоровна!

3. Игнат с балалайкой

В один из предуборочных дней я работал на апробации посевов пшеницы: набирал снопы для определения сортовой чистоты, учёта болезней и вредителей; сделаешь шагов тридцать-сорок, путаясь в густых хлебах, заберёшь в горсть пучок стеблей, выдернешь их с корнем и — дальше, а через такой же промежуток — ещё пучок, и так до тех пор, пока не составишь средний образец с участка — апробационный сноп, в котором после, уже в агрокабинете, анализируется каждый колосок.

Время перевалило за полдень. Пальцы начинали неметь, стебли в них скользили и уже не сразу выдёргивались: чувствовалась усталость, хотелось отдохнуть, закусить, попить родниковой водички. Игнат понёс очередной сноп к подводе, а я остановился, вытер лицо уже влажным платком и осмотрелся вокруг.

Тишина такая, что даже ости колосьев не шевелятся, но вдали хлебá, казалось, волнами уходят в небо, сливаясь с синевой, тают, исчезая в дрожащем мареве, и никак не поймёшь, где кончается пшеница и где начинается небо. Так обманчива июльская марь в тихий день, что глаз перестаёт отличать дальние предметы от ближних; они плывут, дрожат, меняют очертания и будто стоят в воде: марь отрывает их от земли. Вдали на разных участках несколько комбайнов, уже готовых к уборке, расставлены по своим местам; они тоже дрожат, то опускаясь, то поднимаясь вверх выше пшеницы, и кажутся воздушными кораблями: вст-вот тронется и поплывёт над полем! По шляху проскочило несколько автомашин с горючим для уборки, за ними вытянулся огромный хвост пыли. Он долго стоит, подрагивая в общем потоке маревых волн. И вдруг... Гудит, рокочет где-то самолёт. Звук то слышится прямо над пшеницей, то совсем пропадает и вдруг снова близко, отчётливо. Да где же он? Как ни вглядывайся в небо, приложив ладонь к козырьку, не найдёшь! Самолёт совсем недалеко. километрах в трёх, на бреющем полёте обрабатывает с воздуха посевы люцерны от вредителей, а кажется, что наполнены шумом и небо, и земля, и что звучит марево.

Солнце печёт. Невидимый жаворонок звенит то в двух-трёх метрах от уха, то невообразимо далеко, у самого солнца: будто подвешен колокольчик на громадной нитке и медленно раскачивается с серебряным перезвоном.

В тихий, жаркий предуборочный день в поле есть своя особенная прелесть! Агроному не хочется уходить отсюда: он прощается с колосьями

до будущего года, ему становится даже немножко грустно, но грусть эта перемешивается с радостью и надеждами; грусть эта — глубоко человеческая, такая же, наверно, как у инженера, который строил корабль и провожает его взглядом в море, провожает кусочек своей жизни и своего труда.

Честное слово, я так и сказал вслух: «Прощайте, прощайте! До будущего года!» — и пошёл к подводе на отдых, туда, где скрылся Игнат. Шёл и думал: и поле уже не то, что было когда-то, лет двадцать назад, когда я был молодым человеком, и люди стали не те, какими были, даже «лодырь теперь не тот пошёл», как говаривал уже знакомый нам Евсеич. С такими мыслями я и подошёл к Игнату.

Игнат Прокофьевич Ушкин, которого на селе все зовут просто Игнатом, прикреплен ко мне на несколько дней для апробации. Он следует за мной по полям неотлучно, принимает от меня снопы, аккуратно доставляет на руках до подводы, укладывает их так, чтобы не помять и не обмолотить. Сноп он всегда берёт осторожно, поднимает над головой обими руками и несёт, как какой-нибудь сосуд с жидкостью, будто боясь расплескать. На Игната пожаловаться никак нельзя — работает он аккуратно, но очень уж медленно всё делает!

— Ох, и печёт же сегодня!

— Печёт,— равнодушно, в полудремоте согласился Игнат.

Он лежал на траве вверх животом, подложив обе ладони под затылок и накрыв лицо фуражкой от солнца. Лошадь в упряжи, хотя и с отпущенным чересседельником, паслась по краю лощины.

— Отпрягай! Обедать будем. Отдохнём.

— А чего её отпрягать? — сонно отозвался он, не пошевелившись. Жара разморила его, он, видимо, тоже устал путаться ногами в густой пшенице, клонило в сон.

— Лошади неудобно так пастись.

— Трава хорошая: и так закусит, — возразил Игнат, не меняя положения, и всё таким же сонным, с хрипотцой, голосом.

— Ну, и лентяй же ты! — сказал я.

Он поднялся. Посидел немного, почесал живот, посмотрел на лошадь, на меня, глянул вверх мимо солнца и произнёс:

— Печёт. — Немного подумал и добавил: — Июль... Почему — «лентяй»? — спросил он и тут же ответил: — Никакой не лентяй. Сейчас отпрягу.

Видно, он не обиделся на меня, пошёл, насвистывая, не спеша. Он подвёл лошадь, распряг её и стреножил. Мы спустились вниз, в лощину, к роднику, напились, обмыли лица.

Игнат присел против меня.

— До того нажарило голову, аж в сон бросило... Говорю, а сам сплю. Кажись, сутки так и пролежал бы.

Полуденную дремоту с него согнало, а лицо, омытое ключевой водой, повеселело. Взгляд у него открытый, без прищура, серые глаза окаймлены светлыми, густыми ресницами, ему около тридцати лет, но с виду он ещё моложе: круглолицый, с розовыми щеками. Движения у Игната медлительны, но уверенны, всегда спокойны; говорит он тоже медленно, но выразительно, меня интонацию и жестикуюлируя руками и даже головой.

— Вот говорят про меня: «Игнатка — лентяй», «Игнат — бездельник», «Игнат дисциплины не понимает», — он медленно развёл руки, будто удивившись, поднял маленькие бровки и вдруг ударил ладонями по коленям: — И вы тоже на меня — «лентяй»? А почему говорят? Это дело

глу-убо-оное! — погрозил он кому-то пальцем. — Ты мне дай работу по вкусу! Дай, а тогда говори!

— Кому это ты речь держишь?

— Известно кому — бригадиру, Алёшке Пшеничкину. — Голос у Игната очистился от сонной хрипоты и стал довольно чистым тенорком, и продолжал он уже энергичнее. — Ты, говорит, меня замучил! Ты, говорит, летун, а не колхозник! Я, говорит, на тебя докладную подам! (Игнат написал в воздухе «докладную».) Это я-то его замучил?! Нашёл дурака. Игнат да Игнат! Да что я им дался?!

— Ты это напрасно. Пшеничкин — бригадир очень хороший.

— А я и не сказал, что он плохой. Нет, пушай он даст мне постоянную, чтобы я при деле был. У меня тоже нервов нету, я тоже был на войне, а теперь и работу себе не выбери по вкусу. Я, брат, им покажу. Игнат, думаешь, так себе? Не-ет! Я по облигации пять тысяч выиграл: возьму вот и уеду в санаторию. Почему другим можно, а Игнату нельзя? — спрашивал он не то самого себя, не то обращаясь всё к тому же Пшеничкину. — Можно и мне. Можно или не можно? — Игнат посмотрел на меня.

— Можно, конечно, но только в работе скакать с места на место — это плохо. Дисциплину понимать надб, — повторил я его же слова.

Игнат молча посмотрел на меня ещё раз, вытер рукавом губы после еды и махнул рукой, будто хотел сказать: «А ну вас всех к лешему!». Встал и пошёл к лошади, отогнать её от посева.

Всё остальное время дня он о чём-то думал, изредка грозил молча кому-то пальцем. Иногда дремал и клевал носом в передок брички.

А вечером на наряде он заявил бригадиру решительно:

— На апробацию завтра не поеду: пропекло голову и... работа тяжёлая — от солнца до солнца.

Белокурый и голубоглазый бригадир Пшеничкин — тот, что ездит всегда верхом на белом меринке, — воскликнул:

— Ну, что с тобой делать?! Что ни день, то фокус, что ни день, то опять! Ты ж все работы в колхозе перебрал, и все не по тебе. На ферме был, на волах ездил, прицепщиком был, около цыплят был, в кирпичных сараях был, на свёкле был, и всё тебе — не та работа.

— На апробацию не поеду, — ещё раз сказал Игнат, будто вся речь Пшеничкина его не касалась и он сообщал это бригадиру, как окончательно решённое и не подлежащее обсуждению.

— Тогда никакой работы не дам, — вспылил Пшеничкин и сжал в кулаке свою фуражку. — Иди до дому! Предупреждение у тебя есть, выговор есть, штраф на три трудодня тоже есть: что тебе ещё надо? Что по уставу осталось? Подать докладную, чтобы исключили? Так, что ли?

— Подай! — равнодушно ответил Игнат. — Подай! А я им там скажу.

— Скажешь — «воевал»? Знаю... Я тоже скажу, что в роте Игнату Ушкину попадало за нарушение дисциплины.

— Что там со мной было в роте. — не твоё дело, Алёша, а орден-то за что-нибудь дали Игнату: их зазря не дают.

— Но зато моё дело, где тебе сейчас быть. Понял? Ну, Игнат, — убеждал Пшеничкин, протягивая ему обе руки, — ты подумай только, что ты за человек!

— Не! Не поеду. Давай другую работу!

— Нет тебе никакой работы. Иди! — горячился бригадир. — Доложу председателю.

— Ну, долбжи, долбжи, а я пойду в район жаловаться, — всё так же невозмутимо говорил Игнат.

- Иди!
- И пойду.
- Ну и иди!

— А что ж, не пойду, думаешь? — не меняя тона, спрашивал Игнат.

Жаловаться он, конечно, никуда не пошёл, да и сроду ни на кого не жаловался.

На следующий день, ещё не ведая о вечернем разговоре с бригадиром, я зашёл спозаранку к Игнату, чтобы поторопить с отъездом в поле. Хата его, в отличие от соседних, была неприглядна: глина кусками отвалилась от стен, крыша оползла и осела верблюжьим горбом; навоз навален около хлева так, что можно, как по горке, взойти на самый хлев; лопата с поломанной ручкой валялась у стены.

Солнце ещё не взошло, но в хате уже слышалась лёгкая перебранка. Говорила жена Игната:

— Что ж ты ни за что дома не берёшься? Крыша течёт, хлев худой, полы надо перемостить, печь переложить, а ты...

— А я гармонию новую куплю, буду учиться играть, — отговаривался Игнат незлобиво, и нельзя было понять — шутит он или нет. — Кордион куплю.

Я вошёл, поздоровался.

У Игната ворот рубахи расстёгнут, босые ноги висят с кровати и чешут одна другую; волосы похожи на мятый, перепутанный лён: видно, что проснулся недавно. Жена, Домна Васильевна, стоит у печки, уже готовая идти на работу; в хате подметено, стол вымыт. Ростом она выше мужа, полногрудая, чернобровая. Мальчик, лет трёх, сидит на скамейке и играет гремя коробкой с пуговицами.

— О чём спор?

Игнат ответил не сразу.

— Обвиняет меня супружница в неправильном подходе к личному хозяйству. А я ей говорю, что личное хозяйство теперь — тьфу! При коммунизме не надо будет ни хаты, ни коровы: надо молока — на, бери! — и он сложил пальцы так, будто держал литровую банку и уже кому-то её подавал. — Надо тебе квартиру — на, бери! Надо, скажем, тебе гитару тальянскую о двенадцати струнах — на гитару, бери, только играй, пожалуйста!

— Да тебя до тех пор потолком завалит! — Домна Васильевна подняла беспокойные глаза вверх и указала на пятна. — Хочет с раскрытой крышей до коммунизма дожить. Кто тебя туда пустит с такой хатой? Горь ты моё!

— Пуговку вынь! — спокойно сказал Игнат.

— Что?

— Пуговку Лёнька заглотнул: вынь!

— Да что ж ты сам не мог вынуть? — Домна Васильевна кинулась к ребёнку.

— Твоё дело — за ребёнком смотреть.

— А если проглотил бы? — спросила она с сердцем, и, нажав на щёчки мальчика, вынула пуговицу пальцем.

— Ничего ему не поделается. Телок на ферме целый пояс заглотнул, ничего не сотворилось — жив и по сей день! — сказал Игнат, не меняя позы, но было в его тоне что-то тонкое, насмешливое, чего, может быть, не понимала и жена.

— Ну, хватит балясы точить! — почти мирно заговорила Домна Васильевна. — Давай на работу, а я Лёньку в ясли занесу.

Игнат посмотрел на меня и сказал, будто отвечая жене:

— Не думал сегодня — на работу.

— Да ты что? С ума сошёл?! — крикнула его жена. — У меня, у женщины, триста трудодней, а у тебя сто сорок! Ты что, — хочешь меня осрамить? Куда ни пойдешь, все — «летун» да «шатай-валяй»... А ну-ка, одевайся! — Она решительно подошла и без труда сдёрнула его с кровати. — А ну, иди запрягай!

— От, чёртова баба! — сказал Игнат и, видимо, ничуть не обидевшись, стал обуваться, затем умылся, и вскоре мы вышли с ним вместе.

Три дня промучился со мной Игнат на апробации, но — что интересно! — исполнял всё точно и аккуратно. А в это время бригадиры и председатель колхоза продолжали обсуждать, что делать с Игнатом.

На любой работе он дольше недели не выдерживал и просил другую: на вывозке навоза у него «рука развилась», на сенокосе — «нога отнялась», на тракторном прицепе — «дых спёрло от пыли», даже на апробации — «голову напекло» и «нервы не держут». «Нервы, — говорит, — нужны крепкие. А ну-ка, сноп обмолотился или развяжется — вот и беспокойство целый день. Мне нужна работа покойная».

Собственно говоря, он ежедневно на работе, и вполне понимает, что — по уставу — его исключить не могут, но заработки его слабые, половинные: полтрудодня ежедневно вкруговую не выходит. «И кому какое дело, — говорит он, — сколько я зарабатываю! Может, мне и этого за глаза хватает».

Вывести Игната из терпения совершенно невозможно, его, как говорится, «ни гром, ни райком» не растревожат. Он иногда поёт под балалайку песни грустные или весёлые, смотря по настроению. О музыке поговорить любит и иногда скажет:

— Гармонь у меня «трёхтонка» и «граматика» с заёмным басом.

— Что она у тебя — автомашина или книжка? — удивился я как-то.

— В музыке тоже понятие надо иметь, — объясняет Игнат, — «трёхтонка» — это в три тона играет, а «граматика» — это такой лад, грамматический называется.

— Хроматический.

— Вряд ли! — сомневается он. — Все настоящие гармонисты так говорят.

Переубедить его нет никакой возможности: он не спорит, но и не соглашается, оставаясь при своём мнении. Ещё в школе, малышом, он сказал учительнице: «Без тебя знаю». А всё оттого, что рос единственным сыном, всегда только и слышал, что «умница» да «молодец», да «не тронь топор», «не хватай молоток», «поставь ведро! Сами воды принесём», и ничего ему не приходилось делать: «Сами сделаем. Играй, Игнатка!». Так и привык. Люди стали комбайнерами, бригадирами, трактористами, агрономами, а Игнат — с балалайкой. Так и пошла по колхозу пословица: «Работает, как Игнат с балалайкой».

Ну, это всё дело прошлое: год от году Игнат всё-таки работает лучше, всё-таки минимум стал вырабатывать, хоть и с натяжкой. Однако уважения колхозников всё равно нет, — да и какое может быть уважение к человеку, который дальше минимума не идёт! А между прочим, Игнат обладает довольно трезвым рассудком и шутку отколотить любит такую, что запомнится всем надолго; шутит он чаще всего загадками, так, что спервоначалу и не поймёшь, и при этом не ждите от него улыбки: лицо не изменится ничуть, останется таким же спокойным, как и всегда, а улыбнётся он только после, иногда даже через несколько дней.

Вот, например, какой получился у него случай с плотником Ефимычем, с которым у Игната были всегда хорошие отношения.

Убило громом свинью у Ефимыча. Конечно, в доме — горе. Собрались и соседи и дальние односельчане, набились во дворе, ахают, сожалеют, сочувствуют:

- Эх, какая свинья-то хорошая была!
- Ай-яй-яй! Ещё бы две недельки — и колоть можно!
- Убытки-то, убытки-то какие, Ефимыч!

Сам Ефимыч в горестном виде в сотый раз пересказывает, как он стоял около свиньи, как «оно ахнуло, треснуло, разорвалось» около него, как он сперва оглох и что-то «долго пищало в ушах, а потом отлегло».

А Игнат слушал, слушал, да и говорит:

- Плясать надо, а не плакать.
- Что ты — с ума сошёл? — рассердился Ефимыч.

Старуха Ефимыча плачет:

— Бессовестный! У тебя соображение есть или нету? У нас горе, а ты «плясать».

— Иди со двора! — зыкнул могучим басом Ефимыч. — Сам в четверть силы работаешь, да хочешь, чтобы и у других живности не было.

Игнат ушёл.

Так расстроенный Ефимыч и не сообразил, что ведь могло ж убить его, а не свинью, что стоял-то он рядом с нею! С тех пор старик остался в обиде на Игната и никогда с ним не разговаривал.

Друзей у Игната совсем не стало, к тому же жена пилит и пилит ежедневно. И решил он уходить в город, но неожиданно, будто бригадир Пшеничкин следил за его мыслями, вызвали Игната в правление. С первого зова он, конечно, не пошёл, а сказал посыльному:

— Сперва пусть скажут, по какому делу.

Посыльный вернулся и сообщил:

- На постоянную назначают.
- Пушай скажут, на какую, а я тогда подумаю: итти или нет.

Но всё-таки со второго зова Игнат в правление пошёл и уступил. Как уж они там решали, не знаю, но только Игнат встретился мне сияющий:

— Назначили, — говорит, — на пожарку! А что ж! Лошадь, бочка воды, насос: больше ничего! Семьдесят пять соток ежедневно: чего Игнату больше надо? Ничего Игнату больше не надо! Дал слово: до конца уборочной дежурить.

Пожарный сарай стоял в десяти-пятнадцати метрах от агрокабинета. С Игнатом мы теперь виделись часто.

Однажды в открытое окно я увидел Игната. Он сидел на пожарной бочке, в холодке, с балалайкой в руках и изредка отмахивался от мух. Все дни он был весёлым, а сейчас что-то загрустил, тихонько потренькивая струнами. Потом, склонив голову набок, Игнат запел:

Ах, где вы сокрылись,
Ах, карие глазки..

— Нет, не так, — оборвал он на полуслове и запел снова, встряхивая головой при ударе пальцев по струнам.

Ах, где вы сокрылись..

— Нет, не так! — снова воскликнул он. Ловко почесав спину углом балалайки, схватил горстью муху на коленке, взял её двумя пальцами, рассматривая, бросил в бочку и некоторое время наблюдал: вероятно, муха

кружилась на воде, и он любовался рябью. Потом, встрепенувшись, опять запел.

Он повторил куплет раз десять и неожиданно умолк. Поставил балалайку между коленями, оперся подбородком о гриф и задумался.

Ко мне в кабинет вошёл Пшеничкин.

— Завтра можно начинать, — сказал он, присаживаясь на стул.

Мы договорились выехать вместе на третий участок к комбайну завтра к десяти часам утра: рано там делать нечего, так как хлеб только-только «подошёл» и поутру будет сыроват для уборки.

Пшеничкин собрался уже уходить, но я указал ему на окно. Игнат сидел, задумавшись, в том же положении, только ноги чуть разъехались на бочке.

— Во! Сидит... И хлопот же с ним! — сказал бригадир сердито.

— Уйдёт?

— А кто его знает! Ведь и малый он неплохой, а, поди ж ты, никакого подхода не придумаешь. Мне от председателя, Петра Кузьмича, уже чуть-чуть попало.

— А тебе за что?

— «Ваша, говорит, ошибка как бригадира: ответственности ему не предъявляли в работе, потачку давали. Этого, говорит, штрафом не возьмёшь: ответственностью ему в лоб!»... Пожалуй, моя ошибка есть, — согласился Пшеничкин.

— Ну, и как же решили?

— Сдали ему пожарный инвентарь, лошадь, сбрую по акту и в полной исправности — на шесть тысяч рублей: уйди, попробуй! Мало того, вдруг пожар: не выедет — судить могут. Всё это ему втолковали вчера, а в первый день только акт сдачи подписали.

Так вот о чём задумался Игнат, вот откуда тоскливые «карие глазки!» Уходя, Алёша сказал:

— Кузьмич вцепился — не оторвёшь: придётся Игнату перестроиться.

...А председатель уже звонил в город начальнику пожарной команды и просил прислать специалиста — проинструктировать вновь выделенного пожарника Игната Прокофьевича Ушкина.

Вскоре приехал инструктор и два дня провёл с Игнатом. Сначала учил, как обращаться с насосом, как складывать в ящик шланг; потом позвали шорника и переоборудовали сбрую так, чтобы лошадь можно было запрячь в течение двух минут. По сигналу инструктора Игнат подсакивал к лошади, заводил в оглобли и запрягал, но приезжому всё казалось, что медленно, и он повторял тренировку до тех пор, пока не нашёл работу Игната удовлетворительной. Игнат тоже был доволен: так быстро запрячь ни один человек в колхозе не может! Сам Пшеничкин не может! А Игнат Ушкин может, Игнат знает точные движения!

Затем инструктор ходил с Игнатом в конюшни, фермы, ездил по полям и говорил:

— Учти! Огнетушителей всего восемнадцать штук — следи за исправностью, прочищай отверстия! Так. У комбайнов имеется шесть огнетушителей: проверяй налётом, как коршун! Комбайнеры недооценивают значение огнетушителя. Так. Тока и скирды опахать: мёртвую полосу сделать кругом них, чтобы огонь не подобрался. Так. Зернохранилище обсадить деревьями: защита со временем будет. Всё это — на твоих руках. Твоя первая заповедь: «Ни одного пожара за лето!»; от тебя зависит — будет хлеб цел или нет. Когда хата или скирда сгорит, то золу и дурак затушит,

а наше главное дело — не допустить пожара. Насчёт добровольной дружины думай: поставь на правлении вопрос ребром!

Всё рассказал пожарник и уехал.

В первый день после отъезда инструктора Игнат пел полным голосом:

Эх! Как у наших у ворот
Да комар музыку ведёт...

— Э-эх! Э-эх! — он притопывал ногой, давал дробь пальцами по балалайке, передёргивал плечами. Видно было по всему, что дела пошли весёлые.

В тот же день, вечером, пришёл он в правление. Заседания при Петре Кузьмиче кончались рано, ночных мучений, как при Прохоре Пальче, уже не было, и Игнат попал к «разным».

— У меня есть вопрос ребром,— сказал он, когда счёл это нужным.

«Так и есть,— подумали присутствующие,— отказываться пришёл Ну и Игнат!»

Алёша Пшеничкин даже подпрыгнул на стуле.

— Ну что с тобой остаётся делать? — воскликнул он.

— Я скажу, — ответил Игнат. — Главное дело, не торопись! Чего испугался? Выразаться, сам знаешь, не буду.

— Говори! — улыбаясь, поддержал Игната Пётр Кузьмич.

— Товарищи! — начал Игнат и обвёл всех взглядом. — У меня на руках на шесть тысяч разного имущества. Задаю вопрос и отвечаю: кто сейчас на пожарке? Никого. Где Игнат? В правлении. А если пожар случится в настоящий вечерний момент, то кто выедет с пожарным агрегатом на тушение такового? Никто. Игната там нету. Что же вы думаете по этому вопросу? Игнат пятеро суток живёт на бочке — и день и ночь. Если меня назначили лежать и спать, то буду лежать и спать. Я кончил, а вы решайте!

— Ничего пока не понимаю, — сказал Пётр Кузьмич.

— Отказываешься? — спросил Пшеничкин.

— Тогда добавлю. Может человек круглые сутки не спать или не может? — спросил Игнат и тут же авторитетно ответил: — Не может, товарищи, обыкновенный человек жить не спавши, не может. Не знаю, как вы, а я бы на вашем месте догадался: одного подсменного на пожарку поставить надо обязательно, чтобы двое: один — на ночь, другой — на день. Догадались?

— Догадались, — ответил Пётр Кузьмич вполне серьёзно. — Удовлетворим.

Игнат повеселел, речь пошла смелее, а Алёша Пшеничкин облегчённо вздохнул.

— Не всё! — продолжал Игнат. — Случаем — пожар, то как? Двое только и тушить будем? А все прочие — анархия да караул-батюшки? Нет, товарищи, нельзя! Нельзя. У Петуховых хата горела, то что тогда получилось? Один полез на лестницу да испугался и — назад, а снизу двое сразу вверх лезут: столкнулись и грохнулись наземь все втроём вместе с лестницей. Было ж такое дело? Было — никто не отрицает. Никита печёнки отбил где? На пожаре — с лестницы упал... А хата всё равно сгорела дотла.

— Разгадал! — воскликнул Пётр Кузьмич. — Дружину добровольную надо организовать. Так?

— Точно, — подтвердил Игнат.

После короткого обсуждения решили вопрос и насчёт дружины, но Игнат не унимался.

— Не всё ещё. Что лучше: тушить пожар или не допустить пожара? Каждому ясно, товарищи, что лучше делать так, чтобы пожара не было совсем. Ставлю ребром, — он поставил ладонь ребром, посмотрел на неё и продолжал, — опахать тока, обсадить зернохранилище, следить за исправностью огнетушителей, — тут он рубанул ладонью воздух. — Ребятишкам спичек в сельпо не продавать ни под каким видом и табак — тоже. Когда это безобразия кончатся? Сам — с цыгарку, а дымит, как паровоз! Так. И ещё добавлю: на фермах — под метёлку, ни соринки, ни соломинки, чтобы огонь не подобрался. Какая первая заповедь? Спрашиваю я вас, товарищи. Какая? Отвечаю: ни одного пожара за лето!

Пётр Кузьмич зааплодировал, и все его поддержали.

В тот же вечер Игната отозвал в сторону бригадир Платонов — тот, что ездит только на дрожках, — и сказал так:

— Хорошо действуюешь, Игнат Прокофьевич, хорошо. — Тут Платонов сделал таинственное лицо, осмотрелся по сторонам, хотя они стояли в дальнем углу комнаты, и по секрету зашептал: — Люди могут сказать, мол, за пожарами следит, а своя хата антипожарная. Чуешь? Конёк прикрой и глиной залей, обмажь хату, побели!

— То — личное, тьфу! — так же тихо прошептал Игнат и даже плюнул тихонько.

— Другие-то хаты личные, а ты же их охраняешь. Тут пример должен быть. Чуешь?

Игнат задумался.

Несколько дней подряд он ходил с палкой в руках по токам, к комбайнам, бывал на фермах, ходил в самую жарницу, и головы ему не напекло, как на апробации, хотя дни стояли ещё более жаркие, чем тогда.

Пришёл Игнат в бригаду Алёши Пшеничкина на ток и говорит:

— Опахать! На правлении решили и инструкция гласит: опахать на двенадцать метров кругом.

— Сейчас не могу, — возражает Алёша, — все лошади заняты.

— А после пожара можешь? — задаёт вопрос Игнат.

— Но! Прилепился! — неосторожно сказал Пшеничкин.

— Как, как? Ты меня ставил на должность?

— Я.

— Почему тогда не выполняешь инструкцию? Если так, давай дружную работу! .

— Ну, завтра, понимаешь, завтра!

— А я завтра — иди к тебе, проверяй?! Их четырнадцать токов в колхозе: если все — завтра, то двадцать восемь дней потребуется. Инструкция гласит: ток готов — опашите!

Алёша начинал волноваться.

— Тебе надо, чтобы я лежал, — обратился Игнат к бригадиру. — Буду лежать. — И он, правда, вытянулся среди тока и подложил ладонь под голову. — Лежу, пока ток не опашешь. Я всё сказал, Алексей Антонович. Хоть три дня буду лежать, я могу. — Он помолчал и уверенно заключил: — Опашешь! Скирдой меня закладывать не будешь!

Пшеничкин даже плюнул с досады.

— Сергей Васильевич, — крикнул он, — выпрягай из брички! Давай опашем ток... Плуг — там, в сарае.

После того, как опахали ток, Игнат направился к комбайну. На ходу взобрался на штурвальный мостик, вытащил из держателя огнетушитель, постучал по нему щелчком, сошёл снова вниз, забежал вперёд и поднял руку. Комбайнер. — молодой, широкоплечий паренёк, покрытый пылью и половой так, что и не поймёшь, то ли — брюнет, то ли — блондин, — замахал ему рукой и закричал:

— Сойди, говорю!

Тракторист грозил Игнату кулаком из дверцы кабины и жестом показывал, как он раздавит его в лепёшку, но тот стоял невозмутимо. Стал и весь агрегат. Все подбежали к Игнату: тракторист, комбайнер, штурвальный, двое соломокопильщиков. А Игнат вдруг сел на землю, видимо опасаясь, что его просто столкнут с дороги. Комбайнер совал ему громадный гаечный ключ к носу и кричал:

— Остановить агрегат — преступление! У меня — норма, у меня — сроки! Ты понимаешь — хлеб!

Игнат сказал:

— Садитесь!

Никто, конечно, не сел, и все дружно плюнули, а тракторист вскочил в кабину и включил скорость. Залязгали гусеницы трактора, загредел комбайн. Но Игнат лёг, опершись на локоть, и ковырял соломинкой в зубах. Гусеницы остановились в двух метрах от него: поверни тракторист вправо — хлеб помнёшь, поверни влево — зарежешь хедером Игната. А тот поманил пальцем комбайнера, дескать, придёшь всё равно, через человека не поедешь! Комбайнер подошёл, ударил фуражкой оземь и начал выражаться разными словами, а Игнат спросил:

— Огнетушитель — для чего? — и, не дожидаясь ответа, сообщил: — Для безопасности от огня. Заряди!

— Да заряду вечером, на заправке! Не могу допустить простой! В райком пожалуюсь!

— Никакого простоя не будет: вода есть, заряды есть: пятнадцать минут — и готово!

— Вечером, говорю! — кричал комбайнер. — Ты человеческое слово понимаешь или нет? Вечером!

— Человеческое — понимаю, а вот, как ты выражаешься, не понимаю, — отозвался спокойно Игнат, глядя вверх на облачко, будто ничего и не случилось.

Комбайнер устыдился и уже тише сказал:

— Ну, слышь: вечером!

— Ничего не вечером. А я, дежурный пожарной охраны, должен к тебе вечером итти проверять? Нет, вечером не могу: сейчас делай! Инструкция гласит как? А так: без огнетушителя не смей косить! Без огнетушителя — ни шагу вперёд! За тем он и придаётся к сложному агрегату, который тебе доверили. — Тут Игнат ударил кулаком о землю: — Сам секретарь райкома, Иван Иванович, сейчас был и говорит: «А сходи-ка, Игнат Прокофьевич, проверь огнетушители на комбайнах!» — Игнат решительно встал, отряхнул колени и зад ладонью. — Давай ведро, воду, заряды! Заряжать умеешь?

— Учили... Знаю, — буркнул комбайнер и вскоре загредел ведром.

Делали всё быстро: в ведре воды растворили пакеты щёлочи, залили раствор в камеры огнетушителя, вставили два стеклянных закупоренных баллончика куда следовало, подвязали кусочек картона под ударник; вся процедура заняла не более пятнадцати—двадцати минут. Когда огнетушитель, уже заряжённый, вставили в гнездо, Игнат подал проволочный крючок комбайнеру и сказал:

— Привяжи к аппарату, будешь ежедневно прочищать выходное отверстие! — Не оглядываясь, он пошёл к следующему комбайну.

Короче говоря, Игнат Прокофьевич навёл полный противопожарный порядок в поле и принял за фермы. Там он заявлял:

— Говоришь: «некогда», «молоко прокиснет»? А после пожара не прокиснет? Уберите сухой навоз, подметите! Тогда уйду. Вот сижу на

молочном баке и буду сидеть хоть трое суток — я могу! — а вам молоко лить некуда.

Сладу с ним никакого не было, и его жена, Домна Васильевна, работавшая на ферме дояркой, высказалась так:

— Бабоньки, ничего не поделаешь! Я его знаю: если втемяшится, то паровозом не сдвинешь. Давайте очищать! Он у меня целый месяц уже не обедает дома, а вечером, как доткнётся до кровати, так замертво и засыпает.

А Игнат, сидя на баке, выбивал на нём всеми десятью пальцами «кома́ра» и объяснял жене:

— Должна понимать, сколько на мне колхозного добра лежит: пожарный инвентарь, пять комбайнов, четырнадцать токов, четыре фермы... А триста хат колхозников? Они хоть и личные, но гореть им пока ещё не надо. «Не обе-едает до-ома!» — передразнил он шутливо. — Так, думаешь, и не обедаю? Сейчас в любом месте в поле можно пообе-еда-ть — только ешь, пожалуйста! Примерно — пришёл Игнат на ток, а ему: «Игнат Прокофьич, садись за компанию!». — Он снял фуражку, поклонился и продолжал: — Игнат — к комбайну, а ему говорят: «Товарищ Ушкин, отобедать не угодно?». — Он отвёл руку с фуражкой в сторону и ещё раз поклонился. — У вас вот только и спорить приходится, как с несознательными элементами, а другие сразу инструкцию выполняют.

Конечно, фермы очищались, подметались, Игнату, в заключение, подносили двухлитровую посудину молока, и все, в конечном счёте, были довольны. Даже колхозники не стали возражать, когда он, делая обход, выговаривал:

— Когда трубу чистила? Сто лет назад, в царствование дома Романовых. Инструкция, в примечании, гласит: «За нечистку трубы штраф двадцать пять рублей». Подвергаешь опасности населённый пункт и социалистическое имущество. Завтра проверю.

И все стали аккуратно чистить трубы. Однако, когда Игнат зашёл к плотнику Ефимычу, чтобы проверить трубу, тот схватил увесистый дубовый метр и, не выслушав контролёра, молча погнался на него со двора.

Игнат не обижался, Игнат работал с песнями и присвистом, хотя и не спеша. А бригадир Платонов, глядя на Игната, толковал Алёше Пшеничкину:

— Знаешь, Алёша, ему бы коня под седлом да «тулку» за плечи: ой и объездчик был бы мировой! Сам пылинки чужой не возьмёт и рвачу не даст.

— Если только новый фокус не выкинет. Боюсь пока за него. Вряд ли он в пожарке-то усидит на одном месте, а не то что — в объездчики, — сомневался Пшеничкин.

Но и зимой, на удивление всему колхозу, Игнат остался на пожарке и ещё, кроме того, взялся по совместительству вязать сорговые веники для продажи, а когда сдавал их в кладовую готовыми, то говорил:

— На каждом венике вензель выжжен — «Н.Ж.И.». Повыше — «Н.Ж.», а «И» — чуть ниже. Это значит, — объяснял он, — колхоз «Новая жизнь», а вязал веник Игнат. Таким веником хоть Красную площадь подметай — не стыдно!

Кто ж его знает, этого Игната! Может быть, он и вправду мечтал, что веники попадут в Москву и кто-то будет подметать ими Красную площадь.

Всю зиму увлекался он вениками и наконец стал их делать прямо-таки художественно: вплетал лычки, хитро перевивая на рукоятке, весь

веник подбирал по одной стеблинке, а у основания рукоятки приделывал бантик из тонкого белого прутика. Правда, изготовлял он веников вполонину меньше прочих мастеров-колхозников, но лучше никто не вязал.

...К весне ближе, когда пригрело солнышко и набухла речка, когда с бестолковым перекликом полетели гуси да засвистели в сумерках крыльями утки, Игнат заскучал.

Он подолгу прислушивался к скворцу, всплёскивал руками и восхищался, когда тот то ворковал голубем, то свистел по-мальчишьи или хохотал по-сорочьи.

— От музыкант, так музыкант! — восклицал Игнат. — От, скворец-молодец, а ворона — дура!

Иногда часами просиживал около пожарного сарая, встречая и провожая стаи гусей, и тихо говорил:

— Эх вы, гуськи, гуськи! Молодцы гуськи!

Часто заходил, по соседству, ко мне в агрокабинет, сидел молча, читая газету, и никогда не мешал работать, разве только скажет:

— Всё пишешь, Акимыч.

— Надо. Требуют, чтобы аккуратно и во-время всё делалось, по плану.

— Летом — днями в поле, зимой — всё пишешь... Трудная работа!

— Нет, — говорю, — хорошая, Игнат Прокофьевич, работа.

— Требуют, говоришь? — спросит он, глядя в пол.

— А как же!

— Эх-эх-хе! — вздохнул он. — А с меня никто не требует: вроде так и должно быть.

— Вот подойдёт лето, снова будешь хлопотать, добиваться противопожарного порядка: оно и веселее будет.

— Да они теперь, двадцать километров недоезда, позаряжают огнетушители, а на фермах — привыкли... Чего я буду делать? Нечего Игнату делать! Бочка воды, насос и лошадь: сиди, Игнат, жди пожара! Разве это работа! — После этих слов махнул он безнадежно рукой и вышел.

Заскучал Игнат и, потренькивая на балалайке, тихонько пел у пожарного сарая:

Эх! Летят утки...

Летят утки и два гуся...

Он долго тянул последнюю ноту, потом вдруг резко встряхивал головой, вскрикивал: «Э-эх!», делал паузу и, медленно поникая головой, заунывно продолжал:

Эх! Чего жду я... Чего жду я,

Не дожду-у-уся-а-а...

Чего ждал Игнат — неизвестно, но недаром же он переделал куплет на свой лад: «кого люблю» заменил «чего жду я». Пел он тихо, плавно и вдруг давал дробь пальцами по балалайке, высыпал прибаутку: — Э, будь ты, Игнат, неладен!

Бабка сеет вику, дедка — чучавику!

Чучавику с викою, да вику с чучавикою!

А потом снова:

Летят утки, летят утки...

Перепуталось настроение у Игната, совсем перепуталось! И делать, как видно, он ничего не хотел, даже и ходить стал как-то ещё медленнее, нехотя, будто отяжелел.

Дежурство своему подсменному он сдавал перед вечером, около шести часов, уходил на берег речки и подолгу смотрел на воду.

Вот там-то, на реке, и произошёл случай, запомнившийся всем в колхозе надолго, случай, о котором часто рассказывают сейчас и будут, может быть, рассказывать внукам.

В ночь тронулся лёд, а к утру остановился. На хуторе Весёлом этого не знали, и трое ребятшек пришли в школу по льдинам. Учительница, увидев их, перепугалась и домой не отпустила, но Серёжке Верхушкину, десятилетнему мальчугану, не то чтобы не хотелось оставаться в селе ночевать, а, наоборот, захотелось во что бы то ни стало перейти ещё раз речку. Он и пошёл. Дошёл до середины реки, а тут где-то захрустело, загремело, вода хлынула к краям. Он побежал к тому берегу, а там разлило по краю так, что впору вплавь бросаться; подумал да бегом назад. Подбегает обратно к селу, а тут ещё шире, от льдин до берега — метров двадцать. Не выдержал Серёжка, закричал.

Берег в том месте довольно крутой, хотя и не обрывистый, множество тропинок спускается к реке. Люди бежали на крик, собралось уже человек пятнадцать, все кричали с берега:

— Перемычку смотри!

— Серёжка-а! Беги влево-о! До перемычки-и!

Влево, метров за двести, действительно образовалась перемычка: в узком месте реки несколько льдин отползло к берегу, и по ним можно бы и пройти, но Серёжке внизу не было видно этой самой перемычки, а сверху кричали, махали руками, грохот льда всё приближался, лёд под ногами вздрагивал, вода бурлила в просветах между льдинами. Мальчик растерялся и уже не кричал, а тихонько плакал, не двигаясь с места. Кто-то пытался добросить ему верёвку, но куда там! — воды уже больше тридцати метров, а глубина теперь — выше человеческого роста. Трое мужчин во главе с Ефимычем тащили лодку. Все сбежали вниз, советовали, кричали; вдруг что-то хрустнуло, огромная льдина на середине реки стала торчком, затем со скрежетом грохнулась о соседнюю, расколола её, и лёд зашевелился. Все ахнули.

В этот момент и показался на берегу Игнат. Он спокойно смотрел в течение нескольких секунд на всё происходящее и бросился стремглав под гору, к реке.

— А ну, посторонись, у кого ума нету! — бросил он на бегу, и все расступались, так как он бежал быстро, не похоже на Игната.

— Не дури! — озлился Платонов. — Не видишь — беда!

А Игнат, не слушая, сорвал с себя пиджак, снял сапоги, бултыхнулся в ледяную воду и поплыл к Серёжке.

— Ах-х! — выдохнули все разом.

Перемахнул Игнат воду, вцепился руками в край льдины, пробует взобраться, а никак.

— Пропал Игнат! — сказал кто-то с дрожью в голосе.

Но Серёжка — откуда и прыть взялась! — подскочил к краю, снял с себя пиджак, взял его за рукав, а другой подбросил Игнату; тот схватился одной рукой за пиджак, а мальчик, напрягаясь изо всех сил, помог, и наконец Игнат выбрался на лёд. Он взял Серёжку за руку и побежал к перемычке. Лёд тихонько пшёл! Игнат бежал с Серёжкой зигзагами, обегая польньи, навстречу ходу льдин, бежал, не выпуская руки мальчика, к тому месту, где река уже и льдины шли плотно к берегу. И люди бежали по берегу вровень с Игнатом и что-то кричали, махали руками, шапками. Вдруг рокочущий бас покрыл все крики и шум льда.

— Дава-а-ай сюда-а-а! Игнат! Сюда-а! — кричал Ефимыч, заметивший у берега затор льдин. Это было ближе, чем перемычка, да и была ли она теперь там, никто не видал — на горé никого не было.

Игнат повернул на зов Ефимыча и две минуты спустя был уже на берегу. В этот момент прибежал и председатель колхоза и многие другие: народ всё прибавлялся и прибавлялся.

Кто-то надел на Игната его пиджак, кто-то стащил с себя вторую пару брюк, кто-то подал сапоги, принесённые с того места, где разулся Игнат... С горы приволокли тулуп и сразу набросили на героя, а Ефимыч нахлобучил ему свою громадную баранью шапку. Игнат же спокойно, как всегда, сказал:

— Бабочки, повернитесь передом на запад, а задом — на восток и перекреститесь пока в таком положении... А я портчёнки сменю на сухие.

На лицах у всех появились улыбки, кто-то сказал:

— Ну и Игнат!

А он посмотрел на гору как-то печально, вздохнул, взялся за голову рукой, закрыл глаза и повалился. Упасть ему, конечно, не дали, подхватили на руки, захопотали, заахали:

— Ах! Ах! Сердце зашлось у бедняги!

— Фельдшера надо!

— Понесли на руках! — скомандовал подбежавший Алёша Пшеничкин.

Из двух весел и из пальто моментально соорудили носилки, положили на них Игната в тулупе и понесли на гору: впереди — Пшеничкин и Ефимыч, позади — сам Пётр Кузьмич и Платонов. Игнат был человеком негрозным, и вчетвером они быстро вынесли его наверх.

Как только носилки очутились на горе, Игнат открыл глаза и сказал:

— Хватит. По ровному сам дойду, — и встал, как ни в чём не бывало.

— Да ты что?! — воскликнул Пшеничкин.

Все недоумевали.

— Э-ва! — сказал им Игнат. — Гора-то — во какая высоченная! Чего на неё без дела лезть? — и побежал трусцой, а обернувшись к оставшимся и запахнув полы тулупа, добавил: — Я ж застудиться могу, если лежать до самого дому! А то бы лежал...

Нет, они не просто недоумевали, а буквально опешили и ничего не успели ему сказать на это. Наконец Ефимыч бросил оземь весло, плюнул и сказал:

— А чёрт его знает, что он за человек!

— Да-а! — протянул Пётр Кузьмич.

Ефимыч негодовал:

— Лень ему, вишь, на гору вылезть! Несите его! Знает, чучело, что понесут!

— Да-а! — ещё раз сказал председатель. — Подшутил он над нами! Уж не загадку ли он снова загадал вам? «Бегают, мол, по берегу, как куры на пожаре, а мальчишка — на льду. Нате вам за это, тащите, дураки, на гору!»

— А леший его знает, что он там загадал! — всё ещё сердился Ефимыч и, обернувшись к Алёше Пшеничкину, уже спокойнее попросил: — Там у меня, под верстаком, четвертинка водки. Дойди быстренько, отнеси ему... Вода ледяная — пропасть может Игнатка... Ему водки сейчас — обязательно: и в нутро принять и снаружи протереть надо. Сходи, Лексей Антонович, а я... к нему не пойду, — заключил он решительно,

попробовал было нахлобучить по привычке шапку, но её не оказалось, и Ефимыч, плюнув, добавил: — И за шапкой не пойду!

Я пришёл на берег одним из последних. Пётр Кузьмич как раз говорил:

— Напрасно, напрасно, Ефимыч! Наоборот, надо тебе сейчас пойти к нему и, пожалуй, даже и выпить с ним по стопочке...

А когда мы втроём пришли к голубой, вновь покрытой хате Игната, то хозяин к тому времени уже успел принять две четвертинки благодарственных приношений и спал, как убитый, тихо, без храпа.

— То ничего, — успокоительно сказал Ефимыч. — Через поллитру никакая простуда переступить не может.

г. Острогожск, Воронежской области.

И. СТАРШИНОВ

★

РУКИ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Это они когда-то
с материнскою лаской
раненым солдатам
делали перевязку.

Это они в ненастье
мёрзли в траншеях дымных
и согревались наспех
возле костров зимних.

Шили, стирали ночами,
белые — не огрубели.
Это они качали
дочь мою в колыбели.

Сколько работы было,
самой необходимой.

Вам только всё под силу,
руки моей любимой.

ЮРИЙ НАГИБИН

★

ЗИМНИЙ ДУБ

Рассказ

Выпавший за ночь снег замёл узкую дорожку, ведущую от Уваровки к школе, и только по слабой прерывистой тени на ослепительном снежном покрове угадывалось её направление. Учительница осторожно ставила ногу в маленьком, отороченном мехом ботике, готовая отдёргнуть её назад, если снег обманет.

До школы было всего с полкилометра, и учительница лишь накинула на плечи короткую шубку, а голову наскоро повязала лёгким шерстяным платком. А мороз был крепкий, к тому же ещё налетал ветер и, срывая с наста молодой снежок, осыпал её с ног до головы. Но двадцатичетырёхлетней учительнице всё это нравилось. Нравилось, что мороз покусывает нос и щёки, что ветер, задувая под шубку, студёно охлёстывает тело. Отворачиваясь от ветра, она видела позади себя частый след своих остроносых ботинок, похожий на след какого-то зверька, и это ей тоже нравилось.

Свежий, напоённый светом январский денёк будил радостные мысли о жизни, о себе. Всего лишь два года, как пришла она сюда со студенческой скамьи и уже приобрела славу умелого, опытного преподавателя русского языка. И в Уваровке, и в Кузминках, и в Чёрном Яру, и в торфогородке, и на конезаводе — всюду её знают, ценят и называют уважительно Анна Васильевна.

Над зубчатой стенкой дальнего бора поднялось солнце, густо засинив длинные тени на снегу. Тени сближали самые далёкие предметы: верхушка старой церковной колокольни протянулась до крыльца Уваровского сельсовета, сосны правобережного леса легли рядом по скосу левого берега; ветроуказатель школьной метеорологической станции крутился посреди поля, у самых ног Анны Васильевны.

Навстречу через поле шёл человек. «А что, если он не захочет уступить дорогу?» — с весёлым испугом подумала Анна Васильевна. На тропинке не разминёшься, а шаги в сторону — мигом утонешь в снегу. Но про себя-то она знала, что нет в округе человека, который бы не уступил дороги уваровской учительнице.

Они поравнялись, это был Фролов, объездчик с конезавода.

— С добрым утром, Анна Васильевна! — Фролов приподнял кубанку над крепкой, коротко стриженной головой.

— Да будет вам! Сейчас же наденьте, такой морозище!..

Фролов, наверное, и сам хотел поскорей нахлобучить кубанку, но теперь нарочно помешкал, желая показать, что мороз ему нипочём. Он был розовый, гладкий, словно только что из бани, полушубок ладно облегал его стройную, лёгкую фигуру, в руке он держал тонкий, похожий на змейку, хлыстик, которым постёгивал себя по белому, подвёрнутому ниже колена валенку.

— Как Лёша-то мой, не балует? — почтительно спросил Фролов.

— Конечно, балуется. Все нормальные дети балуются. Лишь бы это

не переходило границы, — в сознании своего педагогического опыта ответила Анна Васильевна.

Фролов усмехнулся:

— Лёшка у меня смиренный, весь в отца!

Он посторонился и, провалившись по колени в снег, стал ростом с пятиклассника. Анна Васильевна кивнула ему сверху вниз и пошла своей дорогой...

Двухэтажное здание школы с широкими окнами, расписанными морозом, стояло близ шоссе за невысокой оградой, снег до самого шоссе был подморожен отсветом его красных стен. Школу поставили на дороге, в стороне от Уваровки, потому что в ней учились ребяташки со всей округи: из окрестных деревень, из конезаводского посёлка, из санатория нефтяников и далёкого торфогородка. И сейчас по шоссе с двух сторон ручейками стекались к школьным воротам капоры и платочки, картузы и шапочки, ушанки и башлыки.

— Здравствуйте, Анна Васильевна! — звучало ежесекундно, то звонко и ясно, то глухо и чуть слышно из-под шарфов и платков, намотанных до самых глаз.

Первый урок у Анны Васильевны был в пятом «А». Ещё не замер пронзительный звонок, возвестивший о начале занятий, как Анна Васильевна вошла в класс. Ребята дружно встали, поздоровались и уселись по своим местам. Тишина наступила не сразу. Хлопали крышки парт, поскрипывали скамейки, кто-то шумно вздыхал, видимо прощаясь с безмятежным настроением утра.

— Сегодня мы продолжим разбор частей речи...

Класс затих, стало слышно, как по шоссе с мягким шелестом проносятся машины.

Анна Васильевна вспомнила, как волновалась она перед уроком в прошлом году и, словно школьница на экзамене, твердила про себя: «Существительным называется часть речи... существительным называется часть речи...». И ещё вспомнила, как её мучил смешной страх: а вдруг они всё-таки не поймут?..

Анна Васильевна улыбнулась воспоминанию, поправила шпильку в тяжёлом пучке и ровным, спокойным голосом, чувствуя своё спокойствие, как теплоту во всём теле, начала:

— Именем существительным называется часть речи, которая обозначает предмет. Предметом в грамматике называется всё то, о чём можно спросить: кто это или что это? Например: кто это? — Ученик. Или: что это? — Книга...

— Можно?..

В полуоткрытой двери стояла небольшая фигурка в разношенных валенках, на которых, стаявая, гасли морозные искринки. Круглое, разожжённое морозом лицо горело, словно его натёрли свёклой, а брови были седыми от инея.

— Ты опять опоздал, Савушкин? — Как большинство молодых учительниц, Анна Васильевна любила быть строгой, но сейчас её вопрос прозвучал почти жалобно.

Приняв слова учительницы за разрешение войти в класс, Савушкин быстро прошмыгнул на своё место. Анна Васильевна видела, как мальчик сунул клеёнчатую сумку в парту, о чём-то спросил соседа, не поворачивая головы, — наверное: что она объясняет?..

Анну Васильевну огорчило опоздание Савушкина, как досадная нескладница, омрачившая хорошо начатый день. На то, что Савушкин опаздывает, ей жаловалась учительница географии, маленькая, сухонькая старушка, похожая на ночную бабочку. Она вообще часто жаловалась — то на шум в классе, то на рассеянность учеников. «Первые уроки

так трудны!» — вздыхала старушка. «Да, для тех, кто не умеет держать учеников, не умеет сделать свой урок интересным», — самоуверенно подумала тогда Анна Васильевна и предложила ей поменяться часами. Тепер она чувствовала себя виноватой перед старушкой, достаточно проницательной, чтобы в любезном предложении Анны Васильевны усмотреть вызов и укор...

— Вам всё понятно? — обратилась Анна Васильевна к классу.

— Понятно!.. Понятно!.. — хором ответили дети.

— Хорошо. Тогда назовите примеры.

На несколько секунд стало очень тихо, затем кто-то неуверенно произнёс:

— Кошка...

— Правильно, — сказала Анна Васильевна, сразу вспомнив, что в прошлом году первой тоже была «кошка». И тут как прорвало:

— Окно!.. Стол!.. Дом!.. Дорога!..

— Правильно, — говорила Анна Васильевна, повторяя называемые ребятами примеры. Класс радостно забурлил. Анну Васильевну удивляла та радость, с какой ребята называли знакомые им предметы, словно узнавая их в новой, непривычной значительности. Круг примеров всё ширился, но первые минуты ребята держались наиболее близких, на ощупь осязаемых предметов: колесо... трактор... колодезь... скворечник...

А с задней парты, где сидел толстый Вася, тоненько и настойчиво несло:

— Гвоздик... гвоздик... гвоздик...

Но вот кто-то робко произнёс:

— Город...

— Город — хорошо! — одобрила Анна Васильевна.

И тут полетело:

— Улица... Метро... Трамвай... Кинокартина...

— Довольно, — сказала Анна Васильевна. — Я вижу, вы поняли.

Голоса как-то неохотно смолкли, только толстый Вася всё ещё бубнил свой непризнанный «гвоздик». И вдруг, словно очнувшись от сна, Савушкин приподнялся над партой и звонко крикнул:

— Зимний дуб!..

Ребята засмеялись.

— Тише! — Анна Васильевна стукнула ладонью по столу.

— Зимний дуб!.. — повторил Савушкин, не замечая ни смеха товарищей, ни окрика учительницы. Он сказал это не так, как другие ученики. Слова вырвались из его души, как признание, как счастливая тайна, которую не в силах удержать переполненное сердце. Не понимая странной его взволнованности, Анна Васильевна сказала, с трудом скрывая раздражение:

— Почему зимний? Просто дуб.

— Просто дуб — что! Зимний дуб — вот это существительное!

— Садись, Савушкин, вот что значит опаздывать. «Дуб» — имя существительное, а что такое «зимний», мы ещё не проходили. Во время большой перемены будь любезен зайти в учительскую.

— Вот тебе и зимний дуб! — хихикнул кто-то на задней парте.

Савушкин сел, улыбаясь каким-то своим мыслям и ничуть не тронутый грозными словами учительницы. «Трудный мальчик», — подумала Анна Васильевна.

Урок продолжался...

— Садись, — сказала Анна Васильевна, когда Савушкин вошёл в учительскую. Мальчик с удовольствием опустился в мягкое кресло и несколько раз качнулся на пружинах.

— Будь добр, объясни, почему ты систематически опаздываешь?

— Просто не знаю, Анна Васильевна. — Он по-взрослому развёл руками. — Я за целый час выхожу.

Как трудно доискаться истины в самом пустячном деле! Многие ребята жили гораздо дальше Савушкина, и всё же никто из них не тратил больше часа на дорогу.

— Ты живёшь в Кузминках?

— Нет, при санатории.

— И тебе не стыдно говорить, что ты выходишь за час? От санатория до шоссе минут пятнадцать, и по шоссе не больше получаса.

— А я не по шоссе хожу. Я коротким путём, напрямки через лес, — сказал Савушкин, как будто сам немало удивлённый этим обстоятельством.

— Напрямик, а не напрямки, — привычно поправила Анна Васильевна. Ей стало смутно и грустно, как и всегда, когда она сталкивалась с детской ложью. Она молчала, надеясь, что Савушкин скажет: «Простите, Анна Васильевна, я с ребятами в снежки заинтересался» или что-нибудь такое же простое и бесхитрое, но он только смотрел на неё большими серыми глазами, и взгляд его словно говорил: «Вот мы всё и выяснили, чего же тебе ещё от меня надо?».

— Печально, Савушкин, очень печально! Придётся поговорить с твоими родителями.

— А у меня, Анна Васильевна, только мама, — улыбнулся Савушкин.

Анна Васильевна чуть покраснела. Она вспомнила мать Савушкина — «душевую нянечку», как называл ее сын. Она работала при санаторной водолечебнице, худая, усталая женщина с белыми и обмякшими от горячей воды, будто матерчатými, руками. Одна, без мужа, погибшего в Отечественную войну, она кормила и растила, кроме Коли, ещё троих детей.

Верно, у Савушкиной и без того хватает хлопот. И всё же она должна увидаться с ней. Пусть той поначалу будет даже неприятно, но затем она поймёт, что не одинока в своей материнской заботе.

— Придётся мне сходить к твоей матери.

— Приходите, Анна Васильевна, вот мама обрадуется!

— К сожалению, мне нечем её порадовать. Мама с утра работает?

— Нет, она во второй смене, с трёх...

— Ну и прекрасно. Я кончаю в два. После уроков ты меня проводишь.

Тропинка, по которой Савушкин повёл Анну Васильевну, начиналась сразу на задах школы. Едва они ступили в лес и тяжело грузные снегом еловые лапы сомкнулись за их спиной, как сразу перенеслись в иной, очарованный мир покоя и беззвучья. Сороки и вороны, перелетая с дерева на дерево, колыхали ветви, сшибали шишки, порой, задев крылом, обламывали хрупкие, сухие прутики. Но ничто не рождало здесь звука.

Кругом белым-бело, деревья до самого малого, чуть приметного суточка убраны снегом. Лишь в вышине чернеют обдутые ветром макушки рослых плакучих берёз, и тонкие веточки кажутся нарисованными тушью на синей глади неба.

Тропинка бежала вдоль ручья, то вровень с ним, покорно следуя всем извилам русла, то, подымаясь над ручьём, вилась по отвесной круче.

Иногда деревья расступались, открывая солнечные весёлые полянки, перечёркнутые заячьим следом, похожим на часовую цепочку. Попадались и крупные следы в виде трилистника, принадлежавшие какому-то большому зверю. Следы уходили в самую чащобу, в бурелом.

— Сохатый прошёл! — словно о добром знакомом, сказал Савушкин,

увидев, что Анна Васильевна заинтересовалась следами.— Только вы не бойтесь.— добавил он в ответ на взгляд, брошенный учительницей в глубь леса.— Лось — он смиренный.

— А ты его видел? — азартно спросила Анна Васильевна.

— Самогó?.. Живого?.. — Савушкин вздохнул.— Нет, не привелось. Вот орешки его видел.

— Что?

— Катышки,— застенчиво пояснил Савушкин.

Проскользнув под аркой гнутой ветлы, дорожка вновь сбежала к ручью. Местами ручей был застелен толстым снеговым одеялом, местами закован в чистый ледяной панцырь, а порой среди льда и снега проглядывала тёмным недобрым глазом живая вода.

— А почему он не весь замёрз? — спросила Анна Васильевна.

— В нём тёплые ключи бьют, вон, видите струйку.

Наклонившись над полыньёй, Анна Васильевна разглядела тянущуюся со дна тоненькую нитку; не достигая поверхности воды, она лопалась мелкими пузырьками. Этот тонюсенький стебелёк с пузырьками был похож на ландыш.

— Тут этих ключей страсть как много,— с увлечением говорил Савушкин.— Ручей-то и под снегом живой.

Он разметал снег, и показалась дегтярно-чёрная и всё же прозрачная вода.

Анна Васильевна заметила, что, падая в воду, снег не таял, напротив, сразу огустевал и провисал в воде студенистыми зеленоватыми водорослями. Это ей так понравилось, что она стала носком ботика сбивать снег в воду, радуясь, когда из большого комка вылеплялась особенно замысловатая фигура. Она вошла во вкус и не сразу заметила, что Савушкин ушёл вперёд и дожидается её, усевшись высоко в развилке сука, нависшего над ручьём. Анна Васильевна нагнала Савушкина. Здесь уже кончалось действие тёплых ключей, ручей был покрыт плёночно-тонким льдом. По его мрамористой поверхности метались быстрые, лёгкие тени.

— Смотри, какой лёд тонкий, даже течение видно!

— Что вы, Анна Васильевна! Это я сук раскачал, вот и бегают тени...

Анна Васильевна прикусила язык. Пожалуй, здесь, в лесу, ей лучше помалкивать.

Савушкин снова зашагал впереди учительницы, чуть пригнувшись и внимательно поглядывая вокруг себя.

А лес всё вёл и вёл их своими сложными, путаными ходами. Казалось, конца краю не будет этим деревьям, сугробам, этой тишине и просквожённому солнцем сумраку.

Нежданно вдалеке забрезжила дымчато-голубая щель. Редняк сменил чащу, стало просторно и свежо. И вот уже не щель, а широкий, залитый солнцем просвет возник впереди, там что-то сверкало, искрилось, роилось ледяными звёздами.

Тропинка обогнула куст боярышника, и лес сразу раздался в стороны: посреди поляны, в белых сверкающих одеждах, огромный и величественный, как собор, стоял дуб. Казалось, деревья почтительно расступились, чтобы дать старшему собрату развернуться во всей силе. Его нижние ветви шатром раскинулись над поляной. Снег набился в глубокие морщины коры, и толстый, в три обхвата, ствол казался прошитым серебряными нитями. Листва, усохнув по осени, почти не облетела, дуб до самой вершины был покрыт листьями в снежных чехольчиках.

— Так вот он — зимний дуб!

Анна Васильевна робко шагнула к дубу, и могучий великодушный страж леса тихо качнул ей навстречу ветвью.

Нисколько не ведая, что творится в душе учительницы, Савушкин возился у подножия дуба, запросто обращаясь со своим старым знакомцем.

— Анна Васильевна, поглядите!..

Он с усилием отвалил глыбу снега, облипшую понизу землёй с останками гниющих трав. Там, в ямке, лежал шарик, обёрнутый соевшими паутинно-тонкими листьями. Сквозь листья торчали острые наконечники игл, и Анна Васильевна догадалась, что это ёж.

— Вон как укутался! — Савушкин заботливо прикрыл ежа неприхотливым его одеялом. Затем он раскопал снег у другого корня. Открылся крошечный гротик с бахромой сосулк на своде. В нём сидела коричневая лягушка, будто сделанная из картона; её жёстко растянутая по костяку кожа казалась отлакированной. Савушкин потрогал лягушку, та не шевельнулась.

— Притворяется,— засмеялся Савушкин.— Будто мёртвая. А дай солнышку пригреть, заскачет ой-ой как!

Он продолжал водить её по своему миру. Подножие дуба приютило ещё многих постояльцев: жуков, ящериц, козявок. Одни хоронились под корнями, другие забились в трещины коры; отошавшие, словно пустые внутри, они в непробудном сне перемогали зиму. Сильное, переполненное жизнью дерево скопило вокруг себя столько живого тепла, что бедное зверьё не могло бы сыскать себе лучшей квартиры. Анна Васильевна с радостным интересом всматривалась в эту неведомую ей, потайную жизнь леса, когда услышала встревоженный возглас Савушкина:

— Ой, мы уже не застанем маму!

Анна Васильевна вздрогнула и поспешно поднесла к глазам часы-браслет — четверть четвёртого. У неё было такое чувство, словно она попала в западню. И, мысленно попросив у дуба прощения за свою маленькую человеческую хитрость, она сказала:

— Что ж, Савушкин, это только значит, что короткий путь ещё не самый верный. Придётся тебе ходить по шоссе.

Савушкин ничего не ответил, только потупил голову.

«Боже мой! — вслед за тем с болью подумала Анна Васильевна.— Можно ли яснее признать своё бессилие?» Ей вспомнился сегодняшней урок и все другие её уроки — как бедно, сухо и холодно говорила она о слове, о языке, о том, без чего человек нем перед миром, бессилён в чувстве, о языке, который должен быть так же свеж, красив и богат, как щедра и красива жизнь.

И она-то считала себя умелой учительницей! Быть может, и одного шага не сделано ею на том пути, для которого мало целой человеческой жизни. Да и где он лежит, этот путь? Отыскать его нелегко и непросто, как ключик от кашеева ларца. Но в той не понятной ей радости, с какой выкликали ребята: «трактор... колодезь... скворечник...», смутно проглянула для неё первая вешка.

— Ну, Савушкин, спасибо тебе за прогулку. Конечно, ты можешь ходить и этой дорожкой.

— Вам спасибо, Анна Васильевна!

Савушкин покраснел, ему очень хотелось сказать учительнице, что он никогда больше не будет опаздывать, но побоялся соврать. Он поднял воротник курточки, нахлобучил поглубже ушанку.

— Я провожу вас...

— Не нужно, Савушкин, я одна дойду.

Он с сомнением поглядел на учительницу, затем поднял с земли палку и, обломив кривой её конец, протянул Анне Васильевне.

— Если сохатый наскочит, огрейте его по спине — он и даст дёру. А лучше просто замахнитесь — с него хватит! Не то ещё обидится и вовсе из лесу уйдёт.

— Хорошо, Савушкин, я не буду его бить.

Отойдя недалеко, Анна Васильевна в последний раз оглянулась на дуб, белорозовый в закатных лучах, и увидела у его подножия небольшую тёмную фигурку: Савушкин не ушёл, он издали охранял свою учительницу. И всей теплотой сердца Анна Васильевна вдруг поняла, что самым удивительным в этом лесу был не зимний дуб, а маленький человек в разношенных валенках, чинёной, небогатой одежде, сын погибшего за родину солдата и «душевой нянечки», чудесный и загадочный гражданин будущего.

Она помахала ему рукой и тихо двинулась по извилистой тропинке.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН

★

МЕСЯЦ В ПЯТОМ РАЙОНЕ

Посёлок строителей на первый взгляд производит странное впечатление. В той стороне, куда смотрят окна домов, — мусор, развороченные горы земли, железные кучи лома, брёвна, щебёнка, кирпич. Новенькие разноцветные домики, широкая набережная, вдоль которой они стоят, — всё повернуто в сторону шлюза и озера. Впрочем, ни шлюза, ни озера покамест нет. На том месте, где они будут, ползают по земле машины, торчат башни островерхих кранов.

По другую сторону посёлка, там, где начинается плоская, покрытая снегом степь, на самой окраине стоит длинное низкое здание барачного типа. Оно бросается в глаза своим грубым несоответствием с архитектурой посёлка, но так уж получилось: барак построили первые строители, пришедшие в голую степь; из походных палаток люди давно перебрались в новенькие домики, а барак остался. К нему сходятся с разных сторон столбы телефонных и телеграфных линий, то и дело подъезжают машины, подходят люди — здесь размещается управление пятого строительного района на трассе строящегося канала.

Из резко затормозившего перед барачком «газика» вышел невысокий, коренастый мужчина лет сорока пяти, в длинном полушубке и фетровых бурках, — начальник района Павел Степанович Рубцов. Быстрыми шагами пройдя по коридору и бросив отрывисто секретарше: «Чихачёва!», он скрылся за дверью своего кабинета. Через минуту по коридору проследовала высокая, сутулая фигура с длинными руками. Это и был Чихачёв.

Михаил Петрович Чихачёв занимал должность начальника планового отдела, но в то же время он всегда замещал кого-либо ещё. Сейчас, например, кроме своих обязанностей, он исполнял обязанности главного инженера района, уехавшего недавно в отпуск.

Чихачёв подошёл к столу секретарши и осведомился:

— Кого он вызывал — главного инженера или начальника планового отдела?

— Чихачёва.

Недоуменно покачав головой, Чихачёв осторожно вошёл в кабинет. Начальник района сидел за столом.

— До каких пор это будет продолжаться? — раздражённо заговорил Рубцов. — Завтра первое число, а три четверти района стоит. Линии к новым забоям не подвели, даже столбов не поставили, ремонтную базу не развернули, взрывные работы не подготовили. Полный развал! Я уж не говорю об участках — ни один экскаватор не выполнил ноябрьского плана.

— Завада, Павел Степанович, должен выполнить, — вставил Чихачёв. — Ему вчера оставалось две тысячи до плана. Отличный экскаваторщик.

— Встал Завада, — перебил Рубцов. — Сколько он дал, ваш отличный Завада? Девяносто пять процентов. Вы настолько привыкли плестись в хвосте, настолько свыклись с восьмидесятипроцентной жизнью, что Завада с вашей колокольни кажется вам всесоюзным рекордсменом. Вы понимаете, что это значит — выполнить государственный план на восемьдесят процентов? Вся страна кипит в напряжении, выполняя пятилетний план, а вы живёте на восемьдесят процентов. Дудки! Дальше так не пойдёт! Меня предупредили наверху, что намерены предпринять самые жёсткие меры, если

положение не выправится в ближайшее время. Меня прислали сюда, чтобы вытянуть район, и я сделаю это, хотя, может, кто-нибудь будет недоволен. Меня это не остановит. Я не из пугливых. У меня один закон — государственный план!

— Золотые слова! — сказал Чихачёв. — Так, Павел Степаныч, так! Пора взять район в руки!

— Ещё как возьму, — согласился Рубцов, — можете не сомневаться. Всех заставлю работать. Вот тогда и экскаваторщики отличными станут, и рекорды пойдут. Я привык, чтобы мой участок был первым! Чтобы в моём кабинете стояло знамя, — у меня такой порядок.

— Как же, Павел Степаныч! Ваше имя всем строителям известно. Я, например, ваш поточный метод земляных работ по учебнику знаю. Совсем недавно купил учебник гидротехники. Рубцовский метод...

— Да, было времечко, — откинувшись на спинку кресла, задумчиво проговорил Павел Степанович Рубцов. — Однако давайте за дело. Ненавижу сидеть в кабинетах. И другим не советую. А сегодня придётся. Оставьте мне бумаги к завтрашнему «плану», а сами поезжайте по участкам. На рембазе пусть работают в ночную смену. Агитации не разводите, скажите, что заплатим сверхурочные, но чтобы завтра к утру всё было на ходу. Иначе — ни колейки не дам. Проверьте работу взрывников, электриков. Словом — жмите. Надеюсь на вас.

Чихачёв отправился на участки.

Мне довольно часто приходилось сталкиваться с Чихачёвым и раньше; впечатление от этих встреч не было до сих пор определённым, однако нетрудно было заметить, что Чихачёв куда охотнее и лучше исполнял приказания других, чем принимал собственные решения. И ещё одно: замечая кого-либо, он начинал действовать более уверенно и энергично.

В последнюю встречу Чихачёв много и с воодушевлением говорил о своём новом начальнике, и я с интересом слушал рассказ о новом для меня человеке.

Прошло всего полторы недели, как Рубцов приехал с какой-то северной стройки в пятый район.

Новый начальник сразу же, что называется «с ходу», обошёл все служебные кабинеты и отделы и вытащил оттуда всех, кого застал за телефонами. Таких набралось тринадцать человек. Тут же, в коридоре, Рубцов произнёс небольшую, но резкую речь, смысл которой сводился к тому, что по телефону канала не выкопашь, и приказал всем отправиться на участки. Ещё через десять минут на доске объявлений висел приказ, в котором говорилось, что новый начальник пятого строительного района приступил к работе. А сам начальник в это время в сопровождении главного инженера уже съезжал участки. Он довольно равнодушно проехал мимо двух работавших экскаваторов и остановился около третьего, не работавшего. «Почему стоишь?» — спросил он бригадира экскаваторщиков Заваду. Тот ответил, что искрошились щётки на коллекторе. «Сколько стоишь?» — «Около трёх часов», — ответил Завада. Рубцов сел в машину и поехал на склад. Конечно, словно в насмешку, кладовщика не оказалось на месте, и никто не мог сказать, где он. Тогда Рубцов приказал взломать замок и сам отвёз Заваде щётки.

В таком же примерно духе он действовал ещё дня два. Затем засел на несколько суток в своём кабинете, изучая проект. Теперь он готовился к «плану» — так называли на стройке ежемесячные совещания в управлении канала, на которых начальники районов отчитывались о работе за прошлый месяц и получали задание на новый.

Объезжая участки, Чихачёв то и дело вспоминал слова Рубцова. Красное знамя! В пятом строительном его ещё ни разу не бывало. С самого начала стройки район прочно осел на последнем месте, и считалось достижением, если он выходил на предпоследнее. Как-то пойдут дела теперь? Удастся ли даже такому известному строителю, как Рубцов, вывести их район на первое место? Но для этого надо работать как-то по-особому. Как? Ответа на этот вопрос пока не было.

Рубцов работал. На столе в беспорядке валялись перечёркнутые жирными красными линиями заявки, заказы, схемы. В стороне лежала заметно меньшая по объёму

стопка бумаг, размашисто подписанных тем же карандашом. Просмотрев последнюю бумагу, Рубцов вызвал Чихачёва.

— Что вы подсовываете на подпись? — хмуро спросил он, когда Чпхачёв явился. — Неужели вы думаете, что я стану подписывать ваш детский лепет? Вот, взгляните! — Рубцов наугад выхватил из кучки перечёркнутых бумаг один листок. — Разве так надо составлять схему передвижения? Да у вас все машины стоят на месте. Почему?

— Почти все экскаваторы, Павел Степаныч, имеют забои на несколько месяцев экскавации. Мы их недавно передвигали.

— Плохо передвигали. Неправильно. Давайте-ка займёмся вашим образованием. Да садьте вы, не торчите перед глазами. Как вы думаете, какой план нам утвердят по земле на декабрь?

— Тысяч пятьсот пятьдесят.

— Если не больше. В ноябре вам дали пятьсот тысяч кубов, в октябре четыреста семьдесят. Так? Что это значит? Это имеет очень определённое название: двойное планирование. Государственный план у нас — четыреста двадцать тысяч, а управленцы неизменно планируют больше. Почему? Они заранее не надеются на нас и, повышая план, думают: «Пусть наш план хоть и не выполнят, зато государственный будет в самый раз». Я против подобной антигосударственной практики. Что прикажете делать? Разговорами о высоких материях их не переубедишь. Значит, надо действовать фактами, документами. Надеюсь, вам всё ясно?

— Ясно, — не совсем уверенно ответил Чихачёв.

— Ничего вам не ясно. Смотрите, что я теперь делаю. Вашу схему я бросаю в корзину, — Рубцов действительно разорвал лист и бросил его в корзину, — и предлагаю вам к двадцати четырём часам составить новую схему передвижения, да такую, чтобы экскаваторы не стояли на месте, а двигались всюду с одного участка на другой. Тем самым мы создадим себе резерв: план-то утверждается в зависимости от передвижений, — чем их больше, тем план меньше. Придётся им несколько десятков тысяч скинуть. А иначе их не проймёшь. Ясно, как надо бороться против двойного планирования?

— Пожалуй, ясно, Павел Степаныч.

— Пойдём дальше, коль это ясно. — Рубцов взял ещё один листок. — Заказ на новые двадцатипятитонные самосвалы марки «МАЗ-525». Шесть штук. Предлагаю вместо этого подать заявку на двадцать обыкновенных пятитонных самосвалов. Сверх-тяжёлый самосвал, как вам известно, находится ещё в стадии освоения. Значит, к нам начнут ездить конструкторы, технологи, станут экспериментировать: заменять детали, пробовать разную смазку. А я привык иметь дело с машинами освоенными, проверенными, которые работают, а не стоят. С меня хватит, что в районе уже есть один опытный экскаватор. Пойдём дальше. Заявка на запчасти. Полюбуйтесь. Главный механик написал заявку на два болта и четыре шпонки. Вы помните, как удовлетворили вашу заявку на ноябрь?

— Менее чем на треть, Павел Степаныч.

— Вот видите! Выходит, дадут ему полболта, нехватит даже собственный «газик» отремонтировать. Передайте, чтобы составил к двадцати четырём часам новую заявку и не на таком клочке. Тогда что-нибудь дадут!

— У нас с лета осталось много запчастей. Нам тогда прислали сразу пять вагонов.

— Не работали, потому осталось! Разрешаю их списать, как использованные. Мы теперь работать будем, надо запастись запчастями. Учтите, Михаил Петрович, нам теперь работать вместе до конца стройки. — Рубцов доверительно понизил голос и даже перешёл на «ты». — Так что давай срабатываться. Ты же мой первый заместитель. Чтоб мы с тобой друг друга с полуслова понимали. Я привык, чтоб меня понимали, тогда и я хороший. Только, чур, от работы не бегать.

— Что вы, Павел Степаныч? Разве нам самим не надоело быть последними? Другим премии идут, почёт, уважение, а нам одна ругань. Четвёртый район каждый месяц одних премиальных имеет за знамя шестьсот тысяч.

— В декабре они будут наши. Можешь быть уверен. Однако доложи, как съездил, как на участках...

На столе зазвонил телефон. Рубцов взял трубку.

— Начальник района слушает.

Сменный диспетчер автобазы Новиков докладывает о том, что он заступил на сменный дежурство.

— Хорошо, что позвонили, товарищ Новиков, а то после собрания я вас ещё не видел. Как самосвалы, ушли к экскаваторам?.. Учтите, завтра первое декабря, начинается решающий месяц. Теперь вся работа должна пойти по-другому... Звоните мне в любое время, до трёх — сюда, после — на квартиру. У меня всё. — Рубцов положил трубку.

— Никак не можем добиться, — сказал Чихачёв, — чтобы у нас был освобождённый парторг. Нехватает коммунистов до нормы. Приходится Новикову быть и парторгом и диспетчером.

— Ничего страшного. Поменьше будет заниматься разговорами и побольше работать.

— Замечательный доклад он сделал на открытом партсобрании. Да и работник добросовестный.

— Языком канала не выкопаешь. Звонить, выслуживаться — нехитрое дело.

— Это вы правильно заметили, Павел Степанович. Есть у него. Поговорить он любит.

— Я предпочитаю судить по делам. Посмотрим, как они будут идти у него на автобазе. Завтра первое декабря. Теперь всё должно пойти по-другому.

Рубцову казалось, что достаточно произнести эти слова, как и в самом деле всё немедленно пойдёт по-другому. Однако, сидя за низким диспетчерским пультом, Новиков так не думал. Новая смена была для него обычной очередной сменой, со всеми её заботами, неурядицами, телефонной сутолокой.

На каждом участке, у каждого производителя работ были свои заботы, и сумма всех этих забот десятков людей складывалась в одну новую заботу одного человека — заботу Новикова. Однако, делился со мной Новиков, такая беспокойная работа была лучше всякой другой, спокойной. Передвигая на диспетчерском пульте чёрные рычажки, разговаривая по телефону, он находился в самой гуще событий, — пусть они были небольшими и незначительными сами по себе, но ведь именно из них складывалась та большая и важная работа, которая велась в безлюдной засушливой степи и которая должна была превратить эту степь в цветущий многонаселённый край.

Прораб дамбы докладывал, что на дамбе снова затор: самосвалы, возившие землю за два километра, по четверти часа ожидают разгрузки. «Где самосвалы? Куда они пропали?» — возмущённо спрашивали с экскаваторов. На монтажной площадке кончился кислород, сварщики сидят без дела.

Новиков посылал к экскаваторам резервные самосвалы, а монтажникам — последние баллоны с кислородом, спешно разыскивал машину, которую можно было бы отправить на центральный склад за новыми баллонами.

Потом он оставил в диспетчерской помощника, а сам поехал на дамбу. Высская чёрная дамба светилась фарами самосвалов. У подножия её застыл хвост огней. Самосвалы тяжело взбирались по крутому подъёму на гребень дамбы, ссыпали наверху землю и спускались с другого её конца вниз. Новиков вызвал бульдозер, и тот начал сооружать в середине дамбы боковой съезд. Через два часа самосвалы стали въезжать на дамбу с обоих концов и поочередно съезжали вниз по новому спуску. Вереница огней заметно укоротилась.

Новиков вернулся в диспетчерскую, чтобы приняться за другие дела. Его вызвал к телефону начальник района. Произшёл такой разговор.

Рубцов. Доложите, как дела на дамбе.

Новиков. Была пробка. Теперь её несколько рассосали.

Рубцов. Если не секрет, расскажите как?

Новиков. Сделали два въезда и один съезд — в середине.

Рубцов. Самое мягкое выражение, которое я могу подобрать для вашей деятельности, — кустарщина.

Новиков. Не понимаю вас

Рубцов. Вы прекрасно заштопали прореху. Раньше стояли по пятнадцать минут, теперь — по десяти.

Новиков. Что же вы предлагаете вместо этого?

Рубцов. Самый радикальный способ. Перестать возить землю на дамбу за два километра, а сваливать её, как обычно, метров за сто пятьдесят—двести от экскаваторов. Надеюсь, вы слышали о таком способе?

Новиков. А как же дамба?

Рубцов. Дамба подождёт. По срокам готовности она у нас самый поздний объект.

Новиков. Но ведь в районе больше нет таких водонепроницаемых грунтов, которые требуются для дамбы.

Рубцов. Вы плохо знакомы с геологической структурой нашего района, в котором, кстати сказать, вы работаете около двух лет. На шестом участке есть ещё более водонепроницаемые грунты.

Новиков. Но от шестого участка до дамбы десять километров.

Рубцов. Очень рад, что это вам известно. Скоро нам подбросят самосвалов, тогда часть их можно будет безболезненно поставить даже на такое длинное плечо.

Новиков. Мне кажется, если чётко организовать приём земли на дамбе, устроить хорошие въезды, на которых машины не будут буксовать, то не нужно будет тормозить сооружение дамбы.

Рубцов. Я удивляюсь, товарищ Новиков, своей снисходительности. Никакой другой начальник района не стал бы так долго и нудно уговаривать сменного диспетчера. Тем более, что с этой смены начался декабрьский план, а мы уже потеряли битый час на дипломатические переговоры. Любой начальник давно бы отдал вам приказ. Я поступаю точно так же. Приказ у меня на столе. Я его подписываю и присылаю вам. Ровно через сорок минут вы доложите мне о его выполнении.

Новиков. Я выполняю ваше приказание, но оставляю за собой право вернуться к его обсуждению на партбюро.

Рубцов. Ваше дело. У меня всё.

Новиков снова отправился на участки. Он видел, как обрадовались прорабы, экскаваторщики, водители самосвалов новому приказу, как весело и дружно принялись они за его выполнение и насколько быстрее и живее пошла работа, когда самосвалы перестали ходить на дамбу. Он даже усомнился в справедливости своих доводов, которые приводил начальнику района.

Вторая половина ночи прошла намного спокойнее. Было время подумать, кто же прав. Изредка он звонил на участки и спрашивал, как идут дела.

— Отлично, — отвечали ему. — Давно надо было распорядиться так.

И даже не придя ещё к окончательному решению, Новиков понял, что отменить этот приказ было бы очень нелегко.

Рано утром в диспетчерскую прибежал злой, заспанный, очевидно только что поднятый с постели начальник сооружения дамбы.

— На каком основании вы перестали возить землю на дамбу? — закричал он. — Я буду жаловаться начальнику района.

— Начальник района сам отдал этот приказ.

Рубцов вернулся с «плана» в отличном настроении и тотчас поехал по участкам. Новиков, наоборот, был молчалив и невесел. Разумеется, их снова «прорабатывали» за последнее место, и Новиков, работавший в районе второй год — сначала инженером по ремонту, затем сменным диспетчером, а последние три месяца, кроме того, секретарём парторганизации района, — воспринимал критику в адрес района как критику своей работы и не пытался искать для себя никаких оправданий.

Часто и с горечью он признавался мне, как тяжело работать вот так, на последнем месте. Рубцову было легче: он работал, не отягощённый грузом прошлого, и Новиков с надеждой присматривался к новому, четвёртому по счёту начальнику. Может, теперь-то дело пойдёт на лад.

Объехав участки и отдав несколько распоряжений, Рубцов вскоре вернулся к себе. Его дождался Чихачёв.

— Не терпится узнать, как прошёл бурный «план»? — спросил Рубцов, стягивая с себя полушубок. — Декабрь нас встречает с ветерком. Присаживайтесь.

— Я сам, Павел Степанович, с новостями, — сказал Чихачёв.

— Плохие? Хорошие?

— Даже затрудняюсь сказать. Наши геодезисты работают по принципу студентов: всегда им одного дня нехватает. Вчера вы их ругали за то, что они не успели сделать инструментального замера, а сегодня их снова ругать надо. Час назад Капелланский дал мне уточнённую сводку. Оказывается, в ноябре мы вынули земли на шестьдесят тысяч кубов больше показанной. Итого получается девяносто два процента месячного плана — на целых двенадцать процентов больше.

— Вот сукины дети! — Рубцов стукнул кулаком по столу. — Да ведь за это...

— Но при таком выполнении, Павел Степанович, мы уже не будем на последнем месте.

— Какая разница: последнее, предпоследнее!.. Однако как могло получиться такое расхождение? Шестьдесят тысяч — это не баран начал.

— Капелланский объясняет это тем, что нынешней зимой в русле канала очень много снега и при предварительном замере, не зная точно толщины снега, они вполне могли ошибиться. Теперь промерили снег — набежало ещё шестьдесят тысяч.

— Пожалуй, правдоподобно.

— Можете не сомневаться, Павел Степанович. Начальник инструментального контроля человек точный.

— Что же он сам не пришёл доложить?

— Бойтесь. Попросил меня сходить к вам, а уж вы в порядке уточнения передадите дальше. Чтобы нам повысили процент за ноябрь.

— То-то же! Я с ним ещё поговорю. А передавать никуда ничего не стану. Басов уже отослал все сводки за ноябрь в главк. Лучше я оставлю её у себя в запасе.

— А как же ноябрьский план?

— Что вы заладили, как сорока: ноябрь, ноябрь! Ноябрь давно кончился, я за него отчитался — план всё равно провален. Надо смотреть вперёд, а не оглядываться назад, как вы привыкли. Мы эти шестьдесят тысяч переведём на декабрь, тогда они принесут пользу.

— Но ведь это же называется припиской? — испуганно спросил Чихачёв.

— Чудак ты, Михаил Петрович. Какая же это приписка? Земля-то фактически вынута? Мы только переводим эту землю из одного месяца в другой, потому что не успели во-время зафиксировать её. Кто так не делает? Думаешь, наверху, в главках да министерствах, не прибегают на чёрный день всяких там кубометров, тонн, штук? И не так, как мы, — нарочно оставляют. Я эту механику знаю. Это у меня, слава богу, уже восьмая стройка. У хорошего хозяина всегда должен быть запасец. Да скорей всего это и не ноябрьская земля, а накопилась она в течение нескольких месяцев. Так что, давай, Михаил Петрович, не раздувай из мухи слона, мы же вчера с тобой обо всём договорились.

— Так я не о себе, Павел Степанович, — сказал Чихачёв, — вдруг Капелланский заупрямится, возьмёт и доложит главному инженеру канала как своему непосредственному начальнику?

— Об этом ты постарайся, чтобы он пока не сообщал. Сводку-то инструментальщиков всё равно я подписываю. От меня никуда не денешься. Ладно. С этим вопросом покончено. Ты лучше поинтересуйся, как я Басова перехитрил.

— Да, да. Как?

— Полный порядок. За отчёт, разумеется, попало. Моему предшественнику сегодня, наверное, крепко икалось. Потом стали давать план. Басов закатил нам пятьсот восемьдесят тысяч. Другим тоже дай боже. Я молчу. Все, конечно, начали вопить: много в зимних-то условиях и прочее. Я молчу. А когда все выдохлись, я встал и за две минуты по твоей вчерашней схемке доказал, что машины до моего приезда в район были расставлены неправильно и что теперь нужно их заново передвигать. Я, признаться,

думал, что придётся торговаться, и уже решил на тридцати тысячах согласиться, а он все пятьдесят скинул. Имеем в остатке пятьсот тридцать минус ещё шестьдесят сегоднешних — итого четыреста семьдесят, не так уж страшно. Учти, моя задача не только обеспечить выполнение государственного плана, но сделать за декабрь рыбок на первое место. И я сделаю.

— Без сомнения. А что ещё говорил начальник строительства?

— Напомнил, чтобы к первому марта котлован шлюза был готов для принятия бетона. Придётся туда подбросить ещё один экскаватор.

— Вы ещё не решили — кого? Участок труднейший, с обильными грунтовыми водами.

— Успеем решить. Потом я заявил Басову, что наш шестой участок, от триста сорок первого пикета и дальше, только тормозит работу района. Во-первых, от нас до него восемнадцать километров, а от четвёртого — пятнадцать. Во-вторых, они передовики, пусть помогут отстающим. Начальник четвёртого, конечно, полез в драку, но Басов сказал, что подумает.

— А экскаваторы и бульдозеры, которые там работают?

— Дудки! Технику я им не отдам, самим пригодится. Пусть забирают одни объёмы. Там земли тысяч восемьсот.

— Для района это было бы большим облегчением, — подтвердил Чихачёв.

Дверь приоткрылась, и густой бас попросил разрешения войти.

— Кто там? Входите.

В кабинет вошёл экскаваторщик Байкин, высокий, широкоплечий, в новеньком хрустящем пальто из чёрной кожи. Энергично встряхивая вихрастой головой, Байкин начал громко жаловаться на прораба, неправильно закрывшего наряд за ноябрь. Прораб записал им всего сорок две тысячи, а вчера геодезист делал замер в забое и сказал, что они вынули сорок девять. На семь тысяч больше — ничего себе разница, почти на полтысячи целковых. А прораб слышать не хочет. Для меня, говорит, разговоры — не документ. Пока новых инструментальных данных не имею, ничего не стану переписывать. А получка — через два дня. Вот вредный человек, спит и во сне видит, как бы ему рабочего человека обмануть.

— Так, так, — задумчиво повторял Рубцов, слушая Байкина. — А скажите, какое у вас выполнение плана в ноябре?

— Выполнение? Восемьдесят четыре процента. После Завады я на втором месте.

— В любом случае выходит, что до ста вы не дотянете. Вот если бы дотянули, другой разговор...

— Так мы дольше недели стояли на ремонте, — оправдывался Байкин, — меняли редуктор поворота. А до него ещё стояли.

— Теперь экскаватор в исправном состоянии?

— Жаловаться не буду.

— Можешь быть спокоен, товарищ Байкин. То, что вами заработано, я никому не позволю отнять. Но прежде нужно разобраться, что к чему: проверить, что это за земля, сколько её. Так что, может, придётся подождать. В крайнем случае, сделаем тебе перечисление за эту землю в текущем месяце. А если ты в декабре выполнишь своё задание на все сто процентов, тогда тебе прямой смысл немного обождать. Ведь тогда эта земля может пойти по прогрессивной оплате. Получишь по тройной расценке. Только поработать придётся! Ясно?

— Будьте уверены, товарищ начальник. Байкин не подведёт. Раз надо — работнём.

— Если так, договорились. Завтра приеду к тебе, посмотрю, как работаешь. До свидания.

Когда Байкин вышел, Чихачёв сказал:

— Здорово получается, Павел Степаныч. Оказывается, эта земля повышает у рабочих личную заинтересованность в работе.

— Кому ты это говоришь? — перебил Рубцов. — Нашёл кого учить! Сказать тебе, почему район до меня плохо работал? Потому что рабочие у вас, при вашем выполнении, ничего не зарабатывали. Ну что ему шестьсот—семьсот рублей? Нет, ты дай ему полторы—две тысячи, тогда и он поработает. И я дам! Вы здесь забыли, наверное, что

существует в нашем государстве прогрессивная оплата труда. Я об этом напомню рабочим.

Дверь снова отворилась.

— А, парторг! — воскликнул Рубцов. — Хорошо, что пришли. Мы тут как раз говорили об экскаваторщиках. Как вы думаете, кто у нас будет передовиком?

— Кто будет лучше работать, тот и будет, — ответил Новиков. — Я, Павел Степанович, пришёл посоветоваться по другому вопросу. Хорошо ли нам прикидываться такими слабенькими и отказываться от шестого участка? Техники у нас хватает, народ есть. Укрепим участок коммунистами и сами доведём его до конца. Вот предложения партийного бюро. — Новиков положил на стол лист бумаги.

Небрежно отодвинув бумажку, Рубцов откинулся на спинку кресла.

— Эх, парторг, парторг, — сказал он, покачивая головой, — сколько времени вы в районе, а плохой вы патриот своего района. Нам мешает двигаться вперёд труднодоступный, удалённый, вообще тяжёлый участок, есть возможность его отдать, а вы?

— Нельзя толковать патриотизм только с районной точки зрения. Если взглянуть пошире...

— Да как ни гляди, — перебил Рубцов, — со всех точек зрения. Ближе к четвёртому району этот участок на три километра? Ближе. Вы представляете, сколько средств государство экономит на этих трёх километрах? Кроме того: быстрее они его сделают? Быстрее. С меньшими затратами? С меньшими. Будет от передачи участка польза всему строительству? Будет. Всё ясно.

— От четвёртого района дороги туда нет, высоковольтка тоже идёт от нас. Сомнительная экономия.

— На вашем месте, товарищ Новиков, я не делал бы таких скоропалительных выводов. До сих пор все думали, что я умею производить элементарные экономические расчёты. Надеюсь, начальник строительства согласится с моими доводами, а не с вашими.

— Нет, посудите сами, Михаил Петрович, — обратился Новиков к Чихачёву. — Мы сами довели шестой участок до его теперешнего состояния, то есть сделали его самым отстающим в самом отстающем районе, и теперь хотим подсунуть его соседям: нате, мол, расхлёбывайте. Справедливо это?

— С одной стороны, ещё прошлой осенью, — начал издаലെка Чихачёв, — наш бывший начальник ставил перед управлением строительства вопрос о передаче шестого участка. Таким образом, идея передачи участка имеет под собой реальную почву. С другой стороны...

— До чего разговорчивый народ, — насмешливо сказал Рубцов. — Переливают из пустого в порожнее. Докладная записка подана. Откажет, будем сами рыть. Давайте лучше поговорим о деле. Нам в районе обязательно нужно иметь своих передовиков. Вопрос — кого?

— Не понимаю, что значит «кого»? — Новиков пожал плечами. — Чтобы воспитать человека, управляющего машиной, нужна работа, пожалуй, более сложная, чем та, которую затратили на изготовление самой машины.

— Вот, — вздохнул Рубцов, — теперь вы станете придирается к каждому слову, читать мне лекции. Не обязан же я красиво выражаться, у каждого своя специальность. Вы ведь сами говорили на собрании, что в районе есть замечательные экскаваторщики. Вы их, наверно, уже воспитали? Так у кого из них, по-вашему, больше шансов, так что ли, стать передовиком?

— Фамилии их известны, — отозвался Новиков.

— Завада? Член партийного бюро? Что ж, один кандидат есть. А что вы можете сказать о Байкине?

— С шагающего? Работать может, но бегает с одной машины на другую. Успел перепробовать в районе четыре или пять марок экскаваторов.

— Это сомнительный резон. Современному рабочему полагается быть универсальным. На шагающем, кроме того, работа не зависит от автотранспорта — самого узкого места на нашем участке

— У него были три серьёзные аварии, — продолжал Новиков. — Последняя совсем недавно. Угробил поворотный редуктор, стоял десять дней.

— Ну это со всяким может случиться, — рассудил Рубцов. — В ноябре он всё-таки на втором месте. Значит, ещё Байкин.

В углу сухо загрешал чёрный ящик селектора. Взглянув на часы, Рубцов сказал:

— Оперативка, — и поднял руку, призывая к вниманию. Комната наполнилась звуками далёких голосов, живыми шорохами линии, тянущейся вдоль будущего канала. Вскоре все эти звуки поглотил голос начальника строительства:

— Говорит Басов. Готов к принятию докладов.

Начальники районов на разные голоса отвечали, изредка вставляли свои замечания, обменивались шутками. Очередь дошла до четвёртого района. Рубцов даже крикнул от удивления, когда услышал цифру вынутых там кубометров. Четвёртый район с начала месяца вырывался вперёд.

— И последнее, Шмелёв, — говорил чёрный ящик голосом Басова. — С завтрашнего дня шестой участок твоего соседа числится за тобой. Можешь принимать его в своё могучее царство.

В ящичке раздался болезненный возглас начальника четвёртого. Кто-то коротко рассмеялся.

— Шмелёв, ты слышал?

— Слышал, — ответил Шмелёв без всякого выражения.

— Ты, Рубцов? — спросил Басов.

— Слышал, Иван Фомич, — ответил Рубцов, выразительно глядя на Новикова.

— Тогда расскажи нам, товарищ Рубцов, как начал месяц? Помни, с сегодняшнего дня с тебя другой спрос. Поблажек больше не ищи. Работник ты опытный, нянек тебе не требуется.

Рубцов уверенным жестом протянул руку, и в ней тотчас оказалась сводка, поданная Чихачёвым.

— За истекшие сутки, — начал он, заглядывая в бумажечку, — район вынул... вынута кубометров... — Рубцов запнулся. — Четырнадцать тысяч кубометров, — быстро закончил он.

— Сколько, сколько?

— Четырнадцать тысяч сто.

— Неплохо. Неплохо для первого дня. Но завтра, учти, такая цифра меня уже не будет устраивать.

Рубцов опустил на стул, не сводя глаз с чёрного ящичка. Когда оперативка кончилась, Новиков сказал:

— Павел Степанович, дайте мне сводочку. Всё-таки для нашего района сегодняшняя цифра, можно сказать, рекордная. К утру выпустим «молнии».

— Не убегут ваши «молнии». Михаил Петрович потом приготовит вам специальную сводку и ежедневно будет давать вам один экземпляр. Эту я оставлю себе, — Рубцов сложил листок вчетверо и спрятал его в карман гимнастёрки. — Кто-нибудь потребует сведения, а у меня под рукой ничего нет... Если хотите непременно выпустить «молнию», возьмите хотя бы... — Рубцов достал листок из кармана, — возьмите Байкина. Дал сто три процента. И Заваду. Нет, с Завадой давайте подождём: у него девяносто с хвостиком, — Рубцов снова сложил и спрятал листок. — Кто куда, а я хочу проехаться по участкам.

— Передали всё-таки шестой участок, — сказал Новиков, вставая. — Три километра выиграли, а на дамбе восемь проиграли. Я такой победой не гордился бы. Михаил Петрович, — обратился он к Чихачёву, — занесёте потом ко мне сводку, я буду у себя.

Проводив Новикова потемневшим взглядом, Рубцов медленно достал сводку из кармана.

— Неужели ты не понимаешь, что ты мне подсунул? Десять с половиной тысяч?! Ты представляешь себе, что было бы, если бы я прочёл ему твои данные? Думать надо. У тебя в запасе шестьдесят тысяч, за каким чёртом держать их в кармане? Вы думаете, что я стану спокойно смотреть, как район даёт по десяти тысяч? Эскаваторы стоят,

экскаваторщики загорают у костров, а вам хоть бы что! От нас ждут готового качала, а вы ждёте, пока его дядя выкопает? Я покажу, как надо работать! Сам не буду спать, но и вам никому не дам.—Рубцов сбавил тон и сел.—Хорошо, что я сообразил прибавить. Сколько я ему сказал?

— Четырнадцать тысяч сто кубометров.

— Запиши. Меньше четырнадцати тысяч мне в сводке теперь не показывай. Запас есть.—Рубцов разорвал сводку и бросил клочки в корзину.—Поехали. Возьмёмся за наших будущих передовиков. Ты поезжай к Байкину, а я — к Заваде.

Рубцов уверенными шагами направился к двери.

Как обычно, Завада, приняв смену от своего бывшего ученика Белозёрова, тщательно осмотрел машину, уселся поудобнее в мягкое кресло и начал копать.

Сидя за рычагами управления, Завада не догадывался, что он уже назначен в передовики.

В одиннадцатом часу на экскаватор приехал Рубцов. Он сел на табуретку, которая стояла рядом с креслом Завады, и осмотрелся.

— У тебя тут уютно, печка хорошо греет. Прожекторы сильные: забой вполне прилично освещают. Правильно. Для работы в первую очередь нужны условия. Скажи-ка, Завада, сколько кубиков можешь дать за смену?

Завада отвечал, как всегда, неторопливо, негромко. Не отрывая взгляда от ковша, он продолжал управлять рычагами. Экскаватор непрерывно вращался, зачерпывая ковши.

— Больше тысячи редко выходит.

— А сколько могло бы выйти?

— Машина выносливая, с запасом. На ней грех не дать две тысячи. А то и все три.

— Что же тебе мешает?

— Не мне одному. Стоим из-за автотранспорта. Машина на ходу, а бывает, устраним перекур на полсмены в ожидании.

— Теперь автотранспорта должно хватать, — сказал Рубцов, — на дамбю возить не будем.

— Пока два «Уральца» на ремонте, может, и хватит. А потом снова стоять.

— Я вчера был в управлении. Обещали выделить нам ещё двадцать самосвалов.

— Можно и при таком количестве управиться. Неполладка в том, что нет полного комплекса в механизации. Автобаза в одну сторону тянет, экскаваторная контора — в другую. Есть, конечно, и ещё, но эта причина — главная. Хорошо бы за каждым экскаватором закрепить постоянный состав самосвалов плюс бульдозер для подготовки подъездных путей. Тоже постоянный. Мы теперь работаем, не знаем с кем. Вчера были одни водители, нынче приехали уже не те, а завтра — неизвестно какие. Они моей повадки не знают, я с ними незнаком. А то пришлют разнотипные машины: ритм на загрузке портится, время снова пропадает. Без постоянных бригад выработки хорошей нечего ждать.

— Ценная мысль, — сказал Рубцов. — Поддержим. Непременно. Специальным приказом по району закрепим за твоим экскаватором такую бригаду. Создадим тебе все условия для работы, чтобы как минимум выходило по две тысячи.

— Да ведь я не о себе только. Надо это провести как систему.

— Необходимо сначала проверить идею на практике, — возразил Рубцов, — посмотреть, какие она принесёт результаты. Поскольку идея твоя, ты и должен в первую очередь осуществить её, доказать её выгоду.

— Можно и так, — согласился Завада.

— Может, ещё какие просьбы есть? Говори заодно.

— Пожалуй, нет. Спасибо. Правда, тут с землёй маленько заминка вышла. Ноябрьский наряд нам неправильно закрыли, — ответил Завада, — на три тысячи не сходится. Когда новый замер сделали...

— Знаю, знаю, — перебил Рубцов. — Мы эту землю, в крайнем случае, тебе на декабрь запишем. Не беспокойся! Пойдёт у тебя в этом месяце дело хорошо, тогда эти три тысячи начислим по прогрессивке.

— Выходит, тогда мы получим за неё в тройном размере? — удивился Завада.

— Почему бы нет? Для хорошего работника мне ничего не жалко.

Завада промолчал, продолжая короткими движениями перебирать рычаги и не отрывая сосредоточенного взгляда от стремительнодвигающегося ковша.

— Пожалуй, нет, — сказал наконец Завада, — такое дело не пойдёт.

— Как? — удивился Рубцов.

— Так, — упрямо повторил Завада. — Возражаю. Заработал в ноябре, буду получать за ноябрь.

— Как хочешь. — Рубцов старался говорить как можно равнодушнее. — Получать не мне — тебе. Мне безразлично, когда и как ты получишь. — Он не выдержал взятого тона. — Только смотри, после не пожалей. Пока!

Рубцов резко встал и вышел из кабины.

Внизу Рубцова встретил Чихачёв.

— Всё в порядке, Павел Степаныч, — доложил он о результатах поездки, — с Байкиным есть договорённость по всем вопросам. Вы чем-то расстроены?

— Я? Нисколько. — Рубцов усмехнулся. — Вот решил этот экскаватор перебросить на тот участок, на шлюз. Завтра напишу приказ. Ему, видишь ли, здесь мои условия не нравятся. Пусть попробует поработать в тех условиях. — Рубцов сердито толкнул ногой ком снега. — Садись в мою машину. Поехали.

Назавтра в районе висела «молния», из которой строители могли узнать, что экипаж экскаватора «ЭШ-1», где бригадиром Василий Байкин, выполнил суточное задание 1 декабря на 103 процента.

«Молния» кончалась призывом, написанным большими красными буквами:

«Экскаваторщики пятого строительного района! Следуйте примеру Василия Байкина!»

Вечером рядом с первой появилась другая «молния»:

«Товарищи строители! В ночь на 2/XII с. г. бригадир «Уральца» Алексей Завада переработал 1190 кубометров грунта, выполнив сменную норму на 108 процентов Экскаваторщики! Следуйте примеру Алексея Завады!»

Рубцов целыми днями носился по участкам. Отложив остальные дела — монтаж бетонного завода, строительство посёлка, — он занялся только земляными работами. Приказал докладывать ему о каждой остановившейся машине и тотчас мчался на место происшествия. Однако вскоре он пришёл к заключению, что остановившимся экскаваторам гораздо более нужна какая-нибудь гайка. Тогда он стал посылать впереди себя «летучку» — автомашину, в которой была бригада ремонтников и всё необходимое для первой помощи.

В район прибыл вагон с запасными частями — заводы страны не скупились для стройки, — и Рубцов щедрой рукой подписал распоряжение: не ждать, пока исправят вышедшие из строя детали, а заменять их для быстроты новыми.

В районе копало землю больше десяти экскаваторов. Случалось, останавливались одновременно шесть-семь из них. Летучка не попевала. Тогда Рубцов прикрепил к каждому экскаватору «особых» уполномоченных из руководителей района. На экскаватор Завады попал Новиков, а к Байкину — Чихачёв.

Не очень-то рассчитывая на то, что Завада сможет достичь рекорда на самом трудном участке, Рубцов постарался создать все условия для Байкина: завёз на его экскаватор масло, запчасти и, наконец, поставил его по совету Чихачёва на перекидку земли, ранее вынутой из русла канала. Земля в отвалах мягкая, разрыхлённая — это не материковый грунт, — копать её легче, и Байкин начал ставить один рекорд за другим.

Однако кривая выработки земли, которую вычерчивал Рубцов в своей записной книжечке, упорно не желала становиться восходящей прямой и то и дело совершала стремительные скачки вниз, а вверх поднималась с большим трудом. Зато другая линия, которая была вычерчена на большом листе бумаги, висевшем на самом видном месте в кабинете, и по которой Рубцов делал свои доклады, была именно той восходящей прямой, о которой он мог лишь мечтать и которой гордился вслух. Чтобы эта

прямая, чего доброго, не скакнула вниз, а держалась на нужном для показа уровне, приходилось чуть ли не каждый день прибегать к быстро таявшему «запасцу».

В тайну волшебной «кривой» было посвящено лишь два-три человека, и непосвящённым казалось, что дела в районе идут блестяще.

Погода благоприятствовала строителям. Стояли безветренные, солнечные, с не большими морозцами дни. Так прошло полторы недели.

Завада копал теперь котлован для будущих сооружений шлюза вблизи посёлка. Первое время он с трудом приспосабливался к грунтовым водам, которые грозили засосать тяжёлый экскаватор, образовывали наледи на ковше. Тогда Завада придумал широкие щиты из шпал, окованные железом; на них экскаватор обрёл прежнюю устойчивость.

В середине декабря над степью разыгралась непогода. Метель бушевала и неистовствовала несколько суток; она обнаружила все слабые стороны строителей и отступила перед сильными. Особенно тяжёлыми были первые часы внезапно нагрянувшего шквала ветра и снега. За каких-нибудь два часа дороги замело, самосвалы стали, за ними остановились экскаваторы. Половина бульдозеров, как нарочно, находилась в эту ночь в ремонте, и дороги продолжало заметать всё больше и больше.

Рубцов с трудом пробирался на своём «газике»-вездеходе к экскаваторам, приказывал, ругался, но это не помогало. Наконец он приехал к Заваде.

— И ты стоишь! — сказал Рубцов, поднявшись в кабину. — Все встали, весь район.

— Машина исправна, — сказал Завада, — я бы поработал.

— Куда уж! — Рубцов махнул рукой.

— Если бы скреперы с тракторами были, я бы поработал. В скрепер грузить неплохо, по три ковша можно. Впереди пустить бульдозер для расчистки. Отвал недалеко — метров двести.

— Выйдет ли? — Рубцов покачал головой.

— На Урале метели, пожалуй, не хуже, — сказал Завада. — Там выходило.

— Ты слышал? Или сам так работал?

— И мне приходилось.

— А что? — оживился Рубцов. — Это мысль. Скреперы всё равно стоят в рембазе.

Пятнадцать штук. По четыре на экскаватор. Сделаем. — Рубцов заторопился. — Сейчас пригону тебе скреперы.

И действительно, не прошло и часу, как послышалось тарыхтенье тракторов. Отгребая в стороны снег, впереди полз тупоносый бульдозер, за ним виднелся трактор, волочивший коробку скрепера. Дальше мерцали пятна тусклых огней.

В кабину поднялся Новиков, весь усыпанный снегом.

— Принимай гостей, Завада. Десант прибыл в твоё распоряжение.

Завада отправил Белозёрова на дорогу, чтобы тот проинструктировал скреперистов, а сам сел за рычаги. Заглушая вой метели, загудел экскаватор, затарахтели тракторы. Завада начал зачерпывать один ковш за другим.

В работе появился новый, иной ритм — сначала три ковша подряд, затем небольшой перерыв, пока трактор подтаскивал под ковш очередную коробку скрепера, снова три ковша, снова небольшой перерыв. Работа шла без перебоев. Завада быстро овладел новым ритмом, в движениях его появилась обычная лёгкость и плавность. Он даже откинулся на спинку кресла.

— Хорошая всё-таки наша машина, «Уралец», — сказал он, загребая полный ковш смешанной со снегом земли, — безотказная. В любых условиях работает.

— В этом месяце жаловаться нельзя, — сказал Белозёров, — работа неплохо идёт. Как перестали гонять самосвалы на дамбу, кубики веселее пошли.

Новиков пояснил Белозёрову:

— С дамбой вопрос гораздо сложнее, чем вы думаете. Здесь-то работа веселее идёт, а на дамбе — стоит. Выбрасываем драгоценную землю на свалку.

— Подумаешь! — возразил Белозёров. — Дамба может обождать. Земли в канале сколько хочешь, на сто дамб хватит.

Скрепер несколько задержался. Завада положил ковш на землю, вынул из кармана пачку папирос и повернулся к Белозёрову.

— Вот что, Иван, — сказал он, закуривая, — иди-ка ты отдыхать. А насчёт дамбы запомни раз и навсегда: для неё не любая земля годится. Наша глина, что мы бросаем на свалку, — ей в самый раз.

Белозёров вышел, а Завада снова взялся за рычаги.

— Как же всё-таки с дамбой будет? — спросил он немного погодя.

— Как решили. Будем разбирать этот вопрос на бюро. Нелёгкое дело! Многие думают так, как Белозёров. И потом такой грунт имеется ещё лишь на шестом участке. А шестой участок мы передали четвёртому району. У нас такой земли не осталось.

Экскаватор повернулся к дороге, но вместо скрепера Завада увидел запылённый снегом «газик» и приостановил поворот.

— Приехал кто-то, — сказал он.

— Весьма кстати, — отозвался Новиков, — пора мне выбираться отсюда

Потирая руки, в кабину вошёл Рубцов.

— Как земляца? Поддаётся? Сколько вынули?

— Тысячи полторы уже есть, — ответил Новиков.

— Ну? — обрадовался Рубцов. — У других тоже пошло. Три «Уральца» работают то скреперами. Два шагающих — восьмёрка и десятка — тоже крутятся. На восьмёрке мотор поворота было заклинило. Я дал команду забрать мотор с двадцатки. Сейчас опять шпарит всюю.

— А как же двадцатка? — спросил Новиков.

— Ничего. Вернём. У неё всё равно фронт работы кончился. Ей шагать на третий участок. Дошагает пока без этого мотора. — Рубцов переменял тему разговора. — А Байкин, скажу вам, молодец. Жмёт всюю на своей десятке. Смотри, Завада, как бы он тебя не обставил.

— Земля покажет, — ответил Завада.

Байкин «жал». Он почти не различал ковша, скрытого завесой густого снега, — копал наугад. С вечера на отвалах сделали несколько взрывов, разрыхлили мёрзлый слой, и Байкин мог брать землю с любого места, до которого доставал ковш.

Экскаватор, несмотря на погоду, работал сегодня на редкость безотказно. Байкин беззаботно напевал под нос и думал о том, как удивятся все утром, когда узнают о результатах его работы, как после обеда он придёт в районное управление и постоит рядом с новой «молнией», которая будет рассказывать о его ночных достижениях.

Неожиданно Байкин услышал, как по обшивке кузова гулко стегануло канатом, и почувствовал, что ковш перестал его слушаться.

— Эй, Зинка, позови ребят! — остановив экскаватор, сказал Байкин девушке-учётчице, сидевшей рядом с ним с листком бумаги в руках. На этом листке она рисовала квадратики, похожие на маленькие конвертики, — каждый конвертик означал десять вынутых ковшей. Положив листок на табуретку, Зина ушла. Байкин взял листок и быстро пририсовал десять конвертиков.

— Фомин, — обратился он к одному из своих помощников, вошедших вместе с Зиной в кабину, — поди взгляни, что там стряслось? А ты возьми свою бухгалтерию. — Байкин протянул листок Зине. — А то посеешь. Пойдём погреемся, там теплей. — Они прошли в угол кузова, где на железном полу стояла электрическая плитка, и сели на деревянные ящики.

— Сколько там накрутило? — спросил Байкин.

— Триста девяносто, — ответила Зина, заглянув в листок.

— Порядок. Так работать можно, — добродушно сказал Байкин. — Да ещё десятка два ковшей проспала, наверно: уж очень ты рассеянная. — Он явно издевался над ничем не подозревавшей Зиной.

— Скучная у меня работа, — согласилась девушка, — надоедливая.

— Однако я пока посплю, а ты поскучай. Если что — разбуди.

Байкин привалился к стенке и вскоре захрапел. Зина достала из маленького мешочка вязанье и тоже принялась за дело. Так прошло с полчаса. Потом дверь с шумом распахнулась, и в кузов, все в снегу, вошли помощники.

— Закрывай дверь, — крикнул проснувшийся Байкин, — всё тепло выдует. Ну, чего там такое?

— Канат оборвался.

— Туда ему и дорога. Утром привезём со склада новый; а ставить я не буду, пускай смена Пятачкова сама ставит.

— А мы его уже связали.

Байкин с удивлением посмотрел на коротенького тщедушного Фсмина. Остроносое лицо того, посиневшее на ветру, было серьёзным.

— Где это ты канаты так быстро научился плести? — недовольно спросил Байкин. — У нас, как ты пришёл, канаты, вроде, ещё не рвались.

— А на курсах научили, — шмыгая носом, ответил Фомин. — На нашем экскаваторе, на котором мы учились, канаты каждый час рвались. А мы их опять сплетали.

— Садись, — сказал Байкин, давая Фомину место на ящике. — На, закури. Спешить особо некуда: ковшей и так хватит. Покурим перед новым заходом.

Метель продолжалась весь день, ещё одну ночь и ещё один день. Она то затихала на несколько минут, то с новой силой продолжала мешать работе людей: валила их с ног, швыряла на их машины облака снега, заметала дороги и дома.

Новиков, покинув тёплую диспетчерскую, вытаскивал из снега тракторы, ликвидировал порывы на высоковольтных линиях, от которых экскаваторы питались энергией, помогал во-время доставить горючее, смазку, запасные части. Он видел, как люди, готовые было в первый момент смириться и отсидеться в своих тёплых жилищах, люди, не верившие сначала в то, что они могут выйти победителями из единоборства с разбушевавшейся стихией, — сначала робко, а затем всё смелее и решительнее выходили на борьбу — и побеждали. Успех, одержанный ими в первую же ночь, как ни мал он был, показал им их собственную силу, окрылил и воодушевил их, они удвоили, утроили усилия — и победили.

Вечером тринадцатого метель стихла, и жёлто-матовая луна, поднявшаяся в небо, осветила развороченную степь, чёрную землю, освобождённую из-под снега.

Новиков впервые за эти дни побывал дома. Он быстренько переоделся, забежал в столовку, торопясь в диспетчерскую, а потом на оперативку, которая не проводилась двое суток.

Рубцов тоже готовился к оперативке, вместе с Чихачёвым подсчитывая итоги работы района.

— Я думаю, — говорил Рубцов, — дать сведения сразу за двое суток: так будет внушительнее. Даже и прибавлять сегодня ничего не станем, хватит этого, а то в запасе осталось всего двадцать тысяч. Нет, ты только представь себе — в тяжёлых условиях бурана район вынул двадцать шесть тысяч! Каково! Посмотрим, у кого будет столько.

— Снег, Павел Степаныч, — сказал Чихачёв, — снег необходимо прибавить. Кроме того, переработано двадцать тысяч кубометров снега.

— Двадцать? Что ты? Не двадцать, а сорок. Ясно? Такой буран! Продолжался двое суток! И спиши на буран две тонны горючего. Пригодится!

— Взрывные работы тоже...

— Взрывные работы тоже удвоим. Запасец надо увеличивать! Что там за шум? — спросил он, услышав голоса за дверью.

Чихачёв вышел из кабинета и вскоре вернулся.

— Народ там собрался. Просят разрешения войти. Интересуются, как вы докладывать будете.

— Давай их сюда! — Рубцов подошёл к двери и распахнул её. — Входите, товарищи Рассаживайтесь. Места хватит.

В кабинет, неся с собой свежесть морозного воздуха, вошли густой толпой экскаваторщики, водители самосвалов, скреперисты. Рубцов включил селектор, и почти тотчас раздался голос начальника строительства.

— Я — Басов, я — Басов. Все слышат меня? — Басов быстро сделал переключку. — Начинаем.

Рубцов нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Пока всё шло отлично. Первый и второй районы вынули какую-то мелочь, по десяти тысяч. И всё равно Басов их похваливает: видно, крепко насолила погода.

— В третьем я сижу сам, — говорил Басов, — обстановка у нас такая: за двое суток переработано двадцать три с половиной тысячи кубометров.

Чёрный ящик приветственно зашумел. Рубцов снисходительно улыбнулся: всё равно у нас больше.

— Тише! — оборвал Басов. — Слушаю четвёртый.

— Двадцать семь тысяч, — доложил четвёртый район.

Рубцов, даже привставший он нетерпения, тяжело опустился в кресло — надо было срочно найти выход. Потом он снова встал и решительно доложил:

— За истекшие двое суток пятый район вынул, — Рубцов сделал паузу, — тридцать тысяч кубометров!

Он гордо выпятил грудь и победоносно обвёл взглядом улыбающиеся физиономии строителей, ловя восхищённые и удивлённые возгласы на линии.

Дальше цифры пошли на убыль, возбуждение понемногу улеглось.

— Подвожу итоги, — сказал Басов. — На первом месте пятый район. Коллектив района показал, что погода не может служить оправданием для снижения темпов. Объявляю строителям района благодарность. А товарища Рубцова прошу поделиться с ними секретами своей работы. Со скреперами работал?

— Со скреперами, Иван Фомич, — ответил Рубцов.

— Ты по порядку. Пусть молодёжь послушает. Поучится у старой гвардии.

— Рассказывать особенно нечего, — скромно начал Рубцов. — Ночью разыгрался буран. Все на участки. Я тоже. Приезжаю на один экскаватор. Стоит. Еду дальше. Та же самая картина: не идут самосвалы. Я на третий. Смотрю, один самосвал сполз в канаву, другой перевернулся вверх тормашками. Что делать? Принимаю решение: пустить в дело скреперы с тракторами. — Рубцов покосился на Заваду. — Мчусь на ремзавод, организую инструктаж своего метода, развожу скреперы по «Уральцам». Все бульдозеры — в ход. На расчистку дорог. Потом берусь за шагающие. Словом, пошла земля. Одного снега переработали на расчистке сорок тысяч.

— Как шлюз? — спросил Басов.

— Мною специально поставлен на шлюз самый сильный экскаваторщик Алексей Завада. За шлюз я теперь спокоен.

— Расскажи о людях, кто как работал. Или, пожалуй, пусть об этом расскажет секретарь парторганизации района товарищ Новиков. Он на линии?

— Здесь, — ответил Рубцов, неохотно уступая место у чёрного ящика подошедшему Новикову. Новиков достал записную книжечку, повертел её в руках и спрятал, так и не заглянув в неё.

— Работали, не жалея сил, — начал он. — Все! Экскаваторщики, скреперисты, электрики, бульдозеристы. — Новиков обвёл рукой присутствующих в комнате. — Работали дружно, с огоньком. Вот комсомолец Фомин. Узнал, что два экскаватора встали из-за обрыва тросов, и говорит: «Наша смена кончилась, я свободен. Давайте сплету». Оказался замечательным специалистом. За двое суток сплёл девять тросов. Лучшие экскаваторщики добились рекордных для района показателей. Алексей Завада переработал за смену тысячу восемьсот кубометров. Экскаваторщик Байкин — тысячу семьсот. Иван Белозёров — тысячу пятьсот.

— Прошу прислать мне списки отличившихся строителей, — вставил Басов. — Для премии. Продолжайте.

— В районе рождается коллектив, сильный своей верой и умением. Однако было бы неправильно говорить лишь о наших успехах. Есть у нас и потери, которых мы могли бы избежать при более чёткой и продуманной организации. На восьмом экскаваторе по вине бригадира произошла серьёзная авария. Опрокинулись и вышли из строя три самосвала, два бульдозера разбились, опрокинувшись в забой. И самое серьёзное: два человека в больнице с тяжёлыми переломами рук и ног. Таковы наши итоги, — кончил Новиков и пошёл на своё место.

Линия напряжённо затихла, в ящике слышалось густое дыхание многих молчав-

ших людей. Мрачным, тяжёлым взглядом Рубцов смотрел в спину идущего на своё место Новикова. Наконец Басов громко произнёс:

— На днях приеду в район. Если вопросов нет, совешание кончено.

Когда строители разошлись, Рубцов, попросивший Новикова остаться, заговорил:

— Эх, парторг, парторг! Неужели нельзя было найти более подходящего места для самокритики. Вас допустили к селектору, а вы!.. Мне стыдно за вас.

— Разве я сказал хоть слово неправды?

— Попробовали бы! Я квалифицирую ваши действия как подрыв моего авторитета и буду требовать, чтобы вопрос о вашем поступке был поставлен на бюро. Как видно, мои успехи не дают вам покоя, и вы всячески пытаетесь принизить их значение. Не выйдет. Не на такого напали.

— В понедельник состоится бюро. Будем разбирать вопрос о дамбе. Как член бюро вы можете высказаться на заседании по любому вопросу.

— Вот! Снова хотите подорвать мой авторитет. Следили бы лучше за автобазой, работу в которой вы довели до полного развала.

— Автобаза идёт с опережением графика, — возразил Новиков.

— Что вы мне пускаете дым в глаза. А люди? Люди разболтались до предела, трудовой дисциплины — никакой. А теперь, вдобавок ко всему, вывели из строя три самосвала...

В партбюро Новиков застал Заваду, который ждал, пока художник заготовит стандартные «молнии». Самому Заваде оставалось только проставить фамилию, выработку и число процентов. Вскоре «молнии» были заполнены, Новиков просмотрел их, и художник ушёл.

— Я бы ещё «молнию» нарисовал, — заговорил Завада, — как двадцатку раскулачивают. Сначала мотор — и так далее. Сейчас бригадир сказал, что уже до тросов добрались.

— Ободрали всё-таки экскаватор? Предупреждал ведь его, — Новиков снял трубку; ему ответили, что начальник района уехал на участки. — Уже уехал. И почему только у нас обязательно считают начальника хорошим за одно то, что он не любит сидеть в кабинетах? А на самом деле? Заберётся на самый дальний участок и давай командовать бульдозером: хлеб отбивает у прораба. Помнишь, во время войны чему нас, офицеров, учили? Не лезть, не зарываться, не водить в атаку отделение, а руководить боем. Так и эти — некабинетные — водят в атаку каждый бульдозер, а начальники участков, отделов по целым дням не могут их найти, чтобы решить какой-либо срочный вопрос. Такой начальник с кругозором прораба анализ работы делает так: «Вчера дали двадцать тысяч, сегодня — десять. Что поделаешь: день на день не приходится, всякое бывает». Философ! От таких всё дёрганье, вся штурмовщина.

— Это так, — согласился Завада. — Про Байкина тоже люди говорят.

— А что Байкин?

— Говорят, ковши приписывает. Рекорды ставит на песке да на перекидке.

— Конечно же, его специально перевели. Нужен же в районе свой рекордсмен для отчётов! А вот насчёт приписки...

— Со мной тоже разговор небольшой был на эту тему.

— Ну, ну!..

— Земли у нас оказалось по замеру на три тысячи больше. А он, Рубцов, говорит, давай перенесём тебе эту землю из ноября в декабрь. Тогда тройне за неё получишь.

— Не понимаю, зачем это могло ему понадобиться?

— Я и сам думал..

— Ну и..

— Мне — прогрессивка, а ему — план. Тут три, там ещё пять. Декабрь-то ведь — уж его месяц!

— Неужели может это быть? А впрочем... В любом случае — проверю. Этак можно утонуть в текучке — всё на свете проглядишь. Вся организация первичного учёта у нас рассчитана на честных. Жуликам здесь райское приволье. На экскаваторе сидит учёт-

чица, на дамбе ставят крестики учётчица, самосвалы считает она же. У нас в районе больше семидесяти девушек-учётчиц. Как девушка скажет, так и будет. Я не против девушек, но ведь до анекдотов доходило. Помнишь, летом, когда два скрепериста нагрузили скреперы и давай кататься мимо неё с одной и той же землёй взад и вперёд: от забоя к дамбе, от дамбы к забую? Девушка слышит: мимо что-то тарыхтит — и ставит себе крестики. За ночь несколько сот наставила. Или такой случай. Экскаватор выкинул в отвал сто тысяч, а другой через два месяца встал на перекидку и перекинул из этого же самого отвала уже сто тридцать тысяч. Или: «Уралец» вынул пятьдесят тысяч, а самосвалы, которые увозили от него землю, вывезли семьдесят. Кто виноват? Девушки? Контроль никудышный.

→ С «Уральцами» это потому, — сказал Завада, — что мы считаем землю на кубы, а вы, автомобилисты, ту же землю возите, а считаете её на тонно-километры. Тут как хочешь можно вертеть.

Зазвонил телефон. Новиков взял трубку. Говорил главный механик строительства. Он сообщал, что в управление прибыл новый счётчик ковшей для экскаваторов. Решено передать его пятому району. Надо присылать человека.

— Сконструировали-таки? — спросил Завада, когда Новиков положил трубку.

— За три года можно было сконструировать не только счётчик, но и завод для производства счётчиков. Сколько разговоров вели о нём! Завтра привезём и поставим его на экскаватор Байкина. Проверим, как он будет ставить рекорды со счётчиком!.. Масса ещё вопросов у нас нерешённых. Куда ни копни — учёт труда, технологию, организацию работ, малую механизацию — везде такие дела, которые нам в копеечку влетают.

— Без трудностей нельзя, — поучительно заметил Завада.

← Трудности, трудности! Когда только они кончатся, эти трудности? — Новиков произнёс эти слова таким обиженным тоном, что Завада, а вслед за ним и сам Новиков громко расхохотались.

— Нет, серьёзно, — продолжал Новиков. — Я понимаю, что трудности всегда будут. И при коммунизме. На самой лучшей машине при образцовой организации труда тоже нелегко будет копать каналы в каких-нибудь новых Кара-Кумах.

← Нам теперь копать, копать, — задумчиво сказал Завада, — пока всё не выкопаем.

— Поэтому-то и должны мы больше думать, как нам копать, и вообще. Как коммунизм строить. Трудности трудностям рознь. Переделывать природу — трудно, но эта работа заставляет человека гордиться собой! А вот иметь дело с делягами, с равнодушными, безразличными людьми — не очень-то весело...

Пытаясь разобраться в действиях Рубцова, Новиков тогда ещё не мог уловить в них по-своему стройной единой системы. Он знал лишь несколько разрозненных фактов, но ведь с подобными фактами плохой организации труда, нарушениями строительной технологии он и прежде сталкивался не раз.

Ещё задолго до приезда Рубцова Новиков рассказывал мне невесёлую историю о малой механизации. К нему пришёл рабочий с арматурного двора. «Что же получается, товарищ секретарь, сказал этот рабочий, мы строим коммунизм, а у нас в ходу доисторические методы, как при царе Горохе». Новиков пошёл вместе с ним на арматурный двор. Безотрадное зрелище. Стальные прутья толщиной почти в руку рабочие гнули голыми руками, под «дубинушку». Таскали всё на своём горбу. Тем обиднее, рассказывал Новиков, что тут же рядом, на виду, работали экскаваторы, монтажные краны, а в трёх шагах от них механизация — ноль процентов. Новиков стал разбираться. Оказалось, по проекту организации работ арматурный двор должен развернуться лишь к началу бетонных работ, когда потребуется много арматуры. Тогда, мол, пришлют и станки для гнутья стальных прутьев, и краны, и сварочные установки. Но то — по проекту. А на деле арматура потребовалась гораздо раньше. Новиков с трудом вычарапал для арматурщиков две лебёдки.

На разработку проекта организации работ ушло года два, если не больше. Стоил он, наверное, не один миллион и выполнен был добросовестно. Одна беда: проект

слишком долго делали, и за это время он успел устареть. Появились новые машины, не предусмотренные проектом, а некоторые, запланированные, не оправдали надежд. Когда развернулись работы, технологические схемы проекта организации работ оказались на полках, и никто из строителей ими не пользовался. Организовывали работы заново, зачастую на ходу, с учётом тех машин, которые имелись под руками. Разнобой получался удивительный. Рядом с новейшей техникой соседствует, бывает, старинная-матушка. Самосвал — сам сваливает. А грузят в него частенько ещё вручную. Толстенные трубы пульповодов перетаскивают тоже частенько вручную, а землесос тем временем стоит.

Мне приходилось бывать почти во всех районах стройки, и немало я видел стоящих экскаваторов, которые всегда производят гнетущее впечатление.

Одна из причин простоев — неполадки в комплексной механизации. Современное строительство настолько густо населено машинами и механизмами, взаимно дополняющими друг друга, что нарушение ритмичной работы на одном участке тотчас сказывается на работе других, ведёт к перебоям, к потерям времени. Часто строители ищут причину больших простоев в медленном ремонте машин. Думается, что они ошибаются. Медленный ремонт — это следствие. Причина же в том, что у строителей скопился излишек машин. Об этом позаботились в первую очередь те же проектировщики, составившие проект организации работ: они вообще имеют тенденцию проектировать с запасом, на всякий случай. Мало того, любой начальник старался получить для своих объектов побольше машин. Страна ничего не жалела для стройки, и этим пользовались, этим злоупотребляли. Скажем, району достаточно пяти экскаваторов. А удалось запустить восемь. Что выходило? Примерно три экскаватора из восьми всегда простаивали без дела. Вот уже свыше тридцати процентов простоя. А ведь это лишь сверхнормативные простои. Получается не борьба за уменьшение простоев, а, наоборот, за то, чтобы запустить побольше машин, то есть борьба за увеличение простоев. Именно к этому сводится стремление иметь «запасец» машин, если уж докапываться до корня. И если сравнить максимальную сменную или суточную производительность машины со средней годовой, получалась огромная диспропорция. Парадные сменные и суточные показатели были отличные, а годовые — очень посредственные.

Будь у строителей машин в обрез, они стояли бы меньше, и коэффициент полезного использования техники увеличился бы. Это почти парадоксально, но это именно так! Ведь могут же в промышленных карьерах те же экскаваторы работать с полезным коэффициентом в восемьдесят процентов. На стройках о такой цифре бояться даже мечтать. А ведь каждый процент этого коэффициента равносит сотням новых машин. Вот где огромный источник резервов.

Именно таким носителем теории «запаса» был Рубцов, не брезгавший никакими средствами, чтобы записать в своих отчётах побольше кубов, киловатт, нормочасов, чтобы омертвить в своих складах побольше тонн, литров, штук. Постепенно эта система Рубцова стала раскрываться Новикову, мелкие факты оказывались связанными друг с другом. Беседуя с Новиковым, я узнал многое из того, о чём рассказано выше, и сам поделился с ним своими наблюдениями.

Рубцов становился всё яснее и понятнее.

Между тем события разворачивались своим чередом.

Через несколько дней в районе побывал начальник строительства. Пятый район и прежде работал неритмично, а теперь несоответствие между началом и концом месяца увеличилось ещё более. Шла вторая половина декабря, и район «штурмовал». Рубцов то и дело объявлял «дни повышенной выработки». В такой день и приехал Басов. Рубцов сумел с выгодой для себя провезти начальника по району, показал ему, как работает знаменитый Байкин и несколько менее знаменитый Завада. Рубцов боялся, что начальник строительства вспомнит о сообщении Новикова, однако Басов, сделав несколько замечаний о частностях и оставшись доволен общей обстановкой, уехал.

А Рубцову было что показать. Экскаваторщик Василий Байкин ставил последние дни неслыханные на стройке рекорды. Его портреты, один крупнее другого, появлялись

на досках почёта, в газетах. Байкин узнал, что на его экскаватор собираются ставить счётчик, и изо всех сил старался отсрочить это роковое событие.

Два электрика возились в кузове с электрической схемой, включая в неё счётчик. Чтобы электрики могли работать, требовалось прежде отключить экскаватор от сети. Это-то и решил использовать Байкин. Он категорически заявил, что не позволит останавливать машину. Электрики терпеливо ждали, пока экскаватор остановится сам, но, к их удивлению, он не останавливался два дня. На третий разладились были тормозные колодки. Однако Байкин наладил их с такой быстротой, что электрики не успели проделать и четверти работы. Он снова продолжал копать, не забывая, разумеется, прибавить, пока есть возможность, сотню-другую ковшей.

Наконец счётчик установили. Рубцов и Новиков приехали на экскаватор. Байкин начал загребать ковши. Счётчик, бесстрастно щёлкая, отсчитывал их.

— Нельзя ли зачерпнуть полковша? — попросил Новиков.

Байкин зачерпнул половину ковша. Счётчик безмолвствовал. Байкин покрылся жарким потом, вспомнив, сколько таких ковшей выбросил он в отвалы.

— Ещё полковшика, — попросил Рубцов.

Но сколько ни зачерпывал Байкин, счётчик был упрям. Как только в ковше был недобор, счётчик пропускал его.

— Справедливая машинка, — сказал Новиков, — именно такая нам нужна.

Потускневший Байкин с остервенением загребал полные ковши, может быть, надеясь, что счётчик засчитает один за два или — вот здорово бы! — сломается.

Первым вопросом в повестке дня заседания партийного бюро стоял вопрос о дамбе. Вторым — о двух коммунистах, бригадирах экскаваторов, нарушивших трудовую дисциплину и допустивших аварии на своих машинах. Однако вопросы пришлось переставить: Рубцов где-то задержался.

Уже Завада, по поручению бюро выяснявший причины аварии, сделал сообщение, уже бригадиры признали свою вину, уже кончилось жаркое обсуждение (такой вопрос разбирался на бюро впервые), уже бюро вынесло решение — объявить виновникам аварии выговор, а Рубцова всё не было.

— Что же делать? — спросил Новиков. — Какие есть предложения — ждать или расходиться?

— Давайте поищем его по телефону, — предложил Завада, — может, что где случилось.

Новиков стал искать. Ему удалось связаться с Рубцовым, находившимся на участке шлюза.

— Павел Степанович, мы ждём вас, — сказал Новиков.

← Не понимаю, чем могу быть вам полезен в разгар рабочего дня.

← Бюро было назначено на пятнадцать ноль-ноль. Сейчас уже восемнадцать.

← Ах, да, простите. Забыл. Займитесь пока другими вопросами.

← Все другие уже решены. Дело за вашим.

← Значит, вы всё-таки намерены обсуждать мой приказ?

← Партийное бюро вправе обсуждать вопрос о задержке строительства дамбы.

← Вы и впредь намерены занимать такую позицию?

← Это будет зависеть не от меня. Приезжайте, обо всём поговорим.

← Я не могу бросить работу.

← Вас ждёт партийное бюро. Восемь человек.

← А у меня стоит экскаватор. Что важнее — тысяча кубов или ваши разговоры?

← Если вы не можете или не хотите приехать, скажите об этом прямо. Мы отложим заседание.

← Прошу вас не приписывать мне своих собственных мыслей. Закруглюсь — и приеду.

← Когда?

← Не знаю. — Рубцов со стуком положил трубку.

Новиков пересказал свой разговор с начальником. Что делать? Может, передать дело в политотдел — туда-то он наверняка приедет. Обсуждение неожиданно сложив-

шейся обстановки было прервано телефонным звонком. Новиков снял трубку. Звонил главный инженер района.

— Товарищ Новиков? Говорит Чихачёв. Павел Степаныч просил меня передать, что он уже кончил все свои дела и через пять минут будет у вас. Он уже выехал.

Члены бюро могли сколько угодно недоумевать, почему так неожиданно переменял своё решение начальник района. Они не могли знать, что Чихачёв уже два часа разыскивал по всем участкам Рубцова, чтобы сообщить ему важную новость. Чихачёв получил телеграмму: с Минского автозавода отгружено в адрес района двадцать пяти-тонных самосвалов. Прочитав телеграмму, Рубцов тут же приказал Чихачёву возить землю на дамбу, попросил его позвонить Новикову и, узнав, что тот ещё на месте, помчался на бюро. Он равнодушно выслушал все упреки по поводу своего поведения, все доводы, доказывающие неэкономичность его приказа, снисходительно ответил на вопросы, а когда дело стало принимать серьёзный оборот, неожиданно встал и сказал:

— Слушаю вас и не понимаю. Какой смысл тратить столько времени на разговоры? Час назад я отдал приказ главному инженеру о переброске самосвалов. В дамбу уже уложили несколько сот кубов, а вы всё говорите...

Байкин решил примириться со счётчиком. По сводкам он уже давно перевыполнил свою месячную норму, и теперь, несмотря ни на какие счётчики, каждый ковш считывался ему по тройным расценкам.

Байкин рассудил также, что со счётчиком жить спокойнее: потеряв возможность приписывать ковши, Байкин вместе с тем перестал бояться, что его разоблачат и выведут на чистую воду. Чтобы не уронить свою марку и не возбудить подозрений, он старался вовсю, берёг каждую минуту рабочего времени, сокращал время цикла, но прежних невиданных рекордов уже не было, выработка его заметно упала: приписывать ковши было куда легче, чем работать по-честному.

Байкину явно не везло, честная работа продолжалась недолго. Случилось непредвиденное событие, которое заставило его вновь свернуть на проторённую, лёгкую дорожку. Это случилось тёмной, глухой ночью. Экскаватор Байкина стоял на отшибе, и лишь спустя несколько недель, когда над Байкиным состоялся товарищеский суд, стали известны подробности этого тёмного дела.

В полночь на экскаваторе произошла крупная авария — сломалась шестерня. Экскаватор встал в самый неподходящий момент, когда Байкину шла прогрессивная оплата. Но коль скоро дело касалось денег, он становился изобретательным и неутомимым. Он решил взять шестерню с раскулаченной двадчатки, дескать, всё равно она там без пользы. Байкин раздобыл самосвал, под покровом ночи выкрал шестерню и привёз её на свою машину. А куда девать сломанную? Байкин и тут не растерялся. Сев за рычаги, он выкопал ковшом яму и похоронил в ней шестерню. Похороны сопровождался шёлканьем счётчика, который засчитал ему за эту операцию десять ковшей. Байкин во всё горло хохотал над обманутым счётчиком.

Днём 31 декабря Рубцов и Чихачёв подводили итоги своей работы.

— Есть чем встретить Новый год, — говорил с улыбкой Рубцов, с удовольствием повторяя цифры итогов. — Не считая сегодняшней дневной смены, всего вынута пятьсот девятнадцать тысяч. Сегодня крутятся семь экскаваторов, значит, вынем ещё десять. Итого — пятьсот двадцать девять. А план — пятьсот тридцать. Не будем ссориться из-за одной тысячи с арифметикой: пусть будет девяносто девять и восемь десятых процента. Смотри-ка, выполнили-таки план. А шестьдесят запасных тысяч дадут нам премиальные проценты. Итого — сто одиннадцать, одна десятая процента. Вот мы и на первом месте. Правильно Басов вчера сказал: четвёртый район нас уже не догонит, даже если бы мы сегодня целиком стояли. Знамя наше!

Рубцов спрятал записную книжечку в карман и подошёл к красиво оформленному графику на стене: по нему он делал ночью доклад начальнику строительства. Утром Басов улетал в Москву с годовым отчётом, а ночью, основываясь на предварительных данных, он присудил первое место пятому строительному району, чтобы победители успели получить переходящее знамя в торжественной обстановке новогоднего вечера.

— Ничего! — продолжал Рубцов. — Пусть четвёртый посидит на втором месте. Работать надо было, теперь поздно рассуждать. Сегодня привезут знамя. Вчера на стенку было полезли: давайте подождём инструментального замера, может, он внесёт больше ясности в обстановку. Внёс? Жди-ка! Я оперативный учёт поставил точно.

— Пора бы, — вставил слово Чихачёв, — Капелланскому обработать результаты замеров.

— Куда спешить? Тысячей меньше, тысячей больше.

— Теперь в вашем кабинете будет стоять знамя...

— После вручения прошу ко мне на квартиру. Все начальники отделов уже приглашены. Новикова надо тоже позвать. Ты обязательно приходи.

— Благодарю, Павел Степаныч. Непременно.

— Не для себя я стараюсь — для района, для канала. Погуляем — снова за работу! В январе придётся нажимать — дай боже. Басова в Москве, наверное, так накачают, что он всучит нам на январь тысяч шестьсот. Придётся как-нибудь выкручиваться. Вот и Капелланский, — сказал Рубцов, увидев в дверях невысокого, полного мужчину с белыми усами на круглом лице. — Какие новости?

— Невесёлые, скажу вам, у меня новости, — быстро заговорил Капелланский. — Сначала всё идёт хорошо, всё сходится, всё правильно. Потом смотрю и прихожу в ужас. На том участке, где работает этот Байкин, нехватает двадцати девяти тысяч. Вы только подумайте, двадцать девять!

— Ну это вы бросьте! — не поверил Рубцов.

— Точно, ручаюсь! Этот экскаваторщик всех перехитрил, всё время прибавлял себе потихонечку. Мне его рекорды с самого начала казались подозрительными.

— Что же теперь будет, — испугался Чихачёв, — как могло случиться? У него же счётчик.

— Счётчик поставили неделю назад. Он всё до счётчика сделал.

Рубцов был вне себя.

— Я с ним сейчас разделаюсь. Чихачёв, скажи Тамаре, чтобы тотчас нашла его и, живого или мёртвого, приволокла сюда.

Чихачёв вышел.

— Нет, подумать только, какой подлец! — возмущался Рубцов, нетерпеливо расхаживая по кабинету.

— Что же всё-таки делать с двадцатью девятью? — спросил Капелланский.

— Что ты посоветуешь?

— Некрасиво портить общую картину, такую красивую. Жаль. Возьмём из будущего месяца. Документы я оформлю, что делать...

Рубцов приостановился.

— Видимо, так и придётся сделать, — раздражённо бросил он.

— За Байкиным пошли, — сообщил Чихачёв, возвращаясь в комнату.

— Ладно, Константин Ильич. Иди, оформляй. А вечером прошу ко мне в гости.

— Спасибо. Вы не сомневайтесь, всё будет в порядке.

Рубцов снова заходил по кабинету.

— Эх, Байкин, Байкин! Зачем я только связался с этим идиотом? Смотри, на что он меня толкает, на приписку. Подожди, Байкин, запомнишь ты своего начальника. Однако, как ни крутишь, ничего не сделаешь. Без этих двадцати девяти тысяч не владать нам первого места, как своих ушей. А этот Капелланский-то, тоже хороший жук. Сначала юлил, юлил: «Шестьдесят тысяч — ноябрьские, их нельзя переносить!..». Стоило квартиру дать — сразу умнее нас стал!

— Вы думаете, — спросил Чихачёв, — что дело не обойдётся?..

— Обойдётся-то обойдётся: инструментальные замеры до весны практически проверить невозможно. Не люблю так делать. Однако в данном случае обстоятельства против нас, Михаил Петрович. Где этот Байкин шляется?

Байкин прибыл через полчаса. Баня, которую ему закатил Рубцов, была такой горячей, что на этот раз Байкипа прошиб холодный пот. Байкин вывёртывался и так и сяк, он ссылался на машину, на учётчиц, на неправильный счётчик, на ошибку геодезистов, выискивал десятки других причин, а под конец, видя, что ничего не помогает,

решил задобрить рассерженного Рубцова и намекнул, что готов отказаться от зарплаты за эти злополучные двадцать девять тысяч в пользу начальника. Рубцов вскипел, пригрозил Байкину судом и выгнал его из кабинета.

Перепуганный насмерть Байкин бросился искать защиты у парторга. Разумеется, это была безнадежная попытка, но Байкин решил схитрить. Он ни слова не сказал о двадцати девяти тысячах, а только о семи ноябрьских, которые начальник района приказал ему прибавить в декабре. А теперь вот у начальника цифры не сходятся, а он, Байкин, отвечай. Сам велел, а теперь хочет на других свалить. Не пройдет такой номер.

Новиков, не перебивая, выслушал бессвязный рассказ.

— Что же, товарищ Байкин, — сказал он, — за приписку ковшей, за очковтирательство предадим тебя товарищескому суду. Ты не имел права выполнять такое приказание, и твоя вина, твой обман от этого не уменьшаются. Будешь отвечать перед своими товарищами.

Байкин понуро ушёл.

Новиков задумался над создавшейся обстановкой. Последние два дня, продолжая готовиться к докладу на партийном собрании, он, как и Рубцов, тоже подводил итоги работы района. Итоги были малоутешительные. Теперь, вдобавок ко всему, он узнал такие важные вещи, что уже не мог дожидаться собрания, и решил действовать немедленно.

Собрав в папку бумаги, Новиков отправился к Рубцову. Тот был один.

— А, парторг! — громко сказал Рубцов. — С наступающим! Как раз собирался тебе звонить. Хватит нам с тобой ссориться, особенно в такой день. Можешь принимать поздравления. Подвёл все итоги. Инструментальные данные ещё раз подтвердили, что мы заняли первое место. А вечером приглашаю тебя в гости, пропустим по маленькой...

— Я тоже подвёл кое-какие итоги, — сказал Новиков, — и хотел, чтобы меня выслушали.

— С удовольствием.

— Я считаю, — Новиков старался говорить как можно спокойнее, — что коммунизм надо строить коммунистическими методами, а мы завоевали знамя нечестным путём. Мы должны от него отказаться.

— Да ну? — с подчёркнутым удивлением протянул Рубцов. — Разговор становится интересным. Продолжайте, пожалуйста, слушаю вас. Только поконкретнее, если можно.

— Вот мои итоги. Первое — мы выполнили план, пользуясь тем, что в районе после передачи шестого участка образовался излишек машин. Второе — наличный парк экскаваторов в результате штурмовщины и отмены профилактики находится в плачевном состоянии. Слишком дорого будет стоить такое знамя: в январе половина машин встанет. Третье — некоторые машины разукomплектованы: я имею в виду э-ша номер двадцать и другие машины. Четвёртое — искусственно раздуваемые успехи некоторых экскаваторщиков, для которых создавались наиболее благоприятные условия работы в ущерб другим. Пятое — случай с дамбой, который привёл к удорожанию строительства. Шестое — на основе рвачества в районе имеет место перерасход фонда заработной платы за декабрь...

Рубцов резко встал.

— Эге, парторг, да вы, я вижу, вдобавок ко всему демагог. Вы эти шгучки бросьте! Иначе придётся с вами в другом месте разговаривать Эвон, куда махнули! Перерасход фонда зарплаты! Так что же, выходит, из-за вашего фонда я должен сдерживать трудовой энтузиазм стахановцев? «Смотрите, мол, товарищи, не очень-то торопитесь! Не переысплните как-нибудь своей нормы, а то, чего доброго, придётся вам прогрессивку платить, фонд заработной платы перерасходуем, товарищ Новиков сердиться будет!» Так, что ли, мне с ними разговаривать прикажете или, наоборот, — звать их вперёд, не успокаиваться на достигнутом? А?

— Если вы высказались, разрешите, я продолжу. Седьмое — в погоне за процентами вы занимались приписками. Я ещё не знаю точно, сколько земли приписано к плану, — это должно явиться предметом специального расследования. — однако семь

тысяч, которые из ноября приписал по вашему указанию Байкин, включены в победный доклад. Дело Байкина мы передаём в товарищеский суд, а...

— Да если хотите знать,— грубо перебил Рубцов,— я сам привлекаю этого сукина сына, но не к товарищеской, а к уголовной ответственности: за попытку всучить мне взятку при свидетеле Чихачёве. — Рубцов сообразил, что Новиков не знает о двадцати девяти тысячах, голос его стал более уверенным. — Как раз с этими семью тысячами я его и поймал. Припёр его к стене, а он хотел взятку... Теперь этот подлец хочет оклеветать других. Не выйдет.

— Я думаю,— сказал Новиков,— после того, как вы узнали моё мнение, будет гораздо полезнее, если его узнают в управлении, куда я сейчас же отправляюсь. Если вам есть что сказать по существу, готов выслушать.

— Мне всё ясно. Отправляйтесь куда угодно!.. Продолжим наш разговор в другом месте! — крикнул Рубцов в спину Новикову и немедленно вызвал Чихачёва.

— Михаил Петрович,— сказал он ему, барабая по столу,— тут маленькая неприятность получилась. Новиков узнал про ноябрьскую землю.

— Про шестьдесят тысяч? — с ужасом переспросил Чихачёв.

— Точно ещё не знаю — сколько, однако про Байкина знает. Тот, что ли, сам ему выболтал. Так или иначе, нужно принять кое-какие меры. Иди сейчас к Капелланскому и засядь с ним за документацию. Тот замер, сделанный 30 ноября, перепишите на 30 декабря. Понял? В ноябре мы ничего не мерили, а про те шестьдесят тысяч только вчера узнали. Только вчера мерили. Ты меня понял?

— Как, как? — растерянно спрашивал бледный Чихачёв. Рубцов снова принялся втолковывать ему свой план.

— В самом деле,— заговорил наконец Чихачёв с надеждой, но ещё не вполне уверенно. — Это идея!

— Со мной не пропадёшь! Я сто Новиковых обедеу. Простак. Пришёл и всё выложил. Я теперь всё знаю, что он знает. Посмотрим, кто кого. Знамя — у меня!

— А как же январь? В январе-то оно — тютю...

— Нашёл, о чем беспокоиться! У меня в запасе есть ещё сто один способ!.. Однако берись за дело. От Капелланского зайдёшь к Байкину, поговоришь с ним. В случае чего, повлият на него, успокой. Они на него говорят дело в товарищеский суд. А для нас главное — получить сегодня знамя. Победителей не судят. Победителям выдают премию. Если что, ищи меня на участках. Поеду проветрюсь.

Новиков вызвал Заваду и коротко рассказал ему о своих новостях.

— Я еду к начальнику политотдела или к кому-нибудь из заместителей Басова. Останешься за меня. Проследи за организацией вечера. Торжественная часть. Самодеятельность. Сейчас десять минут шестого. Часам к восьми вернусь. Возникнет необходимость — позвоню тебе. Ты тогда постарайся оттянуть торжественную часть до моего приезда. На «газике» я быстро обернусь. Действуй.

Новиков снял трубку и попросил гараж. Ему ответили, что через десять минут машина будет готова. Новиков положил трубку и повернулся к Заваде.

— Я в последнее время, когда готовился к докладу и копался во всей этой кухне, думал: почему он так работает? Ради чего? Знаешь что? Дело не в нём, не в Рубцове. Дело в том, что существуют ещё на стройках условия для подобных методов работы. Возьми тот же случай с этой дамбой Рубцов ведь прекрасно снимал, что к чему. Как только прибыли самосвалы, сразу отменил приказ. И ещё нас упрекнул. А сто тысяч кубов тем временем выброшены на свалку. Я не считаю, что этот случай так и кончился тогда на бюро. Материал лежит в политотделе: здесь ведь дело — минимум на полмиллиона рублей! Мы виноваты в том, что это стало возможным. А произошло так потому, что нет ещё у нас в земляных работах железной технологии. Почему мы победили в промышленности? Потому что установили и внедрили в жизнь железную технологию для самой крошечной гайки, для каждого болтика. Поэтому и добились такого успеха наши машиностроители, авиастроители. Пока новейшая, такая же железная, технология не станет законом для земляных работ, до тех пор мы будем строить дорожки и медленнее, чем можем. Как у нас Рубцов командует: «Эй, давай крутись-копай!». А как

копать: какой машиной лучше, на какой отметке ей идти, в какую сторону двигаться, в какую сторону грузить грунт, куда его отвозить? Как хочешь, так и делай. Полная свобода. Отсюда лишние передвижения экскаваторов. Отсюда брак, перерасходы, беспорядки. Вот опять же мы много уже выкопали земли, а выкопали её кое-как, профиля полного нигде нет. Фронта для бетонных работ нет, для мощения откосов — нет. А технологи на стройке находятся на задворках, их стремятся превратить в придаток производственного отдела.

— Почему же всё-таки так? — задумчиво спросил Завада. — Ведь он был знаменитым строителем, у него есть свой метод земляных работ, об этом даже начальник строительства говорил.

— Метод? — Новиков невесело усмехнулся. — Знаешь его название? Я специально интересовался: «Поточный метод массового применения грабарок». От такого, устаревшего на сто лет, авторитета всё и происходит.

— Да, — согласился Завада. — Пожалуй, диагноз поставлен правильно. А как лечить?

— Самым беспощадным образом. Вырезать, как гниль, как болячку. — Новиков посмотрел в окно. — Идёт машина. Жди звонка. Пока.

Как всегда несуетливо и добросовестно, Завада принялся выполнять поручение. Новиков позвонил около семи.

— Еду, Завада, хотя особенно торопиться мне нечего. Начинайте вечер без меня. Из четвёртого приехали?

— Сам Шмелёв знамя привёз. Как у тебя?

— Приеду — расскажу. Надо ехать: дорога неважная.

Торжественный вечер происходил в недостроенном клубе: у Рубцова так и не дошли руки до строительства посёлка. Впрочем, это обстоятельство не омрачало праздничного настроения строителей: лишь бы не дуло да было тепло. Выбранный председателем Завада открыл вечер. Началась долгожданная церемония передачи знамени. Передавая его Рубцову, Шмелёв заявил, что в январе он снова придет в район, но уже затем, чтобы забрать знамя.

Цепко держа в руках древко, Рубцов подошёл к краю сцены и, гордо выпятив грудь, заговорил о том, как славно поработали в декабре строители района. В это время на сцену прошёл Новиков и сел с краю за столом президиума.

Заметив его, Рубцов запнулся на середине фразы. На лице его появилось беспокойное выражение, и он ещё крепче прижал к себе знамя. Пауза была столь короткой, что никто из сидящих в зале, кроме Чихачёва, беспокойно заёрзавшего на стуле, не заметил её.

Завада медленно подошел к Новикову.

— Как? — спросил он вполголоса.

Новиков потянулся через стол к графину и залпом выпил полный стакан.

— Говорят, что без Басова ничего не могут решить, — сказал он устало. — Поздно, мол, приехал. Приказ о присуждении подписан. Скандала бояться, хотят замать. Я звонил в Москву — Басова не нашёл. Тогда я сдал документы прокурору и поехал. Теперь уж не замнёшь!

— От лица строителей нашего района, — торжественным голосом продолжал тем временем Рубцов, — мне хочется заверить строителей четвёртого района и управление строительства в том, что мы приложим все свои силы и энергию, чтобы добиться новых успехов на строительстве канала и удержать переходящее Красное знамя в своих руках. Красного знамени наш район никому не отдаст!

— Отдашь! — прошептал Новиков.

— Мы его сами возьмём, — также шёпотом сказал Завада. — В свои руки! Будет оно у нас в районе.

Н. ФЕРЕ

★

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Автор публикуемых ниже воспоминаний в течение пяти лет (1924—1928) работал в детской колонии имени М. Горького в качестве помощника А. С. Макаренко — сначала по сельскому хозяйству, затем — по всей производственной части. Тесно был связан автор записок с А. С. Макаренко и в последующие годы. В «Педагогической поэме» Н. Э. Фере изображён под именем агронома Эдуарда Николаевича Шере.

В своих воспоминаниях автор приводит подлинные фамилии колонистов и работников колонии имени М. Горького, указывая в скобках имена, под которыми они известны читателям «Педагогической поэмы».

„Удивительный Вы человечще и как раз из таких, в каких Русь нуждается“.

(Из письма А. М. Горького к А. С. Макаренко, 12 июля 1926 г.)

ТРИБЫ и КОВАЛЁВКА

Дорога от Штеповских хуторов до Полтавы считалась в 1921—1922 годах далеко не безопасной. С наступлением сумерек и конные и пешие путники, направлявшиеся по ней в Полтаву, предпочитали остановиться на хуторах, чтобы тронуться в дальнейший путь только с рассветом.

Сразу же за хуторами дорога, мощённая булыжником, входила в густой молодой лес, и только за два-три километра от окраины города начинался открытый её участок в пойме Коломака. Вблизи от дороги не было никаких селений, и лишь в одном месте, в глубине леса, виднелась крыша сторожки лесника.

Весной 1922 года мне пришлось побывать у этого лесника по делу об отводе одной лесной делянки. Я рассчитывал заблаговременно возвратиться домой, в Полтаву, но задержался и только на заходе солнца выбрался в обратный путь. Моим спутником был старый кустарь-корзинщик, заготавливавший вблизи сторожки лозу.

Добравшись по узкой тропинке до харьковского большака, мы ускорили шаги, чтобы поскорее миновать неприветливый лес.

Мы шли уже минут двадцать, когда сзади послышался шум мотора. Скоро нас обогнал легковой автомобиль. Шофёр вёл машину на большой скорости, и на ухабах её бросало из стороны в сторону. Напуганный вид одного из пассажиров заставил встревожиться и меня и моего спутника.

— Не иначе, от кого-то удирают! — сказал корзинщик, и это было похоже на правду.

Когда уже кончился лес и старик несколько раз истово перекрестился, считая, что все опасности миновали, наше внимание привлёк грохот конной гарбы, доносившийся сзади. И тут же послышался шум телеги, приближающейся спереди, со стороны Полтавы.

Мы решили на всякий случай сойти с дороги под откос. Скоро гарба, запряжённая парой взмыленных лошадей, пронеслась мимо. Человек десять ребят разного возраста

с вилами, палками, кольями в руках стояли и сидели в ней. Один из них, могучего телосложения, воинственно держал оглоблю, на конце которой развевался кусок верёвки. Невдалеке от нас гарба поравнялась с телегой, едущей ей навстречу, и обе повозки тотчас остановились. Сразу наступила тишина.

С телеги быстро соскочил мужчина средних лет в пенсне и громким голосом строго спросил:

— Ребята, вы куда?

Стройный, черноволосый парень весело ответил за всех:

— Вас отбивать ехали, Антон Семёнович.

— Ну, на этот раз я и сам отбил. Поворачивайте, ребята, назад. А ты, Семён, пойдёшь со мной, расскажешь всё, что у вас там произошло.

Телега тронулась, гарба потянулась за ней.

Ребята теперь весело разговаривали, бросив вилы, колья и палки на дно гарбы. Оглоблю положили поперёк повозки, и на ней восседал великан, поразивший меня своим могучим телосложением. Теперь в нём не было ничего грозного и воинственного...

Мы поднялись по откосу на дорогу. Мой спутник сказал:

— Это ребята из колонии, которая вон там, слева от дороги, находится. А то — их заведующий. Строгий-то какой! Ребята страсть как его боятся.

В моей памяти сразу всплыли многочисленные слухи, ходившие среди обывателей Полтавы и о колонии и о её заведующем. Говорили, что там восстановлены старые методы воспитания, что там не признают никакой педагогики. Однако все соглашались, что заведующий колонией, бесспорно, талантливый человек, имеет большое влияние на колонистов и они за него готовы идти «в огонь и в воду»...

Мне стало досадно, как это я сам не догадался, что за ребята ехали в гарбе и кем был тот человек в пенсне. И я пожалел, что не обратил должного внимания на Макаренко, личность которого не могла меня не заинтересовать.

Вскоре распространились слухи о последних событиях в колонии, связанные с тем, что я видел на харьковском большаке.

Рассказывали, что инспектор полтавского Наробраза, арестовав Макаренко за нарушение какой-то бюрократической формальности, выехал в колонию — назначить нового заведующего. Ребята же, узнав об аресте Антона Семёновича, якобы избили инспектора и заперли его в подвал, а сами, захватив наробразовский автомобиль, помчались в Полтаву и с боем освободили своего «атамана». Возвратившись с воспитанниками домой, Макаренко с позором выгнал инспектора, а автомобиль оставил у себя как трофей...

Желание узнать правду об этом происшествии и вообще о колонии и её заведующем не покидало меня.

Однажды, возвращаясь с охоты, я шёл вдоль реки Коломак и на берегу заметил трёх мальчиков в одежде колонистов. Они сидели, свесив ноги с крутого обрыва, и ели арбуз.

Я подсел к ним и попытался было завести разговор об их житье-бытье, но по односложным ответам ребят понял, что они относятся ко мне с недоверием.

Тогда я прямо спросил:

— Правда ли, что заведующего вашей колонией хотел арестовать какой-то начальник из Наробраза, а вы, ребята, этого не допустили?

Старший из колонистов, вихрастый парнишка, весело переглянулся со своим товарищем, которого он называл Цыганом.

— А вы разве не слышали, как было дело?

Я отрицательно покачал головой, и вихрастый паренёк, с сожалением посмотрев на меня, начал подробно рассказывать, «как было дело», испытывая видимое удовольствие от воспоминания об этой славной истории.

...Как-то утром заведующий уехал в Полтаву, а около двенадцати часов в колонию на автомобиле примчались два начальника. Позже ребята узнали, что это были инспектор Наробраза Шарин и председатель губернской инспекции Черненко.

Шарин вызвал дежурного воспитателя Ивана Ивановича Поповиченко (Осипова) и потребовал, чтобы тот провёл его в кабинет заведующего. Там Шарин объявил, что Антон Семёнович Макаренко арестован и в колонию больше не вернётся. Инспектор даже вскрыл стол Антона Семёновича и начал вытаскивать оттуда бумаги. После такой «подготовки» Шарин предложил остолбеневшему Ивану Ивановичу принимать колонию и подписать соответствующий акт, который был уже заранее приготовлен.

Вертевшиеся возле кабинета ребята с молниеносной быстротой разнесли по колонии известие об аресте Макаренко. Большая часть колонистов в это время работала в поле, а в самой колонии оставались только малыши. Но среди них был кряжистый парень лет пятнадцати-шестнадцати — Супрун (Бурун). По словам рассказчика, Супрун, вообще говоря, считался тихим парнем, которого не так-то легко вывести из себя...

Дежурный воспитатель ещё не успел и слова сказать, как в кабинет Антона Семёновича ворвались колонисты во главе с Супруном. Схватив Шарина за ладканы пальто, Супрун начал с силой трясти его. Со всех сторон неслись негодующие крики:

— Куда вы упрятали нашего Антона?

Черненко попытался было помочь Шарину высвободиться из рук Супруна, но перед ним вырос целый лес ребячьих кулаков, и он, решив, что в это дело лучше не вмешиваться, начал пробираться к двери, а вслед за ним стал пятиться и незадачливый Шарин.

Шофёр, слышавший угрозы ребят, предусмотрительно завёл машину и, когда его пассажиры, отступавшие под натиском колонистов, вскочили в автомобиль, сразу же дал полный ход. В это самое время возвращалась с поля пустая гарба, управляемая Семёном Калабалиным (Карабановым), за нею шёл отряд старших ребят. Ещё издали они поняли, что в колонии творится что-то неладное, и тотчас примчались к месту происшествия.

Но автомобиль уже отъезжал. Раздались крики:

— Упустили!

Семён Калабалин крикнул:

— Едем отбивать Антона!

И человек десять—двенадцать старших ребят, а среди них мои знакомцы — вихрастый паренёк с Цыганом — вскочили в пустую гарбу.

Из всех воспитателей, находившихся в тот момент в колонии, сохраняла относительно спокойствие только Елизавета Фёдоровна Григорович (Екатерина Григорьевна). Но события развивались с такой быстротой, что повлиять на их ход она не могла и только удерживала ребят от чрезмерно агрессивных действий. В последнюю минуту, когда колонисты уже вскакивали в гарбу, Елизавета Фёдоровна успела собрать узелок с кое-какими вещами и едой.

— На, возьми! — крикнула она Калабалину. — Там, в Полтаве, отдашь Антону Семёновичу.

— Зачем Антону всё это, мы его самого сюда привезём!

Чтобы попасть на харьковский большак, нужно было проехать с километр узкой прямой дорогой среди молодого леса. Как только гарба выехала на эту дорогу, ребята увидели, что автомобиль забуксовал перед самым выездом на шоссе. Шарин круглыми от ужаса глазами смотрел на приближавшуюся повозку, а его спутник, Черненко, изо всех сил подталкивал автомобиль сзади. Положение беглецов стало критическим. Ребята уже готовы были соскочить с гарбы, и... трудно сказать, что произошло бы дальше. Но шофёр в последнюю минуту догадался кинуть свой ватник под буксовавшее колесо, и автомобиль рывком выехал на шоссе... Досада ребят была так велика, что доставшийся им в качестве трофея ватник шофёра они изорвали в клочья...

— Ну, а если бы вы настигли автомобиль, что бы вы сделали, — прервал я рассказ.

— На машину и — в Полтаву, отбивать Антона! — не задумываясь, ответил Вихрастый.

Ребята помчались дальше, в Полтаву, на выручку Макаренко. А Антон Семёнович в это время уже возвращался в колонию. Его освободил из-под нелепого ареста начальник милиции, возмущённый самодурством наробразовцев.

...Вихрастый парень, недоверие которого ко мне уже прошло, рассказал и о последствиях столь негостеприимного приёма в колонии Шарина и Черненко.

Ребята решили, что Шарин будет мстить и арест Антона Семёновича может в ближайшее время повториться. Поэтому они приняли свои предупредительные меры против этого...

Теперь, когда Антон Семёнович собирается в город, рассказывал Вихрастый, кто-нибудь из старших ребят обязательно просится ехать вместе с ним, притворяясь больным. В Полтаве «больной» сразу начинает чувствовать себя лучше и уверяет Антона Семёновича, что, пожалуй, не стоит зря ходить в больницу и беспокоить врачей, а после этого уже ни на шаг не отходит от Макаренко.

В самой колонии ныне установлено постоянное наблюдение за прямой дорожкой, ведущей через лес к большаку: оттуда могут появиться «подозрительные» люди. У самого начала дороги, со стороны колонии, находится кузница; ребята, работающие в ней, и являются главными наблюдателями...

Однажды, когда рабочий день уже заканчивался, к Антону Семёновичу в кабинет вбежал старший кузнец, колонист Осадчий, и заявил, что его подручный Галатенко залез на сосну, упал и не может подняться. Антон Семёнович в сопровождении ребят быстро направился в лес.

Возле небольшой сломанной сосёнки, на которую вообще нельзя было залезть, лежал Галатенко и стонал... Как я узнал потом, Галатенко был тем самым великаном с оглоблей в руках, чей богатырский вид в своё время поразил меня на шоссе.

На вопрос Антона Семёновича, как он себя чувствует, этот здоровенный парень жалобно ответил, что у него «в грудях пече, а в боци коле».

Но тут из колонии подоспели ещё несколько ребят, и один из них что-то шепнул Осадчему. Тот просигнализировал Галатенку: «Кончай вольнку, всё спокойно!». И тогда большой решительно заявил:

— Годи, полегшало, — и поднялся.

— В чём же дело было? — недоумевая, спросил я вихрастого рассказчика.

— Не поняли? — удивился он.

Оказалось, что ребята, работавшие в кузнице, заметили, как со стороны большака на дорогу, ведущую к колонии, свернул какой-то вооружённый отряд. Предполагая, что отряд направляется не иначе, как за Антоном Семёновичем, Осадчий сразу же послал в лес своего подручного и приказал ему симулировать падение с дерева, а сам помчался к Антону Семёновичу, чтобы поскорее выпроводить его из колонии. Галатенко выполнил распоряжение Осадчего очень бестолково, но цель всё же была достигнута. Только когда подошедшие позже ребята шепнули Осадчему, что опасность миновала — вооружённый отряд проследовал через усадьбу колонии без остановки, — Осадчий разрешил Галатенку «выздороветь».

— А как сам Антон Семёнович ко всему этому относится? Неужели он не знает обо всех этих ваших предупредительных мерах? — спросил я Вихрастого.

Тот, не задумываясь, с уверенностью, поразившей меня, ответил:

— Конечно, знает! Антон Семёнович такой человек: ты ещё не начал думать, а он уже знает, что ты будешь думать!

— Да что твой Антон — колдун? — вмешался в разговор Цыган.

— Колдун не колдун, а вот вечером на собрании посмотрит на тебя и спросит: «Цыган, где ты арбуз сегодня стащил и кто тебе помогал?». И ты думаешь, откажешься? Врёшь, сам всё ему расскажешь. Это тебе не детдомовские тётеньки, а Антон! Понял? Антон! Его вокруг пальца не обведёшь.

Третий колонист, которого я мысленно уже назвал «Молчаливым», оторвал свой мечтательный взгляд от воды и тихо сказал:

— Ребята, я знаю... Антон — это всё равно, как Ворошилов на коне... И всё насквозь видит!..

Издали слышались трубные сигналы. Ребята вскочили — «Э, да мы на обед опоздаем!» — и исчезли в прибрежных кустах.

Рассказ колонистов заставил меня глубоко задуматься: кто же на самом деле этот Макаренко, о котором столько вздорных слухов распространяется в Полтаве? Как сумел он заслужить такую беззаветную преданность ребят? Ведь не случайно же в их представлении Антон Семёнович — настоящий полководец, «Ворошилов на коне».

Прошло, однако, больше года, прежде чем мне удалось лично познакомиться с А. С. Макаренко.

Моя знакомая, бухгалтер Е. А. Пышнова, поступившая на работу в колонию, однажды предупредила меня, что Антон Семёнович подыскивает себе помощника — специалиста в области сельского хозяйства. Это и послужило предлогом для знакомства.

Наша встреча состоялась в начале апреля 1924 года, в Полтавском отделе народного образования. Был уже вечер. В полутёмной комнате, утомлённый спорами с работниками Губнаробраза, Антон Семёнович принял меня не очень приветливо. Ни о чём не расспрашивая, он сразу заговорил о положении хозяйства колонии.

Колония имени М. Горького, расположенная пока ещё в маленьких Трибах, должна освоить полученное ею большое хозяйство в Ковалёвке, на другом берегу реки Колэмак. Колония испытывает серьёзные затруднения с продовольствием. Земли в Трибах немного, около двенадцати гектаров, а почва — сыпучий песок. Урожай иногда даже не покрывают расходов на семена. В Трибах невозможно правильно организовать труд колонистов, являющийся основой воспитательно-педагогической работы с ними. В Ковалёвке же до 80 гектаров земли и почва хорошая — чернозём; там есть луга и сад. Туда, во вторую колонию, назначен заведующим Иван Петрович Ракович (Горович) и уже переброшен отряд колонистов.

Сельское хозяйство должно быть построено на научных основах и вестись образцово. Поэтому, сказал Антон Семёнович, он и решил пригласить в качестве своего помощника специалиста-агронома.

Он ставил задачу — во что бы то ни стало успешно закончить предстоящий весенний сев и уже в этом году полностью обеспечить потребность колонии в овощах, а в будущем году — в жирах и в мёлоке. Он подчеркнул, что не может быть и речи о привлечении для сельскохозяйственных работ какой бы то ни было наёмной рабочей силы, кроме небольшого числа руководителей-специалистов. Пусть ребята на первых порах будут выполнять ту или иную работу и хуже, чем опытные рабочие, но они должны почувствовать полную ответственность за своё хозяйство и не быть нахлебниками государства. Может быть, и не все колонисты сразу захотят работать как следует, нужно суметь правильно подойти к ним, сделать работу интересной, развить в них чувство гордости за хозяйственные успехи колонии.

Поэтому, сказал Антон Семёнович, он хотел бы, чтобы его помощник по сельскому хозяйству был не только сведущим агрономом, но в такой же степени и чутким педагогом-воспитателем.

Антон Семёнович не скрывал трудностей работы, не скрыл он и своих сомнений в моих силах — я был ещё молод, только три года назад, в 1921 году, окончил вуз, а педагогической деятельностью не занимался вовсе. Однако весна была не за горами, и он сказал, что если я согласен работать, то необходимо не позднее середины апреля приступить к делу в Ковалёвке.

Я раздумывал — как ни молод я был, у меня хватило жизненной опытности, чтобы отчётливо представить себе, какой нелёгкий путь ожидает меня. А неприветливый приём Антона Семёновича вызвал ещё опасение, что мне не удастся с ним сработаться. Мелькнула мысль отказаться от дальнейших переговоров, но молодость взяла своё: она подсказала мне, что пренебречь интересной работой под руководством талантливого человека только потому, что эта работа трудна, — признак непростительной слабости.

В назначенный день, 14 апреля 1924 года, к моей квартире подкатила двужолка — «бнда», которой управлял паренёк двенадцати-тринадцати лет.

Надо было ехать, но рой противоречивых мыслей снова овладел мною.

— А он поедет с нами? — доверчиво спросил маленький возница, показывая рукой на моего пса Трубача, вертевшегося около биды.

Что мог я ему ответить? Сказать, что Трубач поедет, если хозяин поедет, а вот хозяин сам не знает, что ему делать? Быть может, этот доверчивый вопрос паренька и решил мою судьбу.

Отбросив всякую нерешительность, я весело сказал:

— Конечно, едет, вместе с хозяином!

Погрузив мой несложный багаж на двуколку, мы поехали в Ковалёвку, минуя Трибы, где в то время находился Антон Семёнович.

По дороге паренёк, передав мне вожжи, резвился с Трубачом, то забегал вперёд, то отставал и, только утомившись, присаживался в биду отдохнуть.

К вечеру, по весенней распутице, мы наконец добрались до Ковалёвки. Моя работа в колонии началась.

Весна уже вступила в свои права. Наши соседи начали пахоту и боронование, а кое-кто и сев. Надо было и нам выезжать в поле без промедления...

На другой день, в восемь часов утра, возле конюшни собрались колонисты и воспитатели. Ещё не зная ни земельных участков, ни рабочей силы, ни оборудования, я сразу же вынужден был начать распоряжаться — указывать кому что, где и как делать... Ясно, что раздумывать о каком-то специальном подходе к ребятам было просто невозможно. Надо было поспеть всюду: в одном месте — наладить плуг, в другом — отрегулировать сеялку, в третьем — показать, как надо очищать семена, в четвёртом — ускорить погрузку мешков с семенами, в пятом — отмерить участок под бахчу, в шестом — помочь запрячь лошаадь...

С первого же дня у меня установились по-деловому хорошие отношения с ребятами. Может быть, это потому и произошло, что, весь поглощённый делом, я не вёл никаких специальных «педагогических» разговоров, а сам работал и требовал от ребят работать в интересах колонии.

Сталкиваясь с ними повседневно, я видел, что в их представлении колония и Макаренко — одно неразрывное целое. За глаза ребята часто называли Антона Семёновича просто Антоном. Хотя и воспитатели и я боролись с этой фамильярностью, но искоренить её не удавалось. По правде говоря, эта борьба была только формальной. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы колонист, назвавший Макаренко Антоном, сделал это пренебрежительно или с досадой. Наоборот, когда ребята говорили: «Наш Антон», за этим всегда чувствовалось их уважение и нежность к своему наставнику.

Ребята видели и чувствовали, что колония, руководимая Антоном Семёновичем, нужна прежде всего им самим, так как помогает каждому из них забыть своё тяжёлое прошлое и ясной, понятной дорогой ведёт к хорошей, трудовой жизни. Поэтому и работали они, как правило, хорошо.

Среди ребят второй колонии находился Молчаливый — один из тех трёх колонистов, с которыми я встретился прошлой осенью на берегу Коломака. Как-то мы вместе возвращались с поля и разговорились об Антоне Семёновиче. Макаренко обещал Молчаливому разыскать его мать и сестрёнку, от которых мальчик случайно отстал во время эвакуации в годы гражданской войны.

Бесхитросная вера в Антона Семёновича так и сквозила во всех словах Молчаливого, когда он рассказывал об этом.

— Антон Семёнович всё может сделать, если пообещает!¹

Я узнал от Молчаливого, что Вихрастый стал уже командиром отряда в Трибах, а Цыган из колонии убежал. Однако Молчаливый тут же уверил меня, что Цыган обязательно вернётся к Антону Семёновичу.

— Ему теперь без нашей колонии не жизнь!

Многие колонисты инстинктивно угадывали основную цель и смысл всех педагогических усилий своего строгого воспитателя. Но то, в чём так хорошо разобрались

¹ А. С. Макаренко позже действительно выполнил своё обещание Молчаливому разыскать его родных.

ребята, осталось непонятным горе-учёным и многим педагогам того времени, ещё отравленным идеями буржуазной педагогики. Они не видели и не хотели видеть ту новую педагогическую правду, которую так чутко отыскивал в самой советской жизни Макаренко. Но об этом я расскажу после.

Недаром Антон Семёнович предупреждал меня, что я должен быть не только агрономом, но и воспитателем. Однажды, в разгар посевной страды, он прислал мне из первой колонии записку с просьбой обязательно принять участие в назначенной им политбеседе, даже если моё отсутствие неблагоприятно отразится на выполнении сельскохозяйственных работ.

Темой беседы была знаменитая речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола.

— Я уже не первый раз беседую с вами на эту тему, — начал Антон Семёнович, — но среди нас есть новые работники, и мне кажется необходимым ещё раз остановиться на этом замечательном творческом документе марксизма, излагающем основные теоретические вопросы воспитания молодёжи в духе коммунизма.

Он с увлечением излагал содержание ленинской речи и обратил наше особое внимание на два утверждения Владимира Ильича.

«Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

«...на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано...».

Я понял тогда, что в этом именно и заключались основные принципы той педагогической системы, которую неустанно разрабатывал Макаренко, принципы всей его повседневной педагогической деятельности. Он хотел, чтобы и наши действия зиждились на этих же основах.

После политбеседы Антон Семёнович задержал меня и попросил рассказать о том, как работают колонисты, какие возникают недоразумения и трудности в процессе общения с ними... Разговор затянулся, и меня поразило, как глубоко Антон Семёнович знает колонистов, как озабочен их безостановочным движением вперёд. Когда я ограничивался только общими рассуждениями и не давал характеристики отдельным ребятам, на лице Антона Семёновича появлялось недовольное выражение. Ему хотелось знать всё про всех...

Я сказал Антону Семёновичу, что при проверке работы пахарей обнаружил разницу между полевыми участками, вспаханными в моём присутствии, и участками, вспаханными без меня. Желая поскорее освободиться, ребята после моего ухода уменьшали глубину вспашки и быстрее погоняли лошадей, а завидев меня, устанавливали плуг на нужную глубину. Поэтому я принял за правило — не менее трёх-четырёх раз в течение дня проверять качество работы отдельных отрядов. Антон Семёнович не только одобрил это решение, но потребовал усиления контроля за выполнением и других заданий. Он видел в таком контроле один из способов приучить ребят относиться к делу с чувством глубокой ответственности.

Потом разговор естественно перешёл на тему сегодняшней беседы, и Антон Семёнович высказал мысль о том, что, устраняя былую бессмысленную муштру в воспитательной работе, мы должны сохранить некоторые внешние формы старой дисциплины, наполнив их принципиально новым содержанием.

— Добиться этого нелегко, — говорил он, — но нужно. Без строгой дисциплины не обойтись.

Так как объём сельскохозяйственных работ во второй колонии непрерывно увеличивался, приходилось ежедневно перебрасывать в Ковалёвку значительную часть колонистов из Трибов. Это было хлопотно, сопряжено с излишней потерей времени и сил, а кроме того, по дороге ребят невольно вводили в искушение хуторские сады, огороды

и бахчи. Очень скоро посыпались жалобы. Владельцы «соблазное» начали устраивать засады в часы движения отрядов. Колонисты восприняли это как открытие военных действий против них, и «война» началась. Пришлось Антону Семёновичу энергично вмешаться в этот конфликт, и любители чужих арбузов, яблок и прочих даров земли на некоторое время были лишены права работать во второй колонии, а вместе с тем и удовольствия выкупаться в реке Коломак, через которую дважды переправлялись колонисты по пути в Ковалёвку и обратно.

«Война» с хуторянами ускорила давно намеченное Антоном Семёновичем объединение обеих колоний в единый, целостный коллектив. Без этого невозможно было добиться правильной организации всей воспитательной работы. В августе—сентябре 1924 года хозяйство в Трибах было ликвидировано, и весь коллектив воспитанников и воспитателей собрался в Ковалёвке.

... Там расцвело хозяйство колонии. Расцвела и наша усадьба — и не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова

Вырашивая тепличную рассаду капусты и помидоров, я оставил часть парников под рассаду цветочную. Позднее она была высажена на клумбах перед основным корпусом колонии. Ребята с любовью ухаживали за цветами, и, несмотря на недостаток рабочих рук в разгар полевых работ, совет командиров, с полного одобрения Антона Семёновича, всегда выделял необходимое число колонистов для работы на клумбах. Не и помимо этого всегда находилось немало желающих поработать в свободное время на наших цветниках. Только немногие из ребят относились к ним безразлично или с пренебрежением. К числу последних принадлежал и колонист Галатенко, тот огромный детина, о котором я уже вспоминал. Довольно долго он выполнял обязанности водовоза, но потом был «разжалован» за грубость и по наряду совета командиров назначен на работу в оранжерею. Это назначение имело воспитательный смысл: Галатенко попадал в дружный коллектив наших цветоводов, занятых «тонким» делом...

Однажды, зайдя в оранжерею, Антон Семёнович поразился, увидев, с каким напряжением и тщательностью Галатенко пикирует при помощи маленькой расщеплённой палочки бегонию, стебельки которой не толще конского волоска. Отведя меня в сторону, Антон Семёнович признался, что всё время ждал моего заявления с просьбой забрать Галатенко из оранжереи ввиду полной его неспособности к столь деликатной профессии. Я рассказал, с каким интересом работает Галатенко, как освоил он режим оранжереи и как ревностно его поддерживает.

— Есть у него, правда, одна странность, — добавил я: — всем цветам он дал свои названия и не признаёт общепринятых.

— Как же он их называет? — заинтересовался Антон Семёнович.

— По Галатенко, роза — «дивчина», левкой — «хлопец», резеда — «духи», бегония — «перепёлочка», львиный зев — «зайчики», лобелия — «крестики», зимний флокс — «мамаша», портулак — «дети», агау — «лев»... — перечислял я.

Антон Семёнович начал доискиваться происхождения этих названий, и скоро мы довольно точно установили ход мыслей Галатенко, неясным оставалось только, почему для агау он выбрал название «лев». За разъяснением пришлось обратиться к нему самому. Оказалось, что он видел в хрестоматии картинку «Лев в пустыне», на которой рядом со львом были изображены растения, похожие на агау...

Метаморфоза с Галатенко очень обрадовала Антона Семёновича. Присев на скамеечку возле оранжереи, он задумался, а затем высказал мысль, что если у Галатенко так быстро развивается понимание красоты и любовь к ней, то надо и у других колонистов поддерживать и всемерно развивать чувство прекрасного. И тут же Антон Семёнович предложил расширить цветоводство до таких пределов, чтобы в будущем году колония, что называется, утопала в цветах.

Стараясь не попасть впросак и быть действительно полезным для колонии, я внимательно присматривался ко всей организации воспитания ребят и особенно к мерам воздействия на провинившихся. Я старался уловить не только отдельные педагогические приёмы Антона Семёновича, но и их взаимную связь, открыть в них черты постоянства и внутреннюю закономерность.

Сначала мне казалось, что у Антона Семёновича наверняка есть записная книжка, в которой указано, какому наказанию следует подвергать колонистов за тот или иной проступок.

Однако уже скоро я заметил, что только организационные формы воспитания оставались у Макаренко сравнительно неизменными, тогда как в мерах воздействия никакого постоянства не было. Очень часто за один и тот же проступок Антон Семёнович наказывал различно, а иногда и вовсе не наказывал. Но такая «нечёткость» вовсе не удивляла и не возмущала ребят: они, видимо, хорошо понимали, почему Антон Семёнович в разных случаях по-разному относится к одним и тем же проступкам.

Прошло ещё некоторое время, и мне стало понятно, что в системе воспитания, которую создавал Макаренко, главную роль играли вовсе не наказания, а меры, позволявшие предупредить совершение дурного поступка ребёнком.

Антон Семёнович блестяще раскрывал ребячьи провинности. Его мастерству удивлялся не только я, но и опытные воспитатели, а больше всего — сами ребята, твёрдо верившие, что «от Антона скрыть ничего нельзя».

...В конце августа на нашей бахче происходили события, распутать которые Антону Семёновичу удалось не сразу.

В том году был исключительный урожай бахчевых. За обедом каждому колонисту выдавался целый арбуз, и за ужином ребята получали арбузы. Но, несмотря на это, находились любители посетить и самую бахчу.

Она охранялась специальным отрядом во главе со старшим колонистом Лопотецким (Лапоть). Однако сторожа оказались недостаточно бдительными — как-то утром они обнаружили, что ночью на бахче побывал вор и притом изобретательный: он вырезал примерно у двадцати больших арбузов по солидному куску, а корки аккуратно положил на место, так, что сразу трудно было заметить подвох.

Вечером на совете командиров Лопотецкий грозил «зарезать того гада», который испортил столько хороших кавунов. Но найти виновного не удалось, хотя явным доказательством того, что вор был из числа колонистов, служила пропажа на кухне ножа, случившаяся накануне... Утром следующего дня я услышал со стороны бахчи крики и плач. Решив, что ребята поймали «гада» и Лопотецкий приводит сейчас свои угрозы в исполнение, я поспешил на шум. Но через минуту успокоился, увидев, что это Лопотецкий с возмущением отчитывает за нерадивость двух своих помощников.

— Смотрите, Николай Эдуардович, — закричал он мне, — что тот трижды гад наделал! — и показал рукой в сторону куреня.

Там зрел огромный арбуз, который ребята собирались подарить Антону Семёновичу. Они вырезали на его зелёной поверхности пятиконечную звезду, вокруг неё — надпись: «Зажжём мировой пожар», а ниже — посвящение: «Антонус Макаренко» и ещё ниже — подпись: «От кол кол Горького». Ребята, повидимому, вырезали сначала «Антону Макаренко», но сообразили, что это звучит непочтительно, и втиснули букву «с» — «Семёновичу». Последняя строка означала — «от колонистов колонии Горького». Арбуз получил название «Комиссар» и под неусыпным наблюдением ребят хорошо рос и был известен всем колонистам, с нетерпением ожидавшим момента, когда они смогут преподнести свой подарок Антону Семёновичу. А чтобы какой-нибудь «зелёный», то есть новичок, не польстился на этот кавун, Лопотецкий свой сторожевой курень поставил вблизи «Комиссара». И вот теперь я увидел, что вор побывал и здесь: сделал и в этом арбузе вырез, приладив корку аккуратно на место.

Отчаянию Лопотецкого не было предела, и он грозил «трижды гаду» «перегрызть горло собственными зубами». Ребята, дежурившие ночью, заявили, что они слышали шорох во тьме, такой, будто возле них проползла змея. Лопотецкий справедливо ругал их за ротозейство.

Весть о кощунстве над «Комиссаром» с быстротой молнии распространилась по колонии. Все только об этом и говорили. Возбуждение ребят нарастало. Лопотецкий и кое-кто из старших колонистов уже начали самовольно производить допросы. Антону Семёновичу пришлось решительно призвать их к порядку. Он предложил самозванным следателям заниматься своим делом, а сам в течение всего дня внимательно наблюдал за колонистами.

Наступил вечер. Возбуждение ребят всё никак не могло улечься. В кузнице Лопотецкий мастерил что-то похожее на капканы, которые он собирался расставить на подходах к бахче.

Когда наконец раздался сигнал «на общее собрание», ребята, полные нетерпеливого сжидания, со всех ног бросились в клуб.

Антон Семёнович прежде всего предложил всем командирам дать ему списки отсутствующих на собрании членов отрядов и указать причины их отсутствия. Затем выступил Лопотецкий, красочно рассказавший все подробности происшествия на бахче; были допрошены ребята, слышавшие шорох — «как будто змея проползла»; рассказали о своих подозрениях все командиры отрядов. Но ничего нового не выяснилось. Антон Семёнович опустил глаза, задумался, и на некоторое время в клубе воцарилась полная тишина.

— Ну что же, давайте раз узнаем пока, кто из ребят особенно любит арбузы,— вдруг предложил Антон Семёнович.

Были названы пять-шесть колонистов. Последней говорила Мухина (Левченко) — командир отряда девочек. Она сказала, что в её отряде больше всех любит арбузы Валя...

Это была худенькая, невысокая девочка, прибывшая в колонию из Харькова всего несколько месяцев назад. Она вела себя тихо и ничем не выделялась среди наших девочек. Но в специальном письме харьковского Наробраза, сопровождавшем Валю, указывалось, что она была наводчицей в крупной банде, занимавшейся обкрадыванием квартир. При одном неудачном ограблении банда, по сигналу Вали, успела скрыться, а её задержали. Однако прямых улик против девочки не оказалось, и она была передана в приёмник харьковского Наробраза... За её дальнейшей судьбой налёгчики внимательно следили. Через несколько часов после передачи Вали в приёмник они её выкрали оттуда. Но скоро Валю задержали вторично и направили к нам, в Полтаву. В письме указывалось, что за нею должен быть установлен специальный надзор: попытка выкрасть её может повториться...

Когда Мухина назвала имя Вали, Антон Семёнович даже привстал от неожиданности. Казалось, он был поражён какой-то внезапной догадкой. Но минуто спустя он сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Валя, подойди сюда, к столу...

Лицо Вали, когда она шла меж скамеек, а потом стояла возле Антона Семёновича, выражало только недоумение: зачем её вызвали? Заподозрить причастность этой тихой девочки к делу с кавунами было, в самом деле, просто невозможно.

— Зачем ты без разрешения взяла нож на кухню? — тем же спокойным голосом спросил Антон Семёнович.

— Я не брала ножа,— пожалуй, слишком поспешно ответила Валя.

Эту-то поспешность сразу уловил Антон Семёнович и начал наступление.

— Нет, Валя, ты взяла нож, и будет нехорошо, если я сейчас пошлю дежурного и он найдёт его в твоих вещичках. Где ты его спрядела?

Валя немного помолчала, потом негромко ответила:

— Он в матрасе, там дыра, я его туда засунула...

Через несколько минут дежурный положил злополучный нож на стол перед Антоном Семёновичем. Ребята перешёптывались, в клубе нарастал шум, но в голосах колонистов слышалось скорее удивление, чем возмущение.

— Валя, ты очень любишь арбузы? — продолжал допрос Антон Семёнович.

— Очень. Я никогда их раньше не ела.

— А зачем ты клала корки от кусков, вырезанных тобой, на старое место?

— Я думала, они прирастут,— серьёзно ответила Валя.

Теперь заговорили сразу все: и для ребят и для всех нас было полной неожиданностью, что «трижды гадом», «оборотнем, прикинувшимся змейей», оказалась эта маленькая худенькая девочка. Лопотецкий, уже забыв о своей угрозе «перегрызть горло гаду», начал подговаривать ребят попросту нарвать после собрания побольше крапнвы...

Антон Семёнович строго посмотрел на него, и Лопотецкий сразу затих.

— Валя, ты дашь слово общему собранию, что не будешь никогда лазить на бахчу и портить арбузы?

— Да, я больше этого делать не буду! — тихо ответила она.

Антон Семёнович поставил на голосование предложение простить Валю, и ребята довольно дружно проголосовали за это. Только Лопотецкий, члены его отряда да ещё несколько ребят «воздержались»... Валя села на своё место, а Антон Семёнович поставил на обсуждение собрания ещё некоторые — уже вполне мирные — вопросы жизни колонии.

Когда все расходились, Антон Семёнович задержал Лопотецкого. Поговорив с ним о разных хозяйственных делах, он сказал, прощаясь:

— Если я узнаю, что ты хоть как-нибудь обидел Валю, то уходи из колонии сам. Всё равно уволю. Так и ребятам передай.

Сказано это было словно между прочим, но так, что Лопотецкий понял: Антон Семёнович не шутит!

После собрания, когда я возвращался домой под впечатлением всего, что видел и слышал в клубе, мне показались наивными, чтобы не сказать просто глупыми, мои прежние мысли о записной книжке Антона Семёновича, в которой будто бы систематизированы все наказания за те или иные проступки колонистов...

Каждое необычное происшествие в жизни ребят, а то и просто изменение в их настроении или поведении, подчас совсем незаметное, для Антона Семёновича оказывалось серьёзным поводом к тому, чтобы начинать искать иное решение уже однажды решённого вопроса и находить новые формы педагогического воздействия на колонистов. Именно так, в повседневной практике, выработывал Антон Семёнович свою систему воспитания. Главным в ней было внимание к «человеку в ребёнке», гибкость и отсутствие трафарета в подходе к ребятам.

На следующий день случай с арбузом был уже забыт. Только «капканы» Лопотецкого, валявшиеся за ненадобностью возле куреня, ещё некоторое время напоминали о той вспышке ребячьих страстей, которую Антон Семёнович так мастерски погасил.

Среди применявшихся Антоном Семёновичем наказаний был выговор с объявлением в приказе в день праздника Первого снопа, в день рождения А. М. Горького или в день другого ближайшего колонийского праздника.

Сначала я не понимал смысла этой воспитательной меры. Мне казалось, что наказание, исполнение которого отложено надолго, теряет своё значение. Кроме того, думал я, разве можно омрачать общий для всех колонистов праздник кому-нибудь одному из них? Это непедагогично.

Но скоро я заметил, что практически до объявления такого выговора дело никогда не доходит: тот, кто предупрежден об ожидающем его позоре, быстро исправляется, и совет командиров отменяет свой выговор ещё до наступления праздника. В моей памяти сохранился поучительный случай.

Колонист Рогоза¹, мальчик лет двенадцати, очень живой и предприимчивый, обладал одной «слабостью». Замечательно плавая под водой, он любил порезвиться в реке, но при этом терял всякое чувство меры — часто неожиданно выныривал среди купающихся крестьянских девушек или детей, подымал дикий визг, пугал их до смерти и вновь исчезал под водой... Увидев как-то нашего старшего конюха Силантия Семёновича (Отченаша), купавшего в реке лошадь, он решил и над ним подшутить — подплыл незаметно, чтобы схватить его под водой за ногу, но не рассчитал и вместо ноги Силантия поймал ногу лошади. Та вздыбилась, опрокинула Силантия, а самого шутника едва не убила.

Поведение Рогозы несколько раз обсуждалось на совете командиров, и он обещал исправиться, но стоило ему окунуться в воду, как он забывал все свои обещания. ...Однажды по Коломаку катались на лодке отдыхающие, приехавшие из Полтавы. И вдруг кто-то выпрыгнул из воды за кормой, схватил за косу одну из сидевших в

¹ «Рогоза» — по-украински тростник; это было прозвище, подлинную фамилию я уже забыл, как забыл и настоящие имена Молчаливого, Цыгана и некоторых других. Если им попадутся на глаза мои воспоминания, пусть они не посетуют на меня за это.

лодке девушек и едва не сташил её в воду... Но на этот раз Рогозе не удалось удрать. Катающиеся поймали его и, голого, доставили в колонию, прямо в кабинет заведующего. И тут терпение Антона Семёновича, как говорится, лопнуло. По его предложению совет командиров постановил: «За хулиганские поступки объявить Рогозе выговор в день праздника Первого снопа. Запретить ему участвовать вместе со всеми колонистами в косье первого снопа».

Праздник приближался, и перспектива лишиться права принимать в нём участие показалась Рогозе такой обидной, что он не только перестал хулиганить на реке, но вообще разлюбил купаться. Накануне праздника Первого снопа выговор ему был отменён.

МЕСЯЦ БЕЗ МАКАРЕНКО. ТЕАТР. ШКОЛА

В начале 1925 года Антон Семёнович получил отпуск и решил поехать в Москву. Во все предыдущие годы, с самого основания колонии, он ни разу не отдыхал, потому что, как говорил он, у него не было «свободной души». Руководство колонией на время своего отпуска Антон Семёнович решил поручить мне. Я создавал, какая большая ответственность ляжет на мои плечи, помнил о своей педагогической неопытности, и мне очень не хотелось браться за эту работу. Однако от всех моих доводов и возражений ничего не осталось, когда Антон Семёнович грустно сказал:

— Ну что ж, придётся и в этом году не идти в отпуск...

Дольше отказываться стало невозможно. Но на душе у меня было беспокойно, и я попросил Антона Семёновича на всякий случай оставить мне необходимую инструкцию. Он улыбнулся.

— Вы в колонии уже работаете почти год, хорошо знаете наше хозяйство и организацию воспитательно-педагогического процесса, — ведь вы незаметно тоже участвуете в его разработке. Опыта, подобного нашему, не было в прошлом, нет в настоящем ни у нас, ни за границей. Если общие положения, которые легли в основу воспитания колонистов, верны, то возвратившись из отпуска, я найду колонию ещё более окрепшей. Все отклонения от нормы покажут слабые стороны в нашей организации дела. Прошу вас смотреть на мой отъезд, как на один из методов проверки нашего опыта, и поэтому разрешите мне никакой специальной инструкции вам не давать. Могу только посоветовать побольше бывать с колонистами, опираться на лучших из них, не упускать из внимания ни одной мелочи, не плестись на поводу у ребят, а вести их вперёд...

В ответ на мою просьбу дать на крайний случай хоть свой московский адрес Антон Семёнович махнул рукой и сказал:

— Где останюсь — не знаю, а если бы даже и знал, то мой адрес вам совершенно не пригодился бы. Заочно управлять жизнью колонии и вообще давать как-либо указания и советы, не зная обстановки, трудно. Все мои советы будут приходить с большим опозданием, и если вы их будете дожидаться сложа руки, — причините колонии большой вред.

Свой отъезд Антон Семёнович постарался сделать малозаметным, вёл себя так, будто уезжает всего на один-два дня. Но видно было, что ему нелегко даже ненадолго покинуть колонию, как нелегко мастеру оторваться от своего творения.

На общем собрании колонистов, когда Антон Семёнович уже уехал, я сообщил ребятам, что он будет отсутствовать целый месяц. Подавленным молчанием встретили ребята мои слова, на их лицах было уныние, а у некоторых малышей даже выступили слёзы.

В течение всего этого месяца я находился в напряжённом состоянии, непрерывно ожидая каких-нибудь «сюрпризов». Однако колонисты, как бы понимая, что наступил ответственный момент в жизни колонии — проверка накопленного Антоном Семёновичем нового педагогического опыта, — вели себя на редкость дисциплинированно и учились хорошо. Но всё же в ту пору случились два происшествия, о которых следует рассказать.

...Как-то утром в колонии появился нарочный с письмом от начальника милиции станции Полтава-Южная. Начальник сообщал, что у одного спекулянта, задержанного при посадке в поезд, отобран мешок с тридцатью килограммами овса, причём на мешке

имеется надпись: «Колония имени М. Горького». Подозревая, что овёс украден в колонии, он предлагал нам прислать кого-нибудь за этим овсом.

Сообщение начальника милиции крайне огорчило меня не только потому, что был неприятен самый факт кражи, но и потому, что похищен был именно овёс. Ребята очень любили наших животных — лошадей, телят, собак — и иногда сами недоедали, чтобы оставить кусочки хлеба и мяса своим любимцам. Овса для лошадей у нас и без того было мало, и вдруг — такая кража!

Ничего не говоря о полученном письме, я послал заведующего хозяйством на станцию за этим мешком. Когда он вернулся, я вызвал Братченко, командира огряда колонистов, работающих на конюшне, и его двух помощников. Моё подозрение, что в пропаже овса повинны именно они трое, вызвало со стороны Братченко такое искреннее удивление, а затем и возмущение, что я поверил в его непричастность к этому делу. Однако помощники Братченко были смущены, хотя тоже категорически отрицали свою вину. Когда я показал им мешок как вещественное доказательство кражи, зоркий глаз Братченко тотчас обнаружил, что овёс не наш: наш — чистый, а в этом попадают зёрна ячменя. Я немного успокоился, чувство обиды на ребят прошло, но дело оставалось всё же тёмным. Ну хорошо, овёс не наш, а мешок-то ведь колонийский! Как он попал к спекулянту? Не кроется ли за этим какой-нибудь другой, ещё более скверный проступок ребят?

Я сказал им, что верю в их честность, но так как овёс не принадлежит нам, то его надо вернуть обратно. Мне казалось, что именно так поступил бы Антон Семёнович. Мои слова вызвали негодование ребят, особенно помощников Братченко.

— Как? Отдать овёс обратно? — шумели они. — Раз он попал к нам, значит он наш! Чем мы будем кормить лошадей, ведь они у нас почти целый месяц не видят овса!

Откровенно говоря, я надеялся, что нам и не придётся возвращать этот неожиданный дар милиции, но мне хотелось услышать, что скажут ребята. Их преувеличенно выраженное возмущение подсказывало, что они, пожалуй, всё-таки что-то скрывают. Отпустив Братченко, я задержал его помощников и потребовал от них объяснений. Неловко переминаясь и смущённо переглядываясь, ребята, наконец, выложили всю правду.

Один их знакомый парень из Ковалёвки, сын зажиточного крестьянина, попросил ребят помочь ему перевезти в соседнее село несколько мешков хлеба и никому об этом не говорить. Ребята согласились, но потребовали «за услугу» полмешка овса для лошадей колонии. Когда хлеб был перевезен, ребята дали парню наш мешок, чтобы он принёс обещанное. Парень же, нарушив слово, продал овёс вместе с мешком проезжему спекулянту. Ребята считали, что овёс они «честно заработали» и поэтому незачем его возвращать.

Вопрос, конечно, не был таким простым, как это казалось ребятам. То было время, когда кулаки и их прихвостни всячески саботировали выполнение хлебопоставок по продналогу. Сами того не понимая, колонисты помогли одному из таких саботажников скрыть от государства хлеб.

На общем собрании я разъяснил это притихшим ребятам, сказал о помощи, которую они невольно оказали кулакам, и о вреде, который причинили самой колонии; предупредил их, что возможны и в будущем попытки наших врагов втянуть колонистов в подобные преступления против Советского государства... И когда я говорил это, я снова вспоминал Антона Семёновича, который учил каждого из нас всегда видеть за малым большим, за второстепенным главное.

Другое происшествие было совсем иного рода.

Дежурные воспитатели несколько раз сообщали мне, что по вечерам в глубине нашего сада иногда раздаются какие-то странные, приглушённые взрывы, а однажды была видна даже вспышка огня. Мне и самому приходилось слышать отдалённый, довольно резкий шум, но я не обратил на него внимания, как и на сообщения дежурных.

И вот как-то вечером, во время ужина, на территории колонии раздался оглушительный грохот, от которого задрожали, а кое-где и выпали оконные стёкла. Все ребята и воспитатели бросились во двор. Пробежав немного, мы увидели, что из вылетевших

скон пекарни валит дым. Пожар! Я немедленно распорядился о доставке воды. Но ребята, проникшие в пекарню, дали знать, что огня нигде нет.

Колонистка Варя, помогавшая нашему пекарю, стояла передо мной в растерянности, с крайне смущённым видом, и это выдало её с головой. Оказалось, что ребята, начитавшись исторических романов, в которых описывались торжественные салюты в честь полководцев, решили встретить Антона Семёновича пальбой! Где-то в куче старого железа они подобрали поломанное шомпольное ружьё, а из обрезков водопроводных труб смастерили несколько «самопалов» и по вечерам испытывали их в глубине сада. Опасаясь, что подобные опыты могут быть запрещены, они тщательно скрывали свои намерения и от меня и от воспитателей. Между тем подготовка к салюту шла полным ходом. Ребятам удалось достать на селе запас орудийного пороха, долго хранившегося в земле, и они передали его для просушки в пекарню колонистке Варе. Закончив выпечку хлеба и дождавшись ухода пекаря, Варя положила порох на печку, а сама пошла ужинать...

Это событие заставило меня ещё раз оценить совет Антона Семёновича — не упускать из внимания ни одной детали колонийского быта. В самом деле, как легко было бы своевременно предотвратить этот взрыв!

Но, кроме того, история с порохом показала, что и я и воспитатели совсем упустили из виду необходимость подготовиться к встрече Антона Семёновича, и в этом деле, которое имело ведь и несомненное педагогическое значение, инициатива оказалась в руках ребят. И тут я вспомнил ещё один совет Макаренко: не плестись на поводу у колонистов, а вести их за собой!

Стремясь исправить своё упущение, я поставил вопрос о встрече на общем собрании. Решено было встретить Антона Семёновича в строю, а на станцию послать делегацию. Пальбу из самопалов после долгих прений всё-таки отменили.

Телеграмма о приезде Антона Семёновича всколыхнула колонию и обсуждалась всеми — от мала до велика. Поезд прибывал в Полтаву рано утром. На станцию поехали в двух санях: одни предназначались для Антона Семёновича, в других отправилась делегация. Задолго до возвращения саней все ребята были уже во дворе. Высланный навстречу верховой два раза подымал ложную тревогу, но наконец примчался с клятвенным заверением, что «по-настоящему едут». Все колонисты выстроились, и наступила тишина. Но удержать ребят в строю не удалось. Едва только Антон Семёнович вышел из санок, как колонисты бросились к нему. Ряды смешались, раздалось громогласное «ура», и мой рапорт потонул в гуле восторженных криков. Попытка Антона Семёновича внешне сохранить спокойствие никого не могла обмануть. Все его жесты, все слова говорили о бесконечной радости, о глубокой душевной взволнованности.

Остаток дня Антон Семёнович неумоимо бродил по колонии, заглядывал во все её уголки и без конца беседовал с ребятами. Я видел, что ему не терпелось тотчас уловить перемены, которые могли произойти в его отсутствие.

Вечером, после собрания колонистов, почти все воспитатели собрались в кабинете у Антона Семёновича. Он щедро делился с нами своими московскими впечатлениями, рассказывал о жизни столицы, о своих встречах, о музеях и театрах, в которых побывал...

Антон Семёнович обладал способностью увлекать и вдохновлять слушателей, о чём бы он ни говорил. И его рассказ о московских театрах, о спектаклях Художественного театра — «На дне» и «Горячее сердце», — которые он посмотрел по два раза, так глубоко взволновал нас, что, когда он сказал в заключение: «А хорошо бы нам организовать собственный театр в колонии», мы встретили его слова шумным одобрением.

Беседа затянулась до глубокой ночи. Прощаясь со всеми, Антон Семёнович задержал меня.

— Теперь никто нам не помешает, и я смогу выслушать ваш отчёт и принять дела.

Антон Семёнович слушал мой недолгий рассказ молча и только изредка прерывал его краткими замечаниями. Но когда я заговорил о подготовке ребят к «шумной» встрече, он начал весело улыбаться, а потом сказал, что ему уже удалось узнать сегодня об этом кое-какие новые подробности. Затевалось гораздо более серьёзное дело,

чем я предполагал. Ребята, разведав, что кулаки с Михайловских хуторов где-то спрятали в разобранном виде небольшую пушку, решили во что бы то ни стало добыть её и притащить в колонию, а затем произвести салют. С этой-то целью они и запаслись орудийным порохом, который взорвался по неопытности Вари. Взрыв расстроил их планы, и после этого Варя несколько дней ходила заплаканная, так как ребята донимали её за провал такого, по их словам, «мирового дела»...

Я имел случай ещё раз упрекнуть себя в том, что не обращал должного внимания на «мелочи»: я ведь не заметил, что с Варей что-то происходило после истории с порохом!

— Поверьте мне, — добавил Антон Семёнович, — такие, как Калабалин, Братченко, Лопотецкий, да и многие другие, хоть из-под земли, а пушку бы достали. Я в этом нисколько не сомневаюсь. И вы только представьте себе, какое действительно «мировое дело» началось бы для всех нас, если бы ребята осуществили свой план! Как только это дошло бы до Губнаробраза, Шарин и другие с перепугу потребовали бы послать против колонии весь полтавский гарнизон!..

Закончив сдачу дел и пожелав Антону Семёновичу спокойной ночи, я невольно подумал о том, что я вот смогу теперь спать спокойно, но сможет ли спать спокойно Антон Семёнович, это сомнительно... Разве можно предугадать, какие «мировые дела» зарождаются сейчас в головах наших предприимчивых колонистов?

И до поездки Макаренко в Москву у нас ставились иногда спектакли, но лишь от случая к случаю. Мысль о создании театра в колонии безусловно созрела у Антона Семёновича в Москве, а последнее из происшествий, случившихся во время его отсутствия, лишний раз подтвердило педагогическую необходимость осуществления этого замысла.

На третий день после ночной беседы о театре начались репетиции. Таков уж был Антон Семёнович: если у него появлялась плодотворная идея, он стремился сразу претворить её в жизнь.

Обязанности режиссёра, а часто и главную роль в ставящейся пьесе исполнял он сам. Антон Семёнович обладал несомненными актёрскими способностями. Роль городничего в «Ревизоре» была им сыграна блестяще. Хорошо играл и воспитатель Иван Петрович Ракович. Были талантливые исполнители и среди колонистов, но нам, как правило, не хватало артисток для женских ролей. Одна моя знакомая, любившая и знавшая театр, несколько раз выступала по просьбе Антона Семёновича в колонийских спектаклях. Она рассказывала мне, как глубоко освещал Антон Семёнович во время репетиций роль каждого действующего лица, как преследовал он малейшие попытки иных нерадивых актёров схалтурить, как умело выходил из затруднений при постановке сложного действия на нашей необорудованной сцене. Хотя репетиции и затягивались порою до двух-трёх часов ночи, никто из участников будущего спектакля никогда не высказывал недовольства: Антон Семёнович умел во время поднять настроение уставших актёров интересным рассказом, весёлой шуткой, комической сценкой.

Для театра был отведён пустовавший мельничный сарай без потолка. Установленные в нём временные печи не могли нагреть это помещение даже до мало-мальски сносной температуры. Однако холод никого не смущал. Актёры дрожали, но играли с подъёмом. Хуже, чем другим, приходилось суфлёру, который от холода иногда так стучал зубами, что уже не мог внятно произносить многословные реплики, за что ему попадало и от режиссёра и от актёров. Зрители тоже дрожали, но не уходили до самого конца спектакля. После спектакля у них ещё хватало терпения минут десять—пятнадцать аплодировать участникам представления. По установившейся традиции к зрителям должны были выходить не только актёры и режиссёр, но и суфлёр и все рабочие сцены.

Наш театр посещали и свои, и сельская молодёжь, и люди преклонного возраста. Иной раз можно было наблюдать, как во время спектакля какой-нибудь «дидусь» сперва начнёт зевать, а потом и заснёт. Разбудишь его и посоветуешь пойти домой. Но «дидусь» не соглашается уходить: «Как же уйти, не услышав, убьёт он врага своего

или нет? Как же я не всё расскажу своей старухе? Смотри, ещё не поверит, что в театр ходил!».

Большинство наших актёров, как и большинство зрителей, раньше никогда не бывало в театре. Оттого-то и те и другие частенько настолько увлекались действием, происходившим на сцене, что оно им начинало казаться происходящим в жизни. И поэтому в ходе спектакля нередко возникали совершенно непредвиденные эпизоды, чаще всего наивные и комические, в которых принимали участие не только актёры, но и зрители. Антона Семёновича такие сцены всегда поражали своей глубокой непосредственностью, и он не очень осуждал ребят за их актёрские вольности.

Из первых постановок того времени мне особенно запомнилась одна. Название пьесы я забыл, но содержание её более или менее точно запечатлелось в моей памяти.

Трое англичан — два купца и один матрос, — уцелевшие во время кораблекрушения, попали на остров, жители которого ещё не знали денег, были честны, добры, незаинтересованы. Купцы немедленно воспользовались доверчивостью островитян и начали выманывать у них золото и драгоценные камни. Они уверили молодую королеву острова, что матрос — королевский сын, и она согласилась на брак с ним. Матроса тяготила ложь, навязанная ему купцами, и он рассказал королеве всю правду о себе. Но она уже любила его, и они решили вдвоём покинуть остров. Об этом, однако, узнали жрецы. Они подняли народ против англичан. Матрос был убит, а купцы с награбленным добром пытались скрыться на лодке, но погибли во время бури. При всей наивности этого романтического сюжета в пьесе хорошо были показаны низость и жадность купцов, в ней было много волнующих сценок и занятных приключений.

Роль королевы Антон Семёнович попросил сыграть мою знакомую, о которой я уже упоминал; роль матроса исполнял колонист Костя Белковский (Ветковский), купцов играли колонисты Горгуль (Кудлатый) и Мухин, а главным жрецом был Антон Семёнович.

Всё шло хорошо. Но вот началась последняя картина. Занавес поднялся... На опушке леса возле шалаша сидели королева и матрос и вели разговор о своём предстоящем отъезде. Костя, который сначала стеснялся малознакомой актрисы, уже вошёл в свою роль и даже рискнул обнять королеву. В это время издали послышался шум. Это приближалась толпа островитян, руководимая главным жрецом. А влюблённые продолжали спокойно сидеть, не подозревая о надвигающейся опасности. Волнение нарастало, и наконец кто-то из малышей не выдержал и испуганным голосом крикнул:

— Костя, убегай скорее! Антон Семёнович договорился с ребятами убить тебя!

На Костю эти слова подействовали совершенно неожиданно. Он поднялся и, обратившись к зрителям, произнёс:

— Меня убить? Да я кого хочешь в котлеты изрублю!

Грозный вид Кости и его решительное заявление вызвали бурное одобрение зрителей. Но ворвавшаяся на сцену толпа островитян-колонистов уже набросилась на хвастливого Костю-матроса и, несмотря на все предупреждения Антона Семёновича, затеяла настоящую свалку. Королева растерялась, её лицо выражало испуг, и Антон Семёнович, сдерживая ребят, на всякий случай стал поближе к ней. Косте не удалось «изрубить» — поверженный на пол сцены, он лежал, изображая убитого. Но симпатии зрителей всё же были на его стороне. И когда Антон Семёнович произнёс заключительную фразу пьесы: «Так будут уничтожены все наши враги», вдруг раздался возмущённый голос одного из гостей, пожилого крестьянина:

— Такого хорошего хлопца и убить!..

Занавес опустился при полном молчании зрителей. Только через несколько минут, после того как занавес снова поднялся и все актёры выстроились на сцене и среди них зрители увидели улыбающегося Костю, раздались долго не смолкавшие аплодисменты. Тот же пожилой крестьянин, пробравшись к сцене, крикнул Косте:

— Так, значит, тебя не убили?

— Нет, остался жив!

— Ну так приходи в воскресенье, жинка пироги напечёт. и ты расскажешь ей, как всё тут у вас было!

— Приду обязательно! — весело ответил Костя

По настоянию ребят, в тогдашнем репертуаре нашего театра было немало подобных пьес — со сражениями, нападениями, путешествиями... Соображения идеологические и педагогические, а также необходимость приспособливаться к ограниченным сценическим возможностям заставляли Антона Семёновича многое перерабатывать — дополнять и изменять — в тексте этих пьес. Но с каждой новой постановкой росли и актёры и зрители. И скоро в репертуаре нашего театра большее место стали занимать пьесы Гоголя, Островского, Горького.

Ещё в начале учебного года, на заседании педагогического совета, Антон Семёнович предупредил преподавателей, что он сам будет проверять весной успеваемость колонистов. Возвратившись из отпуска, Антон Семёнович немедленно этим и занялся.

Приближалось начало весенних работ, и ребята, продолжая учиться в школе, немало времени проводили в оранжерее, на парниках, на очистке семян и подготовке инвентаря. Эти работы являлись практическими занятиями к пройденному зимою в школе курсу основ агротехники. Меня радовало, что положительные результаты учёбы были очевидны. Раньше, например, когда я с помощью термометра проверял температуру парника, где росли ранние огурцы, ребята с недоверчивыми улыбками следили за мной; теперь же они проделывали эту операцию сами и строго поддерживали тепловой режим парника.

С началом весенних полевых работ, когда занятия в школе закончились, на очередном заседании педагогического совета обсуждались успехи каждого колониста. Антон Семёнович высказал при этом два критических замечания, вызвавших общий интерес.

Когда речь зашла о плохой успеваемости колониста Чобота по арифметике, Антон Семёнович сказал:

— Любовь Петровна, а вы не пробовали специально подзаняться с Чоботом и хотя бы раз поставить ему, может быть даже покривив душой, хорошую оценку и похвалить его перед классом? Как вы думаете, не ободрило бы это Чобота? Не показала бы ему такая похвала, что он может учиться не хуже других? Своими хроническими плохими и посредственными оценками вы развиваете в нём безразличие, убиваете его веру в себя, в свои силы...

При обсуждении успеваемости в одной из школьных групп оказалось, что ни у кого из хорошо учившихся по русскому языку ни разу не было посредственной или плохой оценки. Антон Семёнович отнёсся к этому с недоверием.

— Конечно, — сказал он, — если хорошие оценки поставлены ребятам правильно. то лучшего желать нельзя. Но я всех этих ребят хорошо знаю. Среди них есть зазнайки, которые и уроки не всегда готовят как следует и думают, что они знают больше, чем все остальные колонисты. Я боюсь, что преподаватель не только не пытался «поймать» таких зазнаек и дать настоящую оценку их успехам, но скорее всего ставил им хорошую оценку даже тогда, когда они отвечали лишь посредственно, — и добавил: — Нет ничего хуже, чем предвзятость в оценках.

1925 год принёс нам немало побед. Даже в глазах самых закоренелых обывателей колония перестала быть «бандитским гнездом». Разрабатываемая Антоном Семёновичем система воспитания ребят с тяжёлым прошлым завоёвывала себе всё больше сторонников. Школа и театр в колонии получили общее признание даже среди противников Макаренко. Очевидны стали и успехи нашего сельского хозяйства.

Мы уже освоили всю имеющуюся у нас земельную площадь и начали собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Деловая связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией позволила в широких масштабах нашего производства проверять предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия. Достижения нашего животноводства были уже таковы, что мы оказывали серьёзное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами Ковалёвки и окрестных мест.

Ребята гордились своими успехами и критически оценивали старые способы хозяйствования, применяемые соседями-единоличниками.

Антон Семёнович полагал необходимым в будущем, 1926 году расширить программу школьных занятий по агротехнике и выделить специальный опытный участок, чтобы дать возможность старшим ребятам получить квалификацию полевода или огородника. Однако наступившие события не дали возможности осуществить эти планы.

ЗАВОЕВАНИЕ КУРЯЖА

Весной 1926 года Антон Семёнович получил приказ Народного комиссариата просвещения Украины о слиянии Полтавской колонии имени М. Горького с Куряжской, находившейся в ведении Харьковской комиссии помощи детям.

Дурная слава Куряжской колонии разнеслась по всей Украине. По рассказам ребят, бежавших оттуда и направленных к нам, Куряж был настоящим притоном всевозможных воровских шаяк, состоявших из беспризорников разного возраста. Вывеской колонии они в известной мере защищались от закона. В дневные часы большая часть «воспитанников» находилась «на работе» — на харьковских рынках, вокзалах, в трамваях — или лазила по дворам и квартирам обывателей. Только к вечеру или поздно ночью возвращались колонисты в Куряж для ночёвки. Заведующий колонией и воспитатели (а их было около сорока человек) могли передвигаться по территории колонии относительно свободно и безопасно только днём. Как только наступала темнота, все служащие поспешно забирались в свои комнаты, чтобы системой сложных запоров и баррикад отгородиться до утра от внешнего мира. Никто из них не рисковал выходить ночью не только во двор, но даже в коридор, и это была вполне основательная предосторожность, так как обкрадывание квартир работников колонии и грабежи с насилием были в Куряже обычными явлениями.

Положение стало настолько нетерпимым, что Наркомпрос Украины, под давлением общественности Харькова, должен был наконец обратить серьёзное внимание на эту колонию и принять меры к прекращению безобразий в Куряже. Кем-то было высказано мнение, что только Макаренко смог бы навести там порядок. Так возник многообещающий проект перевода Полтавской колонии имени М. Горького в Куряж. Но этот проект встретил, однако, серьёзные возражения и со стороны наших друзей, не хотевших рисковать дружным, дисциплинированным коллективом горьковцев, и со стороны наших противников, опасавшихся, что в случае успеха чрезмерно усилится влияние Макаренко. Окончательное решение вопроса затягивалось. А положение в Куряже продолжало ухудшаться и дошло до того, что потребовало наконец принятия немедленных мер. Друзья колонии имени М. Горького скрепя сердце согласились на наш переезд в Куряж. Неожиданно их поддержали и наши противники: катастрофическое положение Куряжской колонии позволяло им надеяться, что теперь уж и дружный коллектив горьковцев, во главе с Макаренко, её не спасёт, и таким образом «макаренковская система» будет посрамлена.

Пока велись все эти переговоры, Антон Семёнович часто беседовал с нами по поводу возможного переезда под Харьков и рисовал при этом суровую картину предстоящих трудностей. Но вместе с тем он убеждал нас, что, оставаясь в Ковалёвке, колония лишается перспектив для дальнейшего роста. Больше всего Антона Семёновича беспокоила удалённость колонии от заводов, крупных сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений.

Конечно, тяжело было оставлять хорошо обжитое место с налаженным сельским хозяйством, но доводы Антона Семёновича склонили подавляющее большинство сотрудников к безоговорочному согласию на переезд в Куряж. Каждый из нас был уверен, что с Антоном Семёновичем мы не сможем потерпеть поражение. С ним мы победим Куряж! Не будь этой уверенности, приобретённой годами совместной работы с Макаренко, среди нас не нашлось бы охотников добровольно ехать в Куряжское воровское логово. Не сомневались в успехе и колонисты — они на собственном опыте знали, какое чудодейственное влияние оказывает дисциплинированный коллектив колонии имени М. Горького на беспризорных ребят.

Строгий порядок, внешняя подтянутость, весёлый смех, спокойствие и уверенность, с какими наши колонисты вступили в Куряж и начали в нём размещаться, сразу же

показали куряжанам, что сюда пришли настоящие хозяева, тогда как они сами были здесь только жильцами и притом весьма скверными жильцами. Они поняли, что для них открыт лишь один путь — итти в ногу с горьковцами, тем более, что горьковцы это им и предлагают! Подавляющее большинство куряжан так и поступило.

Завоевание Куряжа было замечательной победой той системы коммунистического воспитания, которую с таким успехом теоретически и практически разрабатывал Макаренко. Антон Семёнович с исключительным педагогическим мастерством дал анализ всей обстановки в Куряже, детально разработал тактику наступления на куряжскую «вольницу» и блестяще осуществил намеченный план. Трудно добавить что-нибудь к тому, что написал он об этом сам в «Педагогической поэме».

Противники колонии имени М. Горького, ожидавшие нашего провала, теперь должны были замолчать. Открытые выступления против А. С. Макаренко почти прекратились, но неприятности, творимые исподтишка, следовали одна за другой. Однако завоевание Куряжа, ставшее широко известным, привлекло на сторону колонии много новых друзей, к числу которых принадлежали работники Государственного Политического Управления, хорошо знавшие старый Куряж со всеми его ужасами. Теперь, навещая колонию, они с удивлением наблюдали разительные перемены, которые произошли в ней.

Вся проверенная на опыте организация коллектива и повседневной жизни колонии была перенесена в Куряж без особых изменений. В точно установленные часы раздавались трубные сигналы, оповещавшие о подъёме, о начале работы, о её окончании, о времени завтрака, обеда и ужина, о созыве совета командиров или общего собрания колонистов, об отходе ко сну.

Ещё чаще, чем прежде, обсуждался на педагогических совещаниях вопрос о трудовых заданиях для ребят. Антон Семёнович стоял на той точке зрения, что задания не должны быть лёгкими. Но вместе с тем, говорил он, нельзя давать задания, требующие чрезмерного физического напряжения. Главное — развивать в ребятах сноровку, смекалку, стремление к здоровому соревнованию.

Выполнение тех или иных работ попрежнему, как правило, поручалось отряду. Индивидуальные наряды колонистам давались редко, только заведомым лентяям и только по настоянию самого отряда, в который входил нерадивый колонист.

Организуемая сила здорового коллектива Полтавской колонии была настолько велика, что сводные отряды даже тогда, когда в них было большинство куряжан, работали не хуже других отрядов, а подчас и лучше. Куряжане, изголодавшиеся за годы безделья по настоящей работе, как бы навёрстывали упущенное.

Среди них попадались, конечно, и «вредители». Один из таких куряжан, не желая трудиться, сделал вид, что не может отличить всходов свёклы от сорняков. Чтобы доказать это, он при прополке срезал на одном рядке все всходы. Совет командиров осудил и колониста и командира отряда, не проследившего за его работой. Следуя педагогическим методам Антона Семёновича, совет решил, что провинившийся колонист должен в неурочное время под наблюдением командира посадить на место срезанной новую рассаду свёклы и ухаживать за нею, пока она не приживётся.

Несмотря на мелкие недоразумения, работа спорилась. Особенно весело трудились сводные отряды во время летних каникул, когда в их рядах появлялись добровольные помощники — наши бывшие воспитанники, а ныне рабфаковцы и студенты. Приезжая из города в колонию, они прежде всего являлись к Антону Семёновичу и подробно рассказывали ему о своём житье, об учебных делах. Отпуская их после долгой дружеской беседы, Антон Семёнович обычно говорил:

— Ну, теперь отдыхайте, набирайтесь сил к новому учебному году.

Однако с первого дня приезда наши гости по собственному почину начинали работать вместе со сводными отрядами, выбирая самые ответственные и трудные участки колонийского производства. В час отдыха, собрав ребят в кружок, они запевали песню, отвечали на бесчисленные вопросы молодых горьковцев, с особым старанием удовлетворяя любопытство бывших куряжан. Шум и весёлый смех не смолкали во время этих оживлённых бесед. Воспитанники Макаренко — рабфаковцы, позже ставшие студента-

ми, — Калабалин, Белухин, Шершнев (Вершнев), Архангельский (Задоров), Супрун и многие другие — теперь сами чувствовали себя как бы воспитателями. Их всегда можно было видеть в окружении ребят, видевших в них «себя в будущем».

Так же, как в Ковалёвке, в Куряже был организован сторожевой отряд, охранявший нашу усадьбу, поля, сады, луга, лес. Попастъ в сторожевой отряд, вооружённый винтовками, считалось большой честью. Кандидатура каждого будущего сторожа все-сторонне обсуждалась советом командиров и при малейшем сомнении в надёжности кандидата снималась с голосования. Куряжане, привыкшие к полной безнаказанности, сначала с некоторой иронией смотрели на дело охраны колонии; они считали, что по принципу «блатной» круговой поруки колонист колониста не должен подводить. Но вскоре им пришлось изменить эту точку зрения. Пойманного на месте преступления — в саду, на огороде, у дверей кладовой, несмотря на все его уверения, что он «свой», ребята неизменно запирали на остаток ночи в сторожку, а утром приводили к Антону Семёновичу. При всей сложности обстановки в Куряже Антон Семёнович не изменил и там правилу, установленному в Полтавской колонии. Заключительный этап для всех воришек неизменно бывал одним и тем же — они должны были выступить перед советом командиров и на общем собрании колонистов с рассказом, «как всё было». Охотников дважды испытать позор такого выступления, насмешки и строгий суд ребят обычно не находилось, и старая привычка «чего-нибудь поискать» очень скоро стала исчезать у куряжан.

Однако сторожевому отряду всегда приходилось быть начеку, так как разного рода неприятностей можно было ожидать не только от «своих», но и от «чужих». С «чужими» сторожевой отряд поступал ещё более решительно, так как, по существовавшей традиции, ребята считали, что в отношении «не своих» они могут быть и судьями и исполнителями наказания.

Антон Семёнович с таким пониманием прав сторожевого отряда, конечно, боролся, но искоренить эту традицию было нелегко. Пойманных в лесу «заготовителей» дров ребята обязательно заставляли тащить срубленные или спиленные деревья в колонию, а пилу и топор во всех случаях отбирали в качестве трофеев сторожевого отряда. Гражданину, посягнувшему на вишни в нашем саду, пришлось за каждую сорванную вишню выкопать по ямке для будущей посадки деревьев, запланированной нами. Жестоко наказал сторожевой отряд и одного крестьянина из соседнего села, пойманного при попытке выкопать ночью у нас в саду недавно посаженное дерево. Ребята заставили его выкорчевать на склоне горы большой дубовый пенёк, очень мешавший нам при разбивке нового сада. Обливаясь потом, он работал до самого утра.

Согласно традиции, установившейся ещё под Полтавой, Антон Семёнович провёл присвоение звания «колониста» тем из воспитанников бывшей Куряжской колонии, которые показали себя достойными этой чести. Обычно ребята удостоивались права носить значок с буквами ГТК — «Горьковская трудовая колония» — только после годичного пребывания в колонии, но для куряжан испытательный срок был сокращён. Они знали давно о нашей традиции, Антон Семёнович рассказывал о ней на общем собрании, воспитатели разъясняли её смысл во время многочисленных бесед. И стремление заслужить почётное звание владело большинством куряжан.

Одновременно было присвоено звание «старшего колониста» тем из старых горьковцев, кто пробыл в колонии больше трёх лет и своим поведением не запятнал значок ГТК, уже давно украшавший их грудь. Звание «старшего колониста» давало важное преимущество тому, кто удостоился его: он в первую очередь направлялся на рабфак или на работу.

По идее Антона Семёновича эта хорошая традиция присвоения званий распространялась не только на воспитанников, но и на воспитателей. Разница заключалась лишь в том, что ребятам звание присваивалось открытым голосованием членов педагогического совета, а воспитателям — закрытым.

И были случаи, правда единичные, когда воспитатели после года работы не получали большинства при обсуждении их кандидатур на педагогическом совете. Само собой разумеется, что для забаллотированного педагога это было равносильно увольнению — продолжать работу в колонии он уже не мог.

Один из таких неудачников после объявления итогов голосования шумно запротестовал и заявил, что он сообщит в высшие инстанции «о новом макаренковском авантюризме». Выйдя из кабинета Антона Семёновича, где происходило заседание педагогического совета, Афанасий Петрович — так звали этого воспитателя — продолжал громко возмущаться. Кто-то из ребят, догадавшись о причине его негодования и желая посочувствовать Афанасию Петровичу, а может быть, и пошутить над ним, стал его утешать:

— Вы не очень огорчайтесь, Афанасий Петрович. Вот и мне не дали в прошлом году значка, а я взял да исправился и в этом году уже получил его. Вы тоже исправитесь, и вам тоже дадут значок.

Афанасий Петрович, вне себя от гнева, обрушился на своего утешителя с грубой бранью. Если до этого он юридически всё же мог опротестовать решение педагогического совета, так как введённый Антоном Семёновичем своеобразный конкурс воспитателей никем утверждён не был, то после оскорбления колониста этот «воспитатель», независимо от решения педагогического совета, из колонии должен был уйти. Уважение к человеческому достоинству колониста было законом, никаких отступлений от которого Макаренко не терпел.

Жители сёл и деревень, непосредственно прилегающих к колонии, в прошлом обслуживали богомольцев, посещавших куряжский монастырь, обрабатывали монастырские земли, выполняли различные хозяйственные работы для монахов. В этих сёлах жило немало кулаков и торговцев. Колония, разместившаяся в стенах монастыря, кровно задевала их интересы, и нам всегда приходилось быть начеку.

Вначале иные из кулаков пытались даже захватывать земли колонии, запахидали отдельные участки на наших полях, вытапывали наши посевы, косили траву на наших лугах, рубили деревья в нашем лесу. Однако Антон Семёнович твёрдой рукой сравнительно быстро пресек все эти поползновения кулаков. Достаточно было кому-нибудь из колонистов крикнуть, что наш огород «запахивает Онуфрий Галактионович», как колонисты бросали все дела и через пять—десять минут доставляли в колонию Онуфрия Галактионовича со всем его живым и мёртвым инвентарём «на расправу» к Антону Семёновичу. После соответствующего внушения Онуфрий Галактионович, уплативший штраф, отпускался домой с выдачей имущества. Если же Онуфрий Галактионович, увидев мчавшихся к нему колонистов, бросал на произвол судьбы своё добро, ребята доставляли его инвентарь в колонию, некоторое время пользовались им и возвращали хозяину только после уплаты установленного штрафа.

Трудна была борьба с «частным капиталом» в лице разных предприимчивых дельцов. Вспоминается единоборство колонии с неким Поповым — владельцем лесопильного завода, расположенного в нескольких километрах от Куряжа.

Попов оказался одним из наших первых «гостей» на новом месте. Присмотревшись к строительным работам в колонии, он предложил Антону Семёновичу в кредит большую партию крайне нужного нам лесоматериала. Предложение пришлось принять, так как другой близлежащий лесопильный завод, принадлежавший кооперативному товариществу, в кредите отказал, а деньги по смете нами ещё не были получены.

Лесоматериалы Попов поставил неважные, но что скажешь, если получаешь их в кредит... В дальнейшем мы просто отказались от услуг Попова, но под разными предложениями он продолжал заходить в колонию. Высокий, красивый блондин лет тридцати пяти, он производил впечатление «своего парня». Благодаря умению на особый лад подойти к каждому эн заслужил среди колонистов общее признание весьма симпатичного и даже передового человека. На него заглядывались девушки. Только наш дядя Вася — инструктор деревообделочной мастерской, несколько лет работавший у Попова, — охлаждал поклонников своего бывшего хозяина:

— Да, да, что и говорить, на словах — соловей, а на деле — волк. Попадись ему в лапы, так и без портков оставит!..

Примерно через полгода после нашего переезда в Куряж, когда в колонии была организована и начала работать деревообделочная мастерская, мы в поисках заказов предложили местному Обществу пчеловодов изготавливать ульи для пасек. Общество

под разными предложениями очень долго тянул переговоры, и в конце концов они были прерваны. Но на сцене появился Попов.

— Вы хотите изготавливать улы? Так я уже всё устроил. Идите в Общество пчеловодов и заключайте договор!

Действительно, теперь был оформлен большой заказ, причём Общество предоставляло свои материалы, которые мы должны были получить на лесопильном заводе... Попова! Эти лесоматериалы отличались очень скверным качеством, и мы не раз предупреждали об этом нашего заказчика, но нас успокаивали: «За материалы вы не отвечаете».

Ясно стало, что Попов дал взятку.

Антон Семёнович попытался было разоблачить его, но из этого ничего не вышло. Очень уж хорошо сумел тот спрятать все концы в воду.

Прошло время, и мы снова столкнулись с этим хозяйчиком. Наша деревообделочная мастерская приняла большой срочный заказ, для которого была закуплена в Казани партия круглого леса. Договор на его распиловку мы заключили с кооперативным лесопильным заводом, некогда отказавшим нам в кредите.

Когда маршрут с лесом находился уже в пути, на этом заводе по неизвестной причине произошёл большой пожар. Через день-два лес должен был прибыть на станцию, а завод не работал. Выполнение срочного заказа, принятого нами, срывалось. Если к этому добавить, что на закупку леса была затрачена большая часть наших оборотных средств, то станет понятным, в каком действительно критическом положении очутилось хозяйство колонии.

Вот тут-то на сцене вновь появился Попов. Правда, он был уже не таким весёлым, как раньше. Очевидно, гораздо труднее стало ему осуществлять свои комбинации.

— Не беспокойтесь,— сказал он,— я искренне хочу помочь соседям, попавшим в беду. Лес переадресуем и на моём заводе распилим. Условия? Условия те же, что и на лесопилке товарищества! Вы только дадите мне справку, что завод обслуживает колонию....

Предложение Попова Антон Семёнович поставил на обсуждение совета командиров. Заседание проходило крайне бурно. Теперь все ребята уже были настроены против Попова, и их неприязнь усилилась ещё более, когда стало известно, что тот не раз пытался мелкими подачками подкупать колонистов, заводил с ними при встречах «душевные разговоры», чтобы выяснить, чем сейчас занимается наша деревообделочная мастерская и каковы её нужды. Однако голоса разделились. Часть ребят, понимая всю сложность создавшегося положения, всё-таки высказалась за передачу леса на завод Попова. Другие командиры резко выступили против этого. Оба мнения примирил командир отряда, работавшего в мастерской, Стебловский:

— Если Попов такой хитрый, то давайте его перехитрим. Лес отдадим на распиловку, а сами будем добиваться, чтобы завод у него был вообще отобран и передан колонии. Кто ближе советской власти — колония или какой-то там кулак-спекулянт? Он же, в конце концов, просто враг!

Предложение Стебловского было встречено всеобщим одобрением, хотя кое-кто из командиров высказал сомнение в самой возможности перехитрить этого скользкого дельца.

Антон Семёнович очень внимательно слушал ребят, видно было, что ему доставляет глубокое удовлетворение их политическая активность.

— В нашем положении я вижу сейчас только один выход,— сказал он.— Заключённый нами договор должен быть выполнен и притом точно в срок. Отобрать у Попова завод дело не простое, для этого нужно иметь серьёзные основания. Надо проверить, как он будет использовать нашу справку. Попов не такой человек, чтобы упустить случай прижать нас и взять за распиловку много дороже, чем берёт артель. Очевидно, справка о том, что его завод обслуживает колонию, сейчас нужнее ему, чем наши деньги. И поэтому он проявляет к нам такое «великодушие».

Ребята недаром сомневались, удастся ли нам перехитрить Попова. Прослышав о наших планах, он под разными предложениями начал задерживать распиловку леса, и мастерская колонии всё время находилась в полной от него зависимости. В таких

условиях предпринимать что-либо против него было опасно — он мог сорвать всю нашу работу по выполнению ответственного заказа.

И вдруг мы узнали от рабочих лесопилки, что Попов сам попал в беду: он обязался поставить кому-то партию пиломатериалов и уже получил деньги вперёд, а выполнить заказ не мог — предназначенный для распиловки круглый лес где-то задержался в пути. Чтобы не платить неустойки, Попов надумал временно воспользоваться нашим лесом.

Ребята, работавшие в мастерской, решили поймать его, как говорится, на месте преступления. Они установили наблюдение за каждым нашим бревном. Когда первая партия пиломатериалов, изготовленная из колониального леса, была подвезена Поповым к железной дороге для отправки постороннему заказчику, на станцию явился Антон Семёнович. Его сопровождали несколько колонистов и я. Мы вызвали Попова, затем — председателя рабочкома завода, начальника станции и составили соответствующий акт. Представленные нами доказательства, что лесоматериалы принадлежат колонии, были настолько убедительны, что Попов даже не пытался отрицать предъявленное ему обвинение.

Теперь весь наш лес он распилил без малейших задержек, и у нас оказались развязанными руки, чтобы продолжать борьбу с ним.

Когда, по предложению Антона Семёновича, финансовым органам были представлены данные о заказах, выполненных Поповым для колонии, сразу выяснилось, что в бухгалтерских книгах завода эти данные завышены по меньшей мере в десять раз! Благодаря нашей справке Попов обманным путём добился пониженного налогообложения. Одновременно раскрылись и другие его финансовые комбинации, наносившие прямой ущерб Советскому государству.

Настойчивость Антона Семёновича помогла нам довести борьбу с Поповым до полной победы. Завод у него был отобран.

(Окончание следует)

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

В. ПОЗНЕР

★

КТО УБИЛ БАРРЕЛА? *

7

Середина века. В ванной комнате перед зеркалом бреется американец. Синеватое стальное лезвие электрической бритвы выполняет свою ежедневную работу. Оно движется взад и вперед, скользит по щекам, задерживается на горле.

Г. О. Баррел рассеянно следит за бритвой. Каждый раз, как его глаза встречаются в зеркале своё отражение, он их слегка прищуривает и выдвигает вперед подбородок. Таким он и видит себя: мужественным, агрессивным, похожим на все изображения американца, которому, как утверждает реклама, принадлежит этот век, от рисунка в журналах мужских мод и Кларка Гейбла до Супермена «комиксов». Если бы он встретил на улице человека, которого знает его семья, его соседи, его сослуживцы, он едва узнал бы в нём себя. Таким образом у него два лица: то, которому он, глядя в зеркало, придаёт несвойственное ему выражение, и другое, настоящее лицо. Первое, то есть всего только мимолётную гримасу, Г. О. Баррел принимает за свой подлинный и постоянный облик, что до второго, то его он не знает.

В столовой, где его жена кормит детей завтраком, включено радио. Мужской голос поёт, отчеканивая слоги:

Тут я её забираю
И к парню несу одному,
Который всё покупает,
Даже то, что другим ни к чему.
Я не знал, что он так разозлится
И сразу начнёт орать:
— Я сейчас позову полицию,
Убери твою...

— Бум! бум! бум! — гремит медь оркестра.

Это шедевр середины века; невозможно приблизиться к радиоприёмнику или телевизору, чтобы не услышать всполоха тарелок и труб, который преследует вас на лестнице, на улице, в барах; одни напевают навязчивый мотив, другие его насвистывают, никого не минуя эпидемия.

Эта песенка для дуды называется «Вещь!». О какой вещи идёт речь, никто не знает, потому что её название всякий раз тонет в рёве оркестра.

Г. О. Баррел машинально повторяет слова, которые он, как и все, знает наизусть, хотя никогда их не учил.

— Бум! бум! бум! — напевает Г. О. Баррел, и маленькое стальное лезвие в такт оркестру ходит по его щекам.

Это лишь один из знакомых голосов, сопутствующих ему всю жизнь. Они всегда советовали ему, руководили им, указывая ему, что надлежит думать обо всём на свете, и, главное, избавляя его от труда думать самостоятельно. Он не подозревает этого: подобно тому, как у Г. О. Баррела есть два лица, существуют и два разных Г. О. Баррела — один, каков он на самом деле, другой, каким он себя воображает.

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 2 с. г.

Один — сформирован Великим Американским Кризисом, другой — Великой Американской Мечтой. Один изведал безработицу, неуверенность в завтрашнем дне, эксплуатацию, произвол, грубое насилие, страх; другой внемлет поучающим его голосам и повторяет магические слова. В этом отношении Г. О. Баррел, по существу, ничем не отличается от какого-нибудь французского мелкого буржуа: и у того и у другого расстояние между иллюзией и действительностью обратно пропорционально степени сознательности. Но всё же действительность всегда берёт верх над иллюзией, есть надежда, что она одолеет и иллюзию Г. О. Баррела. Впрочем, особенно рассчитывать на это нельзя: нигде людей не характеризует столь заскорузлая несознательность, как в Соединённых Штатах, потому что нигде её так не культивируют, как в Соединённых Штатах.

Середина века. Из действующего лица Г. О. Баррел в конце концов превращается в зрителя. Он привык отождествлять умственное усилие с усилием физическим, — ведь техника освобождает его как от одного, так и от другого. Легче, а значит и предпочтительнее бросить грязное бельё в стиральную машину, нежели портить себе руки, стирая в тазу. Равным образом легче, а потому и предпочтительнее, как констатирует Г. О. Баррел, прочесть сжатое изложение на тридцати страницах, нежели том в пятьсот страниц, просмотреть «комикс», нежели следить за развитием интриги в какой-нибудь повести; слушать радио, нежели перелистывать страницы газеты. Воистину, не суждено более человеку думать в поте лица своего.

В 93 процентах американских городов все местные газеты принадлежат одному и тому же владельцу. За последние двадцать лет исчезло 700 ежедневных газет, раздавленных газетными трестами, публикующими по всей стране под разными заголовками одни и те же известия, одни и те же передовицы. Восемь студий Голливуда снимают почти все фильмы, которые выходят на экраны. Четыре треста контролируют 90 процентов всех радиостанций. В значительной мере от них же зависит и телевидение; как и радио, оно лишь приводной ремень, соединяющий фирмы, которым нужно продавать свои товары, с публикой, то есть с эвентуальными покупателями: нет такой программы, которая не служила бы поводом для рекламы. В свою очередь кино, радио, телевидение и многие газеты являются собственностью нескольких банков. Таким образом, изобилие технических средств, кажущееся разнообразие зрелищ и информации предназначаются лишь для того, чтобы позволить Рокфеллеру, Моргану и их друзьям эффективно, анонимно и монополично общаться с Г. О. Баррелом.

В стране, в которой на душу населения приходится наибольшее число радиоприёмников, телевизоров, кинотеатров, газетных страниц и имеется наименьший выбор идей и точек зрения, Г. О. Баррел, сам не зная об этом, живёт взаперти, словно в четырёх стенах своей ванной комнаты с зеркалом, в котором отражается его лицо — лицо американца американского века с челоюстью, агрессивно выдвинутой вперёд. Он внемлет поучающим его голосам.

Никогда ещё в этих голосах не звучала такая поспешность и такое неистовство. Каждый из них надрывается: горланит радио, орёт кино, улюлюкает пресса, гудят телевизоры, вопят политики, мечут громы и молнии проповедники, рычат генералы, и, усиливая и перекрывая всю эту какофонию, непрерывно гремит медноголосая реклама: бум! бум! бум!

Со стороны тех, кто породил Г. О. Баррела, каким он себя воображает, эта свистопляска есть воздаяние должного Г. О. Баррелу, каков он на самом деле, его пяти органам чувств, его памяти, его способности мыслить. Кто знает, что может случиться, если он ускользнёт, если ему удастся украсть несколько мгновений передышки, если он всё-таки задумается, например, как-нибудь утром, во время бритья? Долго ли до беды! Стоит только споткнуться о воспоминание, скажем, о яблоках, которые безработные продавали на Бродвее в 1932 году...

В середине американского века недостаточно развлекать американца, его опасно оставлять наедине с самим собой. Голоса, которые он не может не слышать, упраздняют одиночество, заполняют малейшие просветы тишины, прокрадываются даже

в его сны. Быстрее, всё быстрее! Неумолкающие голоса хором, в унисон кричат, что жизнь Г. О. Баррела в опасности.

Это не новость. Она всегда была в опасности, как электрический холодильник, купленный в кредит: пока не сделан последний взнос, фирма вольна отобрать его назад. Г. О. Баррел к этому привык, голоса внушили ему, что жизнь покупается в кредит, что всякий американец, рождённый равным другим американцам, свободен делать ежемесячные платежи и что если он на это не способен, ему остаётся только пенять на самого себя. Но со всем этим покончено: впервые на памяти американцев голоса утверждают, что опасность грозит извне, впервые они называют её по имени. Жизни Г. О. Баррела — бум! бум! бум! — угрожает опасность — бум! бум! бум! — со стороны коммунизма.

В Мосини, небольшом городке штата Висконсин, Торговая палата и «Американский легион» объединёнными усилиями разыграли «захват власти красными», чтобы с помощью этой инсценировки показать своим соотечественникам весь ужас такого события. Агенты по продаже недвижимого имущества, хозяева гаражей и владельцы аптек всласть натешились этим гнусным спектаклем. За отсутствием исторических знаний они попросту следовали вековой традиции применения насилия: приятно ведь безнаказанно помыкать своими ближними, грабить чужое добро. Угроза суда Линча нависла над Мосини, то и дело из-за домов выглядывали остроконечные капюшоны ку-клукс-клановцев. Для полноты картины нехватало только трупов негров.

Мэр города, Ральф Кронветтер, которого ночью вытащили из кровати, умер на месте от кровоизлияния в мозг, хотя его заранее обо всём предупредили, а семидесятилетний старик, священник Вилл Ла Брю Беннет, скончался от инфаркта.

Через сутки Мосини возвратился к обычной жизни — к продаже в рассрочку кухонного оборудования, розыгрышу первенства по бриджу, сплетням, скуке; уехали из города журналисты и фоторепортёры, а в толпе горожан, собравшихся на похороны двух жертв этого чудовищного спектакля, «патриоты» во всеулышание смаковали свежие впечатления прошедшей ночи. И ещё много времени спустя жители Мосини, коротая за разговорами долгие зимние вечера, будут вспоминать знаменитую ночь «красного бунта» и говорить о преимуществах «американского образа жизни».

Коммунисты, твердят голоса, поучающие Г. О. Баррела, являются врагами демократии и стараются силой свергнуть правительство США. Вспомните, что творилось в Мосини.

В Голливуде двух статистов нарядили в некое подобие формы советских солдат и поставили как часовых у дверей радиостанции КМРС. Регулярно, через определённые промежутки времени, диктор сообщал радиослушателям:

— Сегодня у нас «Красная пятница». Если бы наша страна оказалась по ту сторону железного занавеса, если бы наша станция действительно была орудием пропаганды советского правительства, вы могли бы услышать следующее:

— Леди и джентльмены,— начинает другой голос, но его тут же перебивает голос третьего диктора:

— Леди и джентльменов больше нет — все товарищи!

Это голос «комиссара». Он разрешает передавать рекламные объявления, но требует, чтобы все передачи сопровождалась только русской музыкой. И когда знаменитый шеф-повар Жозеф Милано выступает у микрофона со своими кулинарными рецептами, «комиссар» грозит ему немедленным арестом, если Милано тут же не сообщит рецепт «беф-Строганова».

За «Красной пятницей» следует «Американская суббота». Музыка Мусоргского и Чайковского отступает перед джазовым воем «Вещи». Радиостанция КМРС снова вернулась в лоно американской свободы и к очередным шедеврам кулинарии повара Жозефа.

«Коммунисты, — говорят поучающие голоса пропаганды, — являются врагами американской кухни». Поэтому на борьбу с коммунистами мобилизуют «Мать» — ещё одно абстрактное понятие вроде «Демократии». В фильме «Мой сын Джон», который

сейчас снимают в Голливуде, «Мать» показывает американцам пример, убивая собственного сына, «красного», несмотря на его раскаяние. Господь простит...

В ход пускаются всевозможные магические формулы. Вот как они создаются. Все коммунисты — иностранцы, значит: «Америка для американцев!». Коммунисты бедны, они не преуспевают в делах, значит: «Американцы, добивайтесь успеха!». Коммунисты не умеют приспособиться к жизни, они завистливы и мешают другим обогащаться, значит: «Обезопасьте страну от коммунистов!». Они отрицают американский образ жизни, значит: «Да сопутствует нам удача!».

Представим себе: воодушевлённый подобными лозунгами, легион «патриотов» начинает действовать. Тротуары запружены народом. Хозяева отпустили с работы своих слушающих при условии, что они примут участие в манифестации. Учителя получили предписание вывести на улицу своих учеников. Лотошники снуют в толпе, продавая горячие сосиски и значки, на которых написано: «Я горжусь тем, что я американец». Как-то женщины в наколках сестёр милосердия, проталкиваясь между людьми, раздают детям мороженое в форме факела статуи Свободы и пакетики «Бабл-гам», изготовленные компанией Боуман из Филадельфии. Это особая жевательная резинка, которая, если её хорошенько разжевать, превращается в большие резиновые шары. На эбёртках «Бабл-гам» — цветные картинки; ребята их собирают как фантики. Пояснительный текст к этим картинкам заканчивается призывом: «Боритесь с красной опасностью!», а вся серия выпущена под названием: «Крестовый поход детей против коммунистов». Детские челюсти начинают усердно работать — ведь скоро будет установлено, кто является чемпионом по «выжёвыванию» самого большого шара из антикоммунистической резинки.

Делегация уличных торговцев, исходя из принципа свободы предпринимательства, заявила протест против такой бесплатной раздачи лакомств на улице. Но им объяснили, что это делается для рекламы и отнюдь не является социализмом.

Тем временем приближалась процессия. Во главе её ехали полицейские на мотоциклах, расчищая дорогу воем сирен. За ними шли девушки в костюмах тамбурмажоров и взмахивали своими жезлами, украшенными лентами, ритмично подымая обтянутые нейлоновыми трико ноги. За девушками двигался духовой оркестр, играя увлекательные популярные песенки, вроде:

Я жую-жую резинку.
До чего ж вкусна резинка!
Что дороже мне резинки?
Я жую-жую-жую!

Затем шли делегации от Федерального бюро расследования, «Дочерей Американской революции», «Американской лиги по игре в бридж», «Национального легиона по борьбе за соблюдение приличий», «Анонимных алкоголиков», «Братского ордена Орла», «Ассоциацию клубов «Льва», «Американского общества по борьбе с жестоким обращением с животными», Верховного суда, «Армии спасения», «Ку-клукс-клана» и многих других организаций.

Наконец, появляются автомобили, просторные, как похоронные дроги. На подножках машин одетые в штатское полицейские с расстёгнутыми кобурами бдительно озираются по сторонам. В машине сидят аллегорические фигуры. Высохший, как палка, старик с маленькой бородкой и звёздно-полосатой лентой на цилиндре олицетворяет собой «Соединённые Штаты». Справа от «Дяди Сэма» сидит молодая женщина в седом парике; в одной руке она держит библию, а в другой — кулёк со сладостями; она символизирует «Мать». Слева от старика — девица в купальном костюме, на котором от руки нарисован орёл с американского герба; его крылья изогнуты так искусно, что образуют бюстгальтер. Девица изображает «Демократию».

На второй машине восседает некто, загримированный под персонаж популярных карикатур. Его лицо — одна огромная челюсть. Он, очевидно, олицетворяет «Агрессивность». Рядом с ним — миссис «Уверенность в завтрашнем дне» в костюме, изображающем электрический холодильник, мистер «Успех» в виде копилки и т. д. Вся

толпа улыбается, все жуют-жуют-жуют, а время от времени «Мать» в угоду оптическим фирмам надевает рекламные очки, которые тотчас же снимает, чтобы угодить фотографам.

Процессия вступает на Уолл-стрит и останавливается у ног статуи Вашингтона, созерцающего Фондовую биржу и банк Моргана. Небоскрёбы украшены огромными развевающимися на ветру звёздными флагами. Из тысяч окон падает на улицу множество обрывков бумажек с цифрами — точно снег из цифр. Это деловые люди приветствуют процессию, разрывая на кусочки длинные бумажные ленты сводок биржевого курса акций. В ответ на эти приветствия «Дядя Сэм» и обе его спутницы выходят из машины и, обнявшись, исполняют прямо на мостовой танец с трещотками. Слитный стук их каблучков гулко раздаётся на асфальте Уолл-стрита, под которым расположены огромные бронированные подвалы, наполненные золотыми слитками. Но вот процессия вновь пускается в путь. В конце улицы манифестанты ускоряют шаг: там, где кончается остров Манхеттен, расположен квартал лачуг, в которых ютятся пьяницы, проститутки, бродяги и прочий жалкий люд, выброшенный Великим Кризисом, как ненужный хлам, на задворки небоскрёбов. Проезжая этот квартал, полицейские становятся ещё более бдительными. Но вот машины уже добрались до набережной.

В порту завывли сирены, корабли подняли все флаги, а на пожарных катерах изо всех шлангов забили фонтаны воды.

Процессия наконец у цели своего паломничества: перед нею, прочно стоя на постаменте, Статуя Свободы Предпринимательства освещает мир...

Церемония начинается. Её снимают фотографы и кинооператоры, её транслируют по радио и телевидению.

— Свобода, — заявляет Гарри Трумэн, президент Соединённых Штатов, указывая на статую, — никогда не была для нас абстракцией. Она всегда была чем-то конкретным, реальным.

Что же говорит по этому поводу реклама? А вот что:

«Не следует ли придать особое, символическое значение тому обстоятельству, что статуя Свободы покрыта слоем меди? (Точнее: слоем меди толщиной в 3,32 дюйма.) Ведь так же, как и сама Свобода, медь является прекрасным выражением нашего образа жизни».

— Бум! бум! бум! — гремят медные инструменты, а рекламный плакат заключает: «Анаконда Майнинг-компани» — самая крупная компания по добыче меди в мире — без усталости трудится во имя свободы и будущего».

«Уверенность в завтрашнем дне» одобряет, «Успех» улыбается, «Удача» вертится колесом и вместе с другими участниками процессии они входят во внутреннее помещение статуи, поднимаются по лестнице и оказываются в огромной голове. Но вот неожиданность! Голова пуста, абсолютно пуста. Поэтому там, видно, и поместили «Мозговой трест». Начальник его протокольного отдела Дин Ачесон представляет «трест» присутствующим:

— Мы являемся детьми свободы! — восклицает он и скромно удаляется.

Затем все члены «Мозгового треста» по очереди подходят к микрофону и делают короткие заявления такого же рода.

После того как великие принципы Свободы Предпринимательства и Конкуренции ещё раз подтверждены, остаётся только как-то подытожить всё сказанное. Эту задачу берёт на себя «Трест преступлений». Вместо того чтобы импровизировать, представитель этого треста предпочёл напомнить присутствующим заявление, сделанное уже давно основателем треста Аль Капоне:

— Мы должны уберечь тружеников от красной литературы и красной заразы. Мы должны бдительно следить за тем, чтобы дух их был здоровым.

— Со всех точек зрения, — заключил президент Трумэн, — наш свободный образ жизни несравненно выше системы подавления личности, которую коммунисты стремятся навязать человечеству.

(В городе Риме, штат Джорджия, трое белых изнасиловали тринадцатилетнюю чёрную девочку, в то время как две

белые женщины со смехом наблюдали за этой сценой, а их дети играли вблизи. В Конвигтоне, в штате Луизиана, Денни Брайнт, негр тридцати семи лет, был убит полицейским за то, что отказался снять шляпу в присутствии белых.)

Толпа не расходилась. Уже продавались специальные выпуски газет с подробным описанием манифестации, которая вскоре закончилась рекламным фейерверком.

Казалось, что в небе одновременно вспыхнули все световые вывески Континента, засверкали все рекламные образы середины века: рвались вперёд автомобили, урчали электрические холодильники, стучали стиральные машины, широкой рекой текла зубная паста, седовласые полковники с юга восхваляли достоинства виски, появлялись и исчезали зелёные, красные и жёлтые витамины, гипнотизёры-психоаналитики избавляли людей от мучительных комплексов, празднично одетые «кляйальные» рабочие открывали бутылки кока-кола и текущие счета в банке, самолёты вылетали во Флориду, невесты жонглировали серебряными столовыми приборами, на телевизионном экране, отражённом в других телевизионных экранах, которые, в свою очередь, отражались в третьих, целовались пары, вспыхивали изображения дома-мечты с неизбежными тюлевыми занавесками, гаражом, газоном, цветами и криком новорождённого младенца.

— Поднимите голову, — надрывалось радио, — и взгляните на рай, в котором вы живёте. Поднимите же голову к небу и любуйтесь страной самого господ бога!.. Эта страна — ваша страна. Коммунисты хотят её разрушить. Коммунизм — ваш враг: он враг господ бога!

Вот оно — магическое слово! Коммунист — антиамериканец, а следовательно, антихрист. Это дьявол во плоти, тот самый дьявол, о котором говорит священное писание: Змий, Лукавый, Искуситель, Проклятый, Князь тьмы, Сатана, который выдуман для того, чтобы пугать маленьких и взрослых детей повсюду — от штата Мэн до штата Орегон, от Аризоны до Северной Каролины.

Зажигается факел в медной руке Статуи Свободы Предпринимательства. Он освещает толпу. Перед толпою маячит фальшивая приманка «американского образа жизни», позади неё свистит хлыст страха. Бегите, баррелы, мчитесь галопом, неситесь во весь опор, берите препятствия! Вперёд, солдаты Христа и Рокфеллера!

За всю свою жизнь Г. О. Баррел не видел ни одного коммуниста. Вероятно, они есть в Шарлотте, но их там мало: коммунистов в Соединённых Штатах всего несколько десятков тысяч, и встретить их можно главным образом в крупных индустриальных центрах Севера и Запада. Если бы он знал, что разносчик молока, который ежедневно, насвистывая, поднимается по лестнице, чтобы поставить перед его дверью полные бутылки и забрать пустые, — коммунист, или что механик гаража на углу улицы, с которым он, отправляясь на работу, обменивается приветствием или шуткой, и сестра милосердия, которая ухаживала в больнице за его старшим сыном после операции аппендицита, — коммунисты, если бы он мог себе представить, что у коммуниста есть и семья, и профессия, что у него есть лицо, которое он ежедневно бреет перед зеркалом, так же как это сейчас делает Г. О. Баррел, если бы у него хоть когда-нибудь мелькнула подобная догадка, — Г. О. Баррел меньше бы боялся. Но дело в том, что разносчик молока, механик и сестра милосердия должны молчать или потерять работу, молчать или попасть в тюрьму.

Уже осуждены одиннадцать руководителей компартии, суд над двенадцатым, у которого большое сердце, отложили по требованию врачей. Обвинённые в пропаганде марксизма-ленинизма, они были судимы владельцем доходных домов и дельцами-присяжными. Их приговорили к тюремному заключению, обосновав этот приговор лжесвидетельствами десятка агентов ФБР, которые привели на суде несколько искажённых цитат из произведений Маркса, Ленина, Сталина.

Если бы нужно было охарактеризовать Соединённые Штаты во всём их национальном своеобразии при помощи портретов нескольких американцев, то нельзя было бы выбрать более удачные прототипы, чем эти двенадцать руководителей коммунистической партии. В них всё типично американское, вплоть до имён: Уильям Фостер и Юджин Ден-

нис, Бенджамин Девис и Роберт Томпсон, Джон Уильямсон и Джек Стэчел, Генри Уинстон и Джон Гейтс, Ирвинг Поташ и Гилберт Грин, Карл Винтер и Гэс Холл, — кажется, что это класс в школе или отделение пехоты. Как можно представить себе дюжину американцев без Билла, Бена, Боба, Джека или Генри! Не менее трети граждан, подписавших в своё время Декларацию независимости, носили эти имена. А фамилии этих коммунистических лидеров настолько типичны, что звучат, как географические названия. Сорок четыре американских города и посёлка, рассеянных по всей стране, именуются так же, как двенадцать осуждённых коммунистов. Девять населённых пунктов называются Томпсон, семь — Фостер и семь — Дэвис, уже не говоря о названиях озёр и рек, гор и Долин, заливов и островов. Из этих двенадцати коммунистов десять — белые, двое — негры; негры родом из южных штатов, белые — со всех концов страны. Уильямсон родился в Шотландии, Фостер — сын ирландских эмигрантов. Среди подписавших Декларацию независимости было трое ирландцев и двое шотландцев.

Их профессия? Большинство имеет по несколько специальностей, что также является типичным для Соединённых Штатов. Когда их перечисляешь, кажется, что попадаешь в мир героев Марка Твена и Джека Лондона, Брет-Гарта и Драйзера. Фостер был моряком, шахтёром, металлостом; Деннис — докером, лесорубом, электриком и шофёром грузовика; Томпсон — железнодорожником и тоже лесорубом; Уинстон — чистильщиком сапог: ясное дело — негр. Итак, это рабочие. Но не только рабочие. Есть среди них и адвокаты, как Дэвис, и журналисты, как Гейте.

Они участвовали во всех битвах своего народа: боролись против двенадцати-часового рабочего дня и за пособие по безработице, против линчевания и за равноправие негров, против богатых, за бедных. Они вместе со своими товарищами по партии являются единственными американцами, которые не изменили заветам Джефферсона, Томаса Пэйна и Линкольна.

Г. О. Баррел не подозревает, да он и представить себе не может, что старейший член коммунистической партии Элла Рив Блур, матушка Блур, является правнучкой соратника Вашингтона, дочерью боевого товарища генерала Гранта, одержавшего победу над рабовладельцами в войне Севера и Юга, другом Уолта Уитмена и что она умерла в возрасте 89 лет с национальным гимном Соединённых Штатов на устах, посвятив всю свою жизнь борьбе за счастье народа и оставшись до последнего вздоха верной своей партии.

Коммунисты — безликие существа, говорят голоса, поучающие Г. О. Баррела.

Все те, кто считает, что у коммунистов бывают хотя бы глаза, или рот, или улыбка, в особенности улыбка, не могут больше общаться с Г. О. Баррелом.

Их не допускают к работе в кино. Они свободны снимать фильмы при условии, что достанут необходимые для этого сотни тысяч долларов, и свободны их демонстрировать при условии, что найдут кинотеатры, не зависящие от Голливуда, от которого все они зависят.

Им не дают выступать по радио. Либеральным дикторам давным-давно пришлось переменить профессию. Колумбия Бродкэстинг Корпорэйшн, располагающая 161 радиостанцией, предложила всем своим служащим принести присягу в лояльности и уволила более ста сотрудников, из которых некоторые были виновны в том, что в своё время встали на сторону республиканской Испании, или требовали до 1939 года, чтобы была прекращена отправка железной руды и нефти в Японию, или разоблачали антисемитизм, культивируемый в гитлеровской Германии.

Газеты и журналы для них закрыты, их книги изъяты из библиотек, как изъяты из нью-йоркских школьных библиотек роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», и издательства не принимают их рукописей. Они свободны печатать их за свой счёт и даже продавать свои книги при условии, что им не помешают крупные тресты книготорговли.

Две коммунистические газеты кое-как ещё выходят — одна в Нью-Йорке, другая в Сан-Франциско. Их трудно найти в киосках, их небезопасно покупать, на них опасно подписываться. В Детройте, например, продажа их запрещена. Во всей стране лишь горстка книготорговцев осмеливается продавать коммунистическую литературу в своих

магазинах, да и легко ли отважиться войти в такой магазин, когда возле него прогуливаются агенты ФБР?

Если бы Г. О. Баррел задумывался над этим вопросом, если бы он взвешивал опасности, которые встречает на своём пути еретик, это значило бы, что он уже вступил на путь еретичества. Но так как с Г. О. Баррелом этого отнюдь не произошло, то он никогда не читал ничего, написанного коммунистами, и даже не знает, что можно достать подобный текст, который не был бы напечатан в Москве, разумеется шифром, и который не передавали бы из рук в руки агенты Москвы, предварительно обменявшись паролем в каком-нибудь подземелье, расположенном как раз под авиационным заводом, намеченным для взрыва, — совсем как в кино.

Он похож на одну из тех красных рыбок, которых можно видеть в стеклянных трубках в парке с аттракционами в Нью-Джерси. В такие трубки вводят искусственную рыбку, и тогда настоящие рыбки в испуге несутся прямо вперёд, и выигрывает та из них, которая первой достигнет конца трубки. Герман Д. Пост, изобретатель этих гонок, заявил, что они осуществляются на научной основе, с тем чтобы не причинять вреда рыбам.

— И в конце концов, — прибавил он, — мы заставляем их делать только то, что свойственно им по природе: плавать.

Актёр Эррол Флин привлекался к судебной ответственности за изнасилование, а актёр Роберт Митчам — за употребление наркотиков, что не помешало им обомн остаться кинозвездами, но десять киноактёров заключены в тюрьму за отказ раскрыть свои политические взгляды; с десятками других, заподозренных в сочувствии коммунизму, расторгнуты контракты, а их имена внесены в чёрные списки.

Профессор Ральф Спитцер, преподававший биологию в Орегонском университете, отстранён от должности за то, что написал во время биологической дискуссии, что было бы полезно «в интересах научной объективности» ознакомиться с материалами, опубликованными в этой связи Академией наук СССР. Но доктор Колман, уверявший, что, вопреки теориям Лысенко, русским коммунистам не удастся распространить коммунизм по всему миру посредством искусственного обсеменения, попрежнему профессорствует в Институте психиатрии в Нью-Йорке. В Блумфильде, что в штате Нью-Джерси, ректор университета заявил представителям прессы по поводу «красных, полукрасных и розовых» профессоров: «Им у нас делать нечего... Левые всегда хотят быть объективными. А мы хотим здесь учить американизму, а не объективности».

В Мемфисе, в штате Теннесси, муниципальный цензор запретил «Огни большого города».

— Этот фильм не в чем упрекнуть, — сказал он, — но, принимая во внимание характер и репутацию Чаплина, мы считаем, что его не следует здесь показывать.

В кино идёт «Дикая орда», «Угроза», «Красная опасность», «Красный Дунай», «Железный занавес», «Охота за шпионами», «Специальный агент», «Джонни-шпик».

В кино идёт «Винювный в измене», «В ловушке», «Разоблачённый», «Приговор без суда», «Я преступил закон», «Я стал преступником», «Я вышла замуж за коммуниста».

Карл Мундт, сенатор от Южной Дакоты, выступая по радио, заявил, что в Соединённых Штатах на свободе находятся пятьсот тысяч «угрожающе нелойальных» лиц.

По приказу президента Соединённых Штатов государственные служащие обязаны давать присягу о лойальности. Специальная комиссия, уполномоченная отстранять их от должности, не сообщает об обвинениях, которые на них возводятся, с помощью ФБР разбирает по косточкам их родственников и друзей, тщательно изучает их прошлое и их взгляды. Волна присяг о лойальности разливается по стране. Лойальность — это магическое слово. В Рино, в штате Невада, в торжественной обстановке на ступеньках здания суда дают присягу о лойальности служащие самого большого игорного дома в городе.

— Посмотрите на коммунистов, — говорит, выступая по радио, Вилли Моретти,

гангстер из Нью-Джерси. — Это они должны бы быть за решёткой, там им место. А бросать в тюрьму букмекеров просто смешно...

По всей стране мужчины и женщины томятся в тюрьмах — одни потому, что признали свою принадлежность к коммунистической партии, другие потому, что отрицали её, третьи потому, что отказались сказать, являются ли они коммунистами. Совсем как в известном поверье: когда ведьму уколешь иголкой, у неё не сочтётся кровь и она не чувствует боли, а если капелька крови выступит у неё на коже, если она и кричит от боли, то это только для того, чтобы получше обмануть христиан.

Когда был арестован Фрэнк Костелло, один из главарей «треста преступлений», ему пришлось внести залог всего в пять тысяч долларов, чтобы оказаться на свободе. Когда был поднят вопрос о временном освобождении Уильяма Шнейдермана, руководителя калифорнийской организации коммунистической партии, судья потребовал залог в сто тысяч долларов.

Министерство юстиции заявляет, что не существует закона, позволяющего выслать из Соединённых Штатов того же Костелло, уроженца Италии. Агенты министерства юстиции арестовывают и высылают иностранцев, подозреваемых в том, что они коммунисты. В палате представителей, которая была недавно украшена барельефами законодателей прошлого, Джон Ренкин, влиятельный член демократической партии, протестует против того, что многие из этих барельефов изображают иностранцев.

— Мы выставим их вон, — восклицает он под аплодисменты своих коллег, — и заменим их американцами!

Среди иностранцев, которых имел в виду Ренкин, фигурируют: Солон, один из семи мудрецов античной Греции, Юстиниан, император Византии, два папы — Григорий IX и Иннокентий III, Наполеон и один еврей — Моисей.

Король американских проповедников Билли Грэхем беседует на тайном свидании в окрестностях Лос-Анжелоса с Мики Коэном, королём калифорнийских гангстеров. Газеты об этом узнают.

— Нет, — заявляет репортёрам Мики, — мы говорили не о религии. Мы с Билли никогда не говорим о религии. Мы беседовали о средствах борьбы против коммунизма.

Полиция города Уилинга в Западной Виргинии реквизирует пятьдесят автоматов для продажи лакомств: в них были обнаружены перемешанные с конфетами и жевательной резинкой маленькие картонные квадратики, на которых с одной стороны был изображён флаг, а с другой написано название соответствующей страны, в том числе и Советского Союза.

— Это ужасно, что наши дети подвергаются такой опасности! — восклицает мэр Уилинга. — Я распорядился произвести детальное расследование.

Имена коммерсантов, у которых были реквизированы эти автоматы, сообщены ФБР.

Кэтрин Виндзор, видная дама-литератор, которой человечество обязано шедевром «Амбра», обосновывает своё заявление о разводе тем, что её муж, знаменитый музыкант Арти Шоу, склонял её к чтению Карла Маркса.

В Вашингтоне актёр Адольф Менжу заявляет комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

— Я готов охотиться даже за ведьмами, если ведьмы — коммунисты.

Коммунистические ведьмы в полётах бороздят небо, берегитесь отравленных колдунов! Коммунистические оборотни бродят на уличных перекрёстках, остерегайтесь — они крадут детей! Призрак неотступно преследует Америку — призрак коммунизма.

«Сидевший под гербом Соединённых Штатов с изображением американского орла, простёршего крылья на стене Федерального суда, свидетель в галстук в красную, белую и синюю полоску сказал, что он вступил в коммунистическую партию с патристической целью — информировать ФБР о её деятельности».

Так гласит отчёт «Нью-Йорк таймс» о показаниях Герберта А. Филбрика на процессе одиннадцати руководителей коммунистической партии.

В качестве свидетелей со стороны правительства на этом процессе выступили ещё двенадцать человек. Двое свидетелей — предатели своей партии, двое других — агенты ФБР, все остальные — профессиональные провокаторы. Один из них, Вильям Каммингс, рассказывает суду о том, как он вошёл в коммунистическую партию двух своих двоюродных братьев и родственника своей жены единственно для того, чтобы иметь возможность сообщить тайной полиции ещё три имени.

Другой «свидетель», Виктор Бланк, «завербовал» в партию своего шурина без ведома последнего, подделав его подпись на заявлении о приёме, сообщил о нём в ФБР и получил некоторую сумму в возмещение расходов, связанных с этой работой. Тот же Бланк организовал партийную ячейку на предприятии, попросив товарищей по работе вступить в неё, «чтобы оказать ему личную услугу»; ячейка эта существовала только на бумаге, Бланк сам платил за всех её членов партийные взносы и подписывался за них на партийную газету — всё это за счёт ФБР, которому он мог таким образом указать целый ряд имён.

Эти люди тем только и занимаются, что шпионят за коммунистами. Свидетеля Ноуэлла в 1944 году рабочие, которых он выдавал дирекции, прогнали с завода Форда. Свидетельница Анджела Каломирис была членом профсоюза АФТ, профсоюза КПП, прогрессивной партии, Американской рабочей партии и восьми других организаций, за которыми она следила по заданию ФБР.

Каждый раз, как правительство начинает новый политический процесс, эти профессиональные доносчики тут как тут, на скамье свидетелей; их расходы оплачивает правительство, и они получают определённую мзду за каждое показание. Вот они и показывают.

«ФБР, — пишет еженедельник «Юнайтед-стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — видит, что выигрывает этот процесс в ущерб своим связям в преступном мире. Оно не пожалело потерять семь своих агентов в рядах коммунистической партии, заставив их выступить в качестве свидетелей на процессе одиннадцати коммунистов в Нью-Йорке».

Этих-то преступников, которыми пожертвовала тайная полиция, и ставят в пример американскому народу.

Еженедельники наперебой печатают их воспоминания, издательства огромными тиражами издают их мемуары. Та же Анджела Каломирис выпустила в свет том, озаглавленный «Красный маскарад», в котором рассказывает, как она действовала, чтобы удовлетворить требования своих нанимателей из ФБР, желавших получать описания примет вроде тех, которые составляются на преступников и вывешиваются в почтовых отделениях: рост, вес, возраст, цвет глаз и волос, особые приметы, например, шрамы... Автобиография Герберта А. Филбрика, человека с трёхцветным галстуком, озаглавлена так: «Я вёл три жизни». Ренегат Луис Буденц написал две книги: «Вот моя история» и «Люди без лица».

Как и подобает стране техники, машина и тут пришла на помощь человеку. Государственный департамент и многочисленные федеральные управления прибегают к «полиграфу» или «детектору лжи» — аппарату, который записывает посредством электрического тока колебания пульса и дыхания; до сих пор им иногда пользовались во время допросов уголовных преступников. Врачи и служащие судебного ведомства, правда, ни в малейшей степени не доверяют машине для шпионажа, столь же ненадёжной, как и шпионы, работающие вручную. Тем не менее комиссия по атомной энергии, например, отводит всякого кандидата на некоторые должности, отказывающегося подвергнуться проверке «детектором лжи». В Ок-Ридже, где изготавливается атомное оружие, каждому претенденту на замещение определённых должностей в обязательном порядке предлагается пройти такое же испытание; тот, кто от него уклоняется, автоматически признаётся непригодным к работе. Служащим этой категории недостаточно выдержать первый экзамен; каждые три месяца они предстают перед комиссией и, опутанные ремнями «полиграфа», стягивающими их руки и грудь, должны отвечать на вопросы о своей частной жизни, о книгах, которые они читают, о своих знакомствах, занятиях, коллегах. И чуть только «полиграф» отметит слегка учащённый пульс или неровное дыхание, они становятся подозрительными. А если они отказываются каждые три месяца проходить это испытание, их немедленно

увольняют со службы. Между тем радио и телевидение прославляют шпиков. Герои «комиксов» противодействуют насильственному свержению правительства Соединённых Штатов, выдавая подстрекателей мятежа тайной полиции. Сенатор Мак-Керти обвиняет генерала Маршалла в том, что он глава заговора, имеющего своей целью ослабить Соединённые Штаты, с тем чтобы способствовать их завоеванию Советским Союзом. Некий фабрикант пускает в продажу «Телетейп» — аппарат, предупреждающий вас в соответствующих случаях о том, что ваш телефон подключён к пультау подслушивания, пользование которым в штате Нью-Йорк с недавнего времени разрешено соответствующей поправкой к конституции. Сенатор Тоби дважды звонит по телефону в Белый дом президенту Трумэну, распорядившись записать эти переговоры без ведома своего собеседника. В Голливуде, где один специалист в области психоанализа, широко известный в кругах деятелей кино, сообщает ФБР сведения, доверенные ему его пациентами, киностудии Уорнера готовят большой фильм «Я был коммунистом по заданию ФБР» по беллетризованным воспоминаниям другого профессионального провокатора Матта Кветика, уже появившимся в продаже в крупнейших книжных магазинах. Когда фильм выйдет на экраны, десятки газет посвятят ему передовицы. «Великолепный урок американизма и для молодёжи и для стариков!» — напишет о нём *Лос-анжелосская «Геральд трибюн»*, а «*Моуши пикчер геральд*» назовёт его «Правдивой историей подлинного национального героя».

И вот американизм получает новое определение. В Соединённых Штатах существует обычай чествовать замечательного человека, посвящая ему какой-нибудь день, подобно тому, как в большинстве штатов празднуется День Христофора Колумба. У каждого свои герои: губернатор Массачусетса установил День Герберта А. Филбрика, профессионального провокатора.

Тысячи доносов поступают в ФБР. Некоторые из них продиктованы страхом, другие — завистью, третьи — надеждой заработать, потому что в Соединённых Штатах наушничество — дело прибыльное. Многие доносы написаны людьми, думающими, что они поступают правильно.

Каждый день в ФБР составляют от двадцати до двухсот новых досье. Их накопилось там уже более миллиона.

А реклама? Что говорит реклама?

Предприятие Уэйра по производству алюминиевых окон в Майами помещает свои объявления в газете и печатает их на рекламных листовках, которые высылаются по первому требованию.

Заголовок жирным шрифтом гласит:

«КАК УЗНАТЬ КОММУНИСТА?».

«...Ищите его, будьте начеку. Вслушивайтесь в каждый обрывок подозрительного разговора, запоминайте, заучивайте его наизусть. Вы узнаете его не по лицу, а по запаху его слов, который вас никогда не обманет.

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ОПАСЕН!

Вы не можете узнать коммуниста по его лицу, но кто-нибудь из вас столкнется с ним на лестничной площадке: он живёт в одном доме с вами, на том же этаже!

Сообщайте обо всякой антиамериканской деятельности вашему ФБР.

ПОИСТИНЕ ПРЕКРАСНО БЫТЬ АМЕРИКАНЦЕМ!»

Посреди текста изображена красная рука, с которой капает кровь, а пониже — голова без лица.

Что может быть страшнее, чем голова без лица?

Тяжело, должно быть, живётся Г. О. Баррелу — Г. О. Баррелу, каков он на самом деле. Он ещё вздыхает, он ещё кое-что помнит: в школе никто не любил доносчиков, в Декларации прав написано, что конгресс не будет принимать законов,

ограничивающих свободу слова, начальник бой-скаутов говорил: вдесятером против одного не дерутся, мама говорила: драться нельзя, а пастор говорил: не убий.

— Конечно, это так, — говорят поучающие его голоса, — это правило, которому мы все стараемся следовать, а коммунисты — исключение, которое лишь подтверждает правило. Доказательство этого состоит в том, что тут мы все согласны. Кто в этом сомневается, тот сам коммунист. Видите толпу, что теснится перед этим окном? Это окно из алюминия, окно, из которого прекрасно виден коммунизм. Вы в этом не сомневаетесь, не так ли? Лучше смотреть на мир в окно из алюминия, чем сквозь тюремную решётку. Не забывайте, что поистине прекрасно быть американцем, и сообщайте обо всякой антиамериканской деятельности вашему ФБР.

Через окно Уэйра, предназначенное для того, чтобы лишить комнату окон, Г. О. Баррел созерцает существо без лица, угрожающее его богу, его стране, его неотъемлемому праву стать богатым, как Рокфеллер, угрожающее образу жизни и самой жизни Г. О. Баррела — Г. О. Баррела, каким он себя воображает.

Г. О. Баррел прищуривает глаза, выпячивает подбородок и пристально рассматривает в зеркале своё бритое лицо. Да, это лицо Кларка Гейбла, лицо Супермена. Но чего-то ему ещё недостаёт.

На экраны выходит новый фильм Кларка Гейбла «Чтобы нравиться даме» — его лучший фильм за последние годы, как утверждают газеты. В первой же любовной сцене Гейбл даёт пощёчину своей партнёрше и благодаря этому покоряет её сердце.

Кинотеатры один за другим показывают новый фильм Джеймса Кенни «Дай прощальный поцелуй будущему».

«Перед вами Кенни, каким вы его любите, — говорит реклама. — Вооружённый револьвером... злой... беспощадный... убийца! Кенни! Грубый с женщинами! Дикий с мужчинами!»

Не нужно даже входить в зал, чтобы услышать стрельбу. Над входом в кино огненными буквами написаны названия фильмов: «Револьвер», «Под дулом револьвера», «Город револьвера», «Анни, вытащи твой револьвер», «Револьверный выстрел», «Говорит револьвер», «Поющие револьверы», «Револьверные зарницы», «Серенада десяти револьверов». Идёт в кино и «Правосудие револьвера».

Да не нужно и выходить из дому: стоит только включить радио, чтобы услышать треск стрельбы, а экраны телевизоров всегда залиты кровью. В течение одной недели телевизионные станции Лос-Анжелоса показали 228 убийств, 357 покушений на убийства, 11 побегов из тюрьмы, 93 похищения людей, 3 клеймения раскалённым железом; 72 процента этих преступлений было показано во время телевизионных передач, предназначенных для детей.

Сборники «комиксов» плавают в крови. Вот первая попавшаяся обложка: «неамериканцы» хлещут плетью полуголую женщину в цепях, с клеймом, выжженным на груди, прежде чем бросить её хищным зверям, нетерпеливо ожидающим жертву. Чтобы её спасти, молодая американка пронзила копьём горло одного из палачей, облила второго расплавленным свинцом и хирургической иглой выкалывает глаза главарю банды. (В Бетесбурге, в штате Южная Каролина, Исаак Вудворт, бывший фронтовик, негр, поссорился с кондуктором автобуса. Начальник полиции выколол ему глаза и был оправдан судом после пятнадцатиминутного совещания присяжных заседателей (белых).)

Новый писатель, Мики Спиллейн, возвращает американцам вкус к чтению. В его романах рассказывается от первого лица о приключениях Майка Хаммера, частного сыщика. «Меня нельзя упрекнуть в недооценке полицейских, — говорит он. — Но полицейские не могут сломать человеку руку, чтобы заставить его говорить. Они не могут выбить ему зубы дулом револьвера, чтобы напомнить, что здесь с ним не шутят». А он, Хаммер, только это и делает, когда не спит с женщиной. Впрочем, у него одно связано с другим, потому что обычно убийцей оказывается красивая блондинка, с которой Майк проводит ночь или две, прежде чем её убить: он презирает суды и сам линчует преступниц. Поэтому и назвал Спиллейн свой первый роман, принесший ему «славу»: «Суд — это я».

Эсэсовец, рассказывающий, сладострастно смакуя подробности, о том, что он творил в концентрационных лагерях, писал бы так же, как Спиллейн. «Мой кулак по самое запястье вошёл ему в брюхо. Он упал на землю, выблёвывая свои лёгкие»... Или: «Недлѣк тот день, когда с револьвером в руке я буду стоять лицом к лицу с убийцей. Я полюбуюсь на его лицо. Потом я пошлю пулю ему в потроха, и, пока он будет подыхать на земле, я, возможно, выблюю ему зубы». Кровь ещё льётся струёй, когда появляется женщина и, стоя против света, начинает медленно раздеваться, и её бельё и тело он описывает так же тщательно, так же сладострастно, как разорванные сухожилия и сломанные хрящи.

Последний роман Спиллейна был издан тиражом в три миллиона экземпляров, и американские солдаты в Корею, как сообщают газеты, заранее посылают чеки издателю, чтобы он отправил им новую книгу их любимого автора, как только она выйдет в свет.

Вы откладываете газету, выходите на улицу, сворачиваете за угол. Но у входа в кино вас уже встречают сменяющие одна другую светящиеся надписи: «Рождённый убивать», «Убийца», «Убийца на свободе», «Убийцы», «Убийцы из Мёртвой долины», «Убийцы Эбайлен», «Я убил Джесси Джеймса», «Я убил Джеронимо», «Я убил Кида Билли», «Убивать или быть убитым», «Стрелять, чтобы убивать».

В Паттерсоне, в штате Нью-Джерси, Берт Бласкоу, пятнадцати лет, познакомился в кино с Фредом Рау, шестнадцати лет. После сеанса они встретили в безлюдном месте безработного Уильяма Крестнера. Они потребовали от него денег. Он им денег не дал, — наверное, потому что у него их не было. Подростки набросились на него, свалили на землю и задушили, а труп перебросили через парапет набережной. Год спустя их арестовали за кражу и посадили в тюрьму. Там младший признался в первом преступлении священнику, который сообщил об этом властям. Это подлинная история.

А журнал «Парент-Тичер», орган ассоциации школьных учителей и родителей, резюмирует в корреспонденции из Вашингтона мнение военного начальства: «Чтобы выжить, нация более всего нуждается в убийцах».

Г. О. Баррел готов. Он вытаскивает из зажима лезвие бритвы, прополаскивает его и обтирает: оно ещё может пригодиться.

За ним следит его отражение в зеркале: сейчас он не похож лицом на нового национального героя. Это не шпик и не убийца. Правда ли, что он готов?

8

Середина века. Фоторепортёр «Дейли ньюс», вооружившись своим аппаратом и блокнотом для стенографических записей, идёт по улицам Нью-Йорка, всматриваясь в лица прохожих.

Глядя, как они бегут на работу, проглатывают сэндвич перед стойкой аптеки, изучают газету, развёрнутую на странице, занятой «комиксами», стоят в очереди в кино, можно подумать, что ничего не изменилось. Витрины украшены искусственным снегом и рождественскими ёлками с разноцветными лампочками, в универсальных магазинах дети стоят в очереди, чтобы пожать руку Рождественскому Деду, в Гарлеме другие дети играют вокруг опрокинутых мусорных ящиков.

«Дейли ньюс» выходит наибольшим тиражом среди всех американских ежедневных газет. Половина из её восьмидесяти страниц посвящена рекламе; рекламируются телевизоры, хозяйственные приборы, косметические изделия, виски, витамины — kısоче, образ жизни. Другая половина заполнена преимущественно снимками и описаниями трупов изнасилованных женщин, их небритых убийц, избегающих фотоаппарата, и полицейских, которые, напротив, стараются попасть в объектив, показывая пальцем на какой-нибудь нож или на прядь волос жертвы, склеенных сгустками крови; «Садистское преступление», «Преступление сумасшедшего», — гласят заголовки.

Имеются в газете и отделы кино, спорта, «комиксов», и второстепенные рубрики: «Советы по вопросам этикета», «Любовная почта», «Ваш гороскоп на сегодняшней

день», и втиснутые между рекламными объявлениями об электрических холодильниках и о виски международные события, которые никогда не заслуживают более двадцати строк.

Наконец, в ней имеется отдел: «Испытание умственных способностей», под редакцией Джорджа В. Крэйна, доктора философии и доктора медицины. «Испытание» это состоит в том, что читателю предлагается объяснить смысл двух десятков слов, малоупотребляемых в обыденной речи. Умственные способности читателя, отгадавшего значение половины слов, признаются «высшими», а всех слов — «наивысшими».

Каждый день фоторепортёр «Дейли ньюс» должен добиться от пяти-шести прохожих ответа на вопрос, который он считает актуальным. Сегодня он у них спрашивает:

— Что вы купили бы, если бы располагали деньгами?

— Деньгами?

— Да, всё равно какими.

Прохожий смеётся, впрочем, как-то неуверенно: как знать... И потом почти всегда лично увидеть в газете своё имя и свою фотографию.

Репортёр замечает солдата и задаёт ему свой вопрос.

— Загородный домик для моих родителей, — отвечает солдат.

Он совсем молод, этот образцовый сын, ему от силы лет двадцать.

Зовут его Эндрю Л. Трейн. Если бы у него были деньги, он купил бы для своих родителей совсем новенький красивый домик.

Ведь иметь залог уверенности в завтрашнем дне — это Великая Американская Мечта. Но сейчас середина века, и Уверенность в завтрашнем дне изменила свой смысл, а Мечта — своё содержание.

— Там, — говорит солдат, — моим родителям нечего было бы бояться атомных бомб.

Остановившись посреди тротуара, где снуёт толпа, жующая резинку, поедающая витамины, читающая «Дейли ньюс», американский солдат мечтает вслух.

— Там был бы псгреб со свинцовой изоляцией на случай атомной бомбардировки.

Он подумал обо всём, этот алхимик наизнанку, и горит желанием превратить золото в свинец; нехватает ему только золота, а не иллюзий.

Птичка уже вылетела из аппарата, и репортёр уходит, но солдат его задерживает.

— Прошу вас, — говорит он, — напечатайте мой ответ; мои старики совсем упали духом, это бы их подбодрило.

Его ответ появится в газете, он покажет его своим родителям, и его мать полуспокойно скажет:

— У нас хороший мальчуган!

Если бы это зависело только от него, уж у них был бы загородный домик.

Я не выбираю исключительных случаев. В Лонг-Айленде одна семья — уже на пороге претворения своей мечты в действительность. К такому помещению капитала нельзя отнестись легкомысленно. Отец семейства пишет в местную газету «Лонг-Айленд ньюс дей»:

«Мы собираемся купить дом. Какая местность, по вашему мнению, наиболее безопасна в отношении атомных бомбардировок: Фармингсдейл, Хантингтон или Вавилон?».

На западе континента, в Орегоне, одинокая женщина, — а если у неё и есть близкие родственники, она не решается им открыться, а если и решается, то не черпает в этом поддержки и утешения, — так вот, одинокая женщина пишет в медицинский отдел газеты «Орегониен», выходящей в Портленде:

«Дорогой доктор! Известия, касающиеся возможной войны и воздушных бомбардировок, всегда приводят меня в состояние, близкое к истерии. Скажите, как нам, боязливым людям, избавиться от истерии? Флора В.».

Так одни стараются убежать от опасности, другие — от самих себя. Неуверенность в завтрашнем дне, которая вот уже лет двадцать пять выражалась в формуле: на какие средства я буду жить завтра? — приобрела ещё более убийственный смысл.

Теперь она формулируется так: буду ли я жить завтра? Но нельзя, не нарушая приличий, ставить этот единственно важный вопрос и нельзя более молчать; и вот начинают говорить о нервах и о свинцовом погребке. Так женщина с опухолью на груди идёт на консультацию к специалисту по косметической хирургии, хотя знает, что у неё рак.

Каковы вопросы, таковы и ответы. Флора В. читает в «Орегониен»:

«Оставьте ваше кресло, и вы почувствуете облегчение, ибо страх таится в креслах, особенно в тех случаях, когда они стоят перед радиоприёмником. Если на дворе зима, спуститесь в подвал и затопите котёл центрального отопления. Если лето — полейте ваши клумбы, или закройте окна в вашей комнате, или хотя бы почистите зубы».

Подписано: Джордж В. Крэйн, доктор философии и доктор медицины, — тот самый, который возглавляет отдел «Испытание умственных способностей» в газете «Дейли ньюс». Если он сотрудничает в двух ежедневных газетах, выходящих в городах, которые разделяет расстояние в пять тысяч километров, и ещё во многих других, то это потому, что американская пресса трестирована. Если он лечит рак косметической хирургией, то это потому, что пресса не допускает единственно приемлемого ответа на единственно важный вопрос. Упоминать о запрещении атомной бомбы запрещено. Министерство юстиции преследует руководителей Информационного центра сторонников мира за то, что они не зарегистрировались как агенты иностранной державы. Мир — это иностранная держава, известно какая: политики говорят о «советском мирном наступлении», «Чикаго трибюн» помещает статьи под заголовком: «Мир, быть может, является новым секретным оружием Сталина». Газеты слово «мир» пишут в кавычках. В Бирмингеме, в штате Алабама, в те дни, когда горстка мужчин и женщин собирала подписи под Стокгольмским воззванием, радиопередачи прерывались через определённые промежутки времени таким предупреждением:

«Если кто-нибудь позвонит к вам в квартиру и, когда вы откроете, станет говорить вам о мире, задержите этого человека и известите полицию».

Короче, как гласит объявление одной мебельной фирмы в «Чикаго трибюн»: «Мир во всём мире будет обеспечен не займами и не голосованиями, а атомной бомбой».

Нью-Йоркский бизнесмен Альфред Бергман разъезжает по городам с лекцией о неизбежности третьей мировой войны, атомной войны. Он говорит об американском образе жизни, о демократии, о патриотизме и срывает аплодисменты: бескорыстный человек, он оказывает услугу своей стране и своему народу, открывая ему глаза на смертельную опасность, которая ему угрожает.

Через некоторое время после его лекции в том или ином городе «Пресскрет компании», в которой он заведует отделом сбыта, адресует местным промышленникам и владельцам недвижимостей проспект, помеченный «спешно», предлагая построить для них убежища от атомных бомб. «Без всякого сомнения, — говорится в нём, — вы хотите спасти вашу жизнь и жизнь ваших близких».

Если бы Флора В. это знала, она сочла бы Альфреда Бергмана шантажистом, но она, наверное, никогда о нём не слыхала. Зато она знает имени президента Трумэна, генерала Бредли и других генералов, Дина Ачесона и других министров. Эти люди тоже говорят, что мир во всём мире будет обеспечен атомной бомбой. Они говорят: «Уверенность в завтрашнем дне», а Флора В. думает: «Неуверенность в завтрашнем дне». Она не знает, что они тоже заведуют отделом сбыта и что газета, которую она читает, — коммерческий бюллетень.

Редактор «Лонг-Айленд ньюс дей» отвечает семье, которая, выбирая между Фармингсдейлом, Хантингтоном и Вавилоном, играет в прятки с атомной бомбой. «Эта проблема требует серьёзного размышления и тщательного изучения карты. Самым надёжным пунктом является тот, который наиболее удалён от возможных объектов бомбардировок... Но в действительности не существует места, где можно было бы спрятаться. А раз это так, к чему ломать себе голову в поисках такого места?»

Остаётся, значит, закрыть глаза и наугад ткнуть пальцем в карту, разве что исключив из суеверия Вавилон, как и два других города штата Нью-Йорк: Троя

и Карфаген. В вашем распоряжении имеется также совет доктора Джорджа В. Крайна и свинцовый погреб, о котором мечтает солдат Трейно.

На конгрессе американских архитекторов, который проходил в Чикаго, Фрэд Стиверд из Нью-Йорка объяснял делегатам, что лучшей защитой от атомного взрыва является бочка без дна.

— Если вы увидите всё охвативший пожар, — говорил он, — прыгните в бочку и накройтесь сверху доской. Взрывная волна сожмёт бочку со всех сторон, но не раздавит её.

Жители Лос-Анжелоса, открывая за завтраком свою газету, видят рекламу, занимающую целую страницу. На фоне взрыва на атолле Бикини — силуэт человека, одетого в своего рода пелерину. Это «Atomicare» — атомный плащ.

«Предохраняйте себя от атомной радиации, — говорится в тексте. — Атомный плащ спасёт вас от заражения и ожогов. Быть может, он вам никогда не понадобится, но, кто знает, не будет ли завтра слишком поздно жалеть о том, что вы его не приобрели...» И в заключение добавляется: «Полная гарантия. В случае неудовлетворительных результатов применения ваши деньги будут возвращены... Вашим наследникам, если они останутся».

В Вашингтоне одна фирма пустила в продажу «атомный несессер». Это чемоданчик, в котором содержатся глазные капли, бикарбонат натрия, лезвия для бритвы, французские булавки, мыло и электрический фонарик, короче — своего рода набор принадлежностей для смерти вне дома. Его демонстрируют две девушки, разумеется, блондинки, разумеется, красивые и, разумеется, в купальных костюмах. Они изображают жертв атомного взрыва.

Журнал «Нью-Йоркер», рассчитанный на самого утончённого читателя, без гени удивления цитирует ответ солдата Трейно репортёру «Дейли ньюс» и заключает:

«Можно сказать, что нет ни одного жителя Нью-Йорка, без различия пола и возраста, который бы не думал об этих проблемах. Вероятно, почти у всех сложилась собственная философия насчёт жизни города под угрозой атомных бомбардировок. И всё же люди как будто не хотят говорить на эти темы, каждый предпочитает оставить при себе свои мысли».

Призрак Хиросимы мечется по Соединённым Штатам. От океана до океана 150 миллионов американцев, исповедующих новую веру, таясь друг от друга, сосредоточенно думают о невозможности спасения. 150 миллионов философов в одиночестве готовят себя к смерти.

Когда вы наблюдаете за тем, как они по утрам спешат на работу, жуют сэндвичи и изучают «комиксы», вам может показаться, что ничего не изменилось. Каждый из них полагает, что только он один видит призрак Хиросимы, чувствует себя одиноко среди беспечной с виду толпы, считает себя подверженным галлюцинациям и предпочитает скрывать свой позор. Но достаточно малейшей случайности, чтобы все увидели, что и их соседи одержимы той же навязчивой идеей.

В нью-йоркском метро посреди туннеля внезапно останавливается поезд — короткое замыкание. Тысячи пассажиров кидаются к закрытым дверям вагонов, разбивают окна, падают, топчут друг друга, истошно вопят:

— Война! Бомба!

Итог происшествия — семнадцать искалеченных в панике пассажиров.

На улице Бруклина один за другим раздаётся несколько «взрывов» — лопнули канализационные трубы. В тот же миг десятки обезумевших от страха людей бросаются к окнам. Прохожие мечутся, пытаются укрыться в домах, а люди, находящиеся в зданиях, рвутся на улицу. Все кричат: «Война!» и «Русские!».

В начальной школе в Калифорнии ученики седьмого класса¹ пишут диктант. Учительница медленно произносит слова. Восемилетние и девятилетние мальчики и девочки пыхтят над дифтонгами и двойными согласными. Когда учительница произносит слово «бросают», весь класс забивается под парты.

¹ Порядковые номера классов в американской школе следуют не так, как в нашей, а наоборот — от VIII до I. (Примеч. переп.)

В кино показывают фильмы под названием: «Напряжение», «Момент взрыва», «Царство страха», «Летающее блюдечко», «Паника на улице», «Выхода нет», «На смерть испуганный», «Отчаявшийся», «Начало конца». Невозможно укрыться от этого наваждения. Стоит только развернуть газету или включить радиоприёмник, как на тебя надвигается тень атомной бомбы и ты слышишь её угрожающий глухой вой.

Газеты сообщают, что во всех портах таможенные чиновники прошли специальное обучение по распознаванию атомных бомб.

Шериф Канзас-Сити, обследовав каменные карьеры в окрестностях города, заявляет: «В случае атомной атаки там может укрыться ровно 840 тысяч человек».

Губернатор Северной Каролины, приглашая промышленников обосновываться в его штате, рекламирует исключительные преимущества, которыми обладает в век атомной бомбы Северная Каролина по сравнению с другими штатами: «Полная изолированность при лёгкой достижимости» (видно, этим он хотел сказать: поезда — доходят, бомба — минует).

На бутылках с лимонадом, изготовленных компанией Котт из Нью-Хэйвена, наклеены этикетки с надписью: «После атомного взрыва вы можете без вреда для здоровья выпить лимонад, если вымоете эту бутылку перед откупориванием».

Реклама, речи, проповеди — всё вертится вокруг одного и того же. Из Вашингтона сообщают, что во всех кинотеатрах страны будет показана серия фильмов об атомной и бактериологической войне. Вот название первого фильма этой серии: «Как выжить при атомном нападении». «Служба пассивной обороны» готовит к печати тридцать брошюр. Первая из них озаглавлена: «Как остаться живым при атомном взрыве». Самый распространённый ежегодник Соединённых Штатов «Уорлд Олимпик», выпуск 1951 года, открывается инструкцией: «Что делать в случае атомного нападения».

Значит, можно выжить? Люди с жадностью проглатывают брошюры, статьи. «Служба пассивной обороны» поясняет, что «шансы выжить после атомного взрыва оказались значительно большими, чем это ранее предполагалось. В Хиросиме больше половины жителей, находившихся на расстоянии 1500 метров от места взрыва, осталось в живых...».

Создаётся впечатление, что такого рода «утешительные» сообщения в действительности преследуют только одну цель: ещё больше утешить людей. Так оно и есть на самом деле. В «Нью-Йорк таймс» доктор Джордж Джеймс из отдела здравоохранения штата Нью-Йорк пишет: «Руководители «Службы пассивной обороны» ставят себе одну основную психологическую задачу: создать у населения состояние тревоги, которую они смогут контролировать, — нечто среднее между равнодушием и скрытой паникой». Бедные Трейнто, бедная Флора В. Они дошли до последнего деления этой шкалы.

Но состояние контролируемой тревоги создаётся исподволь. В школах учителя и ученики тренируются в приёмах пассивной обороны.

— По моей команде — ложись!

И дети лезут под парты, ложатся на пол, повернувшись спиной к окнам, зажимают голову между коленями, закрывают лицо руками. Мэри Ф. Уокер, директор начальной школы в Ван Найсе, штат Калифорния, сообщает, что все её ученики научились проделывать эти «упражнения» за две секунды. Попробуйте-ка с ними состязаться!

Первое слово, которое шестилетний ребёнок учится читать по складам, — «Атом». В школах введён новый букварь. Новое поколение так начинает теперь свой путь к знанию:

«А — Атом, неделимое, которое теперь расщепили.

Б — Бомба, взрывающийся предмет. Атом — её новая фабричная марка».

И так далее до «Я — Яма, углубление, образующееся от разрыва атомной бомбы».

Всё это помещено в букваре вперемишку с практическими советами, чтобы научить детей одновременно читать и умирать. «Сохраняйте спокойствие», «Старайтесь добраться до убежища», «Распластайтесь на земле», «Защищайте руки и лицо».

Доктор Курт Фантл, психиатр отдела здравоохранения Лос-Анжелоса, заявил: «Если вы увидите, что ваши дети играют в войну, в атомное нападение, вы должны поощрять эти забавы. И вы не вправе ужасаться их жестокости и дикости».

В полдень дети Г. О. Баррела возвращаются из школы. Во что они играют?

В Сан-Франциско женщина садится за стол, чтобы написать письмо в местную газету. У неё двое сынозев. Старший в этом году пошёл в школу. «После третьего дня занятий, — пишет эта женщина, — я спросила моего мальчика, что он делает в классе. В ответ он присел на корточки, обхватил голову руками и сказал:

— Мы учились вот так сидеть. Так надо делать, если разбиваются стёкла.

Через несколько дней, когда он вернулся из школы, я заметила у него на шее жетон с его именем и адресом. Он мне объяснил:

— Это на случай, если война меня застанет на улице: люди смогут узнать, как меня звали».

В Нью-Йорке знакомая мне десятилетняя девочка в ужасе проснулась ночью: в её классе проводилось обучение пассивной обороне. Полная, рослая, она не могла поместиться под партой. Что ей снилось в эту ночь?

Руководство «Службы пассивной обороны» советует всем жителям носить на шее жетоны с именем и адресом, желательно из тугоплавкого металла. Рекомендуются приобретать жетоны из хромированной стали, которая не становится радиоактивной и, по всей вероятности, сохранится при атомной бомбардировке любого масштаба.

Г. О. Баррел представляет себе, как его дети стараются добраться до убежища, распластываются на земле, защищая лицо и руки. В его сознании проносятся картины атомной атаки, все моменты от «А» до «Я» — ямы, углубления в земле, образующегося от разрыва атомной бомбы. Он хочет бежать. Как он сможет заработать себе на жизнь? Этот вопрос потерял своё значение: он должен спасти жизнь своих детей. Но куда им идти? Нет места, где можно было бы спрятаться.

А в Сан-Франциско женщина продолжает писать своё письмо:

«Тогда, — пишет она, и перед её глазами стоит её старший сын с металлическим жетоном на шее, объясняя, чему он научился в школе, — тогда его маленький братишка сказал мне:

— Мама, я не хочу, чтобы самолёты нас всех поубивали. Я хочу поехать куда-нибудь, где нет неба...».

Вот выход, единственный выход. Президент Трумэн показывает пример: газеты сообщают, что он выделил сумму в 881 000 долларов — более 300 миллионов франков — на строительство убежища от атомных бомб в восточной части Белого дома.

Президент мог бы позволить себе роскошь иметь про запас даже свинцовый погреб. Но Г. О. Баррел?

Вот маленькое объявление из «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Постройте сами в своём саду убежище от атомной бомбы. За один доллар высылаем чертежи и инструкции».

Небо над континентом уже не считается американским, а американский образ жизни превращается в образ жизни крота. Газеты сообщают, что к северу от Нью-Йорка в недрах Железной горы несколько сотен рабочих заняты строительством железобетонных укрытий, предназначенных для хранения ценных биржевых бумаг на случай атомного нападения.

Г. О. Баррел, который с каждым днём обесценивается всё больше и больше, не будет иметь доступа в подобное убежище. Даже если бы ему чудом и удалось найти какую-нибудь дырку в земле, чтобы втиснуться туда вместе со своим семейством, он не смог бы в пужный момент до неё добраться — ему бы помешали.

Член редакционной коллегии «Бюллетеня учёных-атомщиков» недавно заявил в Чикаго:

«Самой страшной опасностью, которая нам угрожает, является не гибель миллионов людей, а дезорганизация промышленности и транспорта. Основная проблема состоит не в том, чтобы спасти как можно большее количество жителей, а в том, чтобы не дать сердцу нации остановиться».

Шериф Чикаго Уолш представил доклад о методах «контроля над паникой».

— Выработаны приёмы, — сказал он, — чтобы управлять людьми так, как управляют испуганным стадом.

У Г. О. Баррела остаётся только одна возможность: выработать себе философию или создать религию, равноудалённую от безразличия и скрытой паники.

Итак, все — верующие, все — философы. Один священник из Эллинтон (штат Южная Каролина), расположенного в 240 километрах от Шарлотты, телеграфировал фирме, торгующей религиозными товарами в Бостоне: «Просьба аннулировать наш заказ от 27 ноября наш город сносится вследствие строительства завода водородных бомб».

Все — философы, все — верующие. В Детройте жители одного дома — четверо взрослых и тринадцать детей — вытатуировали себе на ляхках свои имена и фамилии, чтобы быть опознанными после атомного налёта. Для чего они это сделали? Чтобы можно было сообщить их родным? Но кто станет этим заниматься? Может быть, для того, чтобы газеты поместили сообщение о том, что среди развалин найдены семнадцать ляжек с нижеследующими именами? Но кто станет это писать? Да и останется ли кто-нибудь, кто сумеет это прочесть? И почему на ляхках?

Психоаналитик доктор Гоффман, в возрасте 62 лет, убил свою жену выстрелом из револьвера, перенёс её труп в спальню, положил на кровать, облил всё вокруг бензином, лёг рядом с убитой и покончил с собой.

В полиции его сын рассказал, что у доктора были финансовые затруднения и что он жил в атмосфере ужаса атомного века: личная неуверенность в завтрашнем дне своей семьи растворилась в новой всеобщей неуверенности американцев в завтрашнем дне своей страны.

Чтобы выжить, поучают голоса радио и пропаганды, надо научиться убивать... В Тампе, в штате Флорида, ректор университета пастор Элвуд С. Нэнс провозгласил однажды:

— Мне бы хотелось руководить молитвами моих прихожан, а потом повести их упражняться в тир. Я считаю, что мы должны быть всесторонне подготовлены к войне, основываясь на «законе джунглей». Каждый из нас должен овладеть всеми формами науки и искусства убивать. Лично я не думаю, что война должна ограничиться сухопутными, морскими и воздушными сражениями и что существует необходимость ограничить методы и оружие разрушения. Я всецело одобрил бы бактериологическую войну, применение отравляющих веществ, атомных бомб, водородных бомб, межконтинентальных ракет и т. д. Я не сделал бы исключения ни для школ (и это говорит педагог!), ни для церкви (и это говорит священник!), ни для больниц (и это говорит человек!).»

В «изолированной, но легко достижимой» Северной Каролине Г. О. Баррела преследуют зловещие поучающие голоса, они оглушили его, загнали в тупик. А в душе его — тишина, тишина кладбищ, пока ещё не существующих, но легко предвидимых.

Всё перемешивается, перепутывается. Проповедь и фильм, речи и «комиксы», «существа без лиц» и непристойный рефрен джазовой «Вещи». Война уже началась. Вчера — Хиросима, завтра, быть может, — Шарлотта. Нет места, где можно было бы спрятаться. И газета «Дейли ньюс», чей фотокорреспондент бродит по улицам, разглядывая прохожих, публикует письмо своего читателя Эдварда Стефенса.

«Я брошу учиться, — пишет он, — всё равно мир полетит ко всем чертям».

Стефенсу 9 лет, он ученик восьмого класса.

Всё это происходит в середине века — века торжества коммунизма и открытия атомной энергии...

В какой лаборатории найти инструменты достаточно точные, чтобы контролировать человеческую тоску и удерживать её на надлежащем уровне — выше безразличия и ниже паники?

Когда-то стоило только прервать бег к финишу, где мерещится клад, принять очередные дозы алкоголя, сексуального наслаждения и серебристых теней на экране, которые всегда находили своё счастье, и можно было снова продолжать свою погоню за успехом. Наваждение Уверенности в завтрашнем дне делало остальное. Никто не считался с усилиями и трудностями, хотя горизонт, на котором вырисовывалась Вели-

кая Американская Мечта, убегал всё дальше и дальше. Некоторые отставали, иные продвигались вперёд, ковыляя, многие падали. Подобно дороге, по которой тянутся караваны, Американский путь, как вежами, обозначен скелетами. Но оставшиеся в живых в погоне за миражем не замечали этого.

Теперь снова вертятся колёса станков на заводах, и никто не продаёт яблок на углах улиц. Чуть удастся немного ускорить шаг, и снова рождается надежда. Но красивый новенький домик на горизонте развалился, и зарево атомного взрыва окрасило небо.

Старые утешения утратили свою цену для нации, над которой навис дамоклов меч. В Штатах попрежнему ещё пьют — с каждым годом всё больше, и в середине века, в 1950 году, больше, чем когда бы то ни было, но алкоголь доставляет лишь краткие моменты забвения. Обед в компании, вечеринка с танцами, вечеринка с поцелуями стали бессмысленными для людей, живущих в мире, который непременно должен взорваться. Требуется развлечение, вызывающие более сильные эмоции, в соответствии с охватившей всех тоскливой тревогой.

В Майами полиция арестовала двух молодых людей. Одному из них, Алексу Пиллэни, восемнадцать лет, другому, Сэмюэлю Чемберсу, — только семнадцать. Первый — сын врача, второй учится в университете и учится блестяще, их будущее обеспечено. Преподаватели, радио, газеты разъяснили им, что следует думать о будущем. Во главе шайки юнцов они организуют dynamite party — вечеринки с динамитом. Они совершили взрывы в средней школе имени Джексона в Майами, в гостинице «Империал» и пятнадцати других зданиях. Они сделали это не с целью воровства, а просто для того, чтобы позабавиться динамитом, полюбоваться на маленькие взрывы в ожидании большого.

Развлечения уже не развлекают; они возвращают к действительности.

Обёртка жевательной резинки говорит о войне, «комиксы» — о смерти, а у фильмов — трагический конец.

У каждого своя dynamite party.

На улице дети предлагают прохожим наркотики.

В квартале Бронкс, в Нью-Йорке, торговец наркотиками Гектор Лопес, девятнадцати лет, отказывается продавать свои товары кому бы то ни было старше его самого. Так безопаснее, а клиентов у него достаточно. Они сгруппированы в трёх шайках, которые не имеют сношений между собой; «старшим», как они называют себя, — от шестнадцати до восемнадцати лет, «молодым» — от тринадцати до четырнадцати, а «младенцам» — от одиннадцати до двенадцати. Эти подробности выяснились, когда в психиатрическое отделение городской больницы Беллвью попал один из этих «младенцев», хронический курильщик марихуаны. Ему было восемь лет.

Марихуана, героин, морфин, кокаин — всё пушено в ход.

По данным бюро наркотиков при министерстве финансов, на каждые две с половиной тысячи американцев один употребляет наркотики. По словам профессора Линдесмита, из университета штата Индиана, автора специальной работы по этому вопросу, в действительности один наркоман приходится на полторы тысячи американцев. Нет такого города в Соединённых Штатах, в котором нельзя было бы без труда, безнаказанно и по дешёвой цене приобрести наркотики; они имеются в таком практически неограниченном количестве, что цены на них падают.

По данным нью-йоркской полиции, в средних школах на каждые 65 учеников один употребляет наркотики. Многие это делают в классе, под носом у преподавателя. И так как им нужно всё больше наркотиков, а денег нехватает, они их зарабатывают, развращая своих товарищей. Наркотиками торгуют в столовых, в уборных, в коридорах. Полагают, что среди школьников каждая жертва наркомании привлекает к употреблению наркотиков в среднем пять человек.

Следственная комиссия палаты представителей штата Иллинойс определяет в 25 тысяч число юношей и девушек, употребляющих наркотики; из них одну треть составляют лица, не достигшие восемнадцати лет.

Обучение, которое начинается в начальных школах с упражнений в пассивной

обороне при атомных бомбардировках, продолжается в школах второй ступени вводным курсом употребления наркотиков. За ним последуют призыв в армию и ожидание обещанного конца света.

«Невозможно отрицать, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн», — что торговля наркотиками за последний год достигла опасных размеров, и никто не может найти этому объяснение».

«Последний год» — это 1950 год, середина века.

По данным Национального психиатрического института число душевнобольных, находящихся в лечебницах, увеличилось с 295 тысяч в 1945 году до 390 тысяч в 1949 году, то есть возросло на 32 процента. В конце 1949 года 570 тысяч человек, или, другими словами, один американец из 263, находились в сумасшедшем доме. Это неполные сведения, они не охватывают ни всех категорий психических заболеваний, ни всех больниц и клиник.

Доктор Уильям Меннинджер, один из самых знаменитых американских психиатров, опубликовал весной 1950 года более полные статистические данные. «Больше половины больничных коек нашей страны, — сообщил он, — занято душевнобольными». Иначе говоря, на каждые 200 американцев приходится один сумасшедший. Цифры эти ещё значительно увеличатся, если учесть, что не все больные находятся на лечении в стационарах.

В мае 1952 года Орян Рут, председатель Национальной ассоциации по борьбе за оздоровление психики, заявил, что американские клиники и психиатрические диспансеры насчитывают 9 миллионов пациентов, другими словами, один американец из семнадцати страдает психическим недугом. Я не знаю, учитывается ли этими цифрами клиентура психоаналитиков. Несколько десятков тысяч больных в масштабе приведённых данных значения не имеют, но если бы сеансы психоанализа стоили не так дорого, то к психоаналитикам обращались бы сотни тысяч людей.

Однажды научно-фантастический журнал «Сайенс Фикшен» напечатал нечто вроде руководства по предсказанию судьбы, доведя в нём до абсурда самые мистические положения фрейдистской школы. Читатели приняли эту мистификацию всерьёз. В редакцию посыпалось множество писем с просьбами сообщить различные дополнительные сведения. Эта статья принесла её автору шумный успех и обеспеченное состояние. Вскоре он издал целую книгу на ту же тему, ставшую одной из «бестселлерс». Так родилась новая «наука» — «дианетика», которая заменяет беднякам недоступный им психоанализ. Говорят, что «дианетика» облегчает душу, а ведь у всех есть потребность найти облегчение.

Никто не занимается подсчётом тех, кто, не страдая душевной болезнью, всё-таки не может быть нормальным в этом сумасшедшем мире. Динамитчики из Майами, хладнокровные убийцы и наркоманы, — являются ли все они сумасшедшими? Сумасшедший ли девятилетний Эдвард Стефенс, решивший бросить учиться? Сумасшедшая ли Флора В., бьющаяся в истерику? А архитектор, рекомендующий применить против атомной бомбы бочку без дна? А все остальные, приговорённые к жизни в атмосфере безумия? Где начинается сумасшествие, и как его распознать сегодня в Соединённых Штатах?

Молодая женщина из Бостона, Элси Конлей, была арестована за то, что подкинула двоих из своих четверых детей. На суде она рассказала, что жила на пособие по безработице — двадцать шесть долларов в неделю; двенадцать из них она платила за квартиру. На жизнь оставалось всего четырнадцать долларов; этого было недостаточно, чтобы сводить концы с концами. Она была готова на всё, даже на разлуку, чтобы хоть как-нибудь обеспечить своих детей.

— Моей единственной надеждой, — говорила она, — было оставить малышей в хромой семье. Я была уверена, что кто-нибудь их приютит.

Судья мог оправдать её или осудить. Он потребовал психиатрической экспертизы. Сумасшедшая ли Элси Конлей?

Сумасшедший ли Поль Сноу? Он приехал в город Колумбус в штате Огайо и представился как сенатор-республиканец из штата Мэн. Его принимали местные

руководители республиканской партии, он позировал фотографам, наносил визиты депутатам парламента, беседовал с ними и оказался особенно сведущим в вопросах налогообложения.

Сноу пригласили выступить в палате представителей. Он говорил об основной сельскохозяйственной культуре штата Мэн — картофеле—и яростно критиковал правительственную политику контроля над излишками.

Его проводили аплодисментами и рукопожатиями, потом он продолжал свои визиты, посетил одну школу профессионального обучения, но тут его настигла полиция. Оказывается, Поль Сноу удрал из сумасшедшего дома.

Я не уверен, что депутаты штата Огайо более нормальны, чем этот сбежавший шизофреник. Я это говорю не потому, что они одобрительно внимали его рассуждениям о картошке штата Мэн, а потому, что ещё за несколько месяцев до этого происшествия они приняли закон о том, что безработные их штата, желающие получить пособие по безработице, должны приносить специальную присягу о лояльности. Я полагаю, что если выбирать между Элси Конлей и её судьёй, то подвергнуться психиатрической экспертизе должен был бы скорее последний. Впрочем, вряд ли стоит издеваться над законниками штата Огайо и возмущаться поведением судейских чиновников из Бостона. Как распознать безумие в мире, где тщательно стёрты границы разума?

Однажды среди ночи в маленьком посёлке на Атлантическом побережье в штате Флорида раздался вой пожарной сирены, и тотчас же по улице пробежал человек в ночной пижаме. У него было странное лицо: расплющенный нос, безгубый, напоминающий отверстие копилки, рот и пристальный взгляд маньяка. Человек этот бежал и кричал, но отнюдь не о пожаре. Глядя на океан и на маленький островок Юпитера, — а тех, кого Юпитер хотел погубить, он, как известно, лишал разума, — человек в пижаме вопил:

— Высадились войска Красной Армии!

Разбуженные этим криком, жители селения выбежали на улицу, но не обнаружили никаких советских солдат; зато они увидели зарево пожара. Но кричащий человек пожара не заметил; он упорно высматривал армию, которая находилась от него не менее чем в восьми тысячах километров.

За этим эпизодом последовало его пребывание в морском госпитале в Бетезде, под надзором санитаров, бдительность которых ему удалось обмануть, прыжок из окна и официальное молчание, которым были окружены обстоятельства самоубийства министра обороны Соединённых Штатов Джеймса В. Форрестолла, председателя административного совета банкирского дома Диллон-Рид.

Почему заявлять, что Красная Армия высадилась на североамериканском континенте, большее безумие, чем утверждать, что она к этому готовится? И если Форрестол действительно был сумасшедшим, то когда же именно он сошёл с ума? Теперь принято говорить, что он просто переутомился. Отчего же он переутомился? Разве мчаться по улице ночью в пижаме — более серьёзный симптом душевной болезни, чем запереться в своём министерском кабинете и до утра просиживать над проектом сооружения искусственных спутников Земли в целях обстрела Советского Союза межпланетными снарядами? А если признать этого министра сумасшедшим, то почему же не считать сумасшедшими и других министров, раз они рассуждают точно так же, как и он, раз они действуют точно так же, как и он. Форрестолла отличает от них лишь своеобразная точка зрения в вопросе о том, в каких случаях подобает носить пижаму, да его последний крик — только последний! — и прыжок из окна. Вильям Дрейпер, вице-председатель банкирского дома Диллон-Рид, во главе которого стоял Форрестол, заместитель министра в том министерстве, которое возглавлял Форрестол, во всём продолжает политику Форрестолла. И, как знать, не вынул ли он уже из шкафа ту пижаму, которую наденет завтра, чтобы председательствовать на заседании Атлантического совета, где он представляет Соединённые Штаты? Нужно ли дожидаться, пока Поль Г. Нитце, тоже вице-председатель банка Диллон-Рид, в свою очередь бросится из окна, чтобы убедиться, что, возглавляя Совет политической стратегии госу-

дарственного департамента, он создаёт стратегию безумцев? А остальные -министры? А остальные банкиры? Не все ли они форрестолы?

Можно ли считать, что их предшественник был в здравом уме именно до той самой минуты, когда ночью во флоридском посёлке завывала пожарная сирена? Не более ли правдоподобным покажется обратное: жизнь, проведённая в безумии, и в результате минутного просветления — прыжок в пустоту? Если считать, что безумие всего лишь вопрос границ и координат, то можно сказать, что в Соединённых Штатах в середине века сумасшедшим считался человек, который выбежал ночью из дому и долго всякий вздор, но тот, кто хладнокровно подготавливал убийство нескольких десятков миллионов людей, не считался сумасшедшим.

Теперь, когда Форрестол реабилитирован стараниями ему подобных, его жизнь и его смерть приобретают значение характерного примера. Жертва поучающих голосов, которые он сам породил, чревоушатель, убитый своей куклой, Форрестол стоит в точке пересечения американских координат. Если он нормален, то мир безумен. Если же он безумен, то безумна и его Америка.

В течение всего 1950 года и днём и ночью, каждые 20—30 минут, какой-нибудь американец кончал жизнь самоубийством.

«Самоубийства процветают!» — объявляет заголовок в иллюстрированном журнале «Фокэс», а в подзаголовке приводятся цифры:

1942 год.. 16 117 самоубийц.

1950 год.. более 22 000 самоубийц.

«Количество самоубийств беспрецедентно, — пишет журнал. — По всей стране это стало теперь модой, навязчивой идеей, какой-то безумной оргией саморазрушения. Новое явление в американской жизни называется самоубийством. По данным статистики, за первые 6 месяцев количество самоубийств в этом году (1951) значительно превзойдёт все цифры, зарегистрированные когда-либо в истории нашей страны».

Мир непонятен, будущее не предвещает ничего хорошего, а в настоящем выбор так же беден, как и содержание номера, указанное на обложке «Фокэса», который предлагает вниманию читателей две статьи. Одна из них озаглавлена: «Кто сказал, что американцы плохие любовники?», а другая — «Солдат Мелвин Браун — истребитель красных № 1». Первая статья иллюстрирована изображениями груди и бёдер, а вторая — рисунком напалмовой бомбы («более жаркая, чем ад, она является лучшим другом американских солдат в Корее») и снимком корейского пожарнища («Американские солдаты клянутся напалмовой бомбой, а красные от неё умирают»).

Между координатами равнодушия и паники мечется и кружится Г. О. Баррел.

9

Немногие сведения, которыми я располагаю о последних днях Г. О. Баррела, дают представление о том, в чём он искал утешения и помощи. Наверное, он предпринимал и другие попытки обрести утраченное равновесие, но они не оставили следов; перечисленные же в сообщении агентства характерны, конечно, для его страны, если не для середины века. Но это не наркотики и не динамит.

Г. О. Баррел затруднился бы сказать, испытывает ли он физическое или своего рода моральное недомогание: оно походит одновременно на мучительную тревогу и на тошноту, и он пытается его преодолеть, защищая то своё тело, то свой дух.

Американцы, тратящие десятки миллионов долларов на колдовство, талисманы, амулеты, зелья, гороскопы и сонники, оставляющие каждый год 125 миллионов долларов у гадалок, беззащитны перед лицом наукообразной магии. В Соединённых Штатах находит сбыт оборудование для лечения артритов, ревматизма, язвы желудка посредством клизм (цена 1 900 долларов) и для лечения электрическими разрядами абсцессов печени, сердечных болезней и рака (цена 1 200 долларов). Две металлические пластинки, одна из цинка, другая из бронзы, которые кладут в ботинок, якобы излечивают от диабета, астмы, гипертонии, паралича и старости. Аппарат для лечения хромотерапией, действие которого основано на теории, что все болезни происходят из-за

нарушения гармонии между человеком и «цветными волнами вселенной», испускает разноцветные лучи, которые в течение часа уничтожают все болезни. Панацеей считаются и витамины. Их действительная эффективность не идёт ни в какое сравнение с их волшебными свойствами. Они продаются в аптеках в таком же количестве, как и парфюмерные изделия.

Реклама, врачи, суеверия действуют заодно. Г. О. Баррелл принимает витамины.

Красные, белые, жёлтые капсулы сменяют друг друга, но томительная тревога не проходит. Это уже не просто рассеянность и непостижимая раздражительность. Боль сосредотачивается в висках, в области надбровных дуг, в затылке; ещё один американец страдает головной болью, ещё один американец плохо спит по ночам и не знает, мигрень ли не даёт ему спать или бессонница поддерживает и усиливает мигрень.

В 1949 году в Соединённых Штатах было использовано более 15 миллиардов таблеток аспирина. Это составляет в среднем по 100 таблеток на каждого американца. Аспирин, правда, употребляется не только в качестве лекарства от головной боли, но ведь, кроме аспирина, существуют и другие лекарства от головной боли.

Один дамский журнал провёл анкету среди своих читательниц. Оказалось, что 58 процентов из них страдают бессонницей. Они жалуются на помутнение рассудка, повышенную возбудимость, нервозность.

С недавних пор в больших городах появились «киоски сна», где продают, например, «книгу — индуктор сна — психолога сна Макса Мэна. Гарантируется засыпание на 20-й странице. Цена один доллар».

А если на 21-й странице вы всё ещё бодрствуете, «Подушка Разбитых Сердец соберёт ваши слёзы. Вам будет легко и покойно плакать: скопившиеся волнения должны разрядиться, не нанося ущерба вашему здоровью. Не прячьте их стыдливо. Подушка сделана из непромокаемой ткани. Цена 3 доллара 95 центов».

Г. О. Баррелл принимает таблетки от головной боли.

Боль не проходит, а ночи убийственно долгие. В квадрате окна его спальни видно враждебное небо. Радио молчит до рассвета, но поучающие Г. О. Баррелла голоса не умолкают, они доносятся уже не извне, они вибрируют теперь в его голове, и ему кажется, что это его мысли так мучительно водят хоровод. Чтобы вырваться из этого хоровода, отвлечься, он погружается в «комиксы». Я это не выдумываю, чтобы посмеяться над ним. Я это знаю.

Может показаться странным, что взрослый мужчина, считающий, что ему угрожает смертельная опасность, ищет поддержку у одноклеточных существ, изображённых на картинках и объясняющихся нечленораздельными звуками. Быть может, он надеется в их обществе вновь обрести детскую безмятежность?

Женщина-Чудо, работающая секретаршей в армейской контрразведке, борется с опасным преступником, который украл «узх» — химическую формулу, за обладание которой вражеское государство готово дать миллионы, так как она открывает возможность превращать морскую воду в горючее для подводных лодок.

Кент Блэйк, «тайный агент № 1 Соединённых Штатов», помешал монгольским коммунистам осуществить их планы захвата Тибета посредством убийства далай-ламы. После этого он выслеживает французского коммунистического агента по прозвищу «Кот», который пытается увести из Соединённых Штатов чертежи нового американского танка. Блэйк убивает «Кота», на полном ходу сбросив его под откос с поезда. «Пока в Америке будут такие люди, как он, нашей стране нечего опасаться тех, кто мечтает разрушить наш образ свободы — свободы, дающей нам право гордиться нашим флагом»...

Гампсы — безобидная и любезная по отношению к знакомым семейка, никогда не знавшая никаких драм, если не считать коротких размолвок между двумя влюблёнными, переезда с квартиры на квартиру да пропажи их маленькой кошки, — пребывают в страшном волнении: их соседку обвиняют в подрывной деятельности, и ФБР ведёт расследование.

Друзьям детства Г. О. Баррелла хватает своих хлопот. Они не могут прийти ему на помощь.

Он озирается вокруг себя. Люди слепы и глухи к смерти, которая их подкарауливает. Они делают то же, что и вчера и позавчера: одни принимают витамины, другие погузулись в «комиксы», многие читают Библию.

Обычный запас слов американца не соответствует событиям, кажущимся тем более неотвратимыми, что они напоминают древние пророчества, о которых в воскресных школах рассказывают детям святоши-коммерсанты и набожные старые девы и которые гневно выкрикивают всклокоченные проповедники.

«Не ждёт ли нас судьба Армагеддона? Вот в чём вопрос», — пишет житель Вексея.

Вексей — посёлок в штате Северная Каролина, Армагеддон — гора в Палестине, где, как сказано в Апокалипсисе, «...сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле, и город великий распался, и всякий остров убежал, и гор не стало».

«В Евангелии от Матфея наш спаситель, — пишет этот человек, — когда ученики приступили к нему, сослался на Даниила, нарисовавшего верную картину мерзости и запустения. Я опустил цитаты для экономии места. Почитайте сами Священное писание».

В Спартанберге, в Южной Каролине, другой человек пишет:

«Нация, живущая в грехе, умрёт. Про Америку справедливо говорят, что она самая пьяная нация в мире. Чтобы спастись, она должна протрезвиться. Алкоголизм — могущественный союзник коммунизма. Наша страна не сможет выиграть войну, наши солдаты будут вступать в бой с затуманенными алкоголем мозгами, неспособные попасть в цель и вести машины без риска катастрофы... Все наши церкви просят подписать обязательство о соблюдении трезвости... Поставите ли вы вашу подпись, чтобы спастись, спасти церковь и спасти нашу цивилизацию?»

Оба эти письма были напечатаны в «Шарлотта обсервер».

Помешены там и другие письма, например, такое:

«Мне кажется, что мы должны найти новый источник пополнения людских резервов. Почему бы нам не платить такое высокое жалование и не предоставлять такие соблазнительные преимущества тем, кто завербует в нашу армию, чтобы люди, достигшие призывного возраста, приплывали бы к нам из-за океана, становясь по специально принятому конгрессом закону гражданами Соединённых Штатов».

Голоса пророков сливаются с голосами середины века, и одни усиливают другие.

Вот псалгырь. Когда Г. О. Баррел читает её, ему кажется, что он слышит свои собственные стоны. Он тоже глубоко увяз в трясине, и ему некуда ступить ногами. Он тоже попал в омут, и его уносит стремительное течение. Я знаю, что какой-нибудь один псалом особенно дорог его сердцу. Какой? Ведь от стольких из них веет отчаянием.

Быть может, девятый: «Для чего, Господи, стоишь вдали, скрываешь себя во время скорби?»

Или двадцать первый: «Боже мой! Я вопию днём, — и ты не внимлешь мне, ночью, — нет мне успокоения?»

Он перебрал все привычные утешения, и ни одно из них его не утешило. Он повторил магические слова, но они прозвучали как пустые, бессодержательные. Он одинок, его мучит бессонница, гложет страх. Он мечется между богом, который прячется от него, и адом, разбушевавшимся под сенью атомной бомбы. Он хотел бы уйти куда-нибудь, где нет неба, а ему предлагают как спасение от верной смерти только бочку без дна, только медальон из хромированной стали, на котором написано его имя, чтобы труп его могли опознать, и Подушку Разбитых Сердец. Что пользы в том, что он рождён равным другим американцам в стране, избранной богом, к чему ему приобретать друзей и оказывать влияние на людей, к чему ему искать рецепт успеха? Не ждёт ли его судьба Армагеддона? Г. О. Баррел задаёт себе вопрос. Он в смятении. Он перейдёт к действию.

10

И вот наступает воскресенье 28 января 1951 года. В окно глядится серое, угрюмое небо. Мальчик-молочник, насвистывая, поставил под дверью полные бутылки. Дети встали. Раньше даже, чем одеться, они включили радио. По всему дому премят багетские гимны о вечном блаженстве и вечном огне.

Немного позже проезжает на велосипеде разносчик газет. Он, не останавливаясь, натренированной рукой игрока в бейзбол бросает воскресный номер «Шарлотта обсервер»; в газете страниц восемьдесят; она глухо падает рядом с бутылками молока. Там и подбирает её Г. О. Баррел.

Он провёл скверную ночь: его мучили головная боль, бессонница, кошмары. Со всем недавно впервые его жизнь приобрела видимость цельности: его сны, бодрствования, библейские пророчества и международные события пришли во взаимное соответствие.

Он ещё не знает, что в последний раз открывает свою газету. Ночью могло свершиться чудо: вдруг большая, чем когда-либо, «шапка» провозгласит: «Мир во всём мире», а в передовой будет сказано: «Успокойтесь, не мучьтесь, ободритесь. Всё, что вас терзало, было лишь галлюцинацией, гигантским недоразумением: конца света не произойдёт!».

Но «шапка» гласит: «Соединения ООН подходят к Сеулу».

Передовая озаглавлена: «Не идеология, а сила».

И, как и в будни, жирным шрифтом дано коммюнике: «БАНК КРОВИ. РЕЗУЛЬТАТЫ. ВОЕННЫЕ ВРАЧИ ГОВОРЯТ, ЧТО ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ СПАСЛО БОЛЬШЕ РАНЕННЫХ СОЛДАТ, ЧЕМ КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО ИНЫЕ МЕРЫ. ЭТУ КРОВЬ ДОЛЖНЫ ПОСТАВИТЬ МЫ. ПРОЛЬЕМ ЖЕ ЕЕ ПОТОКАМИ ДЛЯ НАШИХ СОЛДАТ».

Миллионы других американцев, сотканные из наивности и цинизма, ловкости и невежества, дегского любопытства и презрения ко всему необычному или иностранному, приторной чувствительности и животной прубости, щедрости и алчности, нагибаются, чтобы поднять свою газету, и надеются на чудо. И вот они развёртывают её и созерцают лик войны.

Они никогда её не знали, потому что на памяти человека она никогда не посещала их страну. На этот раз они уверены, что она придёт к ним, на их фермы, в их города: вчера—Хиросима, завтра—Шарлотта. Они её боятся, они не хотят её: с тех пор как американцы вторглись в Корею, число случаев неподчинения приказам возросло на 780 процентов; на сегодня, то есть на 28 января, в Банке крови в Шарлотте имеется только 503 литра крови вместо 861, которые должны были быть собраны в текущем месяце, а Шарлотта не единственный город, ещё далеко не выполнивший своих обязательств.

Миллионам американцев сказали, что война неизбежна, если они не будут вооружаться, но что они её обязательно выиграют, потому что Америка имеет больше всех золота, больше всех машин и её больше всех любит бог; а пока что они должны быть готовы умереть, они, их жёны и их дети. И вот воскресным утром, пока жена занимается хозяйством, а дети играют в бейзбол или атомную бомбу, они, как и Г. О. Баррел, ломают себе голову над газетой.

Не все дошли до его состояния: путь от безразличия к панике лежит через все нюансы беспокойства, тревоги, тоски. Один пьёт или принимает наркотики, другой не переносит больше шума. В Дуарте, в штате Калифорния, Делла Джонстон читает письмо своего сына Кларенса. Теперь он солдат в Корее. Вот что он пишет:

«Мама, я, можно сказать, дошёл до точки. Я чувствую, что надолго меня нехватит. Холод и страдания сильнее меня, и я не могу больше выдержать».

В Нью-Йорке, в универсальных магазинах Мейсиза, на прилавке выставлены пишущие машинки всех марок; для того чтобы возможные покупатели могли их испробовать, в каждую вложен лист бумаги. На одном листке неизвестный отстучал:

«Дорогой президент Трумэн, сделайте всё, чтобы сохранить мир во всём мире».

В одном военном лагере солдат Роберт М. Уинго слышит, как командир говорит новобранцам:

— Я здесь для того, чтобы превратить вас в убийц, и я сделаю из вас самых бесчувственных убийц, какие только бывают.

Уинго просит о переводе в санитарную часть, его предадут военно-полевому суду, и он отбудет год на каторге, прежде чем станет убийцей.

Некоторые видят значительно дальше. Накануне своей казни Вилли Макги писал своей жене: «Ты знаешь, что я невиновен. Скажи и повторяй людям, что я никогда не совершал преступления. Объясни им, что единственная причина, по которой меня лишают жизни, состоит в том, что потомки рабовладельцев хотят попрежнему угнетать негров Юга. Им это не удастся, если ты и дети будете продолжать бороться».

В ту самую неделю, когда Г. О. Баррел покончит самоубийством, в штате Виргиния будут посажены на электрический стул семь негров из Мартинсвила, обвинённые в насилии, которого они не совершали. И Жозефина Грэйсн, вдова одного из них, напишет: «Я воспитана из своих детей борцов. Уже сейчас они знают, что их отца убили, даже малыш это знает. Я буду действовать не покладая рук. Если понадобится, я объеду всю страну и расскажу всем, как это правительство в нашей стране убивает ни за что ни про что представителей моего народа».

А Уильям Фостер, председатель коммунистической партии, сделал на обложке одной из своих книг следующую надпись: «Моему правнуку Джозефу М. Колко, который будет жить в коммунистических Соединённых Штатах».

Будущее принадлежит всем этим детям, неграм, индейцам, белым, и если бы речь шла о будущем, я говорил бы о мужчинах и женщинах, которые его готовят, — один в тюрьме, другой в подполье, этот у конвейера фордовского завода, та за стиркой в лачуге негритянского гетто. Все они знают, как будет прекрасна их страна, когда она излечится от капитализма.

Я не стал бы описывать историю Г. О. Баррела, а рассказал бы об Уэнтворте А. Миллере, служащем страховой компании в Мэдисоне, что в штате Висконсин, о котором сейчас я знаю только, что он единственный подписал петицию, составленную одним журналистом из отрывков из Декларации независимости и Американской конституции, начинавшуюся так: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью». Далее следовали статьи конституции, гарантирующие свободу вероисповедания, слова и печати, запрещающие произвольные преследования и аресты и обеспечивающие каждому защиту закона. Текст петиции заканчивался 15-й поправкой к конституции, предоставляющей равные права неграм и белым.

Двадцать жителей Мэдисона по прочтении этого документа — дело происходило в сто семьдесят пятую годовщину подписания Декларации независимости — спросили у журналиста, не коммунист ли он. Один адвокат объявил:

— Этого нет в конституции.

Какой-то старик проворчал:

— Я вижу, вы пользуетесь старым коммунистическим трюком и вводите имя господина бога в революционный текст.

Старая женщина возразила:

— Может быть, это Декларация независимости России, но я не поверю рассказам, что это наша декларация.

Один мужчина сказал:

— Вы не заставите меня это подписать: я стараюсь пройти проверку лояльности, чтобы поступить на государственную службу.

А другой заметил:

— Если бы я подписал это, то завтра же оказался бы без работы.

На единственного человека, который подписал петицию, приходится сто двенадцать человек, отказавшихся это сделать. И хотя этот единственный из ста тринадцати принадлежит к людям будущего, я думаю о других, которые воплотили в себе только настоящее Америки, — о людях настоящего.

Перелистывая воскресный номер «Шарлотта обсервер», который в последний раз читал Г. О. Баррел, по привычке ещё угадываешь контуры Великой Американской Мечты. Но стоит отвернуться от изображённой на рекламном объявлении спальни, вызывающей «Восхищение и Непреходящую гордость», как предстаёт действительность без чудес.

Вот уже тридцать шесть часов, как заблокированы цены и заработная плата. На Фондовой бирже Нью-Йорка ценности в течение двух часов поднялись на миллиард долларов. Говорят, что скоро сталь будет идти только на военные нужды: не надо больше школ, не надо больше жилищ, ничего для штатских, исключение составит только больницы. Эйзенхауэр вернулся из инспекционного турне по Европе... Французский министр только что прибыл в Нью-Йорк... В Центральной Корее американский отряд, которому было поручено разрушить город Пхеньян, выполнил задание. Если в Нью-Йорке никто не слышал воя 803 сирен, вчера в первый раз приведённых в действие, то, повидимому, потому, что падал снег.

В воздухе пахнет снегом, в воздухе пахнет войной. «Мы должны теперь опасаться,— говорится в передовой,— уже не коммунистической идеологии, а армий, самолётов и бомб, короче — угрозы вооружённого нападения со стороны коммунистической диктатуры, предусмотренного её программой агрессии и завоевания мирового господства. Это и заставляет нас прибегнуть к всеобщей мобилизации». В воздухе пахнет Кореей.

В ту минуту, когда Г. О. Баррел откладывает свою газету, баптисты из Сайлоэ молятся на волнах радиостанций WGIV, у микрофона WBT — радиоцерковь, а по радиостанции WSOC — Святая радиокафедра. Потом по радиостанциям WBT и WSOC передают последние известия:

«Сегодня в шесть часов утра по тихоокеанскому времени в Неваде вслед за вчерашним произошёл новый атомный взрыв. Жители Лас Вегаса, расположенного в сорока милях от испытательного поля комиссии по атомной энергии, видели в небе громадное сияющее белое облако, за которым появилось другое, менее слепящее, оранжевого цвета. Хотя нет ещё официальных сведений, известно, что наблюдатели комиссии весьма удовлетворены достигнутыми результатами. Проект, по которому во время последней войны мы должны были добиться производства атомной бомбы, носил шифрованное название: «Дракон». Посвящённые, имея в виду маленькие контрольные взрывы, как, например, взрыв, который произошёл сегодня утром, говорят, что они «щекочут хвост Дракона»...

Последние известия окончены. У микрофона радиостанции WAYS — беснующийся и рычащий Билли Грэхем, один из самых известных проповедников середины века, а может быть, в голове Г. О. Баррела, тяжёлой от мигрени, просто ещё звучат стихи Апокалипсиса. В пустыне Невады вот-вот откроется клетка с красными драконами. Уже близок последний час, но из-за снежной бури никто не слышит трубного гласа, возвещающего о страшном суде.

Бомба готова, и эксперты весьма удовлетворены результатами контрольных взрывов. Для полного счастья им нужно, чтобы Г. О. Баррел тоже был готов. Контроль над ним ещё важнее, чем испытание действия бомбы. Чтобы бомбу можно было использовать, необходимо, чтобы этот человек был заранее согласен её применить. Вот уже три года его подвергают постоянному, концентрированному, координированному воздействию, нашедшему почву в его качествах и благоприятные условия в его слабостях, чтобы довести его до состояния сдерживаемой тревоги, чтобы внушить ему безумную ярость, то есть довести до безумия, чтобы закалить его, то есть приучить к войне.

Стеклянная труба, в которой заключена эта красная рыбка, достаточно велика, её стенки достаточно прозрачны, чтобы он мог вообразить себя свободным человеком и хозяином своей судьбы. Он не видит, что теряет всё то, что, как он думает, находится под угрозой и что он хочет защищать. Он похож на Форрестала, который в своём имени во Флориде, повернувшись спиной к настоящему пожару, рычал на воображаемого врага. Только Форрестал — банкир и держатель акций, а Г. О. Баррел — одержимый. Он не министр и не банкир, поверивший собственной лжи, он уверен,

что его стране, его семье, ему самому грозит смертельная опасность. Лавина уносит его, а ему кажется, что он неподвижен и что перед ним разверзается пропасть. По всей вероятности он готов — готов выполнить приказы последователей Форрестола. Если даже он только покорится им, то это значит, что опыт управления человеческой тревогой удался, тыл обеспечен и война возможна. Но он способен на большее: завербоваться волонтером в Корею, донести на кого-нибудь, купить оборонные боны или, по крайней мере, дать свою кровь Банку крови. Если теперь он решится на действия, то будет из-за чего иллюминировать Статую Свободы Предпринимательства, чтобы вслед за тем издать декрет о затемнении. Г. О. Баррел ничего об этом не знает, но контрольный взрыв, который произойдет в нём самом через час или два, имеет большее значение, чем взрыв, потрясший на заре Неваду.

В этот вечер Г. О. Баррел действует преднамеренно. Неизвестно, поцеловал ли он в последний раз детей, сказал ли он что-нибудь своей жене. Впрочем, наверное, он не сказал ей ничего существенного, чтобы она не догадалась о правде. Он вооружается и покидает свой дом.

Во мраке сверкают светящиеся вывески: «Аптека», «Банк», «Бензин», «Агентство по продаже недвижимого имущества», «Похоронное бюро»; неоновый пожар полыхает у входа в кино.

Г. О. Баррел идет по городу, одинокий среди толпы, как будто безразличный к преследующему его призраку. Он думает, что он один его видит. Прохожие смеются, шутят, жуют резинку. Если лопнет газовая труба, если от короткого замыкания погаснут светящиеся вывески, они все уподобятся Г. О. Баррелу.

Я вижу, как он бредет по улицам, преследуемый голосами, которые повторяют непристойные куплеты «Вещи» или стихи псалма. Вдруг — бум! бум! бум! Он останавливается перед освещенной витриной Сирс-Робэк.

Всё, чему его учили в течение трёх лет, всё, что от него требуют теперь, сжато и просто резюмировано здесь. Это пример, приказ, образ его будущего.

На витрине слева — шеголеватая сиделка с крошечным чепчиком над перманентом, в синей шинели, распахнутой, чтобы было видно короткое, до колен, светлое платье. Справа от неё солдат в каске небрежно опирается на винтовку. Это американец и американка, какими хотели бы их видеть последователи Форрестола. Между ними — гигантский красный крест и три слова: «Отдайте свою кровь».

Г. О. Баррел продолжает свой путь. Он идет не в кино, не в аптеку, не в Красный Крест. Он идет в церковь.

Некоторые протестантские секты умеют великолепно сочетать новейшую рекламную технику с буквальным толкованием библейских мифов. Среди них можно различить более полудюжины соперничающих течений, имеющих вместе около трёхсот тысяч adeptов и три тысячи храмов, из которых один находится на Парквуд-авеню в Шарлотте. Это там воскресным вечером закончится крахом жизнь Г. О. Баррела, который, как красная рыбка из парка с аттракционами в Нью-Джерси, после безумной гонки по стеклянному тупику натолкнется на запаянный конец трубы.

Вечерняя служба. Г. О. Баррел, затерявшийся в толпе молящихся, ждёт её конца. Каковы бы ни были псалмы, которые он слышит, они не отвратят его от зреющего решения. Быть может, он думает о своих близких. Если он и взволнован, никто на это не обращает внимания. Здесь, как и повсюду, каждый одинок.

После богослужения в собственном смысле слова начинается церемония приглашения или призыва к алтарю: среди присутствующих должны найтись такие, что чувствуют себя «возрожденными» и «спасенными» и испытывают настоятельную потребность публично восславить Иисуса и пригласить других последовать их примеру. Г. О. Баррел, в свою очередь, подходит к алтарю. Он молчит.

Он — человек и, как таковой, воплотил в себе всё самое ценное и достойное уважения в мире. Для него писали Шекспир и Толстой, Спиноза и Декарт, для него создавали картины Рембрандт и Леонардо да Винчи. Для него написал Моцарт «Женитьбу Фигаро», а Бетховен — Девятую симфонию. О нём думал Пастер в своей лаборатории, и не раз о нём беседовали Пьер и Мария Кюри. За него умерли Спартак,

Томас Мюнцер, Сен-Жюст, и Авраам Линкольн своим телом заслонил его от предначавшейся ему пули. О нём думал Карл Маркс, возвещая новую эру, когда всем будет хватать хлеба и роз. Он не знает этого. Он не знает, что та треть человечества, от которой ему твердят, будто она жаждет его гибели, занята разведением этих роз и выпечкой этого хлеба; он не знает, что повсюду в мире колосится пшеница и на розовых кустах распускаются бутоны; что и в его стране рабочие хотят жить, а негры не соглашаются больше умирать, и что история, ещё никогда так не торопилась.

Что же несёт людям она в своём стремительном беге? Войну, безработицу, неуверенность в завтрашнем дне, погоню за деньгами, унижения, внутреннюю опустошённость? Нет, довольно. Человеческое достоинство? Да, впервые. Счастье? Конечно, счастье.

Через несколько мгновений он умрёт; он в этом убеждён. Люди-доллары ему сказали, что всё самое для него дорогое подвергается смертельной опасности. Он этому верит. Они хотели превратить его в убийцу; из всех видов оружия, которые они предоставили в его распоряжение, от напалма до атомной бомбы, он выбрал лезвие бритвы. Он вытаскивает его из кармана, становится на колени и перерезает себе горло.

Вокруг него суетятся. Он ещё дышит. Кто-то пошёл за каретой скорой помощи. Полицейские расталкивают толпу, склоняются над ним.

Г. О. Баррел — Г. О. Баррел, каким он себя воображает, — говорит им:

— Я сделал это, чтобы спасти от коммунистов мою жену и детей.

Г. О. Баррел, каков он на самом деле, истекает кровью на полу церкви. Один полицейский обшаривает его карманы. Он находит листок, вырванный из псалтыри, «комикс», вырезанный из газеты, таблетки от головной боли и четыре капсулы с витаминами. Вот всё, что осталось от Г. О. Баррела, если не считать синеватого стального лезвия — оружия, которое убийцы вложили в его руку.

За это они тоже заплатят. Уже теперь, всякий раз, когда кто-нибудь из них вышлет свой голос, чтобы хвастаться своим богатством, своей силой, своей добродетелью и угрожать миру американским образом смерти, можно увидеть возле него рядового человека, человека, которого вы встречаете каждый день, среднего американца: Г. О. Баррела со шрамом на горле.

Перевод с французского Л. Лунгиной и К. Наумова.

Т У Б Л И Ц И С Т И К А

Б. ЛЕОНТЬЕВ

★

ВРАГИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ

УТОПИЯ. ПРОФЕССОРА ТОЙНБИ

Американский журнал «Лук» напечатал недавно статью английского историка Арнольда Тойнби. Названа она очень внушительно: «Следующий шаг истории». Выступление почтенного профессора в некоторых отношениях несомненно заслуживает одобрения. Впервые в истории историк занялся не прошлым, а будущим — новаторство, смелое и редкое для британских учёных! Да и два главных вывода труда мистера Тойнби, на первый взгляд, продиктованы здравым смыслом. Он высказывается против третьей мировой войны и не считает её неизбежной. Он признаёт, далее, возможным сосуществование на земном шаре государств различных систем «в течение жизни нескольких поколений и даже нескольких столетий».

Оставим на совести мистера Тойнби срок существования капитализма. В его высказывании заслуживает внимания другое — он полагает, что можно избежать войны. С этой трезвой мыслью нельзя не согласиться. Подавляющее большинство человечества тоже не желает войны, не видит в ней смысла. Широко распространено мнение, что мирное сосуществование и деловое сотрудничество государств, принадлежащих к двум системам — социалистической и капиталистической, — вполне возможно и осуществимо, разумеется, при наличии обоюдного желания честно сотрудничать. Этот взгляд продиктован самыми благородными побуждениями — стремлением простых людей к миру, к дружбе между народами, к объединению усилий, направленных на улучшение их жизненных условий.

К сожалению, выводы и предложения профессора Тойнби обосновываются совершенно иными мотивами. Третью мировую войну он отвергает не из любви к миру, а только лишь потому, что не верит в победу так называемого Запада. «Запад», по его исчислениям, представляет всего лишь одну пятую часть современного мира и осаждён «подавляющим большинством человечества, живущим на Востоке». Победа, таким образом, крайне проблематична. Видимо, если бы был шанс одержать эту победу, — мистер Тойнби стоял бы, скорее, за войну.

И всё же приятно сознавать, что в лице Тойнби английская общественная мысль высказывается против войны, как дела безнадёжного и невыгодного. Особенно ценно, что это авторитетное суждение опубликовано в американском журнале — к сведению и разумению американских бизнесменов, политиков и генералов. Это, возможно, пойдёт им на пользу.

По вопросу о сосуществовании двух систем на земном шаре профессор Тойнби также придерживается сугубо оригинальной позиции. Он рассматривает сосуществование отнюдь не как прямую противоположность войне, не как состояние мира и сотрудничества между народами. Напротив: по его мнению, это будет период, насыщенный «перманентными трудностями» и «гадостями», как он именуёт нынешние войны в Корее, Индокитае, Малайе. Но Тойнби предлагает пойти на это в силу следующего фаталистического рассуждения: «Частная жизнь человека — это, как правило, не сплошная катастрофа и не сплошное блаженство... и у нас нет никаких оснований думать, что

наша общественная жизнь должна быть иной». Другими словами, считая третью мировую войну катастрофой, профессор предлагает своим американским друзьям смириться с необходимостью сосуществования двух различных систем на земном шаре в обстановке вечной вражды, неприязни и ненависти. Таким образом взамен третьей мировой войны Тойнби выдвигает единственную альтернативу: бесконечное продолжение агрессивной политики «холодной войны» против Советского Союза.

Описанию этой «радужной» перспективы и посвящена почти вся статья профессора Тойнби. Дело, по его мнению, будет обстоять следующим образом. «Западный мир» прежде всего должен побыстрее объединиться в одно государство, — в этом-то и будет состоять «следующий шаг истории», — с единым парламентом, с единым командованием, валютой, правительством. Если же он попрежнему останется «сборищем сорока отдельных, независимых государств», то неизбежно погибнет.

Кредо «западного» космополита Тойнби, призывающего все капиталистические государства отказаться от своего суверенитета, изложено в следующих строках:

«В те времена, — а они уже на исходе, — когда мы, люди Запада, обладали решающим превосходством в технике, мы могли позволить себе роскошь оставаться разьединёнными. Мы могли позволить себе это, потому что тогда каждая западная нация сама по себе вполне могла противостоять всему незападному миру. Но эти золотые дни миновали для нас, жителей Запада, и дробление нашей западной пятой части человечества примерно на сорок суверенных независимых государств окажется равносильным самоуничтожению, если нам будет дозволено цепляться за это в век, когда мы утрачиваем своё преимущество в технике и, следовательно, вынуждены — в военной и политической области — перейти к обороне против всего остального человечества с его грозным превосходством в численности».

Сколько здесь тоски о «золотых временах» конквистадоров, британских, французских, испанских, португальских и прочих колонизаторов! Сколько глубокой тоски о тех временах, когда одна канонерская лодка «западной» державы, прибыв к берегам громадной страны с многомиллионным населением, обеспечивала порабощение «незападного» народа! Честь и слава профессору Тойнби, понявшему, что эти времена никогда не вернуться! Далеко не все его почитатели и коллеги в США и Англии поняли эту непреложную истину.

Составление программы объединения сорока западных государств не очень затруднило английского учёного. Образец «единого» монолитного государства историк Тойнби отыскал в далёком прошлом. Это — Римская империя.

«Нам нужно, — пишет Тойнби, — минимальной ценой «крови и соковищ» удерживать ряд военных границ... наподобие границ Римской империи, проходивших через Британию и вдоль Рейна и Дуная в течение первых четырёх веков христианской эры». Продолжая проводить исторические параллели, Тойнби сопоставляет нынешнюю границу «западного мира», пересекающую, как оказывается... Корейский полуостров, — с известным в эпоху древнего Рима «Адриановым валом», построенным римлянами во втором веке на севере римской провинции Британии. Тойнби предвидит непрерывное возникновение новых подобных «валов» и «фронтов». Он пишет: «Будут такие фронты, как греческий и турецкий фронты сегодня, где настоящих боёв не будет, но где потребуются тем не менее вечная бдительность, то есть где военные требования возложат на народы экономическое бремя постоянной мобилизации в широких масштабах. Будут и другие фронты, такие, как корейский, малайский и индокитайский фронты сегодня, где попрежнему будет литься кровь».

Таков «мир», который рисуется профессору Тойнби на ближайшие четыреста или «хотя бы пятьдесят лет».

Какие именно сорок капиталистических «западных» государств должны объединиться под «единой системой управления», английский профессор не указывает, но, судя по «фронтам» и «границам», которые он называет, в эту «нес-Римскую империю» должны войти не только США с двумя десятками латиноамериканских стран и десятка голтора западноевропейских стран, но и такие «западные» государства, как Япония, Британская Малайя и всё, что удастся собрать.

Надо торопиться с «добровольным» объединением, иначе его придётся сколачивать

«насиленно», грозит профессор Тойнби. Основной ячейкой объединения может послужить, по его мнению, Северо-атлантический военный союз. План профессора Тойнби, очевидно, должен польстить всем приглашаемым вступить в новую «империю». Ещё бы! Ведь они олицетворяют собой «цивилизацию», мужественно сопротивляющуюся грозящему нашествию «варваров»! Говоря о сосуществовании капитализма с «коммунистическими странами», Тойнби восклицает: «Почему бы нам, Западу, и русским не жить по крайней мере не хуже, чем жили Рим и Парфия», которые на протяжении двухсот пятидесяти лет «ухитрялись жить бок о бок, несмотря на местные пограничные инциденты?».

Небезынтересно отметить, что почтенный профессор стыдливо не упоминает ни одной черты спасаемой им «западной цивилизации». Возникает подозрение, что под этим пышным названием подразумевается всего-навсего... капиталистический строй.

В схеме современного английского утописта есть и кое-что положительное. Она очень хороша для тех четырёх пятых человечества, которые останутся вне его новой «Римской империи». Об этих четырёх пятых Тойнби говорит: много столетий люди Запада «были господами», они навязали своё экономическое и даже политическое господство большей части Африки и обширным районам Азии. Теперь, по его мнению, Запад должен «отказаться от попыток попрежнему сидеть на головах других народов».

Великолепно! Это поистине лучшее место статьи профессора Тойнби. Он хочет раз и навсегда не мешать большинству человечества жить по своему усмотрению. А «западный мир», то есть одна пятая человечества, создаст свою единую империю и огородится «адриановыми» и другими «валами».

Однако возникает один немаловажный вопрос: а согласится ли принять план профессора Тойнби именно та, пятая, часть человечества, которую он собирается включить в свою новую «Римскую» империю?

Последуем за профессором Тойнби. Интересно выяснить прежде всего, где будет сам новый Рим? Двух ответов на это не может быть: разумеется, в Вашингтоне, ибо Тойнби считает американцев наиболее подготовленными к роли руководителей объединения «Запада» — объединения если не добровольного, то насильного.

Какова же будет роль Англии, Франции и остальных тридцати семи стран, входящих в «империю»? Очевидно, они будут «провинциями» Рима, то бишь Вашингтона. А проживающие в этих странах граждане неизбежно попадут в то положение «провинциалов», которое в эпоху владычества Рима сильно отличалось не только от положения собственно римлян, но даже от положения «италиков», то есть жителей ближайшей к Риму территории.

Обратимся к источникам, авторитетным даже для профессора Тойнби. Вот как описывает положение в римских провинциях известнейший западноевропейский историк Теодор Моммзен, пламенный поклонник основателя Римской империи Цезаря: «Римская олигархия... вполне походила на шайку разбойников и обирала провинциалов, словно это была её профессия, с полным знанием дела... еще хуже хозяйничали среди несчастных провинциалов италийские дельцы... Наиболее доходные земельные участки, вся торговля и денежные обороты были сосредоточены в их руках... все народности от Тахо до Евфрата должны были подвергнуться несказанным бедствиям... Даже римские государственные люди официально и без околичностей признавали, что самое имя римлян стало невыразимо ненавистно во всей Греции и Азии».

Известно, что уже сейчас, когда план профессора Тойнби ещё далёк от своего осуществления, официальные представители нового Рима — Вашингтона и американские купцы ведут себя в Западной Европе, Южной Америке, во всех государствах будущей новой «империи» точно так, как это описано Моммзеном. Они захватили торговлю и денежные обороты этих государств и обирают их «с полным знанием дела». Даже по самим американским источникам имя янки ненавистно всюду. В довершение напомним, что, по Моммзену, римские наместники обычно берегли своих легионеров, стараясь всюду использовать «местные ополчения», и это теперь делают американцы, сколачивая «европейскую» и другие «туземные» армии в подвластных им странах.

Итак. Англию ожидает судьба римской провинции Британии, Францию — судьба Галлии в эпоху римского владычества. Рим, то есть Вашингтон, окажет им честь

и завербует их сыновей в свои легионы, стоящие всюду — на Британских островах, во Франции и Италии, в Норвегии и Японии, в Западной Германии и Греции. Неясно пока только одно: будут ли из числа жителей этих стран вербовать гладиаторов для увеселения «патрициев» современного Рима, то есть американских банкиров и сенаторов?

ВОЗНЯ ЕВРОПЕЙСКИХ КОСМОПОЛИТОВ

Программа объединения всего капиталистического мира, выдвинутая профессором Тойнби, отнюдь не «чуждость» или оригинальничанье учёного англо-сакса. Он лишь повторил, выразил в наиболее отчётливой форме высказывания многих буржуазных космополитов.

Реакционная буржуазия Западной Европы ныне уже окончательно выбросила за борт знамя национального суверенитета и независимости, которое она когда-то отстаивала. Напуганная великими победами социализма в СССР, ослабленная отпадением ряда стран Европы и Азии от системы империализма и ростом революционного движения во всех капиталистических странах, она устремляет свои помыслы к одному — к спасению своих доходов, к сохранению системы капитализма «любой ценой». Такая «цена», как отказ от национального и государственного суверенитета, не кажется ей слишком высокой, тем более, что в прошлом эксплуататорские классы не раз уже грешили национальной изменой. Достаточно вспомнить предательское поведение западно-европейской буржуазии в годы гитлеровского нашествия, тесное сотрудничество с оккупантами французских, бельгийских, норвежских и прочих «квислингов» и коллаборационистов.

В послевоенный период буржуазные политические деятели всех оттенков и направлений — от правых социалистов до лидеров католических партий — создали немало организаций, провозгласивших своей целью объединение Европы, а то и всего мира. Они провели сотни совещаний, конференций и «ассамблей», на которых с удивительным однообразием приводились всё те же доводы в пользу отказа от суверенитета. Выступает с речами и по сей день всё та же, поразительно узкая группка людей, надеющихся друг друга лестными прозвищами «выдающихся» и даже «великих» европейцев. Однако воз, который они тисчатся сдвинуть с места, усиленно поощряемые и понукаемые из-за океана, «и ныне там»...

Все эти организации — «Паневропейская лига» под председательством бессменного графа Куденгове-Калерги, «Союз европейских федералистов», создавший свои секции во всех странах Западной Европы, «Межпарламентский союз» и, наконец, «Европейская консультативная ассамблея», имеющая постоянное местопребывание в Страсбурге, — не пользуются никакой поддержкой народов. В буржуазной прессе их называют «движениями за объединение Европы». Но на деле они не олицетворяют никаких подлинных движений, а отражают в своей деятельности лишь мышиную возню самозванных «генералов» без армий. Существует также и «Движение за создание всемирного федерального правительства». В ноябре 1952 года оно даже провело конференцию. Бесплодность этого «предприятия» совершенно очевидна.

«Объединённая Европа» на самом деле оказывается крайне куцей. Речь идёт пока даже не о пятнадцати западноевропейских странах, а только о шести, каждая из которых упирается изо всех сил. Идеологи европейского космополитизма утешают себя тем, что «лиха беда начало», а дальше дело пойдёт. Так именно высказался в конце прошлого года парламентский заместитель министра иностранных дел Англии Наттинг, заявивший, что «единство Европы должно явиться только началом более широкого единства, включающего и Соединённые Штаты Америки и Британское содружество наций».

Чем объяснить, что бесконечная страсбургская болтовня о «единой» Европе, о «Соединённых Штатах Европы», в которой принимают участие такие «столпы» буржуазной общественности, как Черчилль, Шуман, де Гаспери, Спаак, не привела — да и не может, разумеется, привести — ни к каким результатам?

Прежде всего тем, что космополиты — «объединители» не могут изобрести никаких

серьезных, жизненных причин для отказа европейских капиталистических государств от суверенитета и независимости. Этих причин — положительных, конструктивных — в приезде не существует. Нет идеи, нет знамени, которые могли бы привлечь народные массы Франции или Англии, Италии или Норвегии к программе образования «единого» государства в Европе.

Правда, есть мотивы, которые следовало бы назвать негативными, отрицательными. Это совместный поход европейской буржуазии против всего прогрессивного, против каких бы то ни было социальных изменений. Это согласованная между реакционными правительствами «программа» удушения демократии, общая борьба против идей социализма и коммунизма. Однако ненависть к Советскому Союзу, к странам народной демократии объединяет, разумеется, лишь европейскую реакцию, но никак не может «объединить» народные массы ни в Англии, ни во Франции, ни в Италии. Широкие слои трудящихся в Западной Европе полны самых глубоких симпатий к советскому народу, успешно строящему коммунизм. Лозунг «антикоммунизма», с которым выступал ещё Гитлер, не может стать базой объединения. Не вдохновляет и не вызывает поддержки также и тезис «военной необходимости», столь тщательно разработанный профессором Тойнби. Ибо в основе его — ложная выдумка об «агрессивных» намерениях того подавляющего большинства человечества, которое почтенный профессор не удостоивает причислить к «западной цивилизации».

Подлинно научную, марксистскую оценку планов образования так называемых Соединённых Штатов Европы дал ещё в годы первой мировой войны В. И. Ленин. «С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединённые Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны... — писал Ленин.

Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединённые Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии...»¹.

Вся послевоенная возня с политическим объединением Европы полностью подтвердила гениальный ленинский анализ этих затей, отражающих, по образному ленинскому определению, «тупоумие мещанина и филистера». Непримиримы противоречия между ведущими капиталистическими государствами Западной Европы, противоречия между ними и Соединёнными Штатами Америки, их снова разгорающаяся борьба за рынки сбыта и сферы приложения капитала лежат непреодолимым препятствием на пути к вожделенному «объединению». Однако временные соглашения между капиталистическими державами в целях лучшей охраны своих доходов оказались возможными.

После многих лет бесплодных усилий в 1952 году произошло, наконец, первое действительное «объединение» — объединение угольной и сталелитейной промышленности шести западноевропейских государств — Франции, Италии, Западной Германии, Бельгии, Голландии и Люксембурга — по так называемому «плану Шумана». Произошёл отказ от «части суверенитета» в пользу гигантского сверхкартеля капиталистов, создавших единый «сверхнациональный» орган для совместного управления производством угля и стали, для лучшей эксплуатации рабочих, для уравнивания зарплат на возможно более низком уровне.

Но и этого сомнительного «успеха» оказалось достаточно, чтобы поднять угасающий дух всех и всяческих европейских «федералистов». Немедленно был поднят вопрос о том, чтобы шесть государств, отказавшихся от самостоятельного управления важнейшими отраслями национальной промышленности, немедленно приступили к объединению «политическому». К январю 1953 года в спешном порядке уже разработан «проект конституции», включающий создание общего для шести государств «парламента», состоящего из двух палат и прочих совместных «институтов». В новгородные дни произнесены были по этому поводу торжественные и слезоточивые речи.

«1953 год будет годом объединения Европы!» — возгласил идеолог космополитизма граф Куденгове-Калерги, впрочем тут же признавший, что «европейский дух, однако,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 309—310.

отсутствует». Председатель «Объединения угля и стали», бельгийский правый социалист Спаак, выразил надежду, что в 1953 году шесть государств создадут «наднациональный орган», состоящий из «палаты народов» и «палаты государств».

Но в эти же новогодние дни новые тучи повисли над всеми проектами «малой Европы» (из шести стран) и проектами более широкого «сотрудничества» пятнадцати стран по так называемому плану Идена, не предусматривающему, кстати говоря, никакого «единого» государства. Радужные мечты «федералистов» были основаны на том, что шесть государств уже не только основали картель угля и стали, но и «объединили» свои армии в так называемую «европейскую армию». Отказ от собственной армии! Может ли быть более ясный признак отказа от независимости и от суверенитета! Но именно в этом месте и потерпели крушение фантазии «европейских объединителей». К началу 1953 года выяснилось, что французская буржуазия не решается сделать этот отчаянный прыжок в неизвестность и желает сохранить свою армию. Как известно, Англия ещё раньше наотрез отказалась отдать свои вооружённые силы во «внеа национальную» европейскую армию. Весь план создания так называемого «европейского оборонительного сообщества» оказался построеным на песке.

«Франция, трижды испытавшая вторжение германских вооружённых сил за последние сто лет., — вещало лондонское радио, — не слишком жаждет ратифицировать договор, который позволил бы Германии иметь значительные вооружённые силы и осуществлять военное производство. Западная Германия, с другой стороны., не хочет создавать крупную и дорогостоящую армию, которая не находилась бы под контролем германских федеральных властей».

Какие уж тут могут быть парламент, правительство и прочие атрибуты «единого» европейского государства, когда Франция не может урегулировать с западногерманскими реакционерами свой спор о Сааре, когда Англия тщательно отгораживается и от «угольно-стального объединения» и от «европейской армии», когда с новой силой разгорается англо-германская борьба за рынки!

Беспочвенность всех планов объединения капиталистических государств Европы в единую федерацию подчёркивается тем, что главный поборник такого объединения находится отнюдь не в Европе. Это — Соединённые Штаты Америки. США прямо заинтересованы в отказе западноевропейских государств от суверенитета и независимости, от таможенных барьеров и собственных валют. Покончив со всем этим, США создали бы широкий простор для деятельности американских монополий, для окончательного экономического подчинения Западной Европы.

«Идея создания европейской федерации является в настоящее время американской идеей, — заявил недавно видный швейцарский профессор международного права Вильям Раппар. — Великобритания и скандинавские страны относятся с явным отвращением ко всякому проекту политической федерации и экономического объединения. Страны Бенилюкса относятся к этому весьма сдержанно. Что касается боннской Германии, Франции и Италии, то пропасть продолжает разделять политику правительств от чувств народов, которые они представляют».

Американская реакционная пресса приводит — для сведения европейцев — соблазнительные доводы в пользу ликвидации самостоятельных государств в Европе. Тогда якобы будет обеспечен «единый рынок» вроде американского внутреннего рынка и невиданно подымется благосостояние народов Западной Европы, уверяет американский журнал «Кольерс». По его словам, «объединение Европы исторически неизбежно» Ещё, видите ли, триста лет назад к такому объединению стремился.. король Франции Генрих IV, а полтора столетия спустя «германский философ Иммануил Кант обсуждал аналогичную идею»...

Однако выясняется, что и Соединённые Штаты Америки, желая разрушить суверенитет европейских государств, отнюдь не хотели бы столкнуться с действительно объединённой и независимой Европой. Любопытно в этом отношении высказывание английского журнала «Стэйтист». Журнал пишет, что в США относятся весьма одобрительно ко всем нынешним проектам европейской федерации. Американские монополисты надеются, что федерация создаст «объединённый торговый район, который мог бы вести дела с другим торговым районом — Соединёнными Штатами. Но, — продолжает

английский журнал, — если эта федерация предпочтёт отказаться от долларовой торговли, а вместо этого обратится к собственным ресурсам и начнёт конкурировать на внешнем рынке с США, это приведёт к весьма неутешительным для американцев последствиям»

Так постепенно проект Соединённых Штатов Европы очищается от вымыслов о «создании единого европейского рынка», о «повышении благосостояния» европейцев. Подлинные цели пропаганды космополитизма иные. В современных условиях усилия европейских «федералистов» направлены на выполнение вполне конкретных американских заданий: облегчить США экономическое и политическое поражение Западной Европы, заставить западноевропейцев служить в войсках под единым, американским командованием, подготовить новую мировую войну — войну за американское мировое господство.

ПОПЫТКИ «ОБЪЕДИНЕНИЯ» СИЛОМ

Идеология космополитизма необходима реакционной буржуазии, чтобы усыпить бдительность народных масс, чтобы устранить их противодействие сколачиванию военных союзов и блоков, направленных к подготовке войны. Для американских империалистов космополитические «теории» — это преимущественно экспортный товар, предназначенный для обмана эксплуатируемых народов, для одурачивания населения тех стран, которые попали после войны в экономическую и политическую зависимость от США. На внутреннем, американском «рынке» пропаганда «единого» мирового государства неизменно приобретает совершенно иной вид: она превращается в прославление американского мирового господства, великолепно уживаясь с расистскими бреднями о превосходстве англо-саксонской расы над другими народами, о «праве» Америки «управлять» и «руководить» миром.

Господство, или, как часто деликатно выражаются, «лидерство» США во всём капиталистическом мире считается само собой разумеющимся. В официальных документах правительства и конгресса, в выступлениях американских президентов приводятся, например, сравнительные подсчёты «ресурсов» Запада и Востока. При этом уголь и сталь Западной Европы, нефть Ближнего Востока, каучук и олово Юго-Восточной Азии, урановые залежи Африки автоматически суммируются, как находящиеся в полном распоряжении американского командования.

Что касается некапиталистической части мира, то наиболее откровенные американские деятели не скрывают намерения «освободить» (что означает присоединить) и Китай и народно-демократические государства Европы. Такие, например, идеологи мирового господства США, как весьма влиятельный Джеймс Бернхэм, разработали во всех деталях план будущего «уничтожения коммунизма». Виднейшую роль в этом плане играет тщательно продуманная система шпионажа, вредительства, убийств, подрыва «изнутри» народно-демократических стран и, разумеется, СССР. Как известно, эта программа тотальной войны фактически утверждена американскими правящими кругами, принявшими пресловутый «Закон 1951 года» о финансировании целых армий и банд шпионов и диверсантов. Американская разведка уже ведёт эту «тайную войну», представляющую собой часть борьбы за установление американского мирового господства. Многочисленные процессы американских шпионов в странах народной демократии дали яркую и достаточно полную картину этой зловещей преступной «работы». Лишь высокая бдительность народных масс в Советском Союзе и других странах миролюбивого лагеря срывает эти усилия империалистической агентуры.

Пока в Страсбурге и других городах Западной Европы ведётся лицемерная болтовня о «добровольном» европейском и даже мировом единстве, Соединённые Штаты Америки сколачивают мировую империю доллара насильно. Они не хуже британских мужей науки знают, как именно образовалась Римская империя, и склонны воспринять скорее «опыт» Наполеона или Гитлера, чем советы о «добровольном» объединении. Они сочетают «идеологическое» наступление космополитов с экономическим, политическим и военным наступлением на суверенные права государств и народов.

Вот «вехи» этого американского наступления.

Соединённые Штаты навязали своим самым близким соседям — двадцати латино-

американским республикам — участие в «Панамериканском пакте» и в ряде экономических и военных соглашений. Все эти акты — в развитие и дополнение давней политики янки на американском континенте — превратили латиноамериканские республики в вассальные государства. Вся Южная Америка — это поистине «провинция» нового Рима — Вашингтона, подвергающаяся систематическому ограблению американскими монополиями. Нефть, медь, олово, все сырьевые и сельскохозяйственные ресурсы Латинской Америки по дешёвке захватывают монополисты с Уолл-стрита. Большинство латиноамериканских правительств — это послушные марионетки государственного департамента США, и их делегаты — наиболее надёжная часть американской «машины голосования» на Генеральной Ассамблее ООН.

Порабощение Западной Европы ведётся более «деликатными» способами и в несколько приёмов. Пресловутый «план Маршалла» под видом экономической «помощи» дал США возможность упрочить экономическую зависимость западноевропейских государств от американских подачек и американского ввоза, ослабить и задушить европейскую промышленность. За этим планом последовал Северо-атлантический военный союз США и Канады сначала с десятью, а затем ещё с двумя (Грецией и Турцией) государствами. Этот союз, названный «равноправным» и «оборонительным», не похож ни на один военный союз, известный в истории. Он предоставил возможность сильнейшему «союзнику» — США — уже в мирное время размещать свои вооружённые силы и военно-воздушные базы на территории всех других союзников. Все бюджеты, армии, все секреты западноевропейских государств поставлены под контроль американцев. Северо-атлантический пакт начисто отвергает независимость и суверенность народов этих государств и, в частности, самую основную черту независимости — право на определение своего внутреннего строя, право на смену режима, на революцию. По точному смыслу статей Северо-атлантического договора революция в какой-либо из четырнадцати стран — участниц этого «союза» будет рассматриваться как «скрытая агрессия» против этой страны, что даёт право остальным тринадцати «союзникам» ввести свои войска на территорию этой страны для «спасения» её от этой «агрессии», то есть для водворения у власти реакционеров.

Исчерпывающая характеристика политики США дана была на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза. «Правители США, — указал в своём докладе тов. Маленков, — заявляют, что они вдохновляются будто бы такими идеалами, как создание «сообщества свободных стран». Они то и дело выступают с заявлением о том, что США, Англия, Франция, Турция, Греция представляют «сообщество свободных стран», тогда как СССР и народно-демократические республики являются будто бы «несвободными» странами. Мы это понимаем так, что в США, Англии, Франции, Турции и других капиталистических странах действительно существует «свобода», но не народная свобода, а свобода эксплуатации и ограбления народа. Что же касается СССР и народно-демократических стран, то там действительно не существует такой «свободы», так как в этих странах давно уже ликвидирована свобода эксплуатации и ограбления грядущихся. Вот чем, оказывается, кичатся глашатаи «американского образа жизни».

На самом деле политика США по отношению к западноевропейским и другим капиталистическим «друзьям» является не демократической, а империалистической политикой. Под флагом «антикоммунизма» и «защиты свободы» идёт фактическое подчинение Соединённым Штатам и ограбление старых, давно сложившихся буржуазных государств и их колоний»¹.

Западная Европа приобрела теперь много черт, роднящих её с латиноамериканской вотчиной США. Американские газеты, описывая, например, Париж, называют его теперь «малым Вашингтоном», — ведь Париж действительно кишит ныне военными и гражданскими представителями Америки, американскими дельцами, всякого рода «советниками», туристами и т. д. По всей Европе — от Норвегии до Греции — маршируют американские солдаты, а лучшие здания, виллы и целые города отведены для посланцев «нового Рима». И всюду грубо попирается и оскорбляется национальное чувство французов, англичан, немцев, датчан, итальянцев.

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 21.

Правящие круги США ныне усиленно возрождают два очага второй мировой войны — в Германии и Японии. Японии уже навязан фальшивый «мирный договор», продливший американскую оккупацию этой страны на неопределённое время. Боннский «общий договор» с Западной Германией также призван увековечить пребывание американских войск на немецкой территории.

Нарушая национальную независимость и территориальную неприкосновенность когда-то самостоятельных капиталистических государств — с ведома и согласия реакционной буржуазии этих государств, — Соединённые Штаты выступают не только как агрессор, но и как мировой жандарм, везде и всюду старающийся удушить свободу и демократию.

К этому следует добавить вторжение американских монополий в слабо развитые страны Азии и Африки, попытки США вытеснить из этих районов своих английских, французских, голландских конкурентов. Юго-Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Центральная и Северная Африка с их богатыми сырьевыми ресурсами притягивают к себе внимание не только американских дельцов. Военщина США всюду ищет новые и новые военные базы, создавая те самые «фронты» и «валы», о которых мечтает подозрительно осведомлённый и едва ли «прекраснодушный» английский «неоримлянин» Арнольд Тойнби.

Так на деле осуществляется попытка создать из всех стран капиталистического мира «единую» военную империю Запада под владичеством США.

Но и эта попытка не может завершиться успехом. Препятствием на её пути оказывается сама природа капиталистического общества, в котором антагонистические интересы, борьба капиталистических групп за максимальные прибыли противостоят идее дружеского сотрудничества.

Товарищ Сталин с исчерпывающей полнотой раскрыл и показал, что подчинение Соединёнными Штатами других капиталистических государств отнюдь не снимает противоречий и ожесточённой борьбы между ними. «Внешне всё будто бы обстоит «благополучно»: Соединённые Штаты Америки посадили на паёк Западную Европу, Японию и другие капиталистические страны; Германия (Западная), Англия, Франция, Италия, Япония, попавшие в лапы США, послушно выполняют веления США. Но было бы неправильно думать, что это «благополучие» может сохраниться «на веки вечные», что эти страны будут без конца терпеть господство и гнёт Соединённых Штатов Америки, что они не попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития»¹.

Товарищ Сталин указывает, что империалисты Англии и Франции не примирятся с захватом их рынков сбыта в колониях, с потерей высоких прибылей англо-французских капиталистов. «Не вернее ли будет сказать, — пишет товарищ Сталин, — что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?»². Не может быть также никаких гарантий того, что и Германия и Япония не попытаются вырваться из американской неволи и зажить своей самостоятельной жизнью.

Уже сейчас обстановка в империалистическом лагере чрезвычайно обострилась и осложнилась. Правительства Англии и Франции отказались подчиниться ряду важнейших военных требований США, нарушая свои обязательства, данные в прошлом году на лиссабонской сессии совета Северо-атлантического агрессивного блока. Любопытна мотивировка отказа правящих кругов Англии от слишком высоких, по их мнению, темпов вооружения, которых требуют США. Английские министры открыто и даже в американской печати заявляют, что гонка вооружения ослабляет британские позиции в «конкурентной борьбе» с американскими фирмами, что Англия не может примириться с уменьшением своего экспорта и потерей значительной части прибылей. Франция выражает глубокое недовольство вторжением американских монополий в североафри-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 33.

² Там же, стр. 33—34.

канские французские колонии. Все западноевропейские государства принимают меры к защите своих экономических позиций от господства американских монополий.

Нет, не может быть «единства» в мире капиталистической эксплуатации, заповедью которого является стремление к ограблению и порабощению народов других стран!

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МАСС

Основной, главной силой, которая стоит на пути ликвидаторов национальной независимости и национального суверенитета, выступают народные массы и прежде всего рабочий класс, трудящиеся капиталистических стран. Нет, они не против самого тесного, дружеского международного сотрудничества! Но пролегарский интернационализм не имеет ничего общего с буржуазным космополитизмом.

Пролетарский интернационализм трудящихся сочетается с их глубоким патриотизмом, с любовью к своей родине, к национальной свободе и независимости. Навысший расцвет и наиболее полное выражение это сочетание интернациональных и патриотических чувств получило в Советской стране, у советских народов, воспитанных в духе ленинско-сталинской идеологии равноправия всех рас и наций.

«Советский патриотизм,— указывает товарищ Сталин.— не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами»¹.

Одним из знаменательных фактов нашего времени является то обстоятельство, что, несмотря на все усилия американской пропаганды, вопреки многолетней болтовне космополитов всех мастей об «устарелости» понятия суверенитета и национальной независимости, патриотические чувства западноевропейских народов не только не угасли, а дают о себе знать со всё большей силой. В Англии, Франции, Италии, Дании, Норвегии рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция с возрастающей ненавистью глядят на американских резидентов и солдат. Сообщения о росте антиамериканских настроений в Западной Европе не сходят со страниц американских газет. В природе не существует никакого выдуманного «европейского» или «атлантического» патриотизма, о котором с таким умилением пишет буржуазная газетная челядь. Существует патриотизм французский, немецкий, итальянский или британский, в основе которого лежит горячее желание видеть свою родину независимой, самостоятельной, суверенной и процветающей.

Факты последних месяцев неопровержимо показывают, сколь неистребимо стремление народных масс к независимости. Патриотическое движение во Франции заставило даже буржуазных политических деятелей, от де Голля до Эррио, выступить с заявлениями, направленными против американских планов лишения Франции собственной армии. В Германии, по единодушному признанию американской и английской прессы, нет более могучей силы, чем всенародное движение за единство и независимость. События в Иране, Египте, в латиноамериканских республиках Чили и Боливии продемонстрировали дальнейший рост национальной освободительной борьбы. Движение за сохранение национальной свободы и национального суверенитета охватывает сейчас и когда-то независимые страны Европы и страны зависимые, как Алжир, Тунис, Марокко, как английская колония в Африке Кения, как маленькая Гватемала.

Народные массы инстинктивно, стихийно тянутся к тем политическим деятелям, к тем организациям и людям, которые не на словах, а на деле готовы отстаивать независимость их страны. Таких деятелей нет среди современной европейской буржуазии. Она запятнала себя бесчисленными актами национальной измены как в годы войны против гитлеровских поработителей, так и в послевоенное время, послушно выполняя веления заокеанских империалистов, посуливших ей сохранение доходов и власти ценой

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, М. 1949, стр. 161.

отказа от независимости. Каинова печать предательства лежит ныне на всём классе буржуазии!

Но знамя национальной свободы дорого миллионам простых людей-тружеников. Вот почему в тот исторический, незабываемый час, когда с трибуны XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза раздался голос вождя и друга всех народов товарища Сталина, ему внимал не только переполненный до отказа зал Большого Кремлёвского дворца, — необозримая аудитория народов всего мира, казалось, ловила в этот миг каждое слово товарища Сталина.

Как всегда, товарищ Сталин говорил о том, что волнует сейчас всех людей, что составляет в наши дни предмет дум и забот всего прогрессивного человечества. Он говорил о защите демократических свобод и национальной независимости от покушений империалистов. Товарищ Сталин напомнил о том, что теперь буржуазия изменилась серьёзным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. «Раньше буржуазия считалась главой нации, — сказал товарищ Сталин, — она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего»... Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять»¹.

Деятельность всех коммунистических партий всегда была глубоко патриотичной в лучшем смысле этого слова. Партия русских коммунистов во главе с Лениным и Сталиным возглавила борьбу народов нашей страны за социализм, за величайшие революционные изменения. И она спасла национальную и государственную независимость России, вывела её из иностранной кабалы, вывела на широкую дорогу самостоятельного развития. Никогда в своей истории наша Родина не достигала такого могущества, такого ведущего положения в мире, такого расцвета всех своих сил, как в годы советской власти, как сейчас, когда она стала величайшей державой на земном шаре. Глубочайшим патриотизмом проникнута деятельность коммунистических и рабочих партий Китая, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании, добившихся подлинной национальной и государственной независимости своих стран, бурного подъёма национальной экономики и культуры.

Борьба коммунистических партий капиталистических стран в послевоенный период направлена прежде всего на защиту национальной независимости от посягательств империалистов США. Выступая против военно-агрессивных пактов, за дружбу и союз с Советским Союзом, за глубокую демократизацию своих стран, коммунистические и рабочие партии тем самым отстаивают самое дорогое народным массам — их родную страну, её самостоятельность, её самобытную культуру. Сейчас вся деятельность компартий приобретает ещё большую целеустремлённость.

В нынешней обстановке, пишет секретарь Французской коммунистической партии Жак Дюкло, «французские коммунисты, располагая в настоящее время новым оружием, каким является гениальная работа товарища Сталина, могут, как сказал Морис Торез, «ещё лучше ориентироваться в борьбе за мир, за национальную независимость, за социализм». «Завоевание национальной независимости, — пишет Жак Дюкло, — можно осуществить, только нанеся поражение французской буржуазии, которая, будучи классом, интересы которого противоположны интересам нации, организует и направляет национальное предательство, так же как и её главная опора — социал-демократия».

В ноябре 1952 года Коммунистическая партия Германии опубликовала Программу национального воссоединения Германии. Это документ большого исторического значения. Он призывает население Западной Германии сплотиться для достижения важнейшей общенациональной цели: воссоединения Германии как единого, демократического, миролюбивого, независимого государства и заключения мирного договора с Германией. Программа национального воссоединения Германии, провозглашённая немецкими коммунистами, предусматривает обеспечение демократических свобод германского народа.

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, стр. 12—13

свободное развитие германской мирной экономики, развитие науки и культуры. Это — великое знамя борьбы за свободу и независимость германского народа.

Патриотическая борьба коммунистических партий Англии и Италии, Японии и Индии внушает империалистам нескрываемую тревогу. Все лучшие люди нации, все честные труженики — а их миллионы — в каждой стране сплачиваются вокруг призывов коммунистов-патриотов. «...Борьба за национальную независимость и свободу, за сохранение мира, которая охватила широкие слои народа, внушает страх американским империалистам и японским реакционным силам», — говорит генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Японии Кюици Тэкуда.

Ненависть к патриотам, к защитникам национальной свободы вызывает сейчас у буржуазных реакционеров самые дикие выходки, исторгает у них смешные и позорные высказывания. Так, на съезде немецких «Федералистов», то есть сторонников отказа от суверенитета, бывший французский министр Ари Френэ заявил буквально следующее: «Те, кто во Франции утверждает, что она должна быть одна... могут быть только агентами Москвы». Так французский космополит пытается оклеветать могучее движение за национальную независимость Франции. Бесплодные попытки! Патриотический порыв народных масс сорвет все планы американских империалистов и их слуг из среды европейских «объединителей».

Борьба за национальную свободу и независимость, за сохранение суверенитета всех стран и народов стала в наши дни делом широчайших масс, священной обязанностью передовых людей каждой нации, независимо от их политических взглядов и убеждений. Знаменательно, что такой представительный международный форум, как Конгресс народов в защиту мира, состоявшийся в декабре 1952 года в Вене, включил в свою повестку дня вопрос о национальной независимости и безопасности. В рекомендациях, принятых специальной комиссией Конгресса по этим проблемам, в частности, говорится, что «уважение права каждого народа свободно избрать свой образ жизни, защита национальной независимости и гарантия безопасности всех стран — больших и малых — становятся во всё большей и большей степени основными условиями сохранения мира».

Непобедимое знамя демократических свобод, национальной и государственной независимости развевается в каждой стране мира, собирая и объединяя самых лучших, передовых представителей наций. И во главе этого могучего движения выступают подлинными выразителями народных чаяний — коммунисты.

М. ЮРЬЕВ

★

ВОССТАНИЕ ТАЙПИНОВ

Сто лет назад, 19 марта 1853 года, армия китайских крестьян, восставших против феодального гнёта и ига чужеземных поработителей, заняла «Южную столицу» Китая — Нанкин.

С тех пор Нанкин в течение одиннадцати лет был центром «Небесного государства великого благоденствия» — Тайпин Тяньго, созданного повстанцами в противовес империи Цин — государству феодалов, нещадно угнетавших многомиллионный китайский народ.

Крестьянская война в Китае середины XIX века, известная под названием восстания тайпинов, была одним из ярчайших событий в истории китайского народа, героически боровшегося в течение многих веков за свою свободу. «Во всей мировой истории немного было таких огромных по своим масштабам крестьянских восстаний и войн, какие происходили в истории Китая, — указывает вождь китайского народа Мао Цзэ-дун. — В китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские войны и восстания и были истинными движущими силами исторического развития».

Китайские и советские историки проявляют большой интерес к изучению крестьянских войн и восстаний в Китае. Историки-марксисты при этом руководствуются известным указанием великого корифея науки И. В. Сталина, говорившего о вождях крестьянских войн в России: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства»¹.

Советские китаеведы Г. С. Кара-Мурза, Г. В. Ефимов, М. И. Барановский, современные китайские историки Фань Вэнь-лань, Ло Эр-ган, Хуа Ган и другие в своих работах воссоздают грандиозную картину многолетней крестьянской войны, в которой приняли участие десятки миллионов людей, картину самоотверженной борьбы тайпинов не только с маньчжуро-китайскими феодалами, но и с англо-франко-американскими захватчиками.

Крестьянская война в Китае в середине XIX века была острейшим проявлением борьбы между основными классами тогдашнего китайского общества — крестьянами и феодалами.

Хотя в Китае формально и не существовало крепостного права, феодалы-помещики — маньчжурские и китайские, — владея землёй, фактически распоряжались судьбой миллионов крестьян. Различными способами грабя и эксплуатируя крестьянство, помещики концентрировали в своих руках землю. Отдельные семейства феодалов владели сотнями тысяч и даже миллионами му (мера, равная $\frac{1}{16}$ гектара земли).

Вот почему главным требованием задыхавшихся от безземелья и подымавших восстания крестьян (эти восстания затем слились воедино в могучей крестьянской войне тайпинов) было перераспределение земли. Антагонистическое противоречие между

---

¹ И. В. Сталин. Сочинения. т. 13, стр. 112.

китайским крестьянством и классом феодалов было главным противоречием, определявшим характер восстания тайпинов.

В то же время это восстание было борьбой китайского народа за своё национальное освобождение от гнёта иноземной Маньчжурской династии, отдававшей Китай на разграбление капиталистическим хищникам Англии, Америки и Франции. В 1839 году правительство Англии спровоцировало так называемую первую опиумную войну, в результате которой феодальная армия Маньчжурской династии была разбита. Китаю в 1842 году был навязан первый неравноправный англо-китайский договор. Поражение в войне 1839—1842 годов положило начало превращению Китая в зависимую от капиталистического Запада страну.

Используя экономическую, политическую и военную слабость феодального Китая, Англия, США, Франция получили не только право вести почти беспогонную торговлю в так называемых открытых портах Китая, но и добились неподсудности англичан, американцев, французов китайскому суду, а также создания на территории китайских городов «сеттльментов» (поселений), управляемых иностранцами.

Исход первой опиумной войны показал народным массам, что угроза закабаления страны иностранцами становится реальной. Уже во время этой войны население Кантона стихийно создало «дружину усмирения англичан» (пинштань), которые нанесли агрессорам сильные удары, хотя и не сумели предотвратить поражение Китая.

Западные капиталистические державы боролись в Китае, по выражению К. Маркса, «за привилегию покупать на самых дешёвых и продавать на самых дорогих рынках»¹, за возможность беспрепятственно эксплуатировать китайский народ. Английские и американские товары, в том числе опиум, а затем и хлопчатобумажные ткани, хлынувшие в Китай, привели к финансовому кризису в стране, к росту налогового обложения крестьян, к разорению ремесленников, к обнищанию миллионов людей. Именно экономические последствия первой опиумной войны и первых неравноправных договоров вызвали взрыв возмущения народных масс, приведший к крестьянской войне. Это подчеркнули великие основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, приветствовавшие восстание тайпинов и посвятившие событиям в Китае ряд своих статей. «...Отрадно, — писали они в январе 1850 года, — что самая древняя и самая прочная империя в мире, под воздействием токов ситца английских буржуа, за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации»².

Начало крестьянской войне положило восстание в деревне Цзиньтяньцунь, провинции Гуанси (на юге Китая), вспыхнувшее 11 января 1851 года. Восставшие, ряды которых быстро пополнялись, нанесли ряд крупных поражений правительственным войскам, в том же году освободили почти всю провинцию Гуанси и под руководством своих вождей — сына крестьянина Хун Сю-цюаня, угольщика Ян Сю-цина и других — выступили к реке Янцзы. Пройдя через провинции Хунань, Хубэй, Цзянси, Аньхой, армия тайпинов заняла Нанкин. Так в долине великой китайской реки Янцзы было создано антифеодальное государство тайпинов, основные черты которого определились уже в Гуанси.

Во главе Тайпинского государства стоял Хун Сю-цюань, получивший титул «небесного царя» — тянь-вана. Главой правительства был Ян Сю-цин, называвшийся «восточным царём» — дун-ваном. Ближайшие помощники Хун Сю-цюаня и Ян Сю-цина также получили титулы ванов (царей). Монархическая система отражала отсталость идеологии тайпинов, бывших, как и руководители других крестьянских восстаний прошлого (в том числе и в России), царистами. Товарищ Сталин подчеркнул эту особенность в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «...говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя»³. Монархический характер Тайпинского государства способствовал в дальнейшем перерождению многих его руководителей в но-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 348.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 210.

³ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 113.

вых феодалов, что было, в конечном счёте, одной из важнейших причин поражения тайпинов.

Своим основным политическим лозунгом тайпины выдвинули свержение власти маньчжуров, ещё в середине XVII века поработивших Китай при помощи изменников — китайских феодалов.

Власть Маньчжурской династии прогнала, император и его окружение — все эти «железношлемные» и «жёлтопоясные» аристократы, феодалы-помещики — единственную свою задачу видели в безудержном грабеже народов Китая, его трудолюбивых крестьян, искусных ремесленников. В то же время феодалы показали свою неспособность защитить страну от капиталистических хищников. Поэтому сохранение феодального режима означало смертельную угрозу для независимости Китая.

Освободив значительную часть долины реки Янцзы, тайпины приступили к осуществлению революционных антифеодальных преобразований, прежде всего — к перераспределению земли.

Не случайно основным законом Тайпинского государства был Закон о земле. Главной идеей этого закона была идея всеобщего равенства. «Земля распределяется наделями по количеству едоков в семье вне зависимости от того, сколько в семье мужчин и женщин. У кого едоков больше — тому даётся больше земли, у кого едоков меньше — тому даётся меньше земли... Нет на земле места неравенству, нет человека, который бы не был сыт и в тепле». Интересно отметить, что тайпины, проведя уравнилельный передел земли, стремились при этом предоставить дополнительные льготы крестьянам-беднякам, кое-где освобождая их от земельного налога.

Стремление тайпинов установить всеобщее равенство проявлялось и в уничтожении предметов роскоши, драгоценностей, отбравшихся ими у богачей. В занятых крестьянской армией городах повстанцы заставляли богатых бездельников трудиться на работах, связанных главным образом с общественными нуждами. Один из бежавших из Нанкина богачей с ужасом писал, что «всех будят чуть свет, заставляют работать по ремонту домов, плотин, по переноске риса, по устройству городских стен». Лениность считалась у тайпинов преступлением. «В каждых 25 семьях награждаются прилежные и наказываются ленивые», — говорится в Законе о земле.

Стремление тайпинов установить «всеобщее равенство» было отражением примитивного крестьянского «коммунизма». Тайпины пытались создать такой порядок, при котором все получали бы равное количество продуктов питания, одежды и т. д., то есть стремились к уравниловке, которая не имеет ничего общего с научным социализмом.

«Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, — учит товарищ Сталин, — психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»¹. Однако в условиях борьбы крестьян с феодальным гнётом идея всеобщего равенства была глубоко прогрессивна. «Пролетарнат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобщественного производства, — писал В. И. Ленин. — Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями»².

Идеология тайпинов в примитивной религиозной форме также была призвана обосновать необходимость установления равенства между людьми. Уже в первых проповедях вождя восставших — Хун Сю-цюаня — было выражено требование переустройства жизни на основах общины с полным равенством всех её членов.

В Тайпинском государстве были проведены и другие прогрессивные мероприятия. Женщины получили равные права с мужчинами, и в армии тайпинов женские отряды героически боролись за освобождение своего народа. Тайпины запретили варварское бинтование ног у девочек, калечившее их. Они сурово боролись с проституцией и бандитизмом. Был введён гласный суд, отменены пытки.

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 119.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 316--317.

Тайпины строили своё государство на основах военной общины. Низшим подразделением этой общины были пять семейств, которые посылали в армию солдат, составлявших отделение — «пяток». Из представителей двадцати пяти семейств формировался взвод; четыре взвода составляли роту; пять рот — полк. В дивизии было пять полков, в корпусе — пять дивизий. Таким образом, административные единицы Тайпинского государства соответствовали военным подразделениям, частям и соединениям.

Армия тайпинов была народной армией. Когда не было непосредственной необходимости вести военные действия в данном районе, солдаты возвращались в деревни к мирному труду. Когда обстановка этого требовала, крестьяне становились солдатами. Это единство армии и народа и было основой выдающихся побед тайпинов, прошедших с боями сотни и тысячи километров из провинции Гуанси к реке Янцзы, вдоль неё на восток к Нанкину, а оттуда на север к Пекину.

Когда в январе 1851 года последователи созданного Хун Сю-цюанем и Ян Сю-цином «Общества небесного владыки» восстали в деревне Цзиньтяньцунь против маньчжурских властей, последние не сразу поняли, как велика опасность, грозившая господству феодалов. Но вооружённые отряды повстанцев быстро росли, громя не только местные гарнизоны, но и крупные правительственные соединения, перебросенные в Гуанси из других провинций.

Справедливая революционная война тайпинской армии против сил реакции была главной формой классово-борьбы китайского крестьянства и городской бедноты. Это соответствовало специфическим условиям Китая и революционным традициям китайского народа. Заслугой тайпинских вождей является создание сильной революционной армии, насчитывавшей в период борьбы с силами реакции в долине реки Янцзы около полутора миллионов солдат. В армии тайпинов имелись не только пехотные соединения, но и кавалерийские, артиллерийские, сапёрные части, а также флот. В начале восстания тайпины были вооружены лишь пиками, луками, дубинами. Но, пользуясь поддержкой народных масс — крестьян и городской бедноты, они сумели и таким примитивным оружием нанести ряд поражений правительственным войскам и частично вооружиться огнестрельным оружием за счёт противника. В дальнейшем тайпины при помощи ремесленников организовали собственное производство вооружения, в том числе пушек.

В тайпинской армии поддерживалась строгая дисциплина, о чём свидетельствуют правила для солдат, требовавшие тщательно выполнять приказы командования, не курить опиума, не пить вина, не допускать злоупотреблений и не покрывать их, действовать объединёнными силами, не присваивать захваченного оружия, золота и серебра, всегда держать оружие в порядке, не болтать попусту о законах государства. Руководители тайпинской армии показали своё превосходство над маньчжурскими генералами, кичившимися аристократическим происхождением и императорскими регалиями.

Поход тайпинов из провинции Гуанси к реке Янцзы ознаменовался рядом побед над правительственными войсками. Тайпины поднимали сельскую и городскую бедноту, уничтожали аппарат феодальной власти, делили землю между крестьянами. Маньчжурские сатрапы, феодальные помещики, богачи в панике бежали из южных и центральных провинций на север, к столице, или на восток — в Шанхай под защиту штыков иностранцев, обосновавшихся там после первой опиумной войны.

Однако, захватив Нанкин, вожди тайпинов не использовали возможности разгромить власть маньчжурских феодалов, не организовали своевременно похода на столицу, а когда в мае 1853 года несколько соединений тайпинской армии двинулись на Пекин, они уже не смогли преодолеть сопротивления правительственных войск, оправившихся после первого приступа паники. Тайпинские руководители явно недооценили значение разгрома маньчжуров на севере страны, не позаботились об установлении тесной связи с крестьянством северных провинций. Всё это привело к неудаче северного похода тайпинов.

Но в долине реки Янцзы тайпины ещё продолжали наносить врагу мощные удары. Явная неспособность правительства и маньчжурских феодалов подавить восстание беспокоила китайских помещиков. Реакционеры в Китае, подобно своим собратьям

в других странах, показали, что их классовые интересы противоречат национальным интересам китайского народа. Хунаньский помещик Цзэн Го-фань, помогая маньчжур-ам сохранить своё господство, в 1852 году приступил к организации помещичьей контрреволюционной армии, так называемых «хунаньских молодцов», куда он вербовал помещичьих сынков и деклассированных наёмников. Армии Цзэн Го-фаня удалось занять некоторые крупные города на Янцзы благодаря тому, что к этому времени началось внутреннее ослабление Тайпинского государства.

Товарищ Сталин учит, что «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

Коренной слабостью тайпинского движения, хотя оно и представляло прогрессивные силы китайского общества, было отсутствие пролетарского руководства.

Китайское крестьянство проявило чудеса героизма и самоотверженности в борьбе со своими угнетателями и выдвинуло талантливых руководителей, именами которых гордится ныне освобождённый народ Китая. И всё же оно не смогло уничтожить феодальный строй и предотвратить восстановление феодальных отношений на территории Тайпинского государства. Это подрывало лагерь тайпинов изнутри. Помещичьи элементы во главе с «северным царём» Вэй Чан-хоем, присоединившиеся в начале движения к тайпинам (из-за их намерения свергнуть гнёт маньчжуров), саботировали проведение Закона о земле. В 1856 году Вэй Чан-хой и его сторонники организовали заговор против руководителя тайпинов Ян Сю-цина, который вместе с 20 тысячами участников восстания был предательски убит в Нанкине.

Ещё до заговора Вэй Чан-хой многие выдающиеся деятели Тайпин Тяньго погибли в боях. Смерть Ян Сю-цина была для тайпинов новым тяжёлым ударом.

После гибели Ян Сю-цина тайпинский вождь Ши Да-кай ушёл со своим войском из Нанкина далеко на запад, самостоятельно продолжая борьбу с реакцией. Вэй Чан-хою не удалось воспользоваться плодами своей измены (он был убит по приказу Хун Сю-цюаня), но к руководству Тайпинским государством пришли новые люди, родственники Хун Сю-цюаня, не участвовавшие в революционной борьбе предыдущих лет.

Всё яснее обнаруживался разрыв между антифеодальным характером крестьянской войны и политикой руководителей Тайпин Тяньго, превращавшихся в новых феодалов. Однако власть Маньчжурской династии настолько ослабла, что и в этих условиях она не смогла подавить тайпинское восстание.

На помощь внутренней реакции пришли иностранные агрессоры. В первые годы крестьянской войны англо-американско-французские захватчики маскировали своё враждебное отношение к тайпинам. Стремясь использовать борьбу между Тайпинским государством и маньчжуро-китайскими феодалами для укрепления своих позиций в Китае, они фарисейски заявляли о своей готовности сохранять нейтралитет и даже послали своих представителей в тайпинскую столицу — Нанкин. Подоплёка этой политики видна из телеграммы английского статс-секретаря Кларендона послу в России Гамильтону Сеймуру, в которой говорилось: «Бонхэм (английский губернатор Гонконга, посетивший в 1853 году Нанкин. — М. Ю.) указывает на возможность использовать переживаемый Китаем кризис для того, чтобы получить большие льготы в развитии иностранной торговли на рынке, который представляет радужные перспективы».

Но уже в 1853 году, одновременно с посещением Нанкина представителями Англии, США и Франции, лицемерно заявлявшими о намерении их правительств поддерживать дружественные отношения с тайпинами, английские военные корабли на реке Янцзы оказывали помощь маньчжурским войскам.

Английские, американские и французские вооружённые силы активно участвовали в подавлении восстания членов тайного общества «Малых мечей», захвативших в 1853—1855 годах власть в китайской части Шанхая. Опираясь на международный квартал Шанхая, иностранные агрессоры и маньчжурские войска подавили народное

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 112—113.

восстание, причём «попутно» англичане, американцы и французы захватили в 1854 году в свои руки управление таможнями.

И. А. Гончаров, свидетель этих событий, с возмущением писал в своей книге «Фрегат «Паллада» о поведении иностранных порабощителей в Китае. Англичане, писал Гончаров, обращались с китайцами и другими народами Востока «повелительно, грубо или холодно-презрительно, так, что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот...». Л. Н. Толстой называл действия английских захватчиков в Китае «отвратительными». Горячее сочувствие борьбе китайского народа против феодалов и иностранных захватчиков выражал Н. Г. Чернышевский.

Ещё до второй и третьей опиумных войн англо-американские и французские капиталисты помогали маньчжуро-китайским феодалам в их борьбе против крестьянской революции. После этих войн капиталистические державы перешли к широкой и открытой интервенции в Китае. Вооружённые силы Англии и Франции при поддержке флота США захватили Пекин и не только навязали Китаю новые неравноправные договоры, но и поставили у власти своего приверженца принца Гуна.

К. Маркс и Ф. Энгельс в статьях, посвящённых опиумным войнам, заклеивали позором капиталистические правительства как провокаторов войны, нарушителей основ международного права, поощрявших самый разнузданный грабёж и массовые убийства.

Характеристику целей и методов агрессивной политики капиталистических держав в Китае и, в частности, оценку опиумных войн мы находим в замечательной статье В. И. Ленина «Китайская война», опубликованной в первом номере «Искры».

Разоблачая империалистическую клевету о «ненависти китайцев к европейской культуре и цивилизации», В. И. Ленин писал: «Не европейские народы ненавидят китайцы, — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?»¹.

Тайпины являлись единственной силой, препятствовавшей реализации кабальных условий договоров, заключённых в Тяньцзине (1858 год) и в Пекине (1860 год).

Между тем Тяньцзиньский и Пекинский договоры открывали иностранным капиталистам путь для экспансии в долине реки Янцзы, то есть в том районе, который в значительной части находился под контролем тайпинов. Но главной основой подлого сговора между иностранными хищниками и маньчжуро-китайской реакцией была их общая заинтересованность в разгроме крестьянского восстания, в сохранении пережившего себя феодального строя и тех условий, которые способствовали превращению величайшей страны Востока в полуколонию капиталистического Запада.

В 1860 году английские, американские и французские войска отразили наступление тайпинов на Шанхай. Для борьбы с тайпинами США создали в 1860 году отряд наёмников во главе с авантюристом Фредериком Уордом, который незадолго до этого воевал против русских в Крыму, вступив добровольцем во французскую армию. Уорд набрал в свой отряд всякий сброд, который был следующим образом охарактеризован в депеше русского посланника в Пекине: «Европейцы регулярного легиона, служащие в нём офицеры — большей частью американские и английские авантюристы, на которых положиться трудно... Офицеры представляют всякий сброд иностранцев, которым всё равно, быть ли на стороне империалистов (т. е. маньчжуров. — М. Ю.) или же драться против них. Были даже в числе этих господ такие, которые имели мысль сформировать войско и воевать для своей собственной пользы, т. е. жить грабежом на счёт всех без разбора».

Нападая на тайпинские отряды, — как правило, плохо вооружённые, — банда

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 348.

Уорда, имевшая пушки, истребляла сотни повстанцев. За эти кровавые «подвиги» она получила от маньчжурского императора наименование «всегда побеждающей армии», а её главарь — чин бригадного генерала. За один год Уорд награбил ценностей на 350 тысяч лянов. Моральный облик этого наёмного бандита характеризует составленный им план штурма Нанкина, за которым должно было последовать разграбление и уничтожение этого огромного города. Характерно, что тогдашний государственный секретарь США Сьюард назвал этого грабителя и убийцу «выдающимся гражданином США».

В 1862 году Уорд был убит тайпинами, и его сменил другой американский авантюрист — Бурджевейн, который казнил пленных тайпинов, привязывая их к стволам орудий. Вскоре командование бандами иностранных наёмников принял английский майор Гордон, участвовавший в Крымской войне против России и в третьей опиумной войне против Китая.

С начала 1862 года интервенты ввели в действие против тайпинов свои регулярные войска, освободившиеся после третьей опиумной войны.

Тайпины оказали героическое сопротивление хорошо вооружённым армиям капиталистических держав. Важнейшую роль в борьбе с интервентами сыграл тайпинский военачальник Ли Сю-чэн, прошедший славный путь от рядового солдата до выдающегося полководца. Ли Сю-чэн сорвал маску «миротворцев» и «друзей тайпинов» с англо-американских капиталистов и их представителей в Китае. Обращаясь к иностранцам, Ли Сю-чэн, прозванный колонизаторами «королём кули», говорил: «Иностранцы нарушили данное нам слово. Англичане и американцы условились с нами оставаться нейтральными в нашей войне с маньчжурами. Это условие с их стороны соблюдалось так, что они помогали, как только могли, маньчжурскому правительству собрать силы для войны, позволяли своим подданным поступать на службу к маньчжурам... Это было не всё: они на деле со своими собственными войсками вторглись на нашу территорию и нарушили самые священные обычаи войны, позволяя или не препятствуя маньчжурским войскам совершать самые ужасные варварства... Попытки, которым были в последнее время подвергнуты некоторые из наших, захваченные в плен, доказывают нам цену вашей нейтральности».

Ли Сю-чэн боролся с разложением, проникшим в руководящую верхушку Тайпинского государства, стремился возродить народный характер тайпинской армии. Это дало ему возможность организовать героическую борьбу тайпинов против превосходящих сил врага. Войска Ли Сю-чэна нанесли немало поражений контрреволюционным армиям, неоднократно отбрасывая их от Нанкина.

Но вооружённые силы интервентов и маньчжуро-китайской реакции, используя своё материальное превосходство, всё туже стягивали кольцо окружения вокруг Нанкина. Ли Сю-чэн предложил смелый план прорыва и выхода тайпинских войск на соединение с отрядами тайпинов, которые вели партизанскую войну на западе страны. Однако этот план не был принят другими вождями тайпинов.

В мае 1864 года в руках тайпинов оставались лишь города Нанкин и Хучжоу, осаждённые неприятелем. Хун Сю-цюань, отчаявшись в возможности дальнейшего сопротивления, кончил жизнь самоубийством. Героическое сопротивление тайпинов, возглавленных Ли Сю-чэном, не смогло предотвратить захвата Нанкина. 19 июля 1864 года войска реакции ворвались в тайпинскую столицу. Три дня бои шли на улицах города. Озверевшие победители перебили сто тысяч тайпинов и жителей Нанкина. Немногим больше месяца продержался город Хучжоу, взятый французскими войсками. Ли Сю-чэн не захотел бежать из Нанкина. Бесстрашный боец за свободу народа предпочёл погибнуть вместе с Тайпинским государством. Его казнили самой жестокой казнью — его тело было разрублено на куски.

Нескольким отрядам тайпинов удалось пробиться из Нанкина на север и соединиться с партизанскими отрядами «факельщиков», боровшимися против феодалов.

Ещё в 1853 году в провинциях Шаньдун, Хэнань, Аньхой и Цзянсу вспыхнуло крупное восстание крестьян, организовавших «няньцзюнь» («армию факельщиков») или «няньдан» («партию факельщиков»). «Факельщики» значительно уступали тайпинам в организованности и сплочённости. Присоединение тайпинов усилило борьбу

«факельщиков» и дало им возможность продолжать сопротивление ещё в течение четырёх лет после падения Нанкина. Но в 1868 году войска одного из душителей тайпинского восстания — Ли Хун чжана — нанесли решающий удар отрядам «факельщиков».

Крестьянская война тайпинов потрясла самые основы феодального строя в Китае. Она втянула в борьбу не только десятки миллионов китайских крестьян, но и городскую бедноту и даже купечество приморских городов.

Тайпинское восстание оказало большое влияние и на борьбу некихитайских национальностей северо-запада и юго-запада страны против национального и социального угнетения. В северо-западных провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяне в 1862 году вспыхнуло восстание дунган и уйгуров, которые продолжали бороться против правительственных войск в течение пятнадцати лет.

Внутренняя слабость этого восстания определялась тем, что им руководили местные феодалы и муллы, стремившиеся придать ему характер войны мусульман против китайцев. Этим пытались воспользоваться султанская Турция и стоявшие за ней английские капиталисты, которые мечтали создать вассальное государство на подступах к Средней Азии.

Подавление восстания показало трудящимся некихитайских национальностей северо-запада, что только в союзе с китайским народом, в совместной борьбе против угнетателей возможно освобождение всех народов Китая. Этому же учил опыт восстания некихитайских национальностей в юго-западной провинции Юньнань, вспыхнувшего в 1856 году и жестоко подавленного в 1873 году.

Восстание тайпинов оказало влияние и на народы соседних с Китаем стран, особенно Вьетнама и Кореи. Отдельные отряды тайпинов после поражения в крестьянской войне перешли на территорию Вьетнама и создали там партизанские отряды «Чёрных флагов», которые вместе с вьетнамскими патриотами оказали героическое сопротивление агрессии капиталистической Франции во Вьетнаме в 60—80-х годах XIX века.

Влияние идеологии тайпинов нашло выражение в лозунгах крестьянской войны в Корее (восстание тонхаков), происходившей в конце XIX века. Тонхаки, подобно тайпинам, проповедовали идею равенства, призывали народ к борьбе с иноземными угнетателями Кореи.

Великая крестьянская война в Китае потерпела поражение. Крестьянский «коммунизм» тайпинов оказался утопической попыткой построить новое общество. Иностранцы капиталисты в блоке с реакционными силами Китая сумели задушить восстание.

Подавление тайпинского восстания отсрочило уничтожение феодального гнёта в Китае, облегчило капиталистическим хищникам дальнейшее закабаление китайского народа.

Новый период в жизни Китая открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Она способствовала тому, что «китайский народ разглядел различные внутренние и внешние противоречия империализма... разглядел сущность угнетения и эксплуатации широких народных масс Китая империализмом в союзе с китайской компрадорской буржуазией и феодально-помещичьим классом...» (Мао Цзэ-дун).

Китайский народ, борясь под руководством рабочего класса и его коммунистической партии, добился своего освобождения. Народные массы Китайской Народной Республики чтут память своих революционных предшественников. Славные герои тайпинского восстания занимают среди них почётное место.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ДМИТРИЙ НАГИШКИН

★

О СКАЗКЕ

Животворное сочетание вымысла с жизнью, позволяющее увидеть в привычной нам обыденности необыкновенную, «чудесную» суть окружающего мира, — в этом заключается сила воздействия сказки на читателя.

Однако как бы ни была фантастична сказка, в её основе лежит реальность. Самые необыкновенные образы сказок базируются на явлениях материального мира, поразивших внимание человека. За образом «избушки на курьих ножках» в русском фольклоре стоит дом, возведённый на листовичных или сосновых пнях, напоминающих птичьих лапы своими узловатыми, уходящими в землю корневищами. В Нарыме и до сих пор можно встретить такие лабазы. Сказочный «живой лес» основан на факте существования лесных зарослей, «хватающих» человека за одежду цепкими ветвями. В отрогах Сихотэ-Алиня или на другом горном кряже чудятся нам среди скал странные фигуры, уродливые лица, застывшие, протянутые руки; причудливо выточенные из камня ветрами, солнцем и водою, они напоминают «горного человека» — Какзаму — создание удэгейского фольклора.

Способность выражать «скрытую» силу вещей, явлений в символических образах отличает сказку от других видов литературы. Основной особенностью сказки как жанра является её способность к синтезированию ряда обыкновенных, привычных нам явлений, понятий, существ, предметов в образы, обладающие чертами и свойствами необыкновенными.

Так, в природе Дальнего Востока есть ряд явлений, таящих в себе способность к объединению их в одном образе, что и делает сказочная традиция нанайцев и удэгейцев. Жителям Дальнего Востока хорошо известно о существовании гигантского

пресмыкающегося — полоза Шренка, они знакомы с явлением степного, травяного пожара — пала, движение которого по фронту напоминает движение змеи; на просторах края часты выходы базальта, причём эта порода по выходе наружу распадается на правильные шестигранники, так называемые «геологические отдельности», формой и видом своим напоминающие «каменную чешую». Народная традиция соединила все эти отдельные явления в образ каменного, огнедышащего змея Химу (у нанайцев) или Симун (у удэгейцев), ставшего частым персонажем сказок этих народов.

Наряду с этим сказка обладает способностью к такой высокой степени гиперболизации обыкновенных понятий и явлений, при которой они, утрачивая свои реально существующие свойства, признаки, формы, обретают признаки, свойства, формы «сверхъестественного».

Так, гиперболизируя свойства обыкновенного топора, которыми он обладает в руках человека, сказочная традиция заставляет топор проявлять эти свойства без помощи рук человека: создаётся образ топора-саморуба. Беря из жизни в качестве прототипов прожорливых людей, народная традиция создаёт в сказке образы Опивалы, Объедалы и т. д.

Не сразу складывались сказочные образы; они проходили сложный и длительный путь формирования. Но сказка не теряла связи с действительностью. Никогда фантазия народа, создавшего неистощимое сказочное богатство, не была беспочвенной.

Сказка, дававшая образное выражение лучшим качествам народа, утверждала победу добра над злом. И именно потому, что сказка отражала, хотя и в зашифрованных образах, подлинные чувства и по-

длинные явления народной жизни, — она жила тысячелетия, не теряя своей живой силы, будя отзвук в сердцах людей многих поколений.

Народная сказка жизнеутверждающа, оптимистична, потому что народу принадлежит будущее. «Стали жить-поживать да добра наживать»; в этом финале сказки — формула житейского благополучия, завоеванного героем, который вознаграждается за перенесённые лишения и невзгоды.

Сказка в большинстве случаев справедлива, потому что народ справедлив. Змей Горыныч побеждён в сражении; чёрт остаётся в дураках; богач лишается достояния, приобретённого неправедными путями; Кашей Бессмертный умирает, когда герой-освободитель добывает его душу из векового укрытия...

Народ верил в лучшее будущее, как бы тяжело ни было настоящее. Добрые силы поэтому одерживают в сказке верх над враждебными человеку силами. Всё злое отступает — побеждают ум, сноровка, любовь к людям. Младший сын успевает больше, чем старшие братья, чем отец; отец завещает сыновьям свершение больших дел.

Народная сказка действенна. Нельзя себе представить сказку, в которой ничего бы не совершалось. Постоянным мотивом завязки является исполнение обета, соревнования ума, силы и хитрости, состязание в ловкости, разрушение чар волшебника, освобождение пленников, сражения с угнетателями в образах людей и всевозможных чудовищ.

Народная сказка питается образами, представлениями, идеями, чаяниями народа и беспрестанно обогащается его новыми мыслями и деяниями. От века народная сказка провозглашает победу справедливости, славит ум, смётку, беспредельную силу простых людей. Сказки, ханжески внушающие покорность року, судьбе, утверждающие незыблемость порядка, что существует «от бога», сказки, в которых ангелы и святые решают судьбу человека, даруя ему счастье за смирение и покорность. — такие сказки не живут долго в памяти народа.

Народная сказка поучительна, потому что народ вкладывал в неё свой опыт, свою мораль. «Сказка ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок!» — эти слова подчёркивают, что происходящее в

сказке — вымысел, созданный на основе жизненной правды.

Народной сказке присущ яркий, красочный язык, впитывающий в себя наиболее живучие грамматические формы и обороты речи, возникающие в народе.

В поисках самого короткого пути к сердцу юного читателя многие советские писатели, имея перед собой великий пример Пушкина, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Горького, обращаются к сказке, принимают к неистощимому роднику народного творчества.

Сказки Писахова, бабушки Куприянихи (А. К. Барышниковой), А. Толстого, В. Катаева, С. Маршака, Арк. Гайдара, Вит. Бианки, Мих. Кочнева и, в особенности, великолепные сказы П. Бажова справедливо расцениваются как значительное достижение советской литературы.

Сказка как бы возвращает человечеству былую непосредственность ощущений и впечатлений, особенно благодаря древнему и ныне законно существующему приёму «очеловечивания», одушевления предметов и существ, выведенных в сказке.

Анимизм восходит ещё ко временам первобытного человека. Точное определение анимизма дал Плеханов: «Обладая крайне ничтожным запасом сведений, первобытный человек «судит по себе» и приписывает явления природы преднамеренному действию сознательных сил».

Создав необходимую вещь, человек тотчас же наделял её самостоятельной силой, которая придавала ей в глазах человека особую ценность. Отсюда «очеловечивание» вещей и наделение их волшебными свойствами, позволяющими им действовать самостоятельно, без прикосновения, а только по внушению человека.

Каждому, кто помнит родные сказки, знакомы чудесные вещи, которые всё делают сами. В русских сказках — это скатерть-самобранка и дубинка-самобойка; в сказках чукчей действует волшебное блюдо, на котором, по желанию его владельца, появляется морской зверь; в эвенкском фольклоре упоминается поварёшка-самоварка.

Образы вещей-самоделок весьма многочисленны. Характерной особенностью всех этих вещей является то, что они не приносят пользы, попав в руки дурака, лентяя, жадного, богача. Они либо наказывают

своего незаконного обладателя, либо вовсе губят его, либо теряют свои волшебные свойства. Так, дубинка-самобойка бьёт ту-неядца, сапоги-самоходы заносят его в пустынное место, каша-самоварка заливает его дом, топор-саморуб заклинивает бороду богача, волшебный нож уходит от него, флейта-самограй перестаёт играть для него, мельница-самокрутка перестаёт молоть. Даёшь хороший плотничный топор купцу, чиновнику, барину, помещику — засадит он его в дерево и не вытащит. Направит под неверным углом на сучок — и пропал топор, потерял свою «силу»... В руках того, кто сам не приносит людям пользы, вещи-самоделки теряют свои необыкновенные свойства или даже наносят ему вред.

Только человек деятельный, человек труда умеет извлечь из предметов великую пользу для себя и людей. Имея топор, он может построить дом. Нет переправы через реку — построит мост... Деятельный человек изловит рыбу в реке, зверя в лесу, птицу в небе. Всё подвластно ловким и сильным рукам трудового человека. Обрубок дерева в его руках превращается в соху, соха возделывает землю, а земля родит хлеб — это ли не чудо! Он перегораживает русло ручья, копит воду, вода вертит мельничное колесо, мельница мелет зерно. Это ли не чудо — заставить работать на себя камень, дерево и воду! Он снимает с дерева луб, делает лыко, а из лыка — лапти. Он сеет траву, обрабатывает её, делает пряжу, из пряжи — нитку, из нитки — ткань, из ткани делает одежду. Была трава, а стала рубаха. Это ли не чудеса!

Постоянное наблюдение этих «чудес», естественно, открывало человеку всё большие возможности, заключённые в труде, приподнимало завесу над будущим, позволяло думать, что завтра этих возможностей будет ещё больше и исполнится то, что вчера казалось невозможным. Не случайно в сказках многих народов сыновья (особенно младшие) всегда делают большие отцов!

У человека возникало уважение к себе, к своему разуму, к своему труду, к делу рук своих и возникало дерзостное желание создать такие инструменты, которые ещё больше облегчали бы его труд.

Мысль человека бежит вперёд. Ещё не умея добиться от вещей желаемых качеств, он рисует их в сказке.

Труд человека тяжёл. Но смотрите, как разумно созданы орудия труда: лопата, молоток, топор, нож. А как любовно говорят о них! Плотник называет топор «топорником», пилу — «пилкой». А разве не слышится эта любовь в названиях орудий труда маляра, штукатура? «Мастерок», «соколок» — сколько тут поэзии! «Мастерок» — потому что без него и мастер не мастер. «Соколок» — потому что сам летает, набрасывая раствор на стену. Про хорошего плотника говорят: «Он топором-то играючи работает!».

Хороший инструмент в руках хорошего рабочего на хорошем деле — вот почва опозитивирования орудий труда.

Радость создания вещей, полезных человеку, породила сказки о вещах-самоделках. А за выдумкой этой стояла мечта человека о каком-то далёком будущем, когда и самый труд станет радостью.

Человек создал образы волшебных вещей-самоделок. Эти образы с детства ему запоминались, маня мечтой, требуя своей материализации. Через посредство воображаемых вещей, наделённых волшебными свойствами, человек лишь выражал веру в свои силы, в своё умение, в безграничные возможности своего труда, выражал дерзания свои.

Распространённый сказочный мотив, мотив созидания посредством волшебства, возникает из желания человека сделать то, что сегодня ещё выходит за пределы возможностей, поставленных ему природой. «Эх, кабы слово такое знать — что захочешь, то и стало, как живое!» И ткёт человеческое воображение сказочную пряжу, творит фантазию, в которой всё возможно — только захоти, надо лишь знать «слово». Так в арабских сказках появляется волшебное заклинание «Сезам, откройся!». В русских же Емеля командует: «— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, печь, поезжай к царю...»

Обаяние этих мотивов ещё сильнее звучит в наше время, так как сама жизнь даёт прекрасные доказательства «чудес», творимых человеком, овладевающим высокой техникой коммунистического способа производства.

Горький, определяя значение сказки, пути её развития и её воспитательную роль, указывал, что сказка будит творческое воображение ребёнка, расширяя рамки

обыденного и нередко предугадывая будущее. Теоретические высказывания, так же как и творческая практика великого писателя, являются путеводной звездой и образцом для создателей нашей сказки. Вспомним «Девушку и Смерть» — непревзойдённую горьковскую сказку, получившую высокую оценку товарища Сталина.

Ценный вклад в советскую литературу внёс Павел Петрович Бажов. В своей «Малахитовой шкатулке» он доказал, насколько материальна связь между явью и сказочной выдумкой, находившая своё отражение ещё в старой народной сказке.

Все образы «Малахитовой шкатулки» выросли из уральского фольклора, основанного на действительности, которая была доступна обозрению горняка, беспрепятственно приковывала его внимание, неизменно воздействовала на его ум и воображение и постоянно отражалась в его устном творчестве. Связь эту легко проследить.

«Азовка» запирается «в гору», чтобы сторожить клады Великого Полоза. Находясь под землёй, она пугает тех людей, которые «в гору» ворвались, для того чтобы взять её богатства себе на потребу.

Стоит ли удивляться возникновению этого образа в сознании человека, который работает каелкой в глубине земли, ожидая каждую минуту смерти от таинственных сил горы? Порода только сверху кажется чем-то монолитным и вечным; изнутри же видно, как непрочна эта кажущаяся крепость. Темно, сыро... Иной раз каелка долбит камень, и кажется, век его не сколет, а за тонкой каменной перегородкой — пещера, разрыв породы, водный колодец, воздушная яма. Вонзилась каелка в перегородку — рухнула перегородка, и поехала в сторону порода, словно движимая живой рукой... А в темноте — какие-то шорохи, шёпот, какие-то звуки. То будто губами шевелит, то словно хихикает кто-то рядом, то, подывая, приговаривать начнёт, только не разберёшь, что...

Как же не появиться тут девке-Азовке?

Бажов заинтересован горняцким поверьем о Земляной Кошке, которая путешествует в недрах земли, только изредка выставляя на поверхность свои огненные уши. Писатель находит в основе опять-таки природное явление: «Сернистый огонёк появляется там, где выходит серный газ... огонёк

имеет широкое основание и потому напоминает ушко».

В одном из бажовских сказов старого камнереза спросили, как получается, что малахитовые изделия, выходящие из рук, «цветом разнятся» и «узором не сходятся». Мастер ответил: «Я из окошечка на ту вон полянку гляжу. Она мне цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью — по-своему, а всё красота. И конца-краю той красоте не видится».

Только чуткий писатель, твёрдо стоящий на почве народной жизни, мог создать произведение, подобное «Малахитовой шкатулке», этот образец взаимодействия литературы и народного творчества.

Однако значение книги Бажова не только в этом. В своих уральских сказах, в рамках жанра, он дал правдивое, исторически конкретное изображение действительности в её революционном развитии.

Сказы Бажова правдивы, потому что они отражают подлинную многотрадную жизнь трудового люда досоветского Урала. Основой его сказов является антибарское, антикрепостническое, антисамодержавное, стихийно-революционное устное творчество уральских горняков, насыщенное мотивами негодования против бар-заводчиков, против зверей-приказчиков и управителей, исполненное веры в светлое будущее. Сказы Бажова служат воспитанию грудящихся в духе социализма, возбуждают картинами и образами своими ненависть к угнетателям, любовь к народу-творцу.

А. М. Горький открыл «секрет» создания сказки. Он доказал ту истину, что народное творчество опиралось всегда на твёрдую почву реальности, а потому сказочные сюжеты надо искать в жизни и природе, окружающей сказителя. П. Бажов первым показал роль труда в развитии сказочного сюжета. Он отделил здоровую реальную основу сказки от религиозных напластований, увидев в каждом сказочном образе лишь проявление одушевляемой человеком природы. Это позволило Бажову нарисовать сильные образы Хозяйки Медной горы, девки-Синявки, Огневушки-поскакушки и другие.

Все чудесные сказы свои он изложил истинно народным языком, раскрыв настоящую красоту и осмысленность местных речений, оригинальность которых была созда-

на исключительностью условий труда уральских камнерезов.

С появлением «Малахитовой шкатулки» к сказке приложило свой труд немалое число литераторов. Однако надо сказать, что часть из них, лишь поверхностно усвоив метод Бажова, основное внимание перенесла на манеру, на речевое содержание «Малахитовой шкатулки».

Прямое подражание бажовским интонациям привело, например, Михаила Кочнева к утрате своеобразного, подсказанного бытом и творчеством ивановских ткачей, колорита в его первой книге «Серебряная пряжа». А разве быт, творчество, история ивановских ткачей менее своеобразны и красочны, чем быт и творчество мастеров уральских самоцветов?

Метод привалдежит всем. А манера есть свойство индивидуальности автора. Методом можно и нужно пользоваться. Пользоваться же чужой манерой — значит идти к творческому самоотрицанию.

Уральский фольклор является основой творчества Бажова, а вовсе не пересказывается им. Автор «Малахитовой шкатулки» пользуется уральскими сказками как материалом для создания своих произведений.

Хорошие сказки о жизни и повадках животных удалось создать писателю Виталию Бианки. Читая эти сказки, ребёнок дивится тому, как природа выработала инстинкты у зверей, рыб, птиц, как на протяжении веков живые существа находили свои способы применения к жизни.

Представители мира пернатых, животных и рыб — постоянные персонажи народной сказки. Народ наделил их речью, умом, доброй и злой волей, потому что создатель сказки видел в них таких же людей, как и он сам, только обладающих иной, чем у него, внешностью; поэтому звери и птицы, рыбы и деревья вели себя в сказках подобно людям.

Эта традиция, основанная на народном творчестве, очень живуча. Во многих сказках — как созданных писателями, так и народных — делались попытки объяснить, почему то или иное существо обладает той или иной формой. Однако это были большей частью анекдотические, юмористические объяснения, а иногда они шли от религиозных представлений. Считалось, что бог наделил животных различными признаками по своей прихоти или же они получили свои качества без вмешательства

божества — по случайности, по несчастью и т. п.

Писателя-материалиста, разумеется, не могут удовлетворить подобные объяснения тех или иных особенностей в складе «характера», в повадках, наконец, в «портрете» птиц, зверей и рыб. Он берётся за дело, чтобы объяснить своему любознательному читателю, как приспособлены пернатые, пресмыкающиеся, звери и рыбы к условиям своего существования, показать, какую работу проделала природа, создавая многообразные формы жизни на земле.

Многие живые существа обладают хвостами. Но форм хвостов столько же, сколько видов животных. Кажется, чего бы проще всем им дать одинаковые хвосты! Нередко дети спрашивают, почему у собаки хвост длинный, а у медведя короткий? Зачем вообще хвост? Виталий Бианки так и называет одну из своих сказок — «Хвосты».

«Прилетела Муха к Человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост? — говорит Человек.

— А затем мне хвост, — говорит Муха, — зачем он у всех зверей — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь», — отвечает Человек. Однако он позволяет Мухе полетать, посмотреть, у кого какой хвост и для чего он своему обладателю нужен. Если Мухе удастся найти такой хвост, который ни для чего не нужен, а существует только для красоты — пусть она забирает его себе. Муха обрадовалась и полетела. Понски её, однако, не привели ни к чему — бесполезных хвостов не оказалось.

Ребёнок, следя за сказкой, узнаёт, что у Слизняка хвост и брюхо служат для передвижения, так как он — брюхоног; у Рыбы хвост служит рулём; у Рака хвост вместо весла; Дятел пользуется своим хвостом для опоры при выискивании жучков и личинок в коре дерева; Корова отгоняет хвостом насекомых...

Прочитав ту или иную сказку Бианки, ребёнок начинает искать в окружающей жизни то, о чём он узнал от писателя-учёного, и радуется, когда по описанию научается различать полёт пернатых, узнавать по полёту, какие это птицы.

Сказки Виталия Бианки — примечатель-

ное явление в советской литературе, явление новаторское; они — свидетельство того, какой великолепной базой для жанра сказки служат явления подлинной жизни.

Среди познавательных сказок хочется отметить работы Н. Павловой. Писательница вводит ребёнка в чудесный мир ботаники, знакомит его с растительностью земного шара, с «привычками», особенностями развития и жизни растений. Такие книжки, как «Селагинелла — дитя пустыни» или «В живой комнатке», написаны легко и расширяют круг понятий и представлений ребёнка, не упрощая сложности явлений и процессов, происходящих в зелёном мире.

Писателям-сказочникам не следует бояться сложности понятий, фактов и событий, не следует просить скидок на жанр и пугаться серьёзного разговора с детьми.

Пример такого большого разговора, доступного пониманию детей, мы находим в сказках С. Маршака и С. Михалкова. Сошлёмся на известную сказку Маршака «Теремок». Переосмысление сюжета, бытовавшего сотни лет, с позиций нашего сегодня сообщило совершенно новый смысл старой сказке. Маршак рисует население теремка трудовым; теремок принадлежит по праву тем, кто построил его, кто работает в нём. Советский ребёнок с живейшим вниманием и сочувствием следит за тем, как труженики — мышка-норушка, лягушка-квакушка, петух и серый ёжик — героически отстаивают свой дом и свой покой, свою работу и жизнь от хищников, посягающих на чужое...

Очеловечивание явлений, одушевление предметов попрежнему является превосходной формой ознакомления ребят с материальной сутью, материальной основой любых явлений.

Безгласный букварь интересен для детей, но когда в сказке он получает способность говорить, совершать поступки — эта книга становится другом, учителем, первым путеводителем в мире познания, она становится ребёнку ещё ближе. Классный шум, одушевлённый сказочной традицией в Шумок, становится врагом учёбы, врагом с определённым характером и склонностями.

Чудо из чудес — умение читать, умение путём значков передавать мысли и понимать человека — ярко и доступно выражено в сказках Елены Ильиной.

В «Сказке про вчерашний день» Елена Ильина показывает, как дорог фактор времени в нашей стране.

Самые сложные понятия нужно и, главное, можно сообщить ребёнку в сказочной форме, не нагромождая ужасов и не запугивая его. Сумела же Е. Благинина в «Сказке о пяти сынах — молодых соколах» рассказать самым маленьким читателям о титанической борьбе советских людей против иноземных захватчиков-фашистов.

Советская литература имеет немало достижений в области сказки, содержащих новаторское, смелое разрешение темы. Но есть и серьёзные промахи. Советским литературоведам пора всерьёз заняться жанром сказки, определив сильные и слабые стороны его в наше время, установив законы его развития, чтобы поддержать то хорошее, что у нас есть, и бороться против того плохого, что нам мешает.

Как ни разнообразны творческие приёмы и индивидуальные особенности писателей, работающих в жанре сказки, как ни различен их творческий почерк и подход к теме, как ни трудно бывает разобраться в том, почему та или иная сказка запоминается и нравится, а другая не запоминается и не нравится, — недостатки работы в этом жанре представляются более или менее однотипными и могут быть обобщены.

Анализ многих сказок, вышедших за последнее десятилетие, показывает, что главным пороком их является старый враг советской литературы — формализм. Случаи прямого отрыва формы от содержания встречаются сравнительно редко, зато бытуют в жанре сказки другие, «скрытые» проявления формализма, когда автор некритически переносит систему традиционных сказочных образов старой сказки в советскую обстановку, что ведёт к искажению советской действительности; или когда автор вводит советского человека в традиционную сказочную обстановку (без переосмысления её с точки зрения советского человека), что ведёт к нарушению целостности образа нашего современника.

В сказке Корнея Чуковского «Одолеем Бармалея» наша своё выражение попытка решить современную тему «на

авось», использовать старый багаж понятий и представлений в их нетронутым виде.

Написанная в дни войны, эта сказка явилась непосредственным откликом писателя на событие, потрясшее всю нашу страну, поднявшее советский народ на свершенные небывалых подвигов. Авторская ссылка на то, что события, описанные в сказке, происходят в стране Айболитии, на которую подло напали звери из страны Свирепии, никого не обманывала. Жители Свирепии, выведенные К. Чуковским, воюют с помощью танков, самолётов, мощной артиллерии, расстреливают детей, несут горе и слёзы, затопляют кровью землю, по которой они ступают. Вполне очевидно, что автор черпал материал из сообщений о зверствах гитлеровских насильников. Однако Великая Отечественная война представлена автором в искажённом виде. Показав мощь Свирепии, он не сумел противопоставить этому могуществу никакой реальной силы в Айболитии, о которой говорил лишь со слезливой умиленностью, — вот почему сказка вызывает у читателя тяжёлое ощущение неверия в победу сил добра.

Старые приёмы, навязанные новому материалу, оказались порочными. То, что было весело и смешно в схватке Вани Васильчикова с Крокодилом Крокодиловичем, звучит уродливо, кажется кощунством, когда вымышленный персонаж — обитатель нарядной детской — оказывается героем реальной современной войны: сражается с танками, самолётами, с артиллерией врага.

Раз найденный приём, форма, пригодная для выражения забавной выдумки, употребляется в сказке безотносительно к характеру изображаемого; отсюда рождается неуместный плясовой мотив:

Вышел доктор на балкон,
Тихо в небо глянул он:
Да, над нами самолёт!
В самолёте — бегемот,
У того у бегемота
Скорострельный пулемёт.
Он летает над болотом,
Реет бредущим полётом
Чуть пониже тополей
И строчит из пулемёта
В перепуганных детей.

Айболит восклицает: «Кто же, кто же мне поможет? Кто пирата уничтожит? Кто взвьётся и собьёт этот чёрный самолёт?» «Я! — чирикнул воробей, прыгая среди вет-

вей: — или погибну я в бою, или я его собью!»

Мы знаем, как иногда писатель, угадывая то, чего хочет народ, подсказывает ему лозунг борьбы, даёт в иносказаниях тот образ, в котором народ черпает силы. 1905 год породил горьковскую «Песню о Буревестнике» — это яркое выражение революционных устремлений народа. Буревестник, бросающийся в громады туч, источающих молнии, выглядел гордо. Воробьи же, сражающиеся с самолётами, пчёлы, наступающие на танки, были карикатурой на Великую войну. Народ не принял, отверг эту сказку, появившуюся в результате формалистического подхода писателя к теме.

Сказка чрезвычайно чувствительна к порочной идее, к ложной системе образов, она реагирует на всякое насилие над своей природой. А попытки такого насилия есть у наших сказочников. Стоит указать хотя бы на творчество Евгения Шварца. Здесь речь будет идти не о таких превосходных вехах писателя, как киносценарий «Золушка» или пьеса-сказка «Снежная королева», а о его сказках, издаваемых Детгизом с 1945 года.

Внешне, с точки зрения жанра, всё обстоит благополучно: мы наблюдаем чудесные превращения, присутствуем при актах волшебства, видим борьбу добрых и злых сил, и первые, как водится, одерживают победу. Но это лишь формальное жанровое благополучие. Гораздо важнее другое: какое воздействие оказывают сказки на юного читателя, какие понятия и принципы прививают ему, какой след оставляют в сознании ребёнка? Без учёта этих признаков нельзя оценивать сказку.

При таком взгляде на существо сказок Евг. Шварца их видимое благополучие исчезает бесследно. В чём, например, положительная идея и воспитательный смысл сказки Евг. Шварца «Два брата»? Фактически это наскоро перелицованный сюжет андерсеновской сказки «Снежная королева», в который писатель не внёс ничего нового, кроме имён и географии, и где механически вместо старых подставлены персонажи советской действительности. Между чёрствым, себялюбивым героем сказки Андерсена и Старшим братом в сказке Евг. Шварца нет никакой разницы.

«Два брата» не новая, а очень-очень старая сказка, смысл которой противоречит нашим представлениям об этике, морали и правилах социалистического общежития. Сказка звучит фальшиво и воспринимается лишь как дань сказочной традиции.

Евг. Шварц справедливо полагает, что умение правильно использовать своё время — важное качество советского человека, строящего коммунизм. Мысль «Сказки о потерянном времени» в том, чтобы доказать ребёнку, как плохо тратить время без пользы. Человек, бесполезно расходующий своё время, состарится, не успев сделать ничего нужного для нашей страны и её людей, — хочет сказать автор. Но в факторе времени автор увидел только одну черту, пессимистическую: время старит человека, — не увидев другой, оптимистической и более близкой нам: творческой. И вот появились у Евг. Шварца злые волшебники, превращающие мальчиков и девочек, не умеющих ценить время, в стариков и старух. Образы волшебников — образы традиционные, и, казалось бы, нет ничего худого в том, что писатель к ним обратился. Но образы эти, перемещённые в новую обстановку, в обстановку советского города, и обладающие внешними признаками людей нашего времени, вступают в противоречие и с традицией и с жизнью. Маленькие читатели делают угнетающее открытие — в советском городе живут злые волшебники, угрожающие детям! Воспитательным приёмом автора оказывается страх и только страх! Надо ли говорить, что приём этот не более педагогичен, чем пресловутая угроза старой няньки: «Не плачь, не плачь! А то придёт сейчас бабай — он тебя в мешок посадит и унесёт!».

Материальность, вещность деталей, которыми оперирует автор, — а для Евг. Шварца характерна в его сказках протокольная конкретизация обстановки («утром двадцать восьмого декабря», «в шесть часов вечера», «четырнадцатая школа», «забтрак номер один», «третий класс», «трамвай, девятый номер» и т. д.), — утверждают невероятные события, происходящие в сказке, как подлинные факты. Этому способствуют и имена злых волшебников — Сергей Владимирович, Марфа Васильевна, Ольга Капитоновна — и рисуемая приёмами реа-

листического повествования обстановка, в которой они живут.

Мальчики с седыми бородами, катающиеся «на колбасе», девочки со сморщенными, как печёное яблоко, лицами, печально прыгающие через скакалочку в отдалённых аллеях парка, злодеи, похищающие детство, — грустную картину нарисовал Евг. Шварц! В ней нет очарования волшебства, зато есть злая, отталкивающая выдумка, возникшая из неверной мысли о том, что старость — это главный критерий времени в воспитании советского человека.

Стремясь показать могущество советской науки и техники, Евг. Шварц рисует в сказке «Рассеянный волшебник» образ инженера-волшебника Ивана Ивановича Сидорова, умеющего делать машины, «огромные, как дворцы, и маленькие, как чашки». Однако «великое умение» Ивана Ивановича направлено на пустыки. Верхом его достижений является механическая собачка — всего лишь занятная игрушка, а волшебный аппарат, с помощью которого он мог бы принести много пользы людям, называется испорченным. Спрашивается: к чему этому «волшебнику» наука, если он превращает её в забаву и сам не может справиться со своими изобретениями? Обесмысливание, оглупление поступков рассеянного инженера не утверждает, а дискредитирует мысль о могуществе советской науки, хотя ясно, что автор стремился к совсем другой цели.

Нарушение неразрывных связей сказки с жизнью, с правдой неизбежно влечёт за собой нарушение логики сказочного сюжета, лишает сказку действительности, из орудия воспитания превращает сказку только в средство развлечения.

Конечно, жизненная правда получает в сказке условное, соответствующее жанру выражение, — тем не менее только она является основой сказки. При отходе от жизненной правды неизбежно и нарушение смысла и образов сказки.

Автор сказки «Королевство кривых зеркал» Вит. Губарев руководствовался хорошей мыслью — показать, как велика разница между укладом жизни нашего человека и страшной капиталистической действительностью, зашифрованной автором в Королевство кривых зеркал. Автор хотел утвердить в своей сказке ту мысль, что советский человек должен быть кристально чистым, что лучшие качества его должны

быть воспитываемы с самого раннего детства, что даже в мелочах он должен быть честен, справедлив и всегда готов к действию во имя Родины.

Однако эта мысль в сказке затушёвана, она затерялась в занимательных переплетениях сюжета, не связанного или связанного лишь формально (через присутствие девочки в пионерском галстуке в сказочном королевстве) с нашим временем. Высокая мысль о том, что советский человек — это боец за коммунизм, сменилась мелким нравучением: надо помогать своей бабушке в домашней работе.

Автор потерял власть над материалом и пошёл у него на поводу. Стремясь показать капиталистическую действительность, он не нашёл сказочных средств выражения признаков современного капитализма, а воспроизвёл традиционную сказочную обстановку, знакомую нам по сказкам Перро, братьев Гримм, Андерсена. Он показал средневековые со всем его антуражем: королями, принцессами, подземными ходами, башней смерти и т. д., — и таким образом отдалил действие от наших дней.

Вит. Губарев переносит свою героиню в мир, резко отличный от нашей социалистической действительности. Страшное зрелище этого чужого мира заставляет Олю изжить свои недостатки. Ну, а если бы Оля не попала в Королевство кривых зеркал?

Думается, что в этой части замысел сказки ошибочен, направлен в обход главной задачи писателя. Думается, что Оля должна была изжить свои недостатки прежде всего потому, что они мешают пионерке Оле в её советской жизни! Однако автор отступил от жизненной правды в угоду литературной схеме, и хороший замысел утонул в потоке «чистого» вымысла.

Между названными сказками есть существенная разница. Было бы неверным не видеть разницы между сказкой Вит. Губарева, сквозь сказочную ткань которой всё-таки проступает живая явь, и сказками Евг. Шварца, где живая действительность принесена в жертву вымыслу.

И вместе с тем произведения, о которых идёт речь, обнаруживают одинаковое, чисто формальное (и даже формалистическое!) отношение авторов к тому материалу, которым они пользуются. Это ведёт к умозрительности сюжетов и, в конечном счёте, к отрыву произведений от жизни.

Сказка пользуется тем же материалом,

что и вся наша литература; она выполняет те же задачи (независимо от особенностей жанра!); она создаётся методом социалистического реализма. Формализм в сказке так же недопустим, как и в любом другом жанре, он является главной опасностью жанра, так как искусственно порывает его связи с жизнью, уничтожает сказку как орудие воспитания, уводит её в область умозрительного вымысла, делает аполитичной, бесполезной, если не вредной.

Ошибочна мысль, что в жанре сказки художник «свободен» от соблюдения жизненной правды; ошибочна мысль, что в сказке фантазия не связана с нею.

Не «лунных» и «небесных» людей выводил народ в своих сказках, а простых, земных, обеими ногами крепко стоящих на земле. Недаром самые трудные подвиги в народных сказках совершает рядовой человек из народа, младший сын своего батюшки, — тот, кого старшие братья и баре зовут дураком, но в котором природная смекалка и живость ума не забыты нуждою, кто не склонил спины под её гнётом.

Анализ сказок о природе показывает, что и этот, важный в познавательном отношении раздел жанра имеет свои характерные недочёты. Это та же подмена истины выдумкой и, как следствие, неверные, нематериалистические выводы, перенесение приёмов художественной прозы (повести, рассказа) или поэмы в сказку, аллегоризм и, наконец, до сих пор встречающиеся в сказках мистицизм и чертовщина.

«Сказки тайги и тундры» покойного иркутского писателя А. Ольхона дают значительный познавательный материал ребёнку, создают точное представление о внешности и поведении животных. Тут писатель находит верные и, можно сказать, любовные слова.

«— Бурундука знаете, ребята? Маленький, желтовато-серенький, на спине полоски. Хвост у бурундука длиннее туловища, будто кисточка мохнатая, тонюсенькая. Всегда этот хвостик шевелится... За щеками он добычу таскает, запасец на зиму готовит. Кедровый орешек, семечко из сосновой шишки, кусочек сухого гриба, обрывок вкусной травинки — всё пригодится полосатому бурундуку. Кладовых у него в тайге много. Под большой валежницей в ямке... В моховой кочке... Под хворостом

возле ручья... всех кладовых и не сыщешь».

Писатель умеет выразительно рассказать о приспособляемости животных, о средствах нападения и защиты зверька.

Однако когда речь заходит об объяснении тех или иных видовых особенностей зверька или птицы, писатель прибегает к шутливой выдумке и этим сбивает с толку маленького читателя. С той же подкупающей точностью и серьёзностью, с которыми он преподносил абсолютно достоверные сведения, писатель уверяет, что красное пятнышко на голове у Лесного Воробья и утолщённая кость грудины у Серой Мыши образовались во время драки; Филин не видит днём потому, что в глаза ему плонул обманутый им Чирок, и т. п. Не стоило бы говорить об этом, если бы у автора была хотя бы тень усмешки, позволяющая читателю понять, что такое объяснение не правда, а только шутка. Выдумка подана всерьёз, возведена в закон. Художник не мыслит как естественный испытатель, жизненную правду подменяет произвольным вымыслом и в итоге даёт ложное представление о формировании видов в природе.

Отступление от жизненной и исторической правды в сказках, имеющих познавательную задачу, дискредитирует этот вид литературы в глазах педагога, воспитателя, так как даёт ребёнку неправильное представление об окружающем реальном мире. Ложный вывод, неправильное заключение чрезвычайно опасны, ибо дети всегда принимают за чистую правду то, что вычитано в книге.

Чкаловский писатель Евг. Ефремов описывает путешествие от моря до истоков реки двух стерлядок, встречающих на своём пути Лягушку, Рака, Сома, Щуку, Пескаря, Судака. Автору надо было показать, какова цель ежегодных миграций рыб. Однако он подменяет закон природы платонической выдумкой: стерлядь поднимается в реки только затем, чтобы «полюбоваться озёрами». Как ни мал читатель, для которого пишет автор, он с недоумением спросит: неужели стерлядки подвергаются страшным опасностям из-за таких пустяков?

В «Сказке о Хорьке» автор, употребляя традиционный приём «очеловечивания» животного мира, иногда теряет чувство меры

и переводит действие сказки в план трагедии.

Описывая переживания хорька, потерпевшего поражение в драке с совой, автор прибегает к выражениям, более пригодным для передачи переживаний человека, а не животного. Несоответствие между смысловым содержанием и языком сказки так велико, что сказка перестаёт быть сказкой.

Перенесение приёмов художественной беллетристики в сказку — введение бытовых деталей, описательность, неумеренное увлечение портретом, пейзажем, характеристиками действующих лиц и даже введение публицистики (как делают в сказках отдельные авторы) — всё это влечёт за собой размывание тех плотин, которые отделяют сказку от рассказа. Тонкая поэтическая ткань сказки не выдерживает груза чуждых ей понятий, фразеологии, композиционных ходов и теряет свойственную ей прелесть.

Чтобы проверить правильность этого утверждения, достаточно прочитать сказки «Алёнушка» И. Иванова (Челябинск), «Не моё, не твоё, а наше» П. Маляревского (Иркутск), «Как Петя пришёл к Ильичу» Игн. Рождественского (Красноярск), «Девушка-семиделушка» и «Про дедушку-привередушку» Е. Хоринской (Свердловск).

П. Маляревский и особенно Е. Хоринская нашли интересные темы, пошли по правильному пути, но не сумели удержаться на той грани, которая отделяет один жанр от другого, и, по сути дела, превратили свои сказки в рассказ. Их не спасает наличие чисто сказочных персонажей, волшебные превращения в сюжете, потому что не только в этих признаках выражаются особенности жанра. Обстоятельность, несвойственная сказке, лишает сюжет прозрачности, отяжеляет его. Фон сказки слишком «приземлён», и он вступает в противоречие со сказочным сюжетом.

В упомянутой сказке П. Маляревского первые семь страниц занимает сцена раздела сыновей после смерти отца, очень близко напоминающая очерки Глеба Успенского о деревне. Лишь с десятой страницы, с появлением таинственного старика-прохожего, начинает входить в повествование элемент сказочности.

Насыщение сюжета множеством реалистических бытовых деталей в сказках Е. Хоринской придало вымыслу характер достоверности, а вместе с этим перевело

сказку в план бытовой комедии. Из сказки исчезла ироническая усмешка, присутствовавшая в народном сюжете, приписка назидательного начала совсем осерьёзила шуточный сюжет и обнажила мораль, которая должна была раскрываться в действии.

Конечно, сказка обычно включает в свой состав и бытовые детали, элементы реалистического показа, допускает диалог, описание. Но она никогда не развивает этих описаний, не даёт длинных диалогов, не развёртывает широких картин. Все эти элементы присутствуют в сказке условно, так как жанр не допускает многословия, распространённых предложений хотя бы потому, что сказка сказывается. Немногословие сказки — её сильная сторона, оно облегчает запоминание, увеличивает её действенность, активность.

При попытках дать стихотворное переложение известных народных сказок оригинал часто оказывается сильнее повторения. Думается, что надо создавать новые произведения в народной традиции, а не заниматься переложениями старых, хотя бы и в стихотворной форме. Этот путь более труден, но и более благодарен.

Для литературной критики сказка — самая неизведанная область литературы. А между тем отсутствие в советской критике хозяйского подхода к жанру сказки приводит к серьёзным осложнениям. Жанр замыкается в себе. Процессы, происходящие в жанре сказки, недоступны вниманию общественности. Неясны требования, предъявляемые к сказке. Крайне уклончивы, иной раз трудно уловимы критерии, которыми должны руководствоваться писатели, редакторы, «внутренние» рецензенты и издатели, работающие в этой области.

Часть редакторов и издателей, не понимая жанра и не имея никаких указаний со стороны критики, вообще воздерживается от издания сказок, боясь, «как бы чего не вышло» для них художого. Другая часть, гоже не понимая жанра и не трудясь постичь его законы, относится к делу либерально и выпускает всё или почти всё, что поступает в издательство.

Такие случаи довольно часты, и поток сырых, иногда просто халтурных, плохо написанных, неряшливо оформленных, безобразно отредактированных сказок довольно велик.

Вряд ли в наше время какой-либо беллетрист выпустил бы в свет рассказ о том, как советский человек обзавёлся батраком. Но когда писатель облачает подобный сюжет в сказочную форму, редактор немеет, издатель утрачивает чувство современности.

В 1949 году Краснодарское издательство выпустило в свет «Лесную сказку» И. Белякова. Суть сказки сводится к тому, что лесник «дед Гаврил», подняв зимой медведя из берлоги (которую автор почему-то дважды называет «оврагом»), дарует зверю жизнь, но превращает его в батрака и присваивает ему имя Никанор. Медведь выполняет все поручения деда, вплоть до торговли ягодами и грибами на железнодорожной станции в пользу оборотливого хозяина. Даровой работник вполне устраивает и внуков деда — пионеров Костю и Машу...

Значительным тиражом издана Детгизом книга Д. Мироновой «Сказки», хотя редактор — Е. Костромина — должен был сто раз подумать, прежде чем решиться поставить свою подпись под такой книгой. Автор счёл себя свободным от необходимости подчиняться законам, действующим во всех других жанрах литературы, — сюжетности, композиционной слаженности, ведущей мысли, которой подчинено действие сказки, наконец, логичности действия. Вся книжка в целом и каждая сказка в отдельности представляет собой хаотическое нагромождение распадающихся деталей. Язык книги груб, неясен: «за берёзкой мох распоролся...» («Лягушонок Шлёп»), «у бабки Лукеры беда по лавкам расселась... котище... ленью болеет», «добро-то не сидит в шерстке, оно по вольному свету бегаёт. И вот это добро ко мне в избу заглянуло и всё рассказало» («Коготок»)... «Сказки» Д. Мироновой приходится расценивать как явный литературный брак.

Заманчивыми для сказочного жанра представляются романтическая тема моря, трудное ремесло моряка или рыбака. Морская стихия подвергает человека тяжёлым испытаниям. «Кто в море не бывал, тот горя не видал!» — говорит народная мудрость. Но море также порождает в человеке смелость, отвагу, настойчивость, находчивость.

Вполне обосновано было бы появление сказок на эту тему в нашей литературе.

К сожалению, те сказки, которыми мы располагаем сегодня, никак нельзя признать удачными. Характерны, с этой точки зрения, «Морские легенды» Вас. Кучерявенко (Владивосток) и «Морские сказки» Николая Шагурина (Симферополь).

Странное сходство роднит эти книги, написанные на разных концах страны, — ложная красивость, ходульность образов, условность сюжета, полный отрыв от реальной действительности, претензия на «научность», вызывающая улыбку. Язык этих произведений засорён такими дешёвыми метафорами, как «пылающие глаза», «томный взор», «море, как фарфоровая ваза», «небо, подобное хрустальному куполу», «лазурная даль», «бирюзовые волны», «закат цвета розовых лепестков», бесильными, пустыми словами-побрякушками, отнимающими у моря всю его красоту. А «Морским сказкам» Н. Шагурина свойственно и непатриотическое преклонение перед всем иноземным. Здесь читатель встретит и капитана Трафальгара, и Смелого Джека, и Великого Осьминога — Владыку Морей, и Серебряного Моряка из Вельного Города, и Венецианского Учёного, и Великолепного Капитана Али-Гуссейна, и мореплвателя Фернадеса, и Восточного Купца. Меньше всего места в сборнике занимает образ русского моряка, хотя имена русских мореплвателей помнят во всех частях света, на всех широтах и долготах, и этими именами названы проливы, острова, бухты, пики от Атлантики до Тихого океана, от Северного и до Южного полюса.

Только об одном русском персонаже рассказывает автор, и рассказ этот звучит крайне пессимистически. Капитан, посланный царём Петром на Север, и все его спутники гибнут. К полюсу проник лишь хладный труп Капитана: «Он стал покрываться ледяной коркой... И тогда по ледяной пустыне пронёсся могучий грохот. Судно дрогнуло, льды расступились перед мёртвым, и течение понесло корабль прямо к полюсу. И он проник в самое сердце холода и ночи...». В этом торжественном плавании мертвеца к цели своего путешествия больше Райдера Хаггарда — известного мистика и апостола Неизбежного Рока, — чем советского писателя!

Автор замечает, что мысль об этих «сказках» пришла ему в голову тогда, когда он «сидел и бездумно глядел в голубую даль»,

вспоминая стихи некоего старинного английского поэта. Этим признанием автор очень точно определил генезис своего творчества — бездумность и слепое преклонение перед иноземными образцами.

Сказка по самой природе своей — создание гения народа, непокорённого боярами, панами, царями и богами, она — боевое оружие народа. Недаром богатому, жадному, злому, завистливому, нечестному, лгуну, помещику, баю, боярину, купцу, чиновнику, барину так достаётся в народной сказке.

Сказка и в наши дни должна остаться оружием народа, его оружием в борьбе за ликвидацию пережитков капитализма в сознании людей, средством борьбы за мир и прогресс, средством идейного воспитания.

Нам надо осмыслить существующие народные сказки с материалистической точки зрения, с точки зрения того, насколько правдиво и прогрессивно содержание сказки. В старых сказках надо объяснять все неясные места, беспощадно искоренять мистику, натурализм. Какой, например, эстетический эффект имеет распространённый в ряде эвенкских и ханте-мансийских сказок мотив физиологического уродства, мотив людоедства, пожирания детей, встречающийся в некоторых сказках, или мотив отцеубийства и матереубийства, патологической жестокости — в нанайских, долганских и многих других сказках?

Перед советской литературой стоит серьёзная задача всемерного улучшения языка сказочных произведений. Советские дети должны получить сказки, написанные языком доходчивым, простым, точным, красивым, народным в лучшем смысле этого слова.

Сборники народных сказок выходят у нас значительными тиражами. Но на страницы этих сборников до сих пор проникают сказки, проповедующие христианскую мораль, в них упоминаются ангелы, святая верба и т. п. («Украинские народные сказки». ГИХЛ, Москва, 1948. Составил Г. Петников). Неряшлив язык пересказа при обработке народной сказки. Многочисленные примеры этого даёт сборник А. Любарской (Детгиз, 1945), сборник «Сказки чаучу» (Учпедгиз, 1940), где попадаются такие выражения: «Ничего нет, только сказать тебе, пожалуй, я тебя в качестве самолёта упрострелю». В сказке «Рассказчики» чи-

таем: «От моих поисков на склоне горы даже травы не осталось». Надо думать, что это выражение звучит одинаково неверно и туманно на обоих языках — и на чукотском и на русском.

В сборнике нанайских сказок «Нанай нингмансални» (Москва, Учгедгиз, 1950) попадаются такие перлы: «Когда пудин снова прилетят, ты воткии палец в дырочку украшений на подоле халата младшей сестры и задержи её» («Лэтэркэн»). А ведь над этой книгой работал целый коллектив: записала и обработала сказки М. А. Каплан, редактировала А. П. Путинцева, в обработке принимали участие В. Ч. Бельды, А. И. Бельды, Н. Б. Қиле.

Публикация «академических» текстов, «дословных» записей текстов народных произведений или их «обработок» не избавляет издательства от необходимости давать переводы, находящиеся в соответствии с грамматическим строем русского языка. Некоторые ревнители «чистой записи» могут сказать, что это помешает первоизданной прелести и ценности записи. Однако никому ещё смещение грамматических норм языков разных народов в одном тексте не приносило пользы.

В связи с этим на писателя-составителя, пересказчика, обработчика народной сказки ложится труднейшая задача: привести язык сказки, былины в соответствие с современным литературным языком.

Во многих старых народных сказках сохранились пережитки родового строя, феодализма, пережитки капиталистического, собственнического мировоззрения, мелкобуржуазных представлений и идеологий.

Иной раз герой былины или сказки совершал действие, объяснению которого в устном произведении совершенно не отводилось места, так как всем слушателям эти мотивы были совершенно понятны, — они существовали в практике жизни слушателей. В связи с изменением уклада жизни, изменением мировоззрения исчезал ряд этих мотивов, как исчезал ряд понятий и представлений, сложившихся в прежние эпохи.

В старых сказках встречаются понятия, мотивы, ныне уже не опирающиеся на какую-либо реальную основу. Если нельзя отсечь их без ущерба для композиционной, смысловой нагрузки сказки, то следует восстановить их смысл, объяснить, мотивиро-

вать так, чтобы это было понятно современному читателю.

В сказках прошлого народ воплощал свои мечты о возможностях, которые были заложены в народе, но которым не давали развернуться исторически неизбежные препятствия: классовое общество, построенное на эксплуатации человека человеком, идеалистическое мировоззрение, прививавшееся народу религией, ограниченная возможность активного вмешательства человека в природу, обусловленная слабым развитием научных и технических знаний.

Богатство нашей советской жизни — залог богатства нашей литературы, в том числе и сказки. Формы проявления власти человека над природой в нашей стране и в странах, решительно порвавших с капитализмом и ставших на путь социалистического развития, необычайно многообразны.

Советские мичуринцы создали новые сорта злаков, каких не существовало прежде. Движение неумолимых губительных песков и суховея останавливают лесозащитные полосы. Озёра и моря возникают по воле советского человека там где от века росли леса или простирались степи.

Осуществляется то, что считалось невозможным: «Бросила гребешок частый — тут леса выросли... Голубую ленту свою бросила — река потекла». Совсем как в сказке!

Давно ли болога Колхиды были «божьим проклятьем» Кавказа, а ныне она приносит в дар стране мандарины, апельсины и лимоны. Давно ли при словах «Голодная степь» мрачнели лица людей, а ныне — Счастливой Степью называют её.

«Стоит мельница — мелет, а никого не видеть». Автоматические линии на заводах — это уже будни нашей промышленности.

Но чудеса техники, чудеса науки сами по себе ещё немного значат. Важно, кому они служат, важно, кто владеет ими! В руках капиталиста самая прогрессивная мысль, идея, изобретение обращаются против народа. В руках народа всякая прогрессивная мысль, идея, изобретение обращаются на благо страны, на благо человека.

Именно потому, что советский человек — хозяин своей жизни, своего будущего, труд его стал его радостью. А там, где труд — радость, там безграничны возможности человека, там осуществляются самые дерзко-

венные мечты, красивым отголоском которых является сказка, -- в ней нет ничего невозможного для Человека-Творца!

Связь с жизненной правдой должна быть главной животворной силой. Только на этой основе возможно правильное разрешение главных задач, стоящих перед советской сказкой: облечь факты советской действительности в сказочные образы, доступные пониманию ребёнка, ещё не постигающего языка цифр и фактов. Такие сказки у нас есть. В сказке Исакова «Былинка», например, через образы Былинки и Человека, противостоящие образу Суховея, автор показывает ребёнку значение великой борьбы советского народа за плодородие нашей земли, за изобилие в нашей стране (к сожалению, надо отметить, что, правильная по замыслу и направлению, эта сказка облечена в крайне неряшливую, невыразительную форму). Этой же теме посвящена красивая «Горная сказка» Г. Гулиа, повествующая о том, как грузинские пионеры победили Далана, своим леденящим дыханием губившего растения на склонах гор.

Через ряд подобных сказочных образов маленький советский человек получает представление о силе человека и значении труда, о правилах социалистического общества, о любви к Родине, приобретает веру в свои силы.

Действительность в сказках Бажова переплетается с волшебной небылью. Но каждому внимательному читателю видно, что идёт в сказке от живой действительности и в какой призрачной дымке находится так называемое волшебное.

Вводя элемент волшебного Бажов только усиливает восприятие всего того необы-

чайного, чем полна жизнь людей нового, социалистического общества и чем она отличается от жизни старого мира. Через образ Золотой Змейки и Серебряного Копытца мудрый сказочник раскрывает ребятам подлинную суть подлинных вещей, естественность и красоту здоровых человеческих отношений в нашей стране.

Надо показывать в сказке и страшные уродства капиталистического мира, показывать, какой угрозой простому человеку является капитализм, воспитывать ненависть ко всякого рода эксплуатации человека человеком, воспитывать в советском ребёнке борца за коммунизм.

Но, используя народную сказочную традицию для разрешения этих задач, надо органически, а не формально сочетать быль и небыль, правду и вымысел. Не лишне будет напомнить здесь, что для создания образа капиталиста, шедшего войной на нашу Родину, Арк. Гайдари в его сказке о Мальчише-Кибальчише не потребовалось живописать средневековые образы Буржуина Арк. Гайдара сказочен в лучшем смысле этого слова, однако всеми корнями этот образ связан с современностью, начиная с имени.

Забвение органической связи сказки с правдой жизни делает сказку кривым зеркалом, показывающим ребёнку мир, искажённый вымыслом писателя.

Органическое сочетание этих двух элементов в сказке, неразрывная связь сказки с жизнью позволяют сказке стать чистым и правильным зеркалом, во всей прелести своей и силе отражающим волшебный мир нашей жизни, в котором осуществляются самые смелые мечтания человека

Н. К. ГУДЗИЙ, В. А. ЖДАНОВ

★

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Издание классиков получило в нашей стране огромный размах. — произведения великих писателей выходят неслыханными раньше тиражами. Важнейшее значение массовых изданий, удовлетворяющих широкие круги читателей, придаёт особую роль вопросу об авторитетности текста выпускаемых книг. Окончательный текст произведений классиков призваны установить в первую очередь академические издания, с которых преимущественно и перепечатываются массовые. В тех случаях, когда то или иное произведение не появлялось ещё в академическом издании, редакторы сами решают вопрос об авторитетности того или иного текста.

В декабре 1918 года в докладной записке об издании русской художественной литературы А. М. Горький обратил особое внимание на задачи, стоящие перед академическими изданиями сочинений классиков. Эти издания «должны выпускаться в свет только после серьёзной академической работы над текстом автора по рукописям и должны лечь в основу изучения русской литературы», — писал Горький. Такой именно принцип положен в основу развернувшейся текстологической работы советских учёных.

Достижения в этой области бесспорны, но постепенно накопились тут и отрицательные явления; они беспокоили советскую общественность и, наконец, в последнее время привлекли к себе самое пристальное внимание. «Правда» указала в передовой статье, что «некоторыми издательствами снижена требовательность к качеству подготовки к печати и редактирования произведений русских и иностранных классиков художественной литературы», и призвала «тщательно и бережно подходить к публи-

куемым текстам»¹. В «Литературной газете» открылась была дискуссия по вопросам текстологии, но круг вопросов ограничился бесспорной проблемой освобождения классических произведений от цензурных искажений; многие же насущные вопросы, поставленные в первой статье газеты, не получили освещения.

По поводу ошибок, допускаемых в ряде изданий, следует заметить, что, кроме случаев, вызванных недобросовестностью или малой компетентностью редакторов, причиной ошибок надо считать также отсутствие обобщения богатого опыта академических изданий, отсутствие единой точки зрения.

Главная задача редактора-текстолога — установить подлинный авторский текст. На первый взгляд, это может представиться простым и ясным: самым авторитетным является прижизненное издание, в котором запечатлена якобы последняя воля писателя. Многолетний опыт советских текстологов показал, однако, что прижизненное издание отнюдь не является таким бесспорным, единственным источником, и механическая перепечатка его не решает проблемы подлинного текста. Правильного вывода можно добиться только путём тщательного анализа текста. Идя от прижизненного издания к рукописям (автографам и авторизованным копиям), с тем чтобы, по возможности, каждое слово классического творения было подтверждено автографическим написанием его или другой рукописью, заменяющей автограф (если имеются прямые тому доказательства). Лишь при таком анализе устанавливается действительно неискажённый текст. Возможность тщательной проверки полностью обеспечена именно в наше время, когда дело собирания, хра-

¹ «Правда» от 20 мая 1952 года.

нения, изучения и издания рукописного и печатного наследия классиков стало делом государственной важности. Рукописи писателей собраны в государственных хранилищах и всем доступны для изучения.

В прижизненные издания классиков сплошь и рядом проникали различные искажения, вследствие чего эти издания требуют тщательной проверки. Это в первую очередь искажения цензурные. Почти все классические произведения в большей или меньшей степени пострадали от царской цензуры. «Едва ли кто в настоящее время, — пишет, например, К. Чуковский, — даёт себе ясный отчёт, как резко отличается Некрасов, какого читали наши деды и отцы, от того, какой ныне читается нами...». Такая резкая разница произошла в результате большого количества дополнений и поправок, которые на основании тщательных изысканий «внесли в стихи Некрасова текстологи нашего времени».

Необходимость освобождения текста от цензурных искажений бесспорна. Так же бесспорна необходимость устранения автоцензурных изменений текста в тех случаях, когда факт автоцензуры доказан, как, например, в «Повести о капитане Копейкине», последнюю редакцию которой Гоголь создал для того, чтобы вытащить «Мёртвые души» из лап цензуры; или в случае с «Маскарадом» Лермонтова, вторая редакция которого сознательно испорчена автором в угоду требованиям цензуры. Можно напомнить также, что при печатании «Путешествия в Арзрум» Пушкин исключил эпизод своей встречи и беседы с опальным генералом А. П. Ермоловым, а из «Кавказского пленника» — стихи о свободе («Свобода! он одной тебя ещё искал в пустынном мире...» и т. д.). Автоцензура подвергаются иногда и те места, которые автор не хочет опубликовать по тактическим, личным, бытовым соображениям, не желая делать известными современникам отдельные факты, имена и т. п. Это можно встретить в «Евгении Онегине»; в эпилоге «Цыган» Пушкин не пропустил в печать важные для понимания смысла поэмы, но казавшиеся автору слишком интимными восемь стихов («За их ленивыми толпами в пустынях часто я бродил...»). Однако он сам вписал их от руки в экземпляр, подаренный им приятелю Вяземскому.

Нередко подлинный текст искажался современными писателю редакторами, и ав-

тор, не следя за этим, иногда поручая даже исправлять «ошибки», не возражал против такого редакторского вмешательства. Редакторы не только исправляли механические опечатки, но даже меняли слова, обороты, «улучшая» произведение. Так поступал Н. Я. Проктопович с Гоголем; известно, что Тургенев «исправлял» стихи Фета.

К редакторам, работавшим при жизни писателя над его произведениями, следует присоединить и тех его помощников, которые вмешивались в работу автора. Это главным образом те лица, которые готовили копию с автографа и в процессе переписки по своему усмотрению меняли текст, внося в него небольшие стилистические и грамматические исправления. Они сводились преимущественно к замене одних слов другими, казавшимися переписчику более удачными или привычными для данного контекста, а также к редактированию отдельных фраз. Например, жене Толстого, Софье Андреевне, не понравилось выражение «поступив в моряки», и она меняет его на «поступив во флот». Или её шокирует выражение «полные груди», и она переписывает — «полную грудь», хотя контекст (речь идёт о молодой крестьянской женщине, легко навивающей копну) требует толстовского оборота: «Она... всовывала вилы, потом упругим и быстрым движением налегала на них... выпрямлялась и, выставляя полные груди из-под белой занавески... вскидывала навилу высоко на воз». В «Крейцеровой сонате» С. А. Толстая слова «на придворном бале» заменяет словами «на уточнённом бале», «публичные дома» — на «известные дома». Но иногда такое вмешательство меняло смысл той или иной фразы. Так, слова, в которых идёт речь о чувственности: «надо, чтоб супруги воспитали в себе этот порок», заменены С. А. Толстой словами: «надо, чтоб супруг воспитал в жене этот порок».

У искажений такого рода общее с предыдущими заключается в том, что они явились результатом сознательного вмешательства постороннего лица в работу автора. В то же время здесь есть и резкое отличие. Редакторы и цензоры прикладывали руку к законченному произведению, и потому легко отделить подлинный текст от искажённого. Над копией, в которой по воле переписчика появились изменения, продолжал работать автор, который, не обратив внимания на внесённые изменения, как

будто принимал их. Если вопрос о необходимости освобождения произведений писателя от цензурного и произвольного редакторского вмешательства не вызывает сомнений, то проблема очищения текста от другого рода ошибок, вкрапившихся благодаря произволу переписчиков в произведение в процессе создания его, не для всех ясна.

Многочисленны и бессознательные ошибки переписчиков, возникавшие из-за неправильного прочтения ими почерка писателя или по невнимательности. Как ни случайно происхождение таких ошибок, здесь можно установить известную закономерность. Переписчик не копирует букву за буквой текст подлинника, а запоминает глазами целую фразу или значительную часть её. Он не всегда правильно разбирает подлинник, а, кроме того, переписывая, не замечает, что одни слова он переставляет, другие пропускает или по инерции употребляет привычные выражения, изменяет авторские, добавляет новые. Например, копируя слово «покорный», рука сама добавляет: «судьбе», хотя по контексту «судьба» не нужна; к слову «меню» прибавится: «обеда», или в выражении «сильных мира» появится добавление: «сего», и т. п. Большие по объёму пропуски падают на те случаи, когда начало или конец фразы или даже целых абзацев совпадают. В таких случаях глаз переписчика перескакивает на следующие совпадающие строки, и таким образом выпадает тематически важный текст. Наравне с переписчиками подобные ошибки допускают наборщики и корректора. Ошибки переходят из одной рукописи в другую, из корректуры в корректуру и, незамеченные автором, проникают в прижизненное авторизованное издание.

Многих неопытных в текстологии лиц удивляет формулировка: «незамеченные автором ошибки». Именно так! Причём автор часто не замечает даже таких ошибок, которые доводят его текст до абсурда. Любопытно свидетельство А. М. Скабичевского о печатании в шестидесятых годах его статьи к портрету Некрасова. Он, как поклонник Некрасова, написал хвалебную статью, но, к его ужасу, на протяжении всей статьи вместо слова «элегий» оказалось напечатанным слово «ахиней», и никто, в том числе и сам автор, не заметил в процессе печатания этой ошибки, придавшей статье вместо хвалебного не-

позволительно ругательный тон. В другой раз в его же статье выражение «самодурные роли Бурдина» превратилось в печати в «самая дурная рожа г. Бурдина».

Необходимость освобождения произведений от ошибок переписчиков и ошибок типографских, а также от сознательных изменений лицами, берушими на себя функции редактора, вызывает кое у кого тревогу. Как можно, говорят они, нарушать последнюю волю автора? Она ясно выражена в прижизненном издании. Допустим, что переписчик или наборщик сделал какие-то отступления от авторского текста, но автор, просматривая копию или корректуру, не исправил этих отступлений, следовательно, он принял их. Исправлять можно, в крайнем случае, лишь явную бессмыслицу, утверждают защитники непогрешимости прижизненного издания, а пропуски, перестановки слов и другие погрешности, не приведшие текста к бессмыслице, надо, по их мнению, оставлять, чтобы не нарушить «воли автора».

Такая позиция — шаткая, несмотря на кажущуюся бесспорность её. Ведь если автор не замечает ошибок, превративших текст в бессмыслицу, то тем легче может пройти незамеченной ошибка, не создающая такой бессмыслицы и не искажающая фразы. А этот довод почему-то не учитывается, и защитники прижизненного издания как непогрешимого документа допускают исправления ошибок, нарушивших здравый смысл, но пропущенных автором, а все другие они готовы погасить якобы авторской волей.

Писатель — не корректор, он не вычитывает свой текст букву за буквой. Он знает свой текст, написанное неверно он читает так, как сам написал. И чем больше писатель поглощён творческой работой, тем меньше он видит то, что обнаружил бы любой корректор. Н. Я. Прокопович свидетельствует, что в рукописях Гоголя «чего не разобрал и пропустил переписчик», так автор «и оставил». Лев Толстой неоднократно признавался, что в процессе работы он настолько сливается с произведением, что не замечает ошибок в копии. Посылая Каткову рукопись «Казак», он писал ему: «Орфографических ошибок переписчика — бездна. Вы поручите корректору обратить на это внимание... Мне всё так знакомо, что я сам не замечаю». Спустя

десять лет, когда печаталась «Азбука», Толстой просил Н. Н. Страхова, ведшего корректуру книги, отметить опечатки и в связи с этим писал: «Я, к несчастью, не могу вам помочь. Я так знаю наизусть, что не могу видеть». По поводу неудачного перевода одной из его статей на французский язык Толстой писал: «Перевод я просмотрел тогда ещё, когда только что получил его, и, хотя во многих местах видел неясности, неловкости, не французские обороты, не обратил на это внимания, так как содержание было слишком свежо мне». И действительно, в произведения Толстого, как и в произведения других писателей, проникло множество ошибок, иногда доводящих текст до абсурда, а автор не замечал их.

Приведём несколько примеров, показывающих, что ошибки переписчиков или типографские часто остаются незамеченными писателем.

В «Путешествии в Арзрум», которое печаталось в журнале Пушкина под его личным наблюдением, грузинское название города Тбилиси напечатано: «Тбимикалар» и так перепечатывалось почти сто лет. Только советский текстолог установил, что в автографе Пушкина написано правильно: «Тбилис-калар». В «Станционном смотрителе», тоже в прижизненном издании, осталось неисправленным неверно прочтённое имя зрителя Симеон Вырин вместо Самсон Вырин, хотя дочь его тут же названа Авдотьей Самсоновной.

В «Мёртвых душах» Ноздрёв, рассказывая Чичикову об игре в фортунку, говорит: «В фортунку крутнул: выиграл... потом опять поставил один раз и прокутил, канальство». Так напечатано в прижизненном издании и так перепечатывалось свыше ста лет. Только при анализе рукописей выяснилось, что у Гоголя сказано: «В фср-тунку крутнул... и прокрутил...» (ведь в данном случае речь идёт о фортунке, а не о кутеже).

Там же, в главе VIII, которая начинается с обсуждения чиновниками вопроса, «выгодно ли покупать на вывод крестьян», сказано: «...многие, побуждаемые участием, сообщали даже Чичикову лично некоторые из сих советов...». Так в подлиннике. Во всех же изданиях, начиная с первого прижизненного, в этой фразе печаталось «многие, побеждаемые участием, ...сообщили...». Слово «побеждаемые»

здесь абсолютно неуместно; кроме того, весь контекст безусловно требует многократного вида: «сообщали». Две буквенные ошибки переписчика внесли в эту фразу и смысловую и грамматическую неточность.

Легенда Л. Н. Толстого «Большая медведица» печаталась при жизни Толстого с пометкой «Ковис» или «по Ковису». Издатели считали, что так прочитанное ими в рукописи слово — это фамилия автора, произведение которого Толстой переработал. Обращение к рукописи раскрыло теперь ошибку. В автографе читаем заглавие «Большая медведица» и подзаголовок «Ковш», который во время печатания превратился в «Ковис», и никто, в первую очередь сам автор, не заметил странного преобразования народного названия созвездия Большой медведицы в фамилию несуществующего автора. В рассказе Толстого «Божеское и человеческое» возбуждённому революционеру дают в тюрьме для успокоения «ром и морфин». Так напечатано. Анализ рукописей дал возможность отменить это необычное причисление рома к успокаивающим лекарствам и восстановить авторский текст: в рукописи — «бром и морфин». И легенда и рассказ появились с такими искажениями в двух прижизненных изданиях настольной книги Толстого «Круг чтения», которую он часто перечитывал, не замечая абсурда. В «Воине и мире» во всех прижизненных изданиях, начиная с «Русского вестника» 1865 года, повторялась явная опечатка. Вместо: «— Да, радуйтесь теперь,— сказала она,— вы этого ждали» печаталось: «Да, дуйтесь теперь...». И только в посмертном собрании сочинений 1911 года эта ошибка была исправлена. А ведь известно, что Толстой сам правил корректуры «Русского вестника», затем в конце 1867 года перерабатывал журнальный текст для отдельного издания, сам правил корректуры этого издания и, наконец, в 1873 году сам готовил текст для нового издания. И ни разу он не заметил этой бессмыслицы.

Во «Власти тьмы» искажены некоторые народные выражения, засвидетельствованные автографами. Так, вместо «накошлял (т. е. навалил) на шею себе» напечатано бессмысленное «накашлял на шею себе»; вместо «ведмедя» — «медведя», хотя Толстой, написав сначала «медведя», сам исправил это слово на «вегмедя»; вместо «за-

путляки» — «запутали»; вместо «Вишь, напился как!» — «Вишь, напился как!»; вместо «прокладную жизнь» — «прохладную жизнь»; вместо «ответ произвезть» — «ответ произнести».

В «Воскресении» вместо автографических написаний «самодвольной жизни» напечатано было «самвольной жизни»; вместо «А я таки думала, что оправят» (т.е. оправдают) — противоположное по смыслу — «А я так и думала, что оправят»; вместо «поставили рядами стулья» — «поставили рядом стулья».

Эти, как и многие другие, текстологические ошибки исправлены в томах юбилейного издания, содержащих «Власть тьмы» и «Воскресение».

Обнаружение таких ошибок заставило насторожиться и показало необходимость выверки текстов прижизненных изданий по всем рукописям.

В вопросе установления окончательного текста возможны два основных решения:

1. Прижизненное издание или последняя сохранившаяся рукопись (если произведение при жизни автора не было напечатано) принимается за окончательный, неприкосновенный текст. Все ошибки, допущенные копиями и другими причастными к работе автора лицами, считаются сознательно принятыми писателем и исправлению не подлежат. В лучшем случае на них можно обратить внимание в каких-то комментариях. Исправляются лишь типографские опечатки, и, конечно, устраняются цензурные искажения.

2. За основу принимается прижизненное издание или последняя рукопись (если произведение при жизни автора не было напечатано) с обязательной проверкой текста по всем рукописям, с тем чтобы, по возможности, довести проверку до автографического написания каждого слова. Обнаруженные ошибки всякого рода исправляются, и таким образом восстанавливается подлинный текст, освобождённый от «соавторства» случайных лиц.

При втором, единственно правильном решении вопроса безусловно должна быть проявлена максимальная осторожность, исключая порочную попытку погони за новшеством, за сенсацией, за введением в окончательный текст неопубликованных вариантов из ранних редакций. По этому поводу уместно вспомнить попытку С. А. Толстой использовать в её издании собра-

ния сочинений Толстого 1911 года рукописи писателя якобы для улучшения текста «Детства». Найдя в рукописях этой повести черновик письма Л. Н. Толстого к его брату, в котором Толстой возмущался искажениями издателей и цензуры, Софья Андреевна, как она пишет в предисловии, решила прочесть все рукописи и по ним «восстановить» «Детство». Так же она поступила с «Набегом», допустив в том и другом случае грубейшую ошибку, создав новый, «сводный» текст по нескольким рукописям. В 1912 году другой издатель, П. И. Бирюков, хотел было внести интересные варианты в «Войну и мир», но, к счастью, невозможность «вставить в текст выпущенные места.., не нарушая общую художественную конструкцию», как он разъяснил в примечаниях, спасла издание от такой ошибки. Такого же рода текстологические операции получали широкое применение и в практике досоветских изданий сочинений Пушкина.

Это примеры из далёкого прошлого. Советская текстология с самого начала отмежевывалась от дилетантского отношения к рукописям и твёрдо стоит на позициях научного принципа — не комбинировать, а реставрировать подлинный текст литературного памятника. Надо подчеркнуть, что освобождение текста от постороннего вмешательства не имеет ничего общего с произвольным изменением его по черновым рукописям и комбинированием различных редакций. Самым большим пороком являются добавления в окончательный текст отброшенных вариантов, замена последнего авторского слова устаревшими, преодоленными творческой мыслью текстами. Эти пороки являются следствием неопытности или недобросовестности редакторов, или же результатом своего рода фетишизации автографа, заставляющей пренебрегать последней авторской волей. Такая совершенно неоправданная фетишизация автографов была допущена между прочим в издании стихотворений Тютчева под редакцией Г. И. Чулкова (издание «Academia»), который, огульно не доверяя первопечатным текстам, в основу издания, как правило, положил сохранившиеся автографы тютчевских стихотворений, отразившие более раннюю стадию работы поэта над своими стихами по сравнению с первопечатными текстами, большинство автографов которых до нас не дошло.

Порочные издания классиков появляются даже теперь, и они наносят серьёзный ущерб одному из выдающихся достижений нашей филологической науки — советской текстологии. Они как бы набрасывают тень на научный метод использования черновых рукописей при установлении подлинного текста, вводят в заблуждение наших критиков, которые стали смеивать редакторское извращение с очищением классических творений от случайных прижизненных искажений.

Но порочная текстологическая практика настолько случайна, что она не даёт повода пересматривать проверенный академическими изданиями принцип и метод текстологии. Она лишь подчёркивает назревшую необходимость обобщить опыт, учесть ошибки, чтобы наконец практику текстологии довести до уровня научной дисциплины.

В вопросе о случайных ошибках переписчиков совершенно необходимо отчётливо решить, при каких условиях можно и необходимо их исправлять. Исправления в прижизненные издания можно вносить лишь в тех случаях, когда имеется непосредственный переход из одной рукописи в другую, когда видно, как и когда именно ошибся переписчик, то есть когда можно абсолютно бесспорно доказать факт ошибки переписчика. Если же между двумя сохранившимися рукописями была какая-то промежуточная, до нас не дошедшая, исправления (кроме явных описок) вносить нельзя, так как разночтения, возможно, явились результатом авторской правки в утраченной рукописи. Точно так же, если между последней рукописью и прижизненным изданием имеются разночтения, а корректура отсутствует, исправления по рукописи недопустимы, так как возможно, что текст изменён был автором в несохранившейся корректуре. Только бесспорно документально доказуемые ошибки переписчика исправляются.

Этот метод особенно прочно утвердился в советской текстологии. Он применён — правда, не всегда с одинаковой строгостью — в вышедших томах академических изданий сочинений Пушкина, Гоголя, Успенского, Некрасова, Льва Толстого, Горького, Шевченко. Он осуществляется и в академических изданиях музыкальных произведений Чайковского и Римского-Корсакова. Этот метод единственно правильный, потому что во главу угла ставит строго

проверенные по рукописям прижизненное издание.

Выдвигается ещё такая точка зрения: обнаружив ошибку переписчика, надо решить, стал ли текст в результате ошибки лучше или хуже, надо, мол, проявлять «художественное чутьё». Такой путь чрезвычайно опасен и по существу порочен; он даёт большой простор субъективным оценкам. Всякий редактор может по-своему оценивать каждый казус, и тогда проблема окончательного текста никогда не будет решена.

Текстологи обязаны дать читателю подлинный текст классического произведения, освободив его от всех посторонних наслоений, независимо от того, ухудшила или улучшила его (с чьей-то точки зрения) бессознательная ошибка переписчика или сознательное приглаживание редактором, если работа такого редактора не согласована с автором. Нельзя оставить за переписчиком или редактором привилегию «улучшать» гениальные творения.

Надо твёрдо уяснить, что проверка текста от прижизненного издания до автографического написания каждого слова, каждой фразы отнюдь не приводит, как это может показаться на первый взгляд, к возвращению текста к его первоначальной редакции. Повторяем, возвращение текста к ранней редакции или введению в законченный текст отрывков, фраз или слов, вычеркнутых автором, или, наконец, создание комбинированной редакции — всё это не только самые грубые ошибки, но порочные явления в текстологической практике. Они никогда не могут иметь места при методологически правильной сверке окончательного текста с первоисточниками, — они возникают в итоге каких-то произвольных, документально недоказуемых размышлений или простой неграмотности редактора. Сверка же окончательного текста с рукописями — это лишь тот необходимый процесс, который даёт возможность чётко отделить собственно авторские исправления от проникших в него ошибок и искажений, очистить текст великих писателей от «создательства» их случайных помощников. При установлении подлинного авторского текста не может быть важных и неважных ошибок; каждое слово, каждый оборот великого писателя важны. И редактор, обнаружив ошибку, должен рассматривать её не с точки зрения того,

улучшила она или ухудшила текст, или совсем по существу не изменила его (с чьей, собственно, точки зрения?), а должен анализировать с одной только стороны: действительно ли здесь произошла ошибка переписчика, не по воле ли автора произошло разночтение между рукописями. Вот главный и, пожалуй, единственный вопрос. Если документы позволяют с точностью доказать, что в данном случае налицо бесспорная ошибка или вмешательство постороннего лица, текстолог не только может, но должен исправить такую ошибку. Мы вправе принимать лишь такие несогласованные с автором поправки посторонних лиц, которые вынуждаются явными типографскими печатками, не поддающимися проверке по автографам за отсутствием их, или авторскими описками, или пропуском автором — по рассеянности — того или иного слова, необходимость которого самоочевидна. Так, мы принимаем несколько самостоятельных поправок Н. Н. Страхова, читавшего по поручению Толстого корректуру отдельного издания «Анны Карениной». Страхов исправил явно ошибочно написанные Толстым или грамматически неправильно согласованные или неправильно усечённые фразы. Такого рода поправки однородны с редакторскими конъектурами, к которым приходится прибегать при отсутствии автографов или авторизованных копий. Так, в «Юности» Толстого вполне оправданы такие, например, конъектуры: «притворно учтивы» вместо печатного «приторно учтивы»; «огни из гостиной перейдут в верхние комнаты» вместо «огни в гостиной...»; «заволокло» вместо «заволокало». В «Казаках» не вызывают сомнений конъектуры: «на маленьких кистях рук» вместо «на маленьких костях рук»; «подбавившая лошадь» вместо «подбавившая лошадь»; «был бессмыслицей в их глазах» вместо «был бессмыслицей на их глазах». Печатающая изъятые Пушкиным из окончательного текста «Домика в Коломне» строфы, в том месте, где идёт речь об александрийском стихе, издатели напечатали: «У нас его недавно стали знать». Ф. Е. Корш справедливо усомнился в том, что об александрийском стихе, прочно вошедшем в наш стихотворный обиход ещё в XVIII веке, можно было сказать в 30-е годы XIX века, что его у нас недавно стали знать, и предложил вместо «знать» чтение «гнать». Об-

ращение к пушкинской рукописи подтвердило догадку Корша.

Касаясь ошибок переписчика, нельзя обойти вопрос о посмертных изданиях. Выбирая последний авторизованный документ, чаще всего последнюю рукопись, редактор не может пренебрегать предыдущим материалом и должен провести обычный текстологический анализ. Без этого можно впасть в серьёзную ошибку. Опять пример из Толстого. При первой публикации сделанной Толстым обработки легенды о гордом царе Аггее редактор располагал двумя рукописями: автографом и его копией, исправленной Толстым. Редактор, считая, очевидно, что авторизованная копия является единственным авторитетным документом, в котором отразилась последняя воля писателя, опубликовал эту копию без сверки с автографом. Точно воспроизводя рукопись, он напечатал такую странную фразу: «...не выгорела твоя штука. Штука спутана богом». Последующая сверка с автографом показала, что переписчик допустил грубую ошибку, доведя мысль Толстого до нелепости, а Толстой, исправляя копию, не заметил искажения. В его автографе другая, естественная в контексте фраза: «...не выгорела твоя штука, ступай с богом». Так и напечатано в юбилейном издании.

Опыт показал, что чем больше автор правил свою рукопись и чем большее количество раз рукопись переписывалась, тем больше ошибок насланивалось на текст. А ведь бывают случаи, когда ошибочное прочтение почерка вводит в словарь писателя слова не только не свойственные данному писателю, но и просто не существующие. В большинстве случаев это происходит потому, что переписчик не разобрал рукопись не столько по нерадению, сколько просто по неопытности. Даже опытные редакторы не всегда справлялись с расшифровкой почерка писателя. Показателен случай с записной книжкой Гоголя, которую опубликовал Н. С. Тихонравов, известный учёный, редактор известного десятого издания сочинений Гоголя. В этой публикации, сделанной в 1892 году в журнале и затем повторённой в десятом издании, читаем в том месте, где говорится о водяной мельнице: «Каждое колесо утверждено на валу, каждый вал движется на шмах, каждый шмах лежит на подшмачнике». К слову «шмах» дано примечание:

«Этого слова у Даля нет; но по прилагательному: «шмачный» следует здесь предположить ошибку вместо «шмак», что в Олонецкой губернии означает воронку с жёлобом для отливки оружий».

Таким образом в словарь Гоголя введены два непонятных слова. Примечание редактора ещё более затемнило их. Запись Гоголя, сделанная карандашом, сильно стёршаяся от времени, с трудом читается. Только при публикации в академическом издании удалось, и то лишь при правке последней корректуры, прочесть эти оказавшиеся простыми слова: «...каждый вал движется на ш и п а х, каждый ш и п лежит на под ш и п н и к е». Это наиболее разительная, но далеко не единственная ошибка в публикации записной книжки Гоголя, которую наряду с другими удалось исправить только в академическом издании.

Есть ещё особая категория погрешностей копиистов, которые можно определить как ошибки, заставлявшие самого автора менять свой текст. Переписчик, не разобрав того или иного слова или фразы в автографе, оставляет пустое место, которое бросается в глаза автору при правке копии, и он заполняет его. Здесь сознательное вмешательство самого писателя бесспорно, хотя бывает случаем, когда новый вариант слабее предыдущего. Например, в рукописи «Войны и мира», в сцене ссоры с Элен, Толстой пишет о Пьере: «Порода отца сказала в нём. Пьер почувствовал увлечение и наслаждение бешенства». Не разобрав слова «наслаждение», переписчица оставила пустое место, а Толстой вписал более слабое определение: «прелесть», и в окончательный текст вошёл новый вариант: «...увлечение и прелесть бешенства», а первое сильное слово, появившееся в порыве творческого напряжения, исчезло. Однако в подобных случаях нельзя поддаваться соблазну возвращения к первому, быть может, лучшему варианту; путь этот уязвим, так как тут неизбежен субъективный выбор, что в текстологической работе чрезвычайно опасно, ибо факт подменяется гипотезой. Поэтому в подобных случаях необходимо сохранять действительно последнюю волю автора.

Различные текстологические вопросы с предельной остротой выдвигаются при установлении окончательного текста сочинений Л. Н. Толстого. Критическая проверка всего рукописного наследия его осо-

бенно трудна и сложна. Равного по объёму рукописного и корректурного фонда нет ни у одного писателя. Если напомнить, что рукописи «Войны и мира» составляют 4700 листов, исписанных с двух сторон, «Анны Карениной» — 2200 листов, «Воскресения» — около 7500 листов, то станет ясно, какая огромная текстологическая работа должна быть проведена для последовательной сверки всех рукописей. И надо к тому же помнить, сколько раз рукописи перебелились, исправлялись. Вряд ли встречаются ещё у других писателей такие случаи, когда рукопись одного произведения была бы переписана десятью и более переписчиками.

Вследствие трудности почерка Толстого переписчики, даже хорошо знавшие его руку, как, например, жена его, нередко извращали толстовские написания. Сам автор, правя копию, в ряде случаев, как уже сказано, не замечал этих ошибок и невольно «санкционировал» то, что в его тексте извращалось. Работа редакторов юбилейного издания сочинений Толстого над его рукописями со всей очевидностью подтверждает наличие и в прижизненных изданиях ошибок и пропусков, не замеченных автором.

В юбилейном издании для ряда произведений последовательная сверка текста по рукописям выполнена, и ошибки переписчиков устранены («Декабристы», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Так что же нам делать?», «Крейцера соната», «Воскресение», «Хаджи-Мурат» и многие другие). Однако необычайный объём рукописного фонда Толстого, необходимость предварительного очень сложного разбора рукописей, которые, кстати сказать, до недавнего времени находились в разных архивохранилищах, лишали редакцию юбилейного издания возможности провести исчерпывающую текстологическую работу по всем произведениям Толстого и вынуждали ограничиться в большинстве случаев сверкой лишь сомнительных мест (и то далеко не всех), что неизбежно приводило к сохранению в текстах Толстого ошибок переписчиков.

В «Анне Карениной», например, есть выражение: «подмигивая головой», вместо подлинного текста: «подмигивая, показывал головой». В сцене скачек читаем: «Потные, измученные скакавшие лошади, провожаемые конюхами, уводились домой». Ясно, что разгорячённых лошадей!

после скачек не провожают, а проваживают, как и написал Толстой: «...лошадь, проваживаемые...». Во время разговора Анны с Долли о Вронском «Анна покраснела... до вьющихся чёрных косиц на шее». Так напечатано. Но о каких вьющихся косицах на шее у женщины может быть речь? В автографе ясно: «Анна покраснела до вьющихся чёрных колец волос на шее». Под пером переписчика «кольца волос» превратились в «косицы». Помимо того, что выражение «косицы на шее» лишено смысла, оно противоречит описанию внешности Анны в другом месте романа, где Толстой писал, что в её «незаметной» причёске «заметны были только, украшая её, эти своеобразные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках». Слитно написанные Толстым два слова: «дело моё» прочитаны переписчиком как одно, и в печатный текст вошло навязанное переписчиком слово в речи Вронского: «делаемое не умрёт со мною».

В «Войне и мире», при описании посещения Николаем Ростовым лазарета, он, выйдя на середину комнаты, «заглянул в соседние двери комнат с растворёнными дверями», тогда как Толстой написал: «заглянул в соседние две комнаты с растворёнными дверями». При описании наступавших родов маленькой княгини читаем о княжне Марье, сидевшей в своей комнате с закрытой дверью: «...княжна из своей комнаты услышала, что несут что-то тяжёлое. Она взглянула — официанты несли для чего-то в спальню кожаный диван». Как же княжна Марья могла через закрытую дверь взглянуть на то, что происходило вне её комнаты? Толстой и не виновен в этом обороте. Он написал: «Она высунулась...». С. А. Толстая, переписывая автограф, заменила этот глагол другим: «выглянула», на что автор не обратил внимания, а следующий переписчик, копируя исправленную копию, написал ошибочно: «Она взглянула...», и так дошло до окончательного текста. Вместо меткого определения ротмистра Кирстена в фразе: «...урра! — крикнул он своим молодецким старогусарским баритоном» читаем созданное переписчиком: «...урра! — крикнул он своим молодецким, старческим гусарским баритоном».

Выше сказано, что переписчики извращали текст не только вследствие неправильного прочтения, но сознательно «исправляя» его. Добавим иллюстрации. В «Войне и мире» в фразе: «Тихон, клюя носом, слышал, как он (старый князь) сердито шагал...» С. А. Толстая изменила, видимо, показавшийся ей нелитературным оборот и внесла свой: вместо «клюя носом» она написала «сквозь сон». Так и печатается.

Может возникнуть мысль, не давал ли автор переписчику устные указания для внесения тех или иных поправок. Такое предположение отпадает, так как копии, которые переписывались (это точно известно) в отсутствие Толстого, содержат точно такие же погрешности, как и те, которые переписывались при нём.

Пропуск одного или нескольких слов — наиболее частые ошибки переписчиков. Они не только стилистически портили текст, но и наносили ему подчас серьёзный ущерб.

Во второй главе первой части «Анны Карениной» Толстой, знакомя читателя с Облонским, говорит о нём как о человеке правдивом:

«Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своём поступке. Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырёхлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблён в жену...»

При анализе рукописей был обнаружен в середине фразы большой пропуск, имеющий важное значение для характеристики Облонского. Оказывается, по замыслу Толстого, прежде, в начале совместной жизни с Долли, Степан Аркадьич не так-то легко относился к своему поведению и раскаивался в нём; только время и привычка взяли своё. Подлинный текст Толстого таков:

«Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своём поступке. Он не мог раскаиваться теперь в том, в чём он раскаивался когда-то, лет шесть тому назад, когда он сделал первую неверность жене. Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырёхлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблён в жену...»

Легко понять, как выпал подчёркнутый текст: копируя, Софья Андреевна от слов «в том» механически перескочила к этим же словам через несколько строк. Только

при полном авторском тексте оправдано указание «теперь», так как в пропущенном тексте рассказано о том, что было когда-то.

В «Войне и мире», в том месте, где говорится о присылке в качестве парламентаря в Вишау французского генерала Савари, Толстой написал: «Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении мира и в предложении свидания императора Александра с Наполеоном». При переписке выпала важная часть фразы о предложении мира, и в окончательном тексте теперь читаем: «...цель присылки Савари состояла в предложении свидания императора Александра с Наполеоном». Вследствие этого пропуска становится неясным дальнейший текст: «В личном свидании, к радости и гордости всей армии, было отказано, и вместо государя князь Долгоруков, победитель при Вишау, был отправлен вместе с Савари для переговоров с Наполеоном, ежели переговоры эти, против чаяния, имели целью действительное желание мира». Вследствие пропуска слов о предложении мира со стороны Наполеона нарушена историческая правда, может даже создаться впечатление, будто переговоры о мире намерена была начать Россия.

Следующий пример показывает, что пропускаются не только слова, но целые фразы, тоже серьёзно нарушая и логическую стройность текста и смысл его. В «Войне и мире», в главе, где рассказывается о приезде Николая Ростова к Денисову в госпиталь, описано впечатление Николая Ростова от осмотра солдатских палат. В поисках Денисова фельдшер предложил Ростову пройти в офицерские палаты, чтобы самому найти Денисова.

«Ростов с фельдшером вошли в коридор. Больничный запах был так силен в этом тёмном коридоре, что Ростов схватился за нос и должен был остановиться, чтобы собраться с силами и идти дальше. Направо отворилась дверь... Заглянув в дверь, Ростов увидел, что больные и раненные лежали там на полу, на соломе и шинелях.

— Что же это? — спросил он.

— Это солдатские, — отвечал фельдшер. — Что же делать, — прибавил он, как будто извиняясь.

— А можно войти посмотреть? — спросил Ростов.

— Что же смотреть? — сказал фельдшер.

Но именно потому, что фельдшер очевидно не желал впустить туда, Ростов вошёл в солдатские палаты...»

Так написал Толстой. В копии подчёркнутый текст ошибочно был пропущен. Именно эти строки, выпавшие по вине переписчика, делают логически последовательными и вопрос и поведение Ростова. Он ведь шёл в офицерские палаты, и в публикуемом теперь тексте совершенно непонятно, почему фельдшер «не желал впустить туда» (куда: в офицерские палаты? — о солдатских выше ничего не сказано), почему вопрос Ростова начинается с союза «А» и почему, идя в офицерские, Ростов, вопреки намерению сопровождавшего его фельдшера, вошёл в солдатские палаты. Так печатается до сих пор.

Мы подробно остановились на Толстом потому, что в его произведениях, в процессе многократных переписываний наиболее ярко отразились различные случаи искажений. Толстой считал, что «мысль высказана в художественном произведении идеальным способом только тогда, когда ни одного слова к сказанному нельзя ни прибавить, ни убавить, ни изменить, без того, чтобы не испортить произведения. К этому должен стремиться писатель». И к этому он сам всегда стремился.

Анализ текста произведений Толстого в том месте, где произошла ошибка, лишний раз показывает, какой порой существенный ущерб наносили ошибки переписчиков.

Ошибки в издании сочинений классиков постепенно устраняются, но, чтобы обеспечить дальнейшее развитие текстологии и чтобы избежать грубых ошибок и промахов, необходимо прийти к общему решению. Для правильной постановки дела научных изданий сочинений классиков должна быть в кратчайший срок выработана единая текстологическая инструкция, при составлении которой, кроме общих для всех академических изданий правил, должны быть учтены характерные особенности отдельных писателей и выработаны необходимые для этих особенностей приёмы. Не только рукописный фонд каждого писателя имеет свою специфику, но нередко рукописи отдельного произведения требуют специального подхода с учётом всех особенностей процесса его создания и печатания.

Проблемой окончательного текста не исчерпываются задачи, стоящие перед тек-

стологом, который обязан, кроме того, дать любому читателю возможность изучать произведение в процессе его развития. Путь к этому один — публикация черновых вариантов. Рукописи великих творений дают возможность приоткрыть занавес над творческим процессом. Они могут рассказать то, чего не найти ни в статьях, ни в письмах, ни в мемуарах. В них, как в улавливающем аппарате, зафиксированы тончайшие колебания авторской воли.

Извлечение вариантов из черновых рукописей — дело далеко не механическое, а требующее строго научного метода. Не сразу он выработался. В прежнее время тоже были попытки публикации чернови-ков, но они сводились к обнародованию интересных неизданных текстов, вне связи с эволюцией произведения. Издатели наивно думали, что этим дело и ограничивается. Так, П. И. Бирюков, давая в своём издании Толстого 1913 года некоторые варианты, отметил: «При большом досуге можно было бы извлечь из этой бесформенной кучи ещё более драгоценного материала». Можно напомнить также десятое издание сочинений Гоголя, в котором, несмотря на большое старание редакторов, проследивавших судьбу почти каждого слова по нескольким рукописям, очень трудно разобраться в вариантах.

Советская текстология подняла на научную высоту проблему публикации вариантов. Отвергая возможность привлечения

их в окончательный текст, она убедительно доказала, что варианты являются драгоценнейшим познавательным материалом, дающим возможность углублённо изучать замысел, творческий путь и формирование произведения, его языковой состав и грамматический строй, художественные приёмы.

Возвращаясь к главному вопросу — к установлению окончательного текста произведений классиков, — надо заметить, что в академических изданиях совершенно необходима мотивировка выбора того или иного текста как основного, а также обязательно должны быть исчерпывающе указаны исправления, внесённые по рукописям. Отсутствие такой документации оставляет сомнения, особенно в тех случаях, когда за основу принимается не прижизненное издание, а ранняя рукопись или другой источник.

Теперь, когда с большой остротой поставлен вопрос о художественном мастерстве писателя, вопрос о языке и стиле художественного произведения, когда настоятельно призывают наших молодых писателей учиться у классиков русской литературы и писательскому мастерству и писательскому труду, нельзя оставлять в художественном произведении канонизированные временные ошибки, которые при анализе стиля, художественного мастерства могут рассматриваться как промахи писателя, а иногда и как нарушение правды.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

П. Трофименко. Белорусские рассказы.— **Е. Гальперина.** Голоса индийского народа.— **Н. Капиева.** Сердечная книга.— **М. Азадовский.** Записки И. Д. Якушкина и комментарий к ним.— **Л. Боровой.** Начало положено.— **Г. Маргелашвили.** Под влиянием теории «единого потока».

ПОЛИТИКА И НАУКА

Б. Петров. За боевой экономический журнал.— Подполковник **А. Боженко.** Хроника героической борьбы.— **М. Давыдов, М. Леснов.** Небрежное отношение к большой теме.— **Л. Степанов.** Обличение южноафриканских расистов.— **И. Забелин.** По чужим странам.

Литература и искусство

Белорусские рассказы

Рецензируемый сборник рассказов, не давая читателю сколько-нибудь полного представления об идейно-художественном уровне советской белорусской литературы в целом, тем не менее отображает и некоторые успехи и некоторые существенные недостатки сегодняшней белорусской прозы.

В сборнике есть рассказы, посвящённые горькой доле человека труда в капиталистическом обществе; есть рассказы, в которых воссоздаются образы героев Великой Отечественной войны; большинство же произведений связано с изображением людей социалистической деревни.

Писатели, представленные в сборнике, стремились через судьбы своих героев показать те или иные жизненные явления нашего времени. Так, П. Пестрак в рассказе «Первые всходы» раскрывает перед читателем звериный облик буржуазных националистов, которые в союзе со «святыми отцами» Ватикана и их хозяевами — американскими империалистами — организуют террористические акты против представителей белорусского народа. В рассказе Кузьмы Чёрного «Большое сердце» — ол-

ном из лучших в сборнике — в образе скромного труженика, бесстрашного партизана Пархвена Котлубовича воплощены многие черты мужественного белорусского народа. Словом, темы сборника несомненно интересны. Но, несмотря на это, далеко не все рассказы по-настоящему волнуют читателя. Наряду с хорошими страницами в сборнике немало страниц посредственных, а то и явно худосочных, серых, скучных.

Вот почему хочется говорить не столько о том, что изображают белорусские писатели в своих произведениях, сколько о том, как они воплощают в создаваемых ими образах дела, чувства и мысли своих соотечественников.

Вот «Колхозные зарисовки» Янки Брыля. Читателю прежде всего передаётся собственное героям «Колхозных зарисовок» чувство нового. Труд здесь изображён как неисчерпаемый источник большой человеческой радости. Эта радость бьёт ключом и у молодого, но уже выдавшего виды Микола Носа — бригадира лесорубов, и у степенного и даже ворчливого колхозного конюха — дядьки Артёма, и у других персонажей «Колхозных зарисовок».

Живому восприятию читателем этих зарисовок способствует их язык. Брыль

«Белорусские рассказы». Перевод с белорусского. Составил П. Кобзаревский. Редактор А. Островский. Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1952.

удачно использует пословицы, присказки, шутки, меткие словечки. Поэтому-то в его «Колхозных зарисовках» есть свежие краски, юмор, чувствуется национальный колорит — как раз всё то, чего так недостаёт многим другим рассказам сборника, хотя и Я. Брылю ещё необходимо много и упорно работать над поэтическим совершенствованием своих произведений, над языком, над отбором метафор, эпитетов, сравнений.

В рассказе А. Кулаковского «Весна идёт» показаны новые черты во взаимоотношениях советских людей. Писателю удалось художественными средствами убедительно мотивировать, как снятый с работы председатель колхоза Николай Потапович Черноус, поняв свои ошибки, возвращается к активной деятельности.

Душевное состояние Черноуса, его характер, его отношение к людям, к работе читатель узнаёт не только через авторские оценки, но главным образом через поведение героя, через его поступки.

Вот Черноус возвращается домой с собрания, на котором его только что сняли с работы (читатель ещё не знает об этом факте).

«Из хаты пахло теплом и запахом дублёной овчины. Дочь, нахмурившись, сидела за столом и, придвинув к себе лампу, читала книжку. Мать была тут же, она что-то шила.

— Кому это вздумалось в такую погоду кожих надевать? — сурово спросил Николай Потапович.

Никто ему ничего не ответил: дочь продолжала читать, а мать сделала вид, что не поняла вопроса.

— Веняет на всю хату, — добавил Потапыч, снимая с себя мокрую поддёвку.

Тогда мать беспокойно зашевелилась, положила на колени шитьё и сказала:

— Это ж, Николай, ты сам надевал его вчера, когда ездил с Маханько в поле.

Черноус смолчал, должно быть сообразив, что тут действительно он виноват, и сразу же начал о другом. Заметив на поддёвке царапину от колочей проволоки, Потапыч вспомнил Солодуху.

— Чуть рукав не разорвал, — показывая на поддёвку, сказал он. — Чёрт знает, что за характер у этого нашего Прибытко, недаром Солодухой люди прозвали!..»

И хотя, как уже было сказано выше, читатель ещё не знает, что Черноуса

сняли с работы, хотя писатель ещё ни одним словом не обмолвился о душевном состоянии своего героя, но он — читатель — уже не только ощутил, что Черноус не в духе, — беспокойство, взволнованность Николая Потаповича уже передалось читателю.

Это-то и есть один из элементов художественного мастерства. Но, как известно, цельность рассказа, как и каждого произведения искусства, зависит от того, насколько писатель владеет не одним, а всеми элементами этого мастерства. Рассказ «Весна идёт» написан неровно, он растянут, многословен, второстепенные герои очерчены менее удачно, чем основной.

Наша действительность необычайно ярка и богата, в ней есть что воспевать. Но это совсем не значит, что при изображении этой действительности советские художники слова могут злоупотреблять высокими нотами, сбиваться на декламационный, высокопарный тон. Когда писатель сбивается на подобный тон, правда жизни подменяется условной, приглаженной правдой, а самые возвышенные, самые благородные мысли убиваются крикливыми, холодными фразами, неспособными взволновать душу и воображение читателя.

Наличие именно такого декламационного тона значительно портит рассказ И. Шамякина «Спи, мой сыночек...».

Так, совсем некстати, И. Шамякин в первую же минуту встречи в родильном доме героини рассказа Гали с её мужем Андреем заставляет их разговаривать на общественно-производственную тему. Галию «немножко задевает», что Андрей «так долго не спрашивает о самом главном — о сыне». Но читатель явно ощущает, что в этом нельзя винить Андрея. В этом повинен Шамякин, неоправданно и некстати стремящийся усилить идейную значимость этой сцены «общественно-производственным» разговором.

В «Горячих денёчках» Всеволода Кравченко и «В колхозе «Красный берег» Миколы Лупсякова раскрывается формирование характеров молодых колхозников — юношей и девушек — в процессе социалистического труда.

«— Правильный человек, — говорят председатель колхоза из рассказа «Горячие денёчки», — всегда себя в труде покажет. А у нас — работа и есть мера цены человека».

В устах Якова Степановича эти слова звучат искренне, горячо и убедительно. Но, как известно, из одних только программных мыслей героев невозможно создать художественное произведение.

В рассказе «Горячие денёчки» живое действие подменяется сухим, почти протокольным фиксированием жизненных явлений. О производственных победах героев своего рассказа — молодых трактористов — В. Кравченко пишет так: «Успехи эти давались ребятам не легко; за ними скрывалось горячее комсомольское упорство, техническая догадка, недоспанные ночи, сухие, затвердевшие мозоли на руках...». Даже в этом статичном, почти протокольном сообщении не было бы ничего плохого, если бы перед этим были реалистически изображены действия трактористов. А действия эти очень часто выглядят в рассказе так: «И вот начались в колхозе горячие денёчки весеннего сева. Никто не думал и не ждал, а оно вот как получилось: в первый же день Андрейка вспахал на полгектара больше, чем было положено по норме. Андрейка и сам удивился: слишком как будто легко далась победа!».

Гораздо больше действия в рассказе М. Лупсякова «В колхозе «Красный берег». Здесь мы непосредственно знакомимся с жизнью героев, видим их в работе, в быту. И тем не менее они не запоминаются читателю, ибо Лупсяков изобразил преимущественно те черты своих героев, которые видны, так сказать, невооружённым глазом, которые в реальной жизни замечают друг у друга знакомые или близкие люди. Для писателя же этого слишком мало. Писатель, как известно, должен проникнуть во внутренний мир своих героев.

Председателю колхоза из рассказа И. Мележа «Товарищи» — кандидату партии Баклану партийное собрание за зазнайство и самоуспокоенность объявляет выговор. Баклан считает решение собрания неправильным. «...Давно ли, — думает он, — кубарем катились вагоны последнего немецкого эшелона, пущенного Бакланом под откос, а вот сегодня его уже упрекают в том, что он носится со своими партизанскими заслугами...». «Выговор? — Пускай выговор! Стоит ли волноваться из-за этого? Те, кто вынес порицание, — люди обыкновенные, ничем не выдающиеся, — не ровня ему...».

Так думает Баклан о людях, работающих с ним бок о бок. Он зазнался, оторвался от масс.

Баклан изливает свою обиду в письме к работнику обкома партии Кавалевичу, фронтовому товарищу, бывшему командиру партизанского отряда.

Кавалевич приезжает в колхоз.

«— Неужели твои заслуги заслонили перед тобой весь мир?» — говорит Кавалевич захмелевшему за обедом Баклану. «— Скажи, ты и воевал только... для одной славы?.. Ты, кажется, просто заблудился, тебя ослепил блеск собственных заслуг».

На следующий день Баклан осознал свою ошибку. «Как же это я?.. — горько подумал он. — Как я испугал свою вину?..»

Как же это? — недоумевает и читатель, но недоумевает совсем по другому поводу. Человек, на протяжении долгого времени пренебрегавший мнением партийной организации, вдруг после одной беседы, проходившей к тому же во хмелю, вдруг безоговорочно осудил себя? Нет, так бывает только в рассказах, в тех рассказах, где не считаюсь с характером героев, с их привычками, навыками и убеждениями, писатель заставляет поступать героев по своему произволу, в угоду искусственной сюжетной схеме.

И хотя в рассказе И. Мележа немало удачных мест, метких наблюдений, начавший интересно развиваться конфликт смазан писателем.

Недостатки художественного мастерства, характерные для рассказов И. Шамякина, В. Кравченко, И. Мележа, в той или другой мере присущи и произведениям А. Василевич, Я. Мавра, М. Ракитного, А. Стаховича и некоторых других.

Единственный рассказ сборника, повествующий об индустриальном труде, — «Счастье» И. Дубровского — является и одним из самых слабых.

Герой рассказа «Счастье», молодой учёный Польшцов, изобрёл токарный станок. В лабораторных условиях станок работал хорошо, а когда он «был передан в цех, выяснилось, что на больших скоростях он работать не может».

Академик Богун говорит Польшцову: «— Значит, в заводской обстановке вы чего-то не предусмотрели. Станок новый, а условия в цеху — старые... Старое мешает новому, — это общезвестная истина».

Эту истину подтверждает инженер-практик Хмелёва. Она установила, что в цехе новому станку мешает работать вибрация других станков.

«— Мало изобрести новый станок, нужно уметь внедрить его в производство. Наука ни на минуту не должна отрываться от практики», — говорит академик, соединяя руки Польшова и Хмелёвой «как символ того, о чём только что шла речь».

И тут же они втроём «решили, что для нового станка нужен новый фундамент, другое крепление...». Так и было сделано. Испытание прошло успешно, а через некоторое время Польшов не менее успешно защитил диссертацию.

Несмотря на то, что в рассказе немало слов, призванных выразить мысли и чувства Польшова и Хмелёвой, несмотря на то, что

писатель говорит не только о творческом содружестве Польшова и Хмелёвой, но и об их любви, — человеческих характеров в рассказе нет. Характер нового станка показан, право же, более ярко, чем характер людей, давших этому станку путёвку в жизнь.

Печатью нетребовательности, небрежности отмечены и рассказ И. Шамякина «Крестьянка» и И. Гурского «Максимка».

Многие рассказы сборника напоминают растения, выросшие в тени. Нет в книге полноты и разнообразия нашей действительности с её непримиримой борьбой нового, светлого со старым, тёмным. Слабо веет со страниц сборника прекрасной белорусской природой, слабо проглядывают в них народный быт, традиции.

П. ТРОФИМЕНКО.

★

Голоса индийского народа

Небольшая книжка стихов «Индия говорит» глубоко трогает и волнует читателя. В ней собраны стихи двух современных поэтов Индии — Валлатхола и Хариндраната Чаттопадхайя, видных борцов за мир.

Оба поэта побывали в Советском Союзе, и воспоминания о нём живут в их творчестве. «Индия говорит» — это стихи об Индии и об СССР. В книге сплетаются эти два образа: трагической, голодающей, истерзанной угнетателями Индии — и светлый образ Советской страны, как бы поддерживающий, ободряющий индийских братьев, борющихся за будущий расцвет их родины.

Индия... Страшный образ голода возникает в стихах сборника: пустые, заброшенные дома, бредущие по стране живые мертвецы, «испепеляющий медлительный огонь» голода. Но сила этих стихов в том, что перед нами не только тени и умирающие, но люди, страдающие и всё же полные достоинства, великодушия, гнева, перед нами измученный и всё же яркий, сильный, одарённый народ. Особенно сильное впечатление производит замечательная поэма Валлатхола «Индия плачет». Голодный мальчонка, который в пеще просит хлеба и поёт, по-

трясая сердца, песню голода, вырастает у Валлатхола в проникновенный образ Родины.

Встал,
как верное изображение
вечного страдания
и томленья,
голодом подавленной
мечты.
Встал,
как слепок
с родины незрячей,
как дымок
над хижинной горящей,
как свинцовый посох
нищеты.

Но эта родина, измученная голодом, разграбленная угнетателями, остаётся для поэта прекрасной, бесконечно дорогой, достойной лучших песен.

Валлатхол создаёт образ Родины, насильственно разорванной на куски, бессмысленно расточающей свои силы и богатства в расприх различных религий и каст, расприх, которые разжигались англичанами в течение десятилетий и привели после войны к кровавой резне между мусульманами и индусами («Наш ответ»). Чаттопадхайя, срывая маски с мнимой «независимости» и «свободы», пишет о трагических и кровавых днях 1947 года, когда насильственное переселение миллионов людей лишило их земли и крова («Попробуйте, оставьте нас!»).

«Индия говорит». Стихи индийских поэтов. Перевод В. Журавлёва. Редактор Б. Шуплецов. Издательство иностранной литературы, М. 1952.

Устало смотрит человек в тюрбане, как его обезьянка представляет циничных политиков.

А мартышка вертится и бьётся,
 рассыпая бус стеклянный звон,
 и юлит, и стонет, и плюётся,
 словно гоминдановец в ООН.
 И, унюхав долларовый запах —
 на приманку выставленный мёд,—
 вот она уже на задних лапах
 англичанкой чопорной идёт..

(«Человек с обезьяной».)

Но не усталость — гнев основное настроение стихов Валлатхола и Чаттопадхайя. Они зовут народ к борьбе за мир, за освобождение. Мир неразрывно связан для Индии с борьбой за истинную национальную независимость. Вот почему Валлатхол противопоставляет бесстыдной «славе» завоевателей — достоинство своей страны, её высокую мудрость, её древнюю культуру, право её народа на счастье.

Призывая народ стряхнуть с себя иго векового гнёта, индийские поэты с верой обращаются к свободному будущему своего народа. И образ будущего неразрывно связан для них с опытом, с образом нашей страны, в которой они видят торжество человека. Читая взволнованные, проникновенные строки, посвящённые Валлатхолом и Чаттопадхайя Советскому Союзу, с какой-то новой остротой ощущаешь, что означает эта реально существующая, увиденная ими красота новой, социалистической жизни для людей, которых душит боль и гнев, для людей, чья родина в цепях.

Порой необычны для нас образы, в которых индийские поэты воспринимают Советскую страну: «...и пишу на папирусах полей крестьяне строфы золотой пшеницы», — говорит о Грузии Валлатхол, а грузинских девушек он уподобляет раскрывшимся орхидеям. Но дело не только в этих образах, — своеобразен угол зрения индийского поэта. Мы ощущаем мысль об Индии даже за теми строками, где она не названа. Когда Валлатхол восторженно описывает природу Грузии, её поля, «рождающие чувство силы и величия», её солнечные сады, мы чувствуем, как поражает поэта гармония между щедростью природы и изобилием народной жизни. И рядом с этим мы ощущаем неназванное ужасающее противоречие между богатством, изобилием земли, красотой Индии — и голодной

смертью миллионов её людей. Это сопоставление более открыто выражено в стихотворении Валлатхола «Об искусстве», передающем его впечатление от пляски русских колхозниц, мастериц богатых урожаев. Поэт восклицает:

А если будет
 в запрямах не пусто,
 появится
 и в Индии
 искусство.

Такое ж яркое
 и сильное такое,
 рожающее
 чувство неземное.

Да, в нашей стране расцветающих народных талантов индийский поэт не может не видеть будущего расцвета своей родины. Поэтому он и славит «неисчерпаемый родник людских деяний».

Хариндранат Чаттопадхайя говорил в своей речи в Москве: «Если ваша великая нация сейчас восстанавливает красоту, изящество и глубокий смысл жизни, то именно потому, что ваш замечательный вождь Сталин ясно представляет себе ценность каждого человеческого существа, потенциальное богатство всего, что дышит и живёт».

Вот почему в стихах индийских поэтов, славящих советский гуманизм, с таким чувством говорится о Ленине и Сталине. Вот почему так сильно звучит «Слава» нашей Армии и нашему государству, отстоявшим мир, а поднявшийся из развалин, обновлённый Сталинград становится и для них символом свободного мирного созидания всех народов.

Валлатхолу, одному из старейших поэтов Индии; прозванному «Тагором Юга», сейчас 74 года. Он живёт на юге Индии, в княжестве Траванкор Кочин, и пишет на языке малайялам, на котором говорят несколько миллионов человек. Валлатхол возродил старинное народное искусство танцевальной драмы. Старый и глухой, поэт читает свои стихи крестьянам в деревнях. Если вспомнить, что большинство населения Индии неграмотно, то станет ясно, какую большую роль может сыграть такое устное распространение литературы — классической и современной. По словам индийских поэтов, весь народ в Индии знает её древний эпос, который грамотные

люди читают в деревнях для крестьян. В последние годы на многочисленных народных встречах индийские поэты читали свои стихи, призывающие к борьбе за мир.

В своё время Валлатхол испытал влияние традиционно-религиозных форм мышления, идей гандизма. В поэме о Ленине он признаётся, что увлекался Ганди и его учением о непротивлении.

Стихи Валлатхола теснейшим образом связаны со старой индийской культурой и поэзией. Это философская лирика, полная достоинства, величавая, медлительная, с характерными паузами раздумья. И тем более трогает и волнует нас то, что такие люди, как Валлатхол, потрясённые мировыми событиями последнего десятилетия, увидели возможность новых путей в жизни и творчестве. Участник Варшавского конгресса в защиту мира, Валлатхол стал участником движения миллионов борцов за мир.

Своеобразен и творческий облик Хариндраната Чаттопадхайя. Это поэт, режиссёр, драматург, прошедший сложный творческий путь, прекрасно знающий мировую литературу и воплощающий ныне в своих стихах страдания и чаяния индийского народа. Родившийся в 1899 году, Чаттопадхайя начал писать в 30-х годах. Для его поэзии, особенно довоенных лет, характерна лирика, окрашенная идеями буддистского созерцания. Но, несмотря на очевидный философский идеализм, и в ранних стихах Чаттопадхайя проступала большая, сильная любовь к жизни и её красоте, любовь к природе во всём её многообразии. Поражает поэтический талант Чаттопадхайя — чеканность и прозрачность его стиха, строгая простота строфики, гибкий и певучий внутренний ритм. И вместе с тем странное впечатление производят такие сборники, как «Тёмная волна», «Лирика». Видишь, как большая любовь к жизни сковывалась условным представлением поэта о «вечной красоте», тем, что высшую мудрость он пытался найти в отрешении от жизни, в одиночестве. Поэтому обычные образы этих сборников — горные вершины, облака, цветы или белокрылые птицы — воспринимаются не столько как образы природы, сколько как некие условные знаки, как узоры покрывала, накинутого над «истинным миром». Главное же в стихах — стремление к конечным образам мистического «света» и покоя.

И это накладывало на прежнюю поэзию Чаттопадхайя печать монотонности и абстрактности.

Реакционеры от искусства уверяли поэта, что, отбросив эту пресловутую «вечную красоту», он утратит и поэзию. Этот спор шёл и идёт на разных концах земли. Так уверяли Пабло Неруду в Чили, Арагона в Париже, Чаттопадхайя в Мадрасе. Что означает для большого поэта приход к народной борьбе — обогащение или обеднение поэзии? Красноречивым ответом на этот вопрос является блестящий расцвет революционного творчества и Неруды и Арагона. Подобно им, Чаттопадхайя понимал, что единственный путь вперёд лежал для него через преодоление «царства теней». Уже в его ранних пьесах встречаем иронический образ «буржуазного поэта», который среди ужасающей нищеты и мук народа поёт о боге и птицах. Честность звала Чаттопадхайя разделить страдания и надежды своего народа. Поднявшись над абстракциями «отрешённости», поэт не только не отрекался от красоты, но впервые получал возможность свободно выразить в стихе всю свою любовь к жизни, наполнить образы реальностью природы так, чтобы цветок или холм стали бы не только знаками, а частицей любимой родины поэта.

Во время второй мировой войны Чаттопадхайя создал яркую политическую лирику, призывавшую к борьбе против фашизма («Кровь на камнях», 1944). Впервые поэт говорил в полный голос от имени нации, страдающей и возмущённой. Описывая агонию миллионов голодающих, трупы женщин и детей на мостовой Калькутты, он с ужасом восклицал: «На земле нехватает места, чтобы хоронить наших мёртвых». И всё же в его стихах жила вера миллионов в близкое освобождение. Напоминая индийцам о героической борьбе китайского народа, Чаттопадхайя выражал страстную ненависть народов Индии к фашистам. «Мы стали нацией. Берегитесь!»

Новое видение мира изменило поэзию Чаттопадхайя. В неё входят новые образы. Видя мраморное великолепие гробницы Тадж Махала, он воспевае труд тех, кто, умирая под палящим солнцем, создавал эту совершенную красоту. Поэт видит свою миссию в служении народу, в том, чтобы разделить с ним сегодня его борьбу и создавать для него образы расцветающего

«завтра». Чаттопадхайя пишет поэмы о восставших деревнях Индии, о героизме расстрелянных, но не сдавшихся крестьян. Изменились и художественные приёмы поэта, приблизившегося к формам передовой политической поэзии. В основу стихов Чаттопадхайя часто берёт острый газетный факт, поднимая его до политического обобщения.

В последние годы и в Индии окончательно развеялись иллюзии военных лет о близком освобождении. «Независимость» показала своё истинное лицо, лицо рабства под маской свободы. Политическая поэзия Чаттопадхайя последних лет непрерывно возвращается к резким социальным контрастам Индии, к картинам ужасающих страданий индийского народа. Невозможно забыть образ этих двадцати миллионов людей, умирающих от голода, согнанных со своих земель, не имеющих не только крова, — гроба. Это поэзия жгучей ненависти к угнетателям — американским, английским и индийским, поэзия, выражающая твёрдую волю к борьбе.

Как поэты, Валлатхол и Чаттопадхайя совершенно различны. Но в чём-то их пути сходны и глубоко поучительны. В их творчестве отражаются чувства и мысли страдающего народа, который подымается на борьбу за свою независимость.

Переводчик сборника В. Журавлёв показал себя в этих стихах опытным поэтом. Его стих, сильный, естественный, заставляет забывать, что читаешь переводы.

Многобразие его интонаций может воплощать самые различные чувства и образы. Хорошо передан плавный ритм движений танцовщиц в стихотворении «Об искусстве». В «Песне Индии» В. Журавлёв сумел найти простой, чеканный строй политической поэзии, а в «Человеке с обезьяной» удачно использовал острые сатирические приёмы.

Однако невольно задаёшь себе вопрос — в какой мере эти привычные для нас формы советской русской поэзии передают своеобразный характер поэзии индийской? Особенно это относится к творчеству Валлатхола с его величавым и степенным, медленно развёртывающимся стихом. Законно ли рубить долгий стих Валлатхола на мелкие строки, создавая искусственные паузы? Не вносятся ли переводчиком и в самую лексику некоторые элементы модернизации? (Например, в «Последнем слове Радхи»: «джентльмен просвещённый», «наплюй на какую-то Радху» и т. д.) Зная лишь тщательно сделанный сыном Валлатхола английский перевод, а не подлинник на языке малайялам, мы можем лишь поставить эти вопросы. Но хочется подчеркнуть, что перед советскими поэтами, которые переводят индийскую поэзию, стоит трудная задача передать не только мысль, настроение, основные образы, но и самый характер стиха, передать национальную форму поэзии, имеющей за собой столь богатую литературную традицию.

Е. ГАЛЬПЕРИНА.

★

Сердечная книга

У кабардинцев не было в прошлом письменности, печати. Естественно, не могла до Октября возникнуть в Кабарде ни сюжетная психологическая повесть, ни требующая большого мастерства ёмкая форма короткого рассказа, ни документальный очерк, ни критико-биографическая статья, ни драматургическое произведение. Всем этим многообразным форм мужаяющая литература Кабарды овладела лишь после Октября.

Хачим Теунов, как и ряд других пред-

Хачим Теунов. «Новый поток». Авторизованный перевод с кабардинского. Редактор В. Гюфеншефер. «Советский писатель», М. 1952.

ставителей молодых кавказских литератур, испробовал свои силы во всех перечисленных жанрах. В его книге «Новый поток» мы находим повесть («Аслан»), рассказы («Золотое утро», «Новый поток»), историко-литературные очерки («Чудесный самородок» и «Али Шогенцуков»), драму («Испытание»). Это свидетельствует о том, что писатель шёл в родной литературе новаторскими путями, средствами родного языка создавал произведения, поднимающие литературу Кабарды на новую ступень.

Проза Теунова возникла как бы на пересечении двух линий: устное творчество родного народа, первые в истории

Кабарды рассказы Али Шогенцукова («Пуд муки», «Под цветущей грушей»), его сюжетные поэмы, с одной стороны, и с другой — великая русская классическая и советская литература, которая с первых творческих опытов Теунова является для него высоким идейным и художественным образцом.

В книге Теунова, на первый взгляд несколько пёстрой (именно вследствие жанрового разнообразия, о котором мы говорили), при более внимательном чтении нетрудно уловить крепкую внутреннюю связь, единую устремлённость. Здесь в сжатом виде как бы дана образная история народа в её важнейших узловых этапах. В повести «Аслан» мы видим предреволюционную Кабарду, народ, страдающий под тяжким гнётом, но несломленный, непокорённый, пробуждающийся для грядущих классовых битв. «Золотое утро» повествует о гражданской войне, о победе революции и о первых шагах молодой республики на путях к социализму. «Новый поток» — рассказ о строительстве мощной гидроэлектростанции в горах, о победе социалистического начала в человеческих душах. Драма «Испытание» показывает духовное величие народа, его патриотический подвиг в Великой Отечественной войне.

Наиболее ясно и выразительно писательская манера Теунова раскрывается в небольшой повести «Аслан». Теунов рисует сильный, своеобразный характер крестьянина-бедняка. Это пастух Аслан, неудачник, «надоевший аллаху человек», как прозвали его сельчане. Внешне угрюмый, замкнутый, Аслан добр и чист сердцем. В горестях и трудностях жизни его поддерживает давняя мечта о своём очаге, о ласковой женщине, которую он когда-нибудь введёт под свой кров. Лёгкими, тонкими штрихами рисует Теунов зарождающуюся любовь Аслана к молодой вдове Нисааф. Глава, рассказывающая о их встрече, написана с волнующим лиризмом, с художественной сдержанностью в выражении чувств.

Теунов умеет дать живой портрет, выхватить яркую деталь, нарисовать зримый образ. Его фразе свойственно певучее изящество, точность. «Пастух снова увидел её всю: и тонкие плечи, прикрытые тёмным пушистым платком, и нежный румянец на худых, чуть загорелых щеках, и

большие ясные глаза, окружённые ещё не глубокими морщинами, и надломленные дуги бровей, красивые попрежнему, как в молодости. Аслан смотрел и вспоминал, какая она была прежде, юной девушкой, вспоминал и свою молодость — горячую, сильную, но такую же бесприютную, как и теперешняя его жизнь. С горечью и лаской смотрел он на руки Нисааф, разливавшие молоко, и ему казалось, что белые тёплые струи текут в его душу, успокаивая, обнадёживая, волнуя. «О Нисааф, Нисааф, пусть будут благословенны твои дни!».

Повесть полна драматизма, резких смен в настроениях, картинах, событиях. Контрастны в ней описания: мирная красота, солнечная радость природы — и чёрное горе, которое душит человека-труженика. Контрастны высокочеловечные черты характера Аслана, его доброта, честность, смелость — и трусость, подлость, животная жестокость его угнетателей. Контрастны его чистая человеческая любовь, мечта о счастье — и царящий вокруг дикий, грубый произвол, который калечит, губит живые ростки этого маленького счастья... Нелепая случайность, и по вине княжеского холопа гибнет единственное достояние Нисааф, кормилица её детей — корова, которую она доверила заботам Аслана. Гнев, стыд, отчаяние приводят пастуха к открытому кровавому столкновению с князем.

Трагические коллизии повести не оставляют ощущения безысходности. Повесть оптимистична по своей идее. В трудный час, когда Аслану грозит тюрьма, а может быть, и смерть, его выручает русский — рабочий Михаил. Он — борец, уже изведавший царскую каторгу, — открывает кабардинскому пастуху глаза на правду жизни, говорит о путях к лучшей доле, о том, как надо бороться за эту долю. Ночью наедине долго беседуют Аслан с Михаилом. «Под застрехою, за воротами, протянулась тесёмка синего ночного неба с крупной ласковой звездой. Издалека светится, мигает эта звезда... Сколько уже раз поднимал к ней свою отяжелевшую голову Аслан... Сколько раз думал о ней, молился... Вот и сейчас лежит он, избитый, гонимый, на чужой охапке сена, а над ним мигает ласковая зеленоватая звезда.. К чему всё это, зачем? Зачем его бесконечные муки?»

Всем образным строем повести, развитием характера своего героя писатель даёт ответ на этот вопрос. Перед Асланом уже забрезжил тот свет, который вскоре вспыхнет заревом первой революции. Фигура пастиуха обретает благородные грозные черты легендарных нартов, народных борцов за правду.

Сердечность, любовное внимание к людям, стремление заглянуть в глубину человеческих душ характерно для рассказа «Новый поток».

...Через усадьбу старика Цару экскаватор должен прорыть канал, подводящий воду к будущей гидроэлектростанции. Цару переселяют на новое место, ему дают просторный светлый дом взамен дрезной дедовской хибарки. Но старик запрещает рушить усадьбу. Цару не враг, это не чужой нашей жизни человек. Просто ему дорог старый очаг, он боится оскорбить забвением память предков. И молодёжь — сын старика Биляль, работающий на экскаваторе, инженер Аслануко — понимают это. «Инженер взглянул на крохотную усадьбу, обнесённую ветхой плетёной изгородью, на кривые ветви каргагача, по-ястребиному распротёртые над ней, и невольно подумал: «Как, должно быть, прочно срослась узловатая душа старика с этим корявым клочком земли. Чёрт возьми, тут каждый виток плетня — суковатая летопись горьких дней — так и цеплялся один за другой, вперемежку со слезами да потом. Попробуй отдери — может кровь брызнуть».

Цару не «отдирают» от прошлого. Его уводит в новый дом сама советская жизнь, молодая, богатая, светлая. В соответствии с прекрасными традициями бережного, уважительного отношения к старости молодёжь не принуждает, а убеждает Цару дать дорогу новому. Старик покорён величавым размахом стройки. Гордость делами сына и его друзей оказывается сильнее, чем все силы старины.

Хороши в рассказе образы молодёжи, строителей, хороша праздничная атмосфера созидательного труда, показанного увлекательно и поэтично. Удача автора — фигура начальника строительства, старого большевика Михаила Ивановича. В послесловии к книге Теунова справедливо отмечается общность не только имени, но и некоторых черт, роднящих Михаила Ивановича из «Нового потока» с рабочим Михаилом из повести «Аслан», а также

с Михаилом Ивановичем — большевиком, героем гражданской войны из «Золотого утра». Наделённый живыми чертами — большим обаянием, теплотой, мудрый и человечный, этот образ как бы воплощает в книге русский народ, его благотворное влияние на жизнь кабардинского народа, его братскую помощь и поддержку.

В рассказе «Золотое утро» Михаил Иванович показан через восприятие пионера Аслануко, с отцом которого он вместе сражался против белых в гражданскую войну. Отец Аслануко погиб, и Михаил Иванович по-отечески заботится о мальчишке, руководит им в жизни. Встреча Аслануко и его друзей-пионеров с Михаилом Ивановичем и составляет содержание рассказа.

И ситуация рассказа и его название — символичны. Писатель рисует золотое утро молодой республики, её только что отвоеванную в боях светлую, счастливую жизнь, новый творческий труд, жадное стремление освобождённого народа к знанию, к науке. В мире, каким его видят мальчишки, всё — первооткрытие, всё — радостное чудо, всё блещет красками особой яркости, чистоты и силы.

«Золотое утро» пронизано ощущением счастья, ощущением красоты родной земли. Писатель зорко подмечает эту красоту и в великом и в мелочах. И плюшевая пыль дороги, и синие шёлковые складки гигантских гор, похожих на шатры великанов, и голубоглазые цветы вьюнка, которые смотрят сонно-влажно, по-детски, и далёкие пространства нарядной предгорной равнины — всему он хочет дать место в картине. Но именно от этого он порой теряет чувства меры. Подробности, быть может, и прекрасные сами по себе, начинают набегать одна на другую, теснить друг друга, уводить читателя от главной идеи рассказа. Кое-где промелькнёт вычурность («яблони в бесчисленных бусах плодов», «грядки, словно разрисованные искусным художником»). Изящество переходит в излишество. Мальчишки, например, приносят в подарок Михаилу Ивановичу корзинку клубники, выращенной ими на своём огороде. Славно задумано! Но обыгрывается это дважды, трижды, с нарочито-подчёркнутым любованием живописной деталью — багряно-алыми ягодами.

Теряются, отступают на задний план фигуры маленьких героев повествования.

В ряде сцен живое раскрытие их чувств и переживаний подменено внешним, беглым штрихом. В обращении ребёнка, особенно мальчика, к уважаемому старшему у горцев строго соблюдается пристойная сдержанность. Таков обычай. И это правдиво передано в рассказе Теунова. Мальчуганы, придя к Михаилу Ивановичу, держат себя чинно, даже чуть церемонно. Но они и счастливы, горды. Они и робеют, стесняются. И вот их волнение и любопытство, их застенчивость и гордость, их смущение и радость от страницы к странице передаются через одну и ту же приметку: «залился румянцем», «щёки загорелись», «щёки пылали», «пионер раскраснелся». Рядом с красочными описаниями на соседних страницах эти фразы выглядят особенно бедно. Многоцветная пестрота пейзажа, весёлое и увлекательное описание путешествия гионеров (они встают на заре и уходят из дому потихоньку) таковы, что «забывают» те страницы, из-за которых, собственно, рассказ написан: встречу и беседу с Михаилом Ивановичем. Сама беседа звучит дидактично. «— Теперь дети рабочих и крестьян, дети всех трудящихся получили хорошие школы. Будут обучаться многим серьёзным вещам, большим наукам... Думаю, молодые кабардинцы не отстанут от других?» Так разговаривает Михаил Иванович со своими гостями.

Не совсем удачно и композиционное построение рассказа. События развиваются замедленно, неумеренно часто перемежаются отступлениями. Рассказ очень выиграл бы, если бы автор, вернувшись к нему, сделал его композиционно слаженней, стройней, освободил его от сочетания дидактики и образных излишеств. «Золотое утро» могло бы тогда с успехом, как нам кажется, найти своё место среди тех написанных в братских республиках книг о детстве, которые уже стали известны юным читателям нашей страны.

В пьесе «Испытание» Теунов смело ставит своих героев в острые конфликтные ситуации. Сюжет пьесы, её коллизии воссоздают героическую борьбу советских патриотов на Кавказе против фашистских захватчиков. Особо значительны образы старого партизана Жанхота и его дочери, комсомолки Марьян.

Написана пьеса в строгой, сдержанной манере. Сама тема, суровая и героическая, требовала от автора иных красок, иной

тональности, нежели в рассказах. Однако порой эта строгость и сдержанность идёт в ущерб колоритности в обрисовке героических характеров главных действующих лиц. Есть в некоторых положениях и репликах рассудочность, лобовая прямолинейность в раскрытии идеи. Характерна в этом отношении такая, например, сцена. Марьян получила задание проникнуть в расположение врага, чтобы собрать разведывательные данные. Девушка ушла и не вернулась в назначенный срок. Её считают погибшей. Весть о гибели Марьян доходит до её отца, Жанхота. И что же говорит Жанхот? Вот его реплика: «— Да, я горжусь. Мне больно, мне тяжело — ведь у меня, кроме Марьян, нет никого, — но я горжусь! Подумай только: ещё совсем недавно кабардинская женщина не решалась говорить полным голосом, пугалась шороха собственных шагов — и вот... вот теперь Марьян... (Слёзы душат его)».

Удивительно неуместно звучит в устах страдающего отца эта неожиданная тирада о раскрепощённой горской женщине. Писателью изменила присущая ему чуткость в изображении человеческих переживаний. Он не нашёл единственно нужных слов, и читатель не верит ему, остаётся спокойным, хотя речь идёт о подлинно большом человеческом горе. Пьесе не хватает романтической взволнованности, пафоса, страсти. Может быть, повинны в этом и переводчики Я. Апушкин и М. Муромцева. Всё в устах персонажей звучит по-русски грамотно, правильно, но как-то уж очень у всех одинаково — гладко и холодновато.

Очерки Теунова «Чудесный самородок» (о Бекмурзе Пачеве) и «Али Шогенцуков» посвящены выдающимся деятелям кабардинского народа, талантливейшим его поэтам. Бекмурза Пачев — представитель старшего поколения певцов, родоначальник современной кабардинской поэзии, создатель алфавита в дореволюционной бесписьменной Кабарде. Пачев соединил устное творчество народа с письменной литературой. Али Шогенцуков, безвременно погибший в дни Великой Отечественной войны, — первый кабардинский писатель-профессионал, автор романа в стихах «Камбот и Ляца», поэм «Юный герой», «Мадина». Творчество его вошло в самый широкий обиход народа. И не только в Кабарде. В Адыгее, в Черкесии Шогенцуков поль-

зуется также повсеместной известностью и любовью.

Очерки даны в книге особым разделом. Этим как бы подчёркивается их отличие от собственно художественной части книги. А между тем отличие это, право, не так уж велико. В ярких, выразительных эпизодах, рисующих внешний и духовный облик, жизненную и творческую судьбу Пачева и особенно Али Шогенцукова (очерк о котором написан с подлинным вдохновением), читатель без труда узнаёт перо Теуноза — автора «Аслана» или «Нового потока».

Художественная свобода не лишает очерки научности. В них нет вымысла, они правдиво раскрывают содержание и истоки творчества Пачева и Шогенцукова, говорят о том огромном влиянии, какое оказывает великая русская литература на литературу Кабарды.

Расширяя познания советского читателя о богатствах нашей многонациональной литературы, очерки Теунова одновременно углубляют представление о художест-

венной прозе его сборника. В них хорошо отражены те страстные искания, тот суровый и мужественный путь борьбы, путь к свободе, к свету, который прошёл кабардинский народ.

Почти весь сборник переведён М. Киреевым (за исключением пьесы и очерка о Пачеве, данного в авторском переводе). Киреев хорошо знает Кабарду, жизнь, историю, быт её народа. Ему удалось сблизить единство стиля, передать изящество и точность языка автора, сохранить национальную окраску в говоре героев, воспроизведённых без натяжки «крылатых» словах, поговорах, в тех образных элементах народной речи, какие часто встречаются в прозе Теуноза.

Книга «Новый поток» — живая, сердечная книга. Но она недописана. Есть тема, перед которой писатель в долгу: Кабарда послевоенных сталинских пятилеток, преобразованная, богатеющая, шагающая, всё вперёд и вперёд.

Н. КАПИЕВА.

★

Записки И. Д. Якушкина и комментарий к ним

Новое издание «Записок» И. Д. Якушкина вышло в свет ещё в конце 1951 года, но почему-то до сих пор не обратило на себя внимания критики и не вызвало ни одной рецензии. Между тем мемуары Якушкина принадлежат к числу важнейших памятников литературы, относящейся к первому революционному движению против царизма. Они имеют исключительный интерес и значение. Нет других мемуаров, в которых бы так выпукло, отчётливо и правдиво было показан процесс формирования мировоззрения деятелей декабризма. Декабрист Михаил Бестужев, сам автор выдающихся мемуаров, писал о «Записках» Якушкина: «По краткости, ясности и правдивости — это лучшие из всех записок наших товарищей». Другой декабрист, П. Н. Свистунов, называл их «драгоценными документами» и восторженно говорил об их неподдельности и правдивости. Как никто другой из декабристов, сумел Якушкин ярко показать значение великих

событий 1812 года в политической жизни страны и в формировании революционного сознания молодых патриотов, будущих деятелей Тайных обществ. Картиной народного подъёма в 1812 году и открывается его повествование: «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении... Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пёстрой толпой, и мне теперь ещё помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!». В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле». Эта проникновенная страница отчётливо характеризует и содержание, и стиль, и идейную направленность замечательного литературного и исторического памятника.

«Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». Редакция и комментарий С. Я. Штрайха. Ответственный редактор проф. М. В. Нечкина. Издательство Академии наук СССР, М. 1951.

Для многих моментов истории декабристского движения «Записки» Якушкина служат не только важнейшим, но подчас и единственным свидетельством и источником. Одним из лучших источников являются они и для характеристики сибирского периода жизни декабристов.

«Записки» Якушкина привлекают внимание и высоким нравственным обликом их автора. Якушкина принято считать «декабристом из декабристов»; он был одной из типичнейших и вместе с тем наиболее ярких фигур движения; в нём особенно полно сконцентрировались те моральные черты декабризма, которые имел в виду В. И. Ленин, когда называл декабристов лучшими людьми из дворян. По общему и единодушному свидетельству современников, он был человеком исключительной нравственной закалки, непреклонной воли, суровой требовательности к себе и другим и вместе с тем необычайной душевной теплоты и мягкости. Перед его нравственным авторитетом склонялись даже невежественные и разнузданные сибирские городничие и исправники, во власти которых он находился.

Обаятельный облик Якушкина встаёт и со страниц его «Записок» — сжатых, строгих, скупых на слова и детали.

Новое издание выполнено с большой тщательностью. «Записки» дополнены историческим очерком «Четырнадцатое декабря»; кроме того, редактор внимательно подобрал и включил в издание все опубликованные до сих пор небольшие статьи и заметки Якушкина, преимущественно мемуарного характера. Включён также незаконченный очерк «Что такое жизнь», свидетельствующий о материалистической позиции автора в вопросах познания жизни и природы. Впервые собраны вместе письма Якушкина (170 писем, из которых 50 извлечены из архивных хранилищ и публикуются в первый раз; кроме того, письма разных лиц к Якушкину). Письма эти представляют огромный интерес и для характеристики самого Якушкина и его ближайших друзей, и для характеристики быта декабристов в сибирской ссылке. Очень интересны высказывания Якушкина о революционном движении в Западной Европе, о задачах воспитания и преподавания, о современной ему русской литературе. Характерны они неизменно патристической позицией автора во всех вопросах,

касающихся достоинств и свойств русского народа. Он возмущается «бесстыдным хвастовством» и «безбожным враньём» Тьера, исказившего историю похода Суворова; негодует на умышленное искажение правды в трудах по истории Отечественной войны 1812 года Михайловского-Данилевского; восторгается исключительной талантливостью и одарённостью русских людей. Очень важным и ценным дополнением являются также деловые «Записки» Якушкина, относящиеся к его попытке освободить своих крепостных крестьян, и его показания Следственной Комиссии. С такой полнотой наследие Якушкина ещё не было представлено, — и в этом отношении книга является ценнейшим вкладом в историю декабристского движения. Не совсем понятно, почему редактор отказался от включения ещё некоторых дополнительных материалов из богатейшего якушкинского архива, в том числе весьма любопытных отрывков из дневников 1812 года. Приходится пожалеть, что среди приложений, в ряду различных воспоминаний об И. Д. Якушкине, не нашли места сохранившиеся страницы интереснейшего (до сих пор неопубликованного) дневника жены декабриста — А. В. Якушкиной.

Тексты заново выверены по подлинникам, однако встречаются досадные недосмотры. В тексте заметки о К. П. Ивашёвой читаем: «Ивашёва умерла не от того, как сказано в «Былом и думах», что силы в ней были потрясены ссылкой в Париж и пр.». С. Я. Штрайх в примечании к данной странице «поправляет» Якушкина, указывая, что Герцен «не упоминает о ссылке Ивашёвой в Париж». Конечно, не упоминает, но и Якушкин не мог написать такую явную нелепость, как ссылка в Париж из Сибири! Ясно, что при первой публикации этой заметки была допущена ошибка (или просто опечатка), и надлежало тщательнее проверить это место по рукописи (впрочем, и без обращения к рукописному тексту легко догадаться, что речь идёт не о Париже, а всего лишь о Туринске — городе в Тобольской губернии, в который были направлены на поселение Ивашёвы и где К. П. Ивашёва скончалась). Не вполне оправдано и стремление редактора модернизировать язык Якушкина, к тому же проведено это неравномерно (например, слово «куды» везде исправлено на «куда», а «сюды» почему-то тщательно сохранено).

Издание 1925 года, под редакцией внука декабриста, Е. Е. Якушкина, в этом отношении представляется более безупречным.

Новое издание снабжено обширным (свыше 12 печатных листов) комментарием. Бесспорным достоинством его является отказ от ставшего уже традиционным метода комментирования исключительно «по собственным именам». С. Я. Штрайх стремится комментировать самый текст, разъясняя и поясняя отдельные места, привлекая дополнительные материалы и отмечая в ряде случаев фактические ошибки автора (главным образом в очерке «Четырнадцатое декабря»). Некоторые примечания очень содержательны и прочтутся, несомненно, с большим интересом (таков, например, обстоятельный и точный комментарий к рассказу Якушкина о волнениях в Семёновском полку).

Но в целом этот обширный комментарий представляется недостаточно организованным, а порою и просто случайным. Есть много лишнего и вовсе ненужного, и наряду с этим иногда отсутствует самое необходимое. Нужно ли приводить известнейшие сведения об изданиях «Цыган» Пушкина, — и всё это только потому, что Якушкин, моясь в бане иркутской тюрьмы, говорил о поэме с Александром Бестужевым? Гораздо важнее было бы исправить хронологические ошибки Якушкина, которых немало в его повествовании и которые (за исключением одной — даты восстания Семёновского полка) остались неисправленными и неотмеченными. С. Я. Штрайх очень подробно рассказывает о декабристах Выгодовском, Н. Крюкове, о провокаторе Медоксе. Всё это и правильно и интересно, но не имеет никакого отношения к тексту «Записок» или писем Якушкина. А вот Пассеку или Граббе, которые занимают столь важное место в «Записках» Якушкина, комментатор уделяет явно недостаточное внимание, мало разъясняет их роль и действительное значение и в биографии Якушкина и в истории Тайного общества.

Комментирование мемуаров — задача трудная и ответственная. В мемуарах возможны ошибки памяти, субъективные оценки и т. п. От такого рода ошибок не свободны самые правдивейшие воспоминания, и здесь-то читателю необходима помощь со стороны комментатора. Последний не имеет права ограничить себя ролью

поставщика справочных и дополнительных материалов; он обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся и к тексту комментируемого памятника и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях. Кроме того, каждые мемуары выдвигают перед комментатором свои специфические задачи, обусловленные их общим характером и главным образом сущностью политической позиции их автора. Этим требованиям комментарий С. Я. Штрайха удовлетворяет лишь в слабой степени.

Вот несколько примеров. В «Записках» Якушкина неприятно поражает суровая и явно несправедливая характеристика М. Бестужева-Рюмина. Читатель вправе ожидать от комментатора разъяснения причин такого отношения Якушкина к памяти казнённого товарища. С. Я. Штрайх этого не сделал. Без соответственных разъяснений нельзя понять и рассказ Якушкина о его московской встрече с Бестужевым-Рюминым (1823 год). Якушкин туманно рассказывает о целях приезда Бестужева-Рюмина, глухо упоминая лишь о приглашении «вступить в заговор, затеваемый на Юге против императора». Комментатор обязан был разъяснить, что в данном случае речь идёт о плане захвата Александра I в Бобруйске, куда он должен был приехать для смотра войск. С. Муравьев и М. Бестужев-Рюмин предполагали, захватив и арестовав царя, заставить его подписать отречение, а затем идти немедленно на Москву, «увлекая по пути войска и осведомляя о себе народ прокламациями».

Комментатором не разъяснён и вообще не сопровождён никакими примечаниями рассказ Якушкина об отнятии полка у Граббе. Дело было не во взаимоотношениях Граббе со своим прямым начальником, как думал Якушкин. Причины были гораздо глубже: отставка Граббе была одним из важнейших эпизодов предпринятой правительством борьбы с Тайным обществом за армию. Якушкин ошибочно датирует это событие 1823 годом, — в действительности оно имело место в 1822 году (эта ошибка не отмечена в комментарии); в том же году был арестован на юге В. Ф. Раевский, удалён из армии М. Ф. Орлов, — всё это звенья единой цепи. Как писал прекрасный знаток и комментатор «Записок» Якушкина, покойный профессор

С. Н. Чернов, «пращение Граббе в 1822 г. было поражением Тайного Общества и подготовило великий разгром 1825—1826 гг.» Оставлен без разъяснений даже рассказ Якушкина о московском совещании членов Союза Благоденствия в 1821 году, хотя вокруг этого сообщения Якушкина накопилась обширная, противоречивая в своих суждениях и выводах литература. Сообщая различные подробности о М. Ф. Орлове, С. Я. Штрайх не упоминает лишь об одном: о революционной деятельности Орлова и его роли в декабристских организациях. Излагая подробно взаимоотношения священника Мысловского с декабристами, комментатор умалчивает о том, что должно быть сказано в первую очередь: о провокационной роли, которую сыграл Мысловский в деле Якушкина. Не разъяснены, наконец, и встречающиеся иногда прямые противоречия между мемуарами Якушкина и его показаниями.

Кроме значительных пробелов, есть и прямые ошибки. В значительной мере этому содействует и применяемый С. Я. Штрайхом метод: характеризовать того или иного деятеля цитатами из официальных документов («Алфавит декабристов», «Донесение Следственной Комиссии» и другие). Таким образом, посредником между текстом мемуаров и современным читателем оказывается не исследователь, вооружённый марксистско-ленинским методом и опирающийся на результаты, достигнутые советскими учёными в области изучения декабристского движения, а какой-либо благонамеренный чиновник, или агент III Отделения, или даже сам Николай I. К чему это приводит, показывают следующие примеры: рассказ о первом допросе Сергея Муравьёва-Апостола изложен С. Я. Штрайхом по письму Николая к Константину, в котором первый елейно повествовал о своём «ласковом увещании» приведённого к нему «старого товарища», — изложен без соответствующих критических замечаний. В действительности, по свидетельству М. И. Муравьёва-Апостола, царь

Николай с бешеными ругательствами набросился на приведённого к нему изнемогающего от ран Сергея Муравьёва.

О Батенькове словами официального документа сказано, что он «в возмущении 14 декабря никакого участия не принимал». Действительно, 14-го числа Батеньков на площади не был, но он принимал живейшее участие в подготовке восстания. Словами «Алфавита декабристов» характеризуется Горский как человек, сумевший избежать суда только потому, что формально не принадлежал к Тайному обществу. Между тем Горский был авантюристом, ростовщиком; с декабристами он не имел ничего общего, а, находясь в ссылке, писал на них доносы. На странице 536 читаем: «Витгенштейн (фельдмаршал) и Киселёв (начальник штаба 2-й армии) высоко ценили П. И. Пестеля и любили его; благодаря этому (разрядка моя.— М. А.) он мог широко развернуть деятельность ТО на юге». Наивность и явная несостоятельность такого «объяснения» очевидны. На странице 539 сказано, что В. Ф. Раевский стал революционером, вернувшись из заграничного похода. Но известно, что революционные убеждения сложились у Раевского уже во время его пребывания в кадетском корпусе.

Можно привести ещё немало количество неверных и неточных, а также и ненужных объяснений и пояснений, но дело не в отдельных случаях, а в общей системе комментирования. Необходимо признать, что недочёты данного комментария не являются лишь личными ошибками его автора, но в значительной степени отражают ту методологическую нечёткость (а иногда и просто беспринципность), которая сплошь и рядом проявляется при комментировании мемуаров, писем, произведений классиков и других — исторических и литературных — памятников. Новое издание «Записок» Якушкина особенно наглядно подчёркивает, что пришло время для большого разговора на эту тему.

М. АЗАДОВСКИЙ.

★

Начало положено

Книга профессора А. Н. Гвоздева была задумана как пособие по стилистике для преподавателей и студентов педагогических институтов. Но она вызывает интерес самых широких кругов наших читателей, и это вполне естественно. Ещё три года назад такая обобщающая научная работа о стилистических ресурсах современного русского языка вообще была невозможна. Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания впервые дали нам точные критерии для оценки стилистических явлений, открыли перед стилистикой как наукой широкую, ясную и увлекательную перспективу. Книга А. Гвоздева — первая попытка рассмотреть и оценить стилистические особенности в свете сталинского учения о языке.

Есть у этой книги принципиально важная черта: автор широко использовал языковой материал советской художественной литературы. И мы видим, как своеобразно претворялось в индивидуальном художественном языке писателя движение общенародного литературного языка; мы видим одновременно, как хорошо «угадывали» лучшие наши мастера слова самые плодотворные тенденции дальнейшего развития языка и так счастливо иногда их воплощали, что созданные ими новые формы потом входили в общенародный язык.

Тема «Очерков» неисчерпаема. Поэтому те или иные пробелы неизбежны; и мы не будем здесь говорить о некоторых даже значительных пробелах. Но серьёзные возражения вызывает общая программа автора этой книги.

Совершенно очевидно, что такая книга должна быть строго нормативной. Автор призван сказать прямо читателю: такие-то обороты достигают цели, а такие-то — нет. И самая цель вполне ясна: точное, экономное, красивое воплощение мысли. Скажем об этом прекрасными словами М. И. Калинина: «...народ — это всё равно, что золотоискатель, бриллиантоискатель: он выбирает, сохраняет и несёт, шлифуя на протяжении многих десятилетий только самое ценное, самое гениальное». Пособие по стилистике

должно активно пропагандировать это отобранное народом самое ценное, гениальное.

А вот генеральная программа А. Н. Гвоздева: «Языковые нормы определяются социальным фактором: правильно, допустимо, желательное в языке всё, что способствует удобному, простому, точному общению всех, пользующихся языком; неправильно, недопустимо всё, что затрудняет это общение».

В этой программе слово «мысль» даже не участвует.

Товарищ Сталин указывает, что язык, «будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества». ¹ Поэтому никак нельзя обособлять «общение»? Для того чтобы язык мог стать вместе с тем орудием борьбы и развития общества, он должен точно и плодотворно воплощать мысль.

И тем более это необходимо подчеркнуть в пособии по стилистике. Стилистика не довольствуется элементарной и формальной точностью в языковом общении; она добивается высшей точности, и с этой точки зрения критикует обиходное словоупотребление.

В книге А. Гвоздева нет ещё ясной устремлённости к этой цели. Даже в бесспорных случаях автор уклоняется от оценки и отмечает только, употребителен или неупотребителен тот или иной оборот, то есть с академическим бесстрашием регистрирует явления.

«Редко употребляется,— пишет автор,— ...очень выразительное прошедшее, обозначающее подчеркнутую повторность, многократность действий». И здесь наряду с устаревшими формами (гашивал, лавливал и т. д.) приводятся и такие: «Как это у вас говаривала Ольга?» (Маяковский, «Юбилейное»), «Никто из них не живал прежде в этих краях» (К. Федин, «Необыкновенное лето»). Но если эти формы — «говаривал», «живал» — редко употребляются, то совершенно напрасно. Так и надо было сказать в пособии по стилистике, которое защищает интересы языка как общенародного достояния. И, практически,— как заменить в приведённом выше случае слово «живал»?

Проф. А. Н. Гвоздѣв. «Очерки по стилистике русского языка». Редактор А. Моргунов. Издательство Академии педагогических наук РСФСР, М. 1952.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правда», М. 1950, стр. 19.

В перечне фразеологических оборотов непринуждённой разговорной речи и просторечия, наряду с общепринятыми — «на радостях», «в сердцах», «животики подвело» — упоминается и совсем диалектное и дикуватое: «с сердцов». И о нём тоже спокойно сказано, что оно «употребляется». Мало ли что употребляется!

Есть в нашем языке и очень употребительные, но незаконные и некрасивые слова и обороты речи (например, знаменитое «будировать»). Мы обязаны изгонять эти плохие формы из общенародного языка. Но А. Гвоздев пишет только: «явно неупотребительно», «едва ли желательно». Этого недостаточно. Пособие по стилистике должно выносить в таких случаях самые строгие и категорические приговоры.

И наряду с этим некоторые категорические утверждения автора либо спорны, либо попросту ошибочны. В основе этих ошибок лежит, как увидим, недостаточно ясное понимание того факта, что и в стилистическом отборе отражаются раньше всего громадные успехи мышления.

Автор говорит — и на этот раз очень категорически — о полной недопустимости применения «новых слов, или советизмов» для обозначения явлений и понятий других эпох (капитализм, феодализм).

Однако «новые слова» и «советизмы» — это не одно и то же.

Новые словообразования, которые сложились на старой основе по внутренним законам языка и впервые вошли в употребление в советскую эпоху, не называются и никогда не назывались советизмами. Это — новые слова общенародного русского языка. Они обозначают не только новые предметы и учреждения. Мы научились гораздо лучше понимать и прошлое. Мы говорим и о прошлом новыми, более точными словами.

Некоторые из слов, обозначающих новые наши учреждения, вошли в международный оборот. Только эти слова да ещё за рубежом, и то не вполне правильно, называют иногда советизмами.

«Советизмы» неприменимы, конечно, для обозначения явлений и понятий прошлого. А новые слова иногда не только допустимы, но и необходимы в наших суждениях о прошлом. Мы обнаруживаем, например, «надстроечные явления», «сдвиги», «размыывание социальной базы» и «социальную об-

речённость», «бунтарство одиночек» и т. д. в далёком прошлом. Мы прослеживаем «складывание капитализма». Мы говорим об идейности «Недоросля» и «Горя от ума», о декабризме Пушкина, о маленьком человеке у Гоголя, о том, как срывал маски Лев Толстой. Эти новые слова-понятия нисколько не осовременивают прошлое, а только лучше и точнее его объясняют.

«Приобретая терминологическое значение, — говорит в другом месте А. Гвоздев, — слова переходят в профессиональную лексику и лишаются эмоциональной окраски».

Не все и не до конца, — а ведь стилистика, как несколько раз подчёркивает сам автор, занимается главным образом этими важнейшими «почти» и «чуть-чуть».

Многие технические и научные термины непрестанно обыгрываются, вскрываются, поворачиваются на все лады даже в деловом словоупотреблении наших рабочих и учёных. Только совсем отрешённый от жизни «специалист» не услышит в этих деловых словах и выражениях отзвуки других терминов из других областей всенародного творчества. А это значит, что эмоциональная окраска в таких словах видна и ощутима.

Беспрерывно создаётся новое, создаются и новые слова для обозначения этого нового. В этих новых словах есть яркое и поэтическое сближение понятий, смелый и эмоциональный перенос смысла.

Вот почему категорическое утверждение автора требует, по крайней мере, уточнения и ограничения.

В том же разделе о «словах со специфическим значением» помещены «иронические слова». Всё это почему-то слова, взятые в кавычки: «умница» — несообразительный, допустивший промах; «мудрец» — глупый и т. д.

Следовало раньше всего напомнить об иронической обработке слов у Ленина — «вумный» и другие, а также у Маяковского, великого мастера такого снижения (красотуля, красявый, красавка и т. д.), и у других писателей. Все эти обработки уже не требовали бы кавычек.

Но и вообще подлинная ирония обходится без кавычек; это, собственно, и есть решающий критерий подлинной иронии. У Щедрина очень редки кавычки. Вспомним народные поговорки: «Добёр топор до

бревна: как поцелует — бревну смерть»; или: «Храбр после рати, как залез на полати».

Кому придёт в голову взять слова добёр, поцелуй или храбр в кавычки? Иронический смысл слов раскрывается из контекста.

Роль кавычек в стилистике огромна, но она совсем иная, и о ней-то ничего не говорит автор. А в нормативном пособии по стилистике следовало как раз предостеречь от такого употребления кавычек, о котором мы говорили выше.

В разделе о морфологии и синтаксисе собран богатый и полезный материал. Интересны здесь замечания об аффектированной речи; о формирующемся, ступенчатом предложении; о диалоге; о научной речи (примеры из И. П. Павлова); об эпистолярной литературе (письма Чехова) и многие другие. Но и здесь есть спорные положения и такие пробелы, о которых нельзя не упомянуть.

Очень немного места уделено наречию. Между тем самые выдающиеся наши языковеды и стилисты (в первую очередь В. Виноградов) уже давно отметили небывалую активность этой части речи в наше время. Наречие выполняло самые различные задачи, применялось удачно и неудачно, но очень своеобразно — у Малышкина («льстяще волочилась за ним чужая слава», «беззаветно, отданно», «стройно, шестнадцатилетне» и т. д.), у Леонова («побито отвернулся» и т. д.), у Федина («приказательно», «покровительно», «расстанно», «верещава») и другие. Анализ возможностей наречия, сопоставление современных наших наречий со старыми формами были бы очень уместны даже в самом кратком пособии по стилистике.

В важнейшем разделе книги «Синтаксис» с самого же начала резко противопоставлены: специально литературно обработанный синтаксис и синтаксис разговорный.

Необходимо было, конечно, рассмотреть различия этих синтаксисов и даже подчеркнуть эти различия. Но в книге А. Гвоздева они противопоставлены, и противопоставлены слишком догматически.

Это, говорит автор, две противоположные разновидности синтаксического строя. «Первый имеет специальную установку на языковую выразительность... на противоположном конце стоит разговорный синтаксис».

Литературно обработанный синтаксис отбирает, претворяет и узаконивает наиболее удачные (целесообразные) формы разговорного синтаксиса. (Маяковский рассказал, чего стоил ему «выдел», по его выражению, то есть именно литературная обработка своего стиля. А в нём, как известно, многие разговорные формы стали высокими образцами общенародного, литературного языка).

Но и разговорный синтаксис наших людей становится всё более литературным. Есть, конечно, стремление к языковой выразительности и в обиходном разговоре.

Это реальное, постоянное и бесконечно плодотворное взаимодействие не показано в книге А. Гвоздева.

«Приподнятость речи допускает в перечислении объединение логически далёких понятий», — пишет автор.

Но всё дело в том, что «логически далёкие» понятия в этих случаях перестали быть далёкими. И такое «сопряжение далёковатых идей» (Ломоносов) уже характерно не для приподнятой, риторической, как во времена Ломоносова, а для самой трезвой, строгой политической речи. Она не приподнятая, а высокая — смело сближающая, обобщающая, рассматривающая все существенно необходимые связи.

Здесь А. Гвоздев опять отрывает язык от мышления, не видит, что стилистическая ошибка — это раньше всего ошибка мышления.

Отметим ещё несколько частных фактических ошибок и стилистических небрежностей — особенно досадных в такой книге.

В качестве одного из слов, которые характеризуют быт Китая, указано слово «мандарин». Но это испанское слово характеризует только определённый сорт литературы буржуазных колонизаторов об «экзотическом» Китае. Сами китайцы никогда не знали в своём быту и не хотели знать этого слова.

Притяжательные прилагательные от собственных имён писателей и исторических деятелей, говорит автор, архаичны и вышли из употребления. В такой общей форме это неверно, — ср. «пушкинский стих», «ленинская характеристика», «тургепевская школа».

«Ибо» — книжно, говорит автор. Но уже Пушкин, как давно было отмечено нашими исследователями, придал этому слову важное, боевое значение причинно-подчинни-

тельного союза в аргументированной речи. Очень любил слово «ибо» Ленин. «Ибо» — пример книжного слова, которое — экономное, удобное — перестало быть книжным.

«Рыцарь печального образа» — не вполне нормальный фантазёр», — пишет А. Гвоздев. Слишком просторечное объяснение!

«Голубой» и «лазурный» — эти слова автор книги об оттенках слов объявляет почему-то парными, равнозначными, причём «лазурный», как слишком красивое слово и характерное будто бы только для лирики XIX века (плохой или хорошей?), он как бы совсем «отдаёт» прошлому.

«...Общеупотребительные слова характеризуются своего рода прозрачностью, или бесцветностью», — пишет автор.

В книге по стилистике надо было строже различать два смысла слова «бесцветность» и не смешивать «прозрачность» и «бесцветность». Но это изъяснительное «или» между словами «прозрачность» и «бесцветность» покажется ещё более досадным,

если обратиться к контексту, в котором это приведено.

Общепринятый язык, отмечает автор, состоит по преимуществу из общеупотребительных слов; это его основной фон. А дальше выясняется, что общеупотребительные слова бесцветны. Можно подумать, что общий фон общепринятого языка совершенно бесцветен, пока не окрасят его какие-нибудь специальные «языковые краски»... Это, конечно, грубая и очень печальная ошибка. Прозрачность в самом деле — органичная и драгоценная черта общепринятого языка, который вовсе не «бесцветен», а, напротив, так же ярок и красочен, как сама действительность.

В книге А. Гвоздева собран и систематизирован многообразный фактический материал, в ней есть много интересных частных решений. Начало научному изучению стилистики положено. Но эта книга требует серьёзной переработки.

Л. БОРОВОЙ.

★

Под влиянием теории «единого потока»

Целью краткого очерка истории грузинской литературы является ознакомление советского читателя вообще и учащихся вузов в частности с основными путями развития многовековой грузинской литературы, с творчеством наиболее значительных её представителей.

Первая часть книги, посвящённая древнегрузинской литературе (автор проф. А. Барамидзе), дробится на мелкие главы и подглавы, в которых даётся краткая характеристика, вернее — краткое описание отдельных памятников. За этой дробной, фрагментарной характеристикой теряется процесс развития литературы в целом. В общем потоке имён, названий и фактов, имеющих далеко не одинаковое значение, потонули такие выдающиеся памятники древнегрузинской литературы, как «Амиран-Дареджаниани» Хонели и «Висрамани» Тмогвели, «Абдулмессия» Шавтели и «Тамариани» Чахрухадзе, то есть как раз те произведения, авторов которых Руставели считал своими предшественниками.

То же самое нужно сказать о главе, посвящённой характеристике философских предшественников Руставели. Здесь много места уделено биографическому и фактическому материалу, но почти ничего не сказано о взглядах древнегрузинских философов, о влиянии этих взглядов на развитие литературы и т. д.

Всё это приводит к тому, что в книге почти не показан процесс подготовки того громадного расцвета, которого в XII веке достигла грузинская литература в лице Шота Руставели. Автор правильно отмечает, что Руставели впитал в себя все достижения древнегрузинской письменности, но этот вывод остаётся чистой декларацией, не подтверждённой и не аргументированной конкретным историко-литературным анализом.

Ведущей проблемой в анализе творчества Руставели должна была явиться проблема гуманизма, однако А. Барамидзе не счёл нужным уделить этому серьёзное внимание.

Говоря об основных идейных мотивах поэмы «Витязь в тигровой шкуре», автор пишет: «Ведущими идейными мотивами поэмы... нужно признать побратимство,

А. Барамидзе, Ш. Радиани, В. Жгенти. «История грузинской литературы. Краткий очерк». Редактор И. Терехов. Учпедгиз, М. 1952.

дружбу народов, культ женщины и любовь, усердие и верность в выполнении общественного долга, патриотизм». В этой нечёткой, расплывчатой формулировке в один ряд поставлены понятия разного плана, имеющие различное значение. Кроме того, идейные мотивы здесь в ряде случаев подменены тематическими мотивами, которые сами по себе ещё ничего не говорят об идее произведения.

Автор даёт в общем правильные характеристики образов героев, но и в этих характеристиках встречаются досадные неточности, которые могут дезориентировать читателя. Так, например, перечисляя достоинства Нестан-Дареджан, автор называет её «безропотной», что противоречит дальнейшему анализу этого образа. Сказать о Тариэле и Автандиле, что они «исключительно любвеобильны», значит не отдавать себе отчета в значении слова «любвеобильный» и волей-неволей исказить образ руставелиевских героев.

Очень слабым представляется анализ поэтических особенностей поэмы Руставели. Автор ничего не говорит об её композиции, о принципах построения сюжета, об её образной системе.

Более чётко построены в очерке главы, характеризующие послеруставелиевскую эпоху.

Однако и в этом разделе необходимо отметить ряд существенных недостатков. Главный из них — объективизм в оценке ряда реакционных и консервативных явлений в грузинской литературе. Так, например, в очерке даётся слишком либеральная и мягкая оценка деятельности Католикоса Антония I, занимавшего консервативные, реакционные позиции.

Нет в книге достаточно чёткого анализа творчества такого сложного и своеобразного художника второй половины XVIII века, как Бесики (Бесарион Габашвили). Автор пишет: «Бесики... оставил значительный след в истории грузинской поэзии. Он известен преимущественно как лирик, восторженный певец пылкой любви. Этот безудержный гедоник красочно и выразительно воспеваает стан, уста и вообще внешний облик красавиц. Неубузданные страсти и переливы нежнейших чувств любви передаются у Бесики исключительно звучными и изящными стихами».

Непонятно, зачем понадобилось А. Барамидзе панегирически оценивать то, что

было наиболее слабым в творчестве этого поэта. Известно, что против влияния именно этих сторон творчества Бесики боролись в дальнейшем передовые грузинские писатели.

К числу недостатков следует также отнести объективистскую оценку, данную А. Барамидзе грузинским историческим летописям «Жизнь Грузии».

Таковы основные существенные недостатки первой части «Краткого очерка».

Не вызывает возражений принцип построения второй части учебника, посвящённой грузинской литературе с начала XIX столетия до установления советской власти в Грузии. Здесь, наряду с монографическими очерками, посвящёнными отдельным крупным писателям, дана общая характеристика развития литературы указанного периода. Но и эта часть страдает серьёзными недостатками.

Не всегда согласованы мысли, высказанные Ш. Радиани в вводной статье, с тем конкретным анализом творчества писателей, который он даёт в своих монографических статьях. Более того, здесь встречаются порою диаметрально противоположные формулировки. Так, например, в вводной главе Ш. Радиани утверждает, что «грузинским романтикам не пришлось вести борьбу против устарелых литературных традиций, поэтических принципов или художественных направлений». В ходе дальнейшего конкретного анализа автор сам опровергает это положение, говоря о новаторстве грузинских романтиков, об их борьбе с устаревшими восточными литературными традициями и поэтическими принципами. Так же противоречивы рассуждения Ш. Радиани о классицизме в грузинской литературе.

В общем обзоре, посвящённом литературе 60—70-х годов XIX века, Ш. Радиани говорит о том громадном влиянии, которое оказала передовая русская литература на грузинских писателей. Приступив же к конкретному анализу творчества грузинских романтиков, автор не уделяет должного внимания этому вопросу, имеющему столь принципиальное значение. А ведь именно благодаря творческой ориентации на русскую литературу грузинские романтики преодолевали влияние тех «устарелых литературных традиций» и «поэтических принципов», наличие борьбы с кото-

рыми отрицает Ш. Радиани в своей вводной главе.

Неверную оценку даёт автор социальным мотивам в творчестве Г. Орбелиани. О значительнейшем стихотворении поэта «Рабочий Бокуладзе», отмеченном идейным влиянием грузинских шестидесятников и, в свою очередь, сыгравшем большую прогрессивную роль в истории грузинской литературы, автор пишет: «Именно в этом произведении явственно проявилась историческая и классовая ограниченность мировоззрения Г. Орбелиани». Классовая ограниченность, несомненно, была присуща поэту, но именно в этом стихотворении он сумел возвыситься до реалистического изображения бедственного положения трудового люда. О других произведениях поэта, написанных на подобную же тему, Ш. Радиани говорит: «... интерес Г. Орбелиани к жизни простых людей вряд ли направлялся какими-либо серьёзными идейными соображениями». Такое утверждение, к тому же не аргументированное, может привести лишь к недооценке объективного значения демократических и реалистических тенденций в творчестве поэта.

Некоторые формулировки автора носят подчас анекдотический характер. Так, например, на странице 87-й читаем: «Г. Орбелиани является одною из противоречивых фигур в грузинской поэзии: типичный романтик в поэзии, он был трезвым реалистом в своей административной деятельности». Может ли такое определение помочь читателю понять, в чём состояла подлинная противоречивость в творчестве поэта?

В главе о Н. Бараташвили встречаются определения, которые могут вызвать лишь недоумение.

Автор пишет: «Своеобразен поэтический язык Н. Бараташвили. Подбор слов, их расположение и грамматическое оформление в его поэзии носят чрезвычайной индивидуальный характер». Теоретическая беспомощность в анализе поэтических средств довершается здесь открытием некоей индивидуальной грамматики, которой якобы пользуется поэт.

Неверно трактуется стихотворение Н. Бараташвили «Мерани»: автор приписывает поэту бегство от жизни, от действительности. Он пытается даже «оправдать» и «объяснить» это бегство. «Герой «Мерани», — пишет Ш. Радиани, — уда-

ляется от жизни, от действительности не из отчаяния или узко личных соображений, а ради высокоморальных гражданских принципов». Написать так — значит не понимать идейно-философской проблематики этого стихотворения, в котором речь идёт не о бегстве от затхлой действительности, а о борьбе с ней, о благородном стремлении поэта своей борьбой с «судьбиной чёрной» проложить путь грядущим поколениям.

В книге даётся характеристика литературы шестидесятых годов, отмечается та поистине колоссальная роль, которую сыграли Илья Чавчавадзе и А. Церетели не только в истории грузинской литературы, но и во всех областях общественной жизни Грузии второй половины XIX и начала XX столетий. Но, к сожалению, и эта часть учебника не свободна от ряда крупных ошибок, неверных и неточных формулировок. Типична в этом смысле глава об Илье Чавчавадзе.

Автор не сумел с достаточной чёткостью раскрыть мировоззрение Ильи Чавчавадзе. Для писателя, давшего в своих произведениях потрясающую по своей силе критику крепостного уклада, были характерны колебания, отклонения от демократизма в сторону либерализма, выразившиеся в проповеди сотрудничества сословий, «классового мира» как основы национального возрождения Грузии. В творчестве Ильи Чавчавадзе демократ брал верх над либералом, но о присущих ему противоречиях и колебаниях необходимо было сказать для правильного уяснения взглядов грузинских шестидесятников вообще и Ильи Чавчавадзе в частности.

Обходится также вопрос о противоречиях в мировоззрении и творчестве крупнейшего грузинского прозаика 80-х гг. Александра Казбеги. Произведения А. Казбеги вошли в золотой фонд грузинской классики, положительное значение его творчества совершенно несомненно, но именно величие писателя делает ненужным замалчивание слабых сторон его мировоззрения. Что же касается анализа художественного мастерства А. Казбеги, то здесь автор ограничивается пустыми, ничего не говорящими фразами. Что могут, например, дать читателю такие рассуждения: «Образы... взятых из жизни лиц А. Казбеги доводит до художественного обобщения...»; или: «он хорошо знает, что для того, чтобы получить подлинно художе-

ственный образ, необходимо основательно осмыслить взятый из жизни материал...» Ведь это азбучные, прописные истины; всё, что здесь говорится о А. Казбеги, можно отнести чуть ли не ко всем писателям разных эпох и народов. Никакого представления о художественном своеобразии творчества А. Казбеги такой анализ не даёт.

Вызывает серьёзные возражения глава, посвящённая Важа Пшавела. Автор рассматривает творчество одного из крупнейших грузинских классиков с неверной точки зрения, распространившейся в последнее время в грузинском литературоведении. Сущность её состоит в том, что в произведениях Важа Пшавела не нашли якобы должного отражения значительные социальные проблемы того времени. Точка зрения эта глубоко ошибочна — и фактически и методологически. Фактически потому, что сторонники её игнорируют многие произведения писателя, посвящённые злободневным социально-политическим проблемам. Методологическая же ошибка состоит здесь в том, что анализ идейной проблематики в творчестве писателя подменяется разговором об одной лишь тематике. Так, например, Ш. Радиани отмечает в качестве недостатка, что «тематика многих произведений Важа Пшавела ограничена жизнью горских племён...». Но величие и гениальность Важа Пшавела в том-то и заключаются, что на сравнительно узком тематическом участке он смог создать произведения большого значения. В период, когда буржуазные идеологи выступали апологетами нравственного и литературного распада, когда они, проповедуя человеконенавистничество, разжигали вражду между народами, — Важа Пшавела высоко поднял знамя гуманности, выступив певцом цельной человеческой личности, призывая к уничтожению вражды между людьми, к установлению мира.

Ш. Радиани же, рассматривая творчество великого поэта преимущественно как этнограф-бытописателя, даёт поверхностный и подчас ошибочный анализ его произведений, в частности, таких его поэм, как «Гость и хозяин», «Змеед» и «Бахтриони». За их темой и сюжетом Ш. Радиани не видит идейной проблематики.

Творчеству грузинских писателей 90-х годов, периода революционного подъёма и русской революции 1905 года, а также литературе периода реакции, мировой войны и меньшевистской диктатуры в Грузии по-

священы главы учебника, написанные В. Жгенти. Эти главы в большей степени, чем весь остальной материал книги, отвечают тем задачам, которые стояли перед авторами «Краткого очерка» и по методологии и по характеру изложения.

Несколько сложнее обстоит дело с очерком истории грузинской советской литературы (автор В. Жгенти). Здесь даётся общая характеристика развития литературы по определённым историческим периодам, а затем в отдельных главах анализируется творчество крупнейших писателей. Осуществлён этот принцип, однако, не совсем удачно. Общий обзор и отдельные монографические главы органически не связаны между собой. Отсюда ряд ненужных повторов. Недостаточно продуман принцип отбора писателей, творчество которых рассмотрено в монографических главах. Заслуживал специального анализа ряд произведений Г. Кучишвили, К. Лордкипанидзе, И. Абашидзе, К. Каладзе, почему-то обойдённый молчанием, Слишком поверхностны характеристики поэтов И. Нонешвили и Р. Маргиани.

Совершенно выпало из поля зрения В. Жгенти творчество советских грузинских критиков.

По сути дела В. Жгенти в общих обзорах не идёт дальше определения темы того или иного произведения. Такой метод приводит к полной нивелировке. Невольно создаётся впечатление, что писатели Советской Грузии отличаются один от другого лишь темами своих произведений. В общих обзорах В. Жгенти, как правило, избегает разговора о недостатках перечисляемых им произведений. В рекламно-хвалебном тоне написана глава о послевоенной грузинской литературе.

В учебнике говорится о взаимосвязях советской грузинской литературы с литературами народов братских республик. Но эти рассуждения не подкреплены конкретными примерами.

Без достаточной глубины показано плодотворное воздействие русской советской литературы на творчество грузинских писателей.

К числу серьёзных недостатков этой части учебника относится неверная оценка В. Жгенти романов Ш. Дадниани «Юрий Боголюбский» и, особенно, К. Гамсахурдиа «Давид Строитель», содержащих грубейшие ошибки.

ки буржуазно-националистического характера.

Теоретический уровень очерка снижают декларативность, риторический пафос, поверхностность анализа.

«Краткий очерк» даёт представление об отдельных фактах истории грузинской литературы и биографий грузинских писателей, он помогает в общем разобраться в творчестве некоторых из них, ознакомиться с эпохой, в которой они жили и творили. Но учебник не даёт чёткого и ясного представления о путях развития грузинской литературы, ибо, во-первых, проблемно-историческое исследование литературного процесса подменено здесь в большинстве случаев характеристикой отдельных писателей и произведений (к тому же без чёткого разграничения крупных и второстепенных явлений); во-вторых, даже этот дробный и фрагментарный анализ даётся часто с

объективистских позиций, без достаточно глубокого показа внутренней противоречивости литературного процесса, борьбы двух культур в пределах одной национальной культуры, без достаточно ясного выявления прогрессивных, демократических и, наконец, социалистических элементов этой культуры. Короче говоря, и в построении учебника, и в подборе материала, и в общем освещении литературного процесса сказалось непреодоленное и неизжитое ещё до конца в советском литературоведении влияние теории «единого потока».

В заключение отметим низкий уровень редактуры очерка. В книге много стилистических, языковых и даже грамматических ошибок. Не всегда унифицированы названия произведений, фамилии авторов. Книга изобилует опечатками.

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ.

★

Политика и наука

За боевой экономической журнал

Журнал «Вопросы экономики» является органом Института экономики Академии наук СССР. Он призван, опираясь на гениальные труды классиков марксизма-ленинизма, смело ставить и глубоко освещать важнейшие проблемы политической экономики социализма и капитализма, творчески разрабатывать экономическую науку. Журнал должен глубоко обобщать практику коммунистического строительства в СССР и строительства социализма в странах народной демократии, освещать основные тенденции развития современного капитализма. Важнейшей задачей журнала является разоблачение антинаучных «теорий», пропагандируемых апологетами империализма. Особенно велики и почётны задачи, стоящие перед журналом сейчас, когда миллионы людей в нашей стране и за рубежом изучают новый труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

В 1952 году в «Вопросах экономики» был помещён ряд интересных и полезных статей и материалов.

Из статей, посвящённых политической экономии социализма, следует отметить статью

«Вопросы экономики». №№ 1—12 за 1952 г. Академия наук СССР. Институт экономики. Главный редактор К. В. Островитянов. Издательство «Правда».

А. Румянцева «О характере экономических законов при социализме» (№ 11). Основываясь на гениальном труде И. В. Сталина, автор последовательно и достаточно полно осветил вопрос. В статье излагаются развитые И. В. Сталиным положения об особенностях экономических законов, состоящие в том, что экономические законы, во-первых, недолговечны, а во-вторых, открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречает сильнейшее сопротивление со стороны этих сил.

Журнал опубликовал несколько содержательных статей, посвящённых Международному экономическому совещанию в Москве. В статье М. Смит «Рост нормы эксплуатации в США после второй мировой войны» (№ 7) показано, как чудовишно выросла эксплуатация американских рабочих горсткой монополистов, борющихся за получение максимальных прибылей. Интересный материал содержит статья А. Алексеева «Усиление паразитизма и загнивания современного капитализма» (№ 5), в которой автор самостоятельно произвёл подсчёт национального дохода США, Англии и Франции за 1946—1950 годы в сопоставимые цены. А. Алексеев характеризует причины чрез-

вычайно медленных темпов роста национального дохода указанных стран и в ряде случаев — уменьшения его.

Однако отдельные удачи «Вопросов экономики» тонут в большом количестве недостатков и ошибок.

В недалёком прошлом в журнале «Вопросы экономики», так же как и в журналах «Большевик» и «Плановое хозяйство», печатались статьи, содержавшие ошибки субъективно-идеалистического, волюнтаристского толка в объяснении таких коренных вопросов политической экономии, как характер экономических законов, социалистическое планирование и др.

В 1952 году журнал не подверг критике эти субъективно-идеалистические ошибки своих авторов.

В № 7 журнала была опубликована статья И. Гладкова «О планомерном развитии социалистического народного хозяйства». И. Гладков в недалёком прошлом допускал серьёзные ошибки субъективистского порядка по такому важнейшему вопросу, как социалистическое планирование. Несмотря на это, указанная статья И. Гладкова не самокритична. Кроме того, она страдает существенными недостатками. Автор почти не затронул вопроса о народнохозяйственных пропорциях (например, о соотношении производства средств производства и производства предметов потребления), чрезвычайно слабо показал объективный характер закона планомерного, пропорционального развития.

Как уже отмечалось в журнале «Коммунист», в № 4 «Вопросов экономики» была опубликована «валежная рецензия А. Курского на книги И. Гладкова по истории социалистического планирования, страдающие грубыми ошибками волюнтаристского толка. А. Курский, который сам высказывал субъективно-идеалистические взгляды, объявил книги И. Гладкова «серьёзным научным исследованием».

Начиная с № 10, журнал стал публиковать статьи, посвящённые труду товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Уже в первых статьях на эту важнейшую тему обнаружился ряд недостатков.

В статье Г. Козлова «Основной экономической закон социализма» (№ 10) неудовлетворительно показан объективный характер этого закона. Автор не раскрывает того важнейшего положения, что цель социа-

листического производства объективно обусловлена, недостаточно чётко выясняет связь между целью социалистического производства и средством, с помощью которого эта цель осуществляется. Следует также отметить несамокритичный характер статьи Г. Козлова. Он не подверг критике свои ошибочные субъективистские взгляды по важнейшим проблемам политической экономии социализма, которые неоднократно высказывал раньше.

Статья М. Рубинштейна «Основной экономической закон современного капитализма» (№ 10) также страдает серьёзными недостатками. Автор уклонился от освещения объективного характера основного экономического закона современного капитализма. М. Рубинштейн не проанализировал вопрос о том, почему без максимальной прибыли в условиях современного капитализма невозможно более или менее регулярно осуществлять расширенное воспроизводство. Его статья, по сути дела, сводится лишь к описанию того, как монополисты гонятся за максимальной прибылью. Следовательно, автор выпячивает субъективный момент, совершенно не показывая, что субъективное стремление монополистов получать максимальную прибыль объективно обусловлено. Другим серьёзным недостатком статьи является слабый показ значения открытого И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма для революционной борьбы пролетариата под руководством коммунистических и рабочих партий.

Аналогичными недостатками страдает содержательная в целом статья академика И. А. Трахтенберга «Особенности воспроизводства и кризисов в современном капитализме» (№ 10). Автор также уклонился от анализа объективного характера закона современного капитализма. В специальной статье, посвящённой характеру воспроизводства при империализме, И. Трахтенберг даже не попытался показать органическую связь между максимальной прибылью и возможностью для монополистического капитализма осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство.

Один из основных недостатков работы журнала «Вопросы экономики» в истекшем году состоял в том, что на его страницах не получали освещения важнейшие экономические проблемы социализма и современного капитализма. Редакция проявляла

недопустимую робость, избегая ставить острые и дискуссионные вопросы, предпочитая печатать из номера в номер серые, скучные статьи, повторяющие общеизвестные истины.

Ярким примером подобного рода статей может служить статья И. Ширинского (№ 10), посвящённая важнейшему вопросу — директивам XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. Автор попросту переписал соответствующие места из директив, но совершенно не помог читателю теоретически осмыслить приведённые в статье цифры. И. Ширинский не связал директивы XIX съезда КПСС по пятой пятилетке с законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР, не проанализировал органической связи, существующей между всеми показателями директив. Вместо этого И. Ширинский заполнил свою статью простым перечислением цифр и фактов. Автор не объясняет такую особенность пятой пятилетки, как несколько меньшие темпы роста промышленности по сравнению с четвёртой пятилеткой. Ни слова не говорит И. Ширинский о задачах совершенствования практики планирования в пятой пятилетке.

Вдобавок ко всему И. Ширинский неточно осветил один очень важный вопрос. Он пишет: «Наша страна выплывает сейчас (подчёркнуто нами.—Б. П.) стали примерно столько же, сколько Англия, Франция, Бельгия и Швеция, вместе взятые». Эти данные относятся к 1951 году. С тех пор советская чёрная металлургия шагнула вперёд. Об этом автор должен был сказать.

Неудовлетворительна и статья Ф. Кошелева (№ 9). Автор поставил своей задачей охарактеризовать неуклонный подъём жизненного уровня трудящихся СССР, но справился с этим плохо. В статье приводятся известные цитаты, цифры и факты, но никакого теоретического анализа не даётся. Ф. Кошелев не сделал попытки теоретически осветить большие и чрезвычайно положительные изменения в структуре народного потребления, происходящие в СССР в послевоенный период. Помимо всего этого, автор проявил недопустимую небрежность. Он пишет, что в 1950 году 26 процентов национального дохода «были использованы прежде всего (подчёркнуто нами.—Б. П.) на расширение социалистического производства и на дру-

гие общегосударственные и общественные нужды». «Прежде всего» — здесь ни к чему: 26 процентов национального дохода были использованы не «прежде всего» на расширение производства и другие общегосударственные и общественные нужды, а только для этого.

Недостатки, присущие в наибольшей степени статьям И. Ширинского и Ф. Кошелева, в той или иной степени характерны для ряда других статей, печатающихся в «Вопросах экономики». В статье Р. Лившиц «Промышленный подъём экономических районов СССР в послевоенной пятилетке» (№ 2), содержащей большое количество цифр, можно часто встретить выражения: «быстрыми темпами», «быстро развивалась», но нельзя найти здесь анализа экономических связей между районами нашей страны и их изменений в послевоенный период, в частности, изменений в перевозках грузов между районами и т. д.

Само собой разумеется, что факты и цифры, и притом в значительном количестве, необходимо приводить в экономических статьях. Но факты и цифры надо комментировать, осмысливать, показывая связь и взаимозависимость экономических явлений.

Стремление обходить наиболее важные экономические проблемы проявляется и в тематике «Вопросов экономики». Журнал не освещал такие кардинальные вопросы политической экономии социализма, как, например, баланс народного хозяйства, национальный доход, соотношение между накоплением и потреблением, расширенное социалистическое воспроизводство, советские деньги и др. А ведь именно эти основные вопросы политической экономии социализма интересуют читателей.

Журнал уделяет достаточно внимания отраслевым проблемам социалистической экономики. Но он освещает их неудовлетворительно, не заостряя внимания по существу ни на одном из важнейших вопросов экономики социалистических предприятий, какими являются режим экономии, ритмичность работы предприятий, недостатки в планировании себестоимости промышленной продукции и т. д. Как известно, эти вопросы были во весь рост поставлены товарищем Г. М. Маленковым в его докладе на XIX съезде партии.

Бросается в глаза и тот факт, что журнал не уделяет внимания строительству

социализма в европейских странах народной демократии.

Как правило, «Вопросы экономики» не публикуют статей, в которых рассматриваются коренные вопросы экономики империализма. Вместо этого печатаются поверхностные статьи и обзоры, сообщающие читателю хорошо известные факты. Такова, например, статья С. Слободского «Рабочий класс Италии в борьбе за мир и демократию» (№ 9), обзор Б. Киселёва «Бельгийское Конго в агрессивных планах американского империализма» (№ 6) и ряд других.

Крайне редко выступает журнал с острыми, боевыми статьями, разоблачающими реакционную идеологию империализма, клеветническую пропаганду буржуазных экономистов, направленную против СССР, против марксистско-ленинской теории. Весьма слабо разоблачаются на страницах журнала агрессивные «теории» учёных лакеев империализма, проповедующих войну в качестве «спасения» человечества.

Крупнейшим недостатком «Вопросов экономики» является отсутствие систематических конъюнктурных обзоров по экономике капитализма. В этом отношении журнал сделал даже шаг назад по сравнению с ранее существовавшим журналом «Мировое хозяйство и мировая политика», который печатал в качестве приложения конъюнктурные бюллетени. Не подлежит сомнению, что публикация систематизированных цифр по капиталистической экономике принесла бы читателям журнала большую пользу. Редакция располагает для этого широкими возможностями. В Институте экономики Академии наук СССР работает специальный сектор конъюнктуры, накопивший богатый материал. Большой интерес у читателей встретили статистические материалы, опубликованные этим сектором в № 12 «Вопросов экономики» за 1951 год. Несмотря на их краткость и неполноту, ряд экономистов пользуется до сих пор этими данными, хотя они во многом уже устарели. Почему же «Вопросы экономики» не возьмут себе за правило печатать конъюнктурные обзоры периодически? Неужели редакция не понимает, что цифры и факты — это хлеб экономистов?

Надо отметить, что журнал не уделяет

достаточного внимания освещению важнейших вопросов истории народного хозяйства и истории экономических учений.

Серьёзные упрёки следует предъявить отделу критики и библиографии журнала. Одним из главных недостатков рецензий является то, что многие из них лишь пересказывают содержание книг, но не дают им должной оценки. Типичной в этом отношении является рецензия Г. Обориной «Об аграрных отношениях в Италии» (№ 9). Взавшись рецензировать книги видных деятелей итальянской коммунистической партии, Г. Оборина не справилась с задачей. Она смогла только изложить содержание книг, но совершенно не сумела проанализировать их, показать, как эти работы излагают марксистско-ленинскую теорию аграрного вопроса, не смогла определить их значения для революционной борьбы трудящихся Италии.

Проведённые и проводимые журналом отдельные дискуссии не затрагивают коренных проблем политической экономии. Так, в 1952 году в журнале печатались дискуссионные статьи по вопросам статистики, однако участники дискуссии спорили главным образом об определении предмета статистики, не затрагивая коренных проблем этой науки. Понятно, что такие дискуссии большой пользы принести не могут.

Язык многих статей журнала крайне сух и трафаретен.

Подводя итоги, следует сказать, что журнал «Вопросы экономики» ещё далёк от выполнения стоящих перед ним серьёзных задач. Он не удовлетворяет возросшим требованиям советских людей. Метод творческих дискуссий и свободы критики не стал ещё ведущим методом работы журнала. Советские экономисты вправе требовать от своего центрального журнала широкой творческой разработки главных вопросов экономической науки, гениальный анализ которых дан в новом труде И. В. Сталина. Опираясь на широкий авторский актив, смело привлекая растущие молодые кадры, неуклонно применяя метод критики и самокритики, редакция «Вопросов экономики» может и должна преодолеть недостатки журнала и превратить его в подлинно боевой орган советских экономистов.

Б. ПЕТРОВ.

Хроника героической борьбы

Уже более двух с половиной лет продолжается суровая, мужественная борьба корейского народа против американско-английских агрессоров, а бои идут всё в том же месте, откуда летом 1950 года интервенты начали свой бесславный поход на север.

Чего только не предпринимали они в течение этих двух с половиной лет, чтобы продвинуться к северу от 38-й параллели! Агрессоры бросили в Корею полумиллионную армию, огромное количество авиации, артиллерии, танков, боевых кораблей. Интервенты неоднократно предпринимали «концентрированные» и «ограниченные» наступления, проводили «зимние» и «весенние», «летние» и «осенние» кампании, осуществляли военные операции с гангстерскими названиями «Убийца» и «Удушение».

Американско-английские захватчики и их пособники из месяца в месяц, изо дня в день подвергают варварским бомбардировкам мирные населённые пункты, где никогда не было и нет ни единого военного объекта. Варвары в форме армии США превратили в руины цветущие города, разграбили и уничтожили исторические и культурные ценности корейского народа. Они сжигают напалмом поля и крестьянские хижинки, сбрасывают бомбы, начинённые бактериями чумы, и стреляют химическими снарядами. Захватчики истребляют женщин, детей, стариков, истязают и растравливают военнопленных.

Но героический корейский народ совместно с пришедшими ему на помощь китайскими народными добровольцами наносит агрессорам удар за ударом, срывает их планы, одерживает славные победы.

Событиям в Корее посвящена книга полковника М. П. Толчёнова «Вооружённая борьба корейского народа за свою свободу и независимость». Книга представляет собой хронологический обзор военных действий в Корее с момента начала войны, то есть с июня 1950 года по июнь 1952 года.

В начале книги показано, как империалисты США после разгрома Советской Армией империалистической Японии гото-

вили нападение на Корейскую Народно-Демократическую Республику. Ход войны в Корее — по содержанию боевых операций и соответственно по их результатам — автор условно разделяет на три этапа.

Первый этап охватывает период с 25 июня по 15 сентября 1950 года и характеризуется успешным контрнаступлением корейской Народной армии.

Как известно, лисынмановские войска, перешедшие 25 июня 1950 года 38-ю параллель и вторгшиеся на территорию Северной Кореи, встретили достойный отпор. Охранные отряды Корейской Народно-Демократической Республики остановили продвижение противника в пределах 1—2 километров севернее 38-й параллели, а затем, действуя совместно с полевыми частями Народной армии, перешли в контрнаступление. Захватив инициативу боевых действий в свои руки, войска Народной армии в последующий период добились крупных успехов.

Главы книги возвращают нас к тем дням, когда солдаты армии Корейской Народно-Демократической Республики, преодолевая огромные трудности, с боями продвигались на юг, радостно встречаемые населением, изнывающим под властью американских империалистов и под игом военно-полицейского режима клики Ли Сын Мана. Через крутые горы и бурные реки, по дорогам и обходным тропам, неся на себе боеприпасы и продовольствие, шли солдаты правды, мира и свободы. И восторженно рукоплескали им жители Чхунчхоня, громкими возгласами «Мансе!» («Ура!») встречали их в Каннине и Йонволе, украшенный флагами, приветствовал их освобождённый Сеул, песней о Ким Ир Сене провожали уходящих на юг освободителей в Пхентхэке.

Созданная империалистами США, ими вооружённая, обученная и обмундированная армия предателя корейского народа Ли Сын Мана панически бежала на юг, бросая оружие, технику, штабные документы. Вместо победных реляций, ожидаемых правителями США, в Вашингтон поступали донесения о крушении американских планов, о бегстве американских офицеров и дипломатов.

Чтобы спасти лисынмановскую армию от полного разгрома, военное командова-

М. П. Толчёнов. «Вооружённая борьба корейского народа за свою свободу и независимость». (Обзор военных действий. Июнь 1950 г.—июнь 1952 г.). Редактор подполковник А. М. Беликов. Военное издательство, М. 1952.

ние США спешно бросило в Корею американские части: вслед за 24-й пехотной дивизией—25-ю и 2-ю пехотные дивизии, а также 1-ю кавалерийскую (мотомеханизированную) дивизию. Разрушив переправы через реку Кымган, усилив оборонительные рубежи инженерными сооружениями, бросив большое количество авиации, американское командование рассчитывало остановить наступление Народной армии на этом водном рубеже. Но ничто не могло устоять перед наступательным порывом солдат Корейской Народно-Демократической Республики. Этот «последний естественный оборонительный рубеж», писал корреспондент английской «Санди таймс», был «потерян даже менее чем через 24 часа».

Уже на этом этапе американские агрессоры имели возможность убедиться в силе Народной армии. И всё же, пренебрегая уроками первых боёв, они решили расширить масштабы своей агрессии, любой ценой изменить катастрофически развивающийся для них ход боевых действий. С этой целью в Корею из Японии был спешно брошен 10-й армейский пехотный корпус армии США.

Начался второй этап войны — с 15 сентября по 25 октября 1950 года.

Более 50 тысяч отборных головорезов с артиллерией и танками, поддерживаемые 800 самолётами и огромным количеством боевых кораблей, осуществив десантную операцию в Инчоне (Чемульпо), рвались к Сеулу, чтобы затем перерезать Корейский полуостров, окружить и уничтожить основные силы Народной армии. Интервенты, пишет М. П. Толчёнов, уже подсчитывали, сколько будет взято пленных, какие достанутся трофеи.

Но Народная армия и на этот раз сорвала планы агрессоров. В чрезвычайно трудных условиях она совершила один из сложных видов манёвра и осуществила стратегический отход. В условиях боевого соприкосновения с численно превосходящим противником, под воздействием вражеской авиации, она вышла из-под удара интервентов, сохранив главные силы для последующего удара по врагу. Велика заслуга в этом героических защитников Сеула, которые в упорных многодневных боях приковали к себе крупные силы интервентов и тем самым сорвали их планы.

Автор напоминает нам памятные собы-

тия, даты. Вот день 24 ноября 1950 года. Палач Кореи Макартур вещает на весь свет о том, что его «ребята» пошли в «последнее, решающее наступление». Но прошло всего лишь несколько дней, и «Нью-Йорк геральд трибюн» 30 ноября уже пишет: «Повидимому, почти вся наша действующая армия попала в огромную ловушку. Ближайшая цель заключается в том, чтобы спасти её». И армия агрессоров находит спасение в бегстве. Её путь отмечен трупами тысяч солдат, обгорелыми танками, поломанными орудиями. В Пхеньяне интервенты бросают свои исправные тяжёлые танки, в Сеуле их уже обременяют лёгкие танки,—они бросают и их. Первенство в беге держат американцы. Под угрозой оружия они оставляют для прикрытия то турецких, то французских, то английских «союзников».

Интервенты, которым ценою колоссальных жертв удалось прорваться в пределы Северной Кореи, были с огромными потерями отброшены за 38-ю параллель частями корейской Народной армии и пришедшими им на помощь китайскими добровольцами.

С тех пор агрессоры, прикрываясь опозоренным флагом ООН, предпринимали несколько наступлений, но тщетно. Все их попытки прорваться в глубь Северной Кореи разбиваются о стойкость и мужество, о несгибаемую волю воинов корейской Народной армии и добровольцев народного Китая.

М. П. Толчёнов заканчивает описание боевых действий июнем 1952 года. За время, прошедшее с тех пор, интервенты предприняли ещё одно «генеральное» наступление — самое крупное за последний год. Это наступление, названное штабом генерала Кларка «осенне-зимней кампанией», началось в октябре и продолжалось весь ноябрь и первую половину декабря. Американское командование, превращавшее мирные переговоры в Паньмыньчжоне, намеревалось к открытию VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН захватить Кэсон, Вонсан и районы, прилегающие к Пхеньяну. Генералы Кларк и Ван Флит до предела насытили боевые порядки огневыми средствами и сосредоточили на узких участках фронта огромные массы пехоты, чтобы прорвать оборону. Только в одном из секторов близ Кымхва, где шли наиболее ожесточённые бои, американская артилле-

рия ежедневно выпускала в среднем около 24 тысяч снарядов. Американская авиация производила ожесточённые бомбёжки. Каменные вершины сопок были буквально искромсаны снарядами и бомбами.

И всё же высоты оказались неприступными. Отчаянные попытки агрессоров прорваться внутрь Северной Кореи кончились для них плачевно. Только в секторе близ Кымхва они потеряли около 20 тысяч убитыми и ранеными. В ноябре 1952 года по сравнению с декабрём 1951 года потери интервентов в живой силе увеличились в шесть раз, а потери авиации — больше чем в два с половиной раза.

Два года назад, перед новым, 1951 годом, американское командование обещало солдатам «скорую победу и возвращение домой». Накануне 1953 года оно уже не обещало им ни того, ни другого. Америкапские генералы в Корее лишь требуют пушечного мяса для продолжения безнадёжной кровавой авантюры.

М. П. Толчёнов сделал хорошее дело, собрав воедино материал о боевых действиях в Корее на протяжении двух лет. Издательство выпустило в свет нужную и полезную книгу.

Остановимся теперь на некоторых её недостатках.

Целесообразно было бы выделить в книге наиболее крупные операции (пусть даже без детализации в их описании), более чётко очертить рамки этих операций, показав их масштабы и результаты. Особен-

но это необходимо было сделать в пятой главе, где описывается третий этап войны. Ему отведено мало места, хотя этот этап — самый длительный по времени и наиболее насыщенный по содержанию. Именно на этом этапе корейская Народная армия в тесном взаимодействии с китайскими добровольцами провела пять крупных и успешно завершённых операций, анализ которых был дан Ким Ир Сенем 14 августа 1951 года в его докладе на торжественном заседании в Пхеньяне по поводу шестой годовщины освобождения Кореи.

Напрасно автор объединил в один этап период контрнаступления, которое вела Народная армия, начиная с 25 октября 1950 года, и период позиционных боёв в 1951 и 1952 годах.

Стоило бы отдельно разобрать так называемую операцию «душение», которая занимала значительное место в планах американского командования и была сорвана благодаря героизму воинов корейской Народной армии и китайских добровольцев.

Материалы о подготовке американской агрессии в Корее следовало объединить и поместить в одном разделе. Тем самым была бы ликвидирована известная разбросанность, которая имеет место в книге.

Вызывает упрёки читателя и язык книги. Он недостаточно живой и яркий. Хотя работа М. П. Толчёнова и представляет собой только обзор военных действий, она могла бы быть написана менее сухо.

Подполковник А. БОЖЕНКО.

★

Небрежное отношение к большой теме

Много книг о великих стройках коммунизма выпустили областные и республиканские издательства. Эту инициативу можно только приветствовать, ибо нет такой области и края, которые не вносили бы своей лепты во всенародное гидротехническое строительство.

В. Т. Карпов. «Великие стройки сталинской эпохи». Редактор Н. Крэмнитцер. Иркутское областное издательство, 1952.

А. Г. Иосифьян. «Великие стройки коммунизма и задачи советской науки и техники». Ответственный редактор М. М. Лебедев. Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1951.

В. В. Мельшиян. «Великие стройки коммунизма — всенародное дело». Редактор В. Хахин. Тульское областное издательство, 1952.

Подавляющее большинство книг находится на достаточно высоком уровне, обогащая знания читателей и знакомя их с великолепными достижениями советских строителей.

Но наряду с полноценными работами встречаются ещё, к сожалению, и такие, на которых лежит печать спешки, небрежности. В результате в них обнаруживаются неточности, а иногда и существенные ошибки, особенно непростительные в массовых изданиях, посвящённых столь важной и дорогой советским людям теме.

«Великие стройки сталинской эпохи» — так называется книга В. Карпова, выпущенная Иркутским областным издательством. Живой, конкретный показ колоссаль-

ного народнохозяйственного эффекта, который будет достигнут благодаря великим сооружениям на Волге, Днепре, Дону, Аму-Дарье, нередко подменяется в ней общими фразами. Так, например, пытаясь охарактеризовать будущую Прикаспийскую низменность, где произойдут разительные перемены, автор пишет: «Сельское хозяйство на этой огромной территории получит исключительные перспективы развития. Пшеница, хлопок, рис, овощи, фрукты будут произрастать в большом количестве. Особое значение приобретает Волго-Ахтубинская пойма...». Так, не углубляясь в существо важных вопросов, ведёт автор повествование, допуская к тому же ряд ошибок.

Известно, что Большая Волга — это Волга, превращённая на всём её протяжении в цепь озёр-водохранилищ с каскадом мощных гидроузлов на них. Полное освоение Волги включает в себя сооружение не только Горьковского, Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов, но и Чебоксарского, а также ещё одного гидроузла в зоне Нижней Волги. Полное освоение великой реки подразумевает также коренную реконструкцию важнейших волжских притоков — Камы, Оки и других. На Каме уже сооружается крупная гидроэлектростанция у города Молотова, которая является составной частью грандиозного каскада Большой Волги.

Упрощая грандиозные масштабы и сложность реконструкции Волги, автор заявляет, будто строительство Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций «завершает разрешение всех вопросов, связанных с полным освоением Волги».

Ещё большее удивление вызывает утверждение В. Карпова о том, что великие стройки коммунизма призваны изменить климат «не только Советского Союза». Подобные рассуждения лишь дезориентируют читателя.

В книге немало и других ошибок и неточностей. В. Карпов пишет, например, что канал Волга—Урал по своей водности превзойдёт такие реки, как Дон и Ока. Однако цифры говорят иное. Годовой сток реки Дон равен 28 кубокилометрам, Оки — 39 кубокилометрам, в то время как сток канала Волга—Урал составит около 15—16 кубокилометров. На чём же основан расчёт В. Карпова?

Он утверждает далее, что «двигательная сила» энергии строек коммунизма

равна физической силе 100 миллионов человек. Эта цифра преуменьшена примерно в полтора раза. Для выполнения работы, которую будет ежегодно производить энергия новых гидростанций, потребовался бы физический труд 160 миллионов человек.

Ошибочно утверждение, что бетонным автоматизированным заводом управляет всего один человек. На самом деле для этого требуется не менее восьми человек. Неточны данные о длине Волги, о площади Кара-Кумов и т. д.

Сравнения, к которым то и дело прибегает В. Карпов, рассчитаны на внешний эффект и мало что дают читателю. Так, чтобы дать представление о количестве воды, которое вместит Каховское водохранилище, автор предлагает читателю вообразить, что этой водой «наполнили канал шириной в 70 метров, глубиной в 5 метров», и тогда этот фантастический канал «протянется вокруг всего земного шара по экватору».

Упомянув о количестве грунта, который должен быть вынут в процессе строительства Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, он предлагает «составить железнодорожные платформы в ряд одна за другой и получить поезд такой длины, что можно было бы обернуть им землю вокруг экватора 80 раз».

Существенным пробелом книги В. Карпова является замалчивание того вклада, который вносят в гидротехническое строительство трудящиеся Иркутской области, где и вышла в свет его книга. Вместо того чтобы посвятить их достижениям специальную главу, автор ограничился... четырьмя строками.

Ряд ошибок содержит небольшая работа действительного члена Академии наук Армянской ССР А. Г. Иосифьяна «Великие стройки коммунизма и задачи советской науки и техники».

По мнению автора, «планы великих строек... будут сопровождаться небывалым ростом науки и техники, прогрессом промышленности, сельского хозяйства и транспорта». Если даже допустить, что речь идёт не о планах, а о самих стройках, то разве не ясно, что дальнейший подъём промышленности, сельского хозяйства и транспорта будет результатом грандиозного гидротехнического строительства. Именно об этом, в первую очередь, и надо было сказать.

«Куйбышевское море, — пишет автор, — будет одним из самых крупных искусственных водоёмов в мире». На самом деле это будет самый большой в мире искусственный водоём (сейчас крупнейшим является Рыбинское море). Автор уверяет, что объём воды в Куйбышевском море будет составлять 12 миллиардов кубометров; фактически он составит более 50 миллиардов кубометров.

«Сталинградское море, — пишет А. Иосифьян — ...даст воду для орошения 6 миллионов гектаров в северной части Прикаспийской низменности между Волгой и Уралом». О каких, собственно говоря, 6 миллионах орошаемых гектаров может идти речь, вправе спросить читатель, если на базе Сталинградского гидроузла должно быть орошено полтора миллиона гектаров? Недоумение это разъясняется просто: автор путает орошаемые площади с обводняемыми. Земли северной части Прикаспийской низменности общей площадью в 6 миллионов гектаров будут главным образом обводнены, то есть получат воду для нужд животноводства и водоснабжения населения, в отличие от орошаемых земель, где вода предназначается, кроме того, и для полива сельскохозяйственных растений.

Принципиально неверно характеризует А. Иосифьян перспективную проблему Обь-Арало-Каспийского соединения. «Значение этой научной проблемы, — пишет он, — заключается в том, что Каспийскому морю угрожает обмеление и связанное с этим неизбежное изменение климата Закаспия и Средней Азии в сторону засушливости». Именно с необходимостью пополнить запасы воды в Каспийском море в первую очередь связывает А. Иосифьян проблему поворота части стока Оби и Енисея. В действительности основной смысл переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан заключается в орошении и обводнении больших пространств пустынь и степей, в создании новых мощных гидроэнергетических узлов и новых важных водных путей.

Язык брошюры оставляет желать много лучшего. Что можно понять, например, из такой фразы: «...объединением в единую водохозяйственную систему Аму-Дарьи, Каспийского моря, Волги, Дона, Чёрного моря, Марининской системы Волга—Балтийское море, Ладожского озера, Беломорско-

Балтийского канала с Северным Ледовитым океаном связываются водные бассейны Каспийского, Чёрного и северных морей». Поистине трудно разобраться, что с чем объединяется и что с чем связывается...

Самое удивительное в этой брошюре — гриф Академии наук Армянской ССР, которым украшен титульный лист. А ведь если бы эта работа была освобождена от неточностей и ошибочных положений и тщательно отредактирована, она представила бы интерес и оказалась бы полезной.

Лучше написана изданная в Туле книга В. Мельшияна «Великие стройки коммунизма — всенародное дело». В ней читатель найдёт немало полезных сведений. Но и эта работа не свободна от отдельных ошибок.

Автор приводит таблицу, показывающую рост производства электроэнергии в СССР с 1913 по 1951 год, и заявляет: «Соответственно уровню развития народного хозяйства СССР в период перехода от социализма к коммунизму годовая выработка электроэнергии должна составить около 250 миллиардов киловатт-часов».

Это количество электроэнергии должны вырабатывать электростанции СССР, чтобы наша промышленность могла достигнуть масштабов производства стали, добычи угля и нефти, которые указаны товарищем Сталиным в его исторической речи 9 февраля 1946 года. В. Мельшиян не только неверно истолковал эту цифру, но и «установил» постоянное годовое количество выработки электроэнергии на весь «период перехода от социализма к коммунизму», что является грубым политическим недомыслием.

Упрощённо трактует автор проблему создания единой высоковольтной сети (ЕВС) Европейской части СССР. Странно звучит утверждение о том, что «по протяжённости электрифицированных железных дорог СССР займёт первое место в мире». Наша страна уже давно занимает это место как по темпам электрификации, так и по протяжённости электрифицированных железных дорог.

Основная тема книги В. Мельшияна «Стройки коммунизма — всенародное дело» разработана поверхностно. А между тем наша печать приводит ежедневно множество замечательных фактов патриотической помощи советских людей великим стройкам. К сожалению, автор не сумел исполь-

зовать этот обильный, интереснейший материал и создать картину всенародной заботы об успехе великого гидротехнического строительства.

Несколько страниц отведено В. Мельшияном показу патриотических дел тульских рабочих, с честью выполняющих заказы великих строек. Но самый метод этого показа чрезвычайно примитивен. Стремясь, видимо, назвать побольше имён выдающихся стахановцев, автор превратил рассказ о них в сухой перечень фамилий и цифр. Вот что мы узнаём, например, о выполнении почётных заказов рабочими Мышегского арматурного завода: «Самоот-

верженно трудятся в литейном цехе № 1 бригады тт. Никитина, Коровкина и Давыдова, формовщик тов. Балабанов, крановщица тов. Куренкова». Далее следует такой же перечень лучших стахановцев цеха № 2 и других цехов. Так получилось, что именно страницы, посвящённые тульским предприятиям, оказались самыми бледными, лишёнными красок жизни.

Читатели ждут от издательств новых, полноценных книг, рассказывающих живо и ярко о стройках коммунизма — величайших сооружениях в истории человечества.

М. ДАВЫДОВ, М. ЛЕСНОВ.

★

Обличение южноафриканских расистов

Расизм — одно из самых отвратительных проявлений империалистической идеологии и политики. Теории о «высших» и «низших» расах всегда служили захватническим целям буржуазных колонизаторов. Страшную память о расизме как об одном из самых тяжких преступлений перед человечеством оставил у народов всего мира германский фашизм. Ныне расистские «теории» разгромленных гитлеровцев унаследовали монополисты США и Англии, неустанно провозглашающие «превосходство» англо-саксонской расы над всеми другими.

Расизм принимает особенно отвратительные формы в колониях империалистических государств. Колонизаторы превратили многие страны с «цветным» населением в подлинные концентрационные лагеря.

Примером этому может служить Южно-Африканский Союз. Население его насчитывает более двенадцати миллионов человек. Из них всего два с небольшим миллиона составляют англичане и африкандеры, или буры (потомки голландских колонистов). Они являются хозяевами страны и пользуются всяческими привилегиями. Преобладающая же часть населения — восемь миллионов африканцев-негров, около трёхсот тысяч индейцев и свыше миллиона человек других национальностей — живёт в нищете, влача жалкое, полуголодное существование.

Яркое представление об этой тяжёлой, бесправной жизни даёт вышедшая в Лон-

доне в 1952 году книга Э. Захса «По какому пути пойдёт Южная Африка?».

Автор её — один из видных южноафриканских профсоюзных деятелей. Он верит в пользу реформ, преклоняется перед парламентом. Он думает даже, что «капитализм ещё может сыграть прогрессивную роль в Южной Африке». И если Э. Захс всё же выступает с книгой, обличающей «белых хозяев» страны, то это лишнее свидетельство того, что разгул реакции и расизма в Южной Африке принял ужасающие формы и размеры. К чести автора нужно сказать, что он, несмотря на свои лейбористские взгляды, сумел показать подлинное отвратительное лицо южноафриканских «спасителей белой цивилизации».

В начале своей книги Э. Захс вкратце излагает историю южноафриканского расизма. После победы англичан в англо-бурских войнах конца XIX—начала XX века побеждённые африкандеры-землевладельцы и африкандеры-кулаки быстро нашли общий язык с британскими победителями.

Выражающая их интересы националистическая партия проводит откровенно расистскую политику. Лидеры этой партии изобрели особую форму расовой дискриминации — «апартеид», то есть территориальное и политическое отделение различных национальных групп друг от друга.

«Апартеид», — говорит автор, — означает для туземного населения безземелье, нищету, отсутствие элементарных прав, невозможность получить образование, квалификацию; он означает насилие, террор, массовое заключение в тюрьмы, вечное рабство».

E. S. Sachs. „The choice before South Africa?“ London, 1952. (Э. С. Захс. «По какому пути пойдёт Южная Африка?». Лондон, 1952).

В 1948 году националистическая партия, которую возглавляет нынешний премьер-министр Южно-Африканского Союза Малан, пришла к власти. «Апартеид» немедленно нашёл своё воплощение во множестве дискриминационных законов и постановлений, направленных против «цветного» населения. В 1950 году националисты провели через парламент закон о территориальном отделении «цветных» от белых. Подобные законы действовали в стране и раньше, но этот закон, указывает Захс, ставит десять миллионов человек «в трагическое положение людей, ожидающих, что в любое время им могут приказать уложить вещи и покинуть свои дома, причём, кроме пустыни Калахари, нет другого места, в котором им разрешили бы поселиться».

Жизнь «цветных» народов в Южной Африке находится под постоянной угрозой. Только за одиннадцать месяцев 1950 года было осуждено за разные преступления свыше 800 тысяч человек. Из них 150 тысяч были виновны всего лишь в том, что не имели при себе полного набора пропусков, паспортов, справок и удостоверений (неевропеец в Южной Африке обязан всегда носить с собой до пятнадцати видов этих документов, в том числе даже пропуск на право выхода из собственного дома).

Другая крупнейшая реакционная южноафриканская партия — так называемая «объединённая» — основывает свою расистскую политику на принципе «христианской опеки». Однако, отмечает Э. Захс, разницы между «апартеидом» и «христианской опекой», по существу, нет. «В области применения диких репрессий и объединённая и националистическая партии могут похвастаться «достижениями», заставляющими цивилизованных людей краснеть от стыда».

Сменяя друг друга у кормила власти, обе партии превратили парламент и правительство, судебный аппарат и полицию в орудия своей расистской политики. Гнусную роль в политической жизни Южной Африки играет голландская реформатская церковь, освящающая преступления расистов

Автору удалось вскрыть и показать в своей книге экономические и социальные корни южноафриканского расизма. «Какая бы партия ни стояла у власти,— пишет он,— политика южноафриканского правительства в течение более чем пятидесяти лет была направлена на создание огромного резерву-

ара дешёвой полурабской рабочей силы неевропейцев для ферм и рудников».

Стремясь задушить рабочее движение в Южной Африке, националистическая партия установила в стране режим фашистской диктатуры. «Используя волну антикоммунистической пропаганды, которая захлестнула определённые части мира,— пишет Э. Захс,— министр юстиции провёл через парламент закон о запрещении коммунистической деятельности». Автор не говорит прямо, какие именно «части мира» он имеет в виду. Однако нарисованная им картина политического террора не оставляет сомнения в том, что южноафриканские реакционеры вдохновляются примером и опытом американских душителей свободы.

Как показывает Э. Захс, подлинная цель закона 1950 года о «запрещении коммунистической деятельности» заключается в том, чтобы «запугать и терроризировать всех противников националистической партии. Закон даёт понятие «коммунист» достаточно широкое определение, чтобы под него можно было подвести и любого либерала, высказывающегося за расовую терпимость, и любого профсоюзного деятеля, требующего повышения зарплаты для рабочих». Этому закону была придана обратная сила, и правительство таким образом получило «право» преследовать членов коммунистической партии, объявившей о своём роспуске, когда закон проходил через парламентскую машину.

К сожалению, автор не показал прямого, кровного родства между американскими и южноафриканскими расистами. А фактов, доказывающих это родство, вполне достаточно. В марте 1948 года группа редакторов и издателей ряда влиятельных американских журналов после семидневного турне по Южной Африке выступила с восхвалениями «проделанной в этой стране работы для нужд неевропейского населения».

Ещё ярче проявилось это родство во время многократных обсуждений в Организации Объединённых Наций вопроса о расовых гонениях в Южно-Африканском Союзе. Известно, что Индия много раз обращалась в ООН с жалобами на дискриминацию индийцев в Южной Африке. И каждый раз США прилагали все усилия, чтобы избавить южноафриканских расистов от ответственности за их преступления.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи в ноябре прошлого года представитель США

выступал против осуждения расовой дискриминации, проводимой в Южной Африке, призывая не «вырывать грубо» расовые предрассудки, а ждать, когда они сами «постепенно» исчезнут.

Советский Союз — непримиримый враг всякой расовой и национальной дискриминации — всегда боролся против южноафриканской разновидности нацизма. При неоднократном обсуждении в ООН вопроса о расовых гонениях в Южной Африке делегации СССР, УССР и БССР неизменно выступали за осуждение расистской политики южноафриканских правителей. Ещё в 1947 году делегат СССР на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН тов. Громыко убедительно показал, что национальная дискриминация в Южно-Африканском Союзе — это международный вопрос, заслуживающий пристального внимания со стороны членов ООН.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи советская делегация решительно поддержала резолюцию, осуждающую южноафриканских расистов. Угнетённые народы Южной Африки глубоко благодарны Советскому Союзу за ту неустанную борьбу, которую он ведёт, отстаивая для всех рас и наций права на свободу и самоопределение.

В своей книге Э. Захс не показал демократических сил народов Южной Африки. Между тем трудящиеся этой страны ведут героическую борьбу за своё освобождение. Самым стойким борцом против расизма и реакции всегда была Коммунистическая партия Южно-Африканского Союза.

Вот почему «цветное» население Кейптауна — единственная неевропейская группа в стране, имеющая право посылать в парламент своего (но обязательно «белого») представителя, — избрало своим депутатом коммуниста.

Мужественная борьба коммунистов против расизма и реакции в Южной Африке снискала им почётную ненависть правящей фашистской клики. Антикоммунистическое законодательство правительства Малана — это лишь часть той раздуванной кампании, которую ведут против коммунистов южноафриканские выученики американских империалистов.

В июне 1952 года в Южно-Африканском Союзе началась кампания неповиновения расовым законам. Её организовали и ею руководят Негритянский национальный кон-

гресс и Южно-Африканский индийский конгресс. Сотни тысяч негров и индийцев оказались замечать встречающие их на каждом шагу надписи: «Только для белых», «Цветным вход воспрещён» и т. п. Африканцы и индийцы входили в вагоны, предназначенные «только для европейцев», появлялись на улице после 11 часов вечера без специального разрешения... За эти «тяжкие преступления» полиция арестовывала их, суды приговаривали их к тюремному заключению. Но массовые расправы над неграми и индийцами не сломили воли южноафриканского народа. Ни полицейские дубинки, ни пулемёты, ни броневики, ни слезоточивые газы не заставили трудящихся прекратить борьбу.

Бесчинства южноафриканских расистов, пытающихся зверскими методами подавить справедливую борьбу народа за элементарные человеческие права, вызвали глубокое возмущение международной общественности. Решительный протест против террора в Южной Африке заявила Международная демократическая федерация женщин. Резолюцию, осуждающую южноафриканских расистов, вынесли английские рабочие на конгрессе тред-юнионов в Маргете. Действия южноафриканской реакции вызвали негодование в демократических кругах Индии, Пакистана и других стран Азии. На VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегаты СССР, УССР, БССР и стран народной демократии, делегаты почти всех стран Азии и Ближнего Востока и даже делегаты большинства латиноамериканских стран голосовали за осуждение южноафриканского расизма.

Выступления Э. Захса против реакционной политики правительства Малана не прошли ему даром. Летом прошлого года Захс, весьма далёкий от коммунизма, был арестован и заключён в тюрьму за нарушение так называемого закона «о запрещении коммунистической деятельности».

Книга его сразу же после её выхода была запрещена в Южно-Африканском Союзе. Правители страны испугались правдивой картины расового гнёта и жестокой эксплуатации неевропейских народов, которую нарисовал Э. Захс. Эта боязнь правды лишь раз свидетельствует о гнилости расистского режима в Южной Африке.

Л. СТЕПАНОВ.

★

По чужим странам

В мае 1947 года из советского порта Липея вышла в море парусно-моторная шхуна «Коралл», направлявшаяся вместе с другими судами во Владивосток. Шхуна пересекла Атлантический и Тихий океаны, заходила в порты Великобритании, Португалии, Соединённых Штатов Америки. О том, что пришлось увидеть и пережить участникам первого перехода советских парусных судов из Балтийского моря в Японское, рассказывает в книге «Под парусами через два океана» капитан «Коралла» Б. Д. Шанько.

Автор словно продолжает длинный ряд описаний морских путешествий, оставленных нам славными русскими мореплавателями, такими, как Беллинсгаузен, Литке, Лисянский, Головнин и другие. Любовь к Родине, отличное знание морского дела, наблюдательность сближают его труд с трудами мореплавателей прошлого века. Но книга «Под парусами через два океана» написана советским человеком с ясным и правильным отношением к жизни, человеком с коммунистическим мировоззрением. Это чувствуется буквально на каждой странице.

Шанько умело ведёт повествование. Книга читается с неослабевающим интересом от начала до конца. Неплохо удалась автору описания морских переходов, природы чужеземных стран, борьбы со штормами и ураганами. Но, пожалуй, больше всего запоминаются его меткие наблюдения над жизнью портов капиталистических государств. Шанько избегает обобщений. Он предоставляет читателю самостоятельно делать выводы из приводимых фактов.

...Всего два года назад закончилась вторая мировая война. Пока советские суда плывут по европейским морям, всё напоминает не только о войне, но и о методах, которыми она велась. Разрушенные американскими бомбардировками жилые кварталы в немецком городе Росток — и тут же ничуть не пострадавший судостроительный завод, в котором был заинтересован американский капитал; минные поля в Балтийском море — и нетронутые мосты через Кильский канал.

Весь путь по Северному морю и проливу Па-де-Кале «Коралл» проходит под непрерывный звон колоколов, поставленных над

Б. Д. Шанько. «Под парусами через два океана». Редактор В. А. Бояркина. Географиз. М. 1952.

погибшими судами, мимо «кладбищ» кораблей на отмелях. А на побережье Англии уже воздвигаются новые решётчатые башни радарных установок, из английских доков выходят новые военные суда, предназначенные для вооружения Турции и Греции, восстанавливается англичанами бывшая фашистская военно-морская база Киль. Даже на Гавайских островах, в Гонолулу, перевооружаются эскадренные миноносцы. Таковы факты, свидетельствующие о том, что правящие круги США и Англии активно ведут подготовку новой мировой войны.

Немало любопытных страниц посвящает автор описанию жизни в Англии. Американские военные суда — и «безработные» английские корабли; американская морская полиция на улицах английского города — и тысячи безработных докеров и моряков; перевооружение — и пустые магазины в разрушенном, почти не освещённом Плимуте, — таковы контрасты послевоенной Англии.

С гневом пишет Б. Шанько о диких нравах расистов в колониях современного капитализма. Когда-то острова Зелёного мыса (колония Португалии) называли «островами чёрных рабов». Такими они, по верному замечанию автора, остались и до сих пор, несмотря на формальную отмену рабства. Советские моряки увидели на островах беспросветную нищету, каторжный труд и унижение белыми колонизаторами негритянского населения и метисов.

Всему миру известны невыносимые условия, в которых живут негры и в «демократической» Америке. В Колоне (Панама) рабочий-негр получает за одну и ту же работу в четыре раза меньше, чем белый. Вечный страх перед судом Линча, незаслуженные оскорбления — таков удел негров в США.

Когда-то на острове Сент-Томас (группа Виргинских островов) находилась морская база флибусты — корпорации пиратов. Теперь там расположена военная база Соединённых Штатов. Так началось знакомство советских моряков с американскими владениями. «Коралл» побывал в нескольких портах США, и Б. Шанько приводит много интересных подробностей о пресловутом «американском образе жизни».

Закрытые заводы, бездействующие корабли, безработица в портовых городах; «Гувервилл» — город безработных около Лос-Анжелоса, построенный из фанерных

коробок; рикши, бегающие по улицам; роскошь центральных кварталов и нищета окраин; порнографические короткометражные фильмы, которые можно посмотреть за десять центов на улицах Сан-Франциско; артистки, раздевающиеся на эстраде, — это и многое другое характеризует пресловутый американский образ жизни...

В трудных зимних условиях, борясь со снежными бурями и штормами, возвращались советские шхуны на Родину.

Вместе с моряками запомнит читатель португальских рыбаков, махавших красными платками и кричавших: «Вива Сталин! Русско бона!»; негров, просящих, чтобы их взяли в Советский Союз; учителя-мулата, с восторгом говорившего о Ленине и Сталине; безработного американского капитана-коммуниста, которого даже во время войны не пускали в «опасный» рейс — в Мурманск; безвестного американского грузчика, мелом написавшего в трюме «Коралла»: «Привет русским товарищам! Да здравствует Сталин!».

Хороши в книге Б. Шанько портреты многочисленных случайных знакомых — и друзей и врагов, встреченных в портах. Тем более досадно, что образы спутников по плаванию автору не удалась. Крепкий и слаженный коллектив советских моряков остаётся безликим.

Имеются в книге фактические ошибки. Многое напутал Б. Шанько, говоря об островах Зелёного мыса. Он пишет, что эти острова не имеют «ни одного родника, реки или источника... 3 851 кв. километр площади островов представляли собой мёртвую пустыню. На них никогда не жили ни люди, ни животные. Даже морские птицы не вили гнёзд на этих негостеприимных берегах». «На некоторых островах удалось посадить немного растительности: акации, тамариска и кокосовых пальм».

Здесь что ни слово — ошибка. На островах есть и реки и источники, хотя они и редки. Справедливо, что остров Сан-Винсенте — один из самых бесплодных, но и на нём имеются два источника. Автор пишет, что несколько веков назад люди жили на островах за счёт воды, привозимой (на парусниках?) из Африки, но это небылица. Значительное развитие на островах полу-

чило даже животноводство, которое не могло бы существовать за счёт привозимой воды. Кроме того, там выпадает довольно много дождей и обильные росы; растут древесные молочаи, тамариски, драконово дерево и т. п.; водятся животные, вплоть до млекопитающих. На некоторых островах обитает так много птиц, что образовались залежи гуано. Неправильно указана площадь островов.

Автор полагает, что свечение моря вызывается моллюсками, но это неточно. Обычно свечение моря вызывается простейшими (ночесветками). Не водятся на Антильских островах марышки — это африканские обезьяны. Ошибается автор, когда пишет, что свиньи были завезены на Гавайские острова европейцами. Неверно, что гавайцы — переселенцы с Таити.

Книга «Под парусами через два океана» в целом написана хорошим и ровным языком; в тексте встречаются лишь отдельные стилистические погрешности. «...было от чего растеряться мыслям», «Солнце ярко светит, заливая лучами знакомую панораму города...», «...слабо фосфорят гребни небольших попутных волн...». Автор слишком часто повторяет, что вода «шуршит» или «шипит» у борта.

Имеются погрешности в оформлении книги. На странице 214 оказалась перевернутой карта Панамского канала (западное побережье — на востоке и наоборот). Рисунки, относящиеся к страницам 34 и 77, помещены почему-то между 144 и 145 страницами. Вообще рисунки (особенно на вклейках) оставляют желать лучшего. Иногда они небрежно выполнены, и трудно понять, что они изображают.

Книга снабжена несколькими мелкими картами и общей картой маршрута «Коралла», двумя схемами с подробными описаниями строения шхуны и словарём морских терминов и выражений, встречающихся в тексте. Это значительно помогает читателю ориентироваться в материале.

Книга Б. Шанько в целом заслуживает положительной оценки. Несмотря на то, что события, описанные в ней, происходили более пяти лет назад, она и сегодня звучит актуально.

И. ЗАБЕЛИН.

ПЕЧАТЬ СССР ЗА 35 ЛЕТ

В сборнике «Советская библиография, выпуск 2(33), издания Всесоюзной книжной палаты, опубликованы статистические таблицы, характеризующие выпуск книг в СССР за период 1918—1952 годы.

Считая, что эти данные представляют большой общекультурный интерес, редакция перепечатывает некоторые из таблиц.

Таблицы 1, 8 составлены по данным на 1 июля 1952 года.

Таблицы 4, 14, 15, 17, 18 — по данным на 1 сентября 1952 года.

Таблица 1

Издание книг в СССР за 1918—1952 гг.

Показатели	Годы					Итого
	1918—1927	1928—1937	1938—1947*	1948—1952		
Число книг (в тыс. печатных единиц)	159,5	443,1	287,3	187,5	1 077,4	
Тираж (в млн. экз.)	1 186,3	5 579,0	4 503,0	3 247,6	14 515,9	
Листаж (в млн. печатных листов-оттисков)	6 330,0	27 981,4	23 611,1	28 289,0	86 212,4	

Таблица 4

Издание произведений классиков марксизма-ленинизма на русском и других языках за 1917—1952 гг.**

Показатели	Авторы				Всего
	Маркс и Энгельс	Ленин	Сталин	Ленин и Сталин***	
Число книг в печатных единицах	1 601	5 564	8 696	264	16 125
В том числе:					
На русском языке	786	2 086	2 981	106	5 959
На других языках народов СССР	600	2 742	4 636	147	8 125
На иностранных языках	215	736	1 079	11	2 041
Тираж (в тыс. экз.)	58 043	241 892	619 768	11 833	931 536
В том числе:					
На русском языке	50 381	191 630	490 557	9 713	742 281
На других языках народов СССР	5 696	37 601	111 093	2 090	156 480
На иностранных языках	1 966	12 661	18 118	30	32 775

* Данные за 1938—1947 гг. уточнены по сравнению со сведениями, ранее опубликованными в печати.

** Произведения классиков марксизма-ленинизма изданы на 71 языке народов СССР и 30 иностранных языках.

*** Сборники.

Таблица 8

Издание книг по основным отраслям знания за 1928—1952 гг.

Отрасли знания	Число книг (в тыс. печатн. единиц)	Т и р а ж				
		1928—1952 гг.		1946 г. (в млн. экз.)	1950 г. (в млн. экз.)	1950 г. в %/о/о к 1946 г.
		в млн. экз.	в %/о/о к общему итогу			
ВСЕГО	917,9	13 329,6	100,0	463,9	820,5	176,9
В том числе:						
Политическая и социально- экономическая литера- тура	201,7	3 774,2	28,3	164,7	215,9	131,1
Естественные науки. Математика	73,0	1 377,8	10,3	42,8	103,3	241,4
Промышленность. Транс- порт. Связь	216,6	1 059,5	7,9	27,2	65,5	240,8
Сельское хозяйство	115,1	1 323,3	9,9	24,2	43,1	178,1
Здравоохранение Медици- на	39,3	351,1	2,6	9,2	21,8	237,0
Физическая культура	8,0	77,9	0,6	2,6	6,9	265,4
Культура. Просвещение	46,4	394,5	3,0	10,2	24,7	242,2
Искусство	19,2	114,4	0,9	1,9	7,4	389,5
Языкознание. Литературо- ведение	38,5	1 529,8	11,5	57,5	99,4	172,9
Художественная литера- тура	90,6	1 992,9	15,0	70,2	178,9	254,8
Печать. Книговедение. Справочники общего ха- рактера	23,7	153,3	1,2	2,8	6,0	214,3

Таблица 12

Издание художественной литературы за 1946—1950 гг.

Виды литературы	1946—1950 гг.		1950 г. в %/о/о к 1946 г.	
	число книг (в печ. еди- ницах)	тираж (в млн. экз.)	число книг	тираж
ВСЕГО**	18 898	605,7	194,0	254,8
В том числе:				
Русская литература	11 401	479,3	202,8	238,3
Литература других народов СССР	6 278	82,9	181,4	269,9
Иностранная литература	1 219	43,5	189,4	488,9

* Художественная литература издана за 1928—1952 гг. общим тиражом 1 991,7 миллиона экземпляров (90 337 книг).

В 1951 году произведения художественной литературы изданы на 47 языках народов СССР. На русский язык переведены произведения художественной литературы с 37 языков народов СССР и 18 иностранных языков.

** В том числе художественная литература для детей.

Таблица 14

**Издание произведений классиков русской художественной литературы
в СССР и в дореволюционной России**

Авторы	1888—1917		1918—1952	
	тираж (в тыс. экз.)	на сколь- ких язы- ках	тираж (в тыс. экз.)	на сколь- ких язы- ках
Гоголь Н. В.	5 813	5	25 686	41
Гончаров И. А.	нет сведений		3 973	11
Горький А. М.	1 083	8	68 999	71
Грибоедов А. С.	619	2	3 187	12
Крылов И. А.	нет сведений		18 790	43
Лермонтов М. Ю.	4 086	8	17 856	56
Маяковский В. В.	4	1	19 445	50
Некрасов Н. А.	254	1	15 492	37
Островский А. Н.	254	2	8 764	28
Пушкин А. С.	10 711	14	62 738	80
Салтыков-Шедрин М. Е.	231	2	14 319	35
Толстой Л. Н.	10 784	10	47 631	73
Тургенев И. С.	нет сведений		27 883	49
Чехов А. П.	672	5	35 501	66

Таблица 15

Издание произведений советских писателей — лауреатов Сталинских премий

Авторы	Число из- даний	Тираж (в тыс. экз.)	На сколь- ких языках	Авторы	Число из- даний	Тираж (в тыс. экз.)	На сколь- ких языках
Авдеев В. Ф.	25	776	7	Бубеннов М. С.	66	2 104	21
Ажаев В. Н.	44	1 351	15	Вересаев В. В.	148	1 923	21
Алигер М. И.	32	886	8	Вершигора П. П.	35	1 061	11
Антокольский П. Г.	32	429	3	Вирта Н. Е.	96	3 225	29
Антонов С. П.	19	1 335	3	Вишневский В. В.	54	772	13
Антоновская А. А.	23	716	3	Волошин А. Н.	15	1 081	5
Асеев Н. Н.	73	1 417	1	Галин Б. А.	44	2 469	16
Бабаевский С. П.	91	3 458	20	Гладков Ф. В.	163	4 494	26
Бажов П. П.	87	5 211	11	Горбатов Б. Л.	187	7 396	46
Беляев В. П.	28	1 056	5	Грибачёв Н. М.	17	683	2
Берггольц О. Ф.	35	710	4	Грин Э.	37	966	14
Бирюков Н. З.	24	907	8	Добровольский В. А.	12	446	4
Бородин С. П.	24	1 653	4	Долматовский Е. А.	32	754	1
				Задорнов Н. П.	17	541	1

Авторы	Число из- даний	Тираж (в тыс. экз.)	На сколь- ких языках	Авторы	Число из- даний	Тираж (в тыс. экз.)	На сколь- ких языках
Закруткин В. А.	24	903	3	Первенцев А. А.	114	2 858	17
Замятин В. Д.	5	178	1	Погодин Н. Ф.	65	791	9
Злобин С. П.	38	1 043	14	Полевой Б. Н.	148	6 336	30
Ильенков В. П.	52	4 369	9	Полторацкий В. В. . . .	17	321	1
Инбер В. М.	71	1 602	5	Попов В. Ф.	36	1 499	11
Исаковский М. В.	46	1 345	3	Поповкин Е. Е.	14	363	2
Казакевич Э. Г.	61	2 897	20	Прокофьев А. А.	32	522	3
Каверин В. А.	172	5 410	28	Ромашов Б. С.	37	172	4
Караваева А. А.	94	2 287	12	Рыбаков А. Н.	19	889	5
Катаев В. П.	308	10 500	50	Сафонов В. А.	35	1 140	7
Кетлинская В. К.	23	490	3	Саянов В. М.	55	846	4
Кирсанов С. И.	41	587	1	Седых К. Ф.	21	494	2
Кожевников А. В.	84	2 559	10	Сёмушкин Т. З.	52	1 846	17
Козлов И. А.	31	993	8	Серафимович А. С. . . .	402	9 933	42
Комаров П. С.	26	511	2	Сергеев-Ценский С. Н.	116	4 832	13
Коптяева А. Д.	15	1 018	2	Симонов К. М.	259	15 368	38
Костылёв В. И.	60	965	7	Соболев Л. С.	110	5 829	18
Лавренёв Б. А.	100	1 266	13	Соколов М. Д.	8	190	1
Лаптев Ю. Г.	26	645	8	Соловьёв В. А.	16	79	2
Лебедев-Кумач В. И. . .	55	2 283	3	Софронов А. В.	31	542	3
Леонов Л. М.	103	2 405	8	Степанов А. Н.	28	1 110	8
Луконин М. К.	13	386	1	Сурков А. А.	44	1 065	3
Львова К. С.	14	561	5	Суров А. А.	16	123	2
Любимова В. А.	12	127	6	Тварловский А. Т.	83	2 545	9
Мальцев Е. Ю.	31	1 251	9	Тихонов Н. С.	242	6 606	41
Маляревский П. Г. . . .	14	130	1	Толстой А. Н.	662	27 020	44
Марков Г. М.	14	335	1	Тренёв К. А.	84	884	6
Медынский Г. А.	9	235	2	Трифонов Ю. В.	4	195	2
Михайлов Н. Н.	104	2 961	28	Фадеев А. А.	327	9 638	56
Мусатов А. И.	40	1 016	20	Федин К. А.	126	4 012	13
Недогонов А. И.	14	339	3	Чаковский А. Б.	23	1 086	6
Некрасов В. П.	34	1 039	12	Чепурин Ю. П.	5	39	2
Никитин Н. Н.	49	1 295	3	Шагинян М. С.	89	1 306	6
Николаева Г. Е.	20	1 435	5	Шишков В. Я.	140	3 487	3
Никулин Л. В.	104	1 628	12	Шолохов М. А.	401	18 886	55
Новиков-Прибой А. С.	280	7 494	29	Штейн А. П.	21	273	2
Ошанин Л. И.	11	535	1	Щипачёв С. П.	55	1 579	7
Павленко П. А.	203	6 064	33	Эренбург И. Г.	246	7 610	29
Панова В. Ф.	75	2 266	18	Ян В. Г. (В. Янчевецкий)	37	971	9
Папфёров Ф. И.	159	5 695	31	Яшин А. Я.	20	467	2

Авторы	Число изданий	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках	Авторы	Число изданий	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках
Украинская литература				Узбекская литература			
Бажан М.	62	1 008	4	Айбек М. Т.	31	479	9
Василевская В. Л.	149	7 501	27	Гулям Г.	48	534	7
Воронько П. Н.	28	897	2	Каххар А.	25	332	4
Галан Я. А.	17	606	3	Казахская литература			
Гончар А. Т.	83	3 386	14	Ауэзов М. О.	34	785	7
Корнейчук А. Е.	126	1 552	19	Джамбул Д.	67	1 141	22
Малышко А. С.	37	646	2	Азербайджанская литература			
Муратов И. Л.	24	839	2	Вургун С.	32	395	4
Нагнибеда М.	16	136	2	Гусейн М.	35	653	7
Олейник С. И.	11	342	2	Ибрагимов М.	13	610	2
Первомайский Л. С.	49	595	4	Рагим М.	21	145	3
Рыбак Н. С.	49	1 489	4	Рза Расул	24	150	3
Рыльский М. Ф.	53	889	2	Рустам Сулейман	21	150	3
Рябокляч И. А.	9	283	5	Литовская литература			
Собко В. Н.	39	1 049	6	Венцлова А. Т.	19	180	2
Сосюра В. Н.	36	406	2	Гудайтис-Гузьявичюс А. А.	9	145	2
Стельмах М. А.	11	263	2	Нерис С.	22	215	4
Тычина П. Г.	79	1 600	7	Тильвитис Т. Ю.	11	79	2
Яновский Ю. И.	58	1 374	12	Латышская литература			
Белорусская литература				Киргизская литература			
Бровка П. У.	26	424	2	Сыдыкбеков Т.	30	440	8
Брыль Я.	10	339	3	Таджикская литература			
Колас Я.	131	1 357	7	Айни С.	74	1 029	8
Крапива К. К.	30	301	3	Миршакар М.	50	438	5
Кулешов А. А.	32	659	3	Турсун-Заде М.	24	320	6
Купала Я.	87	2 073	10	Армянская литература			
Танк М.	23	370	2	Исаакян А. С.	29	335	5
Шамякин И. П.	8	250	2	Капутикян С. Б.	15	293	2
Грузинская литература				Эмин Г.			
Абашидзе Г.	28	334	2	11	215	2	
Гришавили И. Г.	26	382	3				
Киачели Л. М.	41	896	6				
Леонидзе Г. Н.	38	664	9				
Мосашвили И.	27	181	3				
Чейшвили А. Н.	12	350	2				
Чиковани С. И.	19	214	3				
Шапшиашвили С.	27	132	4				

Авторы	Число изданий	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках	Авторы	Число изданий	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках
Туркменская литература				Литература Коми			
Кербабаяв Б. М.	32	840	4	Дьяконов Н. М.	6	30	3
Эстонская литература				Марийская литература			
Леберехт Г. Ф.	22	587	12	Казаков М.	10	38	3
Шмуул Ю.	8	37	2	Тувинская литература			
Якобсон А. М.	48	706	5	Тока С. К.	9	431	4
Аварская литература				Татарская литература			
Гамзатов Р.	12	69	2	Баширов Г. Б.	11	196	3
Цадаса Г.	32	328	6	Наджми К. Г.	41	1 190	4
Адыгейская литература				Абхазская литература			
Керашев Т. М.	23	234	4	Гулиа Г. Д.	39	1 178	19

Таблица 16

Издание детской литературы за 1918—1951 гг.

Показатели	Годы		1950 г. в %/о к 1946 г.
	1918-- 1951	В том числе 1946— 1950 гг.	
Число книг (в печатных единицах)	39 132	6 685	218,4
В том числе:			
На русском языке	23 482	3 568	205,0
На других языках	15 650	3 117	234,0
Тираж (в тыс. экз.)	1 005 959	253 113	280,0
В том числе:			
На русском языке	865 979	215 828	278,9
На других языках	139 980	37 285	285,6

Таблица 17

Издание произведений отдельных детских писателей за 1918—1952 гг.

Авторы	Печатные единицы	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках
Барто А. Л.	415	19 825	56
Бианки В. В.	312	11 948	36
Василенько И. Д.	76	2 878	22

Авторы	Печатные единицы	Тираж (в тыс. экз.)	На скольких языках
Гайдар А. П.	401	12 830	57
Житков Б. С.	297	8 592	46
Ильин М.	269	4 517	44
Ильина Е. Я.	40	1 140	13
Кассиль Л. А.	281	8 524	55
Ликстанов И. И.	42	1 277	15
Маршак С. Я.	607	24 398	63
Михалков С. В.	326	19 068	36
Носов Н. Н.	26	2 194	6
Осеева В. А.	59	2 117	23
Чуковский К. И.	431	19 185	47

Таблица 18

**Издание произведений классиков иностранной художественной литературы
в СССР и в дореволюционной России**

Авторы	1888—1917		1918—1952	
	тираж (в тыс. экз.)	на скольких языках	тираж (в тыс. экз.)	на скольких языках
Байрон Д.	196	2	619	9
Бальзак О.	114	1	3 359	15
Барбюс А.	—	—	2 431	22
Гейне Г.	138	6	1 513	17
Гёте И.	311	1	835	11
Гюго В.	493	нет свед.	7 221	44
Диккенс Ч.	1 053	„	3 557	16
Золя Э.	981	„	2 961	14
Мопассан Г.	1 525	„	4 803	16
Роллан Р.	24	1	2 260	20
Сервантес М.	153	3	1 104	13
Стендаль	27	1	1 603	10
Франс А.	523	нет свед.	2 180	12
Шекспир В.	733	4	2 310	25
Шиллер Ф.	538	6	887	17

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Январь—февраль 1953 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Н. А. Михайлов. О XXIX годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Доклад на торжественно-траурном заседании в Москве. 16 стр. Цена 20 к.

В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. 672 стр. Цена 11 р. 50 к.

А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. 396 стр. Цена 6 р. 50 к.

Н. Козев. Великие сталинские стройки коммунизма — всенародное дело. 104 стр. Цена 1 р.

А. Медведев и Ф. Хлыстов. Культурно-просветительная работа сельских Советов. 88 стр. Цена 80 к.

Н. Мончадская. Забота местных Советов о благосостоянии трудящихся. 64 стр. Цена 60 к.

Ф. Черменский. Обнищание трудящихся в странах капитала. 120 стр. Цена 1 р. 10 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Ян Грот. Стихи. Авторизованный перевод с латышского. 128 стр. Цена 1 р. 50 к.

Ионас Довидайтис. Большие события в Науяместисе. Роман. Авторизованный перевод с литовского М. Юфит. 568 стр. Цена 9 р. 85 к.

Степан Злобин. Степан Разин. Исторический роман. Книга II. 504 стр. Цена 7 р. 15 к.

Реваз Маргиани. Да будет мир! Стихи. Авторизованный перевод с грузинского. 152 стр. Цена 2 р. 50 к.

Илья Садофьев. Песня о Родине. Избранные стихотворения. 308 стр. Цена 6 р. 15 к.

Тугельбай Сыдыкбеков. Люди наших дней. Роман. Авторизованный перевод с киргизского К. Горбунова. 376 стр. Цена 6 р. 35 к.

Теофилис Тильвитис. На земле литовской Поэма. Авторизованный перевод с литовского М. Петровых. 112 стр. Цена 2 р. 85 к.

Алексей Югов. Бессмертие. Роман. 352 стр. Цена 6 р.

ГОСЛИТИЗДАТ

Оноре Бальзак. Евгения Гранде. Перевод с французского Ю. Н. Верховского. 180 стр. Цена 3 р. 45 к.

Ф. В. Гладков. Цемент. (Библиотека советского романа) 264 стр. Цена 5 р. 90 к.

Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в шести томах. Том пятый. Мёртвые души Поэма. 463 стр. Цена 8 р.

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 21. Жизнь Клима Самгина. 1925—1936. Часть третья. 384 стр. Цена 12 р. Том 22. Жизнь Клима Самгина. 1925—1936. Часть четвёртая. 559 стр. Цена 12 р.

П. Замойский. Подпасок. Повесть. 296 стр. Цена 6 р. 15 к.

Аркадий Кулешов. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Перевод с белорусского. 375 стр. Цена 10 р. 55 к.

Михаил Луконин. Стихотворения и поэмы. 279 стр. Цена 8 р. 70 к.

Лу Синь. Избранное. Переводы с китайского под редакцией Вл. Рогова. Вступительная статья Н. Федоренко. 203 стр. Цена 4 р. 65 к.

А. Г. Малышкин. Люди из захолустья. (Библиотека советского романа). 359 стр. Цена 7 р. 65 к.

Панас Мирный. Избранное. Повести и рассказы. Перевод с украинского. Предисловие А. Дейча. 272 стр. Цена 4 р. 20 к.

Микола Нагнибеда. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. 128 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. С. Новиков-Прибой. Рассказы. 128 стр. Цена 1 р. 55 к.

Русские советские песни. Предисловие Ю. Лукина. Составитель П. Вячеславов. 320 стр. Цена 6 р. 75 к.

К. М. Симонов. Сочинения. Том I. Стихи и поэмы. 320 стр. Цена 8 р. 65 к.

Михайло Стельмах. Большая родня. Роман-хроника. Издание исправленное и дополненное. Авторизованный перевод с украинского Вл. Россельса. Книга 1. На нашей земле. 560 стр. Цена 10 р. 55 к. Книга 2. Великое испытание. 496 стр. Цена 9 р. 50 к.

А. Твардовский. Василий Тёркин. Книга про бойца. 192 стр. Цена 4 р.

Ованес Туманян. Избранные произведения. Перевод с армянского. 332 стр. Цена 6 р. 85 к.

Г. И. Успенский. Рассказы и очерки 216 стр. Цена 2 р. 30 к.

К. А. Федин. Сочинения. В шести томах. Том II Братья. Роман. 384 стр. Цена 10 р.

И. Шамякин. Глубокое течение. Роман. Авторизованный перевод с белорусского С. Григорьевой. 295 стр. Цена 6 р. 10 к.

М. А. Шолохов. Поднятая целина. Роман. Книга 1. Издание исправленное. 332 стр. Цена 6 р. 70 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Расул Гамзатов. Год моего рождения. Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с аварского. 95 стр. Цена 3 р.

Горький об Америке. Сборник. 144 стр. Цена 4 р. 80 к.

И. Ефремов. На краю Ойкумены. Повесть. 292 стр. Цена 6 р. 50 к.

Константин Локотков. Верность. Роман. 344 стр. Цена 7 р. 45 к.

Маяковский об Америке. Сборник. 160 стр. Цена 5 р. 55 к.

В. Минаев. Тайное оружие обречённых. О подрывной деятельности империалистических разведок против лагеря демократии и социализма. 440 стр. Цена 7 р. 95 к.

А. Одинцов, Л. Фёдорова, В. Жигулях. Очерки о строительстве Куйбышевской ГЭС. 79 стр. Цена 1 р. 65 к.

О Ленине. Сборник. 685 стр. Цена 18 р. 70 к.

Беник Сейранян. Новеллы. Авторизованный перевод с армянского Т. Бархударяна. 102 стр. Цена 2 р. 20 к.

А. Твардовский. Послевоенные стихи. 111 стр. Цена 2 р. 75 к.

ДЕТГИЗ

В. Бианки. Рассказы об охоте. 168 стр. Цена 3 р. 45 к.

Н. Верзилин. Растения в жизни человека. 164 стр. Цена 3 р. 50 к.

В школе и дома. Стихи и рассказы. 64 стр. Цена 1 р.

С. Гансовский. В рядах борцов. 156 стр. Цена 3 р. 45 к.

О. Донченко. Голубой винтик. Перевод с украинского Л. Кон. 16 стр. Цена 80 к.

В. Дружинин и И. Слоним. По озёрам нашей родины. 108 стр. Цена 3 р. 40 к.

Здоровые, смелые! Рассказы. 64 стр. Цена 1 р.

Избранные рассказы французских писателей. 318 стр. Цена 5 р. 90 к.

Молодые граждане. Рассказы. 64 стр. Цена 1 р.

На корейской земле. Стихи корейских поэтов. Перевод с корейского. Вступительная статья А. Чаковского. 48 стр. Цена 60 к.

Д. Нагишкин. Самый сильный. Амурские сказки. 64 стр. Цена 1 р. 10 к.

М. Нарышкина. Рассказы о Павлове. 92 стр. Цена 2 р. 40 к.

Н. Саконская, А. Соколовский. Добро пожаловать! Повесть. 128 стр. Цена 2 р. 75 к.

Г. Скребницкий. Первый трофей. Рассказы. 48 стр. Цена 70 к.

Д. И. Фонвизин. Комедии. Подготовка текста, послесловие и примечания А. Запалова. 164 стр. Цена 3 р. 25 к.

А. Церетели. Избранные стихотворения. Перевод с грузинского. Редактор-составитель и автор вступительной статьи Г. Маргвелашвили. 112 стр. Цена 2 р. 10 к.

Что читать пионерам и школьникам. Составители В. Барашкоза и Д. Гольдфельд. 96 стр. Цена 1 р. 25 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Каширин, А. Ларьков. 35 лет Вооружённых Сил Советского государства. 93 стр. Цена 90 к.

М. И. Кутузов. Сборник документов и материалов в 5 томах. Том III. Сборник документов. 1808—1812. Под редакцией полковника Л. Г. Беккровного. (Материалы по истории русской армии. Русские полководцы.) 1027 стр. Цена 38 р.

А. Набоких. Неустанно совершенствовать военные и политические знания. 47 стр. Цена 50 к.

А. В. Суворов. Сборники документов в 4 томах. Том III. 1791—1798. Под редакцией полковника Г. П. Мещерякова. (Материалы по истории русской армии. Русские полководцы.) 675 стр. Цена 26 р. 80 к.

В. И. Шамшур, А. С. Попов и советская радиотехника. (Научно-популярная библиотека солдата). 124 стр. Цена 2 р.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Адмирал Ушаков. Том II. Под редакцией кандидата военно-морских наук капитана 1 ранга Р. Н. Мордвинова. 605 стр. Цена 28 р. 85 к.

Н. Букин. Прошайте, скалистые горы. Стихи и песни. 48 стр. Цена 2 р. 20 к.

Г. Дойджашвили, Т. Белашенко. Флот США — орудие американского разбойничьего империализма. 104 стр. Цена 1 р. 65 к.

Е. С. Юнга. Норма поведения. Рассказы о героизме. (Библиотека матроса). 151 стр. Цена 2 р.

ГЕОГРАФИЗ

М. М. Акимов. Таллин. 48 стр. Цена 65 к.

Л. Я. Зиман. Гавайские острова. («У карты мира»). 40 стр. Цена 70 к.

В. В. Нинин. Эритрея. («У карты мира») 36 стр. Цена 65 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

И. П. Иваницкий и Ф. И. Пленкин. Музейно-выставочная пропаганда достижений науки и передового опыта социалистического сельского хозяйства. 197 стр. Цена 6 р. 60 к.

А. Катаев. Театральная бутафория. 72 стр. Цена 2 р. 20 к.

Г. Г. Фирсов. Централизованная каталогизация в СССР. 40 стр. Цена 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Б. Асафьев. Избранные труды. Том I. Избранные работы о М. И. Глинке. 297 стр. Цена 30 р.

С. В. Бахрушин. Научные труды. Том I. 263 стр. Цена 16 р. 65 к.

Буржуазный театр на службе империалистической реакции. Сборник статей. 120 стр. Цена 4 р. 75 к.

С. И. Вавилов. Собрание сочинений. Том II. 547 стр. Цена 27 р.

Н. Венгров. Николай Островский. 319 стр. Цена 11 р.

И. М. Виноградов. Избранные труды. 432 стр. Цена 21 р. 70 к.

С. М. Вишневецкий. Современный милитаризм и монополии. 215 стр. Цена 8 р. 50 к.

Б. Г. Галеркин. Собрание сочинений. Том I. 391 стр. Цена 23 р.

Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Том 8. Статьи. 811 стр. Цена 25 р. Том 9. Наброски, конспекты, планы, записные книжки. 684 стр. Цена 25 р.

История Москвы. Том I. Период феодализма XII—XVII вв. 773 стр. Цена 50 р.

А. Кочетков. Англо-американское соперничество на рынках Западной Европы. 222 стр. Цена 9 р. 65 к.

А. Е. Пашерстник и И. Д. Левин. Принудительный труд и рабство в странах капитала. 303 стр. Цена 12 р. 90 к.

Е. А. Пигулевская. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. 359 стр. Цена 15 р. 70 к.

В. А. Путинцев. Герцен-писатель. 237 стр. Цена 8 р. 20 к.

И. М. Сеченов. Избранные произведения. Том I. Физиология и психология. («Классики науки»). 771 стр. Цена 30 р.

Труды института языкознания. Том I. 230 стр. Цена 11 р.

Учёные записки Института мировой литературы им. А. М. Горького. 393 стр. Цена 12 р.

З. Г. Фрейкин. Главный Туркменский канал Аму-Дарья—Красноводск. 110 стр. Цена 1 р. 80 к.

Э. Л. Шифрин. Экспансия американского империализма в Мексике после второй мировой войны. 323 стр. Цена 13 р. 55 к.

И. П. Ястребова. Южно-африканский союз после второй мировой войны. 207 стр. Цена 8 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Джеймс Аллен. Атомный империализм. Перевод с английского. 355 стр. Цена 12 р. 95 к.

Фелипе М. Арконада. Испания — колония янки. Перевод с испанского. 95 стр. Цена 2 р. 80 к.

Ю. Барбаг. Экономическая география Польши. Сокращённый перевод с польского. 142 стр. Цена 5 р. 50 к.

Мариан Брандыс. Начало повествования. Перевод с польского. 194 стр. Цена 6 р. 45 к.

Николас Гильен. Стихи. Перевод с испанского. 89 стр. Цена 1 р. 65 к.

Э. Добби. Юго-Восточная Азия. Сокращённый перевод с английского. 350 стр. Цена 21 р. 90 к.

Законодательные акты Китайской Народной Республики. Перевод с китайского. 360 стр. Цена 13 р. 95 к.

Р. Кришен. Кашмир и заговор против мира. Перевод с английского. 142 стр. Цена 4 р. 20 к.

Франтишек Кубка. Маленькие рассказы для мистера Трумэна. Перевод с чешского. 70 стр. Цена 1 р. 65 к.

Кароль Малцужинский. Граница мира. Очерки о польских западных областях. Перевод с немецкого. 163 стр. Цена 4 р. 90 к.

Р. Мукерджи. Рабочий класс Индии. Сокращённый перевод с английского. 270 стр. Цена 9 р. 80 к.

И. У. Мумоу. Индийская деревня. (Южный Гуджерат). Сокращённый перевод с английского. 127 стр. Цена 3 р. 90 к.

Мы обвиняем в геноциде. Перевод с английского. 367 стр. Цена 15 р. 55 к.

Планы развития народного хозяйства стран народной демократии. Сборник материалов. 469 стр. Цена 16 р. 80 к.

Мариан Подковинский. За американским кордоном. Перевод с польского. 195 стр. Цена 6 р. 20 к.

Эмиллио Серени. Марксизм, наука, культура. Перевод с итальянского. 155 стр. Цена 6 р. 50 к.

Ху Цяо-му. Тридцать лет коммунистической партии Китая. Перевод с китайского. 103 стр. Цена 4 р. 80 к.

Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. Перевод с китайского. 303 стр. Цена 12 р. 15 к.

Хэ Цзин-чжи и Дин Ни. Седая девушка. Перевод с китайского. 86 стр. Цена 2 р. 35 к.

Ю. Цеденбал. О жизни и деятельности маршала Чойбалсана. Перевод с монгольского. 51 стр. Цена 1 р. 50 к.

Чжоу Ли-бо. Ураган. Перевод с китайского. Второе издание. 459 стр. Цена 14 р. 15 к.

Х. Чойбалсан. Очерк истории Монгольской Народной революции. Перевод с монгольского. 77 стр. Цена 1 р. 30 к.

А. Элькин. Коренное население Австралии. Сокращённый перевод с английского. 247 стр. Цена 13 р. 60 к.

МАШГИЗ

А. Т. Батурич. Детали машин. 352 стр. Цена 8 р. 15 к.

М. И. Клушин. Резание металлов. 432 стр. Цена 16 р. 40 к.

Е. М. Фатеев. Ветродвигатели и их применение в сельском хозяйстве. 272 стр. Цена 6 р. 15 к.

А. А. Чеканов. Сварочная техника в СССР. 195 стр. Цена 6 р. 50 к.

Г. А. Шаумян. Автоматы. 648 стр. Цена 22 р.

МЕДГИЗ

В. И. Васьков. Руководство по дезинфекции, дезинсекции и дератизации. 656 стр. Цена 31 р. 90 к.

В. П. Дербенева-Ухова. Мухи и их эпидемиологическое значение. 272 стр. Цена 10 р. 35 к.

С. А. Русанов. Теория и практика работы операционной сестры. 192 стр. Цена 4 р. 90 к.

В. К. Трутнев. Трахеобронхоскопия. 148 стр. Цена 8 р.

СЕЛЬХОЗГИЗ

Б. Г. Зимин. Строительство сельских электростанций. 96 стр. Цена 1 р. 25 к.

Г. В. Кудряшёв. Основы животноводства. 324 стр. Цена 5 р. 80 к.

С. А. Лазарис. Виноградарство в средней полосе РСФСР. 278 стр. Цена 4 р. 75 к.

Н. А. Наумов. Болезни сельскохозяйственных растений. 664 стр. Цена 13 р. 25 к.

Ю. В. Рейслер. Машины и орудия для возделывания овощных культур. 326 стр. Цена 6 р. 85 к.

П. А. Ходорович. Полезащитное лесонасаждение. 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

В. С. Шмелько. Основы хранения семян. 288 стр. Цена 4 р. 90 к.

**АЗЕРНЭШР
(Баку)**

М. Рагим. На апшеронской земле. Стихи. Авторизованный перевод с азербайджанского В. Потаповой. 52 стр. Цена 1 р. 35 к.

**ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО**

Ю. Гончаров. Любимая наша земля. Повесть. 196 стр. Цена 4 р. 80 к.

Н. Данилов. 150 лет Воронежского Госу-

дарственного драматического театра (1802—1952). 48 стр. Цена 75 к.

Песни Советской страны. Четвёртое переработанное и дополненное издание. 328 стр. Цена 7 р. 50 к.

В. Петров. Воронежцы — стройкам коммунизма. 40 стр. Цена 40 к.

**ПЕНЗЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Гавриил Федотов. Приметы времени. Сборник рассказов. 68 стр. Цена 2 р. 25 к.

**«РАДЯНСЬКИЙ ПИСЬМЕННИК»
(Киев)**

Юрий Смолич. Избранное. Перевод с украинского В. Тарсиса. 675 стр. Цена 13 р. 15 к.

Михайло Стельмах. Над Черемшом. Гуцульские мотивы. Авторизованный перевод с украинского И. Дорбы. 336 стр. Цена 5 р.

**РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Борис Изюмский. Призвание. Повесть. Книга 1. 224 стр. Цена 5 р. 70 к.

**СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Нина Попова. Зрелость. Повесть. 224 стр. Цена 4 р. 85 к.

**ХАКАССКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Огни Хакассии. Литературно-художественный альманах № 5. 104 стр. Цена 2 р. 20 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**
Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,**
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-06-96.

Сдано в набор 17/1-53 г. Подписано к печати 11/II-53 г.
А 00232. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 130.000. Заказ № 101.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова.

Цена 7 руб.